

Собрание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

Собрание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой

Список условных сокращений
Б. вед. – газета «Биржевые ведомости»

ВЕ – журнал «Вестник Европы».

Воспоминания – Т. Л. Сухотина-Толстая. Воспоминания. М., 1976.

ГМТ – Рукописный отдел Государственного музея Л. Н. Толстого.

Гусев, З – Н. Н. Гусев. Лев Николаевич Толстой. М., 1970.

Дн. – Дневники Л. Н. Толстого (т. 48–58 Полн. собр. соч.).

Дневник – Т. Л. Сухотина-Толстая. Дневник. М., 1979.

ДСТ, т. 1, 2 – С. А. Толстая. Дневники, т. 1, 2. М., 1978.

ИВ – журнал «Исторический вестник».

ИРЛИ – институт русской литературы АН СССР.

Лесков – Н. С. Лесков. Собр. соч. в 11-ти томах. Л., 1958.

Летопись, т. 1, 2 – Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, т. 1. М., 1958; т. 2. М., 1960.

Летописи – «Летописи литературного музея», кн. 12. М., 1948.

ЛН – «Литературное наследство».

НВ – газета «Новое время».

Переписка, т. 1, 2 – «Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями», т. 1, 2. М., 1978.

Письма Толстого – «Письма Толстого и к Толстому». М.–Л., 1928.

ПС – «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». СПб., 1914.

ПСт. – «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка». Л., 1929.

ПСТ – «Письма С. А. Толстой к Л. Н. Толстому». М.–Л., 1936.

ПТ – «Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой». СПб., 1911.

РА – журнал «Русский архив».

РБ – журнал «Русское богатство».

РВ – журнал «Русский вестник».

Р. вед. – газета «Русские ведомости».

РМ – журнал «Русская мысль».

РО – журнал «Русское обозрение».

С – журнал «Современник».

СВ – журнал «Северный вестник».

ТР, т. 1, 2 – «И. Е. Репин и Л. Н. Толстой». М.–Л., 1949.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.

ТГ – «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», Л., 1930.

япб. – Яснополянская библиотека.

Ясн. сб. – «Яснополянский сборник». Тула, 1978.

1882

1. П. С. Уваровой

1882 г. февраля 10? Москва.

Любезнейшая графиня!

Очень сожалею, что не могу исполнить вашего желания; не могу, потому что я никогда не читал публично и считаю это для себя неприличным, во-вторых, потому что поставил себе за правило не принимать участия в филантропических увеселениях и, в-третьих, потому что несчастье 1-го марта есть, по моему мнению, такое событие, которое еще не пришло время обсуждать*.

Пожалуйста, извините меня, графиня, и примите уверение искреннего уважения и преданности.

Ваш Л. Толстой.

2. С. А. Толстой

1882 г. марта 2. Ясная Поляна.

Илюша расскажет тебе про меня. Я нынче пытался писать, но сделал мало*. Все какая-то усталость, хотя нынче чувствую себя бодрее. Писем от тебя не получал еще и беспокоюсь о тебе. Нынче почти не выходил, – погода нехороша. Делаю пасьянсы, читаю и думаю. Очень бы хотелось написать ту статью, которую я начал, но если бы и не написал в эту неделю, я бы не огорчился*. Во всяком случае мне очень здорово отойти от этого задорного мира городского и уйти в себя, – читать мысли других о религии, слушать болтовню Агафьи Михайловны и думать не о людях, а о боге.

Сейчас Агафья Михайловна повеселила меня рассказами о тебе, о том, каков бы я был, если бы женился на Арсеньевой. «А теперь уехали, бросили ее там с детьми, – делай, как знаешь, а сами сидите, бороду расправляете».

Это было хорошо. Рассказы ее о собаках и котках смешны, но как заговорит о людях, – грустно. Тот побирается, тот в падучей, тот в чахотке, тот скорчен лежит, тот жену бьет, тот детей бросил. И везде страдания и зло, и привычка людей к тому, что это так и должно быть. Если бы я писал утром, я бы написал тебе бодрое письмо, а теперь опять уныл.

Сейчас 12-й час, и я еду провожать Илюшу на Козловку. Прощай, душенька, целую тебя и детей. Парники нынче набиты, присылай семена. Приеду, если чего не случится, в воскресенье*.

3. С. А. Толстой

1882 г. марта 4. Ясная Поляна. Четверг, 9 часов вечера.

У меня и во мне ничего нового. Сплю мало и оттого не могу работать. Нынче лучше тем, что ел лучше, с большим аппетитом. Сажу все один-одинешенек, – читаю и делаю пасьянсы. Погода нехороша. Тает и ветрено, гудит день и ночь. Чтение у меня превосходное. Я хочу собрать все статьи из «Revue», касающиеся философии и религии, и это будет удивительный сборник религиозного и философского движения мысли за 20 лет*. Когда устану от этого чтения, беру «Revue Etrangère» 1834 года и там читаю повести, – тоже очень интересно*. Письма твоего в Туле вчера не получили, – вероятно, не умели спросить. Но зато я получил твое* на Козловке. И очень оно мне было радостно. Не тревожься обо мне и, главное, себя не вини. Остави нам долги наши, якоже и мы...*. Как только другим простил, то и сам прав. А ты по письму простила и ни на кого не сердись. А я давно уже перестал тебя упрекать. Это было только в начале. Отчего я так опустился, я не знаю. Может быть, года, может быть, не здоровье, геморрой; но жаловаться мне не на что. Московская жизнь мне очень много дала, уяснила мне мою деятельность, если еще она предстоит мне; и сблизила нас с тобою больше, чем прежде. Что-то ты напишешь

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. нынче? Ты об себе не пишешь, – как здоровье. Пожалуйста, не сдерживайся в письмах, а валяй, как бог на сердце положит.

Я нынче ходил на шоссе к большому мосту перед обедом; и все злился на Толстую*. В Тулу ездят на колесах, и на Козловку уже едва ли проедешь на санях. В низах вода; но и воды, и снега мало, везде проехать можно.

Что-то дети большие? Не грубят ли? Они именно грубят, а ты огорчаешься. Грубить весело, даже никому, просто сделать, что нельзя. Ангелы*, те не огорчают. Здоровье Миши как?

Я нынче думал о больших детях. Ведь они, верно, думают, что такие родители, как мы, это не совсем хорошо, а надо бы много лучше, и что когда они будут большие, то будут много лучше. Так же, как им кажется, что блинчики с вареньем – это уже самое скромное и не может быть хуже, а не знают, что блинчики с вареньем это все равно, что 200 тысяч выиграть. И потому совершенно не верно рассуждение, что хорошей матери должны бы меньше грубить, чем дурной. Грубить – желанье одинаковое – хорошей и дурной; а хорошей грубить безопаснее, чем дурной, поэтому ей чаще и грубят.

Что Сережа брат, долго ли пробудет? Хотелось бы его увидеть.

Прощай, душенька. Будем живы, скоро увидимся, и будем так же, как и теперь, любить. Опять возвращаюсь с твердым намерением как можно меньше говорить. Да и нельзя. Я не буду лгать, если буду говорить, что болен нервами. Я затягиваюсь этим задором.

Что о приговоренных?* Не выходят у меня из головы и сердца. И мучает, и негодование поднимается, самое мучительное чувство.

4. Н. Н. Страхову
1882 г. Марта 12? Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Виноват, что долго не отвечал вам*, виноват, потому что знаю, что ответ мой о вашей книге* вам интересен и молчание тяжело. Я как получил, так и прочел ее. Статьями о Герцене* я был восхищен, статьей о Милле* удовлетворен, но статьями о коммуне и Ренане* не удовлетворен. Позитивисты говорят, что то, о чем люди думают и всегда думали, – пустяки и не надо о том думать. Они не имеют права этого говорить и выходят из затруднения, отрицая его. Это неправильно. Вы делаете то же, но хуже. Вы отрицаете не то, что думают – а то, что делают люди. Вы говорите – они делают вздор. Задача в том, чтобы понять, что и зачем они это делают.

Этим мне не понравилась ваша книга. Простите не за правду, а за правдивость.

Я устал ужасно и ослабел. Целая зима прошла праздно. То, что, по-моему, нужнее всего людям, то оказывается никому не нужным. Хочется умереть иногда. Для моего дела смерть моя будет полезна. Но если не умираю, еще, видно, нет на то воли отца. И часто, отдаваясь этой воле, не тяготишься жизнью и не боишься смерти. Напишите про себя. Мне всегда радостны ваши письма. Да напишите, что слышно про приговоренных*.

Обнимаю вас.

Л. Толстой.

5. С. А. Венгерову
1882 г. Марта конец. Ясная Поляна.

Семен Афанасьевич!

В апрельскую книжку успеть нельзя*. Публиковать вперед тоже нельзя. Почему-нибудь не удастся – и будет неприятно и вам и мне. А очень хочется и напечатать у вас мою статью*, и поддержать ваш журнал, если это его поддержит, потому что он мне очень понравился своим характером бодрости и прямоты.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Желаю вам больше всего двух вещей: сдержанности, ловкости, искусства говорить правду, но так, чтобы вас не прихлопнули. Есть ли у вас такой мастер? Если есть, то держитесь его.

И второе – главное – не сердиться и не нападать на людей больше, чем того требует их злое влияние на общество. Я еще этого не замечал, но это – ахиллесова пятка всех журналов. А интересы вашего журнала так серьезны, что избави бог спуститься до личного задора.

Денежная сторона вашего дела мне особенно сочувственна*. Покупай мудрость, а не продавай ее (Экклезиаст). Что-то есть особенно отвратительное в продаже умственного труда. Если продается мудрость, то она наверно не мудрость.

Статья моя, насколько она написана, для цензуры будет крута. Как мне ни хочется сказать все, как думаю, предоставляю вам, мастеру цензурного дела, – выкидывать то, что может быть опасностью для журнала.

Если успею, пришлю вам скоро, а вы в корректурах пришлите мне, чтобы успеть поправить и переписать.

6. Н. Н. Страхову
1882 г. Апреля 1? Ясная Поляна.

Я говорю, что отрицать то, что делает жизнь, значит не понимать ее. Вы повторяете, что отрицаете отрицание*. Я повторяю, что отрицать отрицание значит не понимать того, во имя чего происходит отрицание. Каким образом я оказался с вами вместе, не могу понять.

Вы находите безобразие, и я нахожу. Но вы находите его в том, что люди отрицают безобразие, а я в том, что есть безобразие.

И почему мое отрицаемое труднее для объяснения, чем ваше, – тоже не знаю. Вы отрицаете то, что живет, а я отрицаю то, что мешает жить. Трудности же для объяснения того, что я отрицаю, нет никакой. Я отрицаю то, что противно смыслу жизни, открытому нам Христом, и этим занимается все человечество. До сих пор уяснилось безобразие рабства, неравенства людей, и человечество освободилось от него, и теперь уясняется безобразие государственности, войн, судов, собственности, и человечество все работает, чтобы сознать и освободиться от этих обманов. Все это очень просто и ясно для того, кто усвоил себе истины учения Христа; но очень неясно для того, для кого международное, государственное и гражданское право суть святые истины, а учение Христа хорошие слова.

7. И. С. Тургеневу
1882 г. Мая начало. Москва.

Дорогой Иван Сергеич!

Известия о вашей болезни*, о которой мне рассказывал Григорович и про которую потом стали писать, ужасно огорчили меня, когда я поверил, что это серьезная болезнь. Я почувствовал, как я вас люблю. Я почувствовал, что, если вы умрете прежде меня, мне будет очень больно. Последние газетные известия утешительны. Может быть, еще и все это мнительность и вранье докторов и мы с вами опять увидимся в Ясной и в Спаском. Ах, дай бог!

В первую минуту, когда я поверил, надеюсь напрасно, что вы опасно больны, мне даже пришло в голову ехать в Париж, чтобы повидаться с вами. Напишите или велите написать мне определительно и подробно о вашей болезни*. Я буду очень благодарен. Хочется знать верно.

Обнимаю вас, старый милый и очень дорогой мне человек и друг.

Ваш Толстой.

8. С. А. Толстой
1882 г. Мая 24. Москва.

Приехал без приключений в 8-м часу. Все дома. Сережа получил 3 и Илюша выдержал – 3. Жалуется, что он знал лучше, и ему поставили мало. Саша поразил меня своей

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. бледностью и жалким видом*. Дело, однако, идет хорошо.

Склифосовский был и сказал, что может быть неудача, но все шансы в пользу. У Илюши были Боянус, что мне было приятно, и они завтра едут на выставку*. Костенька* такой, какой есть, и я делаю большие усилия, чтобы не досадовать на него. Очень приятно, тихо сидели дома. В 12 разошлись, а я прошел походить по Девичьему полю. Не жарко и тихо так, как в Ясной. Завтра запишу себе все дела и по пунктам буду исполнять.

Таня* не уедет, пока он не будет говорить. Она говорит, что думает до 1 июня, а он говорит, что отошлет ее, как заговорит. Завтра или послезавтра приедет Склифосовский снимать швы, и тогда все определится; я постараюсь увидеть его.

Ты очень жалка была нынче утром, и мне жалко было тебя будить. Отдыхай хорошенько за много ночей и дней духом и телом. И умеряй свою заботливость. Только бы дети не хворали. Прощай, милая, завтра напишу, когда вернусь. Смотря по делам и решению Склифосовского. Лучше бы всего уехать с Кузминскими. Впрочем, я нынче очень устал, что-то и голова не свежа. Завтра все напишу.

Целую 6-х детей.

9. Н. Н. Страхову
1882 г. Октября 11. Москва. 11 октября.

Дорогой Николай Николаевич!

Давно у меня на совести ваше письмо. Я даже не поблагодарил за книги*. Я тотчас же стал читать «Отцов» и очень многое приобрел от этого чтения. Нынешний год я все лето, не переставая, занимался* и только осенью стал ничего не делать и заниматься устройством нового дома*. На днях наши переехали и мы привелись в порядок, и я вот взялся за запущенные письма. Надеюсь прожить нынешнюю зиму спокойнее, чем прошлую. Вы на меня сердитесь за то, что я последний год был неприятен. Мне самому тяжело было переживать то, что я пережил. А что я пережил? Ничего такого, что бы можно было назвать; а все-таки очень определенно пережил что-то не только очень, но самое существенное. Говорю вам определенно затем, чтобы вы были снисходительны ко мне в прошедшем и не имели бы против меня ни малейшего неприятного чувства. Перемениться я несколько не переменялся; но разница моего прошлого состояния и теперешнего такая же, как между строящимся человеком и построившимся. Надеюсь снять леса, вычистить сор вокруг жилья и жить незаметно и покойно.

Читаю Эпиктета, которого вы прислали – как хорошо!

Не приедете ли в Москву зимою. Как бы хорошо было. – Что вы делаете? Неужели тоскуете. И Эпиктет, и Христос не велят. Они велят радоваться. И можно.

Обнимаю вас и прошу не переставать любить меня.

Л. Толстой.

10. В. И. Алексееву
1882 г. Ноября 7-15? Москва.

Милый друг Василий Иванович.

Только что видел вас во сне и хотел писать вам, как получил ваше письмо*. Я скучаю по вас часто, но радуюсь, что вам хорошо. Никогда не думайте, что вам нехорошо. Ваш удел очень, очень счастливый. Разумеется, счастье все в себе; но по внешним условиям – можно жить в самых тяжелых условиях – в самой гуще соблазнов, можно в средних и в самых легких, вы почти в самых легких. Мне бог никогда не давал таких условий. Завидую вам часто. Любовно завидую, но завидую. Жалко мне вашего брата*. По вашему описанию я понял его совсем и понял в особенности хорошо, потому что это тип мне знакомый – один из моих умерших братьев* был немного такой и брат фета*, пропавший в Америке, был точно такой. Очень слабый ум, большая чувственность и святое сердце. И все это свяжется таким узлом, что нельзя распутать – и разрывается жизнь. Сделать тут ничего нельзя, как и вообще ничего нельзя сделать с другим человеком. Можно только самому не погрешить против такого человека. Тучков* в Курской губернии; я просил достать

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. мне его адрес; и или сам напишу ему, или вам пришлю его адрес.

У нас в семье были нездоровья, но теперь все хорошо и более или менее по-старому. Сережа много занимается и верит в университет. Таня полудобрая, полусерьезная, полуумная – не делается хуже – скорее делается лучше. Илюша ленился, растет, и еще душа в нем задавлена органическими процессами. Леля и Маша мне кажутся лучше. Они не захватили моей грубости, которую захватили старшие, и мне кажется, что они развиваются в лучших условиях, и потому чутье и добрее старших. Малыши* – славные мальчишки – здоровые.

Я довольно спокоен, но грустно – часто от торжествующего самоуверенного безумия окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачем мне дано так ясно видеть их безумие, и они совершенно лишены возможности понять свое безумие и свои ошибки; и мы так стоим друг против друга, не понимая друг друга, и удивляясь, и осуждая друг друга. Только их легион, а я один. Им как будто весело, а мне как будто грустно.

Все это время я очень пристально занимался еврейским языком и выучил его почти, читаю уж и понимаю. Учит меня раввин здешний – Минор, очень хороший и умный человек. Я очень многое узнал благодаря этим занятиям. А главное, очень занят. Здоровье мое слабеет, и очень часто хочется умереть; но знаю, что это дурное желание – это второе искушение. Видно, я не пережил еще его.

Поцелуйте от меня Лизу жену, Лизу Маликову, Колю. Я их всех очень люблю; поцелуйте и Бибикова. Я получил его письмо и счета и радуюсь мысли, что скоро увижу его.

Прощайте, мой дорогой, дай вам бог того, что у меня бывает в хорошие минуты – вы это знаете – лучше этого ничего нет.

Ваш друг Л. Толстой.

11. X. Д. Алчевской
1882 г. Декабря 20–25? Москва?

Христина Даниловна!

Получив с некоторым недоверием от неизвестного мне лица ваше письмо*, я тотчас же по прочтении его почувствовал, что имею дело с человеком искренним и серьезным, и почувствовал себя нравственно обязанным вникнуть в то, что от меня требуется, и исполнить это сколько могу. Прочтя отрывок из школьных заметок*, я еще более убедился в этом, а чтение отзывов учениц* привело в сильнейшее волнение; я читал их, плакал от умиления, чего терпеть не могу. Успокоившись теперь, пишу вам. Следует ли печатать отзывы рецензентов и библиотекарей? Не знаю, так как не имею образцовых. Боюсь влияния личных вкусов при суждениях. Если рецензии эти только как бы статистические сведения о том, что больше читается и спрашивается, что лучше, полнее рассказывается, – тогда это очень, очень важные и полезные сведения. Но достоинство таких сведений тем больше, чем сведения эти независимее от всякой предвзятой мысли. Поль-дэ-Коки и «Жития святых», положим, разбираются в библиотеке больше всего и пересказываются лучше всего, как ни странно это может показаться; если, положим, это так, то это драгоценный материал, из которого могут быть сделаны выводы огромной важности. Но только чтобы выводы не смешивались с делом собирания материала. Собрание же этого материала драгоценно, чрезвычайно важно и может быть сделано, именно, в таком учреждении, как ваше, и будет тем полезнее и важнее, чем больше будет выбор предлагаемого и чем больше свободы при этом выборе. Что же касается до отзывов учениц, то это и драгоценнейший материал, и вместе самое важное поучение для всякого педагога и писателя, не ограничивающегося при своем писании одной маленькой кликой близких ему людей. Но не отзыв. Отзыв, то есть суждение о прочитанном, человек неиспорченный, слава богу, не может сделать. Тут происходит совершенно обратное: наша интеллигенция так воспитывается, чтобы уметь не понимать того, что она читает, судить о читаемом так, что выходит похоже на то, что она понимает. Гимназический курс в этом состоит. Человек же с уцелевшим здоровым мозгом прежде всего старается понять глубже то, что он читает, а понять можно всякую вещь мелко и глубоко. Судить же неиспорченный человек и не любит, и не умеет, и потому, по моему мнению, нужны и драгоценны будут во всех отношениях не отзывы, а различные пересказы ученицами читаемого. В них будет и самый верный, и серьезный отзыв. Сколько раз я замечал в своей практике – все хорошее, все правдивое, гармоничное, меткое запоминается и передается; все фальшивое,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. накладное, психологически неверное пропускается или передается в ужасающем безобразии. Кроме того, пересказы эти драгоценны по отношению к русскому языку, которому мы только начинаем немножко выучиваться.

Боюсь, что я вам говорю то, что вы сами лучше меня знаете, и потому извините меня, что я заболтался. Я так люблю это дело, и письмо ваше так расшевелило во мне старые дрожжи.

Итак, я позволяю себе советовать вам напечатать и отзывы учащихся, преимущественно, в форме сведений о том, что больше читается и лучше передается, и отзывы учащихся в форме пересказов прочитанного с наивозможной точностью передачи.

Очень благодарю вас за ваше письмо и желаю успеха вашему прекрасному делу.

Л. Толстой.

12. С. Н. Толстому
1882? г.

Письмо* твое очень тронуло меня тем, что видно, как мы близки и как тебе больно думать, что между нами что-нибудь есть. Я понимаю, что ты это мог думать, но я никогда и не думал так, как и не участвовал в ваших спорах с Соней, и считал, что все как всегда. Соня говорит, что она вчера шла к письменному столу, чтобы писать тебе, очевидно, чувствуя то же, что и ты, и приехавшие гости помешали ей.

Что же ты говоришь о том, что нам лучше не говорить и мы никогда не сойдемся, то это несправедливо, потому что у меня, собственно, нет никаких убеждений до дел, не касающихся моей души. Если я высказываю такие мысли, которые не касаются моей жизни и моей души и убеждения эти кому-нибудь противны и возбуждают злое чувство, то я и вперед, и назад от всех их отказываюсь. А убеждения, касающиеся моей души, никому не могут быть противны, потому что они состоят в том, чтобы всем уступать и всем делать приятное.

И я точно отказываюсь от всего, что не имеет этой цели. Что барин в рассказе моем гладкий и гадкий и умирает – это напрасно*. И от всего подобного я отказываюсь. Спасибо тебе за письмо.

Твой Л. Т.

1883
13. М. С. Громеке
1883 г. Январь. Москва.

Я нашел у себя на столе вашу записку и сверток и тотчас же открыл сверток и стал читать вашу статью*. Я прочел предисловие и перелистывал остальное. Я не могу сказать, что мне нравится или я одобряю то, что я прочел, как не может сказать человек, что ему нравятся те его слова, которые передал переводчик так, что слова прежде непонятные стали понятны. Я испытал только то облегчение, которое испытает этот говоривший среди непонимающих его на чуждом языке, когда нашел переводчика, чтобы восстановить его человеческую связь с другими. Разумеется, переводчик приложил своего, и в переводе выходит уж слишком хорошо. Это еще больше бы тронуло этого человека прежде. Теперь же человек этот, от нужды во время непонимания его, стал делать отчаянные жесты, и кое-как стали уж понимать его жесты.

Вам показалось, что я не рад сойтись с Писаренко*. Напротив – сближение с людьми, разделяющими мои мысли и чувства, – для меня слишком большая радость. От этого вам показалось.

Пожалуйста, приходите ко мне. И статью вашу или прочтите, или дайте. Теперь же отсылаю сверток, так как посланный сказал, что он ошибкой попал ко мне*.

Ваш Л. Толстой.

14. Н. Н. Страхову
1883 г. Сентября 2. Ясная Поляна.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
Дорогой Николай Николаевич!

Благодарю вас за письмо;* мы поджидали его и начинали уже беспокоиться о вас. Очень радуюсь за то, что вам было хорошо у нас*. Жду вашу биографию*. Хоть вы и браните ее, я знаю, что там будет много хорошего. Я все переделываю, поправляю свое писанье* и очень занят. Погода прекрасная, мы все веселы и здоровы. Смерть Тургенева я ожидал, а все-таки очень часто думаю о нем теперь. Простите, что пишу несколько слов. Не забывайте нас за то, что мы все вас любим.

Ваш Л. Толстой.

15. С. А. Толстой
1883 г. Сентября 30. Ясная Поляна. Пятница, вечер.

Сейчас получил с Козловки твои два письма* и телеграмму, – прекрасные два письма. По обоим я вижу, что ты в том хорошем, любимом мною духе, в котором я тебя оставил и в котором ты, с маленькими перерывами, уже давно. Письмо это читай одна. Никогда так, как теперь, не думал о тебе, так много, хорошо и совершенно чисто. Со всех сторон ты мне мила.

О Тургеневе все думаю и ужасно люблю его, жалею и все читаю. Я все с ним живу. Непременно или буду читать, или напишу и дам прочесть о нем*.

Скажи так Юрьеву*, но лучше 15-го.

О корректурах я просил фактора и Лаврова* присылать мне их в Ясенки. Я думаю, что они послали другой экземпляр в Ясенки. Во всяком случае, пошли мне в Ясенки. Мне здесь очень, очень хорошо. На бумаге я ничего не написал, но много хорошо обдумал и жду первого хорошего рабочего дня. Не совсем здоровилось, – желудок не ладен. Нынче я позанялся немного – вижу – нейдет, и поехал с Титом с собаками – затравили лисицу прекрасную и русака.

Совестно мне очень перед тобой, что тебе скверно, суетно, хлопотно, а мне так прекрасно; но утешаюсь тем, что это нужно для моего дела. То, что в Москве, с возбужденными нервами, мне казалось хорошо, здесь совсем переделывается и становится так ясно, что я радуюсь. Насчет житья мне здесь превосходно. Мне недостает, разумеется, и очень, тебя и детей, но тишина и одиночество мне как ванна.

Останусь ли я здесь еще неделю, это я решу по твоим письмам. Только не думай, чтоб мне очень хотелось остаться. И с вами быть хорошо, и здесь хорошо, и ни то, ни другое не перевешивает, так что тронь мизинцем, и перевесится, куда хочешь, и я всем буду доволен. Несмотря на желудочную неладность, я в хорошем духе, и всех люблю, и тебя прежде всех. Сейчас читал тургеневское «Довольно». Прочти, что за прелесть. Целую тебя и детей. M-me Seuron поклон. Жалче всего мне тебя за Костеньку*. Не сиди с ним.

16. С. А. Толстой
1883 г. Ноября 10. Ясная Поляна.

четверг, 10 часов вечера.

Спал дурно. Было холодно и нездоровилось. Но нынче все наладилось. Натопил в кабинете, замазал окна, и тепло, и хорошо, и теперь вечер, чувствую себя прекрасно. Нынче получил письма из Ясенков – интересные от Sandoz* – и еще от одного француза*. Ходил смотрел лошадей. Очень хороши, но я боюсь, что будут неприятности, хлопоты из-за них, и постараюсь их продать. Сено они съедят, а доход от них еще когда будет. Филиппа не было дома. Он возил своего Михаилу в солдаты. Слава богу, не взяли, – он остался льготным. Николай Михайлыч тоже возил, и тоже не взяли. У конюшни встретил мужика с бабой. Мужик приехал к тебе издалека, из-за засеки, лечиться, и ужасно горевал, что тебя нет. Он говорил, что он знает одного мужика, которого все лечили, и никто не вы лечил, а ты вылечила. Мне лестно даже было. Потом ко мне приехала баба, – брюхата на сносе, и 4-о детей маленьких, – старуха свекровь и молодайка, деверняя невестка. Были два мужика, и в одну неделю ее мужа посадили в острог за драку, от которой произошла смерть, а деверя отдали в солдаты. И осталась одна. Написать Давыдову письмо, – нельзя ли хоть выпустить на поруки*. Потом сел заниматься, но сделал очень мало. Митрофан сказал мне, что Сережа будет обедать у Бибикова. Я пошел в

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Телятинки, но Сережа уехал в Москву. Вернулся, пообедал. Агафья Михайловна сидит, и Дмитрий Федорович переписывает. Комната нагрелась. А кроме того, топлю мальчикову с сводами. Если нагреется, то завтра перейду туда. Я забыл дома «Une vie»*. Читайте ее покамест и спрячьте.

Портрет твой карандашом, кажется, плох*, а я как взгляну на него, так ужасно живо вспоминаю, и что-то жалкое есть в нем, и что такое же показалось мне при прощанье с тобой. И это меня очень трогает. Душенька, зачем ты несчастлива. Мне так видно, как ты можешь и должна быть счастлива, и как ты своей révolte* против всего – сама себя мучаешь. Неужели нельзя смириться. Как бы хорошо и тебе и вокруг тебя всем было. Я пишу это и представляю себе, как ты можешь рассердиться за это. Не сердись, голубчик; взглядывая на этот портрет, я знаю, как я тебя люблю и как ты нужна мне.

Целую тебя и детей. M-me Seuron – поклон.

17. Н. Н. Страхову
1883 г. Декабря 5. Москва.

5 декабря.

Дорогой Николай Николаевич!

Я только начинал скучать о том, что давно не имею от вас известий, как получил вашу книгу* и письмо* и книги. Очень благодарен вам за все и за еврейскую Библию, которую я с радостью получил давно и, мне кажется, уже благодарил вас за нее. Сколько я вам должен? Когда увидимся? Не приедете ли в Москву? Книгу вашу прочел. Письмо ваше очень грустно подействовало на меня, разочаровало меня. Но я вас вполне понимаю и, к сожалению, почти верю вам. Мне кажется, вы были жертвою ложного, фальшивого отношения к Достоевскому, не вами, но всеми – преувеличения его значения и преувеличения по шаблону, возведения в пророка и святого, – человека, умершего в самом горячем процессе внутренней борьбы добра и зла. Он трогателен, интересен, но поставить на памятник в поучение потомству нельзя человека, который весь борьба. Из книги вашей я первый раз узнал всю меру его ума. Чрезвычайно умен и настоящий. И я все так же жалею, что не знал его. Книгу Pressensé* тоже почитал, но вся ученость пропадает от загвоздки.

Бывают лошади – красавица: рысак, цена 1000 рублей, и вдруг заминка, и лошади-красавице, и силачу – грош цена. Чем больше живу, тем больше ценю людей без заминки. Вы говорите, что помирились с Тургеневым. А я очень полюбил. И главное, за то, что он был без заминки, и маштачок без заминки свезет, а то рысак, да ни куда на нем не уедешь, если еще не завезет в канаву. И Pressensé и Достоевский – оба с заминкой. И у одного вся ученость, а у другого весь ум и сердце пропали за ничто. Ведь Тургенев переживает Достоевского. И не за художественность, а за то, что без заминки. Обнимаю вас от всей души. Ах, да, со мной случилась беда, задевшая и вас. Я ездил на неделку в деревню в половине октября, и, возвращаясь от вокзала до дому, выронил из саней чемодан. В чемодане были книги и рукописи и корректуры. И книга одна пропала ваша: первый том Гризбаха*. Все объявления ни к чему не привели. Надеюсь еще найти у букинистов. Я знаю, что вы простите мне, но мне и совестно и досадно лишиться книги, которая мне всегда нужна.

Лев Толстой.

18. В. В. Стасову
1883 г. Декабря 7? Москва.

Вы не ошиблись о Верещагине*. Это именно тот художественный историк войны, которого не было – поэтический и правдивый. Очень бы желал, чтобы книга* эта была напечатана. Он мне очень, очень понравился. Это не художник, а лучше, – трезвый, умный и правдивый человек, который много пережил и умеет рассказать хорошо то, и только то, что он видел и чувствовал. А это ужасно редко.

Благодарю вас за Тимофееву* и за Верещагина.

Ваш Л. Толстой.

1884

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
19. А. Н. Пыпину
1884 г. января 10. Москва. 10 января 1884.

Александр Николаевич!

Очень рад случаю вступить с вами в личные сношения. Я давно вас знаю и уважаю. Письма Тургенева с удовольствием вам сообщу*. Боюсь, что многих не найду. Я очень неряшлив. Около масленицы поеду в деревню и что разыщу, то пришлю вам. Секретов, то есть такого, чтобы я скрывал от других, у меня нет никаких. И потому делайте из писем, что хотите.

Теперь же посылаю одно письмо, которое мне здесь передала сестра*. Мне кажется, что оно вам будет интересно. Сестра моя, гр. Марья Николаевна Толстая (Москва, гостиница «Метрополь»), была дружна с Тургеневым; он любил меня по письмам моим, познакомился с ней прежде нашего знакомства и писал ей. Обратитесь к ней. У нее, кроме этого письма, должны быть интересные письма*.

Очень сочувствую вашей работе и очень интересуюсь ей. Я ничего не пишу о Тургеневе, потому что слишком многое и все в одной связи имею сказать о нем. Я и всегда любил его; но после его смерти только оценил его как следует. Уверен, что вы видите значение Тургенева в том же, в чем и я, и потому очень радуюсь вашей работе. Не могу, однако, удержаться не сказать то, что я думаю о нем. Главное в нем – это его правдивость. По-моему, в каждом произведении словесном (включая и художественное) есть три фактора: 1) кто и какой человек говорит? 2) как? – хорошо или дурно он говорит, и 3) говорит ли он то, что думает, и совершенно то, что думает и чувствует. Различные сочетания этих 3-х факторов определяют для меня все произведения мысли человеческой. Тургенев прекрасный человек (не очень глубокий, очень слабый, но добрый, хороший человек), который хорошо говорит всегда то самое, то, что он думает и чувствует. Редко сходятся так благоприятно эти три фактора, и больше нельзя требовать от человека, и потому воздействие Тургенева на нашу литературу было самое хорошее и плодотворное. Он жил, искал и в произведениях, своих высказывал то, что он нашел, – все, что нашел. Он не употреблял свой талант (уменье хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю ее выворотить наружу. Ему нечего было бояться. По-моему, в его жизни и произведениях есть три фазиса: 1) вера в красоту (женскую любовь – искусство). Это выражено во многих и многих его вещах; 2) сомнение в этом и сомнение во всем. И это выражено и трогательно, и прелестно в «Довольно», и 3) не формулированная, как будто нарочно из боязни захватать ее (он сам говорит где-то, что сильно и действительно в нем только бессознательное), не формулированная, двигавшая им и в жизни, и в писаниях, вера в добро – любовь и самоотвержение, выраженная всеми его типами самоотверженных и ярче, и прелестнее всего в «Дон-Кихоте»*, где парадоксальность и особенность формы освобождала его от его стыдливости перед ролью проповедника добра. Много еще хотелось бы сказать про него. Я очень жалел, что мне помешали говорить о нем*.

Нынче первый день, что я не занят корректурами того, что я, печатаю. Я вчера снес последнее в типографию. Не могу себе представить, что сделает цензура. Пропустить нельзя. Не пропустить тоже, мне кажется, в их видах нельзя*. Жму вам дружески руку.

Л. Толстой.

20. С. А. Толстой
1884 г. января 28. Ясная Поляна.

Суббота вечером.

Вчера читал поздно книгу Droz*. Скажи Сереже, что книга очень хорошая. Общий взгляд нехорош, молод, зелен, но много очень умного и хорошего. Нынче читал Шекспира «Кориолана» – прекрасный немецкий перевод, – читается очень легко, но – несомненная чепуха, которая может нравиться только актерам.

Нынче нездоровится и не хочется на мороз. Должно быть, вчера слишком устал. Сейчас сидят гости: Агафья Михайловна, Дмитрий Федорович и Митрофан*, и мешают мне писать, да и писать нечего. В доме тепло, и завтра перейду, если не будет холодно и угарно. Не бойся, я сам под старость невольно так себя берегу, что даже противно. Как вы все живете? Очень уж много вас, и на каждого много

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. соблазнов. Целую тебя и детей.

Л. Т.

21. С. А. Толстой
1884 г. Января 29. Ясная Поляна.

Воскресенье.

Пишу раньше – 7 часов вечера; потому что я перешел в дом; приехал Бибииков и зовет меня ночевать к себе, на что я согласился. Боюсь, не было бы угарно. Я утром прочел «Макбета»* с большим вниманьем – балаганные пьесы, писанные умным и памятливым актером, который начитался умных книг, – усовершенствованный разбойник Чуркин*. Потом пошел ходить с лыжами и ружьем; прошел на Грумант, оттуда по засечной дороге на Тулу, и через засеку на кабачок, и по шоссе домой. Пьяный мужичок подвез меня, целовал меня и Бульку и говорил, что я отец. Самое доброе, совершенное и милое существо в мире – это пьяный – на первом взводе – мужик. Дорогой прекрасно думал. Ты не можешь себе представить моего приятного чувства свободы по окончании моей работы*. Я перестал чувствовать une machine à écrire*. Я тоже все думаю и беспокоюсь о больших детях. Нынче получил твое короткое письмо*. Завтра утром вернусь в Ясную.

Л. Т.

22. С. А. Толстой
1884 г. Января 30. Ясная Поляна.

У Бибиикова застал Борисевича. Ему 89 лет, и он силен, свеж, поворотлив, как молодой человек. Он без умолку говорил и много рассказал интересного. В 12-м часу за мной приехал Филипп, и я поехал домой. Читал «Калики перехожие»*, стихи. Меня навела на это чтение моя затея народной пьесы*. Обдумываю ее с большим удовольствием. И, как всегда, все разрастается и главное углубляется и делается очень (для меня) серьезно. Я пробыл дома все время от 12 до 10, за исключением прогулки двухчасовой, и угореть не угорел, но все еще побаиваюсь угару, и сейчас отворил трубу и поеду сам на Козловку. Ты теперь, верно, собираешься на бал. Очень жалею и тебя, и Таню.

Нынче Влас* говорит: пришел мальчик, побирается. Я сказал: позови сюда. Вошел мальчик немного повыше Андрюши с сумкой через плечо. – Откуда? – Из-за засеки. – Кто же тебя посылает? – Никто, я один. – Отец что делает? – Он нас бросил. Мамушка померла, он ушел и не приходил. – И мальчик заплакал. У него осталось еще трое, меньше его. Детей взяла помещица. «Она, – говорит, – кормит нищих». Я предложил мальчику чай. Он выпил, стакан опрокинул, положил огрызок сахара наверх и поблагодарил. Больше не хотел пить. Я хотел его еще покормить, но Влас сказал, что его в конторе посадили поесть. Но он заплакал и не стал больше есть. – Голос у него сиплый, и пахнет от него мужиком. – Все, что он рассказывал про отца, дядей и тех, с кем он имел дело, все это рассказы о бедных, пьяных и жестоких людях. Только барыня добрая. Мальчиков, женщин, стариков, старух таких много, и я их вижу здесь и люблю их видеть. Агафья Михайловна очень благодарна m-me Sciron, которой передай поклон. Марья Афанасьевна была*. Она как будто добрее к нам, и всем кланяется, особенно Маше. Надеюсь, что ее горло прошло. С Власом беседую про книжки. Надо будет завести библиотеку для мужиков.

23. С. А. Толстой
1884 г. Января 31. Ясная Поляна. Вторник, 11 вечера.

Боюсь, что вчерашнее письмо было неприятно*. Я, должно быть, начинал угорать, когда писал. Нынче чувствую себя совсем хорошо и угару нет. Также не пеняй, пожалуйста, что не послал телеграмму, – не стоит. Лошадь отдай за 250. Обо мне не тужи, – я могу привести другую. Вчера я объелся. Николай Михайлович наготовил много, а я не воздержусь. Нынче читал Montaign'a* с большим удовольствием и пользой и ходил на лыжах. Очень устал, но чувствую себя прекрасно. Вечер весь шил башмаки Агафье Михайловне. Митрофан меня учит и помогает. Был Дмитрий Федорович и Агафья Михайловна и читали вслух «Жития святых». Не берусь за работу, потому что не хочется взяться и бросить. Она укладывается в голове.

Известие твое от Маракуева о мнении архимандрита мне очень приятно*. Если оно справедливо. Ничье одобрение мне не дорого бы было, как духовных. Но боюсь, что

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. оно невозможно. Целую тебя и детей. Напиши мне подлинней, если у вас все благополучно. Выбери времячко. Я привык чувствовать твой душевный пульс, и, не чувствуя его, мне чего-то недостает.

24. Н. Н. Ге (отцу)
1884 г. Марта 6. Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Очень порадовали меня своим письмом*. Мы живем по-старому, с тою только разницею, что у меня нет такой пристальной работы, какая была при вас*, и от этого я спокойнее переношу ту нелепую жизнь, которая идет вокруг меня. Я занят другим делом, о котором скажу после, – таким, которое не требует такого напряжения*. Книгу мою, вместо того, чтобы сжечь, как следовало по их законам, увезли в Петербург и здесь разобрали экземпляры по начальству*. Я очень рад этому. А вась кто-нибудь и поймет. О портрете вашем слышал только от одного приезжего из Петербурга, что он стоит в особой комнате с портретом Майкова Крамского и что двери в эту комнату закрыты и многие не заходят туда*. Суждений никаких еще не слышал.

Нарисованное вами мне понятно*. Правда, что, фигурно говоря, мы переживаем не период проповеди Христа, не период воскресения, а период распинания. Ни за что не поверю, что он воскрес в теле, но никогда не потеряю веры, что он воскреснет в своем учении. Смерть есть рождение, и мы дожили до смерти учения, стало быть, вот-вот рождение – при дверях. Душевный привет Анне Петровне* от меня и всех наших. Редко приходится писать эти слова так правдиво. Поцелуйте от меня вашу внучку.

Ваш Л. Толстой.

Экземпляр пришлю вам, как только освободится*. Напишите, как переслать.

25. В. Г. Черткову
1884 г. Марта 27. Москва.

...Про себя напишу: хотелось бы сказать, что я бодр и счастлив, и не могу. Не несчастлив я – далек от этого и не ослабел – еще более далек от этого. Но мне тяжело. У меня нет работы, которая поглощала бы меня всего, заставляя работать до одурения и с сознанием того, что это мое дело, и потому я чуток к жизни, окружающей меня, и к своей жизни, и жизнь эта отвратительна.

Вчера ночью я пошел гулять. Возвращаясь, вижу, на Девичьем поле что-то барахтается, и слышу, городской кричит: «Дядя Касим, веди же». Я спросил – что? – Забрали девок из Проточного переулкa: трех провели, а одна пьяная отстала. Я подождал. Дворник с ней поравнялся с фонарем: девочка по сложенью как моя 13-летняя Маша, в одном платье грязном и разорванном – голос хриплый, пьяный; она не шла и закуривала папироску. «Я тебя, собачья дочь, в шею», – кричал городской. Я взглянул в лицо, курносое, серое, старое, дикое лицо. Я спросил: сколько ей лет, она сказала: 16-й. И ее увели. (Да я спросил, есть ли отец и мать; она сказала, мать есть.) Ее увели, а я не привел ее к себе в дом, не посадил за свой стол, не взял ее совсем – а я полюбил ее. Ее увели в полицию сидеть до утра в сибирке, а потом к врачу свидетельствовать. Я пошел на чистую покойную постель спать и читать книжки (и заедать воду смоквой). Что же это такое? Утром я решил, что пойду к ней. Я пришел в полицию, ее уже увели. Полицейский с недоверием отвечал на мои вопросы и объяснил, как они поступают с такими. Это их обычное дело. Когда я сказал, что меня поразила ее молодость, он сказал: «Много и моложе есть».

В это же утро нынче пришел тот, кто мне переписывает, один поручик Иванов. Он потерянный и – прекрасный человек. Он ночует в ночлежном доме. Он пришел ко мне взволнованный. «У нас случилось ужасное: в нашем номере жила прачка. Ей 22 года. Она не могла работать – платить за ночлег было нечем. Хозяйка выгнала ее. Она была больна и не ела досыта давно. Она не уходила. Позвали городского. Он вывел ее. «Куда же, – она говорит, – мне идти?» Он говорит: «Околевай где хочешь, а без денег жить нельзя». И посадил ее на паперть церкви. Вечером ей идти некуда, она пошла назад к хозяйке, но не дошла до квартиры, упала в воротах и умерла». Из частного дома я пошел туда. В подвале гроб, в гробу почти раздетая женщина с заостренней, согнутой в коленке ногой. Свечи восковые горят. Дьякон читает

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. что-то вроде панихиды. Я пришел любопытствовать. Мне стыдно писать это, стыдно жить. Дома блюдо осетрины, пятое, найдено не свежим. Разговор мой перед людьми мне близкими об этом встречается недоумением – зачем говорить, если нельзя поправить. Вот когда я молюсь: «Боже мой, научи меня, как мне быть, как мне жить, чтобы жизнь моя не была мне гнусной». Я жду, что он научит меня...*

26. А. А. Толстой
1884 г. Апреля 17. Москва.

Милый друг Александра Андревна, давно собирался написать вам, чтобы разорвать эту фантастическую преграду, выросшую (или, может быть, построенную нами самими). Дело в том, что преграда эта фантастическая, и мы такие же, как всегда, и потому отношения наши такие же, как всегда. Я так это и чувствую, начав писать вам, – так мне это просто, и легко и приятно. Так я несколько раз хотел писать, но не было толчка. А теперь явился этот толчок. Толчок этот, я хотел сказать, просьба, но это не просьба, а дело, мое столько же или еще меньше, чем ваше. Я здесь столкнулся с старухой Армфельд, был у нее, расспрашивал про ее дочь, смотрел на ее горе, и она рассказала мне, что она просилась жить подле своей дочери на Каре*, но ей отказали (она подавала прошение государю), и что она хочет просить об этом государыню. Я одобрил этот план; мне кажется, что, если бы затронуть императрицу, мог бы быть успех. И вот она прислала мне черновую просьбу. Когда я увидел всю эту ложь, все эти священные особы и т. п., мне стало грустно, и я почувствовал, что не могу тут участвовать, но потом стало стыдно, и потом мне посоветовали обратиться к Евгении Максимилиановне*. Эта мысль меня обрадовала. Впечатление, оставшееся у меня об Евгении Максимилиановне, такое хорошее, милое, простое и человеческое, и все, что я слышал и слышу о ней, все так подтверждает это впечатление, что мы решили просить ее, чтобы она передала императрице. А чтобы просить ее, надо просить вас. Так вот мое дело: если бы (что бы было величайшее счастье) можно бы было просить Евгению Максимилиановну, чтобы она просила императрицу так просто, без прошения, то просьба матери следующая: если возможно, перевести ее дочь в какую-нибудь более близкую каторжную тюрьму, если же этого нельзя, то позволить матери приехать туда и жить около тюрьмы. Если же это нельзя без прошения, то напишите мне, как и что делать.

Надеюсь, что вы испытаете не неприятное чувство при получении этого письма и что вам не неприятно будет помочь матери очень жалкой, и не неприятно будет возобновление общения со мной. Только, пожалуйста, не обращайтесь в христианскую веру. Я думаю, у вас много друзей необращенных или оглашенных, причислите меня к ним по-старому. Целую вашу руку.

Л. Толстой.

27. В. Г. Черткову
1884 г. Апреля 18. Москва.

Сейчас получил ваше письмо*. Ужасно жалко мне вас и страшно за вас. Не живите в тех условиях, которые так влияют на вас. Но радуюсь за вашу правдивость и учусь ей. Я хуже делаю и не говорю.

Каждый день радуюсь мысли, что скоро увижу вас. Не увидите ли Александру Андреевну Толстую? Что она вам скажет о письме, которое я писал ей?*

Очень люблю вас.

Толстой.

28. А. А. Толстой
1884 г. Апреля 22–23? Ясная Поляна.

Милый друг!

Письмо ваше* совершенно излечило мою царапину раздражения. Но еще хочется сделать одно замечание и не для себя, а для вас, чтобы дать вам правильный ключ ко мне, чтоб вам было легче думать обо мне без горечи; а я вижу, что это стоит вам ужасного труда.

Вы говорите, что я учительствую*. Милый друг, это ужасная неправда. Я считаю,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. что нет человека убежденного, верующего, менее склонного к учительству и менее учительствующего, чем я. Пожалуйста, вникните в то, что я скажу, и не горячитесь, а проверьте. Я верю (вера моя дурная – это все равно). У меня есть семья, дети, друзья, к несчастью есть еще публика русская, которая интересуется моими взглядами на жизнь. Скажите, пожалуйста, что мне делать? Не высказывать своих взглядов, пока они не установились, пока я не знаю твердо, что я так верю и умру в своей вере и за свою веру? Я точно так и делал. Теперь же, когда я верю всеми силами души в то, что я считаю истиной, что мне делать, когда у меня спрашивают, во что я верю? Скрывать свою веру? Скрывать потому, что моя вера несогласна с царствующей верой, потому что мне неприятно, тяжело и опасно высказывать ее? Ясно, что я обязан сказать, во что я верю, чтобы не было ни каких *qui pro quo** и чтобы не могли люди употреблять мой авторитет (который вы признаете) на то, чтобы поддерживать то, во что я верю. Я это самое и сделал. Теперь вы говорите, что я учительствую. Это несправедливо. Весь смысл моих писаний тот, что я высказываю свою, свою личную веру и не только не говорю, что помимо моей веры нет спасения, но признаю, что всякая вера хороша, если она искренна, и непременно соединяет нас в делах любви. Я говорю только то, чему я верю и чему не верю и почему не верю. Я часто удивляюсь раздражению, которое вызывает мое исповедание веры. Почему протестантизм, унитарьянство, магометанство не вызывают такого раздражения?

Я бы очень рад был, если бы вы были бы одной веры со мной; но если вы другой веры, то я очень понимаю, как сделалось то, что вы другой веры, и ваше различие со мной не может раздражать меня. Раздражение же против меня особенно жестоко. Вы вникните немножко в мою жизнь. Все прежние радости моей жизни, я всех их лишился. Всякие утехи жизни – богатства, почестей, славы, всего этого у меня нет. Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни – либералы и эстетики считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие – революционеры, радикалы считают меня мистиком, болтуном; правительственные люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня дьяволом. Признаюсь, что это тяжело мне, не потому, что обидно, а тяжело то, что нарушается то, что составляет главную цель и счастье моей жизни – любовное общение с людьми: оно труднее, когда всякий налетает на тебя с злобой и упреком. И потому, пожалуйста, смотрите на меня, как на доброго магометанина, тогда все будет прекрасно.

Мальцов, флигель-адъютант, расположен помочь делу Армфельд*. Не нужен ли он вам. Обнимаю вас.

Л. Толстой.

29. А. А. Толстой
1884 г. Мая 7. Москва.

С каким хорошим, приятным чувством я прочел ваше письмо, и вдруг под конец опять мне стало больно*. Удивительная вещь! несмотря на все ваше желанье быть доброй и особенно ко мне, против вашей воли прорывается непрестанная ненависть.

Я не говорю о том, что все письмо мое имеет целью объяснить, почему мне неизбежно должно было выразить свое исповедание; вы мне говорите, что почему-то лучше делать, а не говорить. Но я не говорю об этом. При этом я говорю, что личных побудительных причин печатать у меня не может быть, что мое писанье не только отталкивает от меня и вызывает презрение всякого рода людей, но и охлаждает, отвращает от меня семью и друзей, и я с болью сердца говорю это вам. И что ж, вам это забавно, вы иронически называете меня страстотерпцем*. Нет, это истинно жалко таить в себе источник ненависти к людям, и даже не в силах быть удержать выражение его. Истинно жалею вас. Ужасно жить и умереть, нося в себе эту причину ненависти к людям. И от всей души желаю вам освободиться от нее.

Ваш Л. Толстой.

30. А. А. Толстой
1884 г. Мая 16? Ясная Поляна.

Разумеется, я преувеличил с тем, чтобы отомстить вам, и прошу у вас за то прощенья*. Надеюсь, что теперь я уже никогда кроме приятного и доброго не буду вам говорить и о вас думать. Желал бы очень того же с вашей стороны.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.
Мы переехали в деревню. Как хорошо одиночество после городского шума!

Очень грустно будет, если Армфельд не позволят жить с дочерью. Она уже начала надеяться. Хочется сказать и скажу: в каком же мире мы живем, если об том, чтобы мать могла жить с несчастной дочерью – несчастной, потому что ее держат на каторге люди же нашего мира, – если об этом нужно просить, умолять, хитрить и хлопотать?

Если есть еще миссионеры, есть люди, любящие своих братьев (не тех, которые на каторге, а тех, которые держат их там), то вот кого надо обращать с утра и до вечера: государя, министров, комендантов и др. Обращайте их, вы живете среди них, внушайте им, что если от их воли зависит облегчить участь несчастных и они не делают этого, то они нехристи и очень несчастны.

Прощайте, милый друг, так не будем обижать друг друга и будем друзьями.

Л. Толстой.

31. В. Г. Черткову
1884 г. Июня 6. Ясная Поляна.

Получил вчера ваше длинное письмо*, милый друг Владимир Григорьевич. Повторяю вам то, что и писал и говорил – то, что мне очень радостно – нужны ваши письма. Не то, чтобы, оставаясь один, как я остаюсь очень часто, я отчаивался, или чтобы находила хотя тень сомнения в истине, но бывает тяжело – быть одному. И голос живого человека радуется и освежает.

Ваши опыты хозяйства интересны тем, что они показывают, какое страшно трудное и сложное дело предстояло бы вам разрешать, если бы вы остались независимым хозяином. Разрешить это дело невозможно никак иначе, как отказавшись от всего. Мне хотелось бы, чтобы вы не думали, что можно быть добрым владельцем большого имения. Нельзя быть христианином, имея собственность. Нельзя светить светом Христа, когда сам весь заражен ложью жизни. Мы счастливы тем, что мы можем искренно избегать собственности, не терпя тех искушений, которым подвержены бедные; но как только мы начнем что-нибудь делать, пользуясь собственностью, как только мы начнем соблюдать ее, так мы изменяем себе. Все, что мы можем делать, это – отдавать то, что другие считают нашим, и готовить себя к тому, чтобы быть в силах довольствоваться наименьшим. Те, которые употребляли морфин, лечатся тем, что медленным процессом деморфинизируются. Мы так заражены, испорчены привычкой пожирать труды других людей (то, что мы называем собственностью), что наше главное дело – излечиться от дармоедства, от привычки роскоши и искусственных потребностей. И это можно делать всегда и везде. Я этим очень занят теперь. (Продолжаете вы не курить?) Статью свою о переписи я все продолжаю обдумывать, но еще не написал*. Там я бы хотел это ясно выразить.

Сочинение свое я отдам переписывать и тогда пришлю. Оно будет стоить, вероятно, рублей 25 или 30*. Впрочем, не знаю. У меня лежат два писанные хорошим почерком и литографированные экземпляры «Веры». Не думайте, что вам нужно их взять. Два уж я должен послать, и остальные мне могут понадобиться.

Насчет выпусков в английском переводе* я вам тогда в Москве сказал самую мою искреннюю мысль, что я вам вполне доверяю и что мне даже особенно радостно будет видеть, что именно тут лишнее. Потом же я написал вам, вероятно, под влиянием соблазна тщеславия – желания видеть по-английски вполне, что лучше бы не выпускать. Даже и теперь я боюсь, что меня руководит тщеславие, и поэтому лучше всего со мной про это не говорите, а делайте как хотите.

Вчера вместе с вашим письмом получил письмо, которое вам посылаю*. Вот те радости, которые я имею за те тяжелые минуты глупого уныния, которые иногда переживаю.

Ужасно глупое уныние: унываю о том, что посеянные семена, и не мои, а божьи, спрятаны в земле и прорастают в ней, а не вылезают наружу, как мне, по глупости моей, хочется, чтобы я мог видеть, что семена целы.

Письмо очень хорошее, простое, ясное. Одно, что я по письму не могу вполне понять человека (по личному общению я могу всегда решить главный вопрос искренности). Если вам можно, повидайте его. Я сейчас попытаюсь написать ему.

Напишите же мне, в чем вы несогласны со мной. По отношению к вам у меня странное чувство: ваше несогласие вперед нисколько не огорчает меня (огорчает по тому, что я или был неправ или неясен), но только интересно. Должно быть, от того, что я вас истинно люблю. Л. Т.

Адрес мой: Тула (и больше ничего).

32. В. Г. Черткову
1884 г. Июня 24. Ясная Поляна. 24 июня.

Получил ваше хорошее письмо из Лондона*, милый друг, Владимир Григорьевич, и порадовался на то, что вы мне пишете о вашем взгляде на собственность. Складывается у вас это по-своему, но понимание дела настоящее – единственно возможное для всякого человека, а для христианина неизбежное. Что вы делаете в Лондоне? Как живете? Кого видите? Что работаете? «Нетрудящийся да не ясть»*. Прелестное изречение Павла. Я на своих детях вижу ужас этой привычки жить на всем готовом на счет других. И на себе видел и вижу. Ваш разговор с Петром о цепочке мне не понравился*. Содержание его очень важно. Вы, верно, очень пристрастны к нему. Вы были совершенно правы. И зачем же не обличать друг друга? Надо обличать. Всякому радостно обличение, хотя и бывает горько его принимать, – как хинин, тем более от любящего человека. Я, например, страшно нуждаюсь в этом – в обличении. И редко имею это счастье. Большею частью меня обличают, и с желчью, в том, что я не служу дьяволу. Этого рода обличения только вредят, ибо производят сознание своей относительной справедливости и раздражение. Людей же одной со мной веры около меня нет, а когда они со мной, то они слишком снисходительны ко мне от радости единения, так же, как и я.

У нас в семье все плотское благополучно. Жена родила девочку*. Но радость эта отравлена для меня тем, что жена, противно выраженному мною ясно мнению, что нанимать кормилицу от своего ребенка к чужому есть самый не человеческий, неразумный и нехристианский поступок, все-таки без всякой причины взяла кормилицу от живого ребенка. Все это делается как-то не понимая, как во сне. Я борюсь с собой, но тяжело, жалко жену.

Живу я нынешний год в деревне как-то невольно поновому: встаю и ложусь рано, не пишу, но много работаю, то сапоги, то покос. Прошлую неделю всю проработал на покосе. И с радостью вижу (или мне кажется так), что в семье что-то такое происходит, они меня не осуждают и им как будто совестно. Бедные мы, до чего мы заблудились. У нас теперь много народа – мои дети и Кузминских, и часто я без ужаса не могу видеть эту безнравственную праздность и обжирание. Их так много, они все такие большие, сильные. И я вижу и знаю весь труд сельский, который идет вокруг нас. А они едят, пачкают платье, белье и комнаты. Другие для них все делают, а они ни для кого, даже для себя – ничего. И это всем кажется самым натуральным, и мне так казалось; и я принимал участие в заведении этого порядка вещей. Я ясно вижу это и ни минуту не могу забыть. Я чувствую, что я для них *trouble fête**, но они, мне так кажется, начинают чувствовать, что что-то не так. Бывают разговоры – хорошие. Недавно случилось: меньшая дочь заболела*, я пришел к ней, и мы начали говорить с девочками, кто что делал целый день. Всем стало совестно рассказывать, рассказали и рассказали, что сделали дурное. Потом мы повторили это на другой день вечером, и еще раз. И мне бы ужасно хотелось втянуть их в это – каждый вечер собираться и рассказывать свой день и свои грехи! Мне кажется, что это было бы прекрасно, разумеется, если бы это делалось совершенно свободно. Пишу вам и постоянно думаю о вашей матери. Мне почему-то кажется, что она относится ко мне враждебно. Если можете, напишите мне про это. От меня же передайте ей мою любовь. Потому что я не могу не любить вашу мать. И мне бы больно было знать, что я ей неприятен. Прощайте.

Л. Т.

33. В. Г. Черткову
1884 г. Июля 11. Ясная Поляна.

Давно не писал вам и давно не получал от вас писем. В вашем последнем письме вы опять говорите о собственности*. Я боюсь, что вы защищаете себя. Я думаю так: собственность с правом защищать ее и с обязанностью государства обеспечивать и признавать ее есть не только не христианская, но антихристианская выдумка. Для христианина важно одно: не жить так, чтобы ему служили, а так, чтобы самому

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. служить другим. И эти слова, если признавать их в их простом и ясном смысле, надо относить к самым простым и очевидным вещам, т. е. чтобы не мне служили за столом, а я служил бы другим, не мне закладывали лошадь, а я бы закладывал ее другим, не мне бы шили платье и сапоги, не мне бы варили суп, кофе, кололи дрова, выносили горшки, а я бы делал это для других. Из того, что всего нельзя самому делать и есть разделение труда, никак не вытекает то, что я ничего не должен делать, как только умственную духовную работу, которая выражается моей физической праздностью, то есть работою одним языком или пером. Такого разделения труда, при котором одни люди должны нести непосильную, безостановочную работу, часто старики, дети и подряд без выбора и глупые, и гениальные люди, а другие тоже без выбора, а подряд глупые с умными занимаются игрой на фортепьяно или чтением лекций, или книг, или проповедей, такого разделения труда не может быть и никогда не было, а есть рабство, угнетение одних другими, то есть самое антихристианское дело. И потому для христианина самое умственное и духовное дело состоит в том, чтобы не содействовать этому, лишая себя возможности эксплуатировать труд других и самому сознательно становиться в положение тех, которые служат другим. Я так думаю. И потому считаю, что деньги мешают этому, и потому единственное отношение к ним христианина это то, чтобы избавиться от них. Hamilton* ужасно интересует меня, напишите, пожалуйста, о нем еще.

34. В. Г. Черткову
1884 г. Сентября 5–7. Ясная Поляна.

Сейчас получил ваше письмо, оба письма*, дорогой Владимир Григорьевич, и не столько отвечаю, сколько спрашиваю. Вы хорошо делаете, что пишете мне про себя; но зачем не все? Прежде всего, знайте, что мне важно, очень важно знать ваше состояние, вашу душевную болезнь, важно и потому, что я вас люблю, очень дорожу вами и очень боюсь за вас, и еще потому, что я тем же самым и страдал и страдаю и с тем же самым почти безнадежно борюсь. Отчего вы не женитесь? Скажите мне просто, прямо. Нельзя вам жить противно закону природы – бога. Это испытывать бога. Этого нельзя. Одно упустишь, все погубишь. Как бы я желал вас видеть! Я бы все сказал вам и от вас узнал. И мы вместе искали бы и нашли бы. Я, должно быть, приеду к вам. Но вам необходимо, если вы не женитесь, – скучная жизнь и работа физическая – не напущенная на себя, как баловство, а работа, сделавшаяся необходимостью. Знаю, знаю по себе всю трудность этого; но тут дело-то слишком важное – вся жизнь, все, чем дорога вся жизнь. Может быть, нельзя побороть, но бороться надо всеми теми силами (разумными и любовным общением), которые даны нам. Еще – в ваших письмах мало простой любви ко мне, как к человеку, который любит вас. Если это так в душе, то делать нечего, а если есть какая перегородка, сломайте ее, голубчик. Нам будет лучше обоим.

На ваши два вопроса о собственности отвечаю: если вопрос о собственности решен во мне, то то, что я возьму или не возьму деньги, не может ничего изменить; чтобы сделать приятное, чтоб не огорчить, я возьму. Но взяв, я сейчас забуду про них.

Второй же вопрос неверно поставлен. Нужды, которая призывает моей помощи, нет конца. Я не то что свои все именья отдам, но все доходы России, и будет мало, и по тому я, не имея собственности, освобождаюсь от этого труда наполнять бездонную бочку. Помогать деньгами нельзя. Деньги – это насильно отнятое от других в виде исполнительного листа на бедных. Разве можно в помощь другому дать ему исполнительный лист, по которому продадут у бедняка последнюю корову. Все, что можно сделать, – это разорвать исполнительный лист, а потом помогать своим трудом. А когда сделаешь это, то увидишь, как сам еще плох. Я, встающий в 10 часов, пьющий кофе и чай, спящий на чистых простынях, слабый, бессильный, испорченный всеми похотливыми привычками, не могущий жить иначе, как паразит на чужой шее, я вдруг хочу помогать – кому же? Мужу, который заснет в грязи на улице под шапкой, не будет спать 5 ночей и сработает в день то, чего я не сделаю в 10, который при этом добр, кроток и весел. Как мне помогать ему? Ведь это смешно. Можно делать себе эту иллюзию, отдавая ему исполнительные листы на других; но это не помощь, а развращение его. Вот об этом я хотел бы тоже написать в статье, которую я начал и, вероятно, не кончу*. Прощайте, мой милый друг. Пишите мне чаще. И все.

С тем, что вы пишете о том, что вы выпускаете и почему, я совершенно согласен и, если бог велит, воспользуюсь.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

Вы меня спрашиваете о собственности, я пишу вам все, что я думаю. Другому я не написал бы – не оттого, что я скрывал бы – но оттого, что он не понял бы меня и вообразил бы, что отдавать деньги другому хуже, чем оставлять их у себя и для себя. Разумеется, лучше отдавать (хотя и тут, если примешивается тщеславие, едва ли лучше), но хорошего в отдавании денег другому ничего не может быть. Это вроде игры в фоханы*.

Л. Толстой.

35. С. Л. и И. Л. Толстым
1884 г. Сентябрь. Ясная Поляна.

Здравствуй, Сережа. Как вы живете. Я не столько беспокоюсь о вас, в смысле, что с вами случится что-нибудь, сколько боюсь, что вы сделаете что-нибудь неладное. И чем старше, тем больше. Ты на это не обижайся. Когда у тебя будут дети, ты это самое будешь испытывать.

Очень жалко, что Марковников тебя обидел*. Мне казалось, что ты дружелюбно бил посуду, и вдруг оказывается, что этого генерал* не одобряет. Что Олсуфьевы? Кланяться им от меня. Я рад, что ты у них часто бываешь. Нехорошо, что ты оробел насчет яблок. У тебя этот предмет в неясности. Только тот, кто не ест яблок и то, что за них дают, может скучать продажей их*. Мы живем очень хорошо – дружно. Завтра едем верхом с Таней и Машей и Miss Lake в плетушке в Пирогово. Погода не то что хорошая, но что-то необыкновенное по красоте. Я рублю дрова, читаю, но ничего не делаю и тягочусь этой умственной праздностью. Мама нездорова, но в хорошем духе. Не могу без ужаса себе представить Москву и о вас думать без сожаления, и чем младше, тем больше. Тетя Таня, как и прошлого года, в восторге от вашего посещения на железной дороге*. Она точно вас всех и тебя очень любит.

Илья Львович, здравствуйте, собака препротивная, но так как твое счастье жизни сосредоточено в ней, то ее оставят. Свойства ее таковы: вальдшнепов она не чует, а выстрел чует и как только услышит, то бежит домой стремглав. Это сообщил мне Давыдов, ходивший с ней. Сапоги, мама говорит, надо починить, а новые к весне. Как ты поживаешь? О твоём времяпрепровождении помимо гимназии я не имею никакого представления. А желал бы иметь. У тебя ведь неожиданные и необитаемые толстые с театрами и Головины с музыкой появляются. Вчера я поехал на почту и вижу, бегут девчонки на гору у деревни. – Куда вы? – Пожар. Я выехал на гору – горит у Бибикова. Я поехал – горит рига, амбар, хлеб и 150 ящиков с яблоками. Подожгли. Зрелище было, странно сказать, более комическое, чем жалкое. Мужики ломают, хлопчут, но, очевидно, видят это с удовольствием. Начальство, в том числе Федоров урядник, старшина с брюхом, командуют, какие-то необитаемые помещики, в том числе Хомяков, сочувствуют. Два попа сочувствуют. Алешка дьячок и его брат с необыкновенными кудрями, только что вернувшийся из хора Славянского* – сочувствуют. А яблоки пекутся, и мужики, очевидно, одобряют. Напиши же мне так, чтобы я понял немножко твое душевное состояние. (Я уверен, что ты бы подружился с Алешкиным братом от Славянского. Очень волосы хороши – как копна. Папилютки действуют.)

36. С. А. Толстой
1884 г. Октября 28. Ясная Поляна.

Вчерашнее письмо твое очень меня огорчило, – очень*. Если бы не затеянная перемена управления, я бы сейчас приехал, что я и сделаю теперь очень скоро*. Мне очень грустно все эти дни. Не знаю, – участвует ли тут физическое и какой-то переворот, совершающийся во мне, или мое одиночество, но твое состояние – представляется мне главным. Что скажет завтрашнее письмо?

Нынче я вспомнил, что мне 56 лет, и я слышал и замечал, что семилетний период – перемена в человеке. Главный переворот во мне был: $7 \times 7 = 49$, именно, когда я стал на тот путь, на котором теперь стою. Семь лет эти были страшно полны внутренней жизнью, уяснением, задором и ломкой. Теперь, мне кажется, это прошло, это вошло в плоть и кровь, и я ищу деятельности на этом пути. И или я умру, или буду очень несчастлив, или найду деятельность, которая поглотит меня всего на моем пути. Разумеется, писательская, – самая мне родственная и тянущая к себе. Ах, только бы ты не была несчастлива, – какую ты мне представляешься в последнем письме.

Я нынче обошел все хозяйство, – все узнал и завтра возьму ключи. Дела особенного нет, но нет человека, которому бы поручить, когда уедешь. Особенно дом и все

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. принадлежащее к нашей жизни. Если я теперь уеду, то поручу Филиппу на время. Он все-таки не запьет, не потеряет денег, не даст растащить.

Птицу надо уничтожить. Она кормом стоит рублей 80. И, разумеется, предлог досады. Впрочем, не хочется писать, – едва ли получу твой ответ. Очень уж я тоскую. Все решит нынешнее – завтрашнее письмо. Ты не думай, что я своим состоянием душевным недоволен. Я собой недоволен и об тебе беспокоюсь. А то мне это мое состояние на пользу.

Нынче ходил по хозяйству, потом поехал верхом, собаки увязались со мной. Агафья Михайловна сказала, что без своры бросятся на скотину, и послала со мной Васюку. Я хотел попробовать свое чувство охоты. Ездить, искать, по 40-летней привычке, очень приятно. Но вскочил заяц, и я желал ему успеха. А главное, совестно.

Приехал домой, пообедал и сидел с старухами и Дмитрием Федоровичем. Твой счет меня не пугает*. Во-первых, деньги, по всему вероятно, будут; а во-вторых, если не будут, то кажущиеся неумалимыми расходы окажутся очень умалимыми. Не могу я, душенька, не сердись, – приписывать этим денежным расчетам какую бы то ни было важность. Все это не событие, – как, например: болезнь, брак, рождение, смерть, знание приобретенное, дурной или хороший поступок, дурные или хорошие привычки людей нам дорогих и близких, а это наше устройство, которое мы устроили так и можем переустроить иначе и на 100 разных манер. – Знаю я, что это тебе часто, а детям всегда, невыносимо скучно (кажется, что все известно), а я не могу не повторять, что счастье и несчастье всех нас не может зависеть ни на волос от того, проживем ли мы все или наживем, а только от того, что мы сами будем. Ну, оставь Костеньке миллион, разве он будет счастливее? – Чтобы это не казалось пошлостью, надо пошире, подальше смотреть на жизнь. Какова наша с тобой жизнь с нашими радостями и горестями, такова будет жизнь настоящая и наших 9 детей. И потому важно помочь им приобрести то, что давало нам счастье, и помочь избавиться от того, что нам приносило несчастье; а ни языка, ни дипломы, ни свет, ни еще меньше деньги не принимали никакого участия в нашем счастье и несчастье. И потому вопрос о том, сколько мы проживем, не может занимать меня. Если приписывать ему важность, он заслонит то, что точно важно.

37. С. А. Толстой
1884 г. Декабря 8. Ясная Поляна.

Провел прекрасный день. Теперь 6 часов вечера. Вчера, когда вышел и сел в сани и поехал по глубокому, рыхлому в пол-аршина (выпал в ночь) снегу, в этой тишине, мягкости и с прелестным зимним звездным небом над головой, с симпатичным Мишей*, испытал чувство, похожее на восторг, особенно после вагона с курящей помещицей в браслетах, жидком доктором, перироющим* о том, что нужно казнить, с какой-то пьяной ужасной бабой в разорванном атласном салоне, бесчувственно лежавшей на лавке и опустившейся тут же, и с господином с бутылкой в чемодане, и с студентом в рinсе-pez, и с кондуктором, толкавшим меня в спину, потому что я в полушубке. После всего этого Орион, Сириус над Засекой, пухлый, беззвучный снег, добрая лошадь, и добрый Миша, и добрый воздух, и добрый бог. В конторе топлено, но мне показалось угарно (воображение). Я сначала хотел еще протопить, потом раздумал. Поговорил и попил чай с Филиппом (у него все очень хорошо, и он старается). Потом пришла Агафья Михайловна, Миша в 2-м часу лег на печку, как он был, снял сапоги, положил шубу под голова и тотчас же заснул; а я, боясь угару, просидел до 3-х. Читал Будду, и чтение было серьезное. Потом спал одним глазом, прислушиваясь к угару, которого не было. Часу в 5-м, было совсем темно, я свистнул, чтобы перебить полухрап Михайлы. Он почмокал губами, поглядел в окно, ему показалось, что светает, и тотчас слез, надел сапоги, шубу и пошел убирать лошадей и ехать в Тулу. Он все это переделал и вернулся в 2 часа из Тулы с покупками веселый, бодрый и здоровый. Мне приятно и полезно это видеть. Я проспал до 10. Пришла Марья Афанасьевна. Как мне ни мало надо – это малое ужасно много. Пошли в тот дом, забрали вещи разные; потом хватился я яиц. Хотели посылать, я пошел сам на деревню. Я шел и думал: мы говорим, что нам мало надо, но нам, мне так много надо, что если только не брать всего этого, не замечая и воображая, что это так само собою, то станет совестно. Я шел покупать для себя яйца, и мне было совестно. Я прошел к Фокановым, у них нет. Прошел к Власу. Мать его все так же лежит. Я сказал ей: «Праздник, тебе веселей». Она сказала: «Нет, хуже. Если хороший человек, я рада, а то хуже». Влас достал мне яиц, и я насовал их в карман, и вместо того, чтобы дать их Власовой матери, пошел их жрать. После завтрака сел за статью* и немного подвинул; но пришел наниматься в приказчики солдат, бывший каптенармус; я ему было холодно отказал, но он сказал мне, что он

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. мой бывший ученик первой школы – Семка богучаровский*. Это один из лучших мальчиков был. И теперь хороший, кажется, человек. Я узнал в этом солдатском лице того бутуса, очень умного мальчугана в веснушках, с доброй, доброй улыбкой, и довольно долго поговорил с ним. Потом, чтобы погреться, поколосил дров и пошел к Бибикову. Снегу пропасть, и дорожки не протоптаны. На деревне Матвей Егоров окликнул меня (уже смеркалось) и подошел покалякать – об лошадях украденных, о том, какой это грех у меня украсть, – льстивые речи. Я спросил, какие это две лошади стоят у него у двери? А это, говорит, племянница из Телятинок, у ней лошадь стала, так вот я свою заложу, ее довезу. Я говорю: подвези и меня, и пошел. На горе меня догнала баба, две девочки и два мальчика и сзади ставшая лошадь. Я сел к ним в сани. Баба стала рассказывать про свою несчастную участь, – хлеба нет, три девочки, одна грудная (я чай, накричалась без меня, и сама чуть не замерзла); ездила к матери на Бароломку, не даст ли денег на хлеб; а у отца, он сторож в лесу, украли дрова и вычли 3 р. Так ни с чем и воротается, да еще лошадь стала, чуть не замерзла, падала лошадь 3 раза. Баба плачется, а девочки и мальчики (это ясенские сели прокатиться) хохочут, шумят и то и дело ломают ветки и подгоняют лошадь. Она и за санями не идет. Дорога ужасно тяжелая, непроезженная, под кручь кочака. Лошадь сзади совсем стала. Мне было приятно, что я им помог, и главное лошади. Она старая, худая, и пройдет шагов 100 и станет, и сколько ни бьют ее ребята, не двигается. Я взялся за лошадь и подружился с ней и без боя довел ее до Телятинок. Там я вошел в избу, чтоб посмотреть, как они живут. Живут чисто и лучше, чем плакалась баба. Ребята играют в карты, девочка крошечная песни поет. Мать пришла и тотчас хотела бежать за грудной Парашкой. Парашка эта была у соседки. А соседка сама пришла. Соседка эта Марфа, Матвея Егорова. У нее свой ребенок, и она целый день кормила эту Парашку. Они пошли за Парашкой, а я с девочками и мальчиками поехал домой, а то мужик хотел провожать их. Девочки, одна Авдотья вдовы дочь, другая Зорина; мальчик один Зорин, другой Николая Ермилова. Пошел снег и темно стало, и мои товарищи стали робеть и храбриться, особенно Грушка, Авдотьяна дочь. Лица я ее не видал, но голос и говор певучий, и складный, и бойкий, как у матери. Когда она била лошадь, я ей говорю: «Сама старая будешь». – «Нет, я старая не буду никогда. Так все маленькой и буду». – «А умрешь?» – «Это не знаю, а старой никогда не буду». Тут, когда мы поехали под гору, они стали поминать про волков и про пыль (метель), и все вешки на дороге смотрели. Я говорю: «Вот нас занесет снегом, мы повернем сани, сядем под них и будем сказки сказывать». – «А студено будет?» – «Мы руками будем хлопать». И все хохочут.

Через ручей мы переехали не без хлопот; но только что переехали, Грушка уселась на головашки саней и говорит: «Ну давай рассказывать сказки, я одну знаю», – и начала и прелестно рассказала очень хорошую сказку. Все со вниманием слушали и стали такие добрые, что остальные мальчики и девочки все предлагали друг другу один кафтан, который у них был внакидку, чтоб защититься от ветра. Когда она кончила сказку, она забыла, что злодейку сказки привязали к жеребцу стоялому, к которому и мужики боялись подходить. «Да, да, жеребец такой стоял». Я перебил ее: «Не такой, какого мы вели?» Батюшки! какой поднялся хохот. Уж мы съехали с горы перед деревней, когда она кончила. Я сказал, что не успею рассказать. Мальчик стал просить: хоть немножко. Я начал им китайскую сказку. Зорина предложила остановить лошадь, но Грушка, как степенная хозяйка лошади, не согласилась. Я досказал до половины. Лошадь как-то проехала немножко поворот, Грушка поворотила ее за узду. Сама говорит: «Иль забыла, али сказки заслушалась». Я пошел дальше и слышал, как Грушка кричала под окно: «Дедушка, выходи, лошадь». Очень хорошо. Очень все это меня трогает. Целую тебя и всех детей. Завтра, вероятно, узнаю о тебе и вас – как здоровье, состояние духа, и все ли благополучны.

Л. Т.

1885

38. С. А. Толстой

1885 г. Января 30. Тула.

Получил сейчас твое коротенькое и – грустно-холодное письмо*. Боюсь объясняться, чтобы опять как-нибудь не раздражить тебя; но одно скажу еще раз, и яснее, я думаю, чем в разговоре: я не отстаиваю форм, в которых я выражался о личностях, и каюсь в них, и прошу тебя простить меня; но если я отстаиваю что, то отстаиваю самую мысль, выраженную во всей статье и наполняющую меня всего*. Эту мысль и это сознание я не могу изменить, так же, как не могу изменить своих глаз, и я знаю, что ты не любишь эту мысль, а хочешь бороться с ней, и это мне больно, и

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. оттого я отстаиваю свою мысль. Но и это все вздор. Если мысль истинна, то все, и ты в том числе, придешь к ней, и раздражить тебя в ней могла только моя личная раздражительность и гордость; если же и мысль несправедлива, то я опять виноват, навязывая ее, да еще в неприятной, оскорбляющей форме.

Какое раздражение было за обедом? Как жаль. Я вчера приехал с Курносенковым, очень благополучно, в 11 часов. Было тепло, но я боялся угара и до 3-х не спал. Выехал я из освещенной квартиры и освещенных улиц на снег и ветер, и стало вдруг тоскливо, как это часто бывало после городской, роскошной жизни; но доехал я уж в самом счастливом, спокойном и твердом настроении, и такое же нынче утром и целый день. Это как пьяный с похмелья – сначала тяжело, а перетерпишь, то чувствуешь, как лучше быть трезвому. Погода прекрасная. Я немного занялся, походил и поехал в Тулу. Приехал в 6, обедал – блины, пришел Давыдов, поговорили с ним, и вот в 10 пишу тебе.

Завтра жду письма в Козловку. Целую тебя и детей. Что здоровье Лели?

39. С. А. Толстой
1885 г. Февраля 2. Ясная Поляна.

Получил нынче утром, – пятницу, твое письмо последнее*. Оно получше, может быть, и я получше; но оно уменьшило мою тоску по тебе. Я провел весь день дома – писал, читал и тихо сидел и думал. Вечером прошел на деревню к Николаю Ермилину услаивать его в долге, от которого он отрекается, и к Костюшке, и Гане-воровке. Вот несчастное существо, затравленное людьми и потому озлившееся – одна с 3-мя детьми.

Много еще было впечатлений бедности и страданий. Я их вижу всегда и везде, но в деревне легче видеть. Здесь видишь все до конца. И видишь и причину, и средство. И я люблю, не то что люблю, а мне хорошо, когда я ясно вижу свое положение среди других людей.

По тому, что ты написала о Гаршине*, я не жалею, что не видал его. Да и вообще я так много принужден видеть людей в Москве, что чем меньше, тем легче. Мне всегда кажется, что я совсем не нужен им.

Читаю я Elliot'a «Felix Holt»*. Превосходное сочинение. Я читал его, но когда был очень глуп, и совсем забыл. Вот вещь, которую бы надо перевести, если она не переведена. Тане бы работа. Я еще не кончил и боюсь, что конец испортит. Это мне дал брат Сережа. Передай ему, что все правда, что он говорил мне про эту книгу, – все там есть. Второй раз я из деревни хвалю книги его рекомендации*.

Лежит передо мной записка вдовы, которая нынче была у меня. У ней нет дома, нет земли, – муж ее был солдат в Грумантской казарме. Она осталась вдовой 32 лет с 8-ю детьми, – старший 11 лет. Когда я стал записывать, то долго не мог понять – оказалось, одна двойня. Поручик дал ей угол на зиму.

Завтра я поеду в Тулу и постараюсь, что можно, сделать для нее.

Везу это письмо на Козловку – и с трепетом открою твое. Что твое здоровье? Тебе очень нехорошо по письмам. Что Миша и весь дом?

Я вчера сожалел о нелюбовности нашей временной. Следствие этой нелюбовности неясность взаимных желаний. Я тебе говорил, что если ты хочешь, чтоб я вернулся, то напиши мне, и я сейчас приеду, и не через силу, а с истинной радостью, что тебе могу сделать желаемое. А ты ничего не пишешь, или как-то неопределенно.

Прощай, душа моя, целую тебя и детей.

Л.

Урусов гораздо лучше, чем в Москве. Ему надо беречься, и он бережется, но я вижу, как, бережась таким образом, он может прожить долго.

Сейчас в Козловке получил твое доброе вполне письмо и уезжаю спокоен и счастлив домой. Ты зовешь, и потому я приеду в понедельник.

40. С. А. Толстой

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. 1885 г. февраля 22. Москва.

Утром получил твою записочку*. Все у нас вполне благополучно, несмотря на твой сон. Малыши прекрасны и физически, и нравственно. И старшие хороши. Илюша помирился с своим учителем. Я спал хорошо, но все еще с гриппом, читаю своего Georg'a*. Скажи Саше*, если у него есть время, чтоб он прочел. Это важная книга. Этот тот важный шаг на пути общей жизни, как освобождение крестьян – освобождение от частной собственности земли. Взгляд на этот предмет есть проверка людей. И надо прочесть Georg'a, который поставил этот вопрос ясно и определенно. Нельзя уж после него вилять, надо прямо стать на ту или другую сторону. Мои требования гораздо дальше его; но это шаг на первую ступень той лестницы, по которой я иду.

Вечером я шил сапоги – плохо, дети были у меня.

Утром они ходили гулять, несмотря на желудки, и вернулись веселые и здоровые. Потом пришел Маракуев. Маша попросилась к дяде Сереже слушать Лопатина*. Я напился чаю, достал большую шубу и поехал с Маракуевым сначала к Олсуфьевым, чтоб взять у нее рукопись «12 Апостолов»*, и отдал ее Маракуеву. Он надеется пропустить в цензуре и напечатать, а потом заехал к Сереже за Машей. Только что началось пение, и привез ее с Лелей домой в час. Я не простудился и, должно быть, завтра совсем справлюсь. Письмо тебе было от Варвары Дмитриевны Урусовой. Целую тебя и Таню и милых Кузминских. Я в них теперь больше верю, как вы с ними, а то в роде Новой Зеландии – они.

41. С. А. Толстой
1885 г. Марта 8. Дядьково.

Приехал я нынче утром в Дятьково* – очень усталый от бессонной ночи. Урусов медленно, но равномерно опускается. Очень был рад моему приезду. Он собирается ехать 11-го. Он предложил мне ехать раньше, но так как ему видимо хотелось 11-го, я согласился, тем более что здесь много нового для меня и интересного, но не скажу, – приятного. Я нынче уж был на стеклянном заводе и видел ужасы на мой взгляд. Девочки 10 лет в 12 часов ночи становятся на работу и стоят до 12 дня, а потом в 4 идут в школу, где их по команде учат: ус, оса, оси и т. п. Здорового лица женского и мужского [увидать] трудно, а изможденных и жалких – бездна. Из Мальцевых здесь один Николай, очень гостеприимный и добрый и хорошо к народу расположенный человек. Дом старинный, огромный, анфилада комнат в 10, зимний сад и старая мебель. Здесь Рейхель старичок и Вышеславцев. Мальцев приглашает на медведя. У него несколько обложенных. Он убил уже несколько. То-то Илье. Я не поеду, и нет охоты. Хочется не терять времени и писать или хоть учиться. И так 2 дня почти пропало. Завтра, вероятно, поеду в Людиново. Это чугунный и машинный завод за 30 верст, и постараюсь и заняться.

Не сетуй, голубушка, что коротко письмо. Я тебя очень люблю и жалею и за Алешу, если он нездоров, и за твои заботы. Целую детей. Я сейчас иду в баню. Она в доме, и падаю со сна. А завтра письмо пойдет в 11. Еще не успею, пожалуй. Суббота.

Л. Т.

Моя поездка с Урусовым будет ему радостна и, надеюсь, полезна, потому что если бы не я, он бы поехал один.

42. С. А. Толстой
1885 г. Марта 9. Дядьково.

Может быть, успею написать завтра, но пишу и нынче, – суббота*. Вчера я ошибся. Я провел очень хороший день. Заняться не успеваю. Хожу, смотрю, совсем здоров. Жду известий. Сейчас еду по железной дороге с вечера в Людиново, чугунный завод, с Вышеславцевым и вернусь завтра утром. Здесь все встают в 5 и ложатся в 9. И я с ними.

Л. Т.

43. С. А. Толстой
1885 г. Марта 11. Дядьково*.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.

Мы пробыли здесь, как ты знаешь из моих писем (я пишу каждый день), дольше, чем думали, и потому я получил твое письмо* и уезжаю спокойнее. Хорошо, что Алеша здоров. Нехорошо, что твой котел все кипит. Разумеется, трудно, но все-таки можно сознательно приводить себя в спокойствие, – 1) тем, чтобы делать различие между очень важным, важным, менее важным и ничтожным и сообразно с степенью важности направлять свою деятельность, и 2) тем, чтобы различать между вещами, от меня вполне зависящими, отчасти от меня зависящими, и вещами вне в моей власти, и тоже сообразно с этим на править на первые самую большую и на последние самую малую энергию. Я нынче, несмотря на немного расстроившийся желудок (без боли), выспался хорошо, и выезжаем мы сейчас, в понедельник, в 12 часов дня, в хорошем настроении.

Вчера я на лошадях вернулся к вечеру из Людинова. Прекрасная поездка прелестным лесом 30 верст с подставой, в санях изобретения Мальцева – сидеть задом. Вечером попросил Мальцева играть на фортепьяно. Он мило играет. Вообще он дикой вполне, но очень деликатный, тонкий по чувству человек и находится в страшном положении. Дело громадное, требуются сотни тысяч. Рабочих 100 000, требующих работы, и денег нет. Мне его истинно жалко. Все это так сложно, запутано, что рассказать это трудно. Он в страшных сетях. Прощай, душевника, дай бог тебе здоровья телесного и, главное, душевного, и тогда все будет хорошо. Что Илья и Сережа? Бросили ли они гулянье? До сих пор писать не пришлось. А совестно жить без работы. Все работают, только не я. Вчера я провел время на площади, в кабаках, на заводе, один, без чичерон, и много видел и слышал интересного, и видел настоящий трудовой народ. И когда я его вижу, мне всегда еще сильнее, чем обыкновенно, приходят эти слова: все работают, только не я. Нынче опять у Мальцева в этой роскоши. Через 2 дня опять в роскоши и праздности.

Так и кажется, что переезжаешь из одной богадельни в другую. Урусов велел тебе сказать, что ты ему должна ответ на его письмо в Петербург – он ждет. Целую тебя и детей. Не сердись на однообразие моих мыслей. Эти мысли не мешают мне любить вас. Что Маша? Вспомнил о Маше, потому что она, как-то мне представляется, меньше других признает мою любовь к ней. Не приписывает словам моим значения. Я пишу, что взбредет в голову, – никогда так даже не говоришь.

44. С. А. Толстой
1885 г. Марта 14. Байдары.

Пишу другое письмо нынче, 14-го. Одно из Севастополя – карточку – послал утром*, а теперь из Байдар (это половина дороги до Симеиза). Мы здесь кормим, и встретили господина, едущего в Москву и тоже кормящего. Это оказался г-н Абрикосов молодой. Он меня узнал и читал, и жена его, которую он свез в Крым; и я пользуюсь тем, что он приедет прежде почты. Погода прекрасная, – жарко в горах, по которым мы ехали. Урусов взял ландо, его надули, оказалось ландо не открывающееся и хуже кареты, и я залез на сундук, на козлы. Ехал, и не то что думал; но набегали новые, – нового строя, хорошие мысли.

Между прочим, одно: каково, я жив, еще могу жить, еще! как бы хоть это последнее прожить по-божьи, то есть хорошо. Это очень глупо, но мне это радостно. Цветы цветут, и в одной блузе жарко. Лес голый, но на весеннем чутком воздухе сливаются запахи то листа вялого, то человеческих испражнений, то фиалки, и все перемешивается. Проехали по тем местам, казавшимся неприступными, где были неприятельские батареи*, и странно воспоминание войны даже соединяется с чувством бодрости и молодости. Что, если бы это было воспоминание какого-нибудь народного торжества, – общего дела, – ведь могут же такие быть. Еще на козлах сочинял «Английского милорда»*. И хорошо. Еще думал по тому случаю, что Урусов, сидя в карете, все погонял ямщика, а я полюбил, сидя на козлах, и ямщика, и лошадей, что как несчастны вы, люди богатые, которые не знают ни того, на чем едут, ни того, в чем живут (то есть как строен дом), ни что носят, ни что едят. Мужик и бедный все это знает, ценит и получает больше радостей. Видишь, что я духом бодр и добр. Если бы только не неизвестность о тебе и детях. Целуй их всех. Обнимаю тебя. Подали лошадей Абрикосову. Он едет.

Л. Т.

45. С. А. Толстой
1885 г. Марта 15. Симеиз.

Пишу, зная вперед, что письма мои все будут доходить до тебя вразбивку, а не

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. последовательно. Теперь вечер, 15, пятницы; я только что перешел в дом к Мальцеву. Он, оказывается, ожидал меня, сделал приготовления и даже ездил к нам навстречу в Севастополь, но разъехался с нами. Он замечательно бодрый, живой старик, не антипатичный и не глупый, но очень испорченный властью.

Вчера после Байдар (станция), откуда я послал тебе письмо, я пошел пешком в гору до знаменитых Байдарских ворот, а Урусов поехал. Со мной был проводник, мальчик русский, живущий в татарской деревне. Мать его вдова, и он кормится кое-какой работой; но удивителен своей заброшенностью. Никогда не был в церкви, знает «Отче» и все навыворот. Ему 17 лет.

Местность долины, по которой я шел, прелестная и пустынная, птицы поют, фиалки пахнут, и солнце жжет. Князь доехал до ворот прежде меня. В воротах велено всем восхищаться, и затем построены ворота. Но случилось, что поднялся туман, и мы ничего не видали. Холодно, сыро, темно; завалившиеся и торчащие скалы и шоссе извилинами под гору. Урусов стал задыхаться от тумана и пришел в беспокойство бестолковое и объяснения с ямщиком. Доехали благополучно в темноте. Я поместился в гостинице – прекрасно. Ночь лунная, кипарисы черными столбами по полугоре, – фонтаны журчат везде, и внизу синее море, «без умолку». Нехорошо было, что за стеной дети: 3 лет и 1½, из которых одному давали хинин, и он отчаянно плакал, говоря: «горько», а потом вдруг стал счастлив, а под домом кошки, затеявшие роман. Кошек здесь бездна. Проснулся в 5, напился кофе и пошел в Алупку 4 версты. Очень хорошо шоссе в камнях, – оливки, виноградники, миндальные и море синее, синее. Послал тебе телеграмму*, напился чаю у турка в хатке и пришел домой. Пошел с Урусовым ходить по его любимым местам в скалах и по самому берегу. Жарко, что насилие удержался, чтоб не выкупаться. До прогулки завтрак table d'hôte:* учитель, два доктора, купец-богач с умирающей женой. Это их дети. Потом хотел заснуть, но кошки продолжали роман. Пришел Урусов, и я с ним пошел к Мальцеву, пообедали в table d'hôte, потом я напился чаю, и вот ложусь. Очень я устал, загорел и разбросался мыслями, то есть вышел из колеи работы. «Англицкого милорда», однако, все обдумываю. Попробую завтра писать. Писем от тебя еще нет, – жутко.

Здесь хорошо тем, что кроме теплоты и красоты, – богато, нет нищих. Заработок большой. Вот где или вообще на юге надо начинать жить тем, которые захотят жить хорошо. Мы долго сидели с Урусовым на берегу под скалой. Уединенно, прекрасно, величественно, и ничего нет сделанного людьми; и я вспомнил Москву, и твои хлопоты, и все занятия и увеселения Москвы. Не верится, чтоб могли люди так губить свою жизнь. До завтра. Обнимаю тебя и целую детей.

46. И. Е. Репину
1885 г. Апреля 1. Москва.

Третьего дня был на выставке и хотел тотчас же писать вам*, да не успел. Написать же хотелось именно вот что – так, как оно сказало мне: молодец Репин, именно молодец. Тут что-то бодрое, сильное, смелое и попавшее в цель*. На словах многое сказал бы вам, но в письме не хочется уместовать. У нас была геморроидальная полоумная приживалка старуха*, а еще есть Карамазов-отец – и Иоанн ваш это для меня соединение этой приживалки и Карамазова, и он самый плюгавый и жалкий, жалкий убийца, какими они и должны быть, и правдивая смертная красота сына, – хорошо, очень хорошо, и хотел художник сказать значительное, и сказал вполне и ясно, и, кроме того, так мастерски, что не видать мастерства. Ну, прощайте, помогай вам бог забирать все глубже и глубже.

47. Л. Е. Оболенскому
<неотправленное?>
1885 г. Апреля 5–10. Москва.

Леонид Егорович!

Я совсем не согласен с вашим письмом*. Не только не согласен, но правду скажу, оно меня огорчило. Вы в нем отстаиваете себя. Я 40 лет работал над собой, чтобы из тумана философских воззрений и религиозных ощущений выработать ясные и определенные взгляды на явления жизни – моей самой близкой, ежедневной моей жизни для того, чтобы знать, что хорошо и что дурно. А вы хотите меня уверить, что гораздо выгоднее напустить опять того тумана, от которого я 40 лет освободился, – тумана философии и любви вообще, возвышенной христианской любви для того, чтобы не видать опять различия между добрым и злым, и спокойно

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. пользоваться трудами других людей, есть плоть и кровь людей, утешаясь возвышенными словами. Нет, это не годится. Если христианское учение и любовь (которую я ненавижу, потому что это стало фарисейским словом) ведет к тому, чтобы спокойно курить папиросы и ездить в концерты и театры и спорить о Спенсере и Гегеле, то пропади оно совсем такое учение и такая любовь. Я лучше возьму буржуазную мораль, та, по крайней мере, без фарисейства. Оно хуже всего. Простите за резкость.

Л. Толстой.

48. К. М. Сибирякову
1885 г. Апреля 16. Москва.

Милостивый государь,
Константин Михайлович.

Письмо ваше мне было очень радостно*. Но желание ваше я едва ли буду в состоянии исполнить, редко встречал я случай, где бы, по моему убеждению, деньгами можно бы было помочь человеку. И для этих случаев всегда найдутся деньги. Если же нет, то, если позволите, я буду обращаться к вам.

Кроме того, вы говорите об издании народного журнала. Писать теперь мои планы было бы длинно, но, к счастью, есть в Петербурге очень мне близкий человек Чертков, мы с ним-то и толковали о таком журнале. Я напишу ему, и он, вероятно, побывает у вас. Адрес его 32, Миллионная (Владимир Григорьевич). Я вперед подписываю все то, что он вам скажет о нашей мысли журнала. Мы с ним совершенно одних убеждений и взглядов.

Если вы, как я надеюсь, судя по вашему письму, сойдетесь с нами, то с божьей помощью выйдет хорошее и полезное дело.

С искренним уважением и благодарностью за ваше обращение ко мне остаюсь ваш

Лев Толстой.

49. В. Г. Черткову
1885 г. Мая 2. Москва.

Получил ваши оба письма* и посылки, милый друг, и радуюсь за то, что дело ваше идет. Но не радуйтесь тому, что бесы повинуются, а ищите того, чтобы имена ваши были записаны на небесах*. Не могу достаточно повторять это сам себе.

Радость великую мне доставил Репин. Я не мог оторваться от его картинки и умилился*. И сколько людей умилятся. Буду стараться, чтобы передано было как возможно лучше. Посылаю вам черновую моего рассказа*. Извините, что измарано. Я отдам ее набирать завтра. Равно и сапожника*. Только картинок нет к поджигателю*. Не заказать ли кому в Москве? Нынче пришла мне мысль картинок героев с надписями. У меня есть два. Один доктор, высосавший яд дифтеритный и умерший*. Другой учитель в Туле, вытаскивавший детей из своего заведения и погибший в пожаре*. Я соберу сведения об этих и, если бог даст, напишу тексты и закажу картинки и портреты. Подумайте о таких картинках героев и героинь. Их много, слава богу. И надо собирать и прославлять в пример нам. Эту мысль мне нынче бог дал, и она меня ужасно радует. Мне кажется, она может дать много. Я Грибовскому написал письмо, но не послал. Я не могу писать незнакомому лично. А он возбуждает во мне такое чувство уважения и любви, что боюсь погрешить словами, не чувствуя его*. Репину, если увидите, скажите, что я всегда любил его, но это лицо Христа связало меня с ним теснее, чем прежде. Я вспомню только это лицо и руку, и слезы навертываются. Калмыкова была и читала то, что она поправила и прибавила*. Эта книга будет лучше всех, то есть значительнее всех. Прощайте, милый друг, пишите мне чаще. Мне хорошо. Тихона житие плохо*, нет содержания.

Половина М. Arnold'a это мои мысли. Я радуюсь, читая его. Если можно, доставьте ему в Англии «Ma religion»*.

Л. Т.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.
50. К. М. Сибирякову
1885 г. Мая 8. Москва.

Константин Михайлович,

Программу журнала я прочел и нахожу, что она составлена хорошо*. В ней есть что-то новое, свежее. Если бы удалось выполнить хотя малую часть ее, что невозможно, то было бы большое дело.

Чертков просит меня высказать вам мое мнение об Оболенском и его журнале;* насколько я знаю Оболенского, я считаю его за человека с самыми нравственными убеждениями и искреннего. Журнал же его нравится мне по своему направлению больше всех существующих. Направление его определеннее других и шире вместе с тем, так как основа его есть христианское учение. Если народный журнал создастся, я буду стараться как можно больше работать в нем, хорошо бы было увидаться с вами и переговорить.

Лев Толстой.

51. Н. В. Давыдову
1885 г. Конец мая. Ясная Поляна.

Вот, Николай Васильевич, мужики из села Головенек Крапивенского уезда, которых уж давно разными манерами обижает их помещик Медведской. Рассказывают они, что дело об их усадебной земле было решено на мировом съезде в их пользу, а что теперь опять у них отрезают усадьбу и даже ломают их дворы. Об этом я узнаю у мирового судьи, но мне кажется, что им надо бы иметь уставную грамоту, которой у них нет. Их всего 5 дворов, и грамоты, на которой бы они могли основаться, у них нет. Нельзя ли им разыскать это в Туле в губернском присутствии и не поможете ли вы им?* Урусова, который, бывало, помогал мне, нет, и я дерзаю обратиться к вам.

Погода хороша, и у нас все здоровы и устроились. Милости просим.

Лев Толстой.

52. В. Г. Черткову
1885 г. Июня 6–7. Ясная Поляна.

В последнем письме я писал вам, что мне хорошо;* а теперь, отвечая на 2-ое письмо ваше из Англии, полученное вчера*, мне нехорошо. Письменная работа нейдет, физическая работа почти бесцельная, то есть не вынужденная необходимостью, отношений с окружающими меня людьми почти нет, приходят нищие, я им даю гроши, и они уходят, и на моих глазах в семье идет вокруг меня систематическое разращение детей, привешиванье жерновов к их шее. Разумеется, я виноват, но не хочу притворяться перед вами, выставляя спокойствие, которого нет. Смерти я не боюсь, даже желаю ее. Но это-то и дурно; это значит, что я потерял ту нить, которая дана мне богом для руководства в этой жизни и для полного удовлетворения. Я путаюсь, желаю умереть, приходят планы убежать или даже воспользоваться своим положением и перевернуть всю жизнь. Все это только показывает, что я слаб и скверен, а мне хочется обвинять других и видеть в своем положении что-то исключительно тяжелое. Мне очень тяжело вот уж дней 6, но утешение одно – я чувствую, что это временное состояние, мне тяжело, но я не в отчаянии, я знаю, что я найду потерянную нить, что бог не оставил меня, что я не один. Но вот в такие минуты чувствуешь недостаток близких живых людей – той общины, той церкви, которая есть у пашковцев*, у православных. Как бы мне теперь хорошо было передать мои затруднения на суд людей, верующих в ту же веру, и сделать то, что сказали бы мне они. Есть времена, когда тянешь сам и чувствуешь в себе силы, но есть времена, когда хочется не отдохнуть, а отдаться другим, которым веришь, чтобы они направляли. Все это пройдет. И если буду жив, напишу вам, как и когда это пройдет. Вчера вместе с вашим письмом получил письмо от Оболенского*. Он спрашивает, что Сибиряков, ищет места, средств жизни и называет безвыходным то положение, в котором он находится и к которому страстно стремлюсь вот уже 10 лет. Когда я сам себя жалоблю, я говорю себе: неужели так и придется мне умереть, не прожив хоть один год вне того сумасшедшего безнравственного дома, в котором я теперь принужден страдать каждый час, не прожив хоть одного года по-человечески разумно, то есть в деревне не на барском дворе, а в избе, среди трудящихся, с ними вместе трудясь по мере своих сил и способностей, обмениваясь трудами, питаюсь и одеваюсь, как они, и смело, без стыда, говоря

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. всем ту Христову истину, которую знаю. Я хочу быть с вами откровенен и говорю вам все, но так я думаю, когда я себя жалоблю, но тотчас же я поправляю это рассуждение и теперь делаю это. Такое желание есть желание внешних благ для себя – такое же, как желание дворцов, и богатства, и славы, и потому оно не божие. Это желание ставить палочку поперечную креста поперек*, это недовольство теми условиями, в которые поставил меня бог, это неверное исполнение посланничества. Но дело в том, что теперь я, как посланник, в сложном и затруднительном положении и не знаю иногда, как лучше исполнить волю пославшего. Буду ждать разъяснений. Он никогда не отказывал в них и всегда давал их вовремя.

Л. Т.

53. К. М. Сибирякову
1885 г. Июля 10–12? Ясная Поляна.

Константин Михайлович!

Дело народного журнала* мне очень дорого, но я не могу им заняться, главное же – не могу себя связывать никакими обязательствами*. В. Г. Чертков, как вы знаете, более всех нас способен руководить этим делом. И он бы был тот идеальный редактор, которого можно желать. Мы с ним переписывались об этом – он теперь в Лондоне – и решили, что если журнал состоится, то редактором лучше всего быть Павлу Ивановичу Бирюкову.

Это молодой человек, кончивший курс в Морской Академии и заведующий теперь метеорологической обсерваторией в Петербурге. Это человек весьма образованный, умный, аккуратный, разделяющий вполне наши взгляды и могущий и желающий посвятить себя вполне этому делу. Для правительства Бирюков, как личность, не может представлять ничего нежелательного. Я думаю, что ему разрешат, и тогда и я, и Чертков будем принимать самое деятельное участие в издании. Я с этой же почтой пишу Черткову, и он, вероятно, напишет вам, и тогда вы устроите с ними как лучше. Я же в практических делах всегда был неспособен и потому содействовать при учреждении журнала и советовать ничего не могу; трудом же своим, когда дело установится, буду, если жив буду, помогать всеми силами*.

Очень благодарен вам за помощь журналу Оболенского*. И полагаю, что это хорошее дело.

Желая вам всего лучшего и надеясь иметь с вами сношения при состоявшемся журнале, остаюсь уважающим вас

Лев Толстой.

54. Т. М. Бондареву
1885 г. Июля 15–20? Ясная Поляна.

Доставили мне на днях вашу рукопись – сокращенное изложение вашего учения*, я прежде, читал из нее извлечения*, и меня они очень поразили тем, что все это правда и хорошо высказано; но, прочтя рукопись, я еще больше обрадовался. То, что вы говорите, это святая истина, и то, что высказали, не пропадет даром; оно обличит неправду людей. Я буду стараться разъяснять то же самое. Дело людей, познавших истину, говорить ее людям и исполнять, а придется ли им увидеть плоды своих трудов – то бог один знает...

Через министра внутренних дел и даже через царя ни чего сделать нельзя, да и не следует*. Правительство силою заставляет людей делать то, что оно считает нужным; а первородный закон божий люди должны исполнять не по принуждению, а по своей воле. Нужно обличать людей и призывать их к покаянию, как делал Христос, и тогда они сами придут к истине. Дело это делается не скоро – веками, но не скоро и деревья растут, а мы сажаем их же и бережем, и не мы, так другие дожидаются плода.

По моему мнению, человеку и некуда больше употреблять свой разум и слово свое, как на то, чтобы узнавать закон божий, разъяснять его себе и другим, и исполнять его, и помогать в этом и другим. Мф. IX, 37. Жатва великая, а рабочих мало. Просите господу, чтобы он выедал (то есть умножил) рабочих. Жатва большая, и одному не жать, а хоть бы как-нибудь свою делянку выжать и «kozy» (то есть прожнива) не оставить, как у нас в Туле говорят. Да коли каждый так-то свое дело

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. сделает, то и соберется жатва хозяина, и не оставит он доброго работника. Только бы не зарывать талант в землю, только бы исполнять волю пославшего нас. А воля пославшего в том, чтобы каждый в поте лица добывал хлеб, и это надо толковать людям, и они поймут это и понимают, потому что совесть обличает их.

Желаю вам успеха в вашем деле, оно же и мое дело, и благодарю вас за ваше писание; оно мне было в большую пользу и радость.

Лев Толстой.

55. Л. Д. Урусову
1885 г. Августа 20. Ясная Поляна.

Очень порадовало меня, милый друг, известие, привезенное нашими о вашем состоянии. Теперь я верю, что вам лучше. Они мне так описали вас, что точно я был с вами. Только бы холода не испортили дело, только вы сумели к ним приладиться. Я не писал вам долго, потому что был долгое время в состоянии – не знаю как сказать, в хорошем состоянии, но в таком, в каком я не могу ничего писать, даже писем. Теперь я прихожу, напротив, в писательское состояние, и хочется писать, а работы слишком много. Начал нынче кончать и продолжать «Смерть Ивана Ильича». Я, кажется, рассказывал вам план: описание простой смерти простого человека, описывая из него. Жены рожденье 22-го, и все наши ей готовят подарки, а она просила кончить эту вещь к ее новому изданию, и вот я хочу сделать ей «сюрприз» и от себя*. Она теперь в Москве по делам, и боюсь, что замучает себя не столько хлопотами, сколько беспокойством о том, о чем не только беспокоиться, но и думать нельзя – о матерьяльных делах.

Вчера уехал только Чертков с Бирюковым. Они приезжали на 3 дня. Он очень расспрашивал про вас и посылает вам свою любовь. Он мне очень помог в семье. Он имел влияние на наш женский персонал*. И может быть, влияние это оставит следы. Меня же он раззадорил писать для народа – тем бездна, не знаю, что выбирать. Но вы еще прежде меня подзадорили и последним письмом, и тем, которое вы мне давно писали из Тулы – о 5 заповедях в притчах*. Вы правы, и я бы был счастлив исполнить это.

Передайте нашу любовь вашей семье, обнимаю вас.

Л. Толстой.

56. П. И. Бирюкову
1885 г. Сентября 7. Ясная Поляна.

Посылаю письмо Владимира Григорьевича. Письмо хорошее; но о предмете этого письма можно и должно сказать кое-что, если говорить о художественном произведении – о книжке*. Например, я теперь поправляю рассказ бабы, поехавшей в Сибирь за мужем*. Это вся развратная жизнь и лживая, и в ней высокие черты. Нельзя и не должно скрывать лжи, неверности и дурное. Надо только осветить все так, что то – страдания, а это радость и счастье.

Не правда ли, так, Владимир Григорьевич и Павел Иванович?

Обнимаю вас обоих. Письмо Сибирякова* ко мне пришло поздно, и я не мог успеть ответить ему. Ответчу в Петербург.

Л. Т.

57. К. М. Сибирякову
1885 г. Сентября 13–19? Ясная Поляна.

Константин Михайлович. Я не успел вам ответить до 7-го, так как письмо ваше переслано мне было из Москвы*. Я очень благодарен вам за ваше согласие обеспечить журнал и радуюсь полному согласию, установившемуся между вами, Чертковым и Бирюковым. И они, и я – мы одинаково смотрим на дело; видим его большую важность и робеем за свои силы. Я надеюсь, если и пока буду жив, вести один, а то и два отдела. Впрочем, обо всем переговорим, если вы исполните ваше переданное мне Владимиром Григорьевичем намерение заехать ко мне в деревню в последних числах этого месяца, чем доставите мне большое удовольствие*. Надеюсь – до свиданья.

Лев Толстой.

58. П. И. Бирюкову
1885 г. Сентября 17–18? Ясная Поляна.

Как жаль, что вы не могли приехать, дорогой Павел Иванович. Журнал очень вызывает меня к деятельности; не знаю, что бог даст. Пришлите, пожалуйста, программу, если у вас есть. Меня смущает научный отдел*. Это самое трудное. Как раз выйдет пошлость. А этого надо бояться больше всего.

Язык надо бы по всем отделам держать в чистоте – не то чтобы он был однообразен, а напротив, – чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту. Пусть будет язык Карамзина, Филарета, попа Авакума, но только не наш газетный. Если газетный язык будет в нашем журнале, то все пропало.

Пишу несвязно: слушаю разговор Черткова с файнерманом. Поблагодарите Александру Михайловну за ее письмо;* я ей отвечу после. Фрею я отвечал тотчас по получении письма в Петербург. Теперь буду читать его длинное письмо*. Желаю вам всего лучшего, потому что очень вас люблю.

Л. Толстой.

59. А. И. Эртелю
1885 г. Сентября 17? Ясная Поляна.

Александр Иванович!

Очень рад исполнить ваше желание*. Переписка стоит не менее 15 р. за каждую рукопись и может быть готова через месяц. Очень жалею, что вам нельзя жить в столице, если это для вас лишение*. Но ведь это, верно, ненадолго. Желаю вам всего хорошего. Попытайтесь написать рассказ, имея в виду только читателя из народа. Только бы содержание было значительное, а вы, вероятно, напишете хорошо. А обращаться исключительно к народу очень поучительно и здорово.

Ваш Л. Толстой.

60. В. Г. Черткову
1885 г. Октября 11. Ясная Поляна.

Получил ваше 2-е письмо, дорогой друг, не успев ответить на первое*. Очень радует меня ваша забота о деле – о картинах*. Буду стараться, пока жив: на днях примусь за работу. В «Книжках для чтения» поручите кому-нибудь или сами ищите сюжеты*. Я думаю, что кое-что там можно найти. Вот 4-й день, что у меня гостит Фрей*, он очень интересный, очень умный, искренний и, главное, добрый человек. Он много, много говорил о позитивизме, и я говорил было, но потом стал воздерживаться. Слишком больно ему слышать то, что разрушает его веру. А он живет ею, и вера хорошая. Хотя он и отвлек меня от занятий, я не жалею об этом: он много нового мне сообщил из американской жизни – перенес меня совсем в эту чуждую нам жизнь, потом для нашего журнала* – я надеюсь, что он будет нам очень полезен. Я просил его писать нам 3 вещи: 1) технологию самых простых приемов в самой обыкновенной работе – топоры, пилы, телеги и т. п. (эту часть он не обещал, но если он не сделает, надо нам всем искать такого человека, который бы вел этот отдел), 2) гигиену – о том, что есть, как есть, как одеваться, как воздухом пользоваться, как спать – все это по отношению особенно к тем несчастным, которые по городам гибнут не столько от недостатка, сколько от неумения употребить то, что у них есть, и от незнания того, что им нужно (это он обещал, и надо будет настаивать на том, чтобы он сделал это), и 3-е, свои записки о том, как он, барин, ученый офицер, поехал в Америку работником, как и горе хватил там, и работать и жить научился в 17 лет, и как там люди живут. Это было бы превосходно. И мне кажется, что он может это сделать, и он обещал мне.

Нынче уехали мои все в Москву, и я остался один на неопределенное время. Чувствую, что нельзя будет прожить так всю зиму. А впрочем, ничего не загадываю. Как я радуюсь, что вегетарианство вам пошло на пользу. Это не может быть иначе. Продолжаются ли ваши сношения с мужиками?* Это, как все хорошее, и радостно, и здорово, и полезно. Благодаря файнерману, я захожу по вечерам в школу – где

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. собираются взрослые слушать чтение и бывают беседы очень хорошие. Меня порадовал успех моего рассказа, больше, чем порадовал, – умилил. А здесь «Софрон»* имеет поразительный успех и трогает сердца. Пожалуйста, простите меня, если я виноват, но мне кажется, что вы увезли оба рассказа, о которых вы пишете: из Зола и сказка*. Я их искал и не нашел. Урусова жалко*, но – между нами сказать – горя, также и радости для меня от внешних событий быть не может... Прощайте, милый друг. Дай вам бог идти все по той же дороге.

Л. Т.

61. Т. А. Кузминской
1885 г. Октября 15–18? Ясная Поляна.

Я получил, Таня, прежде твою рукопись* в целости, а на другой день письмо*.

Рукопись я тотчас же прочел и одобрил. В первый свободный вечер перочту еще с пером в руке и с строгим судом. Но мне кажется, поправлять придется очень мало: рассказ очень интересный и просто написанный. Жалко, что ты не написала про то, как ее притесняла полиция – требовал исправник, велели закопать волка и перебить собак. Кажется, она так рассказывала. Я живу один, и мне так хорошо, как... да прежде надо о твоих делах. Рассказ Аксиньи* лежит на столе, и я ни разу не брался за него; но желаю это сделать. Одно неприятно, что ты выставляешь такую гадкую цель – портящую, разрушающую и весь интерес мой к рассказу и портящую тебя самую. Постараюсь сделать для тебя. И думаю, что прежде историю волка. Теперь обо мне, так как это в связи. Я так хорошо работаю над своей статьей*, что извожу на эту работу весь дневной заряд. Как будет перерыв, то кончу твое дело в день и пришлю тебе. Таня, как ты, верно, знаешь, не осталась со мной. Это было бы мне жутко. Жить нашей обыкновенной жизнью – я бы лишился одного из моих хороших периодов жизни, а ее расположить жить по-моему мне бы было жутко. Без тебя был фрей – ты слышала – он интересен и хорош не одним вегетарианством. Жаль, что ты не была при нем. Ты бы многое узнала. У меня от него осталась самая хорошая отрывка. Я много узнал, научился от него и многое – мне кажется – не успел узнать. Он интересен тем, что от него веет свежим, сильным, молодым, огромным миром американской жизни (несчастной по-твоему, потому что она вне анковского пирога)*, не только не признающей анковского пирога, но представляющей себе его чем-то вроде колец в носу и перьев на голове и пляски диких. Он 17 лет прожил большей частью в русских и американских коммунах, где нет ни у кого собственности, где все работают не «головой», а руками и где многие и мужчины и женщины счастливы очень. Ты бы его еще больше расковыряла, и было бы интересно и, хотел сказать, полезно, но боюсь, что, судя по твоему письму «денег и денег», ты не можешь сойти с пути, начертанного на скрижалях анковского пирога, и что если ты бы, как Моисей, и обиделась бы на что-нибудь и скрижали бы разбились, ты бы нашла средство выпросить у своего владыка анковского пирога – новые. Я и в письмах дразню тебя – немножко по старой привычке, а немножко взаправду.

Это происходит тоже оттого, что, сидя один, я весь пропитываюсь тем духом, которым я утешаюсь, и мне становится все более и более непонятным, как могут люди жертвовать каким-то кумирам, куклам, которых они сами себе навертят из тряпок, всем, что у них есть самого драгоценного, то есть своей жизнью, нынешним днем и завтрашним и послезавтрашним.

Как смотрит Саша на Бекеровское дело?* Волнует ли оно его? Меня оно даже задело своим безобразием. Я думаю, что нет, судя по одному из твоих писем о столярной работе и запахе потом. Это хорошие духи, и от них в голове становится ясно. Желаю ему успеха и уверен, что дойдет в столярном деле до степеней известных, и думаю, что эти существенные степени для него важнее, чем ленты через плечо, потому что столярное искусство, как и всякое, есть действительное отличие, а лента есть обратное тому.

Целую девочек и мальчиков без различия мясной и растительной пищи.

Л. Т.

Вели Маше за меня поцеловать милого Николая Николаевича и скажи ему, что, кроме желания знать то, что он хотел сказать вам об «Иване-дураке»*, я часто думаю о нем и желал бы очень знать его мнение о моем писании об органической и эволюционной теории в науке, которую я считаю суеверным вероучением царствующей

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. науки*. Он поймет все эти страшные слова.

62. С. А. Толстой
1885 г. Октября 17. Ясная Поляна.

Вчера получил от Тани* и Илюши*, а нынче принесли твое письмо и телеграмму*. Ты, должно быть, получила после этого мое письмо, а то и два, – не помню. По всему вижу, что ты очень тревожна, и это меня очень огорчает, то есть я чувствую за тебя, и мне больно. Желал бы помочь тебе, но ты ведь сама знаешь, что я не могу этого сделать и что то, что я говорю – не могу, не есть отговорка. Все те дела, – или, по крайней мере, большинство их, – которые тебя тревожат, как-то: учение детей, их успехи, денежные дела, книжные даже, – все эти дела мне представляются ненужными и излишними. Ты, пожалуйста, не отдавайся чувству досады и желанию упрека, – ведь ты знаешь, что это происходит не от хитрости моей и лени, чтобы избавиться от труда, но от других причин, которые я не считаю дурными, и потому в этом отношении – как я ни люблю пытаться исправиться – не могу желать исправиться. Если, как ты иногда высказывала, ты думаешь, что я впадаю в крайности, то если ты вникнешь в мои мотивы, то ты увидишь, что в том, что руководит мной, не может быть крайности, потому что если допустить, что на добром пути надо где-то остановиться, то лучше уж и вовсе не ходить по нем. Чем ближе к цели, тем меньше возможна остановка и тем с большим напряжением бежишь. Ведь я смотрю на жизнь и свою и семьи так, а не иначе не по капризу, а потому, что я жизнью выстрадал этот взгляд на жизнь, и я не только не скрываю, почему я смотрю так, а не иначе, а высказываю, насколько умею, в своих писаньях. Все это я пишу только затем, чтобы ты не имела ко мне недоброжелательного чувства, которое, я боюсь, таится в тебе. Если я ошибаюсь, то, пожалуйста, ярости меня; если же нет, то искорени свою досаду на меня за то, что я остался здесь и не приезжаю еще в Москву. Присутствие мое в Москве в семье почти что бесполезно: условность тамошней жизни парализует меня, а жизнь тамошняя очень мне противна, опять по тем же общим причинам моего взгляда на жизнь, которого я изменить не могу, и менее там я могу работать. Мы как будто не договорились о том, как, почему и на сколько времени я остался здесь; и мне хочется, чтобы не было ничего недоговоренного. Я остался потому, что мне здесь лучше; там я не нужен исключительно; а насколько? ты знаешь, что я планов никаких не делаю. Пока живется, работается – живу. Знаю одно, что для моего душевного спокойствия и потому счастья нужно, чтобы с тобой были любовные отношения, и потому это условие прежде всего. Если увижу, что тебе нехорошо без меня или мне станет тяжело разлука со всеми и работа станет, то приеду. А там все видно будет, только бы в любви и согласии.

«Два старика» печатай, только выпусти в последнем периоде слова: «не в Иерусалиме и не у угодников»*. Портрет непременно сделаю*. Я совершенно здоров и бодр. Никуда не хожу, никого не вижу, много работаю и руками, и «головой» как черт*, встаю рано, – темно еще, и ложусь рано. До свиданья, целую тебя и детей. Пиши, как пишешь, о всех детях, – и маленьких.

63. Т. Л. Толстой
1885 г. Октября 17. Ясная Поляна.

Ай да Таня. Спасибо, милая, за письмо*. Пишите чаще, я ваши же марки буду вам собирать. Я уж набрал. Теперь без шуток.

Ты в первый раз высказалась ясно, что твой взгляд на вещи переменился*. Эта моя единственная мечта и возможная радость, на которую я не смею надеяться – та, чтобы найти в своей семье братьев и сестер, а не то, что я видел до сих пор – отчуждение и умышленное противодействие, в котором я вижу не то пренебрежение – не ко мне, а к истине, не то страх перед чем-то. А это очень жаль. Нынче-завтра придет смерть. За что же мне унести с собой туда одно чувство – к своим – неясности умышленной и отчуждения большего, чем с самыми чужими? Мне очень страшно за тебя, за твою не слабость, а восприимчивость к зевоте, и желал бы помочь тебе. Мне помогает убеждение несомненное в том, что важнее для тебя в мире, также как и для всех нас, нет ничего наших поступков и из них слагающихся привычек. Для меня, например, важнее гораздо вставать рано и отвыкнуть от табаку, чем исполнение всех моих внешних желаний, для тети Тани, от которой я получил письмо, где она говорит, что ей нужно денег, денег, денег, гораздо важнее не то, что отвыкнуть браниться, а раз удержаться от брани, чем получить ротшильдово состояние, и последний пример на закуску, тебе важнее убрать свою комнату и сварить свой суп (хорошо бы, коли бы ты это устроила – протискалась бы

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. сквозь все, что мешает этому, особенно, мнение), чем хорошо или дурно выйти замуж. Может, ты слишком согласна с этим или совсем не согласна, но меня всегда поражает эта бессмыслица: свои поступки, из которых вся жизнь, все человек считает так пустячками, а то, что не может изменить его внутренней жизни, считает очень важным. Так вот сознание важности того, что важно, и пустячности того, что пустячно, может много помочь против всяких искушений. Я только представляю себе фета, Костеньку*, Урусова, Ширковых, Золотаревых с папиросками и разговорами не интересными и не понятными друг другу и никому, и им самим не нужными; но не только их и еще m-me Seuron, нагибающуюся, чтоб слушать, но что и кого я не представляю себе из московской жизни – старых и молодых мужчин и женщин – ужас забирает меня. Одно спасенье во всякой жизни, а особенно в городской – работа и работа. Я вижу тебя, ты скажешь: все неутешительно. Дело-то в том, что не утешаться надо, а идти вперед, куда хочешь не хочешь идешь, и дело только в том, чтобы marcher droit*. А когда будешь прямо идти, будет и приятное, и очень приятное. Я по опыту говорю. Я теперь испытываю это. Я живу очень хорошо. Я никого не вижу, кроме Александра Петровича*, ресурсы которого очень ограничены, и если бы верил в счастье, то есть думал бы, что надо замечать и желать его, я бы сказал, что я счастлив. Не вижу, как проходят дни, не думаю, что выйдет из моей работы, но думаю, что делаю то, что надо, чего хочет от меня то, что пустило меня сюда жить. Разлука с семьей здесь теперь не больше той, которая всегда, когда мы все вместе. Даже тогда чувствую себя часто более одиноким. Теперь я очень, очень часто думаю о вас и думаю и чувствую вас лучше. В школу я ни разу не ходил. Чем более один, тем более занят. Письма я получил от тети Тани и от Черткова. У меня освободился экземпляр «Что же нам делать?», и я пришлю тебе завтра, да ты у мама могла бы взять. А еще почему ты не возьмешься за какую-нибудь работу для печати народных изданий? Я читаю теперь понемножечку «Bleak House» – очень хорошо, и я думал об «Oliver Twist»*. Только представить себе, как бы ты читала это в школе.

Скажи, пожалуйста, что значит Стахович*? Как ты думаешь, что он желает на тебе жениться? И почему, если желает, не делает предложения? Скажи мне откровенно, что ты об этом думаешь? В его отношениях к нашему есть много похожего на мои отношения к семейству мамá. Мамá – это тетя Таня, Лева* – это Степа* и т. д. За палец твой денег доктору платить не надобно, а вот суп, если ты уладишься и выучилась готовить, это было бы хорошо. Нынче я рубил дрова, пришли 3 дворовые мальчика и руководитель их Иван Павлыч* и остановились против меня. Я спросил, что им нужно, помялись, и Иван Павлыч подал мне бумажку: «Я, говорит, написал сочинение о бедном мужике». Сочинение ироническое, но подробности две очень хороши. У мужика по локти рукава полушубка разорваны и пальцы из сапог торчат, то когда он стал плясать, рукава замотались, как крылья у коршуна, а пальцы из сапогов, как молодые соловьи из гнезда, выглядывают. Не думай, чтоб два листика, на которых я пишу, значило то, что я разорвал и не послал, что написал, нет, это только экономия бумаги, а я пишу что попало и хотя чувствую, что очень дурно пишу, пошлю как написалось. Вчера, получив твое письмо на Козловке, я так хорошо о тебе думал я мысленно с тобой говорил, а теперь потерял тон, и вышло педантично и несвязно. Тебе отлично жить на свете – сил в тебе много и физических, и умственных, и душевных, только поблуди их. И любят тебя люди – как ты пишешь – барышни – я верю этому – любят так, ни за что. Ну прощай, душа моя. Пиши.

Л. Т.

64. П. И. Бирюкову
1885 г. Октября 20? Ясная Поляна.

Получил вчера ваше письмо, дорогой Павел Иванович, и рукопись и задумался*. Во-первых, если сказка может пройти в «Неделе», почему ей не пройти у Сытина или в полном издании с некоторыми изменениями, а во-2-х, захотелось поправить, почистить ее. Уже я сделал прежде многие поправки, так что я откладываю это дело до поездки моей жены в Петербург, которая будет через неделю*. Там вы и Н. Н. Страхов решите вместе, как поступить; а я куда приведу ее в окончательный вид*. Как мне обидно, что пропало мое письмо к Александре Михайловне*. Я писал его от души: там было и о деле – исторической работе, и просто выражение дружеского общения, которое естественно вылилось тогда. Напишу ей непременно, когда буду свободнее. Я очень занят, сидя один в деревне – семья в Москве – и хорошо подвигаюсь в своей скучной работе «Что же нам делать», разрастающейся во все стороны. Пишу с увлечением о науке и искусстве, и мне уясняется, – будет ли так же ясно другим? Разумеется, нет. Поблагодарите Александру Михайловну за

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Фрея. Как мне кажется, она оценила его больше всех*. Он пробыл 4 дня, и мне жалко было и тогда, и теперь, всякий день жалко, что его нет. Во-первых, чистая, искренняя, серьезная натура, потом знаний не книжных, а жизненных, самых важных – о том, как людям жить с природой и между собой, – бездна. Я его просил быть сотрудником нашего фантастического пока журнала – и он обещал. Он мог вести три отдела: 1) гигиена – народная, для бедняков, практическая гигиена, как с малыми средствами и в деревнях и особенно в городах людям здорово жить. По-моему, он знает по этой части больше, чем все медицинские факультеты. Он обещал это. 2) Техника первых орудий работ: топора, пилы, кочерги, стиральных прессов и снарядов мешения хлебов и т. п. Мы говорили с вами про это. Этого он не обещал, и, по-моему, надо искать такого человека, только не теоретика, а такого, который бы, как Фрей, сам все проделывал, употребляя сам те снаряды и приемы, которые он описывает.

3) Это его записки о жизни в Америке; о труде, приучении себя к нему, жизни фермерской, о жизни в общинах. Он обещал, но сомнительно, чтобы он написал это скоро*. Он был в школе со мной на вечернем чтении и начал разговор с мужиками. Надо было видеть, как разинули рты на его рассказы. Что журнал?* Вы ждете, чтоб я вас подбадривал, а я – чтоб вы.

Чертков требует текстов для картинок*. Постараюсь написать. Они же пойдут для журнала. Можно ли это?

Прощайте. Пишите, как идут и дела и приготовления к делам.

Л. Т.

Грибовский писал мне, и я отвечал ему, но, не помня его имени и отчества, написал Вячеславу Грибовскому. Если не так, то скажите ему, чтоб он спросил*.

65. С. А. Толстой
1885 г. Октября 25. Ясная Поляна.

Был вечером на Козловке и получил твое доброе письмо*, которому был очень рад. Вчера не писал; надеюсь, что ты не беспокоилась. Я совсем здоров и бодр. Вчера работал много всячески и сходил в Ясенки, и устал. Нынче очень много писал, и написал заключение*. Все это очень начерно, и еще много придется переделывать. Но все-таки я рад. Я воспользуюсь еще своим расположением, чтобы кончить хоть так, чтобы можно было, от нужды, оставить так и не трогать больше. Завтра у меня будет свободный день, если Александр Петрович не перепишет. Что ты мне не отвечаешь на то, что я писал о сказке?* Хотел писать Тане, чтоб она не думала, что я о ней не думаю, и только раз расхрабрился, написал;* но разговорился с файнерманом. Он очень удивителен. Теперь живет у Константина и ничего не ищет. Достал я себе пуд муки пшеничной, цельной и нынче опять смешил Марью Афанасьевну, как я месил. Она покатывалась со смеха, когда я хотел налить воды на стол, и вообще на мои приемы. Холодно на дворе, но зато сухо ходить. В комнатах тепло.

Целую всех детей, и больших и малых. Как успокоительно знать, что у вас все благополучно, и напиши, побольше про них и про Алешу*. Я что-то нынче о нем все думал.

Целую тебя.

Хлеб без дрожжей выходит вкусный по мне, хотя Марья Афанасьевна смеется над ним. В Москве угощу вегетарианок.

66. М. Е. Салтыкову-Щедрину
1885 г. Декабря 1-3? Москва.

Очень был рад случаю, дорогой Михаил Евграфович, хоть в несколько официальной форме выразить вам мои искренние чувства уважения и любви, но тут же узнал про ваше нездоровье; и с горем стал уже следить за известиями в газетах и из них же да от знакомых узнал, что вы поправились. Это отлично, только не верьте докторам и не портьте себя лечением.

Пишу вам о деле вот каком: может быть, вы слышали о фирме «Посредник» и о Черткове. Письмо это передаст вам В. Г. Чертков* и сообщит вам те подробности об

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.

этом деле, которые могут интересовать вас. Дело же мое следующее: с тех пор, как мы с вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. Прежде самая большая и ценная публика была у журналов – тысяч 20 и из них большая часть искренних, серьезных читателей, теперь сделалось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось – читают больше для содействия пищеварению, и зародился новый круг читателей, огромный, надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами. Те книжки «Посредника», которые вам покажет Чертков, разошлись в полгода в ста тысячах экземпляров каждая, и требования на них все увеличиваются. Про себя скажу, что, когда я держу корректуру писаний для нашего круга, я чувствую себя в халате, спокойным и развязным, но когда пишешь то, что будут через год читать миллионы и читать так, как они читают, ставя всякое лыко в строку, на меня находит робость и сомнение. Это, впрочем, не к делу. К делу то, что мне кажется, вспоминая многое и многое из ваших старых и теперешних вещей, что если бы вы представили себе этого мнимого читателя и обратились бы и к нему, и захотели бы этого, вы бы написали превосходную вещь или вещи и нашли бы в этом наслаждение, то, которое находит мастер, проявляя свое мастерство перед настоящими знатоками. Если бы я сказал вам все, что я думаю о том, что именно вы можете сделать в этом роде, по моему мнению, вы бы, несмотря на то, что не считаете меня хитрым человеком, наверно бы приняли за ласть. У вас есть все, что нужно – сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одна, не юмор, а то, что производит веселый смех, и по содержанию – любовь и потому знание истинных интересов жизни народа. В изданиях этих есть не направление, а есть исключение некоторых направлений. Но я напрасно говорю это. Мы называем это так, что мы издаем все, что не противоречит христианскому учению; но вы, называя это, может быть, иначе, всегда действовали в этом самом духе, и потому – то вы мне и дороги, и дорога бы была ваша деятельность, и потому вы сами всегда будете действовать так. Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто, кроме вас.

Л. Т.

67. В. Г. Черткову

<неотправленное>

1885 г. декабря 9–15. Москва.

Мне мучительно тяжело и ни с кем так мне не хочется поделиться этой тяжестью, как с вами, милый друг, потому что мне кажется, никто так не любит во мне то хорошее, что есть во мне, как вы. Разумеется, все это моя слабость, моя отдаленность от бога – даже известное физическое состояние, но я живу – может быть, последние часы моей жизни, и живу дурно, с унынием и раздражением против окружающих меня. Что-нибудь я делаю не так, как хочет бог, но я ищущий и не попадаю, и все та же тоска, уныние и хуже всего раздражение и желание умереть. Последние дни я не писал и не пишу еще и потому оглядываюсь вокруг себя, себя сужу и ужасаюсь.

Вся эта животная [жизнь] – да не просто животная, а животная с отделением себя от всех людей, с гордостью – идет, все усиливаясь, и я вижу, как божьи души детские – одна за другою попадают в эту фабрику и одна за другой надевают и укрепляют жернова на шею и гибнут. Вижу, что я с своей верой, с своим выражением и ее словом и делом, устранившись, получаю значение для них неприятного, неправильного явления – как бывают черви в ульях, которых пчелы, не в силах убить, замазывают, чтоб они им не мешали – и жизнь дикая с торжеством идет своим ухудшающимся порядком. Дети учатся в гимназиях – меньшие даже дома учатся тому же и закону божью такому, который будет нужен в гимназиях. Обжираются, потешаются, покупая на деньги труды людей для своего удовольствия, и все увереннее и увереннее, чем больше их становится, что это так. То, что я пишу об этом, не читают, что говорю, не слушают или с раздражением отвечают, как только поймут, к чему идет речь, что делаю, не видят или стараются не видеть. На днях началась подписка и продажа на самых стеснительных для книгопродавцев условиях и выгодных для продажи*. Сойдешь вниз и встретишь покупателя, который смотрит на меня [как] на обманщика, пишущего против собственности и под фирмой жены выжимающего сколько можно больше денег от людей за свое писанье. Ах, кабы кто-нибудь хорошенько в газетах указал ярко и верно и ядовито (жалко заднего, а нам как бы здорово было) всю подлость этого. Вчера меня просят подписать бумагу, что я по волеизъявлению мною землям передаю право на дворянские выборы сыну. Отчего я допускаю, отчего я делаю это? Вот это – то я не знаю, как мне делать. В семье я живу и никого не вижу иначе, как всякий всегда куда-то спешит и отчасти

раздражен этим спехом и, кроме того, так уверен в том, что этот спех не только нужен, но так же естественен, как дыхание. И если начнешь говорить, то он, если и не раздражится и не начнет говорить такую нелогическую бессмыслицу, что надо в каждой фразе вновь определять каждое слово, – если и не раздражен, то смотрит на часы и на дверь, думая, скоро ли кончится это ворчанье брюзгливого и не понимающего молодости, односторонне увлеченного старика. С женой и с старшим сыном начнешь говорить – является злоба, просто злоба, против которой я слаб и которая заражает меня. Что же лучше делать? Терпеть и лгать, как я лгу теперь всей своей жизнью – сидя за столом, лежа в постели, допуская продажу сочинений, подписывая бумаги о праве на выборы, допуская взыскания с крестьян и преследования за покражи моей собственности, по моей доверенности? Или разорвать все – отдаться раздражению. Разорвать же все, освободить себя от лжи без раздражения не умею, не могу еще. Молю бога – то есть ишу у бога пути разрешения и не нахожу. Иногда именно спрашиваю у бога, как мне поступать. Спрашиваю всегда так, когда мне предстоит выбор сделать так или иначе. Говорю себе, если бы я сейчас умирал, как бы я поступил? И всегда, когда я живо представляю себе то, что я уйду из жизни, я чувствую, что важнее всего уйти из жизни, не оставив по себе злобы, а в любви, и тогда склоняюсь к тому, чтобы на все соглашаться, только бы не раздражать. И главное, тогда становишься совершенно равнодушен к мнению людей. Но потом, когда оглянешься на результаты этого, на ту ложь, в которой живешь, и когда слаб духом, то делается отвращение к себе и недоброжелательство к людям, ставящим меня в это положение. Крошечное утешение у меня в семье – это девочки. Они любят меня за то, за что следует любить, и любят это. Немного еще в Левочке, но чем больше он растет, тем меньше. Я сейчас говорил с ним. Он все смотрел на дверь – ему надо что-то в гимназии. Зачем я вам пишу это. Так – хочется, потому что знаю, что вы меня любите и я вас люблю. Не показывайте этого письма другим*. Если вам совсем ясно будет, что мне лучше делать, то напишите мне. Но это – мне, по крайней мере, кажется – ужасно трудно разрешить. Разрешение одно – жить всякую минуту своей жизни с богом, делая его, но не свою волю – тогда вопросов этих не будет. Но теряешь эту опору, эту жизнь истинную на время, как я ее сейчас потерял, и тогда тяжело бьешься как рыба на берегу. Ну вот и все. Не знаю, пошлю ли письмо. Если не пошлю, покажу вам при свидании.

Писал это два дня тому назад. Вчера не выдержал, стал говорить, сделалось раздражение, приведшее только к тому, чтобы ничего не слышать, не видеть и все откосить к раздражению. Я целый день плачу один сам с собой и не могу удержаться.

68. С. А. Толстой
<неотправленное>
1885. декабря 15–18. Москва.

За последние 7, 8 лет все наши разговоры с тобой кончались после многих мучительных терзаний – одним, с моей стороны по крайней мере: я говорил: согласия и любовной жизни между нами быть не может до тех пор, пока – я говорил – ты не придешь к тому, к чему я пришел, или по любви ко мне, или по чутью, которое дано всем, или по убеждению [не доверивши мне] и не пойдешь со мной вместе. Я говорил: пока ты не придешь ко мне, а не говорил: пока я не приду к тебе, потому что это невозможно для меня. Невозможно потому, что то, чем живешь ты, это то самое, из чего я только что спасся, как от страшного ужаса, едва не приведшего меня к самоубийству. Я не могу вернуться к тому, в чем я жил, в чем нашел погибель и что признал величайшим злом и несчастьем. А ты можешь попытаться прийти к тому, чего ты еще не знаешь, и что в общих чертах – именно жизнь не для своих удовольствий (не о твоей жизни говорю, а о жизни детей), не для своего самолюбия, а для бога или для других – всегда всеми считалось лучшим и что так и отзывается и в твоей совести. Все наши споры за последние года всегда кончались одним этим. Ведь стоит подумать, отчего это так. И если ты подумаешь искренно и, главное, спокойно, то тебе будет ясно, отчего это так. Ты издаешь с таким старанием мои сочинения, ты так хлопотала в Петербурге и горячо защищала запрещенные статьи*. Да что ж там написано в этих статьях? В первой из них, в «Исповеди», написанной в 79 году, но выражающей чувства и мысли, в которых я жил года два тому назад – следовательно, без малого 10 лет тому назад. Вот что я писал. Писал не для публики, а то, что я выстрадал, то, к чему я пришел не для разговора и красивых слов, а пришел, как ты знаешь, [если ты не будешь в раздражении я приходил ко всему], к чему я приходил искренно и [серьезно] с тем, чтобы делать то, что я говорил. Вот что я писал: 56, 57, 58, 59 стр. отчеркнуты...*

Ведь ты знаешь, что все это я не писал для красоты слога, а что это было то, к чему я пришел, спасаясь от отчаяния. (Ради бога не говори, что это сумасшествие, что тебе нельзя поспевать за всякими фантазиями и т. п. Я прошу тебя не говорить этого, чтобы не развлекаться от предмета. Предмет этот теперь я, о тебе я буду говорить после, и я хочу тебе представить себя в том настоящем состоянии, в каком я нахожусь, живу и умру, прилагая все свои силы к тому, чтобы сказать одну правду перед богом.) Так вот, лет без малого 10 с того же времени, как ссоры [не из-за мелочей а] между нами все стали кончаться тем, что я говорил, что мы не сойдемся, пока не придем к одному взгляду на жизнь, с того времени моя жизнь пошла не в одних мыслях (в душе я всегда тянул к тому же) совсем в другую сторону, чем она шла прежде, и шла так, и все идет дальше и дальше по тому же направлению и в мыслях, которые я для себя более и более уясняю и выражаю, как умею ясно и точно, и в делах жизни, которые все ближе и ближе выражают то, во что я верю. Здесь, чтобы говорить о себе, я должен сказать о твоём отношении к моей изменившейся вере и жизни. Я буду говорить о тебе не для того, чтобы обвинять – я и не обвиняю, я понимаю, мне кажется, [все] твои мотивы и не вижу в них дурного, но я должен сказать то, что было, для того, чтобы было понятно то, что вышло; и потому, душа моя, выслушай ради всего святого спокойно, что я буду говорить. Я не обвиняю и не могу, не за что, и не хочу, хочу, напротив, твоего соединения со мной и любви и потому не могу желать делать тебе больно, но, чтобы объяснить свое положение, должен сказать о тех несчастных недоразумениях, которые привели нас к теперешнему разъединению в соединении, к этому мучительному для нас обоим состоянию.

Ради бога воздержись и прочти спокойно, на время отложив мысль о себе. О тебе, о твоих чувствах и твоём положении я буду говорить после, но теперь необходимо тебе, чтобы понять свое отношение ко мне, понять меня, мою жизнь, какая она есть, а не такую, какую бы ты хотела, чтобы она была. То, что я говорю тебе о том, что мое положение в семье составляет мое постоянное несчастье, есть факт несомненный, я его знаю, как знают зубную боль. Может быть, я сам виноват, но факт есть и, если тебе мучительно знать, что я несчастлив (я знаю, что тебе мучительно), то надо не отрицать боль, не говорить, что та сам виноват, а подумать, как от нее избавиться – от боли, которая болит во мне и заставляет страдать тебя и всю семью. Боль от того, что я почти 10 лет тому назад пришел к тому, что единственное спасение мое и всякого человека в жизни в том, чтобы жить не для себя, а для других и что наша жизнь нашего сословия вся устроена для жизни для себя, вся построена на гордости, жестокости, насилии, зле и что потому человеку в нашем быту, желающему жить хорошо, жить с спокойною совестью и жить радостно, надо не искать каких-нибудь мудреных далеких подвигов, а надо сейчас же, сию минуту действовать, работать, час за часом и день за днем, на то, чтобы изменять ее и идти от дурного к хорошему; и в этом одном счастье и достоинство людей нашего круга, а между тем ты и вся семья идут не к изменению этой жизни, а с возрастанием семьи, с разрастанием эгоизма ее членов, к усилению ее дурных сторон. От этого боль. Как ее вылечить? Отказаться мне от своей веры? Ты знаешь, что это нельзя. Если бы я сказал на словах, что отказываюсь, никто, даже ты, мне бы не поверил, как если бы я сказал, что 2×2 не 4. Что же делать? Исповедовать эту веру на словах, в книжках, а на деле делать другое? Опять и ты не можешь посоветовать этого. Забыть? нельзя. Что же делать? Ведь в том-то и дело, что тот предмет, которым я занят, к которому, может быть, я призван, есть дело нравственного учения. А дело нравственного учения отличается от всех других тем, что оно изменяться не может, что не может оставаться словами, что оно не может быть обязательным для одного, а не обязательным для другого. Если совесть и разум требуют, [и] мне ясно стало то, чего требуют совесть и разум, я не могу не делать того, что требуют совесть и разум, и быть покоен, – не могу видеть людей, связанных со мной любовью, знающих то, чего требуют разум и совесть, и не делающих этого, и не страдать.

Как ни поверни, я не могу не страдать! живя тою жизнью, которою мы живем. И никто, ни ты не скажешь, что бы причина, заставляющая меня страдать, была ложная. Ты сама знаешь, что, если я завтра умру, то то, что я говорил, будут говорить другие, будет говорить сама совесть в людях, будет говорить до тех пор, пока люди не сделают, или хоть не начнут делать того, чего она требует. Так что, чтобы уничтожить наш разлад и несчастье, нельзя вынуть из меня причину моего страдания, потому что она не я, а она [истина] в совести всех людей, она и в тебе. И стало быть, остается рассмотреть другое: нельзя ли уничтожить то несоответствие нашей жизни требованиями совести? Нельзя ли изменением форм нашей жизни уничтожить то страдание, которое я испытываю и передаю вам? – Я сказал, что я спасся от отчаяния тем, что пришел к истине. Это кажется очень гордым

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. утверждением для тех людей, которые, как Пилат, говорят: что истина? но гордости тут нет никакой. Человек не может жить, не зная истины. Но я хочу сказать то, что готов несмотря на то, что все мудрецы и святые люди мира на моей стороне и что ты сама признаешь истиной то же, что я признаю, я готов допустить, что то, чем я жил и живу, не истина, а только мое увлечение, что я помешался на том, что знаю истину и не могу перестать верить в нее и жить для нее, не могу излечиться от моего сумасшествия. Я готов допустить и это, и в этом случае остается для тебя то же положение: так как нельзя вырвать из меня того, чем я живу, и вернуть меня к прежнему, то как [прожить со мной наилучшим образом?] уничтожить те страдания, мои и ваши, происходящие от моего неизлечимого сумасшествия?

Для этого, признавая мой взгляд истиной или сумасшествием (все равно), есть одно только средство: вникнуть в этот взгляд, рассмотреть, понять его. И это то самое, по несчастной случайности, о которой я говорил, не только никогда не было сделано тобой, а за тобой и детьми, но этого привыкли опасаться. Выработали себе прием забывать, не видеть, не понимать, не признавать существования этого взгляда, относиться к этому, как к [литературным] интересным мыслям, но не как ключу для понимания человека.

Случилось так, что, когда совершался во мне душевный переворот и внутренняя жизнь моя изменилась, ты не приписала этому значения и важности, не вникая в то, что происходило во мне, по несчастной случайности поддаваясь общему мнению, что писателю-художнику, как Гоголю, надо писать художественные произведения, а не думать о своей жизни и не исправлять ее, что это есть что-то вроде дури или душевной болезни; поддаваясь этому настроению, ты [даже] сразу стала в враждебное отношение к тому, что было для меня спасением от отчаяния и возвращением к жизни.

Случилось так, что вся моя деятельность на этом новом пути, все, что поддерживало меня на нем, тебе стало представляться вредным, опасным для меня и для детей. Для того, чтобы не возвращаться к этому после, скажу здесь об отношении моего взгляда на жизнь к семье и детям, [чтобы ты не делала в душе], против того неправильного возражения, что мой взгляд на жизнь мог быть хорош для меня, но неприложим к детям. Есть разные взгляды на жизнь – частные взгляды: один считает, что для счастья надо [главное] быть ученым, другие – художником, третьи – богатым или знатым и т. п. Это все частные взгляды, но взгляд мой был взгляд религиозный, нравственный, тот, который говорит о том, чем должен быть всякий человек для того, чтобы исполнить волю бога, для того, чтобы он и все люди были счастливы. Взгляд религиозный может быть неправилен, и тогда его надо опровергнуть или просто не принимать его; но против религиозного взгляда нельзя говорить, что говорят, и ты иногда, что это хорошо для тебя, но хорошо ли для детей? Мой взгляд состоит в том, что я и моя жизнь не имеют никакого значения и прав, дорог же мне мой взгляд не для меня, а для счастья других людей; а из других людей ближе всех мне дети. И потому то, что я считаю хорошим, я считаю таким не для себя, а для других, и главное – для своих детей. И так случилось, что по несчастному недоразумению ты и не вникла в то, что было для меня величайшим переворотом и изменило [бесповоротно] мою жизнь, но даже – не то что враждебно, но как к болезненному и ненормальному явлению отнеслась к этому, и из хороших побуждений, желая спасти от увлечения меня и других; и с этого времени с особенной энергией потянула как раз в обратную сторону того, куда меня влекла моя новая жизнь. Все, что мне было дорого и важно, все стало тебе противно: и наша прелестная, тихая, скромная деревенская жизнь и люди, которые в ней участвовали, как Василий Иванович*, которого я знаю, что ты ценишь, но которого ты тогда сочла врагом, поддерживавшим во мне и детях ложное, болезненное, неестественное, по-твоему, настроение. И тогда началось то отношение ко мне, как к душевно больному, которое я очень хорошо чувствовал. И прежде ты была смела и решительна, но теперь эта решительность еще более усилилась, как усиливается решительность людей, ходящих за больными, когда признано, что он душевно больной. Душа моя! вспомни эти последние года жизни в деревне, когда с одной стороны я работал так, как никогда не работал и не буду работать в жизни – над Евангелием* (какой бы ни был результат этой работы, я знаю, что я вложил в нее все, что мне дано было от бога духовной силы), а с другой стороны стал в жизни прилагать то, что мне открылось из учения Евангелия: отрекся от собственности, стал давать, что у меня просили, отрекся от честолюбия [и] для себя и для детей, зная (что я и давно, 30 лет тому назад знал, то, что заглашалось во мне честолюбием), что то, что ты готовила для них в виде утонченного образования с французским, английским, гувернерами и гувернантками, с музыкой и т. п., были соблазны славолубия, возвышения себя над людьми, жернова, которые мы им надевали

на шею. Вспомни это время и как ты относилась к моей работе и к моей новой жизни. Все это казалось тебе увлечением односторонним, жалким, а результаты этого увлечения казались тебе даже опасными для детей. Боюсь сказать и не настаиваю на этом, но к этому присоединилось еще твое молодое замужество, усталость от материнских трудов, незнание света, который тебе представлялся чем-то пленительным, и ты с большей решительностью и энергией и совершенным закрытием глаз на то, что происходило во мне, на то, во имя чего я стал тем, чем стал, потянула в обратную, противоположную сторону: детей в гимназию, девочку – вывозить, составить знакомства в обществе, устроить приличную обстановку. [И в этой твоей деятельности ты почувствовала себя еще совершенно свободно. Тут ты сделала невольную ошибку.] Ты поверила и своему чувству, и общему мнению, что моя новая жизнь есть увлечение, род душевной болезни, и не вникла в смысл ее и начала действовать с решительностью даже не похожей на тебя и с тем большей свободой, что все то, что ты делала: и переезд в Москву, и устройство тамошней жизни, и воспитание детей, все это уже было до такой степени чуждо мне, что я не мог уже подавать в этом никакого голоса, потому что все [было противно моей вере] это происходило в области, признаваемой мною за зло. То, что делалось в деревне на основании взаимных уступок, по самой простоте жизни, и главное, потому что оно было старое, 20-летнее, имело все-таки для меня смысл и значение; новое же [безобразное], противное всем моим представлениям в жизни, устройство уже не могло иметь для меня никакого значения, как только то, что я пытался наилучшим, наиспокойнейшим образом переносить это. Эта новая московская жизнь была для меня страданием, которое я не испытывал всю мою жизнь. Но я не только страдал на каждом шагу, каждую минуту от несоответствия своей и своей семьи жизни и моей жизни и виду роскоши, разврата и нищеты, в которой я чувствовал себя участником, я не только страдал, но я шалел и делался гадок и участвовал прямо сознательно в этом разврате, ел, пил, играл в карты, тщеславился и раскаивался и мерзел самому себе. Одно было спасенье – писанье, и в нем я не успокаивался, но забывался.

В деревне было не лучше. То же игнорированье меня, не одной тобой, но и подраставшими детьми, естественно склонными усвоить потакающий их слабостям, вкусам, и тот взгляд на меня, как на доброго, не слишком вредного душевнобольного, с которым надо только не говорить про его пункт помешательства. Жизнь шла помимо меня. И иногда, ты не права была в этом, ты призывала меня в участия в этой жизни, предъявляла ко мне требования, упрекала меня за то, что я не занимаюсь денежными делами и воспитанием детей, как будто я мог заниматься денежными делами, увеличивать или удерживать состояние для того, чтобы увеличивать и удерживать то самое зло, от которого гибли, по моим понятиям, мои дети. И мог заниматься воспитанием, цель которого гордость – отделение себя от людей, светское образование и дипломы, были то самое, что я знал за пагубу людей. Ты с детьми выраставшими шла дальше и дальше в одну сторону – я в другую. Так шло года, год, два – пять лет. Дети росли [и порча их росла], мы расходились дальше и дальше, и мое положение становилось ложнее и тяжелее. Я ехал с людьми заблудившимися по ложной дороге, в надежде своротить их: то ехал молча, то уговаривал остановиться, повернуть, то покоряясь им, то возмущаясь и останавливая. Но чем дальше, тем хуже. Теперь уж установилась инерция – едут, потому что так поехали, уже привыкли, и мои уговариванья только раздражают. [Мне осталось одно: не потворствовать и тянуть, пока вытяну жилы в обратную сторону.] Но мне от этого не легче, и иногда, как в эти дни, я прихожу в отчаяние и спрашиваю свою совесть и разум, как мне поступить, и не нахожу ответа. Выборов есть три: употребить свою власть: отдать состояние тем, кому оно принадлежит – рабочим, отдать кому-нибудь, только избавить малых и молодых от соблазна и гибели; но я сделаю насилие, я вызову злобу, раздражение, вызову те же желания, но неудовлетворенные, что еще хуже, 2) уйти из семьи? – но я брошу их совсем одних, – уничтожить мое кажущееся мне недействительным, а может быть, действующее, имеющее подействовать влияние – оставлю жену и себя одиноким и нарушу заповедь, 3) продолжать жить, как жил; вырабатывая в себе силы бороться со злом любовно и кротко. Это я и делаю, но не достигаю любовности и кротости и вдвойне страдаю и от жизни и от раскаяния. Неужели так надо? Так в этих мучительных условиях надо дожить до смерти? Она не далека уж. И мне тяжело будет умирать с упреком за всю ту бесполезную тяжесть последних годов жизни, которую едва ли я подавлю и перед смертью, и тебе провожать меня с сомнением о том, что ты могла бы не причинять мне тех единственных тяжелых страданий, которые я испытал в жизни. Боюсь, что эти слова огорчат тебя и огорчение твое перейдет в раздражение.

Представь себе, что мне попадет твой дневник, в котором ты высказываешь свои

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. задушевные чувства и мысли, все мотивы твоей той или другой деятельности, с каким интересом я прочту все это. Мои же работы все, которые были не что иное, как моя жизнь, так мало интересовали и интересуют тебя, что так из любопытства, как литературное произведение прочтешь, когда попадетя тебе; а дети, те даже не интересуются читать. Вам кажется, что я сам по себе, а писанье мое само по себе.

Писанье же мое есть весь я. В жизни я не мог выразить своих взглядов вполне, в жизни я делаю уступку необходимости сожития в семье; я живу и отрицаю в душе всю эту жизнь, и эту-то не мою жизнь вы считаете моей жизнью, а мою жизнь, выраженную в писании, вы считаете словами, не имеющими реальности.

Весь разлад наш сделала та роковая ошибка, по которой ты 8 лет тому назад признала переворот, который произошел во мне [чем-то неестественным]; переворот, который из области мечтаний и призраков привел меня к действительной жизни, признала чем-то неестественным, случайным, временным, фантастическим, односторонним, который не надо исследовать, разобрать, а с которым надо бороться всеми силами. И ты боролась 8 лет, и результат этой борьбы тот, что я страдаю больше, чем прежде, [задыхаюсь], но не только не оставляю принятого взгляда, но все дальше иду по тому же направлению и задыхаюсь в борьбе и своим страданием заставляю страдать вас.

Как же тут быть? Странно отвечать, потому что ответ самый простой: надо сделать то, что надо было сделать с самого начала, что люди делают, встречаясь со всяким препятствием в жизни: [уничтожить это препятствие силою или] понять, откуда происходит это препятствие, и, поняв, уничтожить это препятствие или, признав его неустранимым, покориться ему.

Вы приписываете всему, только не одному: тому, что вы причиной, невольной, нечаянной причиной моих страданий.

Едут люди, и за ними валяется избитое в кровь, страдающее, умирающее существо. Они жалеют и хотят помочь, но не хотят остановиться. Отчего не попробовать остановиться?

Вы ищите причину, ищите лекарство. Дети перестанут объедаться (вегетарианство). Я счастлив, весел (несмотря на отпор, злобные нападки). Дети станут убирать комнату, не поедут в театр, пожалеют мужика, бабу, возьмут серьезную книгу читать – я счастлив, весел, и все мои болезни проходят мгновенно. Но ведь этого нет, упорно нет, нарочно нет.

Между нами идет борьба на смерть – божье или не божье. И так как в вас есть бог, вы...

Надо вникнуть в то, что движет мною и что я выказываю, как умею, тем более это нужно, что рано или поздно – судя по тому распространению и сочувствию, которое возбуждают мои мысли, – придется понять их, не так, как старательно их понимают навыворот те, которым они противны, что я только проповедую то, что надо быть диким и всем пахать, лишиться всех удовольствий, – а так, как я их понимаю и высказываю.

1886

69. В. Г. Черткову

1886 г. января 16–17. Москва.

Как вы доехали? И в каком душевном состоянии, милый друг. Я так рад, что вы пожили с нами*. У нас все хорошо. Илья меня особенно радует. Как-то ему поможет бог дальше, а он уже теперь совсем другой, – открытый и радостный. И с Сережей, кроме хороших – хотя и коротких и незначительных – разговоров с пониманием и уважением друг друга, ничего нет. Тогда как прежде было раздражение. С женою тоже хорошо – вот, вот дойдет до раздражения, но остановится на дороге, и вспомнишь, что было, и хорошо. Мне все нездоровится, горло болит, уменьшаясь, но посередине дня жар, и работать ни так ни сяк не могу хорошенько. Нынче немножко пописал «Ивана Ильича» и скоро стал путаться*. Получил я от Ростовцева письмо с вопросом о вас*. Видно, как он вас любит. Он говорит, что, по его мнению, вам необходима физическая работа. Я думаю, что он прав. Физическая усталость непременно вам нужна и хорошо должна действовать на вас. Мне с вами было очень хорошо, но я заболел в последний день и боюсь, что неприятно для вас и глупо говорил с вами о вашей строгости. Ничего не вышло, а вышло, что вам было

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. неприятно; вы простите меня. Милый Ге все у нас, старший, все работает, и все лучше и лучше. Как выздоровлю, так примусь заказывать фототипии*.

Эртель прислал мне свой рассказ, предоставляя право сокращать, прибавлять и прося печатать (если годится) без имени*. Рассказ по языку и правдивости подробностей и по содержанию хорош, но нехорошо задуман – распушено и не отделан. По-моему, его можно напечатать, но только, только можно, если не будет лучшего. Посылаю вам его и сказку Цебриковой*. Занимался я тоже Буддой*. Хотелось бы с божьей помощью составить эту книжку. Получил я тоже сказку малороссийскую, легенду Костомарова «Сорок лет». Я вспомнил ее. Это превосходная вещь. Я ее буду читать еще. А вы постарайтесь достать, называется «Сорок лет», и прочтите*. Сказка Леонтьева может быть приобретена, как он передал Фету, за 150 или за 300 руб. Я не понял. Но я достану и перечту ее, и тогда уже предложу вопрос о деньгах за нее. Стоит ли?* «Mare au diable» взял Ильюша. «Miserables» очень поправилось Сереже*. Я буду поощрять его. Напишите мне поскорее доброе письмо, которое бы изгладило что-то шершавое, которое было в последние минуты нашего свидания. Передайте Павлу Ивановичу и Александре Михайловне мое... (не знаю, как написать), то есть, что я их люблю и помню, чего и от них желаю.

«Pauvres Gens» – Victor Hugo в «Роднике» перевод*.

70. В. Г. Черткову
1886 г. Января 23. Москва.

Посылаю вам назад два рассказа*. Оба нехороши, – ничтожны. Один о мачехе – делает впечатление выдуманного, другой – о старике – хорош, но слишком отрывочен. Если бы была описана прежняя жизнь чиновника, то было бы хорошо, а то не займет. По-моему, не стоит печатать.

Посылаю вам легенду Костомарова «Сорок лет». Это превосходнейшее сочинение. Я хотел – и начал – исправить язык и кое-что, но потом раздумал делать это теперь. Легенда сама по себе очень опасна для цензуры, и потому надо постараться пропустить ее в том виде, в каком она есть. Поправки могут сделаться поводом придинок. Потом же, когда она пройдет в сытинском издании, можно и должно, и мне очень хочется – немного, как мне надеется, улучшить ее. Нынче же пишу в Киев к знакомой вдове Костомаровой, прося разрешения печатать эту легенду*. Вы, с своей стороны, сделайте демарши к Костомаровой для получения разрешения. На меня эта история производит ужасающее впечатление. И мне кажется, что такое же она должна производить на всякого простого русского человека. Только бы цензура пропустила. Употребите все усилия.

Все последние дни я занимался тем, что писал текст к «Тайной вечере» Ге*. Я дал переписывать и пришлю вам с картиной. Мне кажется, что это была бы очень хорошая, богоугодная картина. Что вы скажете и что скажет цензура? – Получил ваше письмо вчера и рад был*. Вот что хотел вам сказать: не будем хвалить, а будемте укорять друг друга. Так делали – и хорошо делали – первые христиане. Говорить приятное хорошо, чтобы усилить любовь. А между нами, между всеми нами, ищущими соединения в Христе – в его истине, не нужно – я чувствую это – усиливать ее, а нам нужно помогать друг другу. Ищу, чем бы укорить вас для начала; но не нахожу, не оттого, что нет, а оттого, что я нынче ленив и слаб духом. А впрочем, нашел: вы говорите: скоро умру и утешаюсь. Это дурно. Надо любовно и потому радостно делать дела жизни – все. Тяготиться – упрекать Отца. Я с самой моей горловой болезнью не могу справиться и все сижу дома и в самом – вчера и нынче – мрачном настроении. И радуюсь тому, что убеждаюсь, что мрачное физическое (желчь) настроение не может победить человека, то есть заставить его быть злым к людям. Меня радует, что я переживаю это мрачное физическое состояние совсем не так, как прежде.

Смерть оставила свой след на всех нас, и думаю, что хороший. Ге старший уехал к Олсуфьевым дней 5 тому назад. И нынче жду его.

Прощайте, мой друг, пишите, когда захочется, и про себя больше. Сейчас получил Лева ваше письмо*.

Я очень радуюсь вашему общению с моими сыновьями. Нынче я говорю Илье, как важно не защищать свое положение, чтобы узнать истину. А он говорит: нет, – нужно одно: отречься от себя. Это говорит тот Илья, который месяц назад был враг учения Христа.

Поцелуйте милого Павла Ивановича и скажите, что благодарю за письмо и не отвечаю, потому увижу его, чему радуюсь. Сейчас прочел рассказ Озмидовой и нахожу, что он очень хорош, особенно по языку и духу. Я думаю, что хорошо его напечатать*. – Отсылаю вам его назад.

71. Ф. Ф. Тищенко
1886 г. февраля 11? Москва.

Федор Федорович!

Получил ваше письмо и рассказ*. Рассказ надеюсь поместить и выслать вам за него деньги; ждите спокойно, зная, что если деньги еще не пришли к вам, то это значит только то, что дело не кончено. Если бы был отказ, то я бы вас извести. Но дело не в 50 рублях и не в 50 миллионах. Денежная сторона дела не только ничтожная, но и вредная. Избави вас бог от того, чтобы сделать свое писание средством приобретения денег. Дело в том, чтобы не погрешить словом, а употреблять его на пользу людям. От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься. За всякое слово праздное дашь ответ в день Суда. Из вашего рассказа я заключил, что вы имеете способность чувствовать за других и словами связно и ясно выражать эти чувства, и потому полагаю, что вы можете быть полезным людям писанием, если только вы в своем писании будете руководствоваться любовью к людям и истиной. Есть издания «Посредника» (может быть, вы слышали про них; а если не слышали, то я посылаю вам несколько этих изданий), в котором я принимаю участие и которое считаю самым важным делом. Получив и прочтя ваш рассказ, я тотчас же прикинул его на ту мерку, которой я руководствуюсь для писания и выбора книг для этого издания. С первых же страниц я заметил в вашем рассказе достоинства: живого, образного описания событий и недостатки, почерпнутые вами из нашей господской и ничтожной литературы: 1) непоследовательность рассказа: после описания болезни Луки – описание деверьев Анны*, которое перебивает рассказ, и 2) ненужные эпитеты и украшения и округления слога, которые только расхолаживают впечатление. Читая дальше, я заметил, что рассказ ведется с знанием быта и верным описанием и с чувством, но те же недостатки украшения слога, иностранных слов – «горизонт» и т. п., и, кроме того, недостаток полной естественности. Например: 1) если женщина могла родить и вернуться на работу, то это надо было подробнее объяснить. 2) Ошибка Анны о том, что урядник спрашивает ее об ее грехе, само по себе верно и очень хорошо, но описано неестественно, преувеличено и оттого много теряет. Преувеличена тоже сцена суда. Но все это ничего. Недостатки есть во всяком произведении; в общем, повесть написана хорошо. Но главное то, что вся повесть обращена не к большинству людей, – не к простым людям, не к таким Аннам, которых так много мучается на свете, а к интеллигентному читателю, к урядникам, к судейским. Эти могут почерпнуть пользу из повести; люди же простые, сама Анна и ее близкие ничего не почерпнут, кроме или того, что грех не грех, или же – отчаяния. И в этом вы испортили свою повесть влиянием господской отрицательной и байронической литературы. Если бы вы писали, имея в виду Анн и отца ее убитого ребенка, вы бы написали то же, но осветили бы это иначе. И вышла бы прекрасная повесть. Общий вывод мой тот, что если вы верите в истину (истина одна – учение Христа), то вы можете писать хорошо; но только при том неременном условии, чтобы иметь в виду не исключительную публику образованного класса, а всю огромную массу рабочих мужчин и женщин. Если вы не читали тех книг, которые я посылаю вам, то прочтите их и вникните и в направление, и в характер их и попытайтесь написать такую же. Мне кажется, что вы можете. Направление ясно – выражение в художественных образах учения Христа, его 5 заповедей; характер – чтобы можно было прочесть эту книгу старику, женщине, ребенку и чтоб и тот и другой заинтересовались, умилились и почувствовали бы себя лучше.

Лев Толстой.

Постарайтесь писать в этом роде. Если вам нужны деньги, то вы получите и деньги за этот труд. Но, ради Христа, не стройте свою материальную жизнь на литературной работе. Это разврат.

72. П. А. Денисенко
1886 г. февраля 19? Москва.

Павел Александрович!

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Дело, занимающее вас – народный театр, очень занимает и меня*. И я бы очень рад был, если бы мог ему содействовать; и потому не только очень буду рад тому, что вы переделаете мои рассказы в драматическую форму*, но и желал бы попытаться написать для этого прямо в этой форме. Откровенно вам скажу, что я не понимаю цели вашего журнала, полагаю, что он не может принести никакой пользы, и потому этому делу не сочувствую. Если вы имеете что сказать о народном театре, то это всегда можно сделать в книжке, статье, в журнале. Издание же журнала поглощает много времени непроизводительно и втягивает невольно во многое нехорошее. Главное же, издание вашего журнала отвлечет от вашего главного, огромного по назначению дела: попытки сделать из театра игрушки, препровождения времени или школы разврата, орудие распространения света между людьми. Отдайтесь все этому делу и не раздумывая, не готовясь прямо, перекрестясь, прыгайте в воду; то есть переделывайте, переводите, собирайте (я сейчас напишу) пьесы такие, которые имели бы глубокое, вечное содержание и были понятны всей той публике, которая ходит в балаганы, и ставьте их, и давайте, где можно – в театрах ли, в балаганах ли. Если вы возьметесь за это дело, я всячески – и своим писаньем, и привлечением к этому делу людей, которые могут дать средства для затрат (если это нужно), буду служить этому делу. Но дело само по себе огромного значения и доброе божье дело; и непременно пойдет и будет иметь огромный успех. Где тут еще издавать журнал. Это дело займет вас и всех тех, которые возьмутся за него; и если сотни людей отдадутся все этому делу – все будет мало. Я просил моего друга Владимира Григорьевича Черткова повидаться с вами, чтобы переговорить об этом*. Но вы все-таки напишите, пожалуйста, мне, как именно вы хотите приступить к самому делу, к представлению народных пьес.

Насчет участия моего в вашем журнале я не только не могу обещать вам, но должен прямо сказать, что не вижу никакого вероятия того, чтобы я исполнил ваше желание. Жизни остается мало, а работы очень много. А кое-что печатать я считаю не хорошим, кроме того, есть много редакций, которым я обещал.

Желаю всей душой вам успеха в деле народного театра.

Лев Толстой.

73. В. Г. Черткову
1886 г. февраля 22. Москва.

Я не уехал в деревню. На другой день после вас мне стало нездоровиться, и я два дня не выходил, – нынче, суббота, здоров. Пишу вам, чтоб не потерять ваших писем. Когда и если поеду, извещу вас. Получил от Оболенского его рассказ*. Не хорошо. Все нереально – так не могло быть, и действует неприятно, и думаю, так же подействует на крестьян. Я ничего не делал, только читал и думал. Диккенс все больше и больше занимает меня. Орлова я просил передать «Историю о двух городах»*. Озмидова буду просить «Крошку Доррит»*. «Общий друг» прелестно. Надо только как можно смелее обращаться с подлинником: ставить выше божью правду, чем авторитет писателя. Я бы взялся за «Нашего общего друга», да хочется делать другое. А хорошо бы, если бы кто-нибудь из нас сделал это*.

Как вы доехали и как живете? Мне вы казались грустны в последнее свидание. Я ли был в дурном духе (я и был в нем) и мне показалось, или вы точно были грустны.

Последние дни у меня был Орлов и начал писать для Софьи Андреевны предисловие от издательницы к «Что же нам делать?». И написал прекрасную статью, в которой указывает различие моих взглядов от социалистов и революционеров. «Те хотят исправить мир, а этот хочет спасти душу». Предисловие едва ли выйдет, а статья хорошая*. Получил очень хорошее письмо от г-жи Максимович – просит ненапечатанных статей*. Я сейчас – утро – хочу дописывать сказку о «Крестнике»*.

74. В. К. Фрею
1886 г. марта начало. Ясная Поляна.

Дорогой Владимир Константинович!

Получил ваше письмо* и внимательно прочел его. Есть недоразумение между нами в том, что под словом религия мы – вы и я – понимаем две различные сущности. Будет возможность, то я постараюсь письменно разъяснить вам это. И это разъяснение одно даст ответ на ваши тезисы. Без этого же разъяснения и ответы невозможны. Л. П. Свешникова пока письменно сообщит вам кое-что об этом*. Пока же мне хочется

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. только выразить вам мое уважение и любовь к вам и полное сочувствие – не платонически, а на деле – проповедуемому вами учению. Есть люди, для которых истина открывается только с вашей стороны, и таких людей я прямо направляю к вам.

Прочел вашу брошюру (благодарю за присылку книг вашу жену*). Она превосходна: она проповедь того пути спасения от зла, в котором погрязли социалисты-революционеры, но она выводит их только из зла и неразумия, положительное же дастся им только религией. Под религией же мы с вами понимаем различные сущности: вы понимаете общее мирозерцание, согретое чувствами, я – выражение простых непререкаемых нравственных истин, которые неизбежно изменяют жизнь, – как, например, истина единобрачия, непротivления злу и др.

Мне теперь нездоровится, и только потому не решаюсь писать вам подробно. Братски целую вас и прошу передать мой братский же привет вашей жене и друзьям.

Лев Толстой.

75. Т. М. Бондареву
1886 г. Марта 1–20? Москва.

Я получил в прошлом году ваше письмо*, на которое не успел ответить, вчера получил письмо от Леонида Николаевича о вас же;* и теперь отвечаю на то и на другое. Вашу проповедь я списал для многих моих друзей, но печатать ее еще не отдавал. С нынешней почтой пошлю в Петербург, в журнал «Русское богатство», и приложу все старание, чтобы она была отпечатана так, как вы хотите, без всякого приложения и отнятия. Если она будет отпечатана, то вам вышлетя экземпляр этой книжки*. Из вашей статьи я почерпнул много полезного для людей и в той книге, которую я пишу об этом же предмете, упомянул о том, что я почерпнул это не от ученых и мудрых мира сего, но от крестьянина Т. М. Бондарева*. Свое писание об этом я очень желал бы прислать вам, но вот уж лет пять все, что я пишу об этом предмете, о том, что мы все живем не по закону бога, все это правительством запрещается, и книжки мои запрещают и сжигают. По этому-то самому я и писал вам, что напрасно вы трудитесь подавать прошения министру внутренних дел и государю*. И государь, и министры, все запрещают даже говорить про это. От этого самого я и боюсь, что и вашу проповедь не позволят напечатать всю вполне, а только с сокращениями. Большое сочинение ваше я бы желал прочесть, но если это так затруднительно, то что ж делать*.

Я думаю так, что если человек понял истину Божию и высказал или написал ее, то она не пропадет. Моисею не довелось увидеть обетованной земли, а он-то и привел в нее народ. Так-то и всем слугам Божиим. Плохой тот пахарь, который оглядывается назад: много ли он напахал? Скажу вам про себя: пока я писал книжки о пустяках – по шерсти гладил – все мои книжки хвалили и печатали, и царь читал и хвалил; но как только я захотел служить богу и показывать людям, что они живут не по закону, так все на меня опрокинулись. Книжки мои не пропускают и жгут, и правительство считает меня врагом своим. Но скажу вам, что это не только не огорчает меня, но радует, потому что знаю, что они ненавидят мое писание не за меня, а за то, что оно обличает их; за то, что я говорю о Божием законе, и они его ниспровергли. И я знаю, что закон Божий скрыть нельзя, он в огне не сгорит и в море не потонет. А от гонения он только яснее виден людям тем, которые стремятся к богу.

Так-то и вы не тужите о том, что прошения ваши не принимают и ответа не дают. Вы сами говорите, что на кого жалуетесь, тому и прошение подаете. Не тужите и о том, что ваши ближние вас не понимают и не ценят. Что вам за дело? Ведь вы не для славы человеческой трудились и трудитесь. А если трудитесь для бога, то бог, видящий втайне, – воздаст явно. Только бы знать, что служишь сыну Божию. А ваше дело Божие. Оно принесло плоды и принесет, только не придется нам видеть их и вкусить от них. Я знаю по себе, что ваше писание много помогло людям и будет помогать. А чтобы сразу это все так сделалось – этого нельзя и ждать не надо.

Заставить всех силком трудиться никак нельзя, потому что сила-то вся в руках тех, которые не хотят трудиться. Надо, чтобы люди сами поняли, что жизнь трудовая, по закону бога, блаженнее, чем тунеядство. И есть люди, которые понимают это и сами бросают тунеядство и с охотой берутся за земельный труд. Заблудшие же люди еще не понимают этого и отстаивают всеми силами свое тунеядство и не скоро поймут свое заблуждение. А пока они сами не поймут, – с

избрание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. ними ничего не сделаешь. И вот чтоб они поняли это, нужно им разъяснить закон бога.

Вы это самое и делаете – служите этим богу и потому знаете, что вы победите, а не они; а скоро ли это будет? – это дело божие. Так я сужу.

Прощайте, уважаемый друг и брат Тимофей Михайлович. Помогай вам бог. Рукопись вашу, если ее не напечатают, пришлю вам.

76. Т. М. Бондареву
1886 г. Марта 26. Москва.

Прочел я и большую вашу рукопись и прибавление*. И то и другое очень хорошо и вполне верно. Я буду стараться и сохранить рукопись, и распространить ее в списках или в печати, сколько возможно. По моему мнению, некоторые статьи из нее надо выпустить для того, чтобы не ослабить силу всего. Выпущенные статьи я поместил бы в примечаниях в конце. Как вы об этом думаете? Насчет того, получил ли министр вашу рукопись, я не мог узнать, но и узнавать это бесполезно, потому что, по всем вероятностям, он ее даже и не читал, а бросил куда-нибудь в канцелярии; а если бы и прочитал, то только бы посмеялся. Я часто читаю вашу рукопись моим знакомым, и редко кто соглашается, а большею частью встанут и уйдут. Когда ко мне соберутся скучные люди, я сейчас начинаю читать рукопись, – сейчас все разбегутся; но есть и такие, которые радуются, читая ее. Я в этой рукописи со всем согласен и сам только об этом и пишу, но только я смотрю на это с другой стороны.

Я спрашиваю себя: каким образом могли люди скрыть от себя и других первородный закон?

Каким образом могли уволиться от исполнения его? И на это отвечаю: что одни люди взяли власть над другими (избрание на царство Саула) и вооружили одних людей и подчинили их себе. Вот эти-то люди, начальники, солдаты, и отступники первые от первородного закона. Они стали сплошь брать хлеб, а потом деньги, и им можно было не работать хлебный труд. А потом стали они своим близким раздавать хлеб и деньги. И так завелись белоручки. И потому я думаю, что две причины всего зла: одна, что скрыт первородный закон (в поте лица снеси хлеб твой), а другая, что скрыт другой закон: вам сказано – око за око и зуб за зуб, а я говорю – не противься злу. Этот закон относится ко всем людям, и никто, в какое бы звание ни был он облечен, не имеет права нарушать его. А когда не будет насилия, тогда нельзя будет никому уклониться от закона хлебного труда, потому что кто не захочет работать, тот будет побираться или помрет с голоду. Первый закон: в поте лица снеси хлеб твой; но чтобы закон этот не нарушался, нужно, чтобы соблюдался и другой закон: не противься злему.

Ну, пока прощайте, дай вам бог всего хорошего. Я в вас нашел сильного помощника в своем деле. Надеюсь, что и вы найдете во мне помощника. Дело наше одно.

Лев Толстой.

26 марта 1886 г.

77. В. Г. Черткову
1886 г. Апреля 3. Москва.

Думаю завтра отправиться в путь в Ясную с Колечкой и Стаховичем*. Мне все это время нездоровилось, и оттого не писал вам. Работал я над пословицами*. Думается с помощью Озмидова составить хорошую книжку. Я передал ему то, что сделал. Нынче он прочел мне статью о квакерах*. Ее непременно надо напечатать. И такую же статью о Миклухе-Маклай и о штундистах, у которых увезли их имущество и потом возвратили*. Эти явления все, кроме нас, старательно скрывают, потому мы должны писать о них. Иванов, сын фельдшера, – я говорил вам – написал очень хорошую повесть, посылаю ее вам*. Если она будет напечатана, ему надо дать за работу денег. Буду жив, буду писать вам из деревни. Обнимаю вас и Павла Ивановича. Мои поклоны Александре Михайловне, Дитерихс*.

Не знаю, что буду делать дорогой и в деревне, но надеюсь, что буду чем-нибудь служить за корм. Иду же главное затем, чтобы отдохнуть от роскошной жизни и хоть не много принять участие в настоящей.

Л. Т.

78. С. А. Толстой
1886 г. Апреля 9. Ясная Поляна.

Из Ясной. 11-й час вечера.

Получил все твои письма*. Очень был рад и благодарен. Одно жалко, что ты беспокоишься, и все напрасно. Мы шли прекрасно. Осталось, как я и ожидал, – одно из лучших воспоминаний в жизни. Здоровье сначала и до конца было лучше, чем в Москве, и превосходно. Трудностей никаких нет. Это точно как человек, который на суше бы вообразил, что он на острове, а кругом море. Так мы, сидя в городах, в наших условиях. А только пойдешь по этому морю – то это суша, и прекрасная. Мы с Колечкой – он был первый ходок, я второй, близкий к нему, Стахович – ослабел. С Колечкой говорили, что это одно из поучительнейших и радостнейших времен – кроме ласки и добродушия мы ничего не видали и сами никому не оказывали. Питались чаем, хлебом – и два раза щами и чувствовали себя бодрыми и здоровыми. Ночевали по 12 человек в избе и спали прекрасно. Я засыпал поздно, но зато мы выходили не так рано. По дороге подъехали 2 раза – всего 25 верст. Очень радуюсь за тебя, за 12-ю часть, и для себя радуюсь преимущественно за «Ивана-дурака»*. Пришли мы в Ясную в 8 часов. Леля с Алсидом были на тяге. Потом пришли они и с Файнерманом и пили чай. Леля и Алсид веселы и здоровы, ходят с Фомичом на охоту.

Благодарю m-me Seuron за книжечку и карандаш, я воспользовался ими немножко по случаю рассказов старого, 95-летнего солдата, у которого мы ночевали. Мне пришли разные мысли, которые я записал*.

Целуй Сережу, – он, верно, помогает тебе, – Таню – она, верно, успокаивает тебя, когда ты волнуешься, Машу, – она, верно, тоже помогает, и малышей, – они, верно, радуют, – особенно Андрюша. Он был хорош последнее время. Тебя я очень люблю и беспрестанно о тебе думаю. С Ильей, верно, ты уж сговорилась. Он бывает хорош, когда не фыркает. Кузминских поцелуй. Уж вот кто успокоит: и отец и дочь.

Не взыщи, что бестолково письмо. Пишу и засыпаю. До свиданья, душенька, коли бог даст.

79. С. А. Толстой
1886 г. Апреля 29–30. Ясная Поляна.

Приехал вчера благополучно и скучно, то есть без разговоров. Трескин подсел в Подольске – до Серпухова. Дождь лил дорогой, но от Козловки ехать было хорошо. Дома все благополучно. Напился чая с Файнерманом и Филиппом и прочел письма, полученные здесь. Лег в час в маленькой комнате. В доме еще сыро, но было топлено и тепло. Нынче лягу в большой комнате к стене от приспешной, которая топится. Пишу это для твоего успокоения. Сам же знаю, что нездоровья от стен не может быть, если не сидеть в них без движенья. А я хочу поменьше сидеть.

Нынче встал в 8, убрался, разобрался вещами, сходил к Агафье Михайловне, к Катерине Копыловой и после обеда поеду пахать. Я вспомнил одно дело: этот Клопский, который писал такое трогательное письмо, говорил мне, что у него есть стихи*. Я сказал ему, что меня не интересуют стихи. Это может огорчить его, и стихи могут быть хороши. Я думаю, Сережа помнит его адрес. Пошли к нему эту записку*.

Целую тебя и всех детей от малых до больших.

Вчера поехал пахать. Вернулся в 7-м часу и очень устал. Хотел послать письмо, – сам свезти, но проспал. Вчера же пришла вечером с Файнерманом одна одесская девица*. Она приехала сюда назад тому неделе и живет у Прокофья Власова на деревне. Я хорошенько не мог понять ее и не буду стараться; а буду стараться выпроводить ее отсюда, так как все эти лишние чужие лица – есть великая тягость. Узнал я про нее следующее: она дочь крымских помещиков, воспитывалась в астраханской гимназии, потом жила с сестрою в Одессе в библиотеке. Она, как говорит, с молодых лет имела страсть к деревенской жизни и физическому труду. Родители ее ей в этом препятствовали. В Одессе она прочла: «В чем счастье»* и решила пойти в деревню работать. Сначала хотела ехать на Кавказ, но потом выдумала ехать в Ясную Поляну. Здесь она ходила раз на поденную. Здесь же она от

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. файнермана взяла «В чем моя вера» и прочла в первый раз, и говорит, что ее все взгляды теперь изменились, и не решила еще, что ей делать. Революционеркой она не была. Она знает по-английски, по-французски, ей 24 года, худая и скорее болезненная. Вот все, что я о ней узнал. Надеюсь, что она скоро уедет. Я же, пока она не уедет, постараюсь игнорировать ее. Если бы ты была тут, то ты бы поняла ее лучше и могла бы посоветовать. Несмотря на усталость, я отлично спал и прекрасно себя чувствую. Теперь 1-й час, я немного занялся – больше обдумыванием и конспектом – будущего, чем работой и теперь 1-й час иду пахать. Погода свежая, но сухая. По вечерам жуки и соловьи, трава так и лезет, и зелена, и свежа, и радостна, – удивительно. Нынче верно получу письма. Я не столько проспал – тебе послать письмо, сколько хотелось тебе обстоятельно описать эту странную девицу. В пользу ее говорит то, что она очень скромна, и вчера вовсе не хотела приходить ко мне, но я просил файнермана пригласить ее с тем, чтобы понять, что такое и зачем она приехала.

Целую тебя, милый друг, и детей от мала до велика, и особенно Андрюшу и Мишу.

Приписываю вечером, 10 часов. От 1 до 7 пахал и устал, и наелся и здоров физически и духовно, как лучше не желаю и как желаю всем.

80. С. А. Толстой
1886 г. Мая 4. Ясная Поляна.

Пишу утром с тем, чтобы не торопиться вечером. Гостей своих* вчера спровадил и остался с большим удовольствием один. Целый день шел дождь. Я походил по лесу, – сморчков не нашел, но набрал фиалок. Дома было много приходивших мужиков. Всегда была бедность, но все эти года она шла, усиливаясь, и нынешний год она дошла до ужасающего и волей-неволей тревожащей богатых людей. Невозможно есть спокойно даже кашу и калач с чаем, когда знаешь, что тут рядом знакомые мне люди – дети (как дети Чиликина в Телятинках, кормилица Матрена Тани) – ложатся спать без хлеба, которого они просят и которого нет. И таких много. Не говоря уже об овсе на семена, отсутствие которых мучает этих людей за будущее, то есть ясно показывает им, что и в будущем, если поле не посеется и отдастся другому, то ждать нечего, кроме продажи последнего и суммы. Закрывать глаза можно, как можно закрывать глаза тому, кто катится в пропасть, но положение от этого не переменяется. Прежде жаловались на бедность, но изредка, некоторые; а теперь это общий один стон. На дороге, в кабаке, в церкви, по домам, все говорят об одном: о нужде. Ты спросишь: что делать, как помочь? Помочь семенами, хлебом тем, кто просит, можно, но это не помощь, это капля в море, и, кроме того, сама по себе эта помощь себя отрицает. Дал одному, 3-м, почему не 20-и, 1000, миллиону. Очевидно, нельзя дать, отдав и все. Что же делать? Чем помочь? Только одним: доброй жизнью. Все зло не от того, что богатые забрали у бедных. Это маленькая часть причины. Причина та, что люди и богатые, и средние, и бедные живут по-зверски, – каждый для себя, каждый наступая на другого. От этого горе и бедность. Спасенье от этого только в том, чтобы вносить в жизнь свою и потому других людей другое – уважение ко всем людям, любовь к ним, заботу о других и наиболее возможное отречение от себя, от своих эгоистических радостей. Я не тебе внушаю или проповедую, я только пишу то, что думаю – вслух с тобой думаю.

Я знаю, – и ты знаешь, – всякий знает, – что зло человеческое уничтожится людьми, что в этом одна задача людей, смысл жизни. Люди будут работать и работают для этого, почему же мы не будем для этого самого работать.

Расписался бы я с тобой об этом, да почему-то мне кажется, что ты, читая это, скажешь какое-нибудь жестокое слово, и рука нейдет писать дальше. Погода нынче прелестная, жаркая. Нынче хочу на ночь истопить дом. А завтра в самое солнце открыть. Уж и нынче вверху воздух ходит теплый, и сырости не очень слышно. Я помню, ты перед отъездом говорила что-то о ключе от ключей. Дала ты мне его или нет? Если не дала, то пришли, если же да, то напиши. Его нет, а я закажу ключ новый. Дом вымыт, и если стоит так, то дня через 4 можно переезжать. Только как у вас дела. Что кашель мальшей? Приехал ли Колечка*? Прощай, милая. Видел тебя нынче во сне, что ты меня обижаешь. Это значит обратное. Да будет так. Целую тебя и детей. Как хорошо, что Илья с Левого с тобой сидят. Так и надо. Больше в кучке. Маша перестала ли плакать? Перестала ли Таня нанимать за 5 рублей лошадь на час? 5 рублей хлеб на месяц детям вместо корок. Боюсь, что в Москве это непонятно. И жду, жду поскорее вас всех сюда. Благодарствуй за яблоки и апельсины (лишние). Вообще ты очень мною озабочена. А я здоров совершенно. Чего ни хвачусь, все есть. Все ты положила.

Получил твое письмо. На девиц ты напрасно так напала*. Они запутанные, но очень добрые и чистые. Об Орлове* я нынешний год тоже слышал. Это очень жалко.

81. Н. Н. Златовратскому
1886 г. Мая 20? Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Простите, что не отвечал на то письмо ваше – не мог тогда*. Я душевно радуюсь тому сочувствию, которое вы выражаете и испытываете к Бондареву. Я еще больше любил вас за это. Я написал кое-что в виде предисловия*. Пожалуйста, прочтите и напишите мне свое мнение.

<2> Я очень недоволен написанным. Вспоминаю о вас, знаете, по какому случаю. Много встречаю людей, напоминающих мне того пьяницу портного, которого вы мне читали. Это верный признак, что образ художественный, настоящий. Кончили ли вы? Дайте это в «Посредник»*. Вам и бог велел быть одним из лучших сотрудников. Постараюсь написать для сборника*.

Дружески целую вас и желаю спокойствия душевного для работы. Передайте мой привет вашей жене.

Л. Толстой.

82. А. Н. Островскому
1886 г. Мая 22? Ясная Поляна.

Любезный друг, Александр Николаевич!

Письмо это передаст тебе мой друг Владимир Григорьевич Чертков*, издающий дешевые книги для народа. Может быть, ты знаешь наши издания и нашу программу, если нет, то Чертков сообщит тебе. Цель наша издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку людей, и имеет нравственное содержание, согласное с духом учения Христа*. Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям, и потому мы просим тебя разрешить печатание твоих сочинений в нашем издании и писать для этого издания, если бог тебе это положит на сердце. Обо всех подробностях, если ты согласишься (о чем я очень прошу и в чем почти уверен), то о всех подробностях – что, как печатать и многом другом – переговори с Чертковым. Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно – общенародным в самом широком смысле писателем*.

Дружески целую тебя и желаю душевного спокойствия и здоровья.

Лев Толстой.

83. В. Г. Черткову
1886 г. Мая 27–28. Ясная Поляна.

Получил ваше письмо*, милый друг, и очень рад был ему. Мое – пожалуй, не застанет вас в Петербурге. Мы живем хорошо. Продолжаю понемногу работать – больше теперь руками, чем головой, так как больше тянет к этой работе. Кроме того, много гостей. Был Озмидов, Грибовский, Марья Александровна Шмит и Сосновский и теперь тут. Озмидову я был очень рад. И мне очень хорошо было с ним. Я рад тоже тому, что в моих домашних разрушилось предубеждение к нему. Грибовский очень молод. Это главное, что надо помнить о нем, и еще то, что первое пробуждение его душевной деятельности было революционное – так называемое научное. Какая это страшная чума! То же и еще в гораздо большей степени с Сосновским. Мы часто обманываемся тем, что, встречаясь с революционерами, думаем, что мы стоим близко рядом. Нет государства – нет государства, нет собственности – нет собственности, нет неравенства – нет неравенства и многое другое. Кажется, все одно и то же. Но не только есть большая разница, но нет более далеких от нас людей. Для христианина нет государства, а для них нужно уничтожить государство; для христианина нет собственности, а они уничтожают собственность. Для христианина все равны; а они хотят уничтожить неравенство. Это как раз два конца несомкнутого кольца. Концы рядом, но более отдалены друг

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. от друга, чем все остальные части кольца. Надо обойти все кольцо для того, чтобы соединить то, что на концах.

Помешали мне писать это письмо Сосновский с Файнерманом. Они пришли с деревни (Сосновский жил 2 дня у Файнермана), и мы очень хорошо поговорили. Я, между прочим, прочел Сосновскому то, что пишу о нем. Он мне очень понравился. Доброты в нем много. Сейчас он уезжает. Если вы переписали начало рассказа о мужике и мальчике* (из моих бумаг; очень измаранная), то пришлите мне ее. Я нынче о ней думал. Может быть, удастся написать. Очень меня занимает теперь не только Будда, но и браманизм, и Конфуций, и Лаодци. Может быть, ничего не выйдет, а может быть, выйдет что-то*, о чем не стану писать, потому что в письме не расскажешь. У нас нынче набралась куча гостей – молодежь, Сережа приехал, Кузминский, и заливают море пустоты и соблазнов детей, и они отдаются, а я борюсь хоть не с соблазнами, но с досадой на тех, кто их вводят. И надеюсь, что бог поможет. С особенной любовью думаю в такие минуты о вас и всех мне близких. Пишите почаще, милый друг. Поклонитесь от меня вашей матери. Сосновский просил очень вам кланяться. Мои все вас любят и помнят.

84. П. И. Бирюкову
1886 г. Июня 4–5? Ясная Поляна.

Получил нынче ваше письмецо и тотчас же, устыдившись, написал Степанову*. Трудно писать в таких случаях – трудно, потому что нет любви и не вызывается она письмом. Что вы мало пишете? Как вам живется в вашем – мне представляется – одиночестве. Чертков пишет, чтоб я написал разрешение играть «Винокура»*. Я делаю это на обороте. Мы живем хорошо и вас любим.

Л. Толстой.

Кланяйтесь Сютяеву. Что значит присылка корректуры статьи Бондарева? Пропущена она или нет?* Еще просьба большая, очень для меня важная: есть житие Даниила Ачинского (кажется). Это солдат 12-го года, фельдфебель,

<2> отказавшийся от службы и сосланный в Сибирь, и там живший после каторги на поселении, и по ночам работавший на других. Я читал это житие у себя. Есть при нем даже картинка, изображающая Даниила, и не могу найти и вспомнить, в какой это книге. Пожалуйста, найдите мне это и пришлите*. Это огромной важности историческое событие. И тем особенно, что оно было пропущено и государственной и церковной цензурой. Пожалуйста, пожалуйста. Мне все хочется подбавить в сборник. И я написал один разговор, и еще есть две штучки, которые хочется написать*.

85. В. Г. Черткову
1886 г. Июля 17–18. Ясная Поляна.

Вчера получил ваше письмо с статьями Стаховича*. Вы спрашиваете: стоит ли того заниматься вам таким исправлением? Не стоит. Ваше изложение проще, но и в вашем есть недостатки не в форме, главное, а в содержании. Например: жаба лежит брюхом кверху, а потом говорится сейчас же, что она потащилась дальше. Нужно непременно сказать, как она перевернулась опять спиной кверху. Вот поправки, которые важны по форме. И когда есть то внимание, или как хотите назовите, которое позволяет видеть это, тогда язык будет хорош. Но это не интересно. Интереснее ваше воспоминание о нашем разговоре в Ясной

и вызов говорить все, что я думаю о вашем отношении к собственности. Прежде всего скажу мое чувство, по которому я спросил вас. Это чувство любви – жалости к вам. Вы мне представляетесь таким изнеженным, испорченным, как и я сам, еще больше меня, что когда я живо представил себе то положение, в котором вы будете, если ничто не будет мешать вам, положение Файнермана, то мне стало страшно, физически жалко вас. Это было мое чувство. Другое чувство – уверенность в том, что вы не только других, но и себя обманывать не станете и дойдете до конца. Мне стало жутко за вас, и я перенес это чувство на вас – подумал, что и вам жутко за себя. А это неверно: радостно не жалеть себя, а жалеть другого.

Это все правда, насколько я сумел ее высказать. Роман «Hidden Depths»* я дочел теперь до рассказа умирающего брата о том, как он потерял веру, потому что хотел проверить ее разумом, и, несмотря на жалкую слабость этого места, он мне очень нравится и наводит на важные для меня мысли.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.

Вчера у меня провел день французский писатель Derou1ede и очень меня заинтересовал. Представьте себе, что это человек, посвятивший свою жизнь возбуждению французов к войне, revanche* против немцев. Он глава воинственной лиги и только бредит о войне*. И я его полюбил. И мне он кажется близким по душе человеком, который не виноват в том, что он жил и живет среди людей язычников. Вчера же получил письмо от Ге старшего. Он пишет эскизы на Евангелие прямо сначала и описывает мне 7 эскизов, сделанных им. Одно описание порадовало меня очень. Помогите ему бог сделать эту работу, картины (иллюстрацию) на Евангелие. Кажется, что это большое и хорошее божье будет дело. Как бы хорошо было, если бы вы устроили за границей издание этих картин*. Оттуда они бы легче вошли к нам. А и не вошли бы, и то хорошо. У нас все идет работа. Я отстаю, чувствую себя слабым физически и, кажется, чувствую требования духовной работы. Учитель переписал «Что же нам делать», нужно ли еще?* Что делать с рассказами Стаховича? Поклонитесь от меня вашей матушке и вашим друзьям.

Л. Толстой.

На ваш вопрос: что вы не так, по-моему, делаете с деньгами, мне нечего отвечать: не только что не хочу,

<2> а нечего. Иногда думаю, что слишком смело расходуете деньги. Да вы, наверное, сами это чувствуете и замечаете.

86. Н. Н. Миклухо-Маклаю
1886 г. Сентября 25. Ясная Поляна.

Многоуважаемый Николай Николаевич.

Очень благодарен за присылку ваших брошюр*. Я с радостью их прочел и нашел в них кое-что из того, что меня интересует. Интересует – не интересует, а умиляет и приводит в восхищение в вашей деятельности то, что, сколько мне известно, вы первый несомненно опытом доказали, что человек везде человек, то есть доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают. Мне ваше дело представляется так: люди жили так долго под обманами насилия, что наивно уверились в том и насилующие, и насилуемые, что это – то уродливое отношение людей, не только между людоедами и христианами, но и между христианами, и есть самое нормальное. И вдруг один человек, под предлогом научных исследований (пожалуйста, простите меня за откровенное выражение моих убеждений), является один среди самых страшных диких, вооруженный вместо пуль и штыков одним разумом, и доказывает, что все то безобразное насилие, которым живет наш мир, есть только старый отживший humbug*, от которого давно пора освободиться людям, хотящим жить разумно. Вот это-то меня в вашей деятельности трогает и восхищает, и поэтому-то я особенно желаю вас видеть и войти в общение с вами*. Мне хочется вам сказать следующее: если ваши

<2> коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всем мире, то и в этом случае все коллекции ваши и все наблюдения научные ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которое вы сделали, поселившись среди диких, и войдя в общение с ними, и воздействуя на них одним разумом; и поэтому ради всего святого изложите с величайшей подробностью и с свойственной вам строгой правдивостью все ваши отношения человека с человеком, в которые вы вступали там с людьми. Не знаю, какой вклад в науку, ту, которой вы служите, составят ваши коллекции и открытия, но ваш опыт общения с дикими составит эпоху в той науке, которой я служу – в науке о том, как жить людям друг с другом. Напишите эту историю, и вы сослужите большую и хорошую службу человечеству. На вашем месте я бы описал подробно все свои похождения, отстранив все, кроме отношений с людьми*. Не взывайте за нескладность письма. Я болен и пишу лежа и с неперестающей болью. Пишите мне и не возражайте на мои нападки на научные наблюдения, – я беру эти слова назад, – а отвечайте на существенное. А если заедете, хорошо бы было.

Уважающий вас Л. Толстой.

87. Т. А. Кузминской
1886 г. Октября 17. Ясная Поляна.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. Целый день, или большую часть его, был занят тобою, милая Таня; но у тебя должно было чесаться одно из ушей, потому что думал о тебе, не хвала: я читал в первый раз «Бабью долю»* и не мог удержаться, чтобы не поправлять

<2> ее. И поправил до московского острога. Завтра надеюсь кончить. Как жаль, что ты не поработала над ней больше. У нас все благополучно и очень тихо. По письмам вижу, что и у вас так же, и во всей России и Европе так же. Но не уповай на эту тишину. Глухая борьба против апковского пирога* не только не прекращается, но растет, и слышны уже кое-где раскаты землетрясения, разрывающего пирог. Я только тем и живу, что верую в то, что пирог не вечен, а вечен разум человеческий.

Твой брат Л. Т.

88. Л. Е. Оболенскому
1886 г. Октября 17? Ясная Поляна.

Сейчас получил ваше письмо*, Леонид Егорович. Оно очень обрадовало меня вашей добротой ко мне. А я перед вами виноват – не отвечал вам. На одно письмо* о вашем горе я не мог отвечать, несмотря на душевное сочувствие вам; на другие письма не отвечал, потому что все лето жил до такой степени занят, вне умственных, внешних интересов, что не вникал в смысл писем и не успевал отвечать. Ваши статьи я долго не читал, но слышал о них самые сочувственные мнения от всех близких мне людей – особенно о первой*. Прочел же я статьи во время болезни. Домашние мои, жена, сын – не разделяющие моих взглядов – прочли 2-ю статью и очень были ею довольны. Про себя, свое мнение скажу, что мне приятно было читать эту 2-ю статью, но приятность эту, состоящую в том, что меня оправдывали, я сам в себе осуждал, но приятно было и то, что я чувствовал еще одного человека – работника в общем деле, том деле, которым я живу, и работника хорошего, и эту приятность я не осуждал в себе.

Жизнь коротка, а дело жизни велико, считаться не когда. Жатва великая, и жатва поспела; нельзя говорить: вот придет время – жатва поспела и гибнет. Нужно жнецов работников сейчас и усердных, без разговоров. И вы такой жнец и работайте вперед и вперед, тем более что вы уже въехали в работу.

Вы пишете, уныло, а я за вас, за ваш журнал и вашу

<2> работу всегда радуюсь. Не знаю, много ли у вас подписчиков (много ли?), но я не встречал за это последнее время ни одного живого молодого человека, который бы не питался, хотя отчасти, умственно «Русским богатством». Мне кажется, что «Русское богатство» теперь единственный журнал, воздействующий на общество. Его статьи вызывают работу мысли, статьи эти ждут, о них говорят, и они составляют событие в некотором кругу людей. Как ни много читателей других журналов, читатели эти люди готовые, кладут на стол книжку своего направления журнала и потом отыскивают в ней, нет ли чего почитать, но только одни читатели «Русского богатства», учителя, фельдшерицы, студенты, курсистки, читают для того, чтобы найти направление, и разрезают листы в надежде найти ответы на волнующие их вопросы. Их мало, это люди все молодые и незаметные, но они-то те люди, в которых брезжится или светится настоящий свет, и их будет много, и они будут 40-летние и заметные.

Меня так на вашем месте ужасала бы та ответственность, которая лежит на вас, чтобы не отдать ответа за слово праздно. Это я говорю совсем не затем, чтобы укорять вас; напротив, если вы сумели приобрести этот самый дорогой круг читателей, это доказывает, что ваше слово было не праздно; но для того, чтобы поощрить вас к усилению этой деятельности. Я же, если мой даймон, руководящий моей умственной работой, захочет этого, буду всегда помогать вам по мере сил. Бирюков мне говорил, что вы хотите издавать народный журнал; не советую вам этого, не разбрасывайтесь. Дело ваше так важно, что если вы продержитесь на той же высоте, или еще подниметесь, несколько лет, то вы сделаете самое лучшее дело жизни – поможете очнуться и найти дорогу, если бы даже и не тысячам, и не сотням, а десятку искренно ищущих пути молодым людям, разбросанным среди миллионов слепых. О ваших разногласиях со мной я ничего не буду говорить, потому что эти разногласия, по правде сказать, меня не занимают теперь. Мы идем по пути и для указания пути видим впереди одно и то же. Вы, кроме этого общего нам указателя, видите еще веху, которая направляет вас. Что же мне в этом может быть неприятного? Мне кажется, что это не нужно, но это кажется мне, а не вам. Мне бы было не досадно, а жалко вас, если бы я подозревал вас в неискренности того, что

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. вы видите общего со мной и всем миром указателя и идете к нему; но так как этого нет, то что же мне в том, что вам нужен еще указатель, а мне нет.

<2> Это только различие свойств наших умственных. Если вы мне говорили: брось главного указателя и смотри на моего побочного, я бы не согласился; но если вы говорите, что нужен еще другой указатель, я говорю: мне не нужен, но если вам нужен для достижения главной цели, то держитесь его непременно. И я говорю это тем более охотно, что вы в этом случае служите представителем очень многих. Я же в вас не могу видеть ничего другого, как товарища в общей работе, а по смыслу работы – брата, которого люблю. По этой же причине вы не можете разойтись с людьми «Посредника»*.

Черткову я поручил передать вам кое-что из того, что пишу, вы, верно, увидите его. Здоровье мое совсем поправляется.

Л. Т.

89. Н. Н. Страхову
1886 г. Октября 19. Ясная Поляна.

Как вы живете, дорогой Николай Николаевич? Что ваша книга?* Видно, еще не кончилась печатаньем; иначе бы вы прислали. Тепло ли вам, независимо от одеяла, на душе? Благодарю вас за письма ко мне*. Вы угадали в одном из писем, что болезнь мне дает многое. Она, мне кажется, мне дала многое новое. Я много передумал и перечувствовал. Теперь все еще примериваюсь к работе и все еще не могу сказать, чтобы напал на такую, какую мне нужно, для спокойствия – такую, чтобы поглотила меня всего*. Если нужно, то бог даст. Благодарю за сведения о книгах*. Теперь мне не нужно еще. Если бы попались вам Веал'а Лалита Вистара* и Bouddha St. Hillaire*, кажется, то купите на мой счет. Как всегда, книги кажутся нужными, когда их нет, и бесполезными, когда они есть. Николай Николаевич, помогите предприятию «Посредника» изданию научных книг. Вы можете помочь и непосредственно и посредственно, возбуждая к работе ваших знакомых. Как мне жаль, что нельзя поговорить с вами об этом. Мне представляется желательным и возможным (отнюдь не легким и даже очень трудным) составление книг, излагающих основы наук в доступной только грамотному человеку форме – учебников, так сказать, для самообучения самых даровитых и склонных к известному роду знаний, людей из народа; таких книг, которые бы вызвали потребность мышления по известному предмету и дальнейшего изучения. Такими мне представляются возможными – арифметика, алгебра, геометрия, химия, физика. Мне представляется, что изложение должно быть самое строгое и серьезное. Не выражу всего, что думаю об этом теперь, но рад бы был вызвать ваше мнение. Здоровье мое очень хорошо. Иногда думаю: что, если бы жизнь моя не имела другого смысла, кроме моей жизни и удовольствий от нее – выздоровление было бы еще ужаснее, чем смерть. У казненного уже была петля на шее, он совсем приготовился, и вдруг петлю сняли, но не затем, чтобы простить, а чтобы казнить какой-то другой казнью. При христовой же вере в то, что жизнь не во мне, а в служении богу и ближнему, отсрочка эта самая радостная: жизнь какая была, так и остается, а радость служения закону мира – богу – в моей теперешней форме увеличивается. Прощайте, дорогой Николай Николаевич. Пишите, когда вздумается.

Ваш Л. Т.

90. Ф. Ф. Тищенко
1886 г. Декабря 11? Москва.

Получил ваше письмо и рукопись...* О повести вашей, новой, которую сейчас прочел, скажу следующее: до появления генерала она очень хороша: действие идет само

<2> собой, и характеры и описание душевных состояний Семена очень верны. Но потом начинается холодное и голое описание событий, и события ненужные для основной мысли повести. Весь конец нехорош. Не переделаете ли вы это? Эту повесть я сумею поместить не в журнал, а прямо в «Посредник» и выговорю вам вознаграждение по 30 или 50 р. за печатный лист. Согласны ли вы? Очень советую вам переделать весь конец, вообще поработать над ним. Если будете переделывать, то разговоры судей, советы их (они хороши) сократить. Как, в каком смысле переделать конец, я не могу вам определить. Может быть, и так, как теперь, будет хорошо, но надо поработать, чтобы было так же хорошо и живо, как начало. Напишите скорее, нужно ли вам возвратить рукопись или у вас есть черновая.

Л. Толстой.

91. Ф. Ф. Тищенко
1886 г. декабря 12? Москва.

Федор Федорович.

Сейчас получил ваше письмо* и спешу ответить, чтобы яснее еще выразить вам то, что писал тотчас по прочтении вашей повести*. Повесть до пистолета* (пистолет не естествен) хороша и по языку, и по содержанию. Видна жизнь описываемых людей, и жизнь эта занимает и трогает; место в первых скобках особенно хорошо, но с пистолета начинается холодная выдумка, не только не занимательная, но чрезвычайно скучная. Жизни людей не видно, а видно, что автор рассказывает то, чего никогда не было; видно даже, что ему самому скучно заниматься этим пустым делом. Зачеркните все от пистолета и продолжайте так же, как вы начали, – живите жизнью описываемых лиц, описывайте в образах их внутренние ощущения; и сами лица сделают то, что им нужно по их характерам сделать, то есть сама собою придумается, явится развязка, вытекающая из характера и положения лиц, тем более что

<2> лица очерчены прекрасно. Вы же вместо этого бросаете внутренний ход чувств своих лиц и описываете то, что никому не нужно знать, что не идет к делу, и описываете поверхностно, без интереса к новым лицам. Напрасно вы думаете, что это будет развлечение читателю. Лучше играть в бабки или карты; больше будет развлечения. Простите, голубчик, что я так резко пишу вам. Мне хочется отвратить вас от легкомысленного отношения к искусству. Это великое дело, и нельзя его делать шутя или из-за целей вне искусства. А вы можете овладеть искусством с тем, чтобы посредством его служить людям.

Кончить историю можно и убийством генерала*, и убийством приказчика, и возвращением жены к мужу, и смертью того и другого, как могла кончиться история в жизни, и во все можно внести правду и освещение такое, какое вытекает из взгляда на жизнь автора. Если вводить генерала и лавочника, то надо было их вводить сначала и, описывая события с ними, описывать их так же, с такой же любовью и подробностью их внутренние движения, с которыми описаны Катерина и Семен, иначе это будет то же, что картинка с подписью «это человек». Карпинского вы описываете длинно, а он все не живой.

Впрочем, я напрасно все это пишу вам. Если, как я понимаю вас, у вас есть талант, то вы все это должны сами чувствовать. Если же нет, то тупо скованно не наточишь. Я понимаю вас так: у вас тонкая, художественная натура, но взгляд на жизнь у вас неверный. Вы, например, написание смотрите, как на средство жизни. Это ужасная ошибка. Это значит высшее условие подчинить низшему. Будете думать о том, что вам даст писанье, и оно ничего вам не даст. Не будете думать об этом, и оно даст вам гораздо больше того, что вы можете ожидать.

Пожалуйста, примите все мои резкие слова с тою же любовью, с которой пишу их.

Л. Т.

О деньгах за «Грешницу», пожалуйста, обратитесь к Оболенскому. Я исполнил ваше желание, передал ему рукопись и письмо ваше и больше ничего не могу сделать, кроме напоминания ему, что и сделаю.

Посылаю вам назад рукопись, надеюсь, что вы последуете моему совету.

92. N. N. «тифлисским барышням»
1886 г. декабря 17. Москва.

Вы спрашиваете дела*. Кроме общего всем нам дела, – стараться уменьшать те труды, которые употребляются другими на поддержание нашей жизни, сокращая свои требования и делая своими руками, что можешь сделать для себя и для других, у приобретших знания есть еще дело: поделиться этими знаниями, вернуть их назад тому народу, который воспитал нас. И вот такое дело есть у меня:

Существуют в Москве издатели народных книг, азбук, арифметик, историй, календарей, картин, рассказов. Все это продается в огромных количествах

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. экземпляров независимо от достоинства содержания, а только потому, что приучены покупатели и есть искусные продавцы. Один из этих издателей, Сытин, мне знакомый хороший человек, желающий сколь возможно улучшить содержание этих книг.

Дело же, предлагаемое мною вам, следующее: взять одну или несколько из этих книг – азбуку ли, календарь, роман ли (особенно нужна работа над повестями – они дурны и их много расходуется) – прочесть и исправить или вовсе переделать. Если вы исправите опечатки, бессмыслицы, там встречающиеся – ошибки и бессмыслицы исторические и географические, то и то будет польза, потому что как книга ни плоха, она все-таки будет продаваться. Польза будет в том, что меньше будет вздору и бессмыслицы сообщаться народу. Если вы при этом еще выкинете места глупые или безнравственные, заменив их

<2> такими, чтобы не нарушался смысл, это будет еще лучше. Если же вы, под тем же заглавием и пользуясь фабулой, составите свою повесть или роман с хорошим содержанием, то это будет уже очень хорошо. То же и о календарях, азбуках, арифметиках, историях, картинах.

Итак, если работа эта вам нравится, выбирайте тот род, в котором вам кажется, что вы можете лучше работать, и напишите мне. Я вышлю вам несколько книг.

Очень бы желал, чтобы вы согласились на мое предложение. Работа, несомненно, полезная. Степень пользы будет зависеть от той любви, которую вы положите в нее.

Ваш Лев Толстой.

17-е декабря. Москва. Долго-Хамовнический переулок, 15.

93. М. Г. Савиной
1886 г. декабря 22–31? Москва.

Посылаю вам, Марья Гавриловна, свою пьесу*. Очень желал бы, чтоб она вам понравилась. Боюсь, что она покажется петербургской публике и вам слишком грубою. Четвертый акт с того места, где отчеркнуто красным карандашом, много изменен*. Вариант этот, если не будет готов нынче печатный, то я пришлю его вам завтра. Все, что найдет нужным театральная цензура изменить, чтобы смягчить, я на все согласен, если такие изменения будут одобрены А. А. Потехиным*, которому я вполне доверяю. Роль ваша мне представляется – Марина. Желаю быть вам полезным и приятным.

Ваш Л. Толстой.

1887
94. А. А. Толстой
1887 г. января около 20. Москва.

Милый, дорогой друг Александра Андреевна,

Получил ваш привет от М. Я. Пушиной и, кроме того, знал, что вы – несчастная – слушаете мое ужасное сочинение*. Право, это не слова: я истинно считаю это сочинение вовсе не заслуживающим тех разговоров, которые о ней идут в вашем обществе. Надеюсь, что она (пьеса) будет полезна для тех, для «большого света»*, для которого я писал ее, но вам она совсем не нужна*. Я рад только был тому, что вы помните меня. Авось увидимся еще. Ваша крестница очень мила. Марью Яковлевну я был очень рад видеть. Теперь просьба. У меня сидит А. В. Армфельд*, которая едет в Петербург хлопотать о дочери. Помогите ей, что можете. А меня простите и любите, как и я вас.

Лев Толстой.

95. В. Г. Черткову
1887 г. января 19–21. Москва.

Драму только что нынче получил Петров*. Ценную посылку с рукописями до сих пор не получал, а жду их очень*. Все, что пишете, радостно. То, что я вижу вокруг

<2> себя, одинаково радостно. Работы много по сотрудничеству Петрову. Что сказал Потехин о своих повестях: «На миру» и «Хворая»? Отдает ли он их в народ, то есть

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. в «Посредник» или Сытину?* Я выпросил туда у жены «Поликушку»* и теперь по всем писателям буду просить, кто что даст. Надо попросить у Григоровича, выбрав, что больше всего годится*. Главное же, мне думается, туда отдать все знаменитые сочинения немцев, французов, англичан, которые выдержали много изданий и, главное, переводов, и кое-что для этого делаю, но жатва велика и тут, но делателей мало. Вольтер, Руссо, Bernardin de St.-Pierre, Лессинг: «Натан Мудрый», Шиллер: «Разбойники», «Викфильдский священник», «Гюливер», «Дон-Кихот», Сильвио Пелико, «Записки» Франклина, Плутарх и мн. др.*

Сейчас Семенов принес мне рассказ* – не дурной, но который надо будет ему же переработать.

На этой неделе Сытин обещал свести меня с издателями. Я заявлю им о том, что все, что от меня печатается у Сытина, не принадлежит никому и может быть всяким перепечатываемо. Если они пожелают иметь в этом удостоверение, то я дам им в этом записку. То же надо бы от «Посредника»*.

У Островской* я был, но ничего она мне не сказала. Не нужно ли спросить у ее деверя у министра?* Жду с нетерпением Павла Ивановича.

Л. Т.

96. В. Г. Черткову
1887 г. Января 23. Москва.

Дорогой друг, Владимир Григорьевич.

Сейчас получил посылку – рукописи и статью Лескова*. Статья Лескова кроме языка, в котором чувствуется искусственность, превосходна. И по мне ничего в ней изменять не надо, а все средства употребить, чтобы ее напечатать у нас как есть. Это превосходная вещь*. Я перевел маленькую вещь Bernardin de St.-Pierre «Le café de Surate» и пришлю вам ее на днях*. Она выражает ту же мысль о том, что в разные веры веруем, а под одним богом ходим. Рассказ «Два брата» оставьте с концом Гали*. Семенов – милый юноша – принес мне еще рассказ, который я дам ему отделать – тоже хорош*. За переписку моей метафизической чепухи (я пробежал ее) очень благодарен*. «Бегуны» по вашему совету отсылаю вам назад не трогая*. Смотрите же сделайте с Ивановым хорошенько, вы похвалились*. Покамест все. Привет всем друзьям. Как адрес Хилкова?

97. А. А. Потехину
1887 г. Февраля 18. Москва.

Получил ваше письмо, дорогой Алексей Антипович, и не могу удержаться от того, чтобы не сказать вам, что некоторая официальность его немного огорчила меня*. Не говоря о том, что я всегда чувствовал близость с вами по вашим произведениям, которые любил и люблю, и по коротким и случайным встречам нашим, у меня составилось о вас представление как о вполне близком и родственном человеке. Где-то последний раз мы встретились с вами на дороге и очень обрадовались; поговорили, как бы пощупав друг друга, и, оставшись взаимно довольны, – разъехались.

Вот на основании этих-то воспоминаний я и написал Савиной*, что прошу вас сделать нужные в пьесе изменения, если она пойдет, во что я не верил. От этого и не написал вам. На пункты ваших вопросов ответ мой один: будьте так добры, делайте во всем – в изменениях, в назначениях ролей – как вы найдете нужным и удобным. Я ничего в театральном да и в драматическом деле не смыслю и если буду мешаться, то только напутаю. А предполагаю, что дело должно быть трудное и сложное. Полагаю, что в драматическом и театральном деле после Островского нет знатока лучше вас; то же, что в деле народного быта нет знатока равного вам, это я уж сам знаю; и потому за все, что вы сделаете, распределяя роли, ставя, изменяя, сокращая пьесу, я буду вам всей душой благодарен.

Если будете в Москве, не забудьте меня, чтоб повидаться, мне же в Петербург ехать немислимо – не туда я смотрю.

Дружески жму вам руку.<>

Лев Толстой.

*98. П. А. Бакунину
1887 г. Февраля 20? Москва.

Павел Александрович. Третий день ничего не делаю, кроме того, что читаю вашу книгу*. Смеюсь и вскрикиваю от радости, читая ее. Я не дочел еще. Я на 312 странице теперь. Я остановился, чтобы написать вам мою благодарность и любовь за то, что я нашел в этой книге.

Меня теперь будет занимать судьба этой книги в ближайшем будущем. Вероятно, не поймут и не оценят теперь. А как она нужна людям именно теперь. Но она останется и всегда. От всей души обнимаю вас.

Лев Толстой.

99. П. И. Бирюкову
1887 г. Марта 1. Москва.

Милый друг Павел Иванович, Лева мне говорил, что он обогнал вас, и вы улыбаются. Я этому был ужасно рад. Чему вы улыбались? Посылаю письмо к вам. Книжки же еще до вашей записки я выслал. Объявление от Черткова нынче получил*. Прекрасно. Но хорошо бы приискать компанию. Колечка напишет Эртелю, да еще не найдется ли кто? Хорошо бы, чтоб я не один*.

Чертков пишет о Савихине*. Язык его поэмы, образы тоже превосходны. Стих хорош местами; но не мешало бы его сделать еще ровнее и лучше, но содержание не то что нехорошо, а его совсем нет. Содержание есть только подражание тому, чему не нужно подражать у Некрасова, то есть преувеличение народной бедности и отчаянное отношение к ней, вызывающее только негодование к кому-то. Зачем попал туда господин в очках? Что он делает? И главное, чем кормится? Сочувствие никак не может быть на стороне его, потому что в нем что-то таинственное, скрытое. А сочувствие невольно на стороне мужиков, и досадуешь на то, что автор с презрением относится к ним, а с уважением к тому, что возбуждает только недоумение и подозрение*. Ни на какой вещи я давно не видал с такой ясностью, как невозможно человеку писать, не проведя для самого себя определенную черту между добром и злом. Талант большой, а художественного произведения нет. Писателю-художнику, кроме внешнего таланта, надо две вещи: первое – знать твердо, что должно быть, а второе – так верить в то, что должно быть, чтоб изображать то, что должно быть, так, как будто оно есть, как будто я живу среди него. У неполных художников – не готовых есть что-нибудь одно, а нет другого. У Савихина есть способность видеть, что должно бы быть, как будто оно есть. Но он не знает, что должно быть. У других бывает обратное. Большинство бездарных произведений принадлежит ко 2-му разряду; большинство так называемых художественных произведений принадлежит к первому. Люди чувствуют, что нельзя писать то, что есть, – что это не будет искусство, но не знают, что должно быть, и начинают писать то, что было (историческое искусство – картина Сурикова)*, или пишут не то, что должно быть, а то, что им или их кружку нравится. Оба – нехорошо. Первый недостаток Иванова*, второй – Савихина. Смешать их вместе – выйдет большой художник. Но и не смешивая, каждый, выработав то, что ему недостает, может сделаться хорошим умственным работником, то есть писателем. Так я думаю. Вы решите, зная Савихина, можно ли ему, не огорчив его, для его добра, показать ему это. Хотел уехать с деревню. Да совестно стало. Куда уезжать от себя и от людей? И остался. Придет время, и если это нужно, и я буду делать, что должно, и здесь могу быть полезен. До свиданья. Обнимаю вас и всех наших друзей.

Л. Т.

100. П. М. Свободину
1887 г. Марта 5. Москва.

Павел Матвеевич!

В моем представлении Аким русский*, совсем не седой и не плешивый; волосы на голове даже могут немного виться, борода реденькая.

Говорит с запинкой, и вдруг вырываются фразы, и опять запинка и «тае» и «значит». «Тае» я выговариваю «таь». Впрочем, и «тае» возможно. Шамкать, мне кажется, не нужно. Ходит твердо; я представляю себе, вывернутыми ступнями в

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. лаптях. Приемы – движения – истовые, только речи гладкой бог не дал.

Большая внимательность, вслушивание во все, что говорят, особенно ему, и одобрение всего, что говорится хорошего, но тотчас же беспокойство и отпор при дурных речах. В 3-м действии при виде безобразия сына он должен физически страдать.

Должно пользоваться контрастом комического не складного лепета и горячего, иногда торжественного произнесения таких слов, которые у него выходят. В 5-м действии он должен упираться, гнушаясь видом свадьбы, потом начать понимать, в чем дело, потом прийти в восторг от поступка сына и до конца действия оберегать даже физически, – расставляя руки и забегая со стороны нарушителей, – оберегать совершающееся торжественно покаяние от вмешательства. Письмо ваше тронуло меня. Желаю вам успеха.

Лев Толстой.

101. Нп «тифлисским барышням»
1887 г. Марта 23–25? Москва.

Книжки сытинских изданий большие – так называемые романы все разосланы желавшим заняться их переделкой, кроме одной, которую и посылаю;* остаются мелкие – листовки; переделка или замена их хорошим содержанием еще более нужна; посылаю таких 4. Если же бы вам вздумалось, независимо от посылаемых книг, составить из известных хороших романов Диккенса, Эллиота и др., сокращая и опрощая их, книжки в размере той, которую посылаю, то это было бы очень хорошо. Размером, впрочем, стесняться не нужно: можно и в двух таких частях. За подробностями, которые могут вам еще понадобиться, прошу обращаться к Ив. Ив. Петрову в Москву, Страстной бульвар, меблированные комнаты Каретниковой.

Как будет хорошо, когда дело это пойдет!

Л. Толстой.

102. С. А. Толстой
1887 г. Апреля 13. Ясная Поляна.

Получил нынче твое последнее письмо, милый друг, и очень пожалел о том, что ты не спокойна и не радостна*. Я знаю, что это временно, и почти уверен, что завтра получу от тебя хорошее письмо, которое совсем будет другого духа. Вчера первый день, что я не писал тебе и не был на Козловке. Третьего дня вечером ходил на Козловку с Колечкой, и оттуда шли мы в такой темноте по грязи, что перед носом не видно было; очень хорошо. На перекрестке шоссе и старой дороги видим свет мелькающий и голоса женские, веселые. Думали – цыгане. Подходим ближе: дети с палками, девушки, мужчина, и во главе Пелагея Федоровна с фонарем; это она провожает жениха Сони на Козловку*. Придя домой, нашли приехавшего Алехина, – помнишь, в очках мальчик? Он едет покупать землю и заехал. Легли спать. Утро вчера очень много занимался, писал совсем новую главу о страдании, – боли*. Походили гулять, обедали. Да утром еще приехал брат Сытина, едущий из Москвы с тем, чтобы где-нибудь в деревне жить, работая; уехал к Марье Александровне, и Алехин уехал. В продолжение вечера были посетители: Данила, Константин, читали «Хворую» Потехина. Файнермана не было. Он в Туле был, хлопотать о разводе, для которого куча трудностей. Нынче мы одни с Колечкой пили чай, кофе; потом я писал, он переписывал и топил баню. Обедали; пришел немного выпивший Петр Цыганок и очень много хорошо говорил. Сейчас был в бане и хотел пить чай. Весна второй день – медунички, орешник в цвету и муха, пчела, божьи коровки – ожили и жужжат и копошатся. Ночь еще лучше: тихо, тепло, звездно, не хотелось домой идти. Занимался нынче тоже хорошо. Пересматривал, поправлял сначала. Как бы хотелось перевести все на русский язык, чтобы Тит понял. И как тогда все сокращается и уясняется. От общения с профессорами многословие, труднословие и неясность, от общения с мужиками сжатость, красота языка и ясность. Получил письма от Черткова, Бирюкова, Симона, все хорошие, радостные письма. Здоровье хорошо. Теперь I hope*. Да, еще то, что к Хилкову не поеду. I hope, что ты не затягиваешься корректурами и что будни успокоили всех, и тревожится и радуется только зелень в саду. I hope, что илья в струне, малыши здоровы и Таня и Маша в хорошем настроении и что Лева не играет в винт. Сережу нынче Файнерман видел в Туле; он был в нерешительности – приехать или не приехать в Ясную. Я думаю, завтра приедет, пожалуй, и с охотниками. Самая тяга. Ну, прощай, милый друг.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Целую тебя и детей.

Л. Т.

103. Ф. Ф. Тищенко
1887 г. Апреля 18. Москва.

Федор Федорович!

Получил вашу повесть* и прочел. Вы хотите искреннее мнение. Вот недостатки: все растянуто, в особенности описание душевного состояния Семена после измены жены. Сцена перед зеркалом и длинна и искусственна. А между тем недостаточно ясны перевероты, происходящие в душе Семена: сначала злобы, потом отчаяния, потом успокоения и, наконец, решимость вернуть жену. Все это надо бы, чтобы совершалось в событиях, а не только бы описывалось. У вас есть попытки приурочить эти перевероты к событиям, но не всегда удачно.

Сцена с одеколоном длинна. Потом вы делаете ошибку, повторяя некоторые вещи. Это ослабляет впечатление, как, например, два раза упоминаете о бросании денег и разрывании гармоник. Потом Семен сначала как бы задуман не для того конца, который теперь. Вот все недостатки, которые старательно вспоминал. Нечто еще иногда неправильность языка. Но про это не стоит говорить. И не я буду в них упрекать. Я люблю то, что называют неправильностью, – что есть характерность.

Теперь достоинства: замечательно правдиво. Это важное, большое качество. И самое важное, в последней превосходной сцене с ребенком есть задушевность. Вообще повесть хорошая. И я думаю, что у вас есть те особенности, которые нужны писателю.

Одно, главное, что я, судя по этой повести, думаю, что у вас есть или может быть, это – внутреннее содержание. Без этого нечего и браться за писанье. Писателю нужны две вещи: знать то, что должно быть в людях и между людьми, и так верить в то, что должно быть, и любить это, чтобы как будто видеть перед собой то, что должно быть, и то, что отступает от этого.

Повесть вашу я посылаю с этой почтой к Черткову в Петербург и в «Посредник». Я прошу его поместить эту повесть в журнале каком-либо, как вы хотите, или прямо в «Посреднике», но так, чтобы вы получили за нее вознаграждение*.

Вы спишитесь с ним об этом. Вероятно, он напишет вам прежде. Это мой близкий друг, и отношения с ним могут быть вам только приятны.

Напишите мне, как вы живете? Почему вы теперь в Ахтырском уезде* и что ваша семья и дети? Помогай вам бог.

Любящий вас

Лев Толстой.

Адрес Черткова: Владимиру Григорьевичу Черткову. Петербург. 32, Миллионная.

Черткову можете поручить сделать нужные сокращения. Сокращения, особенно те, которые сделает Чертков, могут только улучшить вещь.

104. Ф. А. Желтову
1887 г. Апреля 21? Москва.

...*я полагаю, что задача пишущего человека одна: сообщить другим людям те свои мысли, верования, которые сделали мою жизнь радостною. Радостной, истинно радостной, делает жизнь только уяснение и применение к себе, к разным условиям своей жизни евангельской истины.

Только это можно и должно писать во всех возможных формах: и как рассуждения, и как притчи, и как рассказы. Одно только опасно: писать только вследствие рассуждения, а не такого чувства, которое обхватывало бы все существо человека. Надо, главное, не торопиться писать, не скучать поправлять, переделывать 10, 20 раз одно и то же, немного писать и, помилуй бог, не делать из писания средства существования или значения перед людьми. Одинаково, по-моему, дурно и вредно

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. писать безнравственные вещи, как и писать поучительные сочинения холодно и не веря в то, чему учишь, не имея страстного желания передать людям то, что тебе дает благо.

Я не могу вам вкратце выразить то, что я считаю нужным для писания, иначе, как указав вам на мои народные рассказы последнего времени и на предисловие к «Цветнику»*, в котором я старался выразить, в чем состоит дело поэтического писания. Я очень радуюсь тому, что вы хотите писать, во-первых, потому, что вы крестьянин, во-вторых, потому, что вы свободны от ложного церковного учения, закрывающего от людей значение учения Христа.

Ваши статьи* я прочел. Лучшее по содержанию – это путешествие и сон;* но статья эта имеет неприятный для меня, литературный, фельетонный характер, и содержания мало. Сон этот мог быть эпизодом в чем-нибудь цельном, но отдельно он имеет мало значения. Статья о празднике* холодна и тоже имеет литературный характер. Под литературным характером я разумею то, что она обращена к читателю газетному, интеллигентному. Желательно, и я советую вам другое: воображаемый читатель, для которого вы пишете, должен быть не литератор, редактор, чиновник, студент и т. п., а 50-летний хорошо грамотный крестьянин. Вот тот читатель, которого я теперь всегда имею перед собой и что и вам советую. Перед таким читателем не станешь щеголять слогом, выражениями, не станешь говорить пустого и лишнего, а будешь говорить ясно, сжато и содержательно. Прочтите рассказ «Раздел»* , написанный крестьянином, и «Дед Софрон»* . Оба рассказа трогают людей, потому что говорят о существенных интересах людей, и интересы эти дороже авторских.

Если хотите прислать мне, что напишете для печатания в «Посредник», пришлите в Тулу* .

Любящий вас брат.

Писать вы, как мне кажется, можете и потому, что владеете языком, и, главное, потому, что вы с молодых лет всосали в себя учение Христа в его нравственном значении, как это видно из вашего письма.

105. П. И. Бирюкову
1887 г. Апреля 24. Москва.

Дорогой друг Павел Иванович, статья моя о жизни и смерти все не кончается и разрастается в одну сторону и сокращается и уясняется в другую. Вообще же я вижу, что не скоро кончу, и если кончу, то напечатаю ее отдельной книгой без цензуры, и потому не могу дать ее Оболенскому*. И это меня огорчает. Будьте моим посредником между ним, – чтоб он не огорчился и на меня не имел досады. Я постараюсь заменить это чем-либо другим. Пожалуйста, поговорите с ним и напишите мне. Я нынче еду назад в деревню. У меня все очень хорошо. Повесть «Ходите в свете» я перерабатывать не буду и отдам ее при случае как есть вам или Черткову*. Вы уже сделайте из нее, что хотите. Прощайте пока, милый друг, мою любовь передайте друзьям вашим.

Л. Т.

106. С. А. Толстой
1887 г. Мая 1. Ясная Поляна.

Ты, верно, недовольна мной, милый друг, за мои письма. Они, вероятно, вышли пасмурны, как у меня было пасмурно на душе эти 2 или 1½ дня. Пасмурно не значит, что нехорошо, а физически вяло. Что-то, верно, в печени. Но теперь со вчерашнего вечера опять прекрасно. И нынче и много работал, и еще больше хочется. Тем для писания напрашивающихся столько, что скоро пальцев не достанет считать, и так и кажется, – сейчас сел бы и написал. Что бог даст после окончания «О жизни и смерти». Ведь будет же конец. А до сих пор нет. Предмет-то важен, и потому хочется изложить как можно лучше. Ты думаешь, что хуже, а мне кажется – нет. Вчера приехал Сережа и перешел жить к Филиппу, т. е. внизу во флигель, больше оттого, что он переехал с мебелью, и ему там, он говорит, так хорошо, что желал бы там и быть все лето. Сейчас пообедали, 6-й час, и я понесу письмо в Козловку и, верно, получу твое. Жаль будет, если не увижу Черткова*. Ты говоришь: зачем я уехал? Разумеется, со многих сторон лучше и радостнее быть вместе, но со стороны работы – а мне недолго осталось – много лучше здесь. И одиночество плодотворно. Ты это имей в виду, да ты и имеешь. Вчера набрал фиалок, и они теперь передо

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. мной на столе. Как странно 3-го дня вечером, после отъезда Масарика, на меня нашло такое физическое состояние тоски, как, бывало, арзамасская*. И, бывало, тогда самое страшное в этом состоянии была мысль о смерти. Теперь же я, напротив, как только почувствовал тоску, так стал думать: чего мне нужно, чего я боюсь? как сделать, чтобы этого не было? И стоило мне только подумать о смерти, как я ее понимаю, чтоб тотчас уничтожилась всякая тоска и стало очень спокойное, даже приятное состояние.

Нынче прекрасный теплый день; окна отворены, и у Кузминских моют. В пристройке протопят завтра.

Как вы решаете отъезд и как живете? Одному хорошо, а, разумеется, радее, когда вы все приедете. Понесу письмо открытым, может быть, в Козловке что припишу.

Получил твои два письма о Мише*. Вероятно, теперь уже прошло, иначе ты бы известила. Целую всех. Удивительный вечер. Я сижу на Козловке.

107. Н. Н. Ге (отцу)
1887 г. Мая 14. Ясная Поляна.

Милый, дорогой друг Николай Николаевич старший. Уже три дня каждый день собираюсь писать вам, думаю же о вас беспрестанно и жалею, что не чую вас душой. Из письма Колечки*, за которое очень благодарю его, не вывел никакого заключения о вашем душевном состоянии. П. И. Бирюков приехал ко мне с неделю тому назад и жил до приезда наших, а теперь наши приехали*, и он скоро – завтра хочет ехать. Вспомнил и вставил о нем потому, что с ним говорили про вас очень важное. А именно: все художники настоящие только потому художники, что им есть что писать, что они умеют писать и что у них есть способность писать и в одно и то же время читать или смотреть и самым строгим судом судить себя. Вот этой способности, я боюсь, у вас слишком много, и она мешает вам делать для людей то, что им нужно. Я говорю про евангельские картины*. Кроме вас, никто не знает того содержания этих картин, которые у вас в сердце, кроме вас, никто не может их так искренно выразить и никто не может их так написать. Пускай некоторые из них будут ниже того уровня, на котором стоят лучшие. Пускай они будут недоделаны, но самые низкие по уровню будут все-таки большое и важное приобретение в настоящем искусстве и в настоящем единственном деле жизни. Мне особенно живо все это представилось, когда я получил прекрасный оттиск «Тайной вечери», сделанный для Марьи Александровны*. (Софья Андреевна сделала их 10 без вашего позволения. Вы ведь позволите.) Знаю я, что нельзя советовать и указывать художнику, что ему делать. Там идет своя внутренняя работа, но мне ужасно жалко подумать, что начатое дело чудесное не осуществится. Меня затащили на выставку;* так ведь ничего похожего на картины, как произведения человеческой души, а не рук – нету. Чем кончились ваши переговоры с Третьяковым?* Я рад буду, когда ваши картины будут там. Я все копаюсь в своей статье*, кажется, что это нужно, а бог знает. Хочется поскорее кончить, чтобы освободиться для других работ, вытесняющих эту. Хочется тоже вас увидеть. Не знаю, как приведет бог. Чертков пишет*, что он Репина уговаривал заехать к вам и ко мне. Я буду очень рад, разумеется, но мне хочется приехать к вам, чтобы увидеть вас дома и всех ваших и Колечку. Передайте мою любовь Анне Петровне, Катерине Ивановне*, дай ей бог благополучно родить, Петруше* и малышам. Наши все и Павел Иванович* вас любят и целуют.

Хотел написать хорошее письмо, а вышло не то. Я все последние дни вял, как это со мной временами бывает.

Ваш друг и брат

Л. Т.

108. Л. Е. Оболенскому
1887 г. Июль? Ясная Поляна.

Посылаю вам, Леонид Егорович, «комедию или драму, сочинения Журавова, – крестьянина, автора «Раздела»*. По-моему, хорошо и есть такие особенные черты правды, которых не найдешь в писаниях нашего брата. Грубо страшно, но правдиво. Я бы напечатал и в «Посреднике», если бы можно было объяснить, что это зеркало, а не предмет поучения, как смотрят читатели «Посредника». Талант же положительный. Если вы напечатаете, известите. Вознаграждение за труд ему я полагаю от 30 до 50 р. Дружески жму вам руку. Как живете? Я хорошо.

Л. Толстой.

109. В. В. Стасову
1887 г. Сентября 14. Ясная Поляна.

Владимир Васильевич!

Есть в Сумском уезде крестьянин, 25 лет, женатый, имеющий надел, который был в гимназии до 4-го класса. Он пишет и написал повесть «Грешница», которая была напечатана в «Русском богатстве», кажется, в прошлом году*. Я ее туда направил и тогда же был поражен признаками истинного таланта – правдивость и чувство меры, – но повесть не подходила к цели издания «Посредника». В нынешнем году он написал другую повесть, которую он переделал по моим указаниям, и эта переделанная повесть: «Семен-сирота», по-моему, прекрасная вещь. Мы ее напечатали [бы] в издании «Посредника», но Тищенко, автор, нуждается в деньгах и желал бы получать больше гонорара. Не возьметесь ли вы передать ее Стасюлевичу, передав ему мой привет и уверение в том, что напечатание этой повести так же желательно для его журнала, как и для автора*.

Если вы можете это сделать, то напишите, пожалуйста, о высылке вам рукописи Владимиру Григорьевичу Черткову: Крекшино. Ст. Голицына, Московско-Брестской ж. д. Рукопись у него. Он знает, что я писал вам. И он даст адрес автора для переговоров с ним.

Л. Толстой.

110. Ромену Роллану
<перевод с французского>
1887 г. Октября 3–4. Ясная Поляна.

Дорогой брат!

Я получил ваше первое письмо*. Оно тронуло мое сердце. Я читал его со слезами на глазах. Я намеревался отвечать на него, но не имел времени, тем более что – не говоря уже о трудности для меня писать по-французски – мне пришлось бы отвечать очень подробно на ваши вопросы, большая часть которых основана на недоразумении.

Вы спрашиваете: почему ручной труд является одним из существенных условий истинного счастья? Нужно ли добровольно лишать себя умственной деятельности, занятий науками и искусствами, которые кажутся вам несовместимыми с ручным трудом?

Я отвечал на эти вопросы, как умел, в книге, озаглавленной: «Так что же нам делать?» – которая, как я слышал, была переведена на французский язык*. Я никогда не считал ручной труд самостоятельным принципом, а всегда считал его самым простым и естественным приложением нравственного принципа, – таким приложением, которое прежде всего представляется уму всякого искреннего человека.

Ручной труд в нашем развращенном обществе (в обществе так называемых образованных людей) является обязательным для нас единственно потому, что главный недостаток этого общества состоял и до сих состоит в освобождении себя от этого труда и в пользовании, без всякой взаимности, трудом бедных, невежественных, несчастных классов, являющихся рабами, подобными рабам древнего мира.

Первым доказательством искренности людей, принадлежащих к этому обществу и исповедующих христианские, философские или гуманитарные принципы, является старание выйти, насколько возможно, из этого противоречия.

Самым простым и находящимся всегда под рукой способом для достижения этого является прежде всего ручной труд, обращенный на заботы о своей личности. Я никогда не поверю искренности христианских, философских и гуманитарных убеждений человека, который заставляет служанку выносить его ночной горшок.

Самое простое и самое короткое нравственное правило состоит в том, чтобы как можно меньше заставлять других служить себе и как можно больше самому служить

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. другим. Требовать от других как можно меньше и давать другим как можно больше.

Это правило, дающее нашему существованию разумный смысл и вытекающее из него счастье, разрешает также и все затруднения, в том числе и то, которое возникает перед вами: что остается на долю умственной деятельности, науки, искусства?

На основании этого правила я только тогда могу быть счастливым и удовлетворенным, когда я имею твердое убеждение, что моя деятельность полезна другим. (Удовлетворение тех, для которых я действую, является уже прибавкой, добавочным счастьем, на которое я не рассчитываю и которое не может влиять на выбор мною моих поступков.) Мое твердое убеждение в том, что то, что я делаю, не есть нечто бесполезное и не есть зло, а есть благо для других, является поэтому главным условием моего счастья.

Вот это–то невольно и побуждает нравственного и искреннего человека предпочитать ручной труд труду научному и художественному. Книга, которую я пишу и для которой я нуждаюсь в труде наборщиков; симфония, которую я сочиняю и для которой я нуждаюсь в музыкантах; опыты, которые я произвожу и для которых я нуждаюсь в труде тех, которые делают наши лабораторные приборы; картина, которую я пишу и для которой я нуждаюсь в тех, которые делают краски и полотно, – все эти вещи могут быть полезны людям, но могут также быть, как это и бывает по большей части, совершенно бесполезными и даже вредными. И вот, пока я делаю все эти вещи, польза которых весьма сомнительна и для которых я должен еще заставлять работать других, меня со всех сторон окружает множество дел, которые нужно сделать, которые несомненно полезны другим и для которых мне не нужно ничьей помощи: понести тяжесть, чтобы помочь уставшему; обработать поле, хозяин которого заболел; перевязать рану. Но не будем говорить об этих бесчисленных делах, которые нас окружают, для которых не нужно ничьей помощи и которые доставляют непосредственное удовлетворение тем, для пользы которых вы их делаете. Посадить дерево, выкормить теленка, вычистить колодезь, – вот дела, несомненно полезные другим и которые всякий искренний человек не может не предпочесть тем сомнительным занятиям, о которых в нашем мире проповедают как о самом возвышенном и самом благородном человеческом призвании.

Призвание пророка есть высокое и благородное призвание. Но мы знаем, что представляют собой священники, считающие себя пророками единственно потому, что это им выгодно и что они имеют возможность выдавать себя за таковых.

Не тот пророк, который получает воспитание пророка, а тот, кто имеет внутреннее убеждение в том, что он есть пророк, должен им быть и не может не быть им. Такое убеждение редко и может быть доказано только теми жертвами, которые человек приносит своему призванию.

То же самое относится к истинной науке и к истинному искусству. Какой-нибудь Люлли*, который на свой страх бросает службу на кухне, чтобы предаться игре на скрипке, приносимыми им жертвами доказывает свое призвание. Но ученик консерватории или студент, единственная обязанность которых изучать то, что им преподают, не имеют даже возможности оказать свое призвание: они просто пользуются положением, которое кажется им вы годным.

Ручной труд есть обязанность и счастье для всех; умственная деятельность есть деятельность исключительная, которая становится обязанностью и счастьем только для тех, кто имеет соответственное призвание. Призвание может быть указано и доказано только в том случае, когда ученый или художник жертвует своим спокойствием и своим благосостоянием, чтобы следовать своему призванию. Человек, который продолжает исполнять обязанность поддержания своего существования трудами рук своих и, несмотря на то, лишая себя отдыха и сна, находит возможность мыслить и производительно работать в умственной области, – этим доказывает свое призвание. Тот же, который освобождает себя от общей всем людям нравственной обязанности и, под предлогом своей склонности к наукам и искусствам, устраивает себе жизнь паразита, – тот никогда не произведет ничего, кроме ложной науки и ложного искусства.

Произведения истинной науки и истинного искусства суть продукты приносимой человеком жертвы, а никак не тех или иных материальных выгод.

Но что станет с наукой и искусством? – сколько раз мне приходилось слышать этот вопрос от людей, которым не было никакого дела ни до наук, ни до искусств и

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. которые не имели даже мало-мальски ясного представления о том, что такое науки и искусства! Можно было бы подумать, что эти люди ничем так не дорожат, как благом человечества, которое, по их понятиям, состоит в развитии того, что они называют науками и искусствами.

Но как это случилось, что нашлись люди столь безумные, что они отрицают полезность наук и искусств? Существуют ремесленники, существуют земледельцы. Никому не приходило на ум оспаривать их полезность, и никогда рабочему не придет в голову доказывать полезность своего труда. Он производит; его продукт необходим и представляет собой благо для других. Им пользуются, и никто не сомневается в его полезности; тем более никто ее не доказывает.

Деятели наук и искусств находятся в тех же самых условиях. Как же это случилось, что находятся люди, которые изо всех сил стараются доказать их полезность?

Дело в том, что истинные деятели наук и искусств не присваивают себе никаких прав; они отдают произведения своего труда; эти произведения оказываются полезными, и они нисколько не нуждаются в каких-либо правах и в доказательствах, подтверждающих их права. Но огромное большинство тех, которые называют себя учеными и художниками, очень хорошо знают, что то, что они производят, не стоит того, что они потребляют, и вот единственная причина, почему они так усиленно стараются – подобно священникам всех времен – доказать, что их деятельность необходима для блага человечества.

Истинная наука и истинное искусство всегда существовали и всегда будут существовать, подобно всем другим видам человеческой деятельности, и невозможно и бесполезно оспаривать или доказывать их необходимость.

Ложная роль, которую играют в нашем обществе науки и искусства, происходит от того, что так называемые образованные люди, во главе с учеными и художниками, составляют привилегированную касту, подобно священникам. И эта каста имеет все недостатки, свойственные всем кастам. Недостаток касты в том, что она позорит и унижает тот самый принцип, во имя которого она организовалась. Вместо истинной религии получается ложная религия. Вместо истинной науки – ложная наука. То же и по отношению к искусству. Недостаток касты в том, что она давит на массы и, сверх того, лишает их того самого, что предполагалось распространить между ними. А самый главный недостаток касты заключается в утешительном для ее членов противоречии того принципа, который они исповедуют, с их образом действия.

За исключением тех, которые защищают нелепый принцип науки для науки и искусства для искусства, сторонники цивилизации вынуждены утверждать, что наука и искусство представляют собой большое благо для человечества.

В чем заключается это благо? Каковы суть те признаки, по которым можно было бы отличить благо, добро от зла? Сторонники науки и искусства тщательно избегают ответа на эти вопросы. Они даже утверждают, что определение добра и красоты невозможно. «Добро вообще, – говорят они, – добро, красота, не может быть определено». Но они лгут. Во все времена человечество в своем поступательном движении только то и делало, что определяло добро и красоту. Добро определено много веков тому назад. Но это определение не нравится этим людям. Оно вскрывает ничтожество или даже вредные, противные добру и красоте, последствия того, что они называют своими науками и своими искусствами. Добро и красота определены много веков тому назад. Брамины, мудрые буддисты, китайские, еврейские, египетские мудрецы, греческие стоики определили их, а Евангелие дало им самое точное определение.

Все, что соединяет людей, есть добро и красота; все, что разъединяет их, зло и безобразия.

Всем известна эта формула. Она начертана в нашем сердце. Добро и красота для человечества есть то, что соединяет людей. Итак, если бы сторонники наук и искусств действительно имели в виду благо человечества, они знали бы, в чем состоит благо человека, и, зная это, они занимались бы только теми науками и теми искусствами, которые ведут к этой цели. Не было бы юридических наук, военной науки, политической экономии и финансовой науки, так как все эти науки не имеют другой цели, кроме благосостояния одних народов в ущерб другим. Если бы благо было действительно критерием наук и искусств, никогда изыскания точных наук, совершенно ничтожные по отношению к истинному благу человечества, не

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. приобрели бы того значения, которое они имеют; и особенно не приобрели бы такого значения произведения наших искусств, едва лишь годные на то, чтобы рассеять скуку праздных людей.

Человеческая мудрость не заключается в познании вещей. Есть бесчисленное множество вещей, которых мы не можем знать. Не в том мудрость, чтобы знать как можно больше. Мудрость человеческая в познании того порядка, в котором полезно знать вещи; она состоит в умении распределять свои знания соответственно степени их важности.

Между тем из всех наук, которые человек может и должен знать, главнейшая есть наука о том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра; и из всех искусств главнейшее есть искусство уметь избегать зла и творить добро с наименьшей, по возможности, затратой усилий. И вот оказывается, что между всеми искусствами и науками, имеющими притязание служить благу человечества, важнейшая из наук и важнейшее из искусств не только не существуют, но и исключены из списка наук и искусств.

То, что в нашем мире называют науками и искусствами, есть не что иное, как огромный «Humbug»*, великое суеверие, в которое мы обыкновенно впадаем, как скоро мы освобождаемся от старого, церковного суеверия. Чтобы ясно увидеть путь, которому мы должны следовать, надо начать с начала, – надо снять тот капюшон, в котором мне тепло, но который закрывает мои глаза. Искушение велико. Мы родимся, и затем, при помощи труда или, скорее, при помощи некоторой умственной ловкости, мы постепенно поднимаемся по ступенькам лестницы и оказываемся среди привилегированных, среди жрецов цивилизации и культуры, и надо иметь – как это надо и брамину и католическому священнику – большую искренность и большую любовь к истине и к добру, чтобы усомниться в тех принципах, которым мы обязаны нашим выгодным положением. Но для серьезного человека, который, подобно вам, ставит себе вопрос жизни, – нет выбора. Чтобы приобрести ясный взгляд на вещи, он должен освободиться от того суеверия, в котором он живет, хотя это суеверие ему и выгодно. Это – условие *sine qua non**. Бесплезно рассуждать с человеком, который упорно держится за известное верование, хотя бы только на одном каком-нибудь пункте.

Если его мысль не вполне свободна от всего предвзятого, сколько бы он ни рассуждал, он ни на шаг не приблизится к истине. Его предвзятое верование остановит и исказит все его рассуждения. Есть вера религиозная, есть и вера в нашу цивилизацию. Они совершенно сходны. Католик говорит: «Я могу рассуждать, но только в пределах того, чему меня учит наше писание и наше предание, обладающие полной, неизменной истиной». Верующий в цивилизацию говорит: «Мое рассуждение останавливается перед данными цивилизации, науки и искусства. Наша наука представляет собой совокупность истинного человеческого знания. Если она еще не обладает всей истиной, то она будет обладать ею. Наше искусство с его классическими преданиями есть единственное истинное искусство». Католики говорят: «Существует вне человека одна вещь в себе, как говорят немцы: это церковь». Люди нашего мира говорят: «Существует вне человека одна вещь в себе: цивилизация». Нам легко видеть ошибки рассуждения религиозных суеверий, потому что мы не разделяем этих суеверий. Но верующий в какую-нибудь положительную религию, даже католик, вполне убежден в том, что есть только одна истинная религия, – именно та, которую он исповедует; и ему даже кажется, что истинность его религии может быть доказана рассуждением. Точно так же и для нас, верующих в цивилизацию: мы вполне убеждены в том, что существует только одна истинная цивилизация, – именно наша, и нам почти невозможно усмотреть недостаток логики во всех наших рассуждениях, которые стремятся доказать, что, из всех времен и из всех народов, только наше время и те несколько миллионов человек, которые живут на полуострове, называемом Европой, находятся в обладании истинной цивилизацией, состоящей из истинных наук и истинных искусств.

Чтобы познать истину жизни, которая столь проста, нет надобности в чем-нибудь положительном, в какой-нибудь философии, в какой-нибудь глубокой науке; нужно только одно отрицательное свойство: не иметь суеверий.

Надо привести себя в состояние ребенка или Декарта и сказать себе: я ничего не знаю, ничему не верю и хочу только одного: познать истину жизни, которую мне нужно прожить.

И ответ уже дан века тому назад, и этот ответ прост и ясен.

Мое внутреннее чувство говорит мне, что мне нужно благо, счастье, для меня, для меня одного. Разум говорит мне: все люди, все существа желают того же самого. Все существа, ищущие, подобно мне, личного счастья, раздавят меня: ясно, что я не могу обладать тем счастьем, которого я желаю; а между тем в стремлении к счастью заключается вся моя жизнь. Не имея возможности обладать счастьем, не стремиться к нему, это значит не жить.

Стало быть, я не могу жить?

Рассуждение говорит мне, что при таком устройстве мира, при котором все существа стремятся только к своему собственному благу, я – существо, желающее того же самого, – не могу достигнуть блага; я не могу жить. И, однако, несмотря на это столь ясное рассуждение, мы живем, и мы стремимся к счастью, к благу. Мы говорим себе: я только в таком случае мог бы достигнуть блага, быть счастливым, если бы все другие существа любили меня более, чем они любят самих себя. Это вещь невозможная; но, несмотря на это, мы все живем; и вся наша деятельность, наше стремление к богатству, к славе, к власти, есть не что иное, как попытка заставить других полюбить нас больше, чем они любят самих себя. Богатство, слава, власть дают нам подобие такого порядка вещей, и мы почти довольны, мы по временам забываем, что это только подобие, а не действительность. Все существа любят самих себя больше, чем они любят нас, и счастье невозможно. Есть люди (и число их увеличивается со дня на день), которые, не будучи в состоянии разрешить это затруднение, застреливаются, говоря, что жизнь есть только один обман.

И, однако, решение задачи более чем просто и навязывается само собой. Я только тогда могу быть счастлив, если в этом мире будет существовать такое устройство, что все существа будут любить других больше, чем самих себя. Весь мир был бы счастлив, если бы все существа не любили бы самих себя, а любили бы других.

Я существо человеческое, и разум открывает мне закон, счастья всех существ. Я должен следовать закону моего разума, – я должен любить других более, чем я люблю самого себя.

Стоит только человеку сделать это рассуждение, и сейчас жизнь представится ему в ином виде, чем раньше. Все существа истребляют друг друга; но все существа любят друг друга и помогают друг другу. Жизнь поддерживается не истреблением, но взаимным сочувствием существ, которое сказывается в моем сердце чувством любви. Как только я начал понимать ход вещей в этом мире, я увидел, что одно только начало взаимного сочувствия обуславливает собой прогресс человечества. Вся история есть не что иное, как все большее и большее уяснение и приложение этого единственного принципа солидарности всех существ. Рассуждение, таким образом, подтверждается опытом истории и личным опытом.

Но и помимо рассуждения человек находит в своем внутреннем чувстве самое убедительное доказательство истинности этого рассуждения. Наибольшее, доступное человеку, счастье, самое свободное, самое счастливое его состояние есть состояние самоотречения и любви. Разум открывает человеку единственно возможный путь счастья, и чувство устремляет его на этот путь.

Если мысли, которые я пытался вам передать, покажутся вам неясными, не судите их слишком строго. Я надеюсь, что вы когда-нибудь прочтете их в более ясном и более точном изложении.

Я хотел только дать вам понятие о моем взгляде на вещи.

Лев Толстой.

111. П. И. Бирюкову
1887 г. Октября 5. Ясная Поляна.

Хоть словечко припишу*. Жду от вас письма. Я пишу кое-что*, про которое вам, кажется, и не говорил. Степан, шурин, измучал нас, но старался я очень помочь ему*. Не знаю, успел ли. Очень меня заняла последнее время еще Гоголя «Переписка с друзьями»*. Какая удивительная вещь! За 40 лет сказано, и прекрасно сказано, то, чем должна быть литература. Пошлые люди не поняли, и 40 лет лежит под спудом наш Паскаль. Я думал даже напечатать в «Посреднике» «Выбранные места из переписки». Я отчеркнул, что пропустить*. Обнимаю вас.

112. Н. Н. Страхову
1887 г. Октября 16. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич!

Я в большом волнении. Я был нездоров простудой эти несколько дней и, не будучи в силах писать, читал и прочел в 1-й раз «Критику практического разума» Канта*. Пожалуйста, ответьте мне: читали ли вы ее? когда? и поразила ли она вас?*

Я лет 25 тому назад поверил этому талантливому пачкуну Шопенгауэру (на днях прочел его биографию русскую* и прочел «Критику спекулятивного разума», которая есть не что иное, как введение полемическое с Юмом к изложению его основных взглядов в «Критике практического разума») и так и поверил, что старик заврался и что центр тяжести его – отрицание. Я и жил 20 лет в таком убеждении, и никогда ничто не навело меня на мысль заглянуть в самую книгу. Ведь такое отношение к Канту все равно что принять леса вокруг здания за здание. Моя ли это личная ошибка или общая? Мне кажется, что есть тут общая ошибка. Я нарочно посмотрел историю философии Вебера*, которая у меня случилась, и увидел, что Г. Вебер не одобряет того основного положения, к которому пришел Кант, что наша свобода, определяемая нравственными законами, и есть вещь сама в себе (т. е. сама жизнь)*, и видит в нем только повод для элукубраций Фихте, Шеллинга и Гегеля и всю заслугу видит в «Критике чистого разума», т. е. не видит совсем храма, который построен на расчищенном месте, а видит только расчищенное место, весьма удобное для гимнастических упражнений. Грот, доктор философии, пишет реферат о свободе воли, цитирует каких-то Рибо и других, определения которых представляют турнир бессмыслиц и противоречий, и кантовское определение игнорируется, и мы слушаем и толкуем, открывая открытую Америку*. Если не случится среди нашего мира возрождения наук и искусств через выделение жемчуга из навоза, мы так и потонем в нашем нужнике невежественного многокнижия и многозаучиванья подряд.

Напишите мне, пожалуйста, ваше мнение об этом и ответы на мои вопросы*.

Давно не знаем ничего про вас. Даже и Кузминские не пишут. А то напишут: обедал Николай Николаевич, и я рад, что знаю, что вы живы здоровы. Надеюсь, что ваше хорошее мрачное расположение, о котором вы писали в последнем письме, прошло и что вы подвинули свои не к слову только, а истинно очень интересующие меня работы. Я называю хорошим то расположение, которое усмотрел из вашего письма, потому что, по себе судя, знаю, что такое предшествует напряжению деятельности. Дай вам бог ее. Я живу хорошо, очень хорошо. Корректуры мне не присылают, а их держит Грот*. Я начал было новую работу, да вот уже недели две не подвигаюсь*. С работой лучше, но и так хорошо. Не смей быть ничем иным, как счастливым, благодарным и радостным, с успехом иногда повторяю себе. И очень рад, что вы с этим согласны. Прощайте пока, дружески обнимаю вас.

Л. Т.

Еще сильное впечатление у меня было, подобное Канту – недели три тому назад при перечитывании в 3-й раз в моей жизни «Переписки» Гоголя. Ведь я опять относительно значения истинного искусства открываю Америку, открытую Гоголем 35 лет тому назад. Значение писателя вообще определено там (письмо его к Языкову, 29) так, что лучше сказать нельзя. Да и вся переписка (если исключить немногое частное) полна самых существенных, глубоких мыслей. Великий мастер своего дела увидел возможность лучшего деланья, увидел недостатки своих работ, указал их и доказал искренность своего убеждения и показал хоть не образцы, но программу того, что можно и должно делать, и толпа, не понимавшая никогда смысла делаемых предметов и достоинства их, найдя бойкого представителя своей низменной точки зрения, заготовила, и 35 лет лежит под спудом в высшей степени трогательное и значительное житие и поученья подвижника нашего цеха, нашего русского Паскаля. Тот понял несвойственное место, которое в его сознании занимала наука, а этот – искусство. Но того поняли, выделив то истинное и вечное, которое было в нем, а нашего смешали раз с грязью, так он и лежит, а мы-то над ним проделываем 30 лет ту самую работу, бессмысленность которой он так ясно показал и словами и делами. Я мечтаю издать выбранные места из «Переписки» в «Посреднике», с биографией. Это будет чудесное житие для народа. Хоть они поймут. Есть ли биография Гоголя?

113. А. А. Толстой
1887 г. Ноября начало. Москва.

Пишу вам, милый и дорогой друг Alexandrine, с Павлом Ивановичем Бирюковым, которого вы знаете, о том же несчастном Попове. Он 2-й год сидит в одиночном заключении. 2-й год в одиночном заключении: т. е. в таком положении, из которого только самый сильный и редкий человек выходит без умственного, душевного повреждения, – и сидит, по всем вероятностям, по недоразумению. У Павла Ивановича есть его трогательное письмо ко мне. Простите, что я все это пишу вам. Я пишу это не для вас: я знаю, что вашему сердцу для того, чтобы жалеть, любить и служить другим, не нужно никаких стимулов, но, может быть, на других можно подействовать. Помогите, как можете*.

Какое славное письмо вы мне написали – последнее*. Как радостно чувствовать себя в тех ничем не затемняемых любовных отношениях, в которых я со времени нашего свидания чувствую себя к вам. Тысячу раз благодарю вас за него (и за письмо, и больше за свиданье*). Еще большее спасибо вам за письмо к Танечке*. Вы ей добро сделали. Мы все здоровы и от большого до малого согласно очень любим вас. Братски целую вас.

Л. Т.

114. Н. Н. Страхову
1887 г. Ноября 10. Москва.

Получил вчера ваше письмо, дорогой Николай Николаевич, и, как всегда, с большой радостью увидел ваш изящный почерк*. «О жизни» печатается. Грот с удивительным усердием держит корректуры; на будущей неделе, должно быть, все будет набрано, и к концу месяца, вероятно, наступит решение вопроса для цензуры – сжечь или нет*. Жалко будет, – я имею смелость думать, что многим эта книга будет утешением и опорой. Разумеется, употреблю все старания, чтобы в случае не пропуска оставить вам экземпляр. Где вы печатаете статью – ответ Тимирязеву?* За книги очень вас благодарю, я их получил в день отъезда из Тулы и прочел тотчас указанные вами страницы из книги о Тургеневе и Толстом* и, разумеется, очень одобрил, книгу же «Борьба с Западом» оставил в Ясной и возьму ее у фета и прочту не только отмеченные, но и другие страницы*. Я помню, она и тогда мне дала много новых мыслей, а я уже знаю, что перечитывать вас можно и должно. У нас живет студент-филолог, кончающий курс, который меня порадовал тем, что открыл вас; купил и читает*.

Все, что вы пишете о Репине, совершенно справедливо; и то, что вы пишете о нелепости и непоследовательности запрещения распространять его картинку*. Вы очень верно описываете мое отношение к толкам обо мне: оно сознательно, и я не перестаю держаться все того же самого покойного для меня правила, но тут случилось так, что когда мы получили от Стасова известие о затеянном Репиным распространении этой картинки, всем нам это показалось неприятно: жена написала в этом смысле Стасову, и я ему тоже приписал, но потом, когда получилось 2-е письмо от Стасова и Репина, где они писали, что у них начата работа и что это запрещение огорчает их, я увидел, что это наше несогласие было неправильно, но жена, желая избавить меня от того, что мне было неприятно, написала им, объяснив мотивы отказа и подтверждая его. Теперь же я вижу, что я сначала поступил неправильно и вы совершенно правы. Главное же то, что во имя этих пустяков я как будто огорчил Репина, которого я так же высоко ценю, как и вы, и сердечно люблю. Поэтому будьте добры, передайте ему, что я отказываюсь от своего отказа и очень жалею, если ему доставил неприятное*. Я знаю, что он меня любит, как и я его, и что он не будет сердиться на меня.

Еще просьба: простите. Есть некто, бывший революционер, врач Богомолец, он был под надзором, теперь освобожден, но только с запрещением жить в столицах; жена его приговорена в 1881 г. в Кару на 10 лет. Она пыталась бежать, возвращена, и ей прибавлено 6 лет. Муж ее желает хлопотать о ней в Петербурге у начальства, – главное желание его то, чтобы ему разрешено было жить с ней, ему и их ребенку – в Каре. Не можете ли вы узнать или даже попросить кого нужно – можно ли ему приехать в Петербург для этого*.

Закрываю письмо, как и вы, словами «простите» и напоминанием о своей любви к вам.

Л. Т.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo.
Как хорошо и верно все, что вы пишете о Канте и мистиках! Как бы хорошо было написать об этом. Жидущие оставили камень, который должен быть во главе угла.

115. Ф. В. Перфильеву
1887–1888 гг.

Любезнейший Федор Васильевич!

Очень благодарен вам за присылку ваших стихов*. Вы желали знать мое мнение о ваших стихах. Пожалуйста, не сердитесь на меня, но я скажу все откровенно. Из всех мне более всех понравилось «Воспоминанье» (1-е). Оно очень хорошо и, без всякого сравнения, лучше всех других, а в особенности последнего, которое мне вовсе не нравится.

Вы без меня, вероятно, хорошо знаете, что стихи и поэзия суть две вещи разные. Стихи ваши очень многие местами недурны, хотя часто вялы и жидки, то есть имеют мало содержания, но поэтического чувства я во многих совсем не нашел. Оно есть в «Воспоминанье», в «Песне молодости», в другом «Воспоминанье» и в «Ревности». Но если оно проявляется в вас, как оно проявилось в этих пьесах, и если еще и облекается в хорошие стихи, как в 1-м «Воспоминании», то вы можете писать хорошо стихи; но для этого не сочиняйте стихов, а выражайте стихами то чувство, которое обхватит вас и ищет своего выражения в поэтической форме.

Не сердитесь на меня. Для меня – поэзия дело важное, и я о ней говорю всегда искренно и серьезно.

Дружески жму вашу руку!

Ваш Л.

1888
116. Ф. Н. Бергу
1888 г. Января 20–23? Москва.

Уважаемый Федор Николаевич!

У меня есть прекрасная статья о Гоголе под заглавием: «Гоголь как учитель жизни», выставляющая с поразительной ясностью и силой высоту христианско-нравственную жизни, смерти и писаний Гоголя*. Статья идет вразрез со всем тем, что в продолжение вот уже скоро 50 лет лжется в нашей литературе о Гоголе; но выставляет все это так, что спорить нельзя, а можно только устыдиться. Я дал мысль об этой статье ее автору для составления народной (в самом широком смысле) книжки о Гоголе, и автор исполнил эту мысль сверх моего ожидания превосходно. Хотите ли вы напечатать эту статью?* Скоро ли можно ее напечатать, если она вам понравится? Какой гонорар вы определите автору, самому бескорыстному человеку, но живущему только своим трудом? Вот вопросы, на которые очень прошу вас ответить. Уважающий вас

Л. Толстой.

Да, забыл, – если статья вам понравится, то после какого времени от ее появления в журнале вам не помешает ее напечатание отдельно? Хочется мне написать коротенькое предисловие к этой статье*, но не знаю, удастся ли, и потому не обещаю и буду просить вашего мнения о статье независимо от этого.

117. С. Т. Семенову
1888 г. Января около 25. Москва.

Прочел я ваши две статьи: «Чужое добро впрок не идет»* и «Солдатка»*. Первое мне понравилось – хорошо составлено. Это лучшее, что вы писали. А «Солдатка» плохо. Задумано хорошо, но это только начало, а конца нет. Чтобы описать несчастье и гибель солдатки, надо описать длинный ход падения ее во внутренней жизни. И это очень интересная и важная тема, но вы только взялись за нее, но ничего не сделали. Все это случается очень скоро и неправдоподобно, и самого главного – нет, – того, как супружество заменяется для нее похотью. А я бы хотел, чтобы это было описано верно и страшно и потому поучительно.

Как вы поживаете, женившись? Желаю вам любви и согласия: в этом все счастье

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. сужужеской жизни. Напишите мне о себе.

Здесь у нас составилось «согласие против пьянства». Я уверен, что вы захотите присоединиться к нам и вербовать членов. Дело это очень большое и важное. Хочется написать об этом книжечку. Переводные книги об этом печатаются; я тогда пришлю вам.

Любящий вас Л. Толстой.

118. И. Е. Репину
1888 г. февраля 1–2. Москва.

Дорогой друг Илья Ефимович. Как я рад, что разные старые кошки – чьи-то чужие – бегавшие между нами*, скрылись, и между нашей дружбой нет никаких теней. В сущности же, как с моей стороны, так, я уверен, и с вашей, не было и не может быть никакого изменения в тех чувствах уважения и любви, какие мы друг к другу имели. Мне особенно живо напомнила вас голова безносой женщины на виньетке о сифилисе*. Ужасное производит впечатление. И вот у меня к вам просьба, совет, предложение. У меня издаются уже книжки о пьянстве. Две – доктора Алексеева (на днях выйдут), другая в цензуре, третья будет перепечатываться*, и я все обдумываю книжечку об этом предмете. Вот мне и пришло в голову: чтобы вы нарисовали две вещи: одну картину с виньетками, изображающую все формы и во всех состояниях пьянство, и другую маленькую на обертку книжки, которую я пишу*, и третью общую для всех книжек нашего издания о пьянстве. Сюжеты и того, и другого, и третьего избирайте сами, но сделайте, чтобы это было так же страшно, сильно и прямо касалось предмета, как это вышло в картинке о сифилисе.

Мне последнее время нездоровится, и оттого долго не могу кончить о пьянстве статью, а хочется под корень взять. Вот огромной важности предмет. Поощрите меня. Я набросал уже давно тот рассказ о бетховенской сонате, о котором вам говорил и о котором помню ваше обещание*. Но это впереди. Что вы делаете? Как живете? Верно, много работаете. Ведь вы не из талантливых, а из «трудолюбивых». Мы часто с дочерьми повторяем это ваше о себе изречение. Вы тем-то и сильны, что искренно верите, как и следует, в это.

Наше «Согласие против пьянства», мне кажется, не смотря на свою неопределенность формы, расширяется и захватывает людей, то есть действует.

Любящий вас очень

Л. Толстой.

119. В. Г. Черткову
1888 г. февраля 9. Москва.

И не получив вашего последнего письма, хотел писать вам, милые друзья. Самое важное, тронувшее меня событие за последнее время было приезд сюда Русанова с Буланже. Русанов, видимо, умирает и знает это и радостен и светел. Буланже, который ходит за ним, как нянька. Да я писал про это. Живу я, почти ничего не делаю. Начатые статьи о пьянстве и о Гоголе лежат, и принимаюсь продолжать и останавливаюсь – не идет*. Вижусь с людьми, пишу изредка письма – отношения с своими домашними и разнообразными людьми – и все радостные. Статью Бондарева и предисловие теперь хочу печатать за границей*. Составил еще давно книжку из пророков выбранные места, и Тихомиров хочет напечатать как вторую книгу для славянского чтения*. А когда пропустит цензура, можно будет напечатать в «Посреднике». Этим занимался. Одну переводную статью о пьянстве поправил и прибавил, но плохо*.

Читаю Герцена и очень восхищаюсь и соболезную тому, что его сочинения запрещены: во-первых, это писатель как писатель художественный, если не выше, то уж наверно равный нашим первым писателям, а во-вторых, если бы он вошел в духовную плоть и кровь молодых поколений с 50-ых годов, то у нас не было бы революционных нигилистов. Доказывать несостоятельность революционных теорий – нужно только читать Герцена, как казнится всякое насилие именно самым делом, для которого оно делается. Если бы не было запрещения Герцена, не было бы динамита и убийств, виселиц, и всех расхождений, усилий тайной полиции и всего того ужаса правительства и консерваторов и всего того зла. Очень поучительно читать его теперь. И хороший, искренний человек. Человек и люди могут исправиться только тогда, когда

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. их ложный путь заведет в болото, и он сам увидит, ахнет и станет вылезать и другому закричит: не ходите. А наше правительство задерживает людей, идущих в болото, тогда, когда они еще не дошли до него, когда они идут по ровной веселой дороге. Мало того, один человек, выдающийся по силе, уму, искренности, случайно мог без помехи дойти по этой дороге до болота и увязнуть и закричать: не ходите. И что ж? Оттого, что человек этот говорит о правительстве правду, говорит, что то, что есть, не есть то, что должно быть, опыт и слова этого человека старательно скрывают от тех, которые идут за ним? Чудно и жалко. А должно быть, так должно быть, и это к лучшему.

Тиличев очень благодарен, но нельзя ли его переделку, исправив, напечатать*. Сытин согласен, и ½ копейки такая книжечка годилась бы. Алексею книжку никто не понимает из простых*. Пишите подробнее о вашем житье. Все мелочи о вас мне интересны.

Любящий вас Л. Т.

120. Н. Н. Ге (отцу)
1888 г. Февраля 13. Москва.

Спасибо, что порадовали меня письмом*, дорогой друг, и такими хорошими вестями, что нашел на вас период работы*. Помогай вам бог. Давно пора! Я это говорю больше себе, чем вам. И вместе с тем знаю, что никак нельзя заставить себя работать, когда привык работать на известной глубине сознания и никак не можешь спуститься на нее. Зато какая радость, когда достигнешь. Я теперь в таком положении. Работ пропасть начатых и все любимых мною, а не могу нырнуть туда, все выносит опять наверх. У нас все хорошо – очень хорошо даже. Жена донашивает будущего ребенка* – остается месяц. Илья женится на философовой (вы, верно, знаете: славная, простая, здоровая, чистая девушка) 28 февраля и находится в том невменяемом состоянии, в котором находятся влюбленные. Жизнь для него остановилась и вся в будущем. Много вижу людей и все хороших, и это общение мне радостно. Колечку все ждут и грустят, что его нет. Все, потому что все его любят как-то особенно хорошо и сильно. У нас на днях была скоропостижная смерть Оболенского* – мужа племянницы. Все это как должно быть и хорошо. Человек был очень хороший – простой, добрый. Теперь вдова с 7-ю детьми осталась – бедная, долгов много, но и это все хорошо и много вызывает доброго в людях. Не могу никак видеть дурного, а все только разнообразный материал для самого прекрасного, которое от нас зависит из него выработать. Все последнее время читал и читаю Герцена и о вас часто поминаю. Что за удивительный писатель. И наша жизнь русская за последние 20 лет была бы не та, если бы этот писатель не был скрыт от молодого поколения. А то из организма русского общества вынут насильственно очень важный орган. Передайте мою любовь Анне Петровне (радуюсь, что ей теперь лучше) и молодым вашим и самым маленьким. Не нарисуете ли картинку о пьянстве? Нужно две. Одну большую, да еще виньетку для всех изданий по этому предмету под заглавием «Пора опомниться». Ну, прощайте пока. Братски целую вас.

Что хотите привезти на выставку?

Любящий вас

Л. Толстой.

121. А. Ф. Кони
1888 г. Мая конец. Ясная Поляна.

Уважаемый Анатолий Федорович,

Благодарю вас за присылку книги*. Я почти всю прочел ее. Так интересны дела и освещение некоторых из них.

Если живы будем, очень рады будем вас видеть в августе.

Историю Они* и ее соблазителя я одно время хотел написать, то есть воспользоваться этим сюжетом, и о разрешении этого просил узнать у вас*. Но вы ничего не написали об этом*.

Так до свиданья.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.
Любящий вас

Л. Толстой.

122. Р. Сайяну
<перевод с французского>
1888 г. Октябрь? Ясная Поляна.

Милостивый государь. Я очень огорчен, что причинил вам неприятность, и прошу вас простить мне мою ошибку, совершенно невольную, как вы увидите из дальнейшего*.

В России выходит очень мало распространенный ежемесячный листок «Рабочий». Один из моих друзей дал мне номер этого журнала, где находился перевод с переделкой, применительно к русской жизни, вашего рассказа «Le père Martin», но без фамилии автора, предложив мне использовать его для переработки в народную сказку*. Рассказ мне очень понравился; я лишь немного изменил стиль, прибавил несколько сцен и отдал моему другу для издания без моего имени, как то было условлено между нами не только относительно «Le père Martin», но и вообще рассказов, мною написанных. При втором издании издатель просил у меня разрешения выставить мое имя на полученных от меня рассказах. Я дал согласие, упустив из виду, что среди рассказов, из которых восемь были мои, находится и не принадлежащий мне – «Le père Martin», но так как он был мною переделан, издатель поставил и на нем мое имя. Редактируя одно из изданий, я прибавил к заглавию: «Где любовь, там и бог» в скобках: «заимствовано с английского», так как друг, давший мне журнал, сказал, что это рассказ английского автора. Но в полном собрании моих сочинений эта прибавка была опущена; ту же ошибку допустил и переводчик.

Вот каким образом, милостивый государь, я, к моему великому сожалению, оказался виновен перед вами в неумышленном плагиате и настоящим письмом с величайшим удовольствием подтверждаю, что рассказ «Где любовь, там и бог» есть не что иное, как перевод и приспособление к русским нравам вашего чудесного рассказа «Le père Martin».

Прошу вас, милостивый государь, простить мне мою небрежность и принять уверение в моих братских чувствах.

Лев Толстой.

123. А. М. и Т. А. Кузминским
1888 г. Октября 15. Ясная Поляна.

Девочки ваши, милые друзья Саша и Таня, очень милы – обе, каждая в своем роде, и живут прекрасно, не праздно. Вера переписывает усердно библиотеку, а Маша пишет, шьет, читает, и нынче с ней мы учили *bitte*, Машиных учениц и учеников и оба, кажется, разохотились – так милы эти дети*. По вечерам – чтение вслух, то был Достоевский, то *Mérimée*, то Руссо, то Пушкин, даже («Цыгане»), то Лермонтов, и предстоит многое – одно естественно вызывает другое. Посетителей у нас мало. Павел Иванович да нынче Марья Ивановна, акушерка, и Богоявленский. Поцелуйте за меня Сережу, спасибо ему за письмо, пусть пишет. Да книги Менделеева что ж не присылает*. Они ведь должны просветить меня.

124. И. И. Горбунову-Посадову
1888 г. Октября 1–25. Ясная Поляна.

Дорогой Иван Иванович.

Ваш проект переделки или дополнения «Бовы» мне очень нравится*. Если вам и Баранцевичу, или вам, или Бирюкову удастся сделать то, что вы предположили, то это будет хорошее дело. Куйте железо, пока горячо. В этих вещах надо сейчас же писать то, что придумал, а то разрастается и перерастает замысел: так со мной бывало. Так со мной было с «Битвой русских с кабардинцами». Я начал и бросил*, потом поручил одному человеку в Москве, тот написал очень много, бездарно и нецензурно, и рукопись его не пошла. Тема очень хороша. Кавказский герой ранен, попадает в плен к врагам, любит их, вылечивает и уезжает к себе. Кабардинка бежит за ним и делается христианкой, и герой оставляет военную службу и уезжает с ней в деревню. Все это так в оригинале.

Павел Иванович живет с нами, и нам жить очень хорошо. Не только надеюсь, но

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. уверен, что вам так же хорошо и в Петербурге.

Любящий вас Л. Толстой.

1889
125. А. С. Суворину
1889 г. Января 31. Москва.

Очень сожалею, что вы не заехали ко мне, Алексей Сергеевич, поговорили бы о вашей драме и о другом*. Об Ершове ничего не знаю*. Предисловие к его книге я написал было, но оно не годится; желаю переделать или на писать вновь и поскорее прислать вам*. Книга Стэда у меня есть*. Желаю вам самого хорошего, боюсь, что не того, что вы сами большей частью желаете: разориться материально и богатеть духовно.

Любящий вас Л. Толстой.

126. П. А. Оленину
1889 г. Февраля 12. Москва.

Петр Александрович*.

Журнал для крестьянства очень, по-моему, хорошее дело*. Здесь в Москве Сытин купил фирму журнала (никому неизвестного) «Сотрудник» и просил меня помочь ему. Я составил себе в голове ясную программу этого журнала и даже стал готовить матерьял. Он станет выходить с 1-го июня*. Я делаю, что могу, но боюсь, что журнал этот не будет, чем должен и мог бы быть, потому что Сытин издатель, заинтересованный преимущественно матерьяльной стороной. Нужен бескорыстный труд.

Если вы затеете свой журнал, я буду помогать ему сколько могу, но обещать писать вперед не могу и поэтому никогда никому не обещал вперед. Имя же мое таково, что если оно и привлечет подписчиков, оно повредит журналу перед цензурой. Да и нехорошо заманивать подписчиков. Будет хорош журнал, будут и подписчики. Так давайте постараемся сделать журнал как можно лучше; и в этом я очень рад буду, насколько могу, помогать вам*.

Желаю вам успеха, главное, хорошему делу.

Л. Толстой.

127. Эдуарду Роду
<перевод с французского>
1889 г. Февраля 22. Москва.

Дорогой собрат.

Я очень благодарен г-ну Пажесу за то, что ему пришла в голову добрая мысль послать вам мою книгу*, благодаря чему я получил вашу*. Не зная автора даже по имени, я принял ее перелистывать, но вскоре искренность и сила выражения, так же как и важность самой темы меня захватили, и я прочел и перечел книгу, в особенности некоторые ее места. Не говоря уже об описании интимных переживаний брака и отцовства, два места особенно поразили меня: то, что вы говорите о войне – это место замечательно, я прочел его несколько раз вслух, а также о биче нашей цивилизации, называемом вами дилетантизмом. Я редко читал что-либо более сильное в смысле анализа умственного состояния большинства нашего общества; но признаюсь вам чистосердечно, дорогой собрат, что заключение – слабо и совершенно не на высоте этого и многих других мест книги. Заключение, на мой взгляд, попросту способ как-нибудь развязаться с вопросами, так смело и ясно поставленными в книге. Пессимизм, в особенности, например, Шопенгауэра, всегда казался мне не только софизмом, но глупостью, и вдобавок глупостью дурного тона. Пессимизм, высказывающий свое мнение о мире и проповедующий свое учение среди людей, отлично чувствующих себя в жизни, напоминает человека, который, будучи принят в хорошем обществе, имеет бестактность портить удовольствие других выражением своей скуки, доказывая этим лишь то, что он просто не на уровне того круга, в котором находится. Мне всегда хочется сказать пессимисту: «Если мир не по тебе, не щеголяй своим неудовольствием, покинь его и не мешай другим». В сущности, я обязан вашей книге одним из самых приятных чувств, которые я знаю, – а именно то, что я нашел себе неожиданного единомышленника, бодро идущего по тому пути,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. по которому я следую. Что бы вы ни говорили или ни писали о Леопарди*, молодом или старом, богатом или бедном, очень крепком или слабым телом, я убежден, что вы найдете, если уже не нашли, настоящий ответ на заглавие вашей книги.

128. Г. А. Русанову
1889 г. Марта 12. Москва.

На днях получил от Черткова ваше письмо к нему, дорогой Гаврило Андреевич*. Он знал, что мне это будет радостно. Если вам тяжело писать, то попросите вашу милую жену написать мне о вас, о себе и о ваших детях. Я живу очень хорошо, искренно говорю, что дальше, то лучше, и улучшение, то есть увеличение радости жизни, происходит вроде закона падения тел – обратно пропорционально квадратам расстояния от смерти. Писать многое хочется, но еще не пишу ничего. Нет тех прежних мотивов тщеславия и корысти, подстегивавших и потому (знаю, как вы за меня ревнивы, но не могу не сказать, что думаю) производивших незрелые и слабые произведения. Но и зачем писать. Если бы я был законодатель, я бы сделал закон, чтобы писатель не смел при своей жизни обнародовать свои сочинения.

Странное дело, есть книги, которые я всегда вожу с собою и желал бы всегда иметь, – это книги неписанные: Пророки, Евангелия, Будда (Биля)*, Конфуций, Менций, Лаодзы, Марк Аврелий, Сократ, Эпиктет, Паскаль. Иногда хочется все-таки писать, и, представьте себе, чаще всего именно роман, широкий, свободный, вроде «Анны Карениной», в который без напряжения входило бы все, что кажется мне понятным мною с новой, необычной и полезной людям стороны. Слух о повести имеет основание. Я уже года два тому назад написал начерно повесть действительно на тему половой любви, но так небрежно и неудовлетворительно, что и не поправляю, и если бы занялся этой мыслью, то начал бы писать вновь*. Никому так не рассказываю и так не пишу о своих литературных работах и мечтах, как теперь вам, потому что знаю, что нет человека, который так бы сердечно относился к этой стороне моей жизни, как вы.

Карамзин где-то сказал, что дело не в том, чтобы писать «Историю государства Российского», а в том, чтобы жить добро*. И этого нельзя достаточно повторять нам, писателям. И я опытом убедился, как это хорошо: не писать. Как ни верти, дело каждого из нас одно – исполнить волю пославшего. Воля пославшего же в том, чтоб мы были совершенны, как отец наш небесный, и только этим путем, то есть своим приближением к совершенству мы можем воздействовать на других, – налиться должна лейка доверху, чтоб из нее потекло, – и воздействие будет через нашу жизнь и через слово устное и письменное, насколько это слово будет частью и последствием жизни, насколько от избытка сердца будут говорить уста. Целую вас и жену и детей.

Любящий вас Л. Толстой.

129. Н. Н. Ге (отцу)
1889. Марта 22. Москва.

Хоть два слова припишу, милые друзья*, чтоб сказать, что люблю вас и думаю о вас часто и о вашей работе, Николай Николаевич (старший). Надо делать и выражать то, что созрело в душе. Никто ведь никогда этого не выразит, кроме вас. Я жду всей серии евангельских картин. Слышал о той, которая в Петербурге, от Прянишникова*, по словам Маковского, очень хорошо, говорили. Вот поняли же и они. А простецы-то и подавно. Да не в том дело, как вы знаете, чтобы NN хвалил, а чтоб чувствовать, что говоришь нечто новое и важное и нужное людям. И когда это чувствуешь и работаешь во имя этого – как вы, надеюсь, теперь работаете, – то это слишком большое счастье на земле – даже совестно перед другими. Сейчас с Пошей едем, он в Кострому, я в уединение к Урусову*, недели на две. Целую вас. Что вы мне не ответили о Теплове?*

Л. Т.

130. С. А. Толстой
1889 г. Марта 24. Спасское.

Живу я здесь пока превосходно. Вчера ходил много по окрестным деревням, но ничего не писал, читал и беседовал с Урусовым и Пошей. Поша уехал вчера вечером. Урусов очень мил дома со своим старым, богобоязненным и таким же, как он, барственным Герасимом и его сестрой. Встает он в 4 часа и пьет чай и пишет свое

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. какое-то мне непонятное математическое сочинение*. Мне готовили чай к моему вставанью, 9, но я отказался впредь. Он обедает в 12 и чай, так что это сходится с моим завтраком, и ужинает с чаем в 6.

Ест он постное с рыбой и с маслом и очень озабочен о здоровой для меня пище – яблоки мне каждый день пекут. Нынче пятница – завтра пошлют письмо, а я пишу тебе нынче. Я нынче утром немного занялся*, потом слушал сочинение Урусова*. Как и все его писанья – есть новые мысли, но не доказано и странно. Но он трогателен. Живет, никаких раздоров ни с кем кругом себя, помогает многим и молится богу. Например, перед обедом он ходит гулять взад и вперед по тропинке перед домом. Я подошел было к нему, но видел, что ему мешаю, и он признался мне, что он гуляя читает «Часы»* и псалмы. Он очень постарел на мой взгляд.

Деревенская жизнь вокруг, как и везде в России, плачевная. Мнимая школа у священника с 4 мальчиками, а мальчики, более 30, соседних в ½ версте деревень безграмотны. И не ходят, потому что поп не учит, а заставляет работать.

Мужики идут, 11 человек, откуда-то. Откуда? Гоняли к старшине об оброке, гонят к становому. Разговорился с одной старухой; она рассказала, что все, и из ее дома, девки на фабрике, в 8-ми верстах* – как Урусов говорит, повальный разврат. В церкви сторож без носа. Кабак и трактир, великолепный дом с толстым мужиком. Везде и все одно и то же грустное: заброшенность людей самим себе, без малейшей помощи от сильных, богатых и образованных. Напротив, какая-то безнадежность в этом. Как будто предполагается, что все устроено прекрасно и вмешиваться во все это нельзя и не должно, и оскорбительно для кого-то, и донкихотно. Все устроено – и церковь, и школа, и государственное устройство, и промышленность, и увеселенья, и нам, высшим классам, только о себе следует заботиться. А оглянись на себя, наши классы в еще более плачевном состоянии, коснем.

Хотел князю дать «О жизни». Если есть, пришли русскую, а нет, то французскую*.

Целую тебя и всех детей.

Письма присылай.

Л. Т.

131. С. А. Толстой
1889 г. Марта 29. Спасское. 29 марта, вечер.

Вчера получил, милый друг, еще более грустное от тебя письмо*. Вижу, что ты физически и нравственно страдаешь, и болею за тебя: не могу быть радостен и спокоен, когда знаю, что тебе нехорошо. Как ни стараюсь подняться, а все делается уныло и мрачно после такого письма. Ты перечисляешь все, чему я не сочувствую, но забываешь одно, включающее все остальное, чему не только не перестаю сочувствовать, но что составляет один из главных интересов моей жизни – это вся твоя жизнь, то, чему ты сочувствуешь, то есть то, чем ты живешь. И так как не могу смотреть иначе, как так, что главное есть духовная жизнь, то и не перестаю сочувствовать твоей духовной жизни, радуясь ее проявлению, огорчаясь ее упадку, и всегда не только надеюсь, но уверен, что она все сильнее и сильнее проявится в тебе и избавит тебя от твоих страданий и даст то счастье, которому ты как будто иногда не веришь, но которое я постоянно испытываю, и тем сильнее, чем ближе приближаюсь к плотскому концу.

Если бы не мысль о том, что тебе дурно, мне было бы превосходно здесь. Урусов милейший hôte;* я чувствую, что я ему не в тягость, и мне прекрасно. Встаю в 8, пишу, да пишу* (кажется, очень плохо, но все-таки пишу) до 12. Обедаем; потом я иду гулять. Вчера ходил за 10 верст на огромный, бывший Лепешкинский, завод, где – помнишь – был бунт, который усмиряли Петя и Перфильев*. Там 3000 женщин уродуются и гибнут для того, чтоб были дешевые ситцы и барыши Кнопу. А нынче ходил за 3 версты в деревню Владимирской губернии. Дорога старым бором. Очень хорошо. Жаворонки прилетели, но снегу еще очень много. Скворцы перед самой моей форточкой в скворешнице показывают все свое искусство: и по-иволгиному, и по-перепелиному, и коростелиному, и даже по-лягушачьему, а по-своему не могут. Я говорю профессора, но милей профессоров. Целую очень тебя и также очень всех детей. Спасибо Тане за открытое письмо. Я не откажусь и от закрытого. Не унывай, Таня. Князь велит кланяться. Пожалуйста, пиши чаще, бывает оказии и сверх положенных дней.

132. Л. Е. Оболенскому
1889 г. Апреля 14. Москва.

Дорогой Леонид Егорович!

Все еще не кончил статью, все уясняю, добавляю. Надеюсь кончить скоро и тогда пришлю. Напишите, пожалуйста, к какому номеру вы ее готовите*. Еще вот что: мой хороший знакомый Герасимов, кандидат, прошлого года написал статью о Лермонтове, весьма замечательную. Он показывает в Лермонтове самые высокие нравственные требования, лежащие под скрывающим их напущенным байронизмом. Статья очень хорошая. Он читал ее в психологическом обществе. Я предложил ему напечатать ее у вас*. Он согласен. Как человек женатый и живущий своим трудом, гонорар ему не лишней. 40 р. за лист ему обещали в «Трудах психологического общества». Впрочем, если вы не хотите, то напишите прямо ему, Москва, Хамовники, № 15, Осипу Петровичу Герасимову. Пожалуйста, вы на меня не сердитесь за то, что я опять задержал статью об искусстве. Какая-то странная судьба. А уж как хочется быть вам приятным и полезным вашему журналу.

Любящий вас Л. Толстой.

133. Н. Н. Ге (отцу)
1889 г. Апреля 21. Москва.

Вот спасибо, милый и дорогой друг, за письмо*. Иногда и у вас и у меня бывают письма так только, чтобы сделать задуманное – написать, а иногда, как ваше последнее, – от души, и тогда очень радостно. Постоянно думаю о вас обоих и все почему-то чего-то боюсь за вас обоих. Должно быть, оттого, что люблю. В любви нет страха. Не боюсь, что вы меня обидите, не боюсь, что вы заболете и померете, а боюсь, что вы не будете делать того, что хотите, и будете страдать, и я с вами. Устроилось у вас очень хорошо в крупных чертах, но знаю, что много мелочей, которые мелочи для людей, а важное для бога. Помогай он вам не устроиться в них – устроиться нельзя, а устроить их ежедневно. Картину вашу ждал и видел. Поразительная иллюстрация того, что есть искусство, на нынешней выставке: картина ваша и Репина*. У Репина представлено то, что человек во имя Христа останавливает казнь, то есть делает одно из самых поразительных и важных дел. У вас представлено (для меня и для одного из 1 000 000 то, что в душе Христа происходит внутренняя работа, а для всех) – то, что Христос с учениками, кроме того, что преображался, въезжал в Ерусалим, распинался, воскресал, еще жил, жил, как мы живем, думал, чувствовал, страдал, и ночью, и утром, и днем. У Репина сказано то, что он хотел сказать, так узко, тесно, что на словах это бы еще точнее можно сказать. Сказано, и больше ничего. Помешал казнить, ну что ж? Ну, помешал. А потом? Но мало того: так как содержание не художественно, не ново, не дорого автору, то даже и то не сказано. Вся картина без фокуса, и все фигуры ползут врозь. У вас же сделано то, что нужно. Я знал эскиз, слышал про картину, но когда увидел, я умилился. Картина делает то, что нужно – раскрывает целый мир той жизни Христа, вне знакомых моментов, и показывает его там таким, каким каждый может себе его представить по своей духовной силе. Единственный упрек, это зачем Иоанн, отыскивая в темноте что-то, стоит так близко от Христа. Удаленная от других фигура Христа мне лучше нравилась. Настоящая картина, то есть она дает то, что должно давать искусство. И как радостно, что она пробрала всех, самых чуждых ее смыслу людей.

Я гостил 3 недели у Урусова. Есть такой генерал, мой кум, математик и богослов, но хороший человек. В уединении у него пописал. Здесь опять иссяк. Начал писать статейку об искусстве, между прочим, и все не могу кончить. Но не то, не то надо писать. А надо писать. Кое-что есть такое, что я вижу, а никто, кроме меня, не видит. Так мне кажется, по крайней мере. У вас тоже такое есть. И вот, сделать так, чтобы и другие это видели – это надо прежде смерти. Тому, чтобы жить честно и чисто, то есть не на чужой шее, это не только не мешает, но одно поощряет другое. Целую вас, Анну Петровну, Колечку и его семью.

Когда буду в Ясной, не знаю. Живу здесь потому, что уход мой сделает боль и раздражение. А жить мне хорошо. Друзей много, всё прибавляются, и все растем вместе. Очень радостно.

134. Н. Н. Страхову
1889 г. Мая 28. Ясная Поляна.

Письмо, дорогой Николай Николаевич. Об искусстве, об истории этого понятия, что есть? Об искусстве в широком смысле, но также и о пластическом в частности. Нет ли истории и теории искусства, кроме Куглера*, которого, если у вас есть, привезите, пожалуйста. Да вообще помогите мне, пожалуйста, в предпринятой работе: нужно, прежде чем высказать свое, знать, как квинтэссенция образованных людей смотрит на это. Есть ли такой катехизис? Надеюсь, что вы меня поймете и поможете мне, а главное, сами скоро порадуете приездом*.

Л. Толстой.

135. Л. Л. Толстому
1889 г. Июня 4. Ясная Поляна.

Написал тебе письмо открытое, да не послал и решил лучше запечатать. Что за глупости – обед с Фуксом? Одно разумное и радостное выражение радости об окончании* – это то, чтобы уйти как можно скорее, не замазывая новой фальшью старую фальшь. Да еще обед с вином! Нынче еще получил очень приятное письмо из Одессы с брошюрой под заглавием: «Общественные отравители»* – о пьянстве, в которой описывается, как старшие спаивают молодых. Делай как получше и приезжай поскорее. У нас все тихо, спокойно и кому в душе хорошо, то может быть очень хорошо; к таковым принадлежу я, не смотря на нездоровье. Как и что ты решил об университете и факультете? Ведь теперь, кажется, это надо решать. Это, – не столько самое дело, сколько твое решение в этом деле, – очень занимает меня. Ты вообще теперь очень интересен, потому что на распутье. И всегда на распутье человек, но иногда, как ты теперь, особенно. И со всеми вами я в эти времена с волнением жду, воздерживаясь от вмешательства, которое бывает не только бесполезно, но вредно. Ну, прощай, голубчик, целую тебя, не делай худого и приезжай скорее*.

136. С. Т. Семенову
1889 г. Май-июнь. Ясная Поляна.

Получил ваше письмо и рукописи, Сергей Терентьевич*. Помогай вам бог жить так, как вы намереваетесь. Помощь от общения с людьми и чтения книг, разумеется, есть, но все ничто, если нет в душе источника воды живой. То наборная вода, а то ключевая. И потому я всегда того мнения, что если можно иметь общение и книги, то это очень хорошо и надо пользоваться этим, но важности в этом нет. Важно одно – это внутренняя работа над собой, состоящая, главное, в соблюдении чистоты своей жизни, в избавлении себя от всякого рода пьянства – вина, женщин, тщеславия, и всякой суеты, в соблюдении себя чистым сосудом. Если только душа человека чиста, то бог поселяется в ней. Бог наполняет все, и если вынешь из души то, что не божье, то бог наполнит ее, и наполнит в той мере, в которой вынута не божье. Книга «В чем моя вера?» у меня есть, но я боюсь вам послать ее. Как бы не подпасть вам ответственности из-за этого. Подумайте. А то теперь везде делают обыски.

Повесть ваша совсем слаба. Мысль хорошая, но она не выражена художественно. Не видно, какие силы перемог ли для молодого человека удовольствие женитьбы на чистой девушке, не видно всех тех страданий душевных, которые он должен был перенести, женившись на той. Вообще не хорошо. Сцена же недурна, но однообразна. Сцену я пошлю Черткову, а повесть советую совсем уничтожить.

Напишите, когда будете писать, как живется у вас в семье.

Прощайте. Укрепи вас бог на том добром пути, на котором стоите.

Л. Толстой.

137. П. И. Бирюкову
1889 г. Сентября 27. Ясная Поляна.

Получил еще ваше письмецо, милый друг, но думаю, что точно пропало ваше одно и мое одно, в котором я пишу вам между прочим о статье Алексеева. Я прошу прислать ее ко мне. Я непременно прочту и пошлю к Сытину*. Я вперед уверен, что она в своем роде хороша. Наша жизнь вот какая: в доме у нас теперь я с женой, две Маши, два мальчика, Ванечка, Саша и miss Kate. Таня с Сережей уехали на Парижскую выставку. Мне истинно жаль ее. Это, знаете, как ослабевающему больному дают все

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. более и более сильные возбуждающие. Но она очень мила и добра. Лева в Москве на медицинском факультете и храбрится тем, что у него под столом кости человеческие. Тоже мил и добр. Илья нынче уехал. Малыши у него были, он их привез назад и пробыл здесь два дня, охотился. Он совершенно спит и видит во сне экипажи, лошади, охота, хозяйство. Удивительное это дело, как каждый человек живет в своей атмосфере, везде носит ее за собой и ревниво блюдет за тем, чтобы ее кто-нибудь не разрушил. И пробить эту атмосферу нельзя, он все силы души направляет только на соблюдение ее, чтобы не остаться без нее голым. Есть люди голые, вот эти-то хороши. Мы с женой живем недурно. Она мягче; иногда мне кажется, что она хочет быть мягче; но суеверия ужасно тверды в ней. И не суеверия, а инерция. Кроме того, духовная сила имеет мало влияния на нее, не двигает ею, а одни физические низшие силы. Кроме того, тут много напутано и напорчено мною. Смотрю так: если я могу передать ей то, что может облегчить ей жизнь, считаю нужным передать (это редко, никогда не бывает до сих пор); если она дает отпор, утруждает жизнь, говорю себе: это тебе работа, ну-ка покажи, насколько ты веришь в то, что исповедуешь. И это тоже редко, почти никогда не делаю. А все-таки идет лучше. О вас говорит всегда с желанием оттолкнуть от вас Машу. Я все поправляю, изменяю, дополняю «Крейцерову сонату». Но мало, лениво пишу. Пишу много писем и пилю и рублю лес. Маши очень хороши обе. Живут внутренней жизнью, то есть истинной. Маша моя учит детей по утрам, пишет мне письма и переписывает и читает и хочет языками заняться, английским, французским и немецким. Все ее любят, и везде ей хорошо. О вас, о женитьбе, мы ничего не говорим с ней, но о вас, разумеется, вспоминаем и говорим*. Пускай живет сама. Я боюсь с ней всегда, как бы не влиять на нее в какую бы то ни было сторону. Одно знаю, что никогда я от нее не видал попытки компромисса, ослабления требований от себя. Попов у Алехина, на днях получил от него письмо. Он доволен своей жизнью. Зовите его. А если одни поживете, и то очень хорошо. Целую вас.

Любящий вас Л. Т.

138. Н. Н. Страхову
1889 г. Ноября 17. Ясная Поляна.

Спасибо, Николай Николаевич (я так запутался в разных эпитетах при обращении, что решил отныне не употреблять никаких), за письмо*. Я очень дорожил вашим мнением и получил суждение гораздо более снисходительное, чем ожидал. В художественном отношении я знаю, что это писание ниже всякой критики: оно произошло двумя приемами, и оба приема несогласные между собой, и от этого то безобразие, которое вы слышали. Но все-таки оставляю, как есть, и не жалею. Не от лени, но не могу поправлять: не жалею же оттого, что знаю верно, что то, что там написано, не то что бесполезно, а наверное очень полезно людям и ново отчасти. Если художественное писать, в чем не зарекаюсь, то надо сначала и сразу.

Очень радуюсь слышать о вас хорошие вести и о здоровье и о работах – главное, что ответ Тимирязеву и краткий и кроткий. Это высший идеал. Посмотрим с интересом большим*. У нас все благополучно. Живем в деревне, жена не скучает. Учитель* очень удачный и русский – дарвинист большой. Швейцарец* – из Армии спасенья. Дети хворают, но немножко. Я занят и здоров. Чего и вам желаю.

Л. Толстой.

139. Т. А. Кузминской
1889 г. Декабря 2. Ясная Поляна.

Буду отвечать по пунктам, милый друг Таня. 1) Отношение мое ко всему, что я пишу теперь, такое, как будто я умер, и я потому ничего не разрешаю и ничего не запрещаю. Личное же мое желание об этой повести то, чтобы ее не давать читать, пока она не исправлена. Исключение – Суворину. Он писал, прося на день взять у вас, а так как я его просил напечатать одну вещь, нельзя было отказать*. 2) Все, что ты писала и пишешь о суждениях о повести, мне очень интересно*. Жалею только, что я увлекся теперь другими занятиями и не так занят этой повестью, как прежде. 3) Статью Страхова об Афоне я не читал; но не говори этого ему, а пришли мне эту статью: я прочту и напишу ему, а то, сколько помнится, он прислал мне, а я отложил, чтоб прочесть, да так хорошо отложил, что теперь не могу найти*. Можешь ему вместо всего этого сказать, что я его очень люблю. 4) «Disciple»* очень скверно. Нагромождено всего куча, и все это не нужно автору – ничего ему сказать не нужно. Прочти «Forte comme la mort»*. Это написано прекрасно и

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. задушевно, оттого и тонко, но горе, что автору кажется, что мир сотворен только для приятных адюльтеров. 5) Машу милую, о которой часто вспоминаю, целую и прошу ее забыть про спину и голову. Никакой у нее нет ни спины, ни головы, а есть разные чувства и мысли, которыми ей и надо заниматься, потому что, я знаю, и чувства у нее хороши, и мысли умные. Веру милую также целую и очень ею интересуюсь и жалею, что не знаю ничего об ее внутренней жизни, которая всегда меня интересует. Попроси ее написать мне страницу дневника. 6) В шахматы я много играю, но как-то стыдно и стало скучно, и я хочу бросить. Сережа, понятно, что огорчился твоим суждением о том, что он никого не пожалел. Это самое жестокое суждение о человеке, и он его не заслуживает. Мы получили от него вчера обстоятельное и остроумное письмо*. Поцелуй его от меня. 7) Таня приехала, очень весела и довольна. Хочет театр играть*. Это напрасно, но это я говорю по секрету. 8) М-ме Менгден, если увидишь, спроси мою книжку «Looking backward»*. Она хотела перевести. Что она сделала? лучше, если бы не перевела. Ерошенку я, разумеется, очень рад буду видеть, но портрет – неприятно*. За Сашу рад, что он очень занят, интересуюсь его делом.

Всех целую

Л. Т.

140. П. И. Бирюкову
1889 г. декабря 31. Ясная Поляна.

Простите, если будет короткое письмо. Все лучше, чем ничего. Получил письмо ваше с соседом вашим, агрономом, и по почте*. Статьи* не получал еще. Прочту внимательно и напишу, коли буду жив. У нас все это время страшная суета. Хотели играть спектакль и взяли мою пьесу, которую я и стал поправлять и немножко исправил. И вчера ее играли здесь*. Суета, народу, расходу ужас. Делали с спокойной совестью в усиленной мере то самое, что осмеивается комедией. Маша* играла кухарку необыкновенно хорошо, но это, кажется, не мешало ей смотреть ясно и прямо. Заливает нас с ней иногда волнами суеты, но мы стараемся не потонуть, держась друг за друга. На днях разъезжаются Кузминские, Сиверсы, сыновья, Илюша с женой, и она берется за школу, которая теперь готова. Я очень расположен писать и пишу художественное*. Когда напишется, сообщу вам. Получил книгу Минского поэта «При свете совести»* и нынче кончил. Замечательная книга. Если у вас нет, я пришлю вам. Напишу, прочтя ваше писанье, а вы пишете.

Л. Толстой.

1890
141. А. И. Эртелю
1890 г. января 15. Ясная Поляна.

Александр Иванович!

Ничего вам не могу сказать про Наполеона*. Да, я не изменил своего взгляда и даже скажу, что очень дорожу им. Светлых сторон не найдете, нельзя найти, пока не исчерпаются все темные, страшные, которые представляет это лицо. Самый драгоценный матерьял, это «Mémorial de St. Hélène»*. И записки доктора о нем*. Как ни раздувают они его величие, жалкая толстая фигура с брюхом, в шляпе, шляющаяся по острову и живущая только воспоминаниями своего бывшего quasi-величия, поразительно жалка и гадка. Меня страшно волновало всегда это чтение, и я очень жалею, что не пришлось коснуться этого периода жизни. Эти последние годы его жизни – где он играет в величие и сам видит, что не выходит – и в которые он оказывается совершенным нравственным банкротом, и смерть его – это должно быть очень важной и большой частью его жизнеописания.

Насчет повести моей, вчера отдали ее Стороженко*. Он хочет попытаться пропустить ее с вырезками. Переписываем теперь для переводчиков. Как будет время, то закажу для вас. Помогай вам бог. Хороши у вас работы затеяны и Будда* и Наполеон, как я его вспомнил. Ох, какую книгу, именно народную, можно написать, и именно вы. Ну, до свиданья. Все семейные вам кланяются.

Л. Толстой.

142. В. Г. Черткову
1890 г. января 15. Ясная Поляна.

Давно не писал вам, так уж и не помню, на какое письмо не отвечал*. В памяти у меня главное ваши заметки на мою повесть*. Все совершенно верно, со всем согласен, но послесловие хотя и начал писать, едва ли напишу, и потому место о том, что идеал человечества есть не плодовитость, а исполнение закона достижения царства небесного, совпадающего с чистотою и воздержанием, это место надо оставить, как есть*. Мне тяжело теперь заниматься этим, да и просто не могу, а misunderstanding'ов* не минуешь. Вчера только был Стороженко, издатель Юрьевского сборника, и читал и ничего не понял. Он видит пессимизм, и я не мог растолковать ему. С этим надо помириться. Да многое мне теперь не только хочется писать, но и пишу, и все художественное. Пожалуйста, никому не говорите, я и дома не говорю. Последнее время комедия, которую у нас играли, так захватила меня, что я больше 10 дней все ей занимался, исправляя, дополняя ее с художественной точки зрения*. Вышло все-таки очень ничтожное и слабое произведение, но дело в том, что я на этом увидал, какое это унижающее душу занятие – искусство. Человеку нынче-завтра умереть, и вдруг он озабоченно записывает фразу, которая в духе известного лица и смешна; и радуешься, что нашел. Вообще было совестно, но теперь, кажется, кончил. Список с последней редакции «Крейцеровой сонаты» жена списала и отдала Стороженке, он будет хлопотать*. Маша же наносит на ваш список все перемены, и мы пришлем его вам, чтобы вы отдали милому Ганзену*.

После Америки, самая сочувственная мне страна – это Дания. Какое одно чудесное письмо есть оттуда от школьного учителя*. Жена, кроме того, пошлет список Vogué*, жена его просила перевести, а Таня, дочь, пишет для Hargood*. Так что поускай переведут, а по-русски, верно, выйдет после. Здоровье мое теперь поправилось, то есть не очень болит живот. Как Галя и вы? Такой ли все худой? Ерошенко мы все любим и, разумеется, очень рады бы были его видеть*. Но мне всегда страшно, когда человек столько проедет, чтобы повидаться, а я чувствую, что я своей беседой не заплачу ему проезд до первой станции. Особенно в теперешнем низком состоянии духа, когда думаешь о художественных подробностях.

Л. Т.

143. Л. Л. Толстому
1890 г. февраля 21. Ясная Поляна.

Вот я и пишу тебе. Ты как будто нарочно сказал такое словечко, которое меня вызовет: о том, что ты хочешь бросать занятия*. Не делай этого. Мало того, что не делай этого, не ослабляй своего напряжения к занятиям, не ослабляй, а увеличивай сознание нравственного долга продолжать занятия. А то все самые важные шаги в жизни ведь этак-то и делаются. Важные шаги делаются не с треском, заметно, а именно так – нынче не пошел, завтра не сел за работу, сказал: все равно, а глядь через месяц, два уже сидишь в безвыходном положении – нет выбора, надо выходить. А выходить – значит употребить свое время иначе. А как его употреблять-то иначе? С Фомичом и Бибиковым на охоту и т. п. Оно правда, что если у тебя это намерение кончить курс завинчено только в верхние планки людского мнения и самолюбия, то их легко отодрать, и оно отстанет. Крепко будет только тогда, когда прихватишь винтами за сознание долга перед своей совестью и богом. И потому если не довинчено, винты. Я тебе отвертку дам, коли твоя не берет. Ну вот. А то это-то апатия: зачем ходить? к чему? да что? Это начало гниения. А коли запустишь и глубоко загниешь – шабаш.

У нас хорошо, даже очень хорошо живется. Если бы на что я мог жаловаться, так это на то, что хочется очень многое написать, а нет той свежести головы, при которой знаешь, что не испортишь, – и ничего почти не пишу. Но утешаюсь тем, что это и не нужно. Нужно жить получше. Ну вот и стараюсь. И ты старайся. А когда будешь стараться, тогда и решишь, выходить или не выходить. А пока нет светлого бодрого настроения, ничего не решай, а только старайся приходить в такое настроение.

144. Н. В. Рейнгардту
1890 г. февраля 22. Ясная Поляна.

Очень благодарен вам за присылку вашей книжки о Фрее*. Это один из самых замечательных людей нашего времени. Мне очень хотелось написать о нем, но до сих пор не удосужился. Желая как можно более широкого распространения вашей статьи. Сколько мне помнится, я отвечал на его письмо*, но этого моего ответа у меня

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. нет. После этого я виделся с ним два раза в деревне у нас и в Москве. Кроме того глубокого уважения, которое он возбуждал к себе своей жизнью, бывшей полным осуждением его убеждений, он вызывал еще к себе любовь своей добротой и любовью. Помню, в Ясной Поляне мы спорили. Я жестоко возражал ему, и, когда он вышел из комнаты, я опомнился и устыдился своего недружелюбного тона. Когда он вернулся, я сказал ему, что мне совестно за свою горячность, что я прошу его извинить меня. Я не успел договорить, как он уже со слезами на глазах обнял и поцеловал меня. Я многим ему обязан и всегда с умилением вспоминаю об этом святом человеке.

145. С. Л. Толстому
1890 г. Марта 8. Ясная Поляна.

Не думай, Сережа, что я к тебе отношусь иронически, как ты пишешь. Если я пошутил с Сашей Кузминским*, то я только пошутил. Я стараюсь помнить и помню свою молодость и надеюсь и даже почти уверен, что ты делаешь и делал меньше глупостей, чем я, даже относительно, то есть пропорционально времени и условий, в которых я находился и ты находишься. Одно, что прежде меня сердило в тебе (прежде, теперь этого нет), это то, что ты, столь разумный и как бы практический в приобретении знаний научных и практических, умевший всегда пользоваться тем, что сделано прежде тебя людьми, не выдумывавший сам логарифмов и т. п. вещей, которые давно выдуманы, и знающий, куда обращаться за этими знаниями, ты в самом важном знании – что хорошо, что дурно и потому как жить, хочешь доходить своим умом и опытом, а не пользуешься тем, что давно, несомненно и очевиднее всякой геометрической теоремы, объяснено и доказано.

Например, ты открыл, что непременно надо быть заняту, и ищешь себе занятия, но хорошенько не знаешь, чем именно тебе надо заниматься: банком, тюрьмами, хозяйством или уездным начальничеством. Но и это не все: почему не музыкой, не литературой, не фабрикой, не путешествиями и т. д.? Очевидно, что положение, что надо быть заняту, не имеет никакого значения и смысла, если не решено, чем надо быть заняту. И вот это – то давным-давно решено людьми, которые занимались этими вопросами. Зяну надо быть тем (*au risque de te déplaire**, должен повторить тебе то, что тобою давно, по твоему мнению, опровергнуто), заняту надо быть тем прежде всего в нашем привилегированном положении, чтобы слезть с шеи народа, на которой сидишь, и прежде чем делать что-либо, по своему мнению, полезное для этого народа, перестать утруждать его требованиями удовлетворения своих прихотей жизни, то есть прежде всего делать то, что себе нужно. Сомнения тогда в том, что делать, не будет, и будет спокойная, радостная жизнь. Исключение из этого только тогда возможно, когда есть какое-либо исключительное призвание. Определить же то, что есть исключительное призвание, никогда не может тот, кто имеет или не имеет призвание, а другие люди, которые в случае такого призвания будут требовать того, чтобы человек отдавался своему полезному или радостному для других призванию.

Пожалуйста, голубчик, не спорь со мною. Я не для спора пишу, а не пригодится ли тебе. А попробуй обсудить то, что я говорю, как серьезно решают уравнения, то есть предполагая вперед, что x (а x здесь твое положение) может быть и положительной, и отрицательной величиной, и нулем. А не так, чтобы, вперед решив, что x положительная величина, придумывать такие штуки, чтобы уравнение решилось и x был бы положительная величина.

Ведь ошибка в том, что мы, потомки людей и принадлежащие к кругу людей угнетателей, тиранов, хотим, не изменив своего положения, не признавая его преступность, сразу найти такое занятие, пользой которого мы бы выкупили все прошедшие и настоящие грехи. Надо раз навсегда признать свое положение, и это нетрудно. А поняв это, очевидно, что, прежде чем думать о пользе, приносимой народу (людям), надо перестать участвовать в его угнетении посредством землевладения, чиновничества, торгашества и др. И остается одно: как можно меньше брать с произведения труда людей и как можно больше трудиться самому. И это правило, как оно ни надоело, боюсь, тебе, таково, что оно приложимо к самому сложному, запутанному положению, в котором мы часто находимся. Во всяком положении можно стремиться к этому и все более и более осуществлять. Никак нельзя извне, с поверхности, определить свое положение. Но непременно надо изнутри, из середины, то есть не решать: где мне лучше служить или жить, а решать: что я такое? чем я живу? какие мои отношения к людям и какие мои права и обязанности в отношении их. Ну вот, прощай. Целую тебя.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Смотри ж, любя прочти это письмо, так же, как я писал.

146. Н. П. Вагнеру
1890 г. Марта 25. Ясная Поляна.

Истинно уважаемый и любимый Николай Петрович *. Письмо* ваше вызвало те самые чувства, которые вы им, вероятно, и хотели вызвать, чувства сожаления, раскаяния почти, грусти в том, что я огорчил, хотя и нечаянно, человека, которого люблю и уважаю, и, главное, любви и благодарности к вам за ваше любовное отношение к человеку, сделавшему вам больно. Пожалуйста, прежде всего простите меня, а потом уже выслушайте. В мое оправданье скажу следующее: 1) что эта комедия давно была мною написана начерно и заброшена; явилась же она на свет божий нечаянно: дочери попросили ее играть, я стал поправлять, никак не думая, что она пойдет дальше нашего дома, а кончилось тем, что она распространилась. Это оправдание слабое, но все-таки оправдание: если бы я прямо задумал ее для печати, очень может быть, что я такую не издал ее. 2) О вас и о Бутлерове я никогда не думал, пиша комедию. Про Бутлерова все, что я знал, внушало мне уважение к нему, к вам, я уже говорил вам, какие я имею чувства. Профессор же является как олицетворение того беспрестанно встречающегося и комического противоречия: исповедание строгих научных приемов и самых фантастических построений и утверждений. 3) И главное мое с годами все усиливающееся отвращение, от которого я не отрекаюсь, ко всяким суевериям,

* Если я неверно ставлю отчество, то простите.

В городе бы я узнал, а в деревне негде. к которым я причисляю спиритизм. Чем больше, я вглядываюсь в жизнь людей, тем больше я убеждаюсь, что главное препятствие для осуществления, или, скорее, задержка – в суевериях различных, прирастающих с разных сторон к истинному учению и мешающие ему проникнуть в души людей. Суеверия это те же ложки дегтю, губящие бочки меду, и их нельзя не ненавидеть или, по крайней мере, не смеяться над ними. Недавно я был в Оптиной пустыни и видел там людей, горящих искренней любовью к богу и людям и, рядом с этим, считающих необходимым по несколько часов каждый день стоять в церкви, причащаться, благословлять и благословляться и потому парализующих в себе деятельную силу любви. Не могу я не ненавидеть этих суеверий. Я вижу, как эти суеверия для одних подменяют сущность формой, для других служат орудием разъединения, третьих отталкивают от учения истины. То же со всяким суеверием, со всякой ложкой дегтю. И это потому, что истина обща, всемирна, всечеловечна, суеверия же эгоистичны. Суеверия – это известные формы, приятные, удобные для известных лиц в известном положении. Как только человек в ином положении, суеверия других его отталкивают, а его суеверия их отталкивают. Таковы, по моему мнению, суеверия всех церквей и таковы же – спиритизма. Мне кажется, что людям, преданным известного рода частным учениям, надо бы выучиться отделять общую всем истину от того, что они только, известные люди, считают за истину. Если бы это было так, если бы они не считали того, что причащение, или происхождение св. духа, или существование духов суть такие же несомненные истины, как и закон смирения, нестяжания, чистоты любви, если бы они свою ложку дегтю разводили бы в особенной посудинке, не заражая всю бочку, то можно было бы не ненавидеть этих частных учений. Тогда бы можно было сходитьсь теми огромными сторонами, которые общи у всех людей, и не прикасаться теми сторонами, которые так разнообразно прихотливо изогнуты у стольких различных исповеданий. Думал же я это особенно живо, когда читал или слышал про вашу глубоко сочувственную мне деятельность во имя того принципа человечности, о котором вы упоминаете в вашем письме. Эти же чувства испытываю я беспрестанно, получая в последнее время из Америки очень много спиритических изданий и журналов, из которых многие, например «World's Advance Thought», самого высокого христианского настроения.

Вот вам моя исповедь; пожалуйста, еще раз простите меня, если я, излагая ее, где-нибудь слишком резко выразился. Я скажу, как дети: простите, это в первый и последний раз, последний раз потому, что, раз высказавшись, я уже не буду никогда впредь говорить с вами о спиритизме, а если вы не лишите меня своей дружбы и общения, буду общаться с вами теми сторонами, которые у нас согласны. Мне кажется, что это можно, и надеюсь, что то обстоятельство, которое вызвало эту переписку, будет не орудием разъединения, а, напротив, сближения между нами.

Уважающий и любящий вас

Л. Толстой.

147. Н. Н. Страхову
1890 г. Мая 18. Ясная Поляна.

Получил и вашу книгу, и ваше письмо, дорогой Николай Николаевич*. Из книги вашей начал читать то, чего не читал: «Атмосферные явления» и следующее. Теперь прочту, что вы указываете*. Я заболел дней 18 тому назад и теперь еще не справился. И болезнь очень хорошо, особенно при тех заботах, которыми я окружен, и так мало страданий, и так много поучительного, подвигающего.

Почему вы говорите, что не оценю вполне теперь ни одного из ваших писаний? Нет, оценю и оценю – и очень – все ваши работы научной критики и философии и жду еще многого для себя и для других просветительного в этой области. «Поездка» мне скорее не нравится – именно тем, что она нравится гр. Александре Андревне (не Алексевне) Толстой*. И утверждение о том, что повторение десятки раз сряду одних и тех же слов может быть не отвратительно по своему безумно и кощунственно механическому отношению к богу, мне очень противно. Противно, потому что вредно. Надо нам, старикам, глядя уже туда, помогать людям распутываться, а не запутываться. Ну, простите ради Христа. Ошибаюсь ли, нет ли, но перед богом считаю своей обязанностью сказать вам это. Мне всегда душевно больно, когда я вижу в вас эти черты умышленного принижения своего духовного я во имя чего-то такого мелкого, ничтожного, как привычка, семья, народ, церковь. Я знаю, что вы можете повторить: семья! народ! церковь! ничтожное; но от этого отношение вашего духовного, божеского я к этим названиям игрушек человеческих не станет другим. Нельзя идти назад. У меня есть очень умный знакомый Орлов, который говорит: я верю, как мужик, в Христа, бога и во всё. Но ведь это нельзя. Если он верит, как мужик, в Христа, то этим самым он говорит, что верит совсем не так, как мужик. Мужик верит так, как верили и верят величайшие мудрецы, до которых он может подняться, отцы и святители, то есть верит в самое высшее, что еле-еле может понять. И прекрасно делает. И так надо делать и нам, чтобы у нас была вера, которая бы выдержала в смертный час, *quand il faudra parler français**, как говорит Montaigne. Да и как же нам верить в символ веры и его догматы, когда мы его со всех сторон видим и знаем до подробностей, как он сделан и как сделаны все его догматы. Мужик может, а мы не можем. И если брать уроки у народа, то не в том, чтобы верить в то, во что он верит, а в том, чтобы уметь избирать предмет своей веры так высоко, как только можно, – покуда хватает духовный взор. Опять простите. И не спорьте, хотя бы я был не прав; а в ответ напишите мне о моих слабостях, те, которые вы видите, а я не вижу, да поядовитей, потемирязевское, и которых вы не можете не видеть.

А то на что бы и дружба.

я без шуток прошу об этом.

Целую вас.

Л. Толстой.

Прочел и «Роковой вопрос», и «Перелом», и «Письма». Понравилась мне очень характеристика нигилизма*. Очень верно и ясно.

«Роковой же вопрос» и «Перелом», как и все славянофильское, – простите – ужасно молодо. Ну что, как вам на смертном одре напомнят «Роковой вопрос» и всё славянофильство, как вы презрительно и грустно улыбнетесь*. Я как будто нарочно раздражаю вас, чтобы вы мне сказали, что вы в самые желчные минуты думаете о моих недостатках. Ведь мне это нужно. Радуюсь, что вы

<2> обещаетесь к нам приехать. Заключение спора о дарвинизме мне понравилось*.

148. А. В. Жиркевичу
1890 г. Июня 30. Ясная Поляна.

Александр Владимирович!

я получил вашу книжку и письмо тогда же, во время моей болезни, и прочел их*. Вы спрашиваете моего мнения о книге и совета.

Совет мой тот, чтобы оставили литературные занятия, в особенности в такой

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. неестественной форме, как стихотворная. Простите меня, если мои слова оскорбят вас, но старому лгать, как богатому красть, незачем и стыдно. Правда же может быть полезна. Книжка ваша не может никого увлечь и никому ни на что не может быть нужна. А между тем она стоила вам, очевидно, большого и продолжительного труда. Вы спрашиваете: есть ли у вас то, что называется талантом? По-моему – нет. Продолжать ли вам писать? Нет, если мотивы, побуждающие вас писать, будут такие же, как и те, которые побудили вас написать эту книгу. С вашим мнением о том, что есть искусство, я совсем не согласен.

Писать надо только тогда, когда чувствуешь в себе совершенно новое, важное содержание, ясное для себя, но непонятное людям, и когда потребность выразить это содержание не дает покоя.

Для того же, чтобы выразить это содержание наиболее ясно, пишущий будет употреблять все возможные средства, будет освобождать себя от всяких стеснений, препятствующих точной передаче содержания, а никак не спутает, стеснит себя обязательством выражать это содержание в известном размере и с известным повторением созвучий на определенных расстояниях.

Человек мыслит словом, как утверждает Макс Мюллер*, – без слов нет мысли, и я совершенно согласен с этим. Мысль же есть та сила, которая движет жизнью и моей, и всего человечества. И потому несерьезно обращаться с мыслью есть грех большой, и «verbiicide»* не меньше грех, чем «homicide»*.

Я сказал, что у вас нет, по-моему, того, что называется талантом, я этим хотел сказать, что у вас нет в этой книге того блеску, образности, которые считаются необходимыми для писателя и называются талантом, но который я не считаю нужным для писателя.

Для писателя, по-моему, нужна только искренность и серьезность отношения к своему предмету. А это будет ли у вас или нет, никто не может знать, и я не знаю. Могу только сказать, что, когда у вас будет такое отношение к предмету, вас занимающему, тогда пишите, и тогда то, что вы напишете, будет хорошо.

Мне очень больно думать, что я этим письмом вызову в вас недоброжелательное к себе чувство, и буду вам очень благодарен, если вы ответите мне*.

Любящий вас

Л. Толстой.

149. П. М. Третьякову
1890 г. Июня 30. Ясная Поляна.

Спасибо за доброе письмо ваше*, почтенный Павел Михайлович.

Что я разумею под словами: «Картина Ге составит эпоху в истории христианского искусства»?* Следующее: католическое искусство изображало преимущественно святых, мадонну и Христа, как бога. Так это шло до последнего времени, когда начались попытки изображать его как историческое лицо.

Но изображать как историческое лицо то лицо, которое признавалось веками и признается теперь миллионами людей богом, неудобно: неудобно потому, что такое изображение вызывает спор. А спор нарушает художественное впечатление. И вот я вижу много всяких попыток выйти из этого затруднения. Одни прямо с задором спорили, таковы у нас картины Верещагина, даже и Ге «Воскресенье»*. Другие хотели третировать эти сюжеты, как исторические, у нас Иванов*, Крамской*, опять Ге «Тайная вечеря». Третьи хотели игнорировать всякий спор, а просто брали сюжет, как всем знакомый, и заботились только о красоте (Доре*, Поленов*). И все не выходило дело.

Потом еще были попытки свести Христа с неба, как бога, и с пьедестала исторического лица на почву простой обыденной жизни, придавая этой обыденной жизни религиозное освещение, несколько мистическое. Такова Ге «Милосердие»* и французского художника: Христос в виде священника босой, среди детей* и др. И все не выходило. И вот Ге взял самый простой и теперь понятный, после того как он его взял, мотив; Христос и его учение не на одних словах, а и на словах, и на деле в столкновении с учением мира, то есть тот мотив, который составлял тогда и

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. теперь составляет главное значение явления Христа, и значение не спорное, а такое, с которым не могут не быть согласны и церковники, признающие его богом, и историки, признающие его важным лицом в истории, и христиане, признающие главным в нем его практическое учение.

На картине изображен с совершенной исторической верностью тот момент, когда Христа водили, мучили, били, таскали из одной кутузки в другую, от одного начальства к другому и привели к губернатору, добрейшему малому, которому дела нет ни до Христа, ни до евреев, но еще менее до какой-то истины, о которой ему, знакомому со всеми учеными и философами Рима, толкует этот оборванец; ему дело только до высшего начальства, чтоб не ошибиться перед ним. Христос видит, что перед ним заблудший человек, заплывший жиром, но он не решается отвергнуть его по одному виду и потому начинает высказывать ему сущность своего учения. Но губернатору не до этого, он говорит: какая такая истина? и уходит. И Христос смотрит с грустью на этого непронизываемого человека.

Таково было положение тогда, таково положение тысячи, миллионы раз повторяется везде, всегда между учением истины и представителями сего мира. И это выражено на картине. И это верно исторически, и верно современно, и потому хватает за сердце всякого, того, у кого есть сердце. Ну вот, такое-то отношение к христианству и составляет эпоху в искусстве, потому что такого рода картин может быть бездна. И будет.

Пока до свиданья. Любящий вас

Л. Толстой.

150. Л. П. Никифорову
1890 г. Июля 22? Ясная Поляна.

Сейчас получил ваше письмо*, дорогой Лев Павлович, и очень благодарен вам за то, что вы написали мне о своем, не скажу горе, но затруднении. Очень желаю быть вам полезным и вот посылаю вам то, что придумал: 1) Роман английский Edna Lyall «Dopavan»*. Он не новый – лет 5 ему, – но почти наверно не переведенный, а между тем очень заслуживающий того: роман с серьезным религиозным содержанием. Я думаю, что Гайдебуров напечатает его в «Неделе», несмотря на некоторую опасность в цензурном отношении, и я охотно напишу ему об этом. Есть еще другой роман того же автора, служащий продолжением этому, «We Two»*. Если этот годится, я пришлю другой. 2) Книжечка весьма оригинального и смелого поэта Walt Whitman*. Он в Европе очень известен, у нас его почти не знают. И статья о нем с выборкой переведенных его стихотворений будет, я думаю, принята всяким журналом («Русской мыслью» я уверен, – тоже могу написать). Переводить его стихи не трудно, так как и подлинник без размера и рифмы. 3) Drummond'a «The greatest thing in the world»*, небольшая статья о любви, прекрасная и имевшая большой успех в Европе. Не знаю только, в какой журнал поместить. 4) Роман Howells*, лучшего и очень замечательного американского романиста, с хорошим современным содержанием и прекрасно написанный. Это, если только не переведено, должно быть принято с радостью всяким журналом. Еще посылаю вам хорошенький рукописный рассказ Houthorn'a и другой Theuriet*. Оба годятся для фельетона и для «Посредника».

Еще чем не могу ли служить? Приходит в голову, что в нашей большой роскошно живущей семье так много лишнего, что хотелось бы поделиться, если бы вы позволили прислать и указали бы то, чего больше всего не достает, и возраст и рост детей. Я живу по-прежнему, не довольный внешними формами своей жизни и пытаюсь улучшить внутреннюю жизнь. Здоровье хорошо, работаю понемногу. Вас всегда был очень рад видеть и теперь больше, чем когда-нибудь.

Любящий вас

Л. Толстой.

Как завидно сложилась ваша жизнь. Помогай вам бог.

Книжки мои, пожалуйста, не заменяйте*.

151. Б. Н. Чичерину
1890 г. Июля 31. Ясная Поляна. 31 июля.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. Сейчас получил твои брошюры, любезный друг, и, заглянув в воспоминания о Кривцове*, не мог оторваться от нее и прочел; так замечательно хорошо, просто, естественно и содержательно она написана. Пожалел я об одном, что не рассказано очень важное: отношения к крепостным. Невольно возникает вопрос: как, чем поддерживалась вся эта утонченность жизни? Была ли такая же нравственная тонкость, – чуткость в отношениях с крепостными? Я уверен, что отношения эти должны были быть лучше, чем у других, но это хотелось бы знать. С заключением я, противно ожиданию своему, совершенно согласен, и в особенности поразила меня справедливость мысли о зловредном действии на общество развившейся журналистики нашего времени, конца XIX века, при формах правления XV-го.

Недаром Герцен говорил о том, как ужасен бы был Чингис-Хан с телеграфами, с железными дорогами, журналистикой*. У нас это самое совершилось теперь. И более всего несоответствие этого заметно – именно на журналистике. Брошюру о химии взял читать сын*. Он специально занимался химией и писал диссертацию об атомистических теориях. Я тоже прочту и постараюсь понять. Очень, очень жалею о том, что ты так дурно провел лето*. Надеюсь, что совершенно здоровый, проезжая, заедешь к нам. Жена благодарит за память. Прошу передать наш привет жене.

Любящий тебя

Л. Толстой.

Я совершенно здоров, так же, как и все домашние.

152. Джорджу Кеннану
1890 г. Августа 8. Ясная Поляна.

My dear m-r Kennan*,

Несмотря на английское обращение, смело пишу вам по-русски, уверенный в том, что вы, с вашим прекрасным знанием русского языка, не затруднитесь понять меня.

Не помню, отвечал ли я вам на ваше последнее письмо*. Если я этого не сделал, то надеюсь, что вы за это не сердитесь на меня.

С тех пор как я с вами познакомился*, я много и много раз был в духовном общении с вами, читая ваши прекрасные статьи в «Century», который мне удалось доставать без помарок*. Последние статьи еще не прочтены мною, но я надеюсь достать их. В последнее же время вспоминал о вас по случаю ваших, произведших такой шум во всей Европе, статей о сибирских ужасах. Часть этих статей, незамаранная, дошла до меня в журнале Стэда не помню каком: «Pall Mall Budget» или «Review of Reviews»*.

Очень, очень благодарен вам, как и все живые русские люди, за оглашение совершающихся в теперешнее царствование ужасов.

Вы, верно, слышали про страшную историю повешения в Пензе двух крестьян из 7, приговоренных к этому за то, что они убили управляющего, убившего одного из них*. Это было в газетах, и даже при том освещении, которое дано этому правительственными органами, возбуждает страшное негодование и отвращение, особенно в нас, русских, воспитанных в сознании того, что смертная казнь не существует в нашем законодательстве. Помню, сколько раз молодым человеком я гордился этим, теперь же с нынешнего царствования смертная казнь получила у нас права гражданства и без всякого суда, то есть с подобием его.

Об ужасах, совершаемых над политическими, и говорить нечего. Мы ничего здесь не знаем. Знаем только, что тысячи людей подвергаются страшным мучениям одиночного заключения, каторге, смерти и что все это скрыто от всех, кроме участников в этих жестокостях.

Разговорился я о том, что интересуется вас и не может не интересоваться меня: цель же моего этого письма вот такая:

Нынешней зимой появилась на Петербургской выставке передвижников картина Н. Ге: Христос перед Пилатом, под названием «Что есть истина?», Иоанн XVIII, 38. Не говоря о том, что картина написана большим мастером (профессором академии) и известным своими картинами – самая замечательная: «Тайная вечеря» – художником,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. картина эта, кроме мастерской техники, обратила особенно внимание всех силою выражения основной мысли и новизною и искренностью отношения к предмету. Как верно говорит, кажется, Swift, что «we usually find that to be the best fruit which the birds have been picking at»*, картина эта вызвала страшные нападки, негодование всех церковных людей и всех правительственных. До такой степени, что по приказу царя ее сняли с выставки и запретили показывать.

Теперь один адвокат Ильин (я не знаю его) решился на свой счет и риск везти картину в Америку, и вчера я получил письмо о том, что картина уехала. Цель моего письма та, чтобы обратить ваше внимание на эту, по моему мнению, составляющую эпоху в истории христианской живописи картину и, если она, как я почти уверен, произведет на вас то же впечатление, как и на меня, просить вас содействовать пониманию ее американской публикой, – растолковать ее.

Смысл картины, на мой взгляд, следующий: в историческом отношении она выражает ту минуту, когда Иисуса, после бессонной ночи, во время которой его, связанного, водили из места в место и били, привели к Пилату. Пилат – римский губернатор, вроде наших сибирских губернаторов, которых вы знаете, живет только интересами метрополии и, разумеется, с презрением и некоторой гадливостью относится к тем смутам, да еще религиозным, грубого, суеверного народа, которым он управляет.

Тут-то и происходит разговор [Иоанна] XVIII, 33–38, в котором добродушный губернатор хочет опуститься en bon prince* до варварских интересов своих подчиненных и, как это свойственно важным людям, составил себе понятие о том, о чем он спрашивает, и сам вперед говорит, не интересуясь даже ответами; с улыбкой снисхождения, я полагаю, все говорит: «Так ты царь?» Иисус измучен, и одного взгляда на это выхоленное, самодовольное, отупевшее от роскошной жизни лицо достаточно, чтобы понять ту пропасть, которая их разделяет, и невозможность или страшную трудность для Пилата понять его учение. Но Иисус помнит, что и Пилат человек и брат, заблудший, но брат, и что он не имеет права не открывать ему ту истину, которую он открывает людям, и он начинает говорить (37). Но Пилат останавливает его на слове истина. Что может оборванный нищий, мальчишка, сказать ему, другу и собеседнику римских поэтов и философов, – сказать об истине? Ему неинтересно дослушивать тот вздор, который ему может сказать этот еврейский жидок, и даже немножко неприятно, что этот бродяга может вообразить, что он может поучать римского вельможу, и потому он сразу останавливает его и показывает ему, что об слове и понятии истина думали люди поумнее, поученнее и поутонченнее его и его евреев и давно уже решили, что нельзя знать, что такое истина, что истина – пустое слово. И, сказав: «Что есть истина?» и повернувшись на каблуке, добродушный и самодовольный губернатор уходит к себе. А Иисусу жалко человека и страшно за ту пучину лжи, которая отделяет его и таких людей от истины, и это выражено на его лице.

Достоинство картины, по моему мнению, в том, что она правдива (реалистична, как говорят теперь) в самом настоящем значении этого слова. Христос не такой, какого бы было приятно видеть, а именно такой, каким должен быть человек, которого мучали целую ночь и ведут мучать. И Пилат такой, каким должен быть губернатор теперь в* и в Массачузете.

Эпоху же в христианской живописи эта картина производит потому, что она устанавливает новое отношение к христианским сюжетам. Это не есть отношение к христианским сюжетам как к историческим событиям, как это пробовали многие и всегда неудачно, потому что отречение Наполеона или смерть Елизаветы представляет нечто важное по важности лиц изображаемых; но Христос в то время, когда действовал, не был не только важен, но даже и замечен, и потому картины из его жизни никогда не будут картинами историческими. Отношение к Христу, как к богу, произвело много картин, высшее совершенство которых давно уже позади нас. Настоящее искусство не может теперь относиться так к Христу. И вот в наше время делают попытки изобразить нравственное понятие жизни и учения Христа. И попытки эти до сих пор были неудачны. Где же нашел в жизни Христа такой момент, который важен теперь для всех нас и повторяется везде во всем мире, в борьбе нравственного, разумного сознания человека, проявляющегося в неблестящих сферах жизни, с преданиями утонченного, и добродушного, и самоуверенного насилия, подавляющего это сознание. И таких моментов много, и впечатление, производимое изображением таких моментов, очень сильно и плодотворно.

Вот как я разболтался. Истинно уважающий и любящий вас.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.
153. В. А. Гольцеву
1890 г. Августа 24 или 25. Ясная Поляна.

Письмецо это передаст вам, уважаемый Виктор Александрович, мой знакомый литератор А. И. Орлов. Он сделал перевод «Мыслей Паскаля». Образец его языка и перевода можно видеть в издании «Посредника», мысли Паскаля и Гоголя*.

Не напечатаете ли вы отдельным изданием или не поможете ли Орлову войти в сношения с издателем. Очень обяжете меня и будете содействовать появлению хорошего перевода Паскаля*. Что книга Алексеева?*

Любящий вас Л. Толстой.

Еще просьба: в корректуре моего предисловия в выноске 24-й и 25-й стр. до слов: во-вторых, находящихся на 6-й строке выноски 25-й страницы, есть поправки*. Все эти поправки уничтожить и оставить, как было до поправок. Все это, разумеется, если еще не отпечатано.

154. Н. Н. Страхову
1890 г. Октября 18. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Простите, что не отвечаю на ваше письмо*, а пишу о деле, утруждаю вас просьбой. Я получил статью из Америки, которая показалась мне очень не только интересна, но полезна. Я сделал из нее извлечение и перевел приложенное в конце ее письмо. Извлечение это мне хотелось бы напечатать. Помогите мне в этом. Прежде всего представляется «Неделя» – в особенности потому, что не хотелось бы обидеть Гайдебурова, если ему это может быть приятно. Если же Гайдебурову не нужно этого извлечения, то в «Новое время». Письмо же, я думаю, нельзя напечатать потому, что признано называть неприличие, ни в «Неделе», ни в «Новом времени», хотя бы очень этого хотелось. И потому нельзя ли его пристроить в специальный журнал или газету «Врач» или т. п.*

Очень благодарен вам за книги. Все читал или скорее всеми пользуюсь. Ваши статьи, простите, прочел с грустью, хотя и понимаю ваше раздражение и удивляюсь на Соловьева*. Здоровье мое опять хорошо. И многое тщется писать.

Желаю вам здоровья и сил писать.

Любящий вас Л. Толстой.

Вчера получил письмо от Маши Кузминской. Она пишет, что вы удивляетесь на мое молчание. Пожалуйста, простите и за молчанье, и за просьбу о статье, и еще новую. Некто Богомолец, врач, жена которого на каторге по делу Киевскому политическому в 1881 году, просит, чтоб ему разрешено было приехать в Петербург хлопотать о том, чтобы поехать к жене (она кончает каторгу и должна высылаться на поселение). Ему же, мужу, хотя и не судившемуся, запрещен, вследствие его знакомств, въезд в столицы*.

Не можете ли исходатайствовать через кого-нибудь это разрешение. Он основательно говорит, что необходимо быть самому. Он прошлого года просил и был у Дурново. Ему обещали и потом отказали. Нужно надоедать, а то забудут. Александра Михайловича я просил, но он отказался помочь мне*. Поэтому вы ему не говорите. А если у вас нет других путей, то можно бы через Александру Андреевну Толстую. Ну простите.

Ваш Л. Толстой.

155. П. А. Гайдебурову
1890 г. Ноября 14. Ясная Поляна.

Дорогой Павел Александрович!

Я предложил Льву Павловичу Никифорову перевести по-русски роман Эдны Лайэль «Донаван», и он согласился на это и переводит или уже перевел его. Роман этот интересен по серьезности содержания: этический и религиозный вопрос в их взаимных отношениях*. Это роман вроде «Роберта Эльсмера»* и, по-моему, даже

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. лучше его. Что перевод хорош, в этом я не сомневаюсь, потому что знаю, что Никифоров вполне владеет и тем и другим языком.

Так вот, не напечатаете ли вы роман? Когда и какие условия?

Лев Павлович и перешлет или передаст вам это письмо.

Любящий вас Л. Толстой.

156. Л. П. Никифорову
1890 г. Ноября 14. Ясная Поляна.

Рад был получить от вас весточку, дорогой Лев Павлович*. Прилагаю письмо Гайдебурову*. Есть у меня по-английски роман норвежца Бьернсона – очень недурной, и интересный, и новый, а верно еще не переведенный: «In God's Way»*. Его жена читает. Когда кончит, я пришлю его вам. Я думаю, что у вас теперь есть работа. Я не помню, чтобы ваше последнее письмо оставило во мне какое-либо другое впечатление, кроме самого хорошего. Вы пишете, что живете очень скудно; и не знаю, жалею ли вас или завидую вам. Главное дело, как переносят это ваши жена и дети?

Я рад, что «Диоген»* понравился вам.

Пока прощайте.

Любящий вас Л. Толстой.

157. А. М. Жемчужникову
1890 г. Ноября 14. Ясная Поляна.

Очень рад был получить твое письмо*, потому что всегда рад узнать и вспомнить о тебе, любезный друг Алексей Михайлович. Вчера получил твою поэму* и прочел ее сначала про себя, а потом вслух – домашним.

Картина семейной жизни очень милая и описание прекрасное, но мысль поэмы для меня почти непонятна: как мысль о смерти, стоящей так уже близко от нас с тобой по нашим годам, не вызывает в тебе мыслей другого порядка? Впрочем, то хорошо, что все люди разны по своему взгляду на мир – каждый смотрит с своей особенной точки зрения. Я, разумеется, совершенно согласен на посвящение поэмы мне*. А ведь ты едешь в столицы мимо нас, почему же ты не заедешь? Мы были бы очень рады, и тебе не стоило бы большого труда. Я всегда дома. Можно поехать из Тулы, из Ясенков и из Козловки. Если из Козловки, то надо написать или телеграфировать, чтоб выслать, потому что там нет лошадей. Надеюсь, до свиданья.

Любящий тебя

Л. Толстой.

158. В. М. Грибовскому
1890 г. Ноября 21. Ясная Поляна.

Дорогой Вячеслав Михайлович,

Мысли издания народного журнала нельзя не сочувствовать*, но, во-1-х, я очень занят теперь другими делами, а времени до смерти уже мало, во-2-х, главное, издание хорошего по направлению народного журнала у нас будет не изданием, а танцеванием на канате, конец которого может быть только двух родов – оба печальные – компромиссы с совестью или запрещение.

Журнал нужен такой, который просвещал бы народ, а правительство, сидящее над литературой, знает, что просвещение народное губительно для него, и очень тонко видит и знает, что просвещает, то есть что ему вредно, и все это запрещает, делая вид, что оно озабочено просвещением: это самый страшный обман, и надо не попадаться на него и разрушать его.

Вот написать краткий критический обзор священного писания, что вы делали, – хорошее дело. Картину Ге я считаю картиной, составляющей эпоху в живописи.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Прощайте. Желаю вам всего хорошего – главное, спокойно плодотворной работы, такой, которой бы никто не мешал и не мог помешать, – это работа над собой. Она же и сама бывает плодотворная в смысле воздействия на других: так мир устроен.

Любящий вас*.

159. Л. Л. Толстому
1890 г. ноября 30. Ясная Поляна.

Не отвечал тебе тотчас*, милый друг, оттого, что ездил в Крапивну*, а потом суета сделалась приездом и нездоровий. Мама немножко нездорова, и Миша очень – вроде тифа, и Борель тоже; да и самому 2-й день нездоровится, голова болит. Статью не надо печатать и не надо также писать*. Если неприятны бестолковые и ложные суждения, то лучшее средство, чтобы их было как можно меньше, ничего не отвечать, как я всегда и делал и считаю даже нужным делать. Кроме того, отвечать значит идти против принятой мною издавна системы. Теперь повести: я на месте Цертелева тоже не напечатал бы ее*. Главное, два недостатка: герой неинтересен, несимпатичен, а автор относится к нему с симпатией, а другое – неприятно действует речь студента, и его поучение ненатурально. Несимпатичен герой тем, что он барчук и не видно, во имя чего он старается над собой, как будто только для себя. И оттого и его негодование слабо и не захватывает читателя.

У тебя, я думаю, есть то, что называют талант и что очень обыкновенно и не ценно, то есть способность видеть, замечать и передавать, но до сих пор в этих двух рассказах* не видно еще потребности внутренней, задушевной высказаться, или ты не находишь искреннюю, задушевную форму этого высказывания.

В обоих рассказах ты берешься за сверхсильное, сверхвозрастное, за слишком крупное. Я не буду отстаивать своего мнения, я стараюсь только, как умею, высказать то, что думаю. Попытайся взять менее широкий, видный сюжет и постарайся разработать его в глубину, где бы выразилось больше чувства, простого, детского, юношеского, пережитого. Пишу, чтобы не откладывать, а у меня голова болит. В другой раз яснее бы выразил. Да еще поговорим, живы будем.

Целую тебя.

160. Н. С. Лескову
1890 г. декабря 3. Ясная Поляна.

Получил ваше и последнее письмо*, дорогой Николай Семенович, и книжку «Обозрения» с вашей повестью*. Я начал читать, и мне очень понравился тон и необыкновенное мастерство языка, но.. потом выступил ваш особенный недостаток, от которого так легко, казалось бы, исправиться и который есть само по себе качество, а не недостаток – *exhibérance** образов, красок, характерных выражений, которая вас опьяняет и увлекает. Много лишнего, несоразмерного, но *verve** и тон удивительны. Сказка все-таки очень хороша, но досадно, что она, если бы не излишек таланта, была бы лучше.

Намерение ваше приехать к нам с Гольцевым, кроме большого удовольствия, во всякое время нам ничего доставить не может*.

Ге был еще у нас, когда пришло ваше последнее письмо, и мы вместе с ним смеялись вашему описанию*. Но тут, кроме смеха, дело очень интересное и знаменательное. Когда увидимся, поговорим.

Так до свиданья. Любящий вас

Л. Толстой.

161. Н. Н. Ге (отцу)
1890 г. декабря 18. Ясная Поляна.

Получил ваше письмо*, дорогой друг, то есть к Маше, в то время, как сам каждый день собирался писать вам. Писать нет ничего особенного, а просто хочется, чтобы вы с Колючкой помнили меня и знали, что я вас помню и люблю. Известия от вас хорошие и те, которые от вас, и те, которые мне передал Поша о Колючке и его жизни. От вас известия хороши и о том, что Колючка собирается приехать, и о том, что Эллипидифоровна* хорошо устроилась и хорошо себя чувствует, и о том, что

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. работается*. Это большое счастье, когда работается с верой в свою работу, счастье, которое когда дается, чувствуешь, что его не стоишь. У нас все это последнее время темные посетители: Буткевичи, Поша, Русанов, Буланже, Попов, Хохлов, которые еще теперь здесь. Поминаю ваши слова, что человек дороже полотна, и тем заглушаю свое сожаление о медленном движении моей работы, которая разрастается и затягивает меня*. А за ней стоят другие, лучшие, ждут очереди, особенно теперь, в это зимнее, самое мое рабочее время. Вчера получил «Review of Reviews», в котором статья Диллона о вас* и ваш портрет Ярошенки, «Тайная вечеря», «Выход с тайной вечери», «Милосердие», «Петр и Алексей» и «Что есть истина?». Диллон был у нас и рассказывал, что и в Англии последняя картина понравилась. Что пишет Ильин? Где он? Как бы опять не замучал вас*. У нас все здоровы и благополучны, Лева и Таня уехали к Илье. Поша был принят хорошо и оставил нам самое радостное, чистое впечатление. Колечке, Рубану, Зое*, Элпидифоровне и прежде всех Анне Петровне передайте мой привет и любовь. Читаю я теперь в свободное время книгу Renan «L'avenir de la science»* – это он написал в 48 году, когда еще не был эстетиком и верил в то, что единое на потребу. Теперь же он сам в предисловии с высоты своего нравственного оскопления смотрит на свою молодую книгу. А в книге много хорошего. Чертков просил написать или поправить тексты к картинам, и представьте, что, попытавшись это исполнить, я убедился больше, чем когда-нибудь, что эти выбранные лучшие по содержанию картины – пустяки. К евангельской картине могу пытаться писать текст – выразить то, как понял художник известное место, а тут – хоть «Осужденный»* или «Повсюду жизнь»* очень хорошие картины, но не нужные, и нечего писать о них. Всякий, взглянув на них, получит свое какое-либо впечатление, но одного чего-нибудь ясного, определенного она не говорит, и объяснение суживает значение ее, а углублять нечего. Может быть, вы поймете, хотя не ясно. Целую вас всех.

Л. Толстой.

1891

162. Н. Н. Страхову

1891 г. Января 7. Ясная Поляна.

Кажется, я виноват перед вами, дорогой Николай Николаевич, за ваше хорошее последнее письмо*, что не отвечал. Очень занят. Все силы, какие есть, кладу в работу*, которой занят и которая подвигается понемногу – вступила в тот фазис, при котором регулярно каждый день берешься за прежнее, проглядываешь, поправляешь последнее и двигаешь хоть немного вперед, а то зады исправляешь в 10 и 20-й раз, но уже видишь, что основа заложена и останется. Это делаешь утром, потом отдыхаешь, гуляешь, потом семейные, посетители, потом чтение.

А propos de* чтение, я читаю книгу, при которой беспрестанно вас поминаю и все хочется с вами поделаться впечатлением; это книга Ренана «L'avenir de la science»*. Я не жалею, что выписал ее. Я прочел треть, и, по-моему, никогда Ренан не писал ничего умнее: вся блесит умом и тонкими, верными, глубокими замечаниями о самых важных предметах, о науке, философии, филологии, как он ее понимает, о религии. В предисловии он сам себя третирует свысока, а в книге 48 года (я думаю, что он много подправил ее в 90-м году) он иронически и презрительно и замечательно умно отзывается о людях, судящих о предметах так, как он судит в предисловии; так что понимайте, как хотите, но знайте, что ума у нас бездна, что одно и требуется доказать. В общем и ложная постановка вопроса того, что есть наука, и отсутствие серьезности сердечной, то есть что ему всё все равно; такой же он легченый, с вырезанными нравственными яйцами, как и все ученые нашего времени, но зато светлая голова и замечательно умен. Например, разве не прелестно рассуждение о том, что для людей древних чудеса не были сверхъестественными, а естественными явлениями: все для них совершалось чудесами, как и для народа теперь. Но каково же положение головы человека с научным воззрением на мир, который хочет втиснуть в эти воззрения чудеса древнего мира?

Письмо ваше не под рукой у меня, и потому, может быть, на что-либо не отвечаю; если так, то простите. Целую вас.

Лев Толстой.

163. Г. С. Рубану-Щуровскому

1891 г. Января 13. Ясная Поляна.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Очень рад был получить письмо от вас, дорогой Григорий Семенович, рад просто общению с вами и рад был тому вопросу, который вы мне делаете. Как раз в это самое время Чертков прислал мне мои же, когда-то написанные мысли об искусстве, прося привести их в окончательный вид. Я не кончил и не издал их тогда именно потому, что хорошенько не разрешил того вопроса, который вы мне задаете*. Чем отличается искусство, – та особенная деятельность людская, которая называется этим именем, – от всякой другой деятельности, я знаю, но чем отличаются произведения искусства, нужные и важные для людей, от ненужных и неважных, где эта черта, отделяющая одно от другого? – я еще не сумел ясно выразить, хотя знаю, что она есть и что есть такое нужное и важное искусство*. Само Евангелие есть произведение такого искусства.

Есть самое важное – жизнь, как вы справедливо говорите, но жизнь наша связана с жизнью других людей и в настоящем, и в прошедшем, и в будущем. Жизнь – тем более жизнь, чем теснее ее связь с жизнью других, с общей жизнью. Вот эта-то связь и устанавливается искусством в самом широком его смысле. Если бы никто не употребил словесного искусства для выражения жизни и учения Христа, я бы не знал его.

И потому я думаю, что искусство важное дело, и его не надо смешивать с жизнью. Жизнь сама по себе, а искусство само по себе.

Передайте мой привет вашей жене.

Л. Толстой.

164. П. В. Засодимскому
1891 г. Января 13. Ясная Поляна.

Павел Владимирович! Я получил ваш рассказ* и тот-час же прочел про себя и другой раз своим домашним, так он мне понравился. Это то самое искусство, которое имеет право на существование. Рассказ прекрасный, и значение его не только ясно, но хватает за сердце. Вы спрашиваете о слабых сторонах. Слабого нет, все сильно, а недостатки есть: недостаток один тот, что во многих местах слишком подчеркнута дрянность рассказчика, например, где он говорит про свою храбрость – товарищ, дворник, дуэль – это надо выкинуть; другое, это его рассуждения и чувство под взглядом ребенка – это неверно в противоположную сторону (притом у новорожденных не бывает голубых глаз). Третье – не нравятся мне в конце его мечты о том, что могло бы быть, о елке*. Рассказ очень, очень хороший и по форме и по содержанию, и очень благодарен вам за присылку его.

Л. Толстой.

165. Н. С. Лескову
1891 г. Января 20–21. Ясная Поляна.

Ваша защита – прелесть*, помогай вам бог так учить людей. Какая ясность, простота, сила и мягкость. Спасибо тем, кто вызвал эту статью. Пожалуйста, пришлите мне сколько можно этих номеров.

Благодарный вам и любящий

Л. Т.

166. В. А. Гольцеву
1891 г. Января 20–21? Ясная Поляна.

Очень вам благодарен, дорогой Виктор Александрович, за ваше извещение и хлопоты о книге Алексева*. Нашли ли вы статью для дополнения, а то я поищу в английских журналах*.

Книжечку вашу я прочел. Задача слишком трудная, даже невозможная изложить в таком объеме такие важные и поучительные события. А, разумеется, знать их хорошо, полезно, и хороший грамотей кое-что узнает.

Об искусстве все хочется кончить, да все не успеваю*.

Как жаль, что вы раздумали побывать у нас. Может быть, выберете времечко, очень

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
будем рады. Дружески жму вашу руку

Л. Толстой.

Письмо в Полн. собр. соч. Л. Н. Толстого (т. 65, с. 215) неверно датировано 7 января. По своему содержанию оно является ответом на письмо Гольцева от 17 января (ГМТ) и, следовательно, написано не ранее 20–21 января.

167. Л. Л. Толстому
1891 г. Февраля 1–6. Ясная Поляна.

Мама приехала очень довольная тобой, что всегда очень радостно, и рассказывала про твой детский рассказ*. Мне нравится и сюжет, и небоязнь перед избитостью его. Ничто не ново и всё ново. Интересно будет прочесть. Прочел я указанные рассказы Сливицкого. Я еще прежде читал Савву Грудцына*. Мне не понравилось: ничего живого своего, всё... описания по описаниям, а не по своим исследованиям, например то, что медведь идет на человека, поднимаясь на задние лапы и т. п., и это нехорошо*. Да, очень мил рассказ «Урок смирения» – трогательно. Это лучше всего.

У нас живется хорошо – очень согласно. И это радостно. Я все работаю свою работу с большим напряжением... не прочь также украсть; потом встретил Игната, который и не знал, что его Серега в Москве, и жаловался на то, что взял деньги у Антошки и не спросясь уехал в Москву; потом встретил ребят, идущих из школы с «Часословами», потом наш учитель в школе, который ставит на колени, бьет и учит молитвам, и так ясно сделалось бедственное положение народа, от которого старательно скрывается...*

168. Я. П. Полонскому
1891 г. Февраля 26. Ясная Поляна.

Благодарю вас за книгу и за дружеское письмо*, дорогой Яков Петрович. Я прочел книгу, и больше всего – очень мне понравилось – первое стихотворение «Детство».

Правда, что я иначе смотрю на стихи, чем как я смотрел прежде и как смотрят вообще; но я умею смотреть и по-прежнему. Мне давно уже хочется высказать пояснее и покороче, почему я смотрю иначе на искусство вообще, чем большинство, и почему не могу смотреть иначе; и теперь даже занят отчасти этим предметом*.

Я слышал про вас от Стрхова и рад был узнать, что живы и здоровы. Желая вам всего лучшего. Передайте, пожалуйста, мой привет вашей жене и бывшему мальчику, которому Тургенев милый рассказывал сказки про незнакомку*.

Л. Толстой.

169. Л. П. Никифорову
1891 г. Марта 31. Ясная Поляна.

Очень, очень был рад получить ваше доброе письмо*, дорогой Лев Павлович. Я последнее время не избалован выражениями ласки и любви и потому особенно ценю их, тем более от людей, которыми дорожишь.

О Бутсе и Армии спасенья* не хочется говорить; придется осуждать, а это всегда тяжело, а особенно теперь, в том радостном настроении работы, в котором я нахожусь. Скажу, как Гамалиил: «Если от бога это дело, то как бы не быть врагом дела божья, а если не от бога, то оно само погибнет»*.

Как вы мне не сказали о книжке о Достоевском – это очень интересует меня; и я уверен, книжка будет прекрасная*. Хоть одно его изречение о том, что всякое дело добра, как волна, всколыхивает все море и отражается на том берегу.

Маша, кажется, до сих пор ничего не послала вам, хотя собрала кое-что. Но очень мало. Я сейчас напомню ей и настою, чтобы послала, что есть*. То, что обо мне пишете вы, не может не быть для меня приятным – не то, что приятным, а то, что если пишете, то я знаю, что распределение важности содержания будет сделано вами на том же самом основании, на котором оно делается мною: высоко цениться будет то, что мною высоко ценится, и пренебрегаться будет то, что мною пренебрегается. А это первое условие для того, чтобы правдиво описать человека*.

желал бы вам быть полезным, но не знаю чем; впрочем, будем это иметь в виду с Машей и собирать и посылать вам то, что может быть нужно.

Поклонитесь Рахманову, если он еще в Твери. Получил ли он мое письмо?* Отвечать не надо, а я только хочу знать, дошло ли? Что ж бедный Гастев?* Неужели нельзя было его уходить дома. Радуюсь за вас и вашу семью, что вы так устроили свою жизнь. Помогай вам бог. У нас страшная нищета и нужда везде кругом – ни хлеба, ни корма скоту, ни семян. Я сейчас пришел домой, набравшись этих впечатлений, и очень тяжело жить в той роскоши, в которой я живу. Успокоение дает только работа. Ну, пока прощайте. Привет всем вашим. Может, и приведет бог свидеться.

Любящий вас

Л. Т.

170. С. Т. Семенову
1891 г. Марта 31. Ясная Поляна.

Письмо ваше очень рад был получить*. Повесть мне понравилась, и очень желаю ее видеть напечатанной. Я послал ее в редакцию «Недели»*. Я думаю, что Гайдебуров напишет вам. Если ему не понадобится, я попытаюсь поместить в другом месте и потом в «Посреднике». Не отвечаю вам длинным письмом, потому что очень занят. XIII том в цензуре. Если выйдет, я попрошу вас послать. Дай бог вам жить так, как вам душою хочется.

Любящий вас Л. Т.

171. И. И. Горбунову–Посадову
1891 г. Апреля 4. Ясная Поляна.

Давно надо было отвечать о рассказах. Ни Быстренина, ни Квасоваровой рассказы мне не нравятся для народа*. Они писаны с точки зрения барской, а сами по себе очень недурны. Квасоваровой очень даже хорош по языку. На днях я послал полученную от Семенова повесть Гайдебурову*. Та очень хороша, как все семеновское, не блестяще, но серьезно, содержательно и искренно. Пошлите в «Русское обозрение» Дмитрию Николаевичу кн. Цертелеву адрес Барыковой. Pater напечатает*. Прекрасное письмо Владимира Григорьевича получил и буду отвечать*. Хозяйственные статьи прочел*. Никуда не годится. Доказывает только то, что в этом деле нам больше есть чему учиться, чем учить. Всё пошлю на днях.

Л. Т.

172. Н. Н. Страхову
1891 г. Апреля 7. Ясная Поляна.

Прочел вашу статью*, дорогой Николай Николаевич, и, признаюсь, не ожидал ее такую. Вы понимаете, что мне неудобно говорить про нее, и не из ложной скромности говорю, а мне неприятно было читать про то преувеличенное значение, которое вы приписываете моей деятельности. Было бы несправедливо, если бы я сказал, что я сам в своих мыслях, неясных, неопределенных, вырывающихся без моего на то согласия, не поднимаю себя иногда на ту же высоту, но зато в своих мыслях я и спускаю себя часто, и всегда с удовольствием, на самую низкую низость; так что это уравнивается на нечто очень среднее. И потому читать это неприятно. Но, оставив это в стороне, статья ваша поразила меня своей задушевностью, своей любовью и глубоким пониманием того христианского духа, который вы мне приписываете. Кроме того, когда примешь во внимание те условия цензурные, при которых вы писали, поражаешься мастерством изложения. Но все-таки, простите меня, я буду рад, если ее запретят*.

Во всяком случае, эта ваша статья сблизила меня еще больше с вами самыми основами.

Что вы теперь делаете?

Софья Андреевна привезет мне живую грамоту от вас*. Я все понемногу, упорно, иногда с бодростью, а чаще с унынием работаю над своей статьей, и хочется и не смею писать художественное. Иногда думаю, что не хочу, а иногда думаю, что,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. верно, и не могу. Ну, пока прощайте, целую вас.

Л. Толстой.

Все читаю Diderot*. Что вы о нем думаете?

Мой учитель* просит, главное, чтобы ему дали ответ на поданную им докладную записку Делянову. Если нельзя, то не надо. Ради бога, чтоб это не стеснило вас.

173. С. Т. Семенову
1891 г. Апреля 10. Ясная Поляна.

Гайдебуров пишет мне, что рассказ совершенно нецензурен, и он возвращает его мне*. Я попытаюсь поместить его еще куда-нибудь, но очень боюсь, что ответ будет тот же, так как Гайдебуров знает в этом толк, то есть что можно и чего нельзя. Не унывайте, пожалуйста. Знаю, что вам нужно, но не рассчитывайте на этот заработок. Он самый обманчивый и вредный.

Я попробую послать в «Северный вестник», но, опять повторяю, не ожидаю успеха. А рассказ хорош, хотя не всем нравится. Помогай вам бог. Пишите мне. Всегда рад вести о вас.

Л. Т.

174. Н. С. Лескову
1891 г. Июля 4. Ясная Поляна.

Очень рад был получить от вас весточку*, дорогой Николай Семенович, и рад тому, что вы духом спокойны и бодры, хотя и хвораете. Только бы духовная сила не останавливаясь работала, а тело веди себя как хочет и может.

На вопрос, который вы делаете мне о голоде*, очень бы хотелось суметь ясно выразить, что я по отношению этого думаю и чувствую. А думаю и чувствую я об этом предмете нечто очень определенное; именно: голод в некоторых местах (не у нас, но вблизи от нас, в некоторых уездах – Ефремовском, Епифанском, Богородицком) есть и будет еще сильнее, но голод, то есть больший, чем обыкновенно, недостаток хлеба у тех людей, которым он нужен, хотя он есть в изобилии у тех, которым он не нужен, – отвратить никак нельзя тем, чтобы собрать, занять деньги и купить хлеба и раздать его тем, кому он нужен, – потому что дело все в разделении хлеба, который был у людей. Если этот хлеб, который был и есть теперь, или ту землю, или деньги, которые есть, разделили так, что остались голодные, то трудно думать, чтобы тот хлеб или деньги, которые дадут теперь, – разделили бы лучше. Только новый соблазн представят те деньги, которые вновь соберут и будут раздавать. Когда кормят кур и цыплят, то если старые куры и петухи обижают, – быстрее подхватывают и отгоняют слабых, – то мало вероятного в том, чтобы, давая больше корма, насытили бы голодных. При этом надо представлять себе отбивающих петухов и кур ненасытными. Дело все в том, – так как убивать отбивающих кур и петухов нельзя, – чтобы научить их делиться с слабыми. А покуда этого не будет – голод всегда будет. Он всегда и был, и не переставал: голод тела, голод ума, голод души.

Я думаю, что надо все силы употреблять на то, чтобы противодействовать, – разумеется, начиная с себя, – тому, что производит этот голод. А взять у правительства или вызвать пожертвования, то есть собрать побольше мамона неправды и, не изменяя подразделения, увеличить количество корма, – я думаю, не нужно, и ничего, кроме греха, не произведет. Делать этого рода дела есть тьма охотников, – людей, которые живут всегда, не заботясь о народе, часто даже ненавидя и презирая его, которые вдруг возгораются заботами о меньшем брате, – и пускай их это делают. Мотивы их и тщеславие, и честолюбие, и страх, как бы не ожесточился народ. Я же думаю, что добрых дел нельзя делать вдруг по случаю голода, а что, если кто делает добро, тот делал его и вчера, и третьего дня, и будет делать его и завтра, и послезавтра, и во время голода, и не во время голода. И потому против голода одно нужно, чтобы люди делали как можно больше добрых дел, – вот и давайте, – так как мы люди, – стараться это делать и вчера, и нынче, и всегда. Доброе же дело не в том, чтобы накормить хлебом голодных, а в том, чтобы любить и голодных и сытых. И любить важнее, чем кормить, потому что можно кормить и не любить, то есть делать зло людям, но нельзя любить и не накормить. Пишу это не столько вам, сколько тем людям, с которыми беспрестанно

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. приходится говорить и которые утверждают, что собрать денег или достать и раздать – доброе дело, – не понимая того, что доброе дело только дело любви, а дело любви – всегда дело жертвы. И потому, если вы спрашиваете: что именно вам делать? – я отвечаю: вызывать, если вы можете (а вы можете), в людях любовь друг к другу, и любовь не по случаю голода, а любовь всегда и везде; но, кажется, будет самым действительным средством против голода написать то, что тронуло бы сердца богатых*. Как вам бог положит на сердце, напишите, и я бы рад был, кабы и мне бог велел написать такое.

Целую вас. Любящий вас

Л. Толстой.

175. В. Г. Черткову
1891 г. Июля 20? Ясная Поляна.

Давно, давно не писал вам, дорогие друзья, и соскучился. Новости мои вот какие. Жил у нас больше двух недель Репин, делал портреты и бюст*, и я полюбил его, надеюсь, что и он, больше, чем прежде. Второе – написал я предисловие к книге «Ethics»*. Написал все – вышло довольно много, но я еще не поправлял. Надеюсь, однако, что она закончена и со мной не случится того, чтобы я поправлял, запутался в ней и остановился. Есть там нечто нецензурное, которое для вашего сборника можно выпустить. Не берусь еще поправлять, потому что очень сил мало, а какие есть, все берегу на свою большую статью, которая подвигается, так что я вижу конец ее*. Кроме того, с Репиным и Гинцбургом, другой скульптор*, с беспрестанными гостями время очень занято. Главное же все это последнее время не болезнь, а слабость. Что от вас давно нет известий? Порадуйте, напишите вы, Владимир Григорьевич, вы, Галя, вы, Евгений Иванович. От Вани получил письмо и сейчас отвечаю ему. Как жаль его*. Целую вас. Любящий вас

Л. Т.

176. А. А. Толстой
1891 г. Августа 29...31. Ясная Поляна.

Благодарствуйте, дорогой друг, за ваше поздравленье, вашу память обо мне*. Мне всегда это очень приятно и особенно от таких любимых людей, как от вас. И какие хорошие ваши пожелания. Кабы сбылась из них хоть малейшая часть! Стремлюсь именно к тому, чего вы для меня желаете: быть хоть сколько-нибудь любовно полезным людям. Эккермана «Разговоры» не читал и на днях только вспоминал о них*. Гёте-то я очень не люблю. Не люблю его самоуверенное язычество. Благодарю вас очень и за карандаши (имею к ним слабость), и за карты, и за книги.

Посылаю их вам. О Damiens* очень мало, но все-таки рад был прочесть. Но Гордон не понравился мне – не читалось дальше. Не могу примириться с христианским генералом*. Это нечто вроде сухой воды.

Как вы живете? Грустно, что Карамзина умерла. Я знал ее мало, но к ней у меня осталось очень хорошее чувство*. У нас была очень, очень милая свадьба, как няня Маши прекрасно определила ее: легкая свадьба. Как лучше стали, нравственнее молодые люди! Я не нарадуюсь*. Вы пишете: печальные заботы о больных. Кто это? Софья Андреевна? Поцелуйте ее от меня, если она позволяет, и пожелайте ей от меня того же, что вы мне желали, любви и веры, которые, я думаю, у ней есть. Прощайте пока, любите меня по-прежнему; а я всегда с любовью думаю о вас.

За самовар я не так виноват, как вы думаете. Я старался, но была особенная неудача.

Л. Толстой.

177. П. Г. Ганзену
1891 г. Сентября 14. Ясная Поляна.

Дорогой Петр Готфридович!

Забыл было ваше имя и отчество, но благодаря Маше вспомнил его. Получил ваши оба письма и благодарю вас за них, за статьи и портреты*. Посылки из Тулы еще не получил. Бьернсона я читал еще летом: «Новые веяния»*. Очень хорошая, интересная

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. вещь. Читал тоже по-английски его роман, переведенный под заглавием «In God's way»*. Тоже хороший. Он во всем верен себе, искренно любит добро и потому имеет что сказать и говорит сильно. И я все, что он пишет, читаю и люблю, и его самого тоже. Но не могу того сказать про Ибсена. Его драмы я тоже все читал, и его поэма «Бранд», которую я имел терпение дочесть, все выдуманы, фальшивы и даже очень дурно написаны в том смысле, что все характеры не верны и не выдержаны*. Репутация его в Европе доказывает только страшную бедность творческой силы в Европе. То ли дело Киркегор и Бьернсон, хотя и различные по роду писаний, но оба имеют еще главное качество писателя – искренность, горячность, серьезность. Seriously думают и говорят то, что думают и говорят.

Статьи Киркегора, о которых вы пишете, я знаю, что были у меня, но до сих пор мы с Машей не могли их найти*. Поищем еще. Но если не найдутся, скажите, очень ли это будет вам неприятно? Посылают мне рукописей много, а порядка заведенного нет, и часто пропадают.

Я уже давно работаю над большой довольно вещью, которая, разумеется, будет доставлена вам для перевода Чертковым*. По его письму судя, он имеет это в виду. Кроме того, я написал небольшую статью под заглавием «Первая ступень», которая теперь у Черткова. Она напечатается в издаваемом им сборнике, и тоже доставит вам, как только можно ему скоро*.

Передайте мой привет вашей жене*. Очень жалею, что не пришлось вам побывать у меня. С удовольствием вспоминаю ваше посещение.

Любящий вас

Л. Толстой.

178. Редакторам газет «Русские ведомости» и «Новое время»
1891 г. Сентября 16. Ясная Поляна.

М. г. Вследствие часто получаемых мною запросов о разрешении издавать, переводить и ставить на сцене мои сочинения, прошу вас поместить в издаваемой вами газете следующее мое заявление.

Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей, по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах все те из моих сочинений, которые были написаны мною с 1881 года и напечатаны в XII томе моих полных сочинений издания 1886 года и в XIII томе, изданном в нынешнем 1891 году*, равно и все мои неизданные в России и могущие вновь появиться после нынешнего дня сочинения.

Лев Толстой.

16-го сентября 1891 г.

179. Л. П. Никифорову
1891 г. Октября 4. Ясная Поляна.

Посылаю вам английскую книгу рассказов*. Рассказы эти имели успех в Америке и Англии, и заслуженный; у нас же, кажется, совсем неизвестны. Они, кроме того, содержательны. Желал бы, чтобы вамгодились. Только бы не затруднила вас неправильность языка и орфографии: jest вместо just и т. п. Если вам не нужна книга Grunland'a*, верните. Нынче получил письмо Новоселова;* передайте ему благодарность и привет, равно и всем нашим друзьям.

Л. Т.

180. Берте фон Зутнер
черновое
<перевод с французского>
1891 г. Октября 9. Ясная Поляна.

Милостивая государыня,

Я читал ваш роман, который мне прислал г. Булгаков*, в то время, как получил ваше письмо*.

Я очень ценю ваше произведение, и мне приходит мысль, что опубликование вашего романа является счастливым предзнаменованием.

Отмене невольничества предшествовала знаменитая книга женщины, г-жи Бичер-Стоу;* дай бог, чтобы ваша книга предшествовала уничтожению войны. Я не верю, чтобы третейский суд был действенным средством для уничтожения войны. Я заканчиваю одно писание по этому предмету, в котором говорю об единственном средстве, которое, по моему мнению, может сделать войны невозможными*. Между тем все усилия, подсказанные искренней любовью к человечеству, принесут свои плоды, и конгресс в Риме*, я в этом уверен, будет много содействовать, как и прошлогодний конгресс в Лондоне*, популяризации идеи о явном противоречии, в котором находится Европа, между военным положением народов и нравственными правилами христианства и гуманности, которые они исповедуют.

Примите, милостивая государыня, уверение в моих чувствах истинного уважения и симпатии.

Лев Толстой.

181. М. М. Ледерле
1891 г. Октября 25. Ясная Поляна.

Михаил Михайлович. На первое письмо ваше я просил ответить мою дочь, на последнее же письмо ваше с приложением копии с списка, бывшего у Маракуева, постараюсь ответить лучше*.

Очень благодарен вам за присылку этой копии; список этот составлен по отметкам, сделанным мною на списке 100 лучших книг, напечатанных в «Pall Mall» газете*, и список этот никуда не годится, во-1-х, потому, что он называет только авторов, не определяя, что именно из часто весьма плодовитых и неровных авторов; а во-2-х, потому, что лучшие книги могут быть лучшими и не лучшими, смотря по возрасту, образованию, характеру лиц, для которых они отбираются. Вообще, подумав серьезнее об этом предмете, я пришел к заключению, что проект составления списка 100 абсолютно лучших книг неосуществим и что затея, которой я необдуманно поддался, отметив книги по списку Стэда*, была затея неосновательная.

Первый же ваш вопрос, относящийся к каждому отдельному лицу о книгах, имевших на него наибольшее влияние, по-моему, представляет серьезный интерес, и данные на него добросовестно ответы могут повести к интересным выводам.

Письмо это, которое я теперь переписываю, я написал уже недели три тому назад и тогда же начал составлять список книг, произведших на меня сильное впечатление, определяя меру впечатления четырьмя степенями, которые обозначал словами: огромное, очень большое и большое. Список я подразделил по возрастам: 1) детство до 14 лет; 2) с 14 до 20; 3) с 20 до 35; 4) с 35 до 50 и 5) от 50 до 63. Я и составил отчасти этот список, в котором вспомнил до 50 различных сочинений, произведших на меня сильное впечатление, но увидал, что он очень неполон, так как не мог всего вспомнить, а вспоминаю понемногу и вношу.

Из всего этого вывод следующий: желания вашего, составить список ста книг, исполнить не могу и очень сожалею об этом; тот же список книг, произведших на меня впечатление, о котором пишу, постараюсь дополнить и прислать вам.

Лев Толстой.

Посылаю начатый и неоконченный список для вашего соображения, но не для печатания, так как он еще далеко не полон*.

Сочинения, произведшие впечатление

Детство до 14-ти лет или около того

История Иосифа из Библии – огромное.

Сказки тысячи одной ночи: «40 разбойников», «Принц Камаральзаман»* – большое.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
«Черная курица» – Погорельского – очень большое.

Русские былины: «Добрыня Никитич», «Илья Муромец», «Алеша Попович». Народные сказки – огромное.

Стихи Пушкина: «Наполеон» – большое.

С 14-ти до 20-ти

Евангелие Матфея: Нагорная проповедь – огромное.

Stern'a «Sentimental Journey»* – очень большое.

Rousseau «Confession» – огромное.

«Emile» – огромное.

«Nouvelle Héloïse»* – очень большое.

Пушкина «Евгений Онегин» – очень большое.

Шиллера «Разбойники» – очень большое.

Гоголя «Шинель». «Иван Иванович, Иван Никифорович». «Невский проспект» – большое.

«Вий» – огромное.

«Мертвые души» – очень большое.

Тургенева «Записки охотника» – очень большое.

«Поленька Сакс» Дружинина – очень большое.

Григоровича «Антон Горемыка» – очень большое.

Дикенса «Давид Коперфильд» – огромное.

Лермонтова «Герой нашего времени». «Тамань» – очень большое.

Прескота «Завоевание Мексики» – большое.

С 20-ти до 35-ти лет

Гете. «Герман и Доротея» – очень большое.

Виктор Гюго. «Notre Dame de Paris»* – очень большое.

Тютчева стихотворения – большое.

Кольцова – большое.

«Одиссея» и «Илиада» (читанные по-русски) – большое.

Фета стихотворения – большое.

Платона (в переводе Cousin) «Федон» и «Пир»* – большое.

С 35-ти до 50-ти лет

«Одиссея» и «Илиада» (по-гречески) – очень большое.

Былины – очень большое.

Ксенофонт. «Анабазис» – очень большое.

Виктор Гюго. «Misérables»* – огромное.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.
Mrs Wood. Романы* – большое.

George Elliot. Романы* – большое.

Троллоп – романы – большое.

С 50-ти до 63-х лет

Евангелия все по-гречески – огромное.

Книга Бытия (по-еврейски) – очень большое.

Henry George. «Progress and Poverty»* – очень большое.

Parker. «Discourse on religions subjekt»* – большое.

Robertson's «Sermons»* – большое.

Feuerbach (забыл заглавие, сочинение о христианстве)* – большое.

Pascal. «Pensées»* – огромное.

Эпиктет – огромное.

Конфуций и Менций – очень большое.

О Будде Француза известного (забыл)* – огромное.

Лаодцы Julien* – огромное.

182. С. А. Толстой

1891 г. Ноября 2. Бегичевка.

Мы до сих пор еще не получили писем, милый друг, и я не спокоен о тебе. Надеюсь, что завтра получим, и хорошие от тебя вести. Деятельность здесь самая радостная, если бы можно назвать радостною деятельность, вызванную бедствием людей. Три столовые открыты и действуют. Трогательно видеть, как мало нужно для того, чтобы помочь, и главное, вызвать добрые чувства. Нынче я был в двух во время сбора и обеда. В каждой около 30 человек. В числе их одна попадь-вдова и дьячиха. Нынче я сделал наблюдение, что очень приглядываешься к страданиям, и не поражает и большое лишение и страдание, потому что видишь вокруг худшие. И сам страдающий видит тоже. Девочки наши все очень заняты, полезны и чувствуют это. Мы не распространяем своей деятельности, чтобы не превзойти свои средства; но если бы кто хотел быть полезным людям, то здесь поприще широкое. И так легко и просто. Устройство столовых, которым мы обязаны Ивану Ивановичу*, есть удивительная вещь. Народ берется за это как за что-то родное, знакомое, и смотрят все как на что-то,

<2> что так и должно быть и не может быть иным. Я в другой раз опишу тебе подробнее. Иван Иванович всем нам очень мил. Сердечен, умен и серьезен. Мы все его больше и больше любим. Жить нам прекрасно. Слишком роскошно и удобно. Писарев был вчера, нынче должна была быть она*. Завтра Таня хотела к ней съездить. Наташа* очень милая, энергичная, серьезная. Богоявленский был 2 раза. Написал я эту статью*. Прочел ее Писареву и Раевскому, они одобрили, и мне кажется, что она может быть полезна. Красноречия там нет, и места для него нет, а есть нечто, точно нужное и мучающее всех. Пошли ее поскорее в «Русские ведомости»*, и, если будут предлагать, то возьми с них, чем больше, тем лучше, денег для наших столовых. Если пришлют, хорошо, а не пришлют, тоже хорошо. Денег не нужно, но если пришлют, то здесь найдется им употребление.

Я пишу это и сам боюсь. Боюсь, чтобы деньги эти и всякие, если бы прислали их, не спутали нас, не увлекли в деятельность сверх сил. Нужнее всего люди. Пиши подробнее о себе, своем здоровье, о детях. Целую тебя, милый друг, и детей. Верно, девочки припишут.

Попроси Алексея Митрофановича*, которого благодарю за его хорошее письмо, просмотреть статью и поправить знаки и даже выражения, где могут быть неправильны, под твоим наблюдением; корректуру, верно, ты просмотришь. Поклон

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. m–r Борелю.

Ну, пока прощай.

183. Унуину фишеру
<перевод с английского>
1891 г. Ноября 4. Бегичевка.

Милостивый государь,

Я очень тронут тою симпатией, которую выражает английский народ к бедствию, постигшему ныне Россию*. Для меня большая радость видеть, что братство людей не есть пустое слово, а факт.

Мой ответ на практическую сторону вашего вопроса следующий: учреждения, которые всего лучше работают в борьбе с голодом нынешнего года, – это, без сомнения, земства, а потому всякая помощь, какая будет препровождена им, будет хорошо употреблена в дело и вполне целесообразно. Я теперь живу на границе двух губерний, Тульской и Рязанской, и всеми своими силами стараюсь помогать крестьянству этого округа, и состою в ближайших сношениях с земствами обеих этих губерний. Один из моих сыновей* трудится для той же самой цели в восточных губерниях, из которых Самарская находится в самом худшем положении. Если деньги, которые будут собраны в Англии, не превзойдут той суммы, которая необходима для губерний, в которых теперь работаем я и мой сын, то я могу взяться, с помощью земств, употребить их наилучшим возможным для меня образом. Если же собранная в Англии сумма превзойдет эти размеры, то я буду очень рад направить вашу помощь к таким руководителям земств других губерний, которые окажутся лицами, заслуживающими полного доверия и которые будут вполне готовы дать публичный отчет о таких деньгах. Способ помощи, который я избрал, хотя он вовсе не исключает других способов, это – организация обедов для крестьянского населения.

Я надеюсь написать статью относительно подробностей нашей работы*, – статью, которая, будучи переведена на английский язык, даст вашему обществу понятие о положении дел и о средствах, употребляемых для борьбы с бедствием настоящего года.

Преданный вам

Лев Толстой.

16 ноября 1891 [н. ст.].

184. В. Г. Черткову
1891 г. Ноября 9? Бегичевка.

Ваших двух писем ко мне и Попову, дорогой Владимир Григорьевич, не получал еще, потому что в это время уехал. Вероятно, они придут завтра сюда*.

Я письмо ваше, Евгений Иванович*, хотел послать в газету, но сейчас перечел еще и решил не посылать. Подробность о том, что 50 человек отысповедовал священник, показалась мне сомнительной. Подробное известие было в газетах*. Простые люди часто смешивают виденное с рассказом. И я решил не посылать письма. Мы живем здесь хорошо. Устраиваем столовые. Много трогательного и страшного. Страшно одно, что всегда мне страшно, – это пучина, разделяющая нас от наших братьев.

Пожертвования вызваны письмом Софьи Андреевны*, и денег у нас около 2 тысяч, и, кажется, сбор с «Плодов просвещения» поступит нам*. Я боюсь обилия денег. И так с маленькими деньгами много греха. И теперь еще не установилось дело. Путает помощь, выдаваемая земством, и желание, требование крестьян, чтобы выдаваемо было всем поровну. Делаем мало, дурно, но делаем и как бы чувствуем, что нельзя не делать. Статья моя, та, которую вы знаете, кажется, выйдет*, другая, маленькая, в «Русских ведомостях», вы, верно, получите*. Пишу еще о столовых, о способе помощи, и еще в сборник, который меня просил Оболенский, художественный рассказ*. Вместе с тем стараюсь кончить большую статью*. Она кончена, только нужно заключение. Я растрепался и боюсь, что делаю не то, но иначе не умею.

Вагнер* я написал, чтобы она ехала в Оренбург и заехала к нам.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. Может быть, я заблуждаюсь, но мне кажется, что что-то важное совершается, что-то кончается и начинается.

Пишите мне все о себе и обо мне, о нас, что вы думаете. Целую вас всех, милые друзья.

Л. Т.

185. И. М. Ивакину
1891 г. Ноября 12? Бегичевка.

Простите, дорогой Иван Михайлович, что долго не отвечал вам*. Это было перед отъездом, и потом здесь, в Данковском уезде, где мы живем, много было дела. Я очень рад был известию от вас и Николая Федоровича*, что вы помните обо мне.

Обмену книжному я, разумеется, всей душой сочувствую и думаю, что в деле духовном нельзя считаться, и нет таких весов, на которых бы можно было вешать выгоды и невыгоды*. А чем больше общения, тем лучше. Мне кажется, что за последнее время с чрезвычайной, все увеличивающейся быстротой стягиваются связи международные, братские, несмотря на страшные угрозы войны.

О воздействии на движение туч, на то, чтобы дождь не падал назад в море, а туда, где он нужен, я ничего не знаю и не читал, но думаю, что это не невозможно и что все, что будет делаться в этом направлении, будет доброе. Это именно одно из приложений мирозозерцания Николая Федоровича, которому я всегда сочувствовал и сочувствую, т. е. дело, стоящее труда, и дело общее всего человечества*.

Передайте ему мою любовь.

Искренно любящий вас

Л. Толстой.

186. И. Б. Файнерману
1891 г. Ноября 23? Бегичевка.

Спасибо вам, дорогой Исаак Борисович, что известили о себе*. Я очень, очень был рад узнать о всех вас и о том, как вы живете. Я живу скверно. Сам не знаю, как меня затащило в работу по кормлению голодающих, в скверное дело, потому что не мне, кормящемуся ими, кормить их. Но затащило так, что я оказался распределителем той блевотины, которою рвет богачей. Чувствую, что это скверно и противно, но не могу устраниваться, не то, что не считаю этого нужным – считаю, что должно мне устраниваться, – но недостает сил.

Я начал с того, что написал статью по случаю голода, в которой высказывал главную мысль ту, что все произошло от нашего греха, отделения себя от братьев и порабощения их, и что спасенье и поправка делу одна: покаяние, то есть изменение жизни, разрушение стены между нами и народом, возвращение ему похищенного и сближение, слияние с ним невольное вследствие отречения от преимуществ насилия. С статьей этой, которую я отдал в «Вопросы психологии», Грот возился месяц и теперь возится*. Ее и смягчали, и пропускали, и не пропускали, кончилось тем, что ее до сих пор нет. Мысли же, вызванные статьей, заставили меня поселиться среди голодающих, а тут жена написала письмо*, вызвавшее пожертвования, и я сам не заметил, как я очутился в положении распределителя чужой блевотины и вместе с тем стал в известные обязательные отношения к здешнему народу.

Бедствие здесь большое и все растет, а помощь увеличивается в меньшей прогрессии, чем бедствие, и потому, раз попавши в это положение, невозможно, не могу отстраниться. Делаем мы вот что: покупаем хлеб и другую пищу и по деревням, у самых бедных хозяев, устраиваем – не устраиваем, потому что всё делают сами хозяева – а только даем средства, то есть продовольствие на столовые, и кормятся слабые, старые, малые, иногда и средние голодные. Много тут и дурного, много и хорошего, то есть не в смысле нашего дела, а в смысле проявления добрых чувств. На днях калужский разбогатевший крестьянин предложил из голодной местности сослать на зиму в Масальский уезд 80 лошадей. Их там прокормят зиму и пришлют весной. Калужские крестьяне предложили, а здешние в один день набрали все 80 лошадей и готовы отправить, доверяя чужим невиданным братьям. Ну, пока прощайте, передайте мой братский привет всем вашим, знакомым мне и незнакомым, сожителям.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
Пишите подробнее о себе.

Л. Т.

Собранный вами хлеб направьте в более близкие к вам места, равно и деньги. У нас избыток их соответственно не нужде, а силам распределения.

1892

187. Э. М. Диллону

<перевод с английского>

1892 г. Января 29. Бегичевка. 29 января (10 февраля) 1892.

В ответ на ваше сегодняшнее письмо я могу только выразить свое удивление на содержание той телеграммы, которую вы получили от «Daily Telegraph». Я никогда не отрицал и никого не уполномочивал отрицать подлинность статей, появившихся под моим именем в «Daily Telegraph»*. Я знаю, что эти статьи являются переводом той статьи о голоде, которую я написал для журнала «Вопросы философии и психологии» и которую передал вам для перевода на английский язык.

Хотя я не читал всех этих статей, но у меня нет основания сомневаться в правильности вашего перевода, так как я имел уже неоднократные доказательства вашей точности и аккуратности в этом отношении.

Полученную же вами телеграмму могу объяснить только письмом моей жены в «Московские ведомости», в котором она отрицала утверждение, будто я послал какие-то статьи в иностранные газеты, а также отрицала подлинность некоторых выдержек из «Московских ведомостей», утверждая с полным основанием, что они настолько искажены, что стали почти неузнаваемы*.

Глубоко сожалею о беспокойстве, причиненном вам моей статьей.

Прошу принять уверение в моем совершенном уважении.

Искренно ваш

Лев Толстой.

188. Редактору газеты «правительственный вестник»

1892 г. Февраля 12. Бегичевка.

Г-ну редактору «Правительственного вестника».

Милостивый государь,

В ответ на получаемые мною с разных сторон и от разных лиц вопросы о том, действительно ли написаны и посланы мною в английские газеты письма*, из которых приводятся выписки и содержание которых будто бы излагается в № 22 «Московских ведомостей», покорно прошу вас поместить в вашей газете следующее мое заявление.

Писем никаких я в английские газеты не писал. То же, что напечатано в № 22 «Московских ведомостей» мелким шрифтом*, есть не письмо, а выдержка из моей статьи о голоде, написанной для русского журнала, выдержка весьма измененная, вследствие двукратного и слишком вольного перевода ее сначала на английский, а потом опять на русский язык. То же, что напечатано крупным шрифтом вслед за этой выдержкой и выдается за изложение второго моего письма, есть вымысел. В этом месте составитель статьи «Московских ведомостей» пользуется словами, употребленными мною в одном смысле, для выражения мысли не только совершенно чуждой мне, но и противной всем моим убеждениям*.

Примите, милостивый государь, уверения моего уважения.

Лев Толстой.

12 февраля 1892.

P. S. Другое такого же содержания письмо послано мною через Москву. Будьте так добры напечатать то из них, которое придет к вам раньше*. Версию этого письма я предпочитаю.

189. С. А. Толстой
1892 г. Февраля 12. Бегичевка.

Погода превосходная, и мы хотим воспользоваться ею, чтобы съездить в Богородицкий уезд: я, Таня, Наташа и Лева. Проездим, вероятно, дня 4. К Бобринским 50 верст, оттуда 20 в Успенское. Если будет дурная погода, то не поедem санями, а вернемся железной дорогой. Будем очень осторожны.

Как мне жаль, милый друг, что тебя так тревожат глупые толки о статьях «Московских ведомостей» и что ты ездила к Сергею Александровичу*. Ничего ведь не случилось нового. То, что мною написано в статье о голоде, писалось много раз, в гораздо более сильных выражениях. Что же тут нового? Это все дело толпы, гипнотизация толпы, нарастающего кома снега. Опровержение я написал*. Но, пожалуйста, мой друг, ни одного слова не изменяй и не прибавляй, и даже не позволяй изменить. Всякое слово я обдумал внимательно и сказал всю правду и только правду и вполне отверг ложное обвинение.

Студенты мне очень помогли*.

Целую тебя и детей.

Л. Т.

190. С. А. Толстой
1892 г. Февраля 28. Бегичевка.

Жили мы в продолжение этих метелей в совершенном уединении и тишине; вчера, 27, поехал я опять в Рожню (Таня знает) верхом, но опять не доехал. Намело снегу горы, и дорог нет нигде. Был в Колодезях и другой деревне о дровах и приютах для детей, потом ковал с мужиками и приехал домой в 5. Дома нашел Е. И. Баратынскую с письмом шведа;* тотчас же после приехал Высоцкий, приятель Владимирова, потом к вечеру два брата Алехины, из Полтавы Скороходов и Сукачев, их товарищ. Всем порознь я очень рад, но все вдруг слишком много. Нынче Высоцкий уезжает и везет это письмо. Скороходов с Сукачевым поедут в Куркино к лошадям. Митрофан Алехин поедет с Пошей в Орловку на выдачу и с тем, чтобы заведовать орловскими столовыми и вести у нас всю бухгалтерию,

<2> чего он мастер. Он очень симпатичен, – не похож на Аркадия. Теперь о хлебе.

В последнем письме я, помнится, объяснил тебе, что значит то, что Колечка принял заказ на 22 вагона, а я не понимал, что это значит. Так все прекрасно. Пускай он закупает. Только не знаю, есть ли у него свидетельства. Он пишет нынче*, присылая подробный отчет, что ему нужны 24 свидетельства. Выслала ты их ему? Если нет, то вышли, если можешь, или добудь (ты, Таня) и вышли. Вам из Москвы удобнее и скорее списаться с губернаторами. И Колечке подтверди, чтобы он закупал, если есть время.

О Гроте я писал, а он еще пишет письмо и присылает гектографическое заявление для отправки в газеты и журналы. Я все подписал и отправляю*. Ради бога, милый друг, не беспокойся ты об этом. Я по письму милой Александры Андреевны* вижу, что у них тон тот, что я в чем-то провинился и мне надо перед кем-то оправдываться. Этот тон надо не допускать. Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уж 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно, и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются хоть не оправдаться, а очиститься от того, в чем не я, а вся жизнь их обвиняет.

В частном же этом случае происходит следующее: Правительство устраивает цензуру, нелепую, незаконную, мешающую появляться мыслям людей в их настоящем свете, невольно происходит то, что вещи эти в искаженном виде являются за границей. Правительство приходит в волнение и вместо того, чтобы открыто, честно разобрать дело, опять прячется за цензуру и вместе чем-то обижается и позволяет себе обвинять еще других, а не себя. То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет на все лады пишу и говорю, и буду говорить до самой смерти, и что говорит со мной все, что есть просвещенного и честного во всем мире, что говорит сердце каждого неспорченного человека, и что говорит христианство, которое исповедуют те, которые ужасаются. Пожалуйста, не принимай тона

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. обвиненной. Это совершенная перестановка ролей. Можно молчать. Если же не молчать, то можно только обвинять не «Московские ведомости», которые вовсе не интересны, и не людей, а те условия жизни, при которых возможно все то, что возможно у нас. Я давно тебе хотел написать это. И нынче рано утром, с свежей головой, высказываю то, что думаю об этом. Заметь при этом, что есть мои писания в 10 000 экземплярах на разных языках, в которых изложены мои взгляды. И вдруг по каким-то таинственным письмам, появившимся в английских газетах, все вдруг поняли, что я за птица! Ведь это смешно. Только те невежественные люди, из которых самые невежественные это те, что составляют двор, могут не знать того, что я писал, и думать, что такие взгляды, как мои, могут в один день вдруг перемениться и сделаться революционными. Все это смешно. И рассуждать с такими людьми для меня и унижительно, и оскорбительно.

Боюсь, что ты будешь бранить меня за эти речи, милый друг, и обвинять в гордости. Но это будет несправедливо. Не гордость. А те основы христианства, которыми я живу, не могут подгибаться под требования нехристианских людей, и я отстаиваю не себя и оскорбляюсь не за себя, а за те основы, которыми я живу.

Пишу же заявление и подписал, потому что, как справедливо пишет милый Грот, – истину всегда нужно восстановить, если это нужно. Те же, которые рвут портреты, совершенно напрасно их имели*.

Вот как я разболтался натошак. И боюсь, что не отвечу на что-нибудь существенное и не скажу, что нужно. Если так, напишу послезавтра в Чернаву. Получил Ивана Александровича письмо Лева* и прочел его. Из него понял отчасти их там работу. Пошу буду направлять к нему. Целую его, Таню. Нынче надеюсь получить о ней известие. Богоявленский ужасно слаб, но не хуже. Спасибо милому Ванечке. Надеюсь, что его болезнь прошла. Иначе бы ты написала.

Екатерина Ивановна* отправляется к Стебуту.

Целую тебя крепко

Л. Т.

191. И. И. Горбунову-Посадову и Е. И. Попову
1892 г. Марта 23. Москва.

Письмо ваше, милые друзья Иван Иванович и Евгений Иванович, писано вместе, и отвечать позвольте вам вместе. Я получил его только вчера*. Оно проехало из Чернавы в Москву.

1) О книгах для воспитания. Книг таких много, и надо подумать. «Эмиль» Руссо непременно должен стоять в главных. Эскироса не знаю*. Еще не могу вспомнить и многого не знаю. Но если узнаю и вспомню, напишу. Да, В. Гюго «Бедные люди».

Спасибо, что написали о поляке*. Буду помнить. Сближение с поляками особенно радостно. Они дальше от нас, чем африканцы, а должны бы быть близки. В столовых в Моршанском уезде с Келером, другом Шаховского Д. И., жил и работал один поляк. Я нынче это узнал. И так было приятно.

Слышал я про статью Щеглова, вспомнил про ваше любовное отношение к нему и порадовался за вас*. Нет, Евгений Иванович, это хорошо, хорошо, и это хорошо. Самому не надо быть причиной поругания, а поругание без причины в себе – баня.

Поша пишет из Самары. И по письмам их, Левы и Поши, радуюсь за обоих.

Что вам сказать, милые друзья (Евгений Иванович спрашивает про это), о моей жизни? Чертков за меня испугался. Это он слишком любит меня. Я, может быть, напрасно показал и дал списать письмо жене*, но я писал его от души жене и не думал о его распространении, а если так случилось, то беды, главное, греха, большой нет. Лучше было вовсе не писать, и писать и не показывать, но знаю, что никакого во мне такого дьявола задора или тщеславия в это время особенного не было. Скорее меньше, чем всегда. Одно главное чувство усталости, стыда за свое дело, недовольства собою и сознания, что надо кончать, не перед людьми, а перед своим богом.

Знаете вы рассказ из «Прологов» о том, как монах взял к себе в дом с улицы

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. нищего в ранах и стал ходить за ним, обмывать и перевязывать раны. Нищий сначала был рад; но прошло несколько недель, во время которых нищий становился все мрачнее и мрачнее, раздраженнее и раздраженнее, и наконец, когда в один день монах подошел к нему, чтобы перевязать его раны, нищий с злостью закричал на него: не могу видеть лица твоего, уйди ты от меня, ненавижу тебя, потому что вижу, что то, что ты делаешь, ты делаешь не для меня, ты не любишь меня, а только мной спастись хочешь. Отнеси меня назад, на угол улицы. Мне легче было там, чем здесь принимать твои услуги*.

Вот такое же я чувствую отношение к нам народа и чувствую, что так и должно быть, что и мы им спастись хотим, а не его просто любим – или мало любим.

То, что вы думаете о семейной жизни, пишите. Только не программу, а что есть, то выкладывайте. Сейчас увидите, есть ли что выкладывать. Я думаю – да.

Целую вас всех и люблю.

Л. Т.

23 марта.

192. Жоржу дюма
<перевод с французского>
1892 г. Апреля 1. Москва.

Милостивый государь,

Уже довольно давно я отложил в сторону ваше письмо*, чтобы на него ответить на досуге, но до сих пор у меня поистине не было времени.

Я думаю, что вы совершенно правы, предполагая, что перемена, о которой я говорю в «Исповеди», произошла не сразу, но что те же идеи, которые яснее выражены в моих последних произведениях, находятся в зародыше в более ранних. Эта перемена показалась мне неожиданной потому, что я неожиданно ее осознал. Мне кажется также, что ваша мысль рассматривать книгу «О жизни» как поворотный пункт вполне верна. Я очень желал бы помочь вам в вашей работе*, но, к сожалению, не могу этого сделать, так как не имею времени и не знаю, как за это взяться.

Примите, милостивый государь...

193. И. Б. Файнерману
1892 г. Апреля 3 или 4. Москва.

Давно уже получил ваше письмо, дорогой Исаак Борисович, и тогда не успел ответить. Очевидно, вы писали под впечатлением слухов, что меня посадили или сделали надо мной какое-либо насилие*. К сожалению для меня и к счастью для делающих насилие, ничего подобного не случилось, и я вижу, что вокруг меня насилуют моих друзей, а меня оставляют в покое, хотя, если кто вреден им бы должен быть, то это я. Очевидно, я еще не стою гонения. И мне совестно за это.

Хилкова водворяют среди духоборцев. Это все, что я знаю про него*. Сведение это я получил через Бирюкова, который теперь в Самаре с сыном Львом. На днях же узнал, что Рощина взяли с жандармами от Алмазова, у которого он жил, и свезли в Воронежский острог*.

Письмо ваше во всяком случае мне было радостно, и очень благодарю вас за него. Как бы привел бог в такое положение, в котором оно бы было кстати.

Я теперь в Москве, на святой возвращаюсь в Бегичевку. Друзья наши там живут, трудятся и тяготеют той нравственной тяготой, которая связана с делом. Нельзя представить себе, до какой степени тяжело быть в положении распорядителя, раздавателя и по своему выбору давать или не давать. А все дело в этом. Очень тяжело, но уйти нельзя. И я томлюсь поскорее выбраться отсюда.

Я все кончаю свое писание и все не могу кончить*. Как вы живете? Не забывайте меня, пишите хоть изредка.

Прокопенко с вами или нет? Я получил от него письмо с приговором павловских

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. крестьян, но не разобрал откуда*. Передайте ему мой привет. Также вашей жене.

Любящий вас Л. Толстой.

194. Н. Н. Страхову
1892 г. Апреля 24. Бегичевка.

Спасибо вам за ваше письмо*, дорогой Николай Николаевич. Всегда с особенно приятным чувством распечатываю письмо с вашим почерком на адресе. Книгу вашу «Мир как целое»* я получил в Москве и прочел предисловие, прочел и вашу статью в «Новом времени»*. Вы выразили в ней ваше несогласие со мной. Хорошо в ней и очень то, что она трактует с искренностью – и потому серьезностью и заразительностью – о самых важных предметах в мире, «о том, что единое на потребу», но мне кажется, что хотя и три ступени совершенства верны, их определение не верно; право есть произведение общества, милосердие есть известное действие, святость есть известное состояние, и очень неопределенное, или недостижимый идеал. Ну, да я, может быть, ошибаюсь, я пишу, вспоминаю свое впечатление при чтении, и вы не приписывайте важности моим словам.

«Соединение и перевод Евангелий», кажется, вышел неполный*. Если это так, то мне не нужно его. Если же полный, то пришлите один экземпляр, хоть сюда. Очень вам благодарен и за это, и за «Parerga»*.

Очень рад вашему хорошему состоянию. Неужели вы все лето проведете в Петербурге? Мы теперь с Машей здесь одни. Очень много дела. Но в последнее время мне стало нравственно легче. Чувствуется, что нечто делается и что твое участие хоть немного, но нужно. Бывают хорошие минуты, но большей частью, копаясь в этих внутренностях в утробе народа, мучительно видеть то унижение и развращение, до которого он доведен. И они всё его хотят опекать и научать. Взять человека, напоить пьяным, обобрать, да еще связать его и бросить в помойную яму, а потом, указывая на его положение, говорить, что он ничего не может сам и вот до чего дойдет предоставленный самому себе – и, пользуясь этим, продолжать держать его в рабстве. Да только перестаньте хоть на один год спаивать его, одурять его, грабить и связывать его и посмотрите, что он сделает и как он достигнет того благосостояния, о котором вы и мечтать не смеете. Уничтожьте выкупные платежи, уничтожьте земских начальников и розги, уничтожьте церковь государственную, дайте полную свободу веры, уничтожьте обязательную воинскую повинность, а набирайте вольных, если вам нужно, уничтожьте, если вы правительство и заботитесь о народе, водку, запретите – и посмотрите, что будет с русским народом через 10 лет. Скажут, что это невозможно. А если невозможно, то невозможно ничем помочь, и чем больше заботиться о народе, тем будет все хуже и хуже, как это и шло и идет. И вся деятельность правительственная не улучшает, а ухудшает положение народа, и участвовать в этой деятельности – грех. Ну вот разболтался – простите. Целую вас.

Любящий вас Л. Т.

195. П. В. Засодимскому
1892 г. Мая 16. Бегичевка.

Простите, что пишу на открытом несколько слов*. Очень занят. Я писал Сопощко и зову его. Благодарю вас, что обратились ко мне*. Статьи не успею*. Роман очень желаю прочесть. Мне всегда нравится и то, что вы пишете, и большей частью то, что не нравится либералам*. Матвей Николаевич у нас и любит вас не меньше, чем вы его.

Ваш Л. Толстой.

196. В. Г. Черткову
1892 г. Июля 5. Ясная Поляна.

Мне очень грустно весь нынешний день. Очень, очень грустно. Кажется, что запутался, живу не так, как надо (это даже наверное знаю), и выпутаться не знаю как: и направо дурно, и налево дурно, и так оставаться дурно. Одно облегченье, когда подумаешь и почувствуешь, что это крест и надо нести. В чем крест, трудно сказать: в своих слабостях и последствиях греха. И тяжело, тяжело иногда бывает. Нынче часа 3 ходил по лесу, молился и думал: хорошая молитва: «Иже везде сын и вся исполняяй, приди и вселися в (ны) меня и очисти меня от всякой скверны и

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. победы во мне меня скверного и зажги меня любовью».

И легче немного, но все грустно, грустно. Мне не совестно писать это вам, потому что знаю, что вы поймете меня не умом, – понимать тут нечего, – а сердцем.

Поша сейчас едет, и мне жаль с ним расстаться*. Писанье мое тоже остановилось – не знаю, как кончить*.

Причина моей тоски и физическая, должно быть, и нравственная: вчера был с детьми Таней илевой разговор по случаю раздела*. Я застал их на том, что они напали на Машу, упрекая ее в том, что она отказывается от своей части. И мне было очень грустно. Я никого не обижал, не сердился, но не люблю. И тяжело. Пожалуйста, никому не показывайте это письмо и разорвите*.

То, что вы писали Леве*, что вы барин и издатель, нехорошо. Зачем барин, издатель? Зачем признавать себя в каком-нибудь положении? Мы все люди слабые, стремящиеся быть лучшими, жить лучше. И зачем ставить себе предел? Это соблазн. Может быть, вы будете жить много лучше, чем вы себе представляете. Я стою одной ногой в гробу и все надеюсь и хочу жить лучше, и может, и буду. Может, и буду нищим с сумой и умру в навозе. За что же загораживать от себя возможность совершенства, ставить себе предел?

Дай вам бог быть в любви со всеми, то есть иметь жизнь вечную. Мучительно грустно, тяжело терять ее. Целую вас.

Л. Т.

197. Н. А. Огаревой
1892 г. Августа 6. Ясная Поляна.

Простите, пожалуйста, что так кратко отвечаю на ваше письмо. Я получил ваши письма с описаниями и очень благодарен за них*.

С совершенным уважением

ваш Л. Толстой.

198. Н. Н. Страхову
1892 г. Сентября 3. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Получил ваше чудесное письмо* и – и согласился и не согласился с ним. Не согласился, потому что письмо ваше лучше всего подтверждает мои слова и опровергает его содержание.

В письме этом вы именно делаете то, что я вам советовал, и последствия этого то, что вы и убеждаете и умиляете меня. Нет, я остаюсь при своем мнении. Вы говорите, что Достоевский описывал себя в своих героях, воображая, что все люди такие*. И что ж! результат тот, что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу. Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее. Не только в художественных, но в научных философских сочинениях, как бы он ни старался быть объективен – пускай Кант, пускай Спиноза – мы видим, я вижу душу только, ум, характер человека пишущего.

Получил и вашу брошюру из «Русского вестника»*, и очень мне понравилось. Так кратко и так содержательно. Знаю, что вы уже не переделаетесь, да я и не думаю об этом; но и в вашей манере писать есть то самое, что выражает сущность вашего характера. Ну, да я, кажется, запутался. Целую вас, прощайте пока. Я все живу по-старому. Все то же работаю и все так же близюсь к концу, но не достигаю его.

Пишите, пожалуйста. Мы на днях едем на короткое время в Бегичевку.

Любящий вас

Л. Толстой.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
3 сентября. Погода чудная.

199. С. А. Толстой
1892 г. Сентября 10. Бегичевка. 10-е сентября 92.

Все у нас хорошо. К стыду своему, я теперь не захватил сюда бумаг, которые нужны. Но это не помешает мне дописать отчет. За исключением цифр, которые поправлю в Ясной – кончу здесь*. Главное, знаю про столовые. Я нынче никуда не ходил, занимался дома. Завтра поеду в Андреевку, чтоб посмотреть на месте степень нужды. Впечатление Узловой* было ужасно.

Самарины, и особенно он, были чрезвычайно милы. Здесь так все притерпелись к бедствию, что идет везде непрерывный пир во время чумы. У Нечаевых были именины, на которых была Самарина, и обед с чудесами французского повара, за которым сидят 2½ часа. У Самариных роскошь, у Раевских тоже – охота, веселье. А народ мрет. А как рассказывал Поша, когда он спросил про смерть в Татищеве одного человека от холеры, то ему ответили: «Да что ж тут такого, у нас 2-й год мрет народ семьями, и никто не заботится».

Не хочется осуждать и не осуждаю в душе, а больше жалею и боюсь. Контраст между роскошью роскошествующих и нищетой бедствующих все увеличивается, и так продолжаться не может. Целую Машу, Андрюшу, Мишу, Сашу, Ваню. Поклоны всем. Пока прощай. Иду спать. Тетю Таню и ее народ...*

200. Н. Н. Ге (отцу)
1892 г. Сентября 22. Ясная Поляна.

Получил нынче от Колечки письмо, и хотелось ответить*, да вспомнил, что мне давно хочется вам писать. Простите меня, милый друг, если я ошибаюсь, но ужасно крепко засела мне в голову мысль, что в вашей «Повинен смерти»* необходимо переписать Христа: сделать его с простым, добрым лицом и с выражением сострадания – таким, какое бывает на лице доброго человека, когда он знакомого, доброго старого человека видит мертвецки пьяным, или что-нибудь в этом роде. Мне представляется, что будь лицо Христа простое, доброе, страдающее, все всё поймут. Вы не сердитесь, что я советую, когда вы всё думали-передумали тысячи раз. Уж очень мне хотелось бы, чтоб поняли все то, что сказано в картине: «То, что велико перед людьми, мерзость перед богом», и многое другое. У меня есть картинка шведского художника, где Христос и разбойники распяты так, что ноги стоят на земле*. Я скажу Маше прислать вам. Ах, кабы вы сделали в этой картине, что хотите!

Я все пишу то же. И как ни тяжело, не могу оторваться. Надеюсь все-таки кончить в сентябре. Из одной главы уже вышло теперь 4, так что всех 12. Все хочется сказать пояснее, попроще*. Ну, целую вас и Колечку и благодарю его за письмо.

Напишу ему после. У нас все по-старому.

Л. Т.

201. С. А. Толстой
1892 г. Октября 23. Ясная Поляна.

Со вчерашнего дня новостей у нас совсем никаких. Все вполне здоровы. Маша ездила в Крыльцово к больным. Таня и Вера ходили гулять. Я хожу гулять, пишу утром. Вечером писал письма и читал с девочками. Нынче начали «Фауста» Гете, перевод фета*. Поклонись ему хорошенько от меня. Скажи, чтобы он не думал, как он иногда думает, что мы разошлись. Я часто испытываю это, – и с ним особенно, что люди составят себе представление о том, что я должен отчудиться от них, и сами отчудятся меня.

Из Бегичевки не имели еще известий. Я боюсь за Пошу. Березки теперь можно сажать будет, уж много стаяло. Еду сам на почту, везу это письмо. Целую тебя и детей.

Надеюсь, что ты теперь спишь хорошо в Москве.

Л. Т.

Дрова от Карпова так дурны, что я писал ему, чтобы он больше не присылал;

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. поэтому и тебе не советую выписывать через него.

202. Л. И. Веселитской
1892 г. Ноября 17. Ясная Поляна.

Вы не пишете мне ни вашего отчества, ни адреса; но я пишу все-таки через Татьяну Андреевну и без обращения, так я рад был получить ваше письмо. Очень жаль, что вы не приехали летом; мы бы лучше познакомились, чем письменно*.

То, что вам передавал Суворин о моем восхищении перед вашей повестью, наверное, только в малой степени выражает то, как она мне нравится. Очень интересно, что вы напишете теперь. И по правде скажу, очень боюсь. Надо, чтобы было очень, очень хорошо, чтобы было не хуже «Мимочки»*. А «Мимочка» по тону своему так оригинальна, что следующая вещь не может уже быть похожа на нее по тону. Какой же будет тон следующей – тоже особенный оригинальный или простой – языком автора? Все это меня интересует.

Интересно мне тоже ваше отношение к монаху Варнаве*. И еще более ваша мечта пойти с котомочкой на богомолье. Я нахожу, что это не только не странно и смешно, но гораздо более естественно, чем в шляпе и ретонде пойти по Невскому.

Желаю вам мира с людьми и любви к ним и от них и как можно более серьезного религиозного отношения к своему писанию: т. е. чувствовать, что делаешь это больше для бога, или скорее перед богом, чем перед людьми.

Лев Толстой.

203. Т. А. Кузминской
1892 г. Ноября 17. Ясная Поляна.

Спасибо, милый друг Таня, за твое обстоятельное письмо и хлопоты о моих делах*. Жаль, что ты не послала Хованской письмо Энгельгарта *et que ça finisse**. Посылаю тебе письмо к Веселитской в ответ на ее*. Я должен утруждать тебя, потому что она не пишет ни отчества своего, ни адреса. Пожалуйста, пошли ей. Если ты за Веру благодаришь, так я буду благодарить тебя за то, что любишь обедать, или музыку, или Леву, с тем, чтобы заодно сделать комплимент и ему, и Вере. Чтобы Вере быть прекрасной, ей надо только быть такой, какой она у нас бывает. Только бы прибавить занятий. Это ее, да и многих беда, что делать нечего. Хотя, если не делает худого и молода, и в таких условиях, как она, – простительно. Я ей советовал открыть вегетарьянскую кухмистерскую. Поцелуй ее от меня. Также и остальных детей и Сашу. Скажи ему, что мне удивительно и обидно за его министра, что он такого идеально доброго, честного и дельного человека, как Давыдов, обидел, отказав ему в таком скромном желании. Он очень огорчен, что просил*.

Ауербах скажи, что я не знаю, что она понимает под статьей моей об искусстве. У меня было несколько попыток неконченных. Я бы желал прочесть, прежде чем решить*. Да нельзя ли бы – если бы я нашел, что она годится, и поправил бы ее, нельзя ли ее отдать в «*Revue de Famille*» J. Simon по желанию Villot, от которого получил письмо и буду отвечать*. Передай ему при случае мой привет. Он очень любезный человек, но боюсь, что примет мои учтивые слова за обещание и будет мучить меня.

Мы живем хорошо. Тихо, спокойно. Зима. Маша уехала на неделю на Дон. Завтра приезжает. Страхов и мне прислал книгу, и я прочел ее* – многое перечел. Хорошо и для меня ново – теория благополучия. И интересна очень повесть.

Прощай, милый друг, не целую твоей руки, но не могу не сказать того, что мне всегда очень приятно думать, вспоминать и писать тебе. Таня очень велит целовать тебя. Леву поддерживайте. Я шучу, поддерживать нельзя. Но не могу не бояться за него. Очень уж чист, и самоуверен, и подл, и гадок ваш Петербург. Поцелуй и его за меня, коли не заболели еще губы.

204. И. И. Горбунову-Посадову
1892 г. Декабря 24. Москва.

Дорогой Иван Иванович, я получил письмо от Хирьякова и циркуляр и отвечал ему*, что рад бы был, если бы мог дать что-нибудь, но теперь буквально не могу ни минуты отрывать от поглощающего меня занятия. А не прочтя, не поправив старое,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. не могу отдать ничего. Если кончу к сроку, то постараюсь*.

Какая хорошая вещь Чехова «Палата № 6»* . Вы, верно, читали. Черткову напишу, если успею. Целую вас

Любящий вас

Л. Толстой.

1893

205. С. А. Толстой

1893 г. Января 30. Ясная Поляна.

Здравствуй, милая Соня. Надеюсь, что ты идешь на поправку. Пожалуйста, напиши правдиво и обстоятельно. Мы доехали хорошо. Дорогой немного развлекал нас жалкий Глеб Толстой. Ужасно жалко видеть этот безнадежный идиотизм, закрепляемый вином с добрым сердцем. Мог бы быть человек. В доме тепло, хорошо, уютно и тихо. И в доме и на дворе. И тишина эта очень радостна, успокоительна. Утром занимался до часа, потом поехал с Пошей в санках в Городну. Там нищета и суровость жизни в занесенных так, что входишь в дома туннелями (и туннели против окон) – ужасны на наш взгляд, но они как будто не чувствуют ее. В доме моей молочной сестры* умерла она и двое ее внуков в последний месяц, и, вероятно, смерть ускорена или вовсе произошла от нужды, но они не видят этого. И у меня и у Поши, который обходил деревню с другой стороны, – одно чувство: жалко развращать их. Впрочем, завтра поговорим с писарем. Погода прекрасная. Вечером читали вслух, и я насилу держался, чтоб не заснуть, несмотря на интерес записок Григоровича. «Русская мысль» здесь*.

Целую всех вас.

Л. Т.

206. И. А. Бунину

1893 г. Февраля 20. Бегичевка.

Очень рад был получить от вас известие, дорогой Иван Алексеевич, в особенности тому, что вы устроились в Полтаве. Надеюсь, что вы духом спокойнее, чем когда я вас видел в последний раз. Ничто бы столько не должно было успокаивать вас в минуты волнения и тревог, как опыт того, каким образом прежде казавшиеся сложными и затянутыми узлы просто и легко распутывались временем.

Важны только свои поступки и духовные причины, вызывающие их.

Приезжать вам, я думаю, не стоит: вы предлагаете только на короткое время; у нас же достаточно сотрудников с теми, которых мы уже пригласили и ждем. А вам для короткого времени незачем бросать службу*. Желаю вам всего лучшего.

Л. Толстой.

207. Н. Н. Страхову

1893 г. Февраля 25. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич,

Я кругом виноват перед вами за то, что так давно не писал вам*, главное же, мне хочется давно уже писать вам; хочется с тех пор еще, как вы мне прислали свою статью о Ренане, которая мне очень понравилась*. Недавно вспоминал про вас, читая неприятную по своей самоуверенности статью о вас в «Северном вестнике»*. А вчера приехал Лева из Москвы (мы теперь в Ясной и послезавтра едем в Москву) и рассказывал про то, что вы очень заняты своей статьей о психологии. (Так он мне сказал.) И я очень порадовался этому, поняв, что это из той области определения предметов и пределов наук, в которой вы столько дали и в которой вы так сильны и ваши заслуги в которой никто, мне кажется, не оценил как следует. Мы, то есть Таня, Маша и я, ездили в Бегичевку, где бедствие голода такое же, хуже еще, чем прошлого года, с особенным своим оттенком, и теперь возвращаемся на месяц в Москву. Я в жизни никогда с таким напряжением и упорством не работал, как я теперь работаю над всей моей книгой и, в особенности, над заключительными главами ее*. Должно быть, я поглупел или, напротив, ослабел творчеством, а

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo.
поумнел критическим умом. Боюсь сказать, что я думаю кончить через дни 3, потому
что это мне кажется уже 3-й год. Чувствую себя хорошо, спокойно, радостно.
Кажется, что не боюсь смерти. Верно, и у вас так же. Давай вам этого бог.

Целую вас.

Л. Толстой.

25 февраля 1893 г.

208. Т. Л. Толстой
1893 г. Февраля 25. Ясная Поляна.

Лежит эта карточка без употребления, вот я и пишу, чтоб сказать тебе – не то,
что солнце встало и т. д.*, а что я об тебе часто поминаю и что тебя нам
не缺ает. И никто не поет. Сейчас собираемся читать Чехова в «Русской мысли»*.

Вот и все.

Л. Т.

209. Н. И. Янжулу
1893 г. Апреля 30. Москва.

Очень благодарен вам, дорогой Иван Иванович, за исполнение моего поручения и за
уведомление*. Что вы не пишете, как вы и в особенности ваша жена перенесли
путешествие?

Г-жа Гапгуд уведомляет меня, что совесть ее не позволяет ей переводить мою книгу
и что она укажет вам переводчика, так что я принужден еще злоупотреблять вашей
добротой. Я тоже думаю, что Доль плохой переводчик и потому лучше передать
другому. Но если вы еще не передали, то, будьте так добры, не давайте последней
12-й главы. Я еще переделывал и переделываю ее и вышлю ее на днях либо с едущим
за границу, либо с почтой. Пожалуйста, скажите переводчику, чтобы он не выпускал
перевода без 12 главы. Это мое единственное условие*.

Желаю вам всего лучшего. Мой душевный привет вашей супруге.

Лев Толстой.

30 апреля 93.

Москва.

210. И. И. Янжулу
1893 г. Мая 21. Ясная Поляна.

Дорогой Иван Иванович,

Письмо ваше получил и очень вам благодарен за ваши хлопоты*. Я еще не получал
ответа на мое письмо о том, куда послать вариант 12 главы, о котором писал вам и
Гапгуд*. Если получите почтой рукопись этого варианта 12-й главы, будьте так
добры переслать ее переводчице. Я пишу если, потому что отправку сделает из
Москвы [Попов], как он найдет удобнее: прямо к переводчице или к вам. Простите,
простите за хлопоты. По умолчанию о здоровье вашем и вашей жены предполагаю, что
переезд перенесли хорошо. Желаю вам всего лучшего и как можно более плодотворных
впечатлений, которыми вы с нами поделитесь. Какая гадость трактат о выдаче
политических преступников. Кливленд осрамился*. Прошу передать мой привет вашей
жене.

Ваш Л. Толстой.

211. Л. Л. и М. Л. Толстым
1893 г. Мая 24. Бегичевка.

Взял у Тани письмо, чтобы приписать вам, но спать хочется и, вероятно, ничего не
выйдет*.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. Очень хочется знать про вас. Здесь я вчера ездил в Козловку, где все очень хорошо. Сопощко с Гардеичем оживленно, бодро, разумно и просто действуют. Я видел только их и их счета, а не видел народа. Но 3-го дня был долго в Татищеве. Там очень серьезное получил впечатление: совестно стало, что не сам делаешь это дело, какое оно ни есть, пока оно делается. Вольных 19 человек в тифе без призора, как всегда в нечистоте, полуголодные, и 6 человек умерло в продолжение меньше месяца. У Ерофея вся крыша сожжена, но старик и сироты одеты и чисты. Дети заморенные грудные. У Королькова (помнишь, попрошайка) умерла жена 3-го дня, остался 7-недельный мальчик, и я знаю, и все знают, что он умрет.

Все больше и больше страдаю от лжи этой жизни и верю в ее изменение.

Таня тебе описывает Раевских как бы с сочувствием, а мне Ваня жалок. Жалко его, с его отсутствием нравственного чутья, но с скромными чистыми вкусами, а ездки противен, совершенно независимо от всяких других обстоятельств. Ванину жизнь, с его наукой, посадками, пчелами жалко разрушать, а того – желательно*.

Целую вас. Зовут ужинать. Попрошу Пошу приписать.

212. П. И. Бирюкову
1893 г. Июня 2? Ясная Поляна.

Пишу вам с Соней Илюшиной*. Это скорее дойдет.

Мне писать нечего. Я все в нерешительности, за что взяться, и, признаюсь, все в тоске, несмотря на то, что всякий час говорю себе, что во всяком положении можно и должно исполнять дело божие. Хотелось бы получить должность не то что более видную, но более чистую, а то приходится копаться в нравственном г..., и противно, и тошнит, и не могу привыкнуть. А должно привыкнуть и делать то, к чему приставлен, сознавая то, что заслужил это положение, или что это некоторое, необходимое уравновешание данных других преимуществ. Да, только радостное мы не чувствуем, не благодарны за него, а чувствуем одно противушерстное. Я говорю про то, что стоят дожидаясь голодные, а лакей бежит с пирожным, и игроки зажаривают в lawn-tennis, а я во всем участник, я, призывающий других к простоте жизни и сравнению с бедными. Видно, того стою. Но все надеюсь как-нибудь освободиться не от людей, а от себя. Не свободен только раб греха. Так и я. Пишу о себе, а, главное, хочу знать про вас, про ваше здоровье. Пишите скорее. Благодарите Михаила Николаевича* за его приезд, зовите к нам, если вздумает отдохнуть.

Пока прощайте. Целую вас. Кланяйтесь Раевским и благодарите их за заботы о нас во время нашего приезда и Ивана Ивановича особенно за помощь в нашем деле. Прислали мне письмо A1. Dumas в газеты*, ответ на вопрос: что ожидает человечество? Он пишет, что мы, ему кажется, дожили до того времени, когда люди всерьез возьмутся исполнять правило: aimez vous les uns les autres*, что это будет увлечением всех, что к этому и идет и что, кроме этого, нет выхода ни из антагонизма сословий, ни из вооружений народов.

Все письмо грациозно-полушутливо, но это заключение и, видимо, сердечно, искренно.

Л. Т.

213. Л. Л. Толстому
1893 г. Июня 23...25. Ясная Поляна.

Давно не писал тебе, милый друг Лева, потому что все знаю про тебя, и по обману чувств кажется, что и ты про нас знаешь.

Я очень обрадовался Маше. Так же и еще больше обрадуюсь тебе, когда ты приедешь, и приедешь здоровым. Ужасно то, что это cercle vicieux* – от нездоровья ты думаешь о своем здоровье, а от думы ты делаешься нездоров. Нужнее всего и полезнее всего тебе было бы увлечение сильное мыслью и делом. И этого я желаю тебе, зная, что этого нельзя заказать.

Ты знаешь, верно, что ты угадал и что мичман делал предложение. Но, кажется, все обошлось благополучно.

Жизнь наша идет по-старому, и ты правду пишешь, что жалко и больно будет многим,
Страница 111

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. когда она прекратится. На днях была Ольга Фредерикс: у них, у ее матери и тетки, как я знаю, сложилась такая легенда, что мама мученица, святая, что ей ужасно тяжело нести посланный в моем лице крест, и потому все эти дамы и Ольга Фредерикс всегда очень дурно действуют на мама. И вот случилось, что тетя Таня и Ольга Фредерикс стали разговаривать о воспитании детей, и я сказал свое мнение, что детей надо уважать, как посторонних, и мама вдруг начала не возражать, а пикировать меня, и это меня раздражило. Ничего не было сказано неприятного, но осталось у меня очень тяжелое впечатление, тем более что таких стычек – не то, чтобы раздраженных, как прежде, но чуть-чуть недоброжелательных, уже давно не было. Но вчера мы заговорили, и я сказал ей, что меня очень огорчил этот разговор, то, что она несправедливо придиралась ко мне, и она так просто и добро сказала: «Да, это правда, я была раздражена, не в духе, и мне кажется, что никто меня не любит и все уходят от меня». И мне так стало жаль ее, и я так радостно полюбил ее. Вот тебе образец наших отношений и нашей внутренней жизни. Я боюсь, что ты слишком привык осуждать. Себя, себя давай пробирать и осуждать, а люди всякие богу нужны. И мы слишком избалованы и счастливы тем, все-таки высшим против среднего уровня, нравственным складом нашей семьи.

За это время многое начинаю, кое-что записываю, но ничего не кончил, кроме маленькой статьи по случаю двух противоположных и очень характерных писем Зола и Дюма, которые мне прислал редактор «Revue des Revues»*. Я в статье* подчеркиваю глупость речи Зола и провиденье Дюма и высказываю слегка свои мысли и об науке и о том, что только усвоение людьми христианского мировоззрения спасет человечество, то есть намеки на то, что я говорю в большой статье*. Я послал эту статью Villot через А. М. Кузминского, который поехал в Петербург, – для журнала J. Simon «Revue de Famille»*.

Сию минуту прервала это мое письмо мама, пришедшая в великом волнении: она изругала Андрюшу за то, что застала его около Таньки Цветковой, за которой, кажется, ухаживает Миша Кузминский. Всё это подозрения, кажется, несправедливые. Я говорил сейчас по этому случаю с Андрюшей. Он, кажется, не виноват, но Миша, который опасный товарищ.

У нас теперь фере с женой и Катерина Ивановна Баратынская.

Целую тебя. Пиши больше.

Привет Бибикову.

214. Н. Н. Ге (отцу)
1893 г. Июля 10. Ясная Поляна. 10 июля.

Получил ваше письмо*, дорогой друг, очень был обрадован им и благодарю, а напишу мало – некогда. Радуюсь, что вы довольны своей картиной. Я ее видел во сне.

Об искусстве я все думаю и начинал писать. Главное то, что его нет. Когда я сумею это высказать, то будет очень ясно. Теперь же не имею права этого говорить.

Мысль ваша написать воспоминания о Герцене прекрасная*. Только не торопитесь; а постарайтесь поподробнее, то есть ничего не забыть и пожатее написать. Я кончил свое* и теперь бросаюсь то на то, то на другое: статью об искусстве не кончил и еще написал статью о письмах Зола и Дюма о современном настроении умов. Мне показалось очень интересно: глупость Зола и пророческий, поэтический голос Дюма. Пошлю в «Северный вестник» и парижский журнал Жюль Симона «Revue de Famille»*. Что дорогой Колючка?* Пусть напишет мне. Привет Петруше*, Рубанам. Мы завтра едем на 10 дней в Бегичевку. У нас всё по-старому. Лева все там, но ждем его.

Любящий друг

Л. Толстой.

215. Н. С. Лескову
1893 г. Июля 10. Ясная Поляна.

Начал было продолжать одну художественную вещь*, но, поверите ли, совестно писать про людей, которых не было и которые ничего этого не делали. Что-то не то. Форма ли эта художественная изжила, повести отживают, или я отживаю?

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Испытываете ли вы что-нибудь подобное?

Еще начал об искусстве и науке*. И это очень и очень забирает меня и кажется мне очень важным.

Л. Толстой.

216. Н. Н. Страхову
1893 г. Июля 13. Бегичевка.

Получил ваше письмо*, дорогой Николай Николаевич, и был им очень обрадован, так как давно скучал по известиям о вас. Мы, как вы увидите, в Бегичевке, где пробудем до 20, а после будем в Ясной, где, как всегда, все будем очень рады видеть вас. Вам нравится славянофильский кружок, а мне бы он очень не понравился, особенно если Розанов – лучший из них*. Мне его статьи и в «Вопросах» и в «Русском обозрении» кажутся очень противны*. Обо всем слегка, выпренно, необдуманно, фальшиво возбужденно и с самодовольством ретроградно. Очень гадко. Вы доброе дело сделаете, если внесете свободомыслие. А лучше всего бы уговорить их заниматься только контролем*. А то употреблять мысль и слово на то, чтобы противодействовать истине, совершенно нецелесообразно. Я вообще последнее время перед смертью получил такое отвращение к лжи и лицемерию, что не могу переносить его спокойно даже в самых малых дозах. А в славянофильстве есть много самого утонченного и того и другого.

Читали ли вы статью Милюкова о славянофилах? Я прочел часть, и что прочел, то мне понравилось*. Но я не под этим впечатлением пишу о славянофилах, а, вероятно, потому, что не в духе, за что вы меня простите. Здесь мы кончаем наше глупое дело, продолжавшееся два года, и, как всегда, делая это дело, становишься грустен и приходишь в недоумение, как могут люди нашего круга жить спокойно, зная, что они погубили и догубляют целый народ, высосав из него все, что можно, и досасывая теперь последнее, рассуждать о боге, добре, справедливости, науке, искусстве. Я свою статью кончил. Она переводится. Я уже теперь смотрю на нее со стороны и вижу ее недостатки, и знаю, что она пройдет бесследно (пока я писал, я думал, что она изменит весь мир). Теперь я написал и только поправляю статейку о речи Зола к студентам и письмо прекрасном по этому случаю Дюма в «Gaulois». Пошлю в «Revue de Famille»*. Но хочется теперь написать о положении народа, свести итоги того, что открыли эти два года*. Прощайте пока, целую вас. У нас все здоровы, кроме Левы. Он еще на кумысе, но все хворает.

Любящий вас

Л. Толстой.

13 июля.

217. Рафаилу Лёвенфельду
1893 г. Августа 17. Ясная Поляна.

Милостивый государь, я вам телеграфировал, прося остановить печатание 12 главы*. Это крайне необходимо, и если бы даже она была отпечатана, то надо уничтожить напечатанное и сделать следующие при сем прилагаемые изменения.

Это необходимо не только для избежания неприятностей и для успеха книги, но для моей совести. По нескромности какого-то из моих приятелей, давшего эту главу английскому корреспонденту, было напечатано и перепечатано во многих газетах описание казни в Орле. Описание это подняло бурю в русских правительственных сферах, и всей книге придано ложное значение обличения русских порядков, и потому все, кому эта книга неприятна, накинутся на отыскивание неточностей. Некоторые из этих неточностей мне указаны моими друзьями, и вот я спешу исправить их*.

Очень убедительно прошу вас сделать эти поправки как в немецком, так и в русском тексте, который вы передали печатать. Неисполнение моей этой просьбы очень огорчило бы меня. Пожалуйста же, сделайте это и известите меня. С совершенным почтением

Л. Толстой.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. Надеюсь, что изменения написаны так ясно, что не затруднят вас.

218. Н. С. Лескову
1893 г. Октября 20. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Семенович.

Я очень благодарен вам за ваше сердечное участие во мне и советы, и не так, как это обыкновенно говорят иронически, а искренно тронут этим. Вы правы, что если посылать, то в английские газеты. Я так и сделаю, если пошлю, и в английские и в немецкие*. Говорю: если пошлю, потому что все не кончил еще. Я не умею написать сразу, а все поправляю. Теперь и опоздал. И сам не знаю, что сделаю. Я верю в таких делах внутреннему голосу и отдаюсь и ему, и самим событиям. Голос говорит почти постоянно, что это надо сделать. Тут не только протест, но и совет молодым, и неопытным, который старику не следует скрывать. А другое это то, что если следует послать, то это напишется хорошо. До сих пор этого нет, поэтому еще медлю.

Вчера я прочел повесть Потапенко в «Северном вестнике». Какая мерзость!* Решительно не знают люди, что хорошо и что дурно. Хуже – думают, что знают, и что хорошо именно то, что дурно. Положительно можно сказать, как про наши школы, что они не только не полезны, но прямо вредны, если ими исполняется все тот же мрак. Вся наша беллетристика всех этих Потапенко положительно вредна. Когда они напишут что-нибудь не безнравственное, то это нечаянно. А критики-то распинаются и разбирают, кто из них лучше. Все лучше. Эта повесть Потапенко была для меня *супр де грâсе**. Я давно уж подумывал, что вся эта беллетристика, со включением, и очень, всех Зола, Бурже и т. п., есть бесполезная пакость, а теперь это стало для меня полной несомненностью.

Прощайте, будьте здоровы и бодры духом. Радуюсь возможности увидеть вас в Москве в ноябре.

Л. Толстой.

219. С. А. Толстой
1893 г. Октября 20. Ясная Поляна.

Ждал известий о Леве, о решении его и Захарьина. Вчера хотел ему написать, да был так вял и так зачитался вечером, что пропустил время. Зачитался я «Северным вестником», повестью Потапенко*, – удивительно! Мальчик 18 лет узнает, что у отца любовница, а у матери любовник, возмущается этим и выражает свое чувство. И оказывается, что этим он нарушил счастье всей семьи и поступил дурно. Ужасно. Я давно не читал ничего такого возмутительного! Ужасно то, что все эти пишущие, и Потапенки, и Чеховы, Зола и Мопасаны*, даже не знают, что хорошо, что дурно; большей частью, что дурно, то считают хорошим и этим, под видом искусства, угощают публику, развращая ее. Мне эта повесть была *супр де грâсе**, уяснившая то, что давно смутно чувствуется. Еще там о сумасшествии и преступности интересно было. Вчера я много писал, – все о религии*, – и потом объелся за завтраком и весь вечер был вял. Нынче Маша с Верой поехали в Тулу. Маша повезла больных. Я утром много писал, все то же, – и пошел им навстречу, дошел до Басова и вернулся, они меня нагнали в засеке. И теперь пишу, и очень хорошо. О Ванечке поминаю часто, скажи ему, что в корзинке мне некого носить. Как жаль, что Таня ковыряет себе зубы, пускай бы сами портились, а не дантист. Тулонские беснования*, кажется, кончились, это утешительно.

Я перехожу завтра наверх, чтобы не топить совсем низа. Больше писать нечего. Письмо это, верно, тебе не нужно, но все-таки посылаю. Целую Таню, Леву, Андрюшу, Мишу, Сашу, Ваню и тебя. Привет С. Э.* и Коле*.

Л. Т.

220. Д. В. Григоровичу
1893 г. Октября 27. Ясная Поляна.

От всей души поздравляю вас, дорогой Дмитрий Васильевич*. Вы мне дороги и по воспоминаниям почти 40-летних дружеских отношений, на которые за все это время ничто не бросило ни малейшей тени, и в особенности по тем незабвенным впечатлениям, которые произвели на меня, вместе с «Записками охотника», ваши

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. первые повести.

Помню умиление и восторг, произведенные на меня, тогда 16-летнего мальчика, не смеявшего верить себе, – «Антоном Горемыкой»*, бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика – нашего кормильца и – хочется сказать: нашего учителя, – можно и должно описывать, не глумясь и не для оживления пейзажа, а можно и должно писать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом.

Вот за это-то благотворное на меня влияние ваших сочинений вы особенно дороги мне, и через 40 лет от всего сердца благодарю вас за него.

От всей души желаю вам того, что всегда нужно вообще, но что нам, старикам, нужнее всего в мире: побольше любви от людей и к людям, без которой еще кое-как можно обходиться в молодости, но без которой жизнь в старости – одно мученье.

Надеюсь, что празднование вашего юбилея особенно будет содействовать исполнению моего желания*.

Искренно любящий вас

Лев Толстой.

27 октября.

221. Л. П. Никифорову
1893 г. Ноября 3. Ясная Поляна.

Дорогой Лев Павлович.

Переводы ваши еще не получил*. Когда получу, непременно просмотрю, как и предшествующие. Из романов все равно, какой раньше: оба стоят того. «Mont Oriol» даже лучше.

Я очень понимаю, что суждение о том, что писателя нужно судить по его писаниям, а не по делам*, не нравится вам. Мне такое суждение тоже противно. Но я как и говорил вам тогда, только делаю замечание, что писание – дела писателя, как это метко сказал Пушкин*, то есть что если хороший кузнец, работник, напивается, то я должен принять во внимание его работу и не равнять его с праздным пьяницей. Если Руссо был слаб и отдавал детей в воспитательный дом и многое другое, то все-таки дела его, как писателя, хороши и его нельзя равнять с праздным, развратником. А что человеку надо всеми силами стремиться делать и исполнять то, что он говорит, то про это не может быть и речи, потому что только в этом жизнь человеческая. Скажу даже, что если человек не стремится всеми силами делать то, что он говорит, то он никогда и не скажет хорошо того, что надо делать, никогда не заразит других.

Мы в этом с вами не можем быть несогласны.

Мы еще недели две проживем в деревне, – очень хорошо здесь; а потом увидимся в Москве.

Любящий вас

Л. Т.

222. Н. Н. Страхову
1893 г. Ноября 3. Ясная Поляна.

Благодарю вас за ваши всегдашние добрые чувства ко мне, дорогой Николай Николаевич. Разумеется, мне это приятно, но вредно, и я знаю, как вредно. Верно говорит Куно Фишер, что это последнее снимаемое платье*. Ужасно трудно его снять. А тяготит оно ужасно. Страшно мешает свободным духовным движениям, свободному служению богу. Как раз вместе с вашим письмом я получил от Стасова, с его обычными преувеличениями, описание юбилея Григоровича, на котором будто бы чтение моего к нему письма произвело какой-то особенный эффект*. И, каюсь, даже это его письмо совсем расслабило меня. Хорошо то, что тут же третье письмо было анонимное, наполненное самыми жестокими обличениями моего фарисейства и т. п.*

Сегодня читал описание Чайковского о болезни и смерти его знаменитого брата*. Вот это чтение полезно нам: страдания, жестокие физические страдания, страх: не смерть ли? сомнения, надежды, внутреннее убеждение, что она, и все-таки и при этом неперестающие страдания и истощение, притупление чувствующей способности и почти примиренье и забытье, и перед самым концом какое-то внутреннее видение, уяснение всего «так вот что» и... конец. Вот это для нас нужное, хорошее чтение. Не то, чтобы только об этом думать и не жить, а жить и работать, но постоянно одним глазом видя и помня ее, поощрительницу всего твердого, истинного и доброго.

Мы живем в Ясной одни с Машей, и мне так хорошо, так тихо, так радостно скучно, что не хотелось бы изменять, а, вероятно, скоро поеду в Москву. Я написал ответ немцу на вопросы о религии и нравственности и постоянно думал о вас, желая прочесть вам и спросить вашего мнения*.

По письму вашему вижу, что вы бодры и телом и духом и пишете историю философии*. Это прекрасно. Целую вас. Стасов пишет, что вы можете достать у Ухтомского Chalmers'a Tao-te-King*. Если можно, достаньте мне на время, а то нигде нет.

Ваш...

223. Н. Н. Ге (отцу)
1893 г. Ноября 5. Ясная Поляна.

Рад был вашему письму*, дорогой друг Николай Николаевич, и рад известию, что вы довольны последним замыслом картины*. Я уверен, что это будет хорошо. Мне нравится дрожащий в лихорадке разбойник (я уже давно знаю и жду), нравится и момент. Только бы Христос не был исключителен, и даже исключительно непривлекателен, каким он на последней картине*. И только бы вы по технике удовлетворили требованиям художественной толпы. Если уж выставка и большая картина, то надо считаться с этим. Вы меня простите, если то, что я скажу, не то, но я не могу не сказать все, что думаю: мне кажется, в ваших картинах, в работе ваших картин происходит страшная трата самого драгоценного матерьяла, вроде, простите за сравнение, печенья белого хлеба из первого сорта муки, который любят господа, и бросания отрубей, в которых самое вкусное и питательное. Вы мне рассказывали первую мысль картины – и, верно, она была написана, – состоящую в том, что смерть на кресте Христа побеждает разбойника*. И мне это очень понравилось по своей ясности, живописности, по выражению величия Христа на впечатлении, произведенном им на разбойника. Как Гомер, чтобы описать красоту Элены, говорит, что, когда она вошла, старцы изумились ее красоте и встали*. Потом еще иначе вы изображали. Прежде еще иначе. И всё это были картины важные по содержанию. То же у вас было, сколько я знаю, с Иудой*. Все эти эскизы самые питательные отруби, и все они пропадают, чтоб делать господский белый хлеб. Я первый буду радоваться на вашу теперешнюю картину и умиляться ей, но все-таки жалею про все те, которые остались по дороге и которых теперь, по крайней мере, никто, кроме вас, написать не может. Я непрестанно жалею, что вы оставили тот план ряда картин евангельских*. Может быть, трудно их кончать, довести до известной нужной степени технического совершенства, этого я не знаю, но знаю, что это – все то, что передумали, перечувствовали и перевидели своим художественным, христианским зрением, все это вы должны сделать: в этом ваша прямая обязанность, ваша служба богу. Dixi*. Если ошибаюсь, простите. Нынче получил от Хилкова поразительное известие. Его мать приехала к нему с приставом из Тифлиса и по высочайшему повелению взяла у него детей и увезла их к себе, пока в Харьковскую губернию, а потом в Петербург*. «Если меня гнали, то и вас будут гнать». Но все-таки грустно за мать и за всех тех, которые участвуют в этом грехе. Целуйте от меня милых друзей Колечку с семьей и Рубана с его семейными. Пишите, что вы думаете и делаете и в каком положении картина. До свиданья, обнимаю вас. Маша также шлет приветствие и вашим.

Л. Т.

5 ноября.

224. Н. С. Лескову
1893 г. Декабря 10. Москва.

Дорогой Николай Семенович, уже давно следовало мне написать вам, да сначала не

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. прочел вашей вещи*, о которой хотелось писать вам, а потом некогда было.

Мне понравилось, и особенно то, что все это правда, не вымысел. Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем вымысел, и вы это прекрасно умеете делать.

Что же вам говорили, что не следует говорить? нечто то, что вы не восхваляете старину. Но это напрасно. Хороша старина, но еще лучше свобода.

Слышали ли вы о Хилкове, о том, что его мать по высочайшему повелению, приехав с приставом в место его ссылки, увезла его детей?* Я не описываю подробностей, потому что вы, верно, всё знаете.

Какая прекрасная статья Меньшикова!*

Я все пишу то же, и все не кончаю*. Москва и ее суэта мешают мне работать столько и с такой свежей головой, как в деревне.

Как вы живете? Радуюсь мысли увидеть вас.

Любящий вас

Л. Т.

1894

225. Л. Л. Толстому

1894 г. января 28. Гриневка.

Ныне получил твое письмо* из Парижа, пересланное нам в Гриневку. Ты, вероятно, уже знаешь, что мы здесь: я с Таней, а Маша осталась у Марьи Александровны* и в Ясной, куда мы хотим ехать дня через два. Твой переезд в Париж, как я нынче писал мама, я ни одобряю, ни осуждаю. Все будет зависеть от тебя, а немного от случайностей. Освобождение твое от доктора* будет тебе, разумеется, полезно и приятно. Одиночество везде хорошо, и в деревне, и в Париже. Даже не скажу – не утруждай себя слишком впечатлениями. Можно в толпе и при самом волнительном зрелище оставаться спокойным и радостным и можно лежа в постели себя измучить своими мыслями, так что будешь задыхаться от волнения. Соблазнитель только великий Париж. Не в грубом смысле соблазна всякой похоти, это само собой, но я не про то говорю, но в смысле прикрытия жестокости жизни и нравов.

Здесь, приехавши в Гриневку и увидав заморышей-мужичков ростом с 12-летнего мальчика, работающих целый день за 20 копеек у Илюши*, мне так ясно то учреждение рабства, которым пользуются люди нашего класса, особенно ясно, видя этих рабов во власти Илюши, который недавно был ребенком, мальчиком, что рабство это, вследствие которого вырождаются поколения людей, возмущает меня, и я, старик, ишу, как бы мне те последние годы или месяцы, которые осталось мне жить, употребить на то, чтобы разрушить это ужасное рабство; но в Париже то же рабство, которым ты будешь пользоваться, получив 500 рублей из России, то же самое, только оно закрыто. Только и можно жить, пользуясь нашей властью, чтобы поддерживать свою избалованную жизнь (и то minimum), когда всею душой хочешь служить делу уничтожения этого зла, и не делу уничтожения, а делу распространения тех мыслей и чувств добра, которые должны уничтожить это зло. В последнем письме* ты выражаешь свое чувство упрека мне за мое попустительство. Не думай, чтобы я за это сетовал на тебя, напротив, я люблю это, люблю, когда будят во мне сознание моего старого греха слабости и вызывают еще большее желание искупить его.

Представь себе, ехав сюда, я разговорился с господином. Он стал говорить про съезд естествоиспытателей*. Я сказал, что мне особенно не понравилась речь Данилевского. Оказалось, что это сам Данилевский*. Очень умный и симпатичный человек. Речь его получила такой резкий смысл потому, что она урезана. Мы приятно поговорили. И я вновь подтвердил себе, как не надо осуждать.

Незачем никуда торопиться. Прощай, целую тебя. Пиши в Ясную.

Л. Т.

Нам тут очень хорошо. Соня* очень мила, и дети прекрасны. Поцелуй за меня Илью,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. если только это получишь в его присутствии. То, что я говорю об отношении к народу, относится до всех собственников. Я говорю про него только потому, что это перед глазами.

226. Редактору иностранной газеты
1894 г. Февраля 18. Москва.

Милостивый государь.

Прошу в вашей газете дать место следующему моему заявлению. Несколько лет тому назад было сделано мною заявление в русских газетах о том, что так как я не признаю для себя справедливым получать деньги за свои сочинения, то и предоставляю право, без всякого исключения и различия, всем желающим печатать, перепечатывать мои вышедшие и имеющие выйти с 1881 года сочинения в подлиннике, или в переводах, в целости, или по частям*. Несмотря на это заявление мое, вероятно не дошедшее до иностранных французских, английских и немецких издателей, я часто получаю письма с предложениями печатать за известную плату в журналах и с просьбами дать той или другой издательской фирме исключительное право издания. Бывают даже случаи, когда некоторые издатели приписывают себе это исключительное право и оспаривают его у других, как это теперь произошло в Англии между фирмой Heimann'a и Walter Scott'a и в Германии между фирмой штутгартского и мюнхенским издателем*. Ввиду этих недоразумений вновь заявляю, что я никому не даю исключительного или даже предпочтительного права издания своих сочинений и переводов с них, а безразлично предоставляю его всем тем издателям, которые найдут издание моих сочинений или переводов с них для себя желательным.

Л. Толстой.

227. Л. Л. и Т. Л. Толстым
1894 г. Февраля 26. Москва.

Сейчас едут все куда-то на вечер. И все наряжаются и Сашу и Ваню завивает Теодор*. Все это очень весело. Мне было очень больно видеть Ваню завитым и Сашу разряженною. Одно спасенье, что душа человеческая герметически закупорена и защищена от порчи. Теперь все там, на этом вечере, а мы одни с Машей дома: она усердно работает, переписывает записки Хилкова (прекрасные) и письма разбирает*. А я сейчас сидел один наверху и читал книги и статьи, привезенные Гальпериним. В 4 часа проводил Н. Н. Ге на железную дорогу. Они едут вместе весело, Касаткин, Пастернак, Левитан. Я, кажется, без тебя, Таня, обидел Касаткина, высказав ему очень откровенно неодобрение его картине «Паровая конка»*. Очень мне уж стало противно искусство для забавы.

Нынче получил вашу телеграмму о Brissaut или Brissot с уведомлением, что вы остаетесь indéfiniment*, и письмо*, в котором обещаете приехать на днях. Пожалуйста, милые мои, не торопитесь решать и изменять положение, не отдавайтесь настроению – особенно ты, Лева, а делай поправку того, что представляется под известным настроением. – Если Briss..., то Briss... Я скорее поверил бы врачу нервных болезней, чем Potain, разумеется независимо от личности, доверия, которое она внушает. Сейчас перервали меня и наше одиночество три Иваныча «Посредника»: Павел, Иван и Евгений*. Я ничего еще толком не начал – «Тулон»* кончил, – но хочется многого и думается, что не надо ничего писать. А надо больше заниматься тем художественным произведением, которое составляет жизнь каждого из нас, прикладывая все внимание и усилие на то, чтобы не было в ней никаких ошибок ни колорита, ни перспективы, ни, главное, отсутствия содержания. Этого же и вам желаю, милые друзья дети.

Л. Т.

228. Л. Л. и Т. Л. Толстым
1894 г. Марта 11. Москва.

Милые друзья,

Последние письма ваши утешительны*. Продолжайте так же, и все будет хорошо. Мне очень интересна та подпольная литература, которую ты читаешь*, Лева. Меня всегда удивляло и удивляет, как такое сильное движение, как это, и такие сильные по энергии люди, участвовавшие в нем, не оставили следа. Я, по крайней мере, не

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. знаю ничего. Ты почитай, исследуй и привези, что интересно. Я теоретически заключаю, что не должно быть ничего значительного, но так как я этого хочу, то боюсь ошибаться. Нынче приехала мама здоровая и бодрая. Немного было испортилось у нее дело с Иваном Александровичем* (он там занял деньги, которые она не хотела отдавать), но он сейчас вечером был здесь, и она отдала ему часть денег и дала ему аттестат и рассталась с ним по-доброму, по-хорошему. В то время, как вы писали о Кузминских, мама писала то же самое из Ясной: недоумевала, как разместиться, если будут Кузминские. Мое отношение вы, я думаю, знаете: не важно ни присутствие, ни отсутствие Кузминских, а важны наши поступки по отношению их, по отношению «наших милых братьев» (по-францисковски)* Кузминских, и родителей и мальчиков. Была мама и у Ильи. И ее впечатление, что он вечно в суете. Но общее впечатление ей понравилось. Вот Саша детей учит – это еще хорошо, а Наташа учится фельдшерству*, а Соня одна в тяжелое очень для нее время. Вот и я согрешил, осудил, а хочется поменьше грешить. В последнее время очень распустился. Городская суета и с ней проникающее тщеславие, никогда не отстающий от меня бес, хотя и никогда не овладевающий мною, стал беспокоить меня, и я вчера еще решил исправиться. Не в одном этом, а и в других грехах. Вы не думайте, что старики чем-нибудь отличаются от вас в главном, в настоящем. Я так много вам нахвастал о своих планах и так мало исполнил, что теперь уж ничего не скажу о том, что делал и думаю делать. Вчера томил меня Хохлов целый *avant soifée**, и мне казалось, что я уговорил его жить с отцом, удовлетвориться самым первым требованием нравственности, но нынче он пришел утром сказать, что он идет ходить, как Александр Петрович*, куда глаза глядят. Очень жаль мне его, и все в совести сосет что-то, что не я ли и насколько я виною этого разлада. Зато вчера был Буланже. У него тоже, как и должно быть, семейные бури, но он так хорошо их несет, такой кроткий, тихий и умный, дельный человек. Ему еще прежде Чертков поручил узнать хорошенько все законы о наших диссентерах (*dissenters*)*, и он узнал: детей, если они не крещены, по закону следует отбирать. Теперь же Чертков хочет свое, то есть его матери, имение отобрать от Шрама* и отдать крестьянам исполу. И об условиях и подробностях этой отдачи поручил Буланже узнать и сообщить ему. Нынче же приехал Поша. Рассказывает, что там, дома, ему чуждо, особенно с братом*, и грустно видеть то неудовлетворение, которое дает жизнь, которую он ведет. Это всегда особенно трагично. Человек приносит самую большую жертву, которую он может принести: поступается требованиями своей совести и не получает того, во имя чего он принес эту жертву. «Болвана» я не видал, но нынче на улице увидел старшую Зубову, и она мне сказала, что Митя* болен инфлуэнцей.

Янжула обидели студенты 19 февраля, требовали от него, чтобы он не читал лекций, а он стал читать, и его освистали*. И все это сделали чужие студенты – первокурсные медики, как у вас Брюнетьера. И Янжул не виноват, а противны студенты. И я ходил к Янжулу сделать ему *visite de condoléance**, чем он был очень тронут. Дядя Сережа здесь, и я сейчас пойду к нему, чтобы повидаться, пока мы живы, и дать ему случай излить свое недовольство на христианство, а потом поехать и признать, что да, да...

По случаю предисловия к Мопасану я достал книги по эстетике у Стороженки и много прочитал по этому предмету и многое узнал. Прекрасная есть английская книга Knight'a «*Philosophy of the beautiful*»*, и очень много хорошего в книгах Гюйо (забыл, как пишется). Две книги его «*L'art au point de vue sociologique*» и др., не помню, содержат много хорошего*. Я прежде не читал. Если там нет полной и, главное, ясной теории, эволюционизм путает, то зато много вызывающего на мысли в самом хорошем направлении.

Я рад, что ты, Таня, вернулась из театра, в который ты ездила с Рише. Он и хорош, да все-таки француз и немножко копке*. Он и вообще очень копке. Я думаю, что Шрёдер и Род* гораздо серьезнее и умнее его. Вопросы теории искусства уже который раз волнуют меня. Видно, еще неясно в голове. А кое-как говорить незачем. Надо прочесть историю эстетики, чтобы видеть, как много об этом говорено умного и верного, но очень неясного. И теперь все мне напоминает об этом предмете и вызывает мысли: вчерашний вечер у Берсов* и твое посещение, замучившее тебя, Louvr'a. Вчера после чепухинского квартета Чайковского я разговорился с виолончелем – ученик, очень хорошо играющий, консерватории. А там начали петь. Чтобы не мешать пению, мы ушли в другую, заднюю комнату, и я горячо доказывал ему, что музыка новая зашла на ложную дорогу; вдруг что-то перебивает мне мысли, захватывает меня и влечет к себе, требует покорности. А это там начали петь – ученик консерватории, прелестный баритон Бабурин и девица Риг – дуэт «*La ci darem la mano*»*. Я перестал говорить и стал слушать, и радоваться, и

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. улыбаться чему-то. Что же это за страшная сила. Так же и твой Louvre. Как за колдовство, то есть за таинственное воздействие злое, казнили, а за молитвы, таинственное воздействие доброе, прославляли, возвеличивали, так и с искусством надо. Это не шутка, а ужасная власть. А оказывается, что люди хотят только дурного воздействия. И о твоей повести, Лева, в «Русских ведомостях» чудесно сказано – неодобрительно, что это пассивное совершенствование или что-то в этом роде*. А Ге картину сняли, потому что это бойня, это нарушает удовольствие*. Вот и разберись тут. Все надо сначала.

Ну, прощайте, покойной ночи, милые мои, поеду к дяде Сереже.

Это письмо – как барышни – пишут обо всем.

229. Н. Н. Ге (отцу)
1894 г. Марта 14. Москва.

Давно надобно бы отвечать вам, дорогой друг, да письмо ваше не осталось у меня на столе, и я ответил другие письма, но не ваше*, одно из самых близких моему сердцу.

То, что картину сняли, и то, что про нее говорили, – очень хорошо и поучительно. В особенности слова «Это бойня»*. Слова эти все говорят: надо, чтобы была представлена казнь, та самая казнь, которая теперь производится, так, чтобы на нее было так же приятно смотреть, как на цветочки. Удивительная судьба христианства! Его сделали домашним, карманным, обезвредили его, и в таком виде устроились и успокоились. И вдруг оно начинает разворачиваться во всем своем громадном, ужасающем для них, разрушающем все их устройство, значении.

Не только учение (об этом и говорить нечего), но самая история жизни, смерти вдруг получает свое настоящее, обличающее людей значение, и они ужасаются и чураются. Снятие с выставки – ваше торжество. Когда я в первый раз увидал, я был уверен, что ее снимут*, и теперь, когда живо представил себе обычную выставку с их величествами и высочествами, с дамами и пейзажами и naturmorte'ами, мне даже смешно подумать, чтобы она стояла. Я не понял хорошенько слова государя, кажется, о том, что религия религией, а зачем писать неприятное.

Что говорят художники? И кто что говорит? Что вы делаете? Скоро ли будете к нам? У нас все по-старому. Целую вас. О штундистах новости хороши. Колечке не успел еще написать.

Л. Толстой.

230. Т. Л. Толстой
1894 г. Марта 22? Москва.

Милая, голубушка, очень любимая и дорогая Таня, ради бога прими мои слова любя, серьезно и вдумайся в них. Если я где ошибся и преувеличил, откинь лишнее, но не перечеркивай мысленно всего, а прими к сердцу, прими то, что верно из того, что я скажу. После этого вступления начинаю о том, что с утра до вечера и ночью, когда я просыпаюсь, томит меня и чем дальше, с тех пор как я узнал, тем сильнее мучает меня. N. N. сейчас ушел от меня. Два дня мы виделись, но при других, были сухи, и я избегал tête à tête*, избегал мучительного, унижительного для меня, скверного гордеца, разговора и думал, глядя на него: petite Brebis de Dieu NN*, но тщетно. Сейчас был этот мучительный разговор*. Было все одно и то же: сознание с его стороны, что он давно чувствовал, что это не хорошо, и с моей стороны страдание за то, что он говорит. Прежде чем сказать, чем кончился наш разговор, скажу то, что я теперь ясно обдумал обо всем этом. Все это à long feu*, что дальше, то больше поражало меня. В первую минуту, когда я узнал, я не понял всего ужаса этого дела, как это бывает, когда узнают о каком-нибудь ужасном несчастии, но чем дальше, тем яснее мне представлялось все значение этого дела. Дело просто, ясно и, грубо говоря, ведь вот в чем: ты вошла в исключительно близкие отношения, в те отношения, в которые входят только с людьми, которых любят любовью, в те отношения, которые никогда не бывают неподвижны, а всегда идут вперед, усиливаясь и все более и более сближая, и приводят к законному или незаконному браку с человеком, презираемым и ненавидимым даже всеми твоими самыми близкими родными, с человеком с не совсем хорошим прошедшим, человеком, не имеющим тех главных свойств мужества, которые

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. вызывают настоящую любовь женщины, и с человеком женатым. Маша мне сказала, что смотришь на него, как на неженатого. Это неправда. То, что он женат, придает особенную едкость дурному скрываемому чувству*. И потом, разве может быть справедливо, чтобы ты стала выше этих соображений о его женитьбе, когда ты не можешь перед светом стать выше галстучков.

Отношения эти до такой степени близки и личность человека такова, что тебе не может не быть стыдно теперь даже признаться в них. Тебе не может не быть стыдно твоих писем и обращения твоего к нему. А когда я вспомню, какую я видел тебя подле него в Долгом переулке, у меня вся кровь приливает к сердцу от странного смешанного чувства жалости к тебе, стыда за тебя и за себя. Это какое-то непонятное, дьявольское наваждение. Он от всего отказывается, т. е. признает справедливость моего суждения; на все согласен, и я просил его не писать тебе (надеюсь, что ты не будешь), не видаться с тобой и все мне говорить, что будет касаться тебя. А то он хотел писать тебе, чтобы ты не писала, а потом можно писать, извиняться в том, что писал, чтобы ты не писала, и так до вечности. Тебе же я советую сжечь все дневники и письма, посмотреть на этот эпизод как на образец того, как хитро может поймать нас дьявол, и быть вперед настороже против него. А жизнь велика, и у тебя много хорошего впереди. За это губить его? Ты мне говорила, чтобы я спросил у него позволения прочесть его дневники*. Я забыл спросить, да и не хочется спрашивать, потому что не хочется читать, не хочется вновь болеть этой мучительной болью жалости за тебя, такую чистую, ясную, бодрую, благородную, видеть тебя копошащуюся в этой тине неопределенных и неоткровенных, лживых и прямо дурных чувств. Впрочем, я спрошу у него – мы расстались дружно, – и он, наверно, разрешит читать, и я прочту. И я уверен, что чтение это объяснит мне путь, по которому ты шла. Ну прости меня, голубушка, и не накажи меня за резкость этого письма недоверием в будущем. Ради бога, оставайся так же открытой мне. Я готов в 100 раз больше перестрадать (да и что за страданья, это не фразы), только бы не потерять тебя. Целую тебя, милая моя Таня, очень нежно и прошу простить, если обидел.

231. Т. Л. Толстой
1894 г. Марта 29. Ржевск.

Сейчас час ночи, вторник, сижу и думаю и болею все об одном: какое-то странное чувство позора, осквернения самого дорогого. И все ищу, отчего такое чувство. Думаю, что от того, что вы, обе дочери, как бы признали меня своим и себя моими, так что я особенно живо чувствую ответственность за вас – не скажу перед богом только, а перед людьми и перед богом. Кроме того, я так высоко привык ставить вообще женщин, а особенно вас, и особенно тебя, что это ужасное падение совсем ошеломило меня. Как бывает в несчастиях: вспоминаю и содрогаюсь и думаю: да не может быть*. Что-нибудь не то. И потом опять вспоминаю, что знаю, вижу доказательства. Вечером принесли Черткову письма, и вижу, письмо твоей рукой он откладывает ему. Письмо ничего не заключает, но ненужное письмо. Он мне принес его и свой дневник. И я читал его и мучался жестоко. Он твердо уверен и спокойно уверен, что ты покорена (выговаривать противно), и только жалеет о том, что ты так должна страдать по нем, страдать от ревности к нему*. Это ужасно. И на все это ты дала ему право. Как можно так играть собой. Он хочет быть хорошим, но ему это очень трудно, потому что это хитрая, проницательная восточная натура и неправдивая. Неужели наваждение так сильно, что нельзя освободиться от него. Мне страшно теперь увидеть тебя и узнать твое душевное состояние. Неужели будет только борьба во имя любви ко мне, к нему, во имя общественного мнения, а не внутренняя, борьба опоминания и отвращения. Все думал, следует ли высказывать тебе во всей их сырости эти мои вечерние мысли и чувства, и пишу их, сам не зная, пошлю ли тебе.

Писание дневника, и показыванье мне, и готовность показать тебе есть продолжение все той же бессознательной хитрости немужественной и неправдивой природы хитрости – свойства слабости. Отношения наши такие же, какие были всегда. Мне только труднее скрывать теперь свое недоверие и тяжесть от его близости, которая была всегда.

Теперь утро. И ночь, когда не спал и просыпался, и теперь утром мучительно думаю все о том же: все спрашиваю себя, есть ли и если есть, то насколько в этом страхе, стыде есть личного, эгоистического. Если есть, то очень мало. Все в том, что я вижу ясно то, чего ты не видишь, и не могу не говорить. Как ребенок бежит все шибче и шибче, разбегаясь под гору, и рад, а я вижу, что под горой, куда он направляется, вонючая яма, в которой он потонет. Ты говоришь, что ты не думаешь

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. о женитьбе (больно произносить), но то-то и дурно, что не думаешь. А зачем ты спросила, как он пишет в дневнике, думал ли он когда, что ты можешь выйти за него замуж? Ты спросила так, пробуя, а он принял как вопрос. Я говорю это только к тому, что когда существуют такие сближающиеся отношения, то то, чтобы наступил вопрос о браке, дело только времени. Случайность, намек, столкновение внешнее – и вспыхнет и пробьет то, что настроено и вызвано трением частого и долгого общения, как электричество. Да если ты не думала, то очень дурно, потому что этот вопрос всегда стоит перед теми, которые вступают в исключительные отношения. А что такое брак с ним? (Опять ужасно выговорить.) Мы ужасались на Машу с Зандером, но ведь то было верх благоразумия и желательного в сравнении с этим. Там, как я говорил уж, мог осуществиться отчасти и даже вполне идеал семьи, служения богу детьми, честной трудовой жизни. Там впереди был план жизни, от которого, вероятно, далеко бы было отступлено, но нечто разумное, возможное. У него своя профессия, у нее семья, дети. Здесь что? Ужасная семья его, которую можно игнорировать злым, холодным людям, но не нам с тобой, нелюбовь, ненависть, презрение, отвращение всех наших семейных, отсутствие всякого положения, а в будущем приживальщичество при жене, как и было, отсутствие уважения всех близких, и неопределенная, неуловимая, хитрая натура, та самая, которая в жене вызвала ненависть и упрек главный неправдивости, который она упорно повторяет, хотя и не может указать, в чем, так как он умнее ее. Неправдивость теперь с тобой в том, что все приемы его с тобой, как скоро ты кокетством, испытаниями своей силы дала ему повод, были самые тонкие приемы соблазнителя, на это дело полагающего всю свою душу. Это ничего, это даже хорошо, потому что приемы эти хороши – духовные, но неправдивость в том, что все это делается в сапогах, при исповедании отрицания всего этого. Тут неправдивость, и it is not fair*, потому что если бы он стал в те общие условия всех Трескиных, Олсуфьевых, Всеволожских, он не имел бы тех особенных преимуществ, которые он имел в своем положении с сапогами*. Знаю, что ты будешь говорить, что я вижу, чего нет, но, душа моя, милый друг, я вижу то, что должно быть, как бы оно уже было. Если бы я видел, что Андрюша в дурной болезни и не лечится, не мог бы я быть спокоен. То же и теперь с тобой. Я вижу тебя, как человека, который лег на рельсы и не видит поезда, а поезд надвигается, и если человек со всей возможной поспешностью не вскочит, он будет раздавлен. Может быть, ты скажешь: и страдания могут быть хороши. Но тут не страдания, а осквернение себя, грех, который не может быть на пользу, – грех лжи. Распутай все прежде, чтобы не было ничего скрытого, и потом обсуди. И ты увидишь, что и обсуживать нечего, а можно только содрогаться от той ужасной опасности, в которой находишься.

Ведь если я думал, мечтал о твоей жизни, то мне представлялось или семья, в которую ты вносишь все то хорошее, что можешь внести, и получаешь или – не скажу радости, но большие чувства, которые связаны с ней, или целомудренная духовная жизнь, любовная вроде той, какой жила твоя тетка Татьяна Александровна*. Я видел даже эти черты. Видел и черты семейности. Обе дороги хорошие, и ты стояла на распутье их, и вдруг вижу, что ты бросила и ту и другую и вниз головой прицеливаешься слететь в вонючую яму. Остановись, ради бога. Я понимаю, что ты разбежалась, и тебе трудно. Но ведь это трудно только на 5 минут.

То я писал вчера ночью. Кое-что приписываю, и это пишу нынче утром, во вторник, с свежей головой и с самым напряженным вниманием, вникая во все дело и пересматривая его. Боюсь только, что ты скажешь, подумаешь, что я воспользовался твоим доверием, злоупотребил им, что я стар, щепетилен, преувеличиваю, и раскаешься в том, что сказала мне. Пожалуйста, не раскаивайся. Мне хорошо и в глубине души радостно от этого сближения с тобой, и думаю, что, может быть, и тебе будет это хорошо. Думаю так, потому что это все вызвано только любовью хорошей, и от нее худого быть не может. Что дурного есть в моем чувстве, я уберу, постараюсь убрать, и останется только хорошее и к нему. И даже так и есть.

Я спросил про дневник, можно ли мне прочесть. Он смутился и долго не мог ответить. Наконец, уж долго после сказал: прочтите, но вы уж совсем возненавидите меня. Разве это хорошо?

232. В. Г. Черткову
1894 г. Мая 12. Ясная Поляна.

Боюсь, что письмо жены смутило вас особенно потому, что мне не удалось скоро после него написать и объяснить его значение*. Случилось так, что жена, приехав на два дня из Москвы, ездила в Тулу по делам, вернулась домой измученная, а я в

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. этот же день уехал к Булыгину и отчасти для покупки вам сруба (что мне доставляет только удовольствие) и вернулся поздно. Ее это огорчило, и она написала вам письмо. Кроме того, Татьяна Андреевна не будет жить у нас, вас, как поддерживающего во мне то, что ей страшно во мне, она опасается. Она боится тоже, что будет одинока. Я ж имел неосторожность сказать, что у вашего Димы не так как у Ванечки, нет игрушек. И вот она написала вам письмо. Если вы спросите меня: желает ли она, чтобы приехали? Я скажу: нет; но если вы спросите: думаю ли я, что вам надо приехать? – думаю, что да. Как я ей говорил, так говорю и вам: если есть между вами что-нибудь недоброе, то надо употребить все силы, чтоб это не было и чтобы точно была любовь. И это можно, и я знаю, что вы можете это и она может и почти готова к этому. Так вот. А нынче я решил прибавить к жилью не избу, а помещение в амбаре. Корову достать можно. Об эпидемических болезнях не спрашивайте, они всегда есть. Но деревня довольно далека, сажень 80. От Тернера получил нынче письмо, он возвращает рукопись, прислать ли ее вам?*

Торопят на почту. Простите, что нехорошо, и пишите как можно любвнее, и будет верно.

Л. Т.

233. Н. С. Лескову
1894 г. Мая 14. Ясная Поляна.

14 мая 94 г.

Николай Семенович, в последнее время мне привелось так очевидно неправдиво употреблять обычные в письмах эпитеты, что я решил раз навсегда не употреблять никаких, и потому и перед вашим именем не ставлю теперь ни одного из тех выражающих уважение и симпатию эпитетов, которые совершенно искренно могу обратить к вам.

То, что я писал о том, что мне опротивели вымыслы, нельзя относить к другим, а относится только ко мне, и только в известное время и в известном настроении, в том, в котором я вам писал тогда*. Притом же вымыслы вымыслам рознь. Противны могут быть вымыслы, за которыми ничего не выступает. У вас же этого никогда не было и прежде, а теперь еще меньше, чем когда-нибудь. И потому в ответ на ваш вопрос* говорю, что желаю только продолжения вашей деятельности, хотя это желание не исключает и другого желаня, свойственного нам всем для себя, а потому и для людей, которых мы любим, чтобы они, а потому и дело их вечно, до смерти совершенствовалось бы и становилось бы все важнее и важнее, и нужнее и нужнее людям, и приятнее богу. Всегда страшно, когда близок к смерти, я говорю это про себя, потому что все больше и больше чувствую это, что достаешь из своего мешка всякий хлам, воображая, что это и это нужно людям, и вдруг окажется, что забыл и не вытряхнул забившееся в уголок самое важное и нужное. И мешок отслуживший бросят в навоз, и пропадет в нем задаром то одно хорошее, что было в нем. Ради бога, не думайте, что это какое-нибудь ложное смирение. Нашему брату, пользующемуся людской славой, легче всего подпасть этой ошибке: уверишься, что то, что люди хвалят в тебе, есть то самое, что нужно богу, а это нужно богу так и останется и сопреет.

Так вот это страшно всем нам, старым людям, я думаю, и вам. И потому жутко перед смертью и надо шарить хорошенько по всем углам. А у нас еще много там сидит хорошего.

Пока прощайте. Желаю, чтобы письмо это застало вас в Петербурге и в добром телесном и душевном состоянии.

Лев Толстой.

234. А. Н. Дунаеву
1894 г. Мая 23. Ясная Поляна.

Спасибо за ваше письмо*, особенно за последнюю выписку о казни анархистов*. Как много развелось на свете писак и какой недостаток людей, которые писали бы то, что нужно. Вот именно жатва велика, а делателей мало. Надо бы, чтобы ни одно такое явление, даже как освящение банка митрополитом, не говоря уже о казни, памятках* и других подобных вопиющих противоречиях и жестокостях, не проходили бы без протеста. Надо бы выразить этот протест ясно, как умеешь, и пускать в

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. обращение в заграничную печать, или хоть в рукописи, чтобы они видели, что есть люди, видящие и понимающие значение того, что делается, и чтобы слабые духом укреплялись.

Радуюсь на вашу рабочую жизнь. Не переработайте. Надеюсь, увидимся до Нижнего*.

235. В. В. Стасову
1894 г. Июня 12. Ясная Поляна.

Владимир Васильевич,

Очень рад, что вы цените деятельность Ге и понимаете ее*. По моему мнению, это был не то что выдающийся русский художник, а это один из великих художников, делающих эпоху в искусстве. Разница наших с вами воззрений на него та, что для вас та христианская живопись, которой он посвящал исключительно свою деятельность, представляется одним из многих интересных исторических сюжетов, для меня же, как это было и для него, христианское содержание его картин было изображение тех главных, важнейших моментов, которые переживает человечество, потому что движется вперед человечество только в той мере, в которой оно исполняет ту программу, которая поставлена ему Христом и которая включает в себя всю, какую хотите, интеллектуальную жизнь человечества. Это мое мнение отчасти и отвечает на ваш вопрос, почему я говорю о Христе*. Не говорить о Христе, говоря о жизни, человечестве, и о тех путях, по которым оно должно идти, и о требованиях нравственности для отдельного человека, все равно, что не говорить о Копернике или Ньюtone, говоря о небесной механике. О боге же я говорю, потому что это понятие самое простое, точное и необходимое, без которого говорить о законах нравственности и добра так же невозможно, как говорить о той же небесной механике, не говоря о силе притяжения, которая сама по себе не имеет ясного определения. Так же, как Ньютон, для того чтобы объяснить движение тел, должен был сказать, что есть что-то похожее на притяжение тела – *quasi attrahuntur** так и Христос и всякий мыслящий человек не может не сказать, что есть что-то такое, от чего произошли мы и все, что существует, и как будто по воле которого всё и мы должны жить. Вот это есть бог – понятие очень точное и необходимое. Избегать же этого понятия нет никакой надобности, и такой мистический страх перед этим понятием ведет к очень вредным суевериям.

Ге письма я вам соберу, соберу его письма к дочерям*. Его разговоры – в особенности об искусстве, были драгоценны. Я попрошу дочь записать их и помогу ей в этом*. Особенная черта его была необыкновенно живой, блестящий ум и часто удивительно сильная форма выражения. Все это он швырял в разговорах. Письма же его небрежны и обыкновенны.

Желал бы очень повидаться.

Лев Толстой.

236. П. М. Третьякову
1894 г. Июня 7–14. Ясная Поляна.

14 июня 1894 г.

Павел Михайлович.

Вот 5 дней уже прошло с тех пор, как я узнал о смерти Ге, и не могу опомниться. В этом человеке соединялись для меня два существа, три даже: 1) один из милейших, чистейших и прекраснейших людей, которых я знал, 2) друг, нежно любящий и нежно любимый не только мной, но и всей моей семьей от старых до малых, и 3) один из самых великих художников, не говорю России, но всего мира. Вот об этом-то третьем значении Ге мне и хотелось сообщить вам свои мысли. Пожалуйста, не думайте, чтобы дружба моя ослепляла меня: во-первых, я настолько стар и опытен, чтобы уметь различить чувства от оценки, а во-вторых, мне незачем из дружбы приписывать ему такое большое значение в искусстве; мне было бы достаточно восхвалять его как человека, что я и делаю и что гораздо важнее. Если я ошибаюсь, то ошибаюсь не из дружбы, а оттого, что имею ложное представление об искусстве. По тому же представлению, которое я имею об искусстве, Ге между всеми современными художниками, и русскими и иностранными, которых я знаю, все равно что Монблан перед муравьиными кочками. Боюсь, что это сравнение покажется вам странным и неверным, но если вы станете на мою точку зрения, то согласитесь со

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. мной. В искусстве, кроме искренности, то есть того, чтобы художник не притворялся, что он любит то, чего не любит, и верит в то, во что не верит, как притворяются многие теперь, будто бы религиозные живописцы, кроме этой черты, которая у Ге была в высшей степени, в искусстве есть две стороны: форма – техника и содержание – мысль. Форма – техника выработана в наше время до большого совершенства. И мастеров по технике в последнее время, когда обучение стало более доступно массам, явилось огромное количество, и со временем явится еще больше; но людей, обладающих содержанием, то есть художественною мыслью, то есть новым освещением важных вопросов жизни, таких людей по мере усиления техники, которой удовлетворяются мало развитые любители, становилось все меньше и меньше и в последнее время стало так мало, что все не только наши выставки, но и заграничные салоны наполнены или картинами, бьющими на внешние эффекты, или пейзажи, портреты, бессмысленные жанры и выдуманные исторические или религиозные картины, как Уде, или Бери, или наш Васнецов. Искренним сердцем содержательных картин нет. Ге же главная сила в искренности, значительном и самом ясном, доступном всем содержании. Говорят, что его техника слаба, но это неправда. В содержательной картине всегда техника кажется плохой для тех особенно, которые не понимают содержания. А с Ге это постоянно происходило. Рядовая публика требует Христа-иконы, на которую бы ей молиться, а он дает ей Христа – живого человека, и происходит разочарование и неудовлетворение вроде того, как если бы человек готовился бы выпить вина, а ему влили в рот воды, человек с отвращением выплюнет воду, хотя вода здоровее и лучше вина. Я нынче зимою был три раза в вашей галерее и всякий раз невольно останавливался перед «Что есть истина?»*, совершенно независимо от моей дружбы с Ге и забывая, что это его картина. В эту же зиму у меня были два приезжие умные и образованные крестьяне, так называемые молокане, один из Самары, другой из Тамбова*. Я посоветовал им сходить в вашу галерею. И оба, несмотря на то, что я им ничего не говорил про картину Ге, оба они были в разное время – были более всего поражены картиной Ге «Что есть истина?».

Пишу вам это мое мнение затем, чтобы посоветовать приобрести все, что осталось от Ге, так чтобы ваша, то есть национальная русская галерея, не лишилась произведений самого своего лучшего живописца с тех пор, как существует русская живопись.

Очень жалею, что не видел вас нынче зимою. Желая вам всего хорошего.

Любящий вас

Л. Толстой.

237. П. М. Третьякову
1894 г. Июля 14. Ясная Поляна.

Павел Михайлович,

Мне хотелось ответить на ваше предпоследнее письмо*, но я решил лучше молчать, так как, очевидно, я не могу вам передать ту мою оценку последних произведений Ге, которая будет через 100 лет всеми признанною, но, получив ваше последнее письмо*, не могу удержаться, чтобы не ответить на ваше замечание о том, что так как одни ужасаются на последние картины Ге, а другие на – не умею как назвать – мазню Васнецова, которая висит у вас в галерее, то доказательства в пользу и против того и другого равны. Это совсем не справедливо. Люди ужасаются на произведения Васнецова, потому что они исполнены лжи, и все знают, что ни таких Христов, ни Саваофов, ни богородиц не было, не могло быть и не должно быть; люди же, ужасающиеся на произведения Ге, ужасаются только потому, что не находят в ней той лжи, которую они любят. О значении последних произведений Ге я вам писал когда-то:* в них выражен не Христос как человек, один сам с собою и с богом, как у него же «в Гефсиманском саду» и у Крамского «в пустыне»* (это лучший Христос, которого я знаю), а Христос в известном олицетворяющем всегдашнее и теперешнее положение всех последователей Христа отношении его к окружающему миру. Таков он и в «Что есть истина?», и в «Повинен смерти», и в «Распятии». И тут мотив другой, и отношение зрителя должно быть другое. Если же зритель уперся и хочет видеть в произведении искусства то, что ему хочется видеть, а не то, что ему хочет показать художник, то, очевидно, он будет не удовлетворен до тех пор, пока не поднимется до высоты понимания художника.

Читали ли вы письмо Антокольского о французской живописи*. Оно перепечатано в

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. «Северном вестнике». Он пишет там об акварелях Тиссо из жизни Христа и совершенно верно замечает, что то, что сделал Тиссо, сделано Ивановым 40 лет тому назад. То же будет и с картинами Ге. Лет через 100 иностранцы попадут, наконец, на ту простую, ясную и гениальную точку зрения, на которой стоял Ге, и тоже задним числом какой-нибудь русский критик догадается, что то, что кажется таким новым и гениальным, уже 100 лет было показано людям нашим художником Ге, которого мы не поняли. Очень жалею о полном нашем разногласии.

С совершенным уважением ваш

Лев Толстой.

238. В. Е. Генкелю
1894 г. Августа 11. Ясная Поляна. 23 августа 1894 г.

Милостивый государь Василий Егорович,

Я получил ваше письмо* и вырезку из журнала – «Zukunft»*. Сведения, которые вы сообщаете мне об отношении редактора к вашему переводу, так же как и бывшие пререкания между Берлинским бюро и вашим издателем, и еще множество подобных же поступков со стороны различных издателей и переводчиков побудили меня к написанию прилагаемого письма, которое вы бы меня очень обязали, переведя и поместив в одну или несколько немецких газет. Очень желал бы, чтобы ваш перевод был принят журналом*. Перевод этой статьи давно был сделан г-жой Бер, но издатель отказался печатать ее, так как она вышла по-французски. С совершенным уважением, готовый к услугам

Лев Толстой.

239. Редактору иностранной газеты
1894 г. Августа 11? Ясная Поляна.

Милостивый государь.

Покорно прошу вас дать место в вашей газете следующему моему объявлению:*

В последнее время большинство сочинений моих печатается не в России, а в иностранных переводах. Право перевода я предоставляю без всякого ограничения всякому, кто пожелает взять на себя труд перевода. Но, желая распространения между людьми своих мыслей, я желаю вместе с тем и правильного воспроизведения их. А между тем весьма часто случается, во-первых, то, что переводчики переводят или с неверной рукописи, или с перевода же на другом языке, часто очень неверного, а во-вторых, то, что сами переводчики иногда так плохо знают русский язык, а иные и тот, на который переводят, что совершенно извращают подлинник, и, в-третьих, то, что господа издатели, иногда произвольно соединяя несколько статей под одним заглавием, часто заменяют данные мною заглавия своими и часто исключают то, что им не нравится или почему-нибудь неудобно для печатания, объявляя иногда при этом, что это их издание есть единственное разрешенное автором. Ввиду всего этого считаю нужным объявить, что, предоставляя по-прежнему всем и каждому право переводить и пользоваться моими сочинениями, как кому угодно, я для тех, которые желали бы читать мои сочинения в их настоящем виде, впредь буду выделять от других ошибочных и неточных переводов те, которые я признаю правильными – указанием на то, что эти переводы сделаны с одобренных мною текстов и с моего согласия. Примите, милостивый государь и т. д.

Л. Толстой.

Август 1894.

240. Н. С. Лескову
1894 г. Августа 14? Ясная Поляна.

Дорогой Николай Семенович, боюсь, что работа, за которую я взялся и о которой вы пишете, мне не по силам*. До сих пор, несмотря на упорное занятие, я очень мало продвинулся. Я думаю, что я захотел слишком многого: изложить в краткой, ясной, неоспоримой и неспорной и доступной самому неученому человеку форме – истину христианского мировоззрения – замысел слишком гордый, безумный. И оттого до сих пор ничего нет такого, что бы не стыдно было показать людям. Впрочем, в таком

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. деле должно быть все или ничего. И до сих пор, да, вероятно, и навсегда, останется ничего. Хотя для меня лично работа эта очень полезна, она и поучает и смиряет, и я не бросаю ее. О Ге я не перестаю думать и не перестаю чувствовать его, чему содействует то, что его две картины: «Суд» и «Распятие» стоят у нас, и я часто смотрю на них, и что больше смотрю, то больше понимаю и люблю*. Хорошо бы было, если бы вы написали о нем! Должно быть, и я напишу*. Это был такой большой человек, что мы все, если будем писать о нем, с разных сторон, мы едва ли сойдемся, т. е. будем повторять друг друга. Рад знать, что здоровье ваше относительно лучше. Если не увидимся здесь – чего бы очень желал – то увидимся – не увидимся, а сообщимся там, т. е. не там, а вне земной жизни. Я верю в это общение, и тем больше, чем больше тот человек, об общении с которым думаю, вступает здесь уже в область духовной жизни. Сам в одну дверь уже вступаешь, или заглядываешь в эту область вне временного, вне пространственного бытия и видишь или чувствуешь, что и другой вступает или заглядывает в нее как же не верить, что соединишься с ним?

Прощайте пока, дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

241. Н. Н. Страхову
1894 г. Августа 23. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич, мне очень больно, что вы усмотрели во мне признаки моей недоброй души и не отнесли этого, как следовало, ко мне, а к себе. Можно упрекать себя в говорливости, а уж никак не в молчаливости – золотых словах*. Из того, что вы пишете, мне очень хочется ответить на то, что вы пишете – о трудности примирения стремления к вечному с временным или даже о невозможности такого примирения, как мне кажется, что вам кажется. Что же нам делать, коли это так.

Ведь истину или, скорее, сознание ее нельзя урезать по действительности. Уж пускай действительность устраивается, как она знает и умеет по истине. Ведь пугаться тем, что действительность не сходится с истиной, это все равно, что в математике испугаться иррациональной величины.

Вы говорите, что вас приводит в недоумение отрицание государства, науки, музыки, философии, патриотизма, поэзии. Но что же мне делать, и вам тоже, если мы, как люди, видим, что от патриотизма, государства, или философии Гегеля, или поэзии Фета происходит много зла (от первых двух) и много недостойного человека – от последних двух, то неужели мне надо перестать видеть это и свое божественное начало жизни спрятать или скривить для того, чтобы не отстать от того, чем живут люди и, по вашему убеждению, не перестанут жить. То, что люди не перестанут жить вредными глупостями и никогда не начнут жить благодетельным разумом – этого пророчества я не признаю. Если же под государством, патриотизмом, наукой, философией, поэзией вы понимаете отношение людей между собой, их умственные занятия, то я согласен, что без этого люди никогда не жили и не будут жить. Но не согласен, что те формы, в которые отлились эти отношения, как патриотизм и государство, и умственные занятия и духовные радости, как теперешняя наука, философия и поэзия, не согласен, что эти безобразные, прямо противоположные всем разумным и нравственным требованиям человека – формы должны оставаться вечно.

Если бы я убедился, что это так, то я сейчас бы повесился и не стал бы доживать того короткого срока, который мне остался, не стал бы доживать потому, что весь и единственный смысл моей жизни состоит в преобразовании этих форм соответственно требованиям моего любовного разума или разумной любви; преобразовании, которого я достигаю внутренним совершенствованием, то есть наибольшим согласованием своей жизни с требованиями этой разумной любви и веры в ее всемогущество. Простите, что так расфилософствовался. Я все об этом думаю, и потому во мне эти мысли в самом впереди.

Любящий вас

Лев Толстой.

242. Л. Л. и М. Л. Толстым
1894 г. Августа 27. Ясная Поляна.

Хочется высказаться, или чтоб другой тебе высказался, хочется что-нибудь доброе сделать кому-нибудь, или чтобы тебе что-нибудь сделал, хочется деятельной разумной любви, и как будто нет ее в людях, меня окружающих, или нет во мне, или что-либо мешает, и не умею вызвать и разрушить то, что мешает. И вот как сантиментальная барышня пишу вам, хотя здесь наверху сидят: мамá, Илюша, тетя Таня, Миша и, главное, Таня. Знаете ли вы, верно знаете, это чувство умиленно-грустное, как будто должно быть, как будто готовности на все хорошее, на любовь, на жертву* и сознание своей никому ненужности, неуместности, стен какой-то духовной тюрьмы, которые тебя отделяют от людей, от любовного общения с ними, от жизни. Ужасно думать, если и другие испытывают то же. Из всех тех, которые наверху, наверное, Таня временами испытывает это и ищет того же. Вы тоже, я думаю. Вот я пишу вам. Ты, Маша, и пишешь про это. Миша, я думаю, тоже, хотя не активно, но пассивно. Но другие, я думаю, нет. Между ими и мной стена непроницаемая.

Вчера Таня ездила в Овсянниково с мужиками писать условие*. Мне было грустно за нее, но я старательно молчал. Она, приехавши, была очень грустна. Нынче утром, проходя через ее комнату, я спросил ее: отчего она грустна? Она сказала: «Ото всего, но нет, есть одно». «Что?» – «Овсянниково. Зачем делать гадости, когда они никому не нужны». И губы вспухли, и она заревела. Оправившись, она сказала, что поговорит со мной об этом. Я придумал ей, как сделать. И сердце радовалось во мне, но вот прошел день, и она не говорила со мной. Может, она думает, что я забыл (когда я этим только живу), может быть, стыдится. Но это с ней все будет хорошо, потому что она не старается не видеть, чего не хочет.

Мамá с Ильей целый день все толковали со сходкой и с мужиками о том, сколько с них брать работ за ограбленную землю. Прежде меня это лично мучило, стыдило, теперь мне только жалко – не прибавляю жалко, как жалко человека с неприятной вонючей раной, и жалко и гадко, но, главное, жалко. Потому что я знаю, что мамá не может поступать иначе, теперь уже не может понять то, что можно еще было несколько лет тому назад. Жалко и еще грустно за то, что я не могу и не умею сказать того, что так ясно и так нужно им. Вроде чувства немого, который не может передать то, что знает, и то, что нужно и спасительно знать тем, кому он хотел бы сказать. Все это испытываемое мною чувство умиленного над собою уныния скорее нехорошо, но мне все-таки хочется высказать вам его, чтобы вы знали меня, какой я есть (верно, вы точно такие же), и помогли бы мне иногда выходить из него, и я буду помогать вам. Главное, в этом чувстве обманчивое то, что себя хвалишь за то, что для тебя ничего не нужно, готов служить всем и все делать, но просишь от людей только немножко любви. Вроде фета: дайте мне все, что нужно для жизни, и тогда мне ничего не нужно. Дайте мне любви, то есть высшего блага, и тогда мне ничего не нужно. Нет, ты сам давай ее, коли ты знаешь, как она нужна сердцу человеческому.

Вот подумал от всей души перед вами. Прощайте пока. Целую вас.

Л. Т.

243. М. Л. Толстой
1894 г. Августа 30. Ясная Поляна.

Вот, Маша милая, письмо от Леониды Фоминичны*, которое привез Великанов, как всегда умное, хорошее. Ответь ей. Переслала ли тебе Таня письмо твоего Зиновьева? Рад был читать твое письмо. Молитвенное состояние большое счастье.

Нынче после холодной ночи – заволоченное легкими тучками небо, тихо, тепло, но чувствуется свежесть ночи, трава ярко-зеленая и лист. В лесу тишина, только ястреба визжат. На полях пусто. Осими высыпали на чистых от травы пашнях частой зеленой щеткой, где с краской, где

<2> совсем зеленой. Паутины начинаются. Под ногами лист, грибы, и тишина такая, что всякий звук пугает. Ходил я за рыжиками, ничего не нашел, но все время радовался. И то наплывут мысли ясные, связанные, добрые (одно время весь – теперешняя работа – катехизис показался)*, то нет никаких, а только радостная благодарность.

С Таней говорили об Овсянникове, и мне очень хочется устроить там так за нее,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. чтобы деньги за землю шли на общественное дело à la Henry George*. Мы со всеми дружны, об вас думаем. Целую вас обоих Андрюша, кажется, ослабел. Миша как будто очнулся.

244. В. В. Стасову
1894 г. Сентября 4. Ясная Поляна.

Получил вчера ваше письмо, Владимир Васильевич, и спешу успокоить вас, что дочери не требуют тотчас писем, а только желают, чтобы вы возвратили их тотчас же по миновании надобности*.

Вы так неумеренно хвалите меня за «Тулон»*, что я мог бы возгордиться, если бы я не получал постоянно ругательных за него и за «Царство божие» статей и писем. Вчера вместе с вашим письмом пришла целая французская книга «L'anarchie passive, par Marie de Manasseine»*. Вероятно, она либералка с оттенком революционерства. И меня всегда радует вид горящих шапок как на консерваторах православных, так и на вольнодумных либералах.

О картинах Ге и всем том, что он оставил у меня, такая мысль: устроить музей Ге, в котором собрать все его картины, преимущественно запрещенные, рисунки, картоны, этюды и все, что он делал, и хранить это и показывать. Я надеюсь найти такого богатого человека, который возьмет на себя расходы такого дела. Что вы об этом думаете?*

Мне, признаюсь, досадно думать то, что мы по глупости, дикости, закоснению, суеверности не пойдем и отвернемся от oeuvre Ге, который, по моему мнению, упредил отношение к христианству на много десятков лет, а какой-нибудь француз или немец через 50 лет или раньше, пользуясь Ге, установит такое отношение к христианству и напишет картины, и мы все будем восхищаться, как восхищаются теперь Тиссо, который повторяет только Иванова. По-моему, ведь главное – всем понятное и независимое от мирозерцания ценителей – значение Ге, кроме его удивительной реальности, то есть правдивости, в том, что он нашел то новое отношение к христианству в живописи, вокруг которого ходят и которое ищут все живописцы в Европе, и Боро, и Уде, и другие. Новое отношение Ге к христианским сюжетам то, что он не старается сделать то, что тщетно старались прежде – в лице Христа выразить его значение, а берет из жизни Христа те эпизоды, которые олицетворяют отношение людей к тем вечным истинам, которые с того времени еще осуществляются в мире, и те практические положения, в которые становятся люди, осуществляющие их и борющиеся с ними. Когда-нибудь напишу про это как-нибудь пояснее и потолковее, а теперь устал, написал 12 писем, ваше последнее. Дружески жму вам руку.

Л. Толстой.

4 сентября 1894.

245. Ф. Ф. Тищенко
1894. Сентября 4. Ясная Поляна.

Получил вчера вашу рукопись и письмо, Федор – забыл по отчеству – и тотчас же прочел рукопись*. Описание общее колонтаевцев слишком обыкновенно и неинтересно и ненужно; то же можно сказать и о докторе и его посещениях. Начинается интерес только там, где рассказывается про жену лавочника, ее отношения к судье и эпизод мазания ворот и суда. Все это живо. Характерно и хорошо – комично, то есть выставлено комично то, что дурно; чтобы сделать всю эту вещь удобочитаемой, надо ее всю переделать. Доктора совсем исключить, так же как его визиты, а как-нибудь прямо начать с действия. Видно, что было начато с другим планом, который не был исполнен. Да если бы и был исполнен, то все-таки описания эти без действия и внутреннего содержания слишком вялы и неинтересны. Гуревич я видел и советовал ей оставить конец излечения в больнице, но откинуть похождения дальнейшей акушерки, с чем и вы согласны. Не огорчайтесь тем, что эта вещь ваша не может быть – как я думаю – напечатана в том виде, в котором она теперь*. Вы молоды, и у вас еще много впереди, и есть и способность и энергия. Только спокойнее, покорнее несите те условия жизни, в которых вас ставит судьба, и условия эти изменятся. Я же с своей стороны всегда готов, чем могу, помогать вам, потому что вы мне и так по вашим писаниям были симпатичны, а теперь, после знакомства с вами, я еще более полюбил вас.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. Статью вашу я отсылаю к Черткову. Пускай он выскажет тоже свое мнение.

Л. Т.

4 сент. 94.

246. В. Г. Черткову
1894 г. Октября 19. Ясная Поляна.

Дорогой друг Владимир Григорьевич, сейчас попал мне в руки у Маши в комнате мой дневник 1884 года (она собирается завтра отсылать вам ящик с бумагами и для чего-то брала их)*. И чтение это возбудило во мне очень тяжелое чувство – стыда, раскаяния и страха за то горе, которое может произвести чтение этих дневников тем людям, о которых во многих местах так дурно, жестоко говорится*. Неприятно уж – больше, чем неприятно, больно то, что дневники эти читали, кроме вас, люди – хоть тот, кто переписывал, – больно потому, что все, что там писалось, писано под впечатлением минуты и часто ужасно жестоко и несправедливо, и, кроме того, говорится о таких интимных отношениях, о которых гадко и скверно было с моей стороны записывать и еще гаже – допустить, чтобы кто-нибудь, кроме меня, читал их. Вы, верно, поймете меня и согласитесь со мной и поможете мне уничтожить все то, что есть переписанного, и оставить только у меня подлинник, который, если я не уничтожу, то, по крайней мере, он будет вместе с другими последними всеми моими дневниками, из которых будет видно, как я писал их и как я изменял свои взгляды на тех людей, о которых писал. А то меня ужас берет при мысли о том употреблении, которое могут сделать враги их из слов и выражений этого дневника против людей, про которых там упоминается. Не знаю, пошлет ли завтра Маша вам ящик; я бы советовал не посылать, по крайней мере, не посылать дневник. Я вижу, что из него уже все выписано, и потому он вам более не нужен. Если же она пошлет, то истребите его, пожалуйста. Простите, если вам неприятно мое письмо*. Но войдите в меня, с любовью перенеситесь в меня, и вы увидите, что так надо сделать.

Мы живем теперь втроем с двумя дочерьми. Я занят все тем же. На днях напишу вам то, что я пережил с этим писаньем*. Нынче ничего не успею, кроме того, что получил ваше последнее письмо и что беспрестанно думаю о вас и люблю. Хорошо, что работа ваша подвигается, может быть, уже кончена.

Болезнь государя очень трогает меня. Очень жаль мне его. Боюсь, что тяжело ему умирать, и надеюсь, что бог найдет его, а он найдет путь к богу, несмотря на все те преграды, которые условия его жизни поставили между им и богом.

Толстой.

Я вырвал дневник и оставил его у себя. Когда вы пришлете оригинал, который, верно, у вас, уничтожу этот список. Те дневники, которые у вас, пожалуйста, не давайте переписывать, а, выписав мысли общего содержания, пришлите их мне. Сколько у вас тетрадей? – Опять передумал; посылаю вам дневник, но прошу истребить его.

247. Ф. Ф. Тищенко
1894 г. Октября 28–31. Ясная Поляна.

Сейчас вновь перечел ваш рассказ*, и очень внимательно. Вся его первая часть совершенно невозможна. Все это так неестественно, преувеличено и выдуманно, что ни одна редакция, по моему мнению, не решится его напечатать. Судья, берущий взятки чаем и виноградом, который он с жадностью поедает с своей женой, становой с тесаком на боку, признания станового и судьи друг другу во взятках, давание купцами 10 тысяч судье для того, чтобы не платить по векселям, и т. п. неверные и очевидно в одном умышленно мрачном свете выставляемые и выдуманные события и подробности делают всю эту часть невозможной. Такая же выдуманность и преувеличенность, подрывающие доверие читателя, есть и в допросе станового. Хороши только описания заседания у судьи и, в особенности, мирового съезда. Эта картина очень хороша, но пока до нее дойдет читатель, он потеряет уже все доверие к описываемому. В таком виде посылать рассказ ни в «Вестник Европы», ни в какую другую редакцию невозможно, и потому возвращаю вам его.

Знаю, что это письмо мое будет вам очень не только неприятно, но и тяжело, но что же мне было делать? Лучше сказать правду. У вас есть способность писать, но

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
нет строго критического отношения к себе и потому терпения перерабатывать. Пожалуйста же, не сердитесь на меня и верьте искреннему расположению к вам и желанию вам истинного блага. Как и во всех делах, «тише едешь, дальше будешь». Гораздо выгоднее, даже в материальном отношении, – если вы уже непременно хотите зарабатывать хлеб этой опасной для души литературной работой, – подвергнуть свою работу самой строгой своей критике, не скупая этим, переделать ее 10, 20, 30 раз, откинуть все лишнее, очистить до конца, и тогда только отдать ее в печать. Тогда устанавливается репутация и можно добывать и этим опасным путем средства к жизни, и гораздо легче, чем писать кое-как и много. Придумать, как исправить этот рассказ, вы должны сами, но мне казалось бы, что надо вот как сделать: начать прямо с вымазанных ворот и вкратце рассказать, кто и зачем их вымазал, и потом допрос, суд у судьи и в съезде. Центр тяжести и смысл рассказа в самоуверенном, жестоком пренебрежении развратных и праздных господ к трудящемуся и смиренному народу и фарисейство мнимой справедливости на суде. И это хорошо выставляется в последних главах. Их надо еще подчистить, усилить, а остальное рассказать только настолько, насколько нужно для понимания суда. Так бы я сделал. Ну прощайте, так не сердитесь. Желаю вам не литературного успеха, а того состояния, при котором можно быть равнодушным к нему.

Любящий вас

Л. Толстой.

248. Эрнесту Кросби
<перевод с английского>
1894 г. ноября 24. Москва.

Дорогой г. Кросби,

Пишу вам это письмо только для того, чтобы сказать вам, что г-н Владимир Чертков, о котором вы, я уверен, уже слышали от меня и который обратится к вам по поводу некоторых литературных дел, то есть издания кое-каких переводов моих сочинений, мой большой друг, и вы очень обяжете меня, если поможете ему в его работе.

Из письма, полученного мною от сотрудника журнала «Пророк труда»*, я догадываюсь, что вы сообщили издателю мое мнение о его газете. Благодарю вас за это, так как я очень ценю его деятельность и хочу, чтобы он знал об этом.

Генри Джордж прислал мне все свои книги. Некоторые из них мне знакомы, но другие, как «Запутавшийся философ»* и пр., оказались для меня новыми. Чем больше я узнаю его, тем больше я его уважаю и удивляюсь равнодушию цивилизованного мира к его деятельности.

Если бы новый царь* спросил у меня, что бы я ему посоветовал делать, я бы сказал ему: употребите свою неограниченную власть на уничтожение земельной собственности в России и введите систему единого налога, а затем откажитесь от власти и дайте народу свободу управления.

Пишу вам это, потому что знаю, что вы один из сотрудников Г. Джорджа и разделяете его идеи.

Желаю вам успеха в вашей работе.

Преданный вам

Лев Толстой.

249. А. Ф. Кони
1894 г. декабря 11. Москва.

Уважаемый Анатолий Федорович.

Письмо это вам передаст студент Н. О. Глинка, который едет в Петербург по делу гонения на московских студентов*. Если вы не знаете всего этого дела, то он передаст вам его. Сущность дела в том, что администрация без суда и независимо от университетского начальства хватает и высылает из Москвы, без права въезда в продолжение 3-х лет не только в столицы и университетские города, но и в лучшие

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. губернские города, студентов, часто ни в чем не повинных, и все это делается тотчас же вслед за вторжением жандармов и полиции в университет для того, чтобы разогнать (мнимую) сходку, которой не было, а были только несколько десятков студентов, дожидавшихся ответа ректора на их просьбу о пересмотре дела об исключении 3-х их товарищей. Студенты спокойно расходились, когда влетели жандармы и полиция, и студентов не выпускали, а переписывали. Все это нарочно (может

быть, и действительно нарочно) делается для того, чтобы раздражить студентов (последнее время, вследствие своей организации землячеств, старающихся не нарушать спокойствия и легальности) и вызвать в них и в лицах, связанных с ними, нехорошие чувства к молодому царствованию, на которое, особенно молодежь, студенты возлагают самые радужные ожидания. И это ужасно жалко.

Если вы разделяете мой взгляд, то не можете ли вы помочь советом или делом молодому человеку*. Его смелая мысль состоит в том, чтобы просить аудиенции у государя и рассказать все дело или, если не удастся, написать прошение и подать где-нибудь на улице. Мое мнение, которое я высказал студентам, бывшим у меня, то, что лучше всего написать письмо или письма от родных лиц студентам государю, так как лично говорить с ним едва ли удастся. Прощение могут не принять, как незаконное по своей коллективности. Вы лучше меня знаете, что можно и что больше обещает успех, и так, верно, скажете и сделаете. Если же все это невозможно и вам неприятно мое обращение к вам, то, пожалуйста, простите меня и верьте искреннему уважению любящего вас

Л. Толстого.

11 декабря 1894.

1895

250. Н. Н. Страхову

1895 г. января 14. Никольское-Горюшки.

Вот, дорогой Николай Николаевич, к вам опять просьба, боюсь, что самая неприятная.

Письмо это вам перешлет или передаст очень милая девушка, баронесса Майндорф, с которой я провел несколько

<2> дней у Олсуфьевых*, у которых я жил и живу еще теперь. Я ей передал рукопись рассказа для «Северного вестника»*. Редакторы так жадны, что я не хочу давать им прямо в руки. А то они напечатают, не прислав мне корректур и без необходимых поправок. Поэтому я позволил себе послать этот рассказ вам и через вас. Во-1-х, вы просмотрите его и скажите, можно ли его печатать. Не стыдно ли? Я так давно не писал ничего художественного, что, право, не знаю, что вышло. Писал я с большим удовольствием, но что вышло, не знаю. Если вы скажете, что нехорошо*, я нисколько не обижусь. Вот это-то и может быть вам неприятно. Если же вы найдете годным рассказ, то уж, пожалуйста, вы подпишите корректуру к печати. Благодарствуйте за ваши добрые письма*.

Любящий вас

Л. Толстой.

14 января.

Таня говорит, что из письма моего не видно, что я прошу прислать мне корректуры. Я очень прошу, непременно прошу прислать мне в Москву.

* 251. А. М. Олсуфьевой

1895 г. января 23. Москва.

Радуюсь случаю, дорогая Анна Михайловна, напомнить вам о себе и поблагодарить вас и Адама Васильевича и Лизавету Адамовну за ваше сердечное и ласковое гостеприимство. Мне, так же как и прежние мои посещения у вас, было так хорошо у вас, что остается особенно приятным воспоминанием это время*. По случаю «бессмысленных мечтаний» всеми силами стараюсь негодование заменить состраданием, но до сих пор безуспешно*. У нас дома все хорошо, кроме болезни

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Ванечки и отражения ее

<2> на жену. Передайте, пожалуйста, мой привет А. Ф. Мейендорф, Надежде Михайловне, Петру Васильевичу и Руфу Александровичу и Дебаш супругам. Радуюсь мысли увидеть вас в Москве скоро.

Л. Толстой.

252. Н. Н. Страхову
1895 г. Января 27–28. Москва.

Дорогой Николай Николаевич.

Очень благодарю за присылку книги*. Непременно прочту то, на что вы указываете, и, вероятно, перечту и все. Посылаю корректуры очень измаранные. Пожалуйста, не дайте напечатать в безобразном виде*. Надо мне после вас пересмотреть еще раз. Я и пишу Гуревич*, чтобы мне прислали еще. Если вы будете добры просмотреть еще разик и поправить, что там неладно, то я очень буду благодарен. Мне не нравится этот рассказ. И в вашем отзыве я слышу неодобрение. Пожалуйста, напишите порезче все, что вы скажете об этом рассказе, говоря не со мною. Мне интересно знать: ослабела ли моя способность или нет. И если да, то это меня так же мало огорчит и удивит, как и то, что я не могу бегать так же, как 40 лет тому назад*.

Ну, пока прощайте. Целую вас.

Л. Толстой.

Письмо это вам передаст мой хороший знакомый Зиновьев, брат губернатора*.

253. Н. Н. Страхову
1895 г. Февраля 14. Москва.

14 ф. 1895

Дорогой Николай Николаевич!

Очень, очень вам благодарен за труд ваш чтения двукратного корректур и больше не смею утруждать вас*. Нынче я послал корректуры, исправленные, прямо в редакцию. Вашу книгу получил и очень благодарю, не из одной учтивости. Предисловие я прочел* – буду хранить вашу книгу не потому, что долг платежом красен, а потому, что приятно сказать то хорошее, что думал о вашем писанье; прочел и статью о Клод Бернаре*, пробежал о Феербахе* и начал обстоятельно сначала и прочел до половины о Гегеле*. Читаю не по дружбе к вам, а потому что все мне чрезвычайно интересно, и как начну, то тянет продолжать. В предисловии мне очень понравилось определение материализма и эмпиризма – ново и вместе с тем просто и ясно. Тоже понравилось начало о Гегеле, не знаю, что будет дальше. О Клоде Бернаре я знал более или менее главную мысль, но то, что вы говорите на странице 143, показалось мне не совсем ясно.

Вообще же мне кажется, что эта книга одна из лучших и интереснейших ваших книг. До свидания, дружески обнимаю вас.

Любящий вас Л. Т.

То, что пишу на этом листе, оторвите и сожгите. А именно, вот что: рассказ мой наделал мне много горя. Софье Андреевне было очень неприятно, что я отдал даром в «Северный вестник», и к этому присоединился почти безумный припадок (не имеющий никакого подобия основания) ревности к Гуревич. [...] и мы все пережили ужасные дни. Она была близка к самоубийству, и только теперь 2-й день она опять овладела собой и опомнилась*. Вследствие этого она напечатала объявление, что рассказ выйдет в ее издании*, и вследствие этого писала вам, спрашивая о размере гонорара за лист. Она хотела потребовать с Гуревич гонорар и отдать его в литературный фонд*.

Пишу вам, как старому другу, чтобы объяснить свое положение и с просьбой замолвить где-нибудь словечко объяснения тому, что рассказ печатается одновременно в ее издании и «Посреднике». Я считаю, что это справедливо и таким образом уничтожает исключительность бесплатного пользования рассказом «Северным

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. вестником». Если будете писать мне об этом, то пишите так, чтобы не видно было, что я писал вам об этом.

254. Н. Н. Страхову
1895 г. Марта 8. Москва.

Благодарю вас за себя и за бедную жену, дорогой Николай Николаевич. Ей особенно дорого сочувствие тех друзей, которые, как вы, не только любите нас, но и любили Ванечку*. Для меня эта смерть была таким же, еще более значительным событием, чем смерть моего брата*.

Такие смерти (такие, в смысле особенно большой любви к умершему и особенной чистоты и высоты духовной умершего) точно раскрывают тайну жизни, так что это

<2> откровение возмещает с излишком за потерю. Таково было мое чувство.

Софья Андреевна поразила меня. Под влиянием этой скорби в ней обнаружилось удивительное по красоте ядро души ее. Теперь понемногу это начинает застилаться. И я не знаю, радуюсь ли я тому, что она понемногу успокаивается, или жалею, что теряется тот удивительный любовный подъем духа. Хотя и года все больше и больше сближают нас, смерть эта еще более сблизила нас с нею и со всею семьею.

Я очень устал и потому нынче больше не пишу. Дружески обнимаю вас.

Любящий вас Л. Толстой.

8 марта 1895.

255. М. Л. Толстой
1895 г. Марта 18. Москва.

Милая Маша,

Вчера дядя Сережа говорил: как вам не совестно так мучить Машу. Только что она стала оправляться, а ее опять послали*. А я, слушая это, радовался, радовался и на то, как про то же, но с обратной стороны, говорил Чертков. Немножко тебя соблазняют рукава и все, что связано с ними, но меня всегда очень радует то, что в этих рукавах живут руки, всегда готовые служить людям – всем людям – то есть богу. Не отучай от этого эти руки и то сердце, которое посылает их. Только в этом жизнь и радость и всех тех, кто окружает тебя, и твоя. Главное, то, что истинное дело, истинная жизнь так не блестящи, не громки, не торжественны, а соблазны все – как тот полк гусар, который сейчас прошел с музыкой мимо окон, – блестящи, громки, притягательны; но не надо попадаться на это – по крайней мере, в своем сознании. На то соблазны и окружены блеском, что они пусты, а то бы никто и не взглянул на них. И на то и лишена истинная жизнь блеска, что она и без него – радостна и содержательна, или, скорее, содержательна и потому тихо притягательна.

У меня все голова болит и тяжела. Но хорошо. Мама пережила, кажется, период острой боли* и вступает в ту новую жизнь, которая открылась ей и которая есть ступень кверху, к свету. И я вижу это и радуюсь на это. И хотя как будто перед людьми совестно, радуюсь и благодарю бога – не страстно, восторженно, а тихо, но искренно, за эту смерть – в смысле плотском*, – но оживление, воскресение в смысле духовном, – и мам, и мое. Нынче утром она плакала тихо, и мы хорошо поговорили с ней. Надеюсь, что ты не перемучишь себя, а главное, что этого не нужно будет. Впрочем, бог знает, что лучше. Будем только мы больше, лучше, шире и, главное, забывая себя и помня только бога, любить друг друга. Прощай, голубушка, целую тебя, Соню, Илью, Анночку. Теперь утро. Я ничего не писал, все думал и пасьянсы делал. А послезавтра едем с мамой к Леве*.

Л. Т.

256. Джону Кенворти
1895 г. Марта 27. Москва.

Дорогой друг,

Получил ваше письмо и книгу и брошюру*. Книга превосходно переведена и издана. Я

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. перечел ее. В ней много недостатков, которых я не сделал бы, если бы писал ее теперь, но исправлять ее уже не могу. Главный недостаток в ней – излишние филологические тонкости, которые никого не убеждают: что такое-то слово именно так, а не иначе, надо понимать, – а напротив, дают возможность, опровергая частности, подрывать доверие ко всему. А между тем истинность общего смысла так несомненна, что тот, кто не будет развлекаться подробностями, неизбежно согласится с ним.

Брошюра ваша превосходна, особенно конец. Давно пора сказать народу то условие, при котором он достигает блага. Глядя на страдания народа, всегда страшно предъявлять к нему еще тяжелые требования. А это необходимо, и вы сделали это прекрасно.

Теперь скажу вам о том проекте, который в последнее время занимает меня. В последнее время я с нескольких сторон получил предложение денег, с просьбой употребить их на полезное для людей дело. Вместе с тем у меня все больше и больше накапливается материала: статей, книг, брошюр: русских, немецких, английских (удивительна в этом отношении безжизненность французов) одного и того же направления и духа, указывающих на невозможность продолжения существующего порядка вещей и на необходимость изменения его, и изменения не старыми, оказавшимися недействительными средствами: насильственным низвержением существующего порядка или попытками постепенного изменения его посредством участия в существующем правительстве, а религиозным усилием отдельных личностей, как это отлично выражено в вашем письме. Я говорю не свою программу, а только выражаю один несомненный признак, общий всем тем статьям и книгам, которые я получаю. То и другое обстоятельство: предложение денег и накопление книг и статей одного и того же характера, и часто очень сильных по мысли и по выражению, побуждает меня вернуться к давно уже занимавшей меня мысли основать в Европе, в свободном государстве, в Швейцарии, например, международный не журнал, а издание под одним и тем же заглавием, в одной и той же форме, книг и брошюр на четырех языках: французском, английском, немецком и русском, в котором бы печатались самым дешевым образом все сочинения, 1-ое, уясняющие истинный смысл человеческой жизни, 2-ое, указывающие несогласие нашей жизни с этим смыслом, и 3-ье, средства согласования того и другого. Общее заглавие всему ряду изданий можно бы дать «Возрождение», или что-нибудь подобное. Если можете мне прислать еще несколько ваших как первых, так и последних брошюр, пришлите мне*

Л. Толстой.

257. А. А. Толстой
1895 г. Марта 31. Москва.

Соня третьего дня начала писать это письмо* – не кончила и вчера заболела инфлуэнцией и нынче все еще нездорова и попросила меня дописать. А я очень рад этому, милый, дорогой старый друг. Телесная болезнь Сони, кажется, не опасна и не тяжела; но душевная боль ее очень тяжела, хотя, мне думается, не только не опасна, но благотворна и радостна, как роды, как рождение к духовной жизни. Горе ее огромно. Она от всего, что было для нее тяжелого, неразъясненного, смутно тревожащего ее в жизни, спасалась в этой любви, любви страстной и взаимной к действительно особенно духовно, любовно одаренному мальчику. (Он был один из тех детей, которых бог посылает преждевременно в мир, еще не готовый для них, один из передовых, как ласточки, прилетающие слишком рано и замерзающие.) И вдруг он взят был у нее, и в жизни мирской, несмотря на ее материнство, у нее как будто ничего не осталось. И она невольно приведена к необходимости подняться в другой, духовный мир, в котором она не жила до сих пор. И удивительно, как ее материнство сохранило ее чистой и способной к восприятию духовных истин. Она поражает меня своей духовной чистотой – смирением особенно. Она еще ищет, но так искренно, всем сердцем, что я уверен, что найдет. Хорошо в ней то, что она покорна воле бога и только просит его научить ее, как ей жить без существа, в которое вложена была вся сила любви. И до сих пор еще не знает как. Мне потеря эта больна, но я далеко не чувствую ее так, как Соня, во-1-х, потому что у меня была и есть другая жизнь, духовная, во-2-х, потому что я из-за ее горя не вижу своего лишения и потому что вижу, что что-то великое совершается в ее душе, и жаль мне ее, и волнует меня ее состояние. Вообще могу сказать, что мне хорошо.

Последние эти дни Соня говела с детьми и Сашей, которая умиленно серьезно молится, говеет и читает Евангелие. Она бедная, очень больно была поражена этой смертью. Но думаю – хорошо. Нынче она причащалась, а Соня не могла, потому что

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. заболела. Вчера она исповедовалась у очень умного священника Валентина (друг, наставник Машеньки, сестры), который сказал хорошо Соне, что матери, теряющие детей, всегда в первое время обращаются к богу, но потом опять возвращаются к мирским

<2> заботам и опять удаляются от бога, и предостерегал ее от этого*. И, кажется, с ней не случится этого.

Как я рад, что здоровье ваше поправилось или поправляется. Может быть, еще приведет бог увидаться. Очень желаю этого.

Сколько раз прежде я себя спрашивал, как спрашивают многие: для чего дети умирают? И никогда не находил ответа. В последнее же время, вовсе не думая о детях, а о своей и вообще человеческой жизни, я пришел к убеждению, что единственная задача жизни всякого человека – в том только, чтобы увеличить в себе любовь и, увеличивая в себе любовь, заражать этим других, увеличивая в них любовь. И когда теперь сама жизнь поставила мне вопрос: зачем жил и умер этот мальчик, не дожив и десятой доли обычной человеческой жизни? Ответ общий для всех людей, к которому я пришел, вовсе не думая о детях, не только пришелся к этой смерти, но самым тем, что случилось со всеми нами, подтвердил справедливость этого ответа. Он жил для того, чтобы увеличить в себе любовь, вырасти в любви, так как это нужно было тому, кто его послал, и для того, чтобы заразить нас всех, окружающих его, этой же любовью, для того, чтобы, уходя из жизни к тому, кто есть любовь, оставить эту выросшую в нем любовь в нас, сплотить нас ею. Никогда мы все не были так близки друг к другу, как теперь, и никогда ни в Соне, ни в себе я не чувствовал такой потребности любви и такого отвращения ко всякому разъединению и злу. Никогда я Сону так не любил, как теперь. И от этого мне хорошо.

Прощайте, милый, дорогой друг, простите, что все пишу о себе и своих. Напишите нам словечко и о себе. Соня, я и все дети целуем вас.

Л Толстой.

31 марта 1895.

258. В. Ю. Шимановскому, С. Т. Губернарчуку и Д. Е. Гунько
1895 г. Мая 12. Москва.

Очень рад был получить ваше письмо и еще более буду рад, если мне удастся исполнить ваше желание. То, что возмущает вас, уже давно до глубины души возмущает меня, но до сих пор не было случая цензурно высказаться. Письмо ваше поощряет меня к этому*.

Лев Толстой.

12 мая.

259. Н. Н. Страхову
1895 г. Мая 25. Никольское-Горушки.

В нынешний раз приглашая вас к нам, дорогой друг Николай Николаевич, с особенным чувством обращаюсь к вам. Согласие ваше, проезд к нам и пребывание у нас летом доставит мне большую тихую радость и большое успокоение, отказ же, который я и в мыслях боюсь допустить, очень больно огорчит меня. Как давно уже я знаю вас, а мне кажется, что только теперь понял самое настоящее, задушевное и потому дорогое в вас. Пожалуйста, приезжайте. Это будет доброе дело и для меня и для Сони, и в самом настоящем, а не переносном смысле слова. Если можно вас этим подкупить, то буду стараться заниматься все лето только художественными работами, которые очень привлекают меня. Так, пожалуйста, пожалуйста, до свиданья*.

Л. Т.

260. Л. Л. Толстому
1895 г. Июня 13. Ясная Поляна.

Хотя со стороны имею о тебе известия, милый Лева, – нынче Сережа, который

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. приехал вчера на один день к нам с Маней*, рассказал, что получил от тебя письмо, – но хочется прямо общаться с тобой и знать все подробно про твоё душевное и телесное состояние. Мы, как ты уж знаешь верно, около недели переехали в Ясную, и я все время хвораю и теперь еще не поправился, хотя нынче чувствую себя хорошо совсем. Мама́ очень трудно переносит свое пребывание в Ясной. Никуда не выходит из дома, но и в доме все беспрестанно напоминает ей того, в которого она вложила все радости, весь смысл жизни. На ней поразительно видно, как страшно опасно всю жизнь положить в чем бы то ни было, кроме служения богу. В ней теперь нет жизни. Она бьется и не может еще выбиться в область божескую, то есть духовной жизни. Вернуться же к другим интересам мирской жизни, к другим детям она хочет, но не может, потому что жизнь с Ванечкой, и по его возрасту и милым свойствам, была самая высокая, нежная, чистая. А вкусив сладкого, не хочется не только горького, но и менее сладкого. Один выход ей – духовная жизнь, бог и служение ему ради духовных целей на земле. И я с волнением жду, найдет ли она этот путь. Мне кажется, так бы просто ей было понять меня, примкнуть ко мне, но – удивительное дело – она ищет везде, но только не подле себя, как будто не то что не может понять, но не хочет, нарочно понимает превратно. А как бы ей легко было, тем более, что она любит меня. Но горе в том, что она любит меня такого, какого уже нет давно. А того, какой есть, она не признает, он ей кажется чужд, страшен, опасен. Мало того, она имеет гансине* против него, в чем, разумеется, я виноват. Но я не отчаиваюсь и всеми силами души желаю этого, и надеюсь, и делаю, что умею; и желаю этого уж совсем не для себя, а для нее, потому что знаю, что это одно могло бы дать ей жизнь истинную*.

* Нет, чтобы быть вполне правдивым, должен сказать, что желаю и для себя, но не для себя одного, а столько же для нее, и больше для нее, чем для себя, желаю для бога.

Вчера получили письмо от Веселитской*, которая пишет, что она посетила Н. Н. Страхова в госпитале, в Петербурге, что ему вырезали рак под языком, и письмо от него самого*, которое описывает операцию, пишет, что поправляется, и обещается к 1-му июля приехать к нам. Это известие очень меня и мамá огорчило. Прощай пока, целую тебя.

Л. Т.

261. Т. М. Бондареву
1895 г. Августа 19–26. Ясная Поляна.

Дорогой друг Тимофей Михайлович,

Письмо твое* проще и приличнее нам, старикам, писать друг другу «ты», а не «вы» – к дочерям от 15 июля я получил и до сих пор ничто еще не мешает мне отвечать тебе. Видно, я еще того не заслужил, чтоб пострадать за божье дело, а до сих пор все хлещут по оглоблям, а по лошади не попадают или не хотят.

«Небесного посланника»* я получил и при случае присоединю, то есть когда будет печататься, присоединю его к большому сочинению.

Очень сожалею, что французский перевод твоего сочинения*, посланный дочерью в Минусинск, пропал, и до сих пор мы еще не добыли нового. Постараюсь при случае приобрести и тогда пришлю. За границей везде, где живут просвещенные народы, земля отобрана от земледельцев, и владеют ею те, кто на ней не работает. Только у диких, непросвещенных людей земля считается божьим имуществом, и владеют ею те, кто на ней работает. Вот от этого-то и нужно стараться показать людям, что то, что они считают просвещением, есть не просвещение, а омрачение, и что до тех пор, пока они будут владеть землею и покупать и продавать ее, они хуже всяких диких, и идолопоклонников, и разбойников. Вот это-то мне хочется перед смертью как можно яснее показать людям. Об этом и пишу теперь.

Книгу мою «Царство божие внутри вас» желал бы прислать тебе, да боюсь, как бы не перехватили и не пропала бы. Напиши адрес, по которому без опаски бы можно было выслать. В том, что ты пишешь о том, что суд будет не внешний, а внутренний, я согласен и так же думаю. Пожалуйста, напиши мне, что имеешь важное сказать. Жить нам остается немного, и что имеешь сказать, надо поскорее и повернее выговаривать, пока еще живы. Желаю тебе самого тесного единения с богом.

Любящий тебя брат

Лев Толстой.

262. Л. Сарракану
<перевод с французского>
1895 г. Августа 26. Ясная Поляна.

Милостивый государь,

Я получил вашу книгу и прочел ее с интересом и удовольствием. Из рассказов мне всего больше понравилось не «Чудо сестры Симплиции», а «Мильярдерша»*

Вся книга очень хорошо написана, и я очень благодарен автору за то, что он обо мне вспомнил и прислал ее.

Примите, милостивый государь, уверение в моем полном уважении.

Лев Толстой.

26 августа 1895.

263. Л. П. Никифорова
1895 г. Августа 29. Ясная Поляна.

Дорогой Лев Павлович,

Ваше возражение Меньшикову мне очень понравилось, и я думаю, что его желательно было бы напечатать, о чем я и написал Меньшикову*. Я воспользовался данным вами мне правом сделать некоторые изменения – очень незначительные, но желал бы сделать еще большие, не в смысле поправки или улучшения, а в смысле смягчения тона. Иногда вы приписываете Меньшикову такие мысли, которых он, вероятно, не имел. Если я сделаю эти изменения, то я пришлю вам для просмотра.

Если живы будем, увидимся в Москве. Хотел бы предложить вам что-нибудь для перевода, но то нецензурно, а то предупреждают. Теперь есть, я не имею его еще, новый роман Humphry Ward*. Надо бы достать его.

Заметка ваша очень, очень понравилась мне. Радостно было, читая ее, чувствовать свое общение с вами.

Прощайте пока.

Любящий вас Л. Толстой.

29 августа, 1895.

264. Н. В. Стасовой
1895 г. Сентября 4. Ясная Поляна.

Простите, пожалуйста, Надежда Васильевна, если то, что скажу вам, по случаю вашего общества*, будет вам неприятно. Никогда не видал, чтобы из общества с уставом и высочайшим утверждением и т. п. выходило бы что-нибудь настоящее, и потому думаю, что и из вашего общества ничего не выйдет. То, что по отношению женщин и их труда существует много очень вредных, из древности укоренившихся предрассудков, совершенно справедливо, и еще более справедливо, что надо бороться против них. Но не думаю, чтобы общество в Петербурге, которое будет устраивать читальни и помещения для женщин, было бы средством борьбы. Меня не то возмущает, что женщина

получает меньше жалованья, чем мужчина: цены устанавливаются достоинством труда. А что если правительство дает мужчине больше, чем женщине, то это не оттого, что оно женщине дает слишком мало, а оттого, что мужчине дает слишком много; меня возмущает то, что на женщину, которая носит, кормит, воспитывает маленьких детей, навален еще труд кухни, жариться у печи, мыть посуду, стирать белье, шить одежды, мыть столы, полы, окна. Почему весь этот труд, страшно тяжелый, навален исключительно на женщину? Мужу, фабричному, чиновнику и всякому мужчине бывает делать нечего, но он будет лежать и курить, предоставляя женщине – и женщина покоряется – часто беременной, больной, с детьми, жариться у печи или нести

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. страшный труд стирки белья или ночного ухаживанья за больным ребенком. И все это от суеверия, что есть какой-то бабий труд.

Это страшное зло, и от этого неисчислимые болезни несчастных женщин, преждевременная старость, смерть, отупение самих женщин и их детей.

Вот с чем надо бороться и словом, и делом, и примером.

Простите, что ответил, может быть, не то, что вы хотели.

Уважающий вас

Л. Толстой.

4 сентября 1895.

265. Редактору английской газеты
1895 г. Сентября 10. Ясная Поляна.

Милостивый государь,

Посылаю вам для напечатания в вашей газете записку о гонениях, которым нынешним летом подверглись кавказские сектанты-духоборцы*. Средство помочь как гонимым, так в особенности гонителям, не знаящим, что творят, есть только одно: гласность, представление дела на суд общественного мнения, которое, выразив свое неодобрение гонителям и сочувствие гонимым, удержит первых

<2> от их часто только по темноте и невежеству совершаемых жестокостей и поддержит бодрость во вторых и даст им утешение в их страданиях.

В России статью не пропустит цензура, потому обращаюсь к вам, прося напечатать ее в вашем издании. Записка эта составлена моим другом, ездившим на место для собрания точных сведений о происшедших событиях, и потому сообщаемым им сведениям можно верить*

То, что передаваемые в этой записке сведения получены только от одной стороны – гонимых, а не спрошена другая сторона гонителей, не уменьшает достоверности сообщаемого. Гонимым незачем было скрывать то, что они делали: они провозглашают это на весь мир; гонителям же не может не быть стыдно за те меры, которые они употребляли против гонимых, и потому они всеми средствами будут стараться скрыть свои дела. Если же в рассказах духоборов и могли быть преувеличения, то мы старательно исключили все то, что нам казалось таковым. Достоверно и несомненно самое существенное, рассказанное в этой записке, а именно то, что духоборы были в разных местах неоднократно жестоко истязуемы, что большое число их засажено в тюрьмы и что более 450 семей совершенно разорены и выгнаны из своих жилищ только за то, что они не хотели поступать противно своим религиозным верованиям. Все это несомненно достоверно, потому что было напечатано во многих русских газетах и не вызвало никакого опровержения со стороны правительства.

Мысли, вызванные во мне этими событиями, я выразил отдельно, и если вы хотите этого, то могу прислать их вам для напечатания уже после появления настоящей записки.

Л. Толстой.

266. М. Л. Толстой
1895 г. Сентября 23. Ясная Поляна.

Здравствуй, милая Маша. Мама хотела писать тебе, но она очень занята фотографией, целый день чуть не рысью бегают, снимая, проявляя и т. д., и я вызвался. Но нынче у нас свадебный день*, она в белом платье и таком же настроении. Мама велит написать тебе прежде всего, что я совсем здоров, что жару у меня нет. Прибавлю, что его бы и не было, если бы не мама, потому что я бы его не заметил. Нынче утром Петр Николаевич ездил за Марией Александровной и привез ее бодрую, довольную и, как всегда, серьезную. Я хорошо занимался вчера, но нынче плохо, зато кое-что мне интересного записал в свой дневник и нынче вечером решил, придумал нечто очень для меня интересное, а именно то, что не могу писать с увлечением для господ – их ничем не проберешь: у них и философия, и

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. богословие, и эстетика, которыми они, как латами, защищены от всякой истины, требующей следования ей. Я это инстинктивно чувствую, когда пишу вещи, как «Хозяин и работник» и теперь «Воскресение». А если подумаю, что пишу для Афанасьев и даже для Данил и Игнатов* и их детей, то делается бодрость и хочется писать. Так думал нынче. Надеюсь, что так буду делать. После болезни, как всегда бывает, ясна голова и многое уяснилось. Нынче приехал Колаша* с усиками и добрый и приятный. Я с ним ездил на велосипеде через Грумант мимо Адлерберга в Ясенки и домой.

Андрюша было порадовал меня утром тем, что дорожит добрым моим отношением к нему, но трудно удержать это отношение. Вчера был у Бибикова на охоте, нынче с Фомичом на охоте – это бы хорошо – но, вернувшись, тотчас же исчез и не обедал и не ужинал. Это тоже экзамен, надо тоже стараться не провалиться. Не пускать себе в сердце зло на него. Колаша привез известие, что молодые наши не так хороши и любовны, как были прежде*. И мы забоялись. Но Таня правду говорит, что она, ходя за грибами, думала: что браки, если они языческие – то несчастные, а если христианские – то их совсем нет. Это я не против тебя. Выходи, если тебе это хорошо. И тебе будет хорошо, потому что ты уж на том пути, на котором несчастье в благо. Иван Михайлович милый уехал, работал, переписывая Пошину статью* день и ночь. Я послал без разрешения Поши и без его фамилии статью Кенворти.

Прощай, душа моя, целую тебя и Мишу. Как бы хотелось с ним хоть немножко познакомиться.

Л. Т.

Петр Николаевич поражен, как ты похудела. Ешь лучше яйца, молоко, пожалуйста. И, главное, не ходи к Карцеву за яблоками. Яблоки найдутся сами, если они нужны. «Посредникам» привет. Пишет ли Иван Иванович биографию Аполлова?* Все ждут.

267. А. Л. Флексеру (Волынскому)
1895 г. Конец сентября. Ясная Поляна.

Сейчас прочел вашу заметку* о соловьевском «Смысле войны» и почувствовал радость сознания того, что есть единомышленный орган. Кроме вас, никто не скажет этого и нигде, кроме как в вашем журнале, а сказать это было необходимо. И мне это было очень радостно и захотелось высказать вам это. И заметка написана прекрасно. Хотелось бы сказать, что она слишком зла, но в глубине души, к сожалению, одобряю и злость. Уж очень скверно то, что написал Соловьев. Дружески жму вашу руку.

Лев Толстой.

268. Н. Н. Страхову
1895 г. Октября 5. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич,

Как жаль, что вы не устроили так, чтобы вам можно было заехать к нам. Радуюсь очень тому, что, как Маша пишет*, вы еще поправились. Посылаю вам письмо Попова*, который просит меня переслать его вам. Если вы вспомните то, что думали, и напишете ему, то сделаете доброе дело. Нас теперь очень занимали гонения на духоборов. Вы, верно, слышали про это от Маши. Все это очень радостно, как радостны страдания родов, приближающихся к концу.

Знаю, что вы не верите этому. Я же верю и знаю несомненно, что это так. И от этого мне хорошо жить и умирать. Писание мое ужасно усложнилось* и надоело мне, ничтожно, пошло, главное, противно писать для этой никуда ни на что не годной паразитной интеллигенции, от которой никогда ничего, кроме суеты, не было и не будет.

Был нездоров и потому прочел последнюю книгу «Вопросов философии». Как все учено, умно и как все пусто*.

Прощайте, целую вас.

Любящий вас

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. Л. Толстой.

А уж о журналах и говорить нечего, – там все пусто и еще нахально и лживо.

Нынче приехал американец посетитель* и говорит, что Америка совершенно та же Россия, но только там нет мужика. Он этим хотел прельстить меня. А я подумал: я бы давно уже умер бы от тоски и отчаяния, если бы его – мужика – не было.

269. Т. Л. Толстой
1895 г. Октября 5. Ясная Поляна.

Скучно без вас, милые дочери. Нет-нет и ждешь, что придет какая-нибудь и начнет говорить глупости, а все-таки мне будет приятно и успокоительно. Живем получше, повеселее, порадостнее, без напряжения дантистов и Карцевских яблок* всех сортов. Машине письмо было последнее хорошее и грустное. У нас очень осенне, и мне приятно, хотя ничего нынче не работал, только писал письма и с большим удовольствием читал Евангелие по-итальянски. Всякое слово замечаешь и узнаешь новый язык. Еще приятно, что никого нет чужих. Андрей все так же мучителен. Пропадания или гармония и худое, большое лицо и вялые глаза. Неужели так же смотреть придется на погибель Миши. Это ужасно, хоть бы умереть скорее. Все равно надо скоро. Играл с мамá в 4 руки. Целую вас.

270. Т. Л. Толстой
1895 г. Октября 14. Ясная Поляна.

Получили вчера только вместе твои два письма и очень огорчились, – если бы можно было еще огорчаться о чем-нибудь, касающемся Андрея*. Он вчера только бессмысленно, безумно нагрубил за обедом и ушел и пришел довольный собой. Я только жду того, когда уничтожатся всякие связи родственные между ним и мамá и нами всеми. Единственный шанс спасения для него, это – остаться одному, свободному. И это я говорю не из эгоизма, а зная, [что] сознание связи – теперь уже воображаемой – с нами толкает его в пропасть. Вином пахнет от него каждый день, и все вечера он где-то*. Маша сейчас, 3 часа дня, уехала с ним в Житовку к Чекулихиной матери, а мы с мамá и Сашей идем на Козловку. Ветер, но тепло. Я ничего не делаю, кроме чтения итальянского. Читаю «Царство божие», и очень интересно и полезно*. Мамá завтра едет к тебе с ночным. Мне вы, дочери, и такие, какие есть, очень хороши, и я за вас благодарю всегда бога. Целую тебя, милая. Не робей по ночам, и не ударь в грязь вегетарианством. Но и не предавайся легкомыслию.

Мишу целую. Помогай ему просыпаться и не гибнуть.

Л. Т.

271. А. Л. Толстому
1895 г. Октября 16? Ясная Поляна.

Андрюша,

Хотя я обещал тебе больше не обращаться к тебе, но дожидаться, пока ты не обратишься ко мне за советом (я и продолжаю ждать этого), я все-таки пишу тебе, во-1-х, потому, что меня слишком мучает твое положение, я не переставая думаю о нем; во-2-х, потому, что есть недоразумение в твоем понимании сказанных мною тебе слов, и надо исправить его, чтобы не вводить тебя и других в заблуждение, и в-3-х, потому, что я надеюсь, что письмо тебе будет легче прочесть и хорошенько понять, чем слова. Очень прошу тебя, прочти внимательно и подумай хорошенько о том, что я пишу.

Недоразумение, о котором я говорю, состоит в том, что ты мои слова о том, что, по моему мнению, совершенно все равно: жениться на принцессе или крестьянке (я даже считаю лучше на крестьянке, чем на принцессе), ты принял за мое согласие на то, чтобы ты женился на Акулине Макаровой в том состоянии, в котором ты находишься теперь. Я не только не могу быть согласен на это, но считал бы свое согласие или даже равнодушие к такому поступку с твоей стороны величайшим грехом перед тобой, перед той девушкой и, главное, перед богом. Я тогда же тебе сказал, что жениться – всегда можно, и даже должно, если молодой человек чувствует, что он без жены не может жить чисто или так влюблен, что теряет спокойствие и способность что-либо делать, но что женитьба и знакомство с Бибиковым,

брани сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Бергером, и питье водки с ними и крестьянами, и игра на гармонии не имеют ничего общего с женитьбой. Напротив, такое настроение и

препровождение времени и, главное, неперестающее при этом одурманивание себя вином показывают, что человек никак не может жениться, будучи в таком состоянии. Для того, чтобы сделать покупки, собраться на охоту, написать письмо, человек должен быть в трезвом, ясном состоянии; для того же, чтобы жениться, сделать самое важное дело в жизни, которое делается только один раз, нужно тем более полную ясность головы и устранение всего того, что может отуманить суждение и развлечь внимание. Ты же, напротив, с тех пор как хочешь жениться, не переставая усиленно одуряешь себя всеми средствами, табаком, вином, гармонией, всякого рода суетой, при которой ты ни на минуты не можешь оставаться спокойным один со своими мыслями. Так что это твоё состояние показывает то, что ты не только не обдумал все значение того поступка, который ты хочешь совершить, но, напротив, хочешь не думать о нём, хочешь заставить себя забыть об его значении, и то, что тут дело не в женитьбе, а в неестественном возбуждении, в котором ты находишься и которое тебе всеми силами надо стараться прекратить, потому что такое искусственное возбуждение никак не прекратится женитьбой, а будет только возрастать и возрастать и доведет тебя до гибели. И потому я не только не могу быть согласен на твою женитьбу теперь, но, напротив, счел бы это самым решительным шагом к гибели, после которого возврат к хорошей жизни едва ли был бы возможен. Женитьба твоя теперь, по всем вероятностям, сделала бы то, что ты через неделю, а может, и раньше, очнулся бы не только с нелюбимой, но с ненавидимой, возбуждающей отвращение женой на шею (так всегда это бывает при одном чувственном сближении) и в руках жадных и грубых родных жены, которые не выпустят из рук тебя с тем состоянием, которое у тебя будет. При взятой тобой привычке вином заглушать неприятности, с помощью тех же родственников, с которыми ты и теперь пьешь, пьянство совсем овладеет тобой, и страшно подумать о том несчастном положении, в котором ты, наверное, будешь через два, три, много – через 5 лет, то есть в те года, когда тебе только бы следовало начинать жить семейной жизнью, если уж тебе так необходимо жениться.

И потому повторяю тебе то, что я сказал, когда сказал, что все равно: жениться на принцессе или на крестьянке, именно то, что прежде чем тебе думать о какой-либо женитьбе, тебе надо успокоиться, прийти в нормальное

состояние, в такое, в котором ты бы мог общаться с людьми тебе близкими, мог бы спокойно думать, мог бы не оскорблять самых близких тебе людей, главное, мог бы работать, делать какое-нибудь дело и прожить так не неделю, месяц, а, по крайней мере, год или два. Для этого же главное, что тебе нужно, это перестать пить вино, а для того, чтобы не пить его – перестать общаться с теми, которые его пьют. Богом дана человеку бессмертная душа и для руководства этой души – разум. И вот человек придумал средство заглушать этот разум, чтобы душа оставалась без руководства. Это делает вино. И от этого это ужасный не только грех, но обман, потому что душа без руководства всегда заведет человека в такое положение, что он страшно страдает. И ты уже начинаешь страдать, и я уверен, что ты страдаешь, и очень, тем, что ты мучаешь свою мать (я знаю, у тебя доброе сердце и ты любишь ее), страдаешь и сознанием своего падения, которое ты хочешь скрыть от себя. Не старайся скрывать, а сознайся сам себе, покайся перед богом и с его помощью начни новую жизнь, в которой поставь себе главной целью себя самого, свое исправление, свое нравственное усовершенствование. Для достижения же этой цели советую тебе четыре вещи: 1) главное, воздержание от всего отуманивающего разума, в особенности от всякого алкоголя; 2) общение с людьми выше себя по образованию, уму, даже общественному положению, по состоянию даже, а никак не с низшими себя; 3) перемена внешняя условий жизни – уехать куда-нибудь от тех условий, в которых жил дурно, а никак не оставаться в них, и 4) воздерживаться от увеселений и развлечений и не бояться скуки на первое время. Это для того, чтобы найти дело, взяться за него и полюбить его. Дьявол забирает нас хитростью, и нам надо хитростью бороться против него. И вот эти 4 правила – такие хитрости, они уничтожают его козни. Впрочем, если и захочешь жить хорошо, то найдешь сам, что тебе нужно. *where is a will is a way**. Только бы ты понял, кто ты такой. Только бы ты понял, что ты сын божий, которого, любя, бог послал в мир для того, чтобы ты делал там ему угодное дело, и для этого дал тебе и разум и любовь, которые наверно дадут тебе счастье, если ты только будешь развивать, а не заглушать их.

Любящий тебя

272. М. Л. Толстому
<неотправленное>
1895 г. Октября 16–19. Ясная Поляна.

Пишу тебе, Миша, а не на словах говорю, то, что хочу передать тебе, потому что между нами, мною и тобой, в нашем личном общении установилась как бы какая-то непроницаемая преграда – стена, через которую нам нет никакой возможности общения. И оттого, что эта стена существует, мы всё дальше и дальше расходимся между собой, так что мы стали так далеки, что нам уж трудно понимать друг друга. Вот, чтобы сломать эту стену и передать тебе то очень важное, что я имею передать тебе и без чего тебе будет становиться все труднее и труднее жить, я и пишу тебе это письмо. Пожалуйста, внимательно прочти его и подумай об его содержании. Стоит того это сделать уж только потому, что я с трудом удерживаемыми слезами и умилением в сердце пишу его, стараясь высказать все то, что я мучительно перечувствовал и передумал многими бессонными ночами это последнее время. То, что я пишу здесь, относится и к Андрюше, и ко всем молодым людям, находящимся в твоём положении, хотя пиша имею перед собой одного тебя и с тою естественною любовью, которую я чувствую к тебе, обращаюсь к тебе одному. Не обращаюсь же я к Андрюше, потому что он уж слишком далеко ушел по тому губительному пути, по которому идешь и ты, и я менее надеюсь на то, чтобы он вполне понял меня и мои слова так же, как я их понимаю, и вник в их значение. Мы с вами похожи на двух людей, которые идут в разные стороны, встретились и разошлись, и чем дальше идут, тем больше расходятся, так что приходит время, когда они уже не могут или с трудом могут слышать друг друга. Ты еще, я надеюсь, на таком расстоянии от меня, что можешь еще услышать мой голос, но Андрюша уже так далек, что меньше вероятия, чтобы он меня услышал. Но чем он дальше, тем ему нужнее услышать, и потому кричу, сколько сил есть, кричу и ему, и не отчаиваюсь, чтобы он услышал меня и вернулся или хоть бы остановился. Я сейчас написал и ему, но написал относящееся более к тому тяжелому положению, в котором он находится. Тебе же пишу, надеясь предупредить это положение.

Все молодые люди твоего возраста*, живущие в тех условиях, в которых ты живешь, все находятся в очень опасном положении. Опасность эта состоит в том, что в том возрасте, когда складываются привычки, которые останутся навсегда, как складки на бумаге, вы живете без всякой, без всякой нравственной, религиозной узды, не видя ничего, кроме тех неприятностей учения, к которому вас принуждают и от которого вы стараетесь так или иначе избавиться, и тех всех самых разнообразных удовлетворений похоти, которые вас привлекают со всех сторон и которые вы имеете возможность удовлетворять. Такое положение вам кажется совершенно естественным и не может казаться иным, и вы никак не виноваты, что оно кажется вам таковым, потому что в нем выросли, и в таком же положении находятся ваши товарищи, – но положение это совершенно исключительно и ужасно опасно. Ужасно опасно оно потому, что если поставить всю цель жизни, как она у вас, у молодых людей, когда похоти эти внове и особенно сильны, то непременно, по очень известному и несомненному закону, – выйдет то, что для того, чтобы получать то удовольствие, которое привык получать от удовлетворения похоти: сладкой еды, катанья, игры, нарядов, музыки, надо будет все прибавлять и прибавлять предметы похоти, потому что похоть, раз уже удовлетворенная, в другой и третий раз не доставляет уже того наслаждения, и надо удовлетворять новые – более сильные. (Существует даже закон, по которому известно, что наслаждение увеличивается в арифметической прогрессии, тогда как средства для произведения этого наслаждения должны быть увеличены в квадратах.)

Так это всегда и идет: сначала ягоды, пряники, простые игрушки, потом конфеты, водицы, велосипеды, лошади, потом колбаса, сыр, вино, женщины. И так [как] из всех похотей самая сильная половая, выражающаяся в влюблении, ласках, онанизме и совокуплении, то всегда очень скоро доходит до этого, всегда одного и того же. И тут, когда эти наслаждения уже нельзя заменить чем-нибудь новым, более сильным, то начинается искусственное увеличение этого самого наслаждения посредством одурманения себя – вином, табаком, чувственной музыкой.

Это путь такой обычный, что по нем, за редкими исключениями, идут все молодые люди, и богатые и бедные, и если вовремя не останавливаются, то отправляются к настоящей жизни более или менее искалеченные или погибают совершенно, как погибли на моих глазах сотни молодых людей и как погибает на моих глазах Андрюша. Это – опасность, предстоявшая и предстоящая теперь всем молодым людям,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. и богатым и бедным, но ясно, что эта опасность больше для людей богатых, к которым вы принадлежите, потому что они скорее могут удовлетворять свои похоти и потому скорее наскучить первыми и дойти скорее до конца: женщин и одурманения вином и чувственной музыкой; но опасность эта особенно велика именно в наше время, когда старые правила жизни, старые идеалы жизни разрушены для большинства вашего брата, а новые правила и новые идеалы не только не признаются общественным мнением, но, напротив, выставляются чем-то странным, смешным и даже вредным.

Я, как очень увлекающийся человек, прошел в моей юности через этот постепенный ход удовлетворения похоти, но у меня, как и у всех молодых людей нашего времени, были очень определенные правила и идеалы. Правила были очень глупые, аристократические, но они сдерживали меня. Для меня, например, мысль о том, чтобы делать то, что вы делаете, – пить с мужиками и кучерами водку или перед людьми выказать свое пристрастие к крестьянской девушке, было так же невозможно, как украсть или убить. Идеалы же жизни были такие, при которых я должен был продолжать жизнь, которую вели отец и дед, то есть составить себе видное и уважаемое общественное положение, и для этого должен был быть утонченно образован, как они, и так же мнимо благороден. Идеалы эти теперь кажутся мне дикими, вероятно и тебе тоже, но идеалы были во мне так тверды, что удерживали меня от многого и отвлекали от всего того, что мешало достижению их. Есть еще семьи наши дворянские, в которых еще живы такие идеалы и держат в узде молодых людей. Я думаю, и ты знаешь таких. Идеалы эти несвоевременные и должны разрушиться, и потому молодым людям, воспитанным под их влиянием, придется во многом разочароваться в жизни и пострадать, но воспитываться им лучше. Они не погибнут в цвету, как можете погибнуть вы, не имеющие никаких идеалов.

Ваше положение – и таких, как вы, очень много – очень страшно именно потому, что вы не признаете никаких ни правил, ни идеалов, и потому, как на рельсах, катитесь под крутую горку похотей и неизбежно вкатываетесь в вечно одно и то же болото, из которого почти нет выхода, – женщины и вино.

Спасение от вашего положения есть только одно: остановиться, опомниться, оглянуться и найти себе идеалы, то есть то, чем хочешь быть, и жить так, чтобы достигнуть того, чем хочешь быть.

Ваше положение тем ужасно, что если вы честные люди, не лжете зачем-нибудь перед самими собой, то вы знаете, что прежние верования, те, которым вас учат в гимназиях под названием закона божия, – есть бессмыслица, в которую никто не верит, знаете тоже, что те аристократические идеалы, по которым надо быть исключительным человеком, лучше, образованнее, утонченнее других для того, чтобы управлять толпой, знаете, что эти идеалы устарели и разбиты, видите, что все вокруг вас живут без всяких правил и идеалов, кроме того, чтобы жить как можно веселее. Если вы и слышите или видите, что есть какие-то люди, которые что-то исповедуют странное, ходят скверно одетые, едят дурно, не пьют, не курят, то по всему, что вы видите, слышите и читаете даже про них, вы убеждаетесь, что это какие-то чудачки, от которых, вы вперед решаете, что ничего нужного вам не узнать. И потому не интересуетесь ими. Так это для всех молодых людей нашего времени, для тебя же и Андрюши и всех наших уже несомненно решено, что вы везде можете искать решение вопросов, возникающих в вас, но только не среди темных*. Они чудачки, и всё. Во мне же вы видите писателя, который прекрасно написал бал, и скачки, и охоту, но который что-то странное и неинтересное говорит и пишет теперь и никак уж не укажет того, что нужно нам, простым молодым людям, делать. Вы, близкие мне, особенно тупы и жестоки в этом отношении. Вы – как люди, стоящие слишком близко к предмету и потому не видящие его, тогда как им только стоит протянуть руки, чтобы взять его.

Вот это-то мне особенно больно, и вот это-то самое разъединение между нами – мною и всей молодежью – разъединение, искусственно устроенное врагами добра, и хотелось бы мне разрушить этим письмом. Толстовцы, темные, Поша, Чертков, чудачки, вегетарианство, оборвашки, религии, горшки носят: и готово и все решено. Решено, что все это фантазии, непрактичные, неприложимые вообще к жизни, годные для чудачков, но никак уже не для нас, для простых молодых людей, не желающих ничем отличаться и желающих жить, как все. Вот этот-то взгляд на то, что я исповедую, на то, на что я посвятил все свои силы и посвящу до конца своих дней, особенно мучительно мне.

Ведь исповедую и проповедую я то, что проповедую, не потому что это мне

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. нравится, а потому что я знаю, что это одно может спасти людей, и именно вас, начинающих жить молодых людей, от тех несчастий, в которые вы наверняка лезете, и дать вам то истинное благо, которого вы сами желаете; только от того, что то, что я исповедую и проповедую, одно только практично и просто и легко среди тех фантастических, сложных и трудных, невозможных целей, которые вы ставите себе.

Ведь то, что не я один исповедую и проповедую, а то, что исповедовали и проповедовали Христос и все лучшие люди мира, состоит в том, чтобы указать вам бедствия вашей жизни, в которые вы, не видя их, лезете, как бабочки на огонь, и ваше предназначенное вам благо, которое вы, не зная, где оно, безжалостно губите и топчете ногами. Вы живете, не имея определенного направления жизни, кроме того, в которое влекут вас – нынче сюда, завтра туда – ваши похоти, а так нельзя жить. И вот то учение Христа, которое я исповедую, дает вам направление, указывает путь жизни, тот путь, по которому людям легко и радостно идти и всякое отклонение от которого наказывается страданиями. Дает же это учение это направление тем, что указывает смысл и цель жизни. А без этого жить нельзя, потому что это одно сдерживает жизнь похоти.

Ведь то, что мы называем идеалами, есть не что иное, как указание цели и смысла жизни. Пускай будет у человека идеал самый низкий – хоть приобретение богатства, и это будет сдерживать похотливую жизнь. Так же будет сдерживать похоть идеал честолюбия, славолубия. Но все эти идеалы могут быть разрушены, и потому нужен такой идеал, который бы не мог быть разрушен, и такой идеал дает нам смысл жизни, открываемый христианством.

Смысл этот в том, что жизнь наша не имеет цели в самой себе, цели, которая могла бы удовлетворить нас; цель ее вне нас и недоступна нам, и потому смысл жизни нашей в том, чтобы исполнить то, для чего она предназначена.

Для того же, чтобы узнать, для чего она предназначена, нам дан разум, свойство, соединяющее нас всех, свойство, дающее возможность воспринимать все то, что открыто разумом тысячи лет тому назад давно не существующим [людям], и передавать то, что разум откроет нам, людям, которые будут жить тысячи и миллионы лет после нас. Следование тому, что открыто разумом, и составляет смысл жизни. И следование это составляет высшее благо, доступное человеку.

И такое следование тому, что открыто разумом, не только не неопределенно и необязательно, как это может показаться для тех, которые никогда не думали о значении разума, а, напротив, очень определенно и тотчас налагает на нас очень ясные и простые обязанности. Требования разума не суть требования твоего личного разума, обдумывающего явления мира, а суть требования всего человеческого разума, выраженные для нас в словах, правилах, учении, которое нам передается. Это не значит то, что мы должны принимать все то, что нам передается от древних, но то, что мы должны проверять своим разумом все, что передается нам, и то, что совпадает с нашим разумом, принимать и, приняв эти требования разума, руководствоваться ими в жизни.

Так, например, мне передают как нечто древнее и разумное то, что бог состоит из троицы, и Христос – бог, и что надо причащаться и т. п. Разум мой не принимает этого, и я не ставлю эти требования в руководство своей жизни, но мне передают еще правила о том, что не надо делать другому того, что я не хочу, чтобы мне делали, или то, что все люди братья, что так как человек [не] может дать жизни, то он не должен отнимать ее, или что человек должен постоянно стремиться к совершенствованию и если согрешил, то не отчаиваться, а опять сначала исправляться и стараться не согрешить опять, или что для блага людей нужно, чтобы они любили друг друга и прощали бы друг другу, или что нужно жалеть страдающих и помогать им, или что для блага всех людей нужно, чтобы каждый мужчина любил, как жену, одну женщину и женщина одного мужчину, или что для блага и всех людей вместе и каждого отдельно нужно, чтобы каждый работал, а не поглощал труды других людей, или что для того, чтобы всем было хорошо, надо, чтобы каждый человек поступал так, что если бы всякий поступал так же, как и он, то счастье всех людей не уменьшалось бы, а увеличивалось, и т. п.; требования древнего разума, будь они произведение китайской, индийской, древней или новой, немецкой или французской мудрости, я принимаю и ставлю их в руководство своей жизни, так как эти требования согласны с моим разумом. Такая проверка своим разумом требований древнего разума и принятие тех, которые согласны с моим разумом, и составляет то, что значит следовать требованиям разума.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

С тех пор, как стоит мир, люди всё более и более накапливали эти указания разума, и теперь у нас есть эти очень определенные указания, следование которым избавляет нас от страданий и дает вам истинное благо. И вот эти-то указания разума христианского учения и есть то, что я исповедую и проповедую, и эти указания очень определенные и обязательны.

Сущность христианского учения состоит в том, что оно открывает человеку его истинное благо, состоящее в исполнении его назначения, и указывает все то, что под видом радостей и удовольствий может нарушить это благо. Эти мнимые радости и удовольствия христианское учение называет ловушками – соблазнами и подробно определяет их, предостерегает от них, дает средства спасения от них и взамен их обещает, кроме истинного блага, предназначенного человеку, такие еще большие радости и удовольствия [взамен тех], которые, уловляя его в соблазны, губят его.

Главный и основной соблазн, против которого предостерегает учение Христа, состоит в том, чтобы верить, что счастье состоит в удовлетворении похоти своей личности. Личность, животная личность, всегда будет искать удовлетворения своих похотей, но соблазн состоит в том, чтобы верить, что это удовлетворение доставит благо. И потому огромная разница в том, чтобы, чувствуя стремление к похоти, верить, что удовлетворение ее доставляет благо, и потому усиливать похоть; или, напротив, знать, что это удовлетворение удаляет от истинного блага, и потому ослаблять стремление.

Соблазн этот, если только человек даст ход своему разуму, ясно виден ему, так что, кроме того, что удовлетворение всякой похоти совершается в ущерб другим людям и потому с борьбой, всякое удовлетворение похоти влечет за собой потребность новой похоти, труднее удовлетворяемой, и так до конца, и потому для того, чтобы разум не открывал тщеты этого соблазна, к этому соблазну присоединяется другой, самый ужасный, состоящий в том, чтобы ослаблять свой разум, одурманивать его: табак, вино, музыка.

На этих двух главных соблазнах держатся все мелкие соблазны, которые улавливают людей и, лишая их истинного блага, мучают их.

Человеку дана радость пищи – вкуса, развивающегося от труда и воздержания. Корка черного хлеба съедается с большим наслаждением, если голоден, чем ананасы и трюфели, и человек устраивает себе жизнь так, что почти никогда не голоден, и пряной, жирной, искусственной пищей портит себе вкус и часто совсем лишается всякого удовольствия от еды и только страдает от пищеварения в больном желудке.

Человеку дано удовольствие упражнения своих мускулов в работе и радости отдыха, и он заставляет делать все за себя других, лишается этих радостей и теряет способность и умение работать.

Человеку дано счастье общения с людьми, дружбы, братства, и он вместо того, чтобы пользоваться им, выделяет себя из всех своей гордостью и ограничивает свое сближение с людьми маленьким кружком большей частью худших, таких же, как он, людей. Человеку дано огромное счастье семейной любви, и он растрчивает это счастье или онанизмом, или распутством.

Человеку дана высшая радость сознания себя разумным существом, и он, отступая от деятельности, приписываемой ему разумом, заглушает этот разум табаком, вином, суетой и опускается на степень неразумного животного.

Таково то учение, которое я исповедую и проповедую и которое тебе и многим кажется чем-то фантастическим, туманным, странным и неприменимым. Учение это все состоит только в том, чтобы не делать глупостей и напрасно, без всякой пользы себе и другим, не губить в себе ту божественную силу, которая вложена в тебя, и не лишать себя того счастья, которое предназначено всем нам. Учение все состоит в том, чтобы верить своему разуму блюсти его во всей чистоте и развивать его и, поступая так, получить благо истинное, вечное истинной жизни и, сверх того, гораздо в большей степени те самые радости, которые теперь привлекают тебя.

Ты хочешь радостей вкуса и придумываешь, что еще вкуснее и вкуснее поесть, и вкус твой все притупляется, и ты лишаешься очень скоро самых лучших из этих удовольствий.

Ты хочешь удовольствия спокойствия, отдыха и перестаешь трудиться – и физически

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. и умственно, и теряешь способность и умение работать, и оттого и не знаешь истинной радости отдыха после труда.

Ты хочешь отличаться от других, возвыситься чем-нибудь, чтобы привлечь к себе внимание других, и ты, вместо внимания, вызываешь к себе зависть и лишаешься братской любви, в которую ты мог бы вступить с ними.

Ты хочешь радостей половой любви и губишь в себе возможность этой любви тогда, когда наступает ее время.

Ты хочешь скрыть от себя несогласие твоего разума с твоей жизнью для того, чтобы не нарушилось твое наслаждение благами жизни, но, заглушая разум, ты разрушаешь его и разрушаешь этим все свои человеческие радости.

Человек есть соединение двух начал: животного, телесного, и разумного, духовного. Движение жизни совершается в животном существе, оно движет жизнь и свою и продолжает эту жизнь в дальнейших поколениях; разумное, духовное существо направляет это движение. Если нет разума в существовании, то жизнь идет в нас по предназначенному ему направлению, как в животном, в растении; но как скоро в животном появился разум, разум этот должен руководить жизнью, проявляя, образуя какую-то другую жизнь, высшую, духовную. Если же разум направляется не на направление животной жизни, как это делают люди, впадающие в соблазны, так нарушаются правильные движения животной жизни.

Само собой разумеется, что заблуждения некоторых людей не могут нарушить течения жизни и что даже эти заблуждения нужны и приносят свои плоды в общей экономике жизни; но заблуждения эти погубительны для тех людей, которые отдаются им. Такие люди как непрорастающие семена, которые приносят деревья.

Для разумного существа, связанного с животной жизнью, есть только два пути: путь следования разуму, подчинения ему своей животной природы, путь радостный, дающий сознание жизни вечной и радости этой жизни, и путь подчинения разума животной природе, употребление его на достижение животных целей, путь губительный, лишаящий человека сознания вечной жизни и даже тех радостей, которые свойственны животному.

Все это я написал тебе затем, чтобы ты остановился и подумал и перестал бы думать, что если ты не видишь никакого смысла в жизни, кроме удовлетворения похоти, то это не оттого, что это так, а оттого, что ты в заблуждении, и что подле тебя, рядом с тобой, есть указание на то заблуждение, в котором ты живешь и в которое уходишь, и что тебе стоит только опомниться, чтобы увидеть это.

Писал потому, главное, что мне ужасно, ужасно больно видеть, как ты и многие с тобой вместе гибнут, так страшно гибнут задаром, тогда как спасение так близко и так легко*.

Л. Т.

1895. 19 октября. Ясная Поляна.

273. Л. Л. Толстому
1895 г. Октября 19. Ясная Поляна.

Вчера получил твое письмо*, милый Лева, и вот пишу. Радуюсь, что тебе лучше. Теперь, надеюсь, ты уже встал и больше не будет нужды ложиться. Огранович, мне думается, верно определил твою болезнь, и советы все его тебе были на пользу. Маша рассказывает, что она видела в Москве Ваню Раевского и что он, приехав от Ограновича, чувствует себя совсем хорошо. Я теперь в Ясной с Машей, Сашей и Верой Кузминской. Мама поехала с Таней и Мишей в Петербург слушать первое представление оперы Танеева*. Я очень рад, что она поехала и развлечется. Горе ее изменило ее очень*. Мы с ней все более и более дружны и близки, и это для меня неперестающая радость. Андрюша в Москве, поехал, чтобы готовиться к экзамену. Оказывается, что его аттестат 4-го класса недостаточен для вольноопределяющегося. Сережа с Маней уехали за границу. Мы о них имеем сведения из Киева от Кузминских. Сережа потерял бумажник с паспортом, и они должны были брать новый и пропустили время отхода парохода из Одессы. Андрюше я написал письмо об его жизни и нынче целый день писал письмо Мише*, в которых хочу заставить их оглянуться на жизнь и на ее требования. Они очень занимают меня.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. Делаю, что могу. Утешение, или, скорее, сверх ожидаемого радость моя – это обе милые дочери. Жаль мне, что они не выходят замуж, особенно Машу, которой натура требует этого, но вижу, что они проживут, и хорошо, или, по крайней мере, теперь живут и без брака. Я много писал свою повесть, но последнее время она опротивела мне*. Fiction* – неприятно. Все выдумка, неправда. А столько, столько наболело в душе невысказанной правды. Я это последнее время, недели две, не совсем здоров и от этого отстал от начатой работы, а хочется начать другое. Время уж осталось мало, и надо успевать сделать самое важное.

Очень интересовало меня последнее время движение среди духоборов на Кавказе. Поша ездил туда и написал об этом записку, которую я с своей статьей об этом послал в английские газеты*. Надо бы послать это Стадлингу. Много у меня близких по духу становится людей за границей, и, хотя не следует этому радоваться, я радуюсь. Мама приезжает, если она сделает по предположенному, вернется сюда завтра 20, пробудет здесь дня три и опять в Москву, а я поживу еще здесь с девочками. Прощай пока, целую тебя. Когда же увидимся?

Л. Т.

274. Т. Л. Толстой
1895 г. Октября 25. Ясная Поляна.

Не понимаю, как это могло случиться, что я в письме* ни слова не упомянул о тебе, когда я беспрестанно тебя вспоминаю, всякую минуту жду, что ты войдешь, и во сне вижу тебя. Навалившийся камень поведения мальчигов стал полегче. Андрей говорил со мной, обещал все хорошее и говорил по-человечески и добро. Миша тоже лучше, чем я ожидал. Может быть, это влюбление и имеет свои хорошие стороны, несмотря на свою странность. С мамой мы особенно хорошо дружны, и это моя большая радость. Писать не пишется, и я стараюсь не жалеть об этом. «Воскресение» опротивело. Если увидишь Гуревич, скажи ей (я получил ее письмо)*, что, во-первых, у меня ничего нет, и это далеко не кончено, а во-вторых, я обещал, если кончу, в «Посредник»*. То, что Иксуль сокращает или хочет сократить «Царство божие»*, то это мне очень приятно. Это, я думаю, нужно. Сегодня чудный осенний день и я утром поехал верхом на Миронихе в Тулу. Было очень хорошо. Поедем в Пирогово, коли живы будем. Целую тебя. Привет Эрдели.

Л. Т.

275. С. А. Толстой
1895 г. Ноября 4. Ясная Поляна.

Не покидает меня мысль о твоём нездоровье, милый друг. Ради нас всех, не скажу лечись, а берегись.

Последнее письмо твое к Маше утешительно тем, что ты хочешь беречься и сидеть*. Пожалуйста, голубушка. Вчера кончил свое чтение своих дневников и вынес в том отношении, в котором мы говорили, самое хорошее впечатление – именно то, которое вынесет всякий, кто когда-либо будет читать их, что связывала нас и связывает самая неразрывная любовь, что различие верований, т. е. переворот, происшедший во мне, заставил нас страдать, но что победила любовь. Видно, как это понемногу делалось, делалось и совершилось. Вымарать пришлось не более двух страниц*. И те можно бы не марать. Я очень рад, что ошибка телеграфа избавила меня от чтения. Эти же господа делали дело полезное для них, и люди очень приятные*. Целую тебя и детей. Таня была нездорова, теперь ей лучше, и мы все здоровы и дружны.

276. Л. Я. Гуревич
1895 г. Ноября 8–9. Ясная Поляна.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Простите, что так долго не отвечал вам. Я писал Тане в Петербург, прося ее передать вам на словах мой ответ. Ничего у меня теперь нет – повесть, о которой говорят, что она кончена, была не кончена, и я ее вовсе бросил, а другого пока нет*. Очень желаю быть вам полезным, потому что журнал ваш мне все больше и больше нравится.

Последний № прекрасно составлен, за исключением невозможной неряшливой бессмыслицы Соллогуба и Вагнера столь же неряшливой статьи. Семенова рассказ –

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. прекрасен*.

Держитесь, всей душой сочувствую вам и рад буду, если удастся не на словах только выразить свое сочувствие. А вы все-таки душу свою не кладите всю в журнал и помните, что душа дороже тысяч журналов.

Лев Толстой.

277. И. Б. Файнерману
1895 г. Ноября 18. Ясная Поляна.

Иван Михайлович переслал мне вашу рукопись*. Я нынче еду в Москву и, чтобы не завозить ее туда, отправляю ее вам. Напишу подробно после*. Продолжать стоит, если есть влечение. Для того, чтобы имело силу, надо переделывать, в особенности сокращать, просеивать и избегать желания сказать все. Слишком много несогласованного между собой содержания нарушает впечатление.

Любящий вас

Л. Т.

278. Ф. А. Желтову
1895 г. Декабря 18. Москва. 18 декабря 95. Москва.

Дорогой Федор Алексеевич,

Как только получил ваше письмо*, так тотчас хотел вам отвечать, так как имею очень определенные мысли о том вопросе, который занимает вас; но отчасти нездоровье, отчасти суета жизни и занятия до сих пор задержали меня. О воспитании я думал очень много. И бывают вопросы, в которых приходишь к выводам сомнительным, и бывают вопросы, в которых выводы, к которым пришел, окончательные, и чувствуешь себя не в состоянии ни изменить их, ни прибавить к ним что-либо: таковы выводы, к которым я пришел, о воспитании. Они следующие: воспитание представляется сложным и трудным делом только до тех пор, пока мы хотим, не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы то ни было. Если же поймем, что воспитывать других мы можем только через себя, воспитывая себя, то упраздняется вопрос о воспитании и остается один вопрос жизни: как надо самому жить? Я не знаю ни одного действия воспитания детей, которое не включало бы и воспитания себя. Как одевать, как кормить, как класть спать, как учить детей? Точно так же, как себя. Если отец, мать одеваются, едят, спят умеренно и работают, и учатся, то и дети будут то же делать. Два правила я бы дал для воспитания: самому не только жить хорошо, но работать над собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать из своей жизни от детей. Лучше, чтобы дети знали про слабые стороны своих родителей, чем то, чтобы они чувствовали, что есть у их родителей скрытая от них жизнь и есть показная. Все трудности воспитания вытекают оттого, что родители, не только не исправляясь от своих недостатков, но даже не признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотят не видеть эти недостатки в детях. В этом вся трудность и вся борьба с детьми. Дети нравственно гораздо проницательнее взрослых, и они – часто не выказывая и даже не сознавая этого – видят не только недостатки родителей, но и худший из всех недостатков – лицемерие родителей, и теряют к ним уважение и интерес ко всем их поучениям. Лицемерие родителей при воспитании детей есть самое обычное явление, и дети чутки и замечают его сейчас же и отвращаются и разворачиваются. Правда есть первое, главное условие действительности духовного влияния, и потому она есть первое условие воспитания. А чтоб не страшно было показать детям всю правду своей жизни, надо сделать свою жизнь хорошей или хоть менее дурной. И потому воспитание других включается в воспитание себя, и другого ничего не нужно.

Любящий вас Л. Толстой.

279. Л. Я. Гуревич
1895 г. Декабрь? Москва.

Дорогая Любовь Яковлевна.

Мне прочла одна наша знакомая рассказ, который никак не назван, но который она не хочет назвать «Сиротка»; мне рассказ чрезвычайно понравился, и я попросил ее

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. послать его вам. Она согласилась, и я так и делаю. Если вы захотите знать что-нибудь больше об авторе, спишитесь с Таней. Это ее приятельница*.

Давали одному знакомому читать книгу Акима Львовича и были рады слышать, что она, как я ожидал, была полезна ему. Поблагодарите его за присылку*. Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

1896

280. Н. Н. Страхову

1896 г. Января середина. Ясная Поляна.

Дорогой Николай Николаевич.

Благодарю вас за вашу книжку*, еще более благодарю вас за ваше доброе письмо*. Я виноват, что не писал вам, пожалуйста, простите меня. Очень уж время идет скоро и очень уже много отношений, так что ничего не успеваешь. А жить хорошо, и жизнь полна, и предстоящего дела в сотни лет не переделаешь, главное в себе; хоть бы сделаться вполне тем, что Стасов* считает столь постыдным – добрым.

Письмо это передадут два молодых человека: студенты Русанов – сын моего друга, и Щеголев*, его товарищ. Оба они вполне чистые, нравственные, не пьющие, не курящие, не знающие женщин и очень способные молодые люди. Они совершенно одиноки в Петербурге, и если они хоть раз в год побывают у вас, послушают вас, узнают вас, то это им будет полезно. Если же вы их случайно – я разумею, если они встретят у вас кого, – познакомите с какой-нибудь скромной семьей, то это для них было бы очень хорошо. Рекомендовать я их смело могу во всякую хорошую семью. Вы, верно, увидите Черткова, и он вам расскажет про нас. Мы живем по-прежнему: многое нехорошо, то есть тяжело мне, но я привыкаю и живу в своей работе, которая все больше и больше манит меня. Может быть, вы увидите приехавшего с Чертковым в Петербург англичанина Kenworthy, про которого я вам говорил, и кое-что его вы читали. Он очень серьезный, религиозный человек, и я бы очень желал, чтобы вы с ним познакомились.

На днях я, чтобы поверить свое суждение о Шекспире, смотрел «Короля Лира» и «Гамлета*», и если во мне было хоть какое-нибудь сомнение в справедливости моего отвращения к Шекспиру, то сомнение это совсем исчезло. Какое грубое, безнравственное, пошлое и бессмысленное произведение – «Гамлет». Все основано на языческой мести, цель одна – собрать как можно больше эффектов, нет ни складу, ни ладу. Автор так был занят эффектами, что не позаботился даже о том, чтобы придать главному лицу какой-нибудь характер, и все решили, что это гениальное изображение бесхарактерного человека. Никогда я с такой очевидностью не понимал всю беспомощность в суждениях толпы, и как она может себя обманывать. Книгу вашу не перечел еще, как я делаю обыкновенно: когда прочту, напишу вам.

Прощайте пока, обнимаю вас. Я недели три и больше был болен инфлюэнцей и теперь только поправился.

Ваш Л. Толстой.

281. И. Ф. Лебединскому

1896 г. Января 28 – февраля 16. Москва.

Извините меня, пожалуйста, уважаемый Иван Филиппович, за то, что не отвечал на ваше первое письмо* и долго промедлил с ответом на последнее*. На первое отвечать нечего было. Я ненавижу так же, как и вы, то устройство, при котором возможны те насилия, которым вы подверглись, и все силы свои употребляю, не скажу – на борьбу с ним, – эта цель слишком частная, – а на деятельность, долженствующую разрушить это устройство и заменить его новым. Если же я действую не так, как вы считаете нужным действовать, то это происходит не оттого, что я нахожу такую деятельность более легкой, а потому что полагаю действительным только тот путь, который избран мною. Главная особенность этого пути от обыкновенно избираемого состоит в том, чтобы прежде всего не вступать ни в какие компромиссы с той злой силой, которую желаем уничтожить, не участвовать в ней ни прямо, ни косвенно и не пользоваться ею. Вы меня хвалите за статью о телесном наказании*, а я думаю, что такие статьи бесполезны. Из этой, например, выкинуто самое существенное, и сколько бы мы ни писали, безобразное беззаконие будет

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. продолжаться до тех пор, пока будут люди порядочные рассуждать в собраниях и присутствиях об этих мерзостях. Средство уничтожить это и всякое другое зло – в том, чтобы общественное мнение казнило презрением людей, подающих руку правительству в таких делах. Пускай правительство осталось бы с своими казаками и калмыками, а все порядочные люди устранились бы от него. А такое общественное мнение может установиться только тогда, когда мы будем высказывать друг другу всю правду на словах и в писаниях, не заботясь о том, будут ли они напечатаны; главное же – тогда, когда в своих поступках мы будем иметь в виду не воображаемое нами такое или другое устройство общества, а то, чтобы никогда не отступить от требований человеческого достоинства и не запачкать себя участием в насилиях и гадостях правительства, хотя бы самым отдаленным. Так я думаю. Желаю вам всего хорошего.

Лев Толстой.

282. Л. Л. Толстому
1896 г. февраля 19. Москва.

Получил вчера твое письмо, дорогой Лёва*. Я очень рад. Мне представляется это очень хорошим. Весь тон твоего письма порадовал меня. Мне думается, что это то, что я испытывал, когда какая-то стихийная сила завладевает тобой и чувствуешь, что это неизбежно – будущее требует от настоящего своего исполнения. Тут уж нельзя говорить, хорошо ли, дурно, а можно только, покоряясь, стараться не терять свою духовную свободу. В письме твоем, однако, есть одна фальшивая нота, которая меня неприятно поразила, это то, что ты говоришь, что она будет за тобой ухаживать. Тебе надо будет, да и должно, ухаживать за ней, а не ей. Может быть, она и будет ухаживать за тобой, но не надо рассчитывать на это. Не сердись за то, что я пишу тебе это. Если бы я этого не написал, все мое письмо было бы неискренно, и я не мог бы тебе выразить мою радость.

Хотя я и стараюсь не иметь предилекции* к людям и нациям, шведы мне всегда были, еще с Карла XII, симпатичны. Интересны очень мне взгляды, верования той среды, в которой выросла и воспиталась твоя невеста. У ней могут быть теперь еще только задатки своего личного. Скрещение идей так же выгодно, как скрещение пород. Передай ее отцу и ей мою радость за твой выбор. Молодость ее есть не недостаток, а качество. Я не изменю никогда своего взгляда, что идеал человека есть целомудрие. И потому молодость есть не то что качество, но смягчающее вину обстоятельство. М. А. Цурикова, которая, как мы вчера узнали, выходит замуж, могла бы и воздержаться и дожить век в целомудрии, но 17-летняя девочка не виновата, если ей все говорят, что это надо и хорошо. Впрочем, и этого нельзя сказать. Иногда молодой легче, а пожилой труднее. Les mariages se font dans les sieux*.

Как меня поразило, когда я в первый раз услышал это изречение, так и осталось до сих пор. Есть какая-то стихийная, непреодолимая сила, которая производит настоящие браки, то есть те, которые продолжают род. Одно надо всеми силами стараться как мужчине, так и женщине (особенно женщине, для нее соблазн сильнее), не уйти всему в продолжение рода, в семью, как бы сказать не я буду делать то, что должно, а те, которых я произведу и воспитаю, – не перенести на потомство обязанность хорошей, божеской, служащей человечеству жизни, а самому жить ею. Это очень опасно в хороших семьях.

У нас все по-хорошему. Тяжело от суеты, но живем дружно. Напиши поподробнее о семье, о матери, Geschwister'ax* и о характере Доры. Целую тебя.

Л. Т.

283. М. М. Холевинской
1896 г. февраля конец. Никольское–Горушки.

Дорогая Марья Михайловна.

Сейчас прочел ваше письмо к Тане* и не могу вам выразить, как оно огорчило меня. Виною всему я, и меня-то оставляют в покое, а мучают по выбору – мне кажется, они это нарочно делают – тех людей, которым труднее всего переносить эти их нравственные истязания. И вот

они выбрали вас*. Хочу попробовать написать в Петербург о том, что если они

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. хотят противодействовать вреду, который я произвожу, то им следует направить свою деятельность не на кого другого, как на меня*. Самое главное, мне кажется, в этого рода делах – то, чтобы не дать им извращать роли и не позволять им становиться в роли обвинителей, ни себе в роли обвиняемых, или, что хуже всего, признающего свою вину и желающего скрыть ее. Я рассуждаю об этом теоретически, очень может быть, что на практике я не сумел бы удержать свое положение, но теоретически я все-таки считаю, что нужно не забывать своего положения обвинителя и обличителя того самого, вследствие которого они употребляют против нас насилие. Они могут отбирать, жечь книги, перевозить из места в место, сажать в тюрьмы, но судить они не могут, потому что они подсудимые, и совесть всего человечества и их собственная судит их. И потому единственное, что мы можем сказать им, это никак не разъяснение наших поступков, а указание им их недоброй и нечестной деятельности и добрый совет оставить ее как можно скорее. Если я могу считать себя виноватым, то только в одном, в том, что я, зная истину, слишком слабо, только в ограниченном кругу, распространяю ее. Если чиновник узнает, что крестьяне составили приговор о том, чтобы пойти рубить телеграфные столбы, не зная той ответственности, которая ожидает их за это, то чиновник этот, наверное, сочтет себя обязанным предупредить крестьян об ожидающей их ответственности и сочтет себя кругом виноватым, если не откроет крестьянам тот высший закон, который он знает. Точно так же и мы, зная тот высший закон, по которому люди, служащие насилию, подвергаются огромной ответственности перед богом и людьми, мы никак не можем быть виноваты в том, что открываем эту ответственность, а можем быть виноваты только в том, что, зная истину, не сообщили ее людям. Заключение вашего письма, в котором вы говорите, что только бы помнить о том ответе, который придется дать перед богом, очень порадовало меня. Только бы помнить, что вся жизнь наша есть исполнение данного нам посланничества, и ничего не страшно, и все легко. Только чтобы опереться на гранитную скалу, надо совсем стать на нее. Помогай вам бог, живущий в вас. Братски целую вас.

Л. Толстой.

284 в. В. Андрееву
1896 г. Марта 20. Москва.

Милостивый государь Василий Васильевич. Я думаю, что вы делаете очень хорошее дело, стараясь удержать в народе его старинные, прелестные песни. Думаю, что и путь, избранный вами, приведет вас к цели, и потому желаю успеха вашему делу*. С совершенным уважением готовый к услугам

Л. Толстой.

20 марта 1896.

285. С. Т. Семенову
1896 г. Марта 21. Москва.

Дорогой Сергей Терентьевич, очень жаль мне, что должен сказать вам неприятное о вашей драме*. Вы мне рассказывали гораздо лучше. Главное, нехорошо главное лицо. Оно не живое, а прописная ходячая проповедь. Это ничего. Не унывайте. Или переделывайте, или пишите сначала. У вас много времени, по вероятностям, впереди. Каждое лицо должно иметь тени, чтобы быть живым, а этого у вас нет. Нехорошо и учитель, слишком дурен. Прощайте. Письмо ваше переслано Леониле Фоминичне*. Дружески жму вашу руку.

286. Л. Л. Толстому
1896 г. Апреля 5. Москва.

Я все ждал от тебя письма, милый Лева, в ответ на мое*, но потом решил писать тебе, не дожидаясь, и вот получил твое хорошее письмо*. Женидьба твоя мне очень нравится. Оснований для этого у меня нет очень определенных, но есть общее чувство, по которому, когда вспомню, что ты женишься и именно на Доре Вестерлунд, мне делается веселее – приятно. Все, что знаю про нее, мне приятно, и то, что она шведка, и то, что она очень молода, и, главное, то, что вы очень любите друг друга. Я, как и писал тебе: не могу не быть того убеждения, как сказал и Павел, что лучше не жениться, если кто может сделать это для того, чтобы служить богу всеми силами. Но если этого нельзя, то надо жениться и то, что сам не доделал, передать своим произведенным на свет детям. Если же уже

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
жениться, то надо жениться только тогда, когда не можешь, никак не можешь не жениться. А по всему, что я вижу, это так у вас с Дорой. И это хорошо, когда людей притягивает друг к другу непреодолимая сила всего существа.

Я старик, а вы молоды, и хочется дать советы в такую важную пору жизни. Но советы трудно давать, стоя далеко друг от друга по мировоззрению. Умственно, я знаю, ты согласен и хочешь быть согласен со мной, но всем существом ты далек, а она по возрасту еще дальше. И потому хочется дать такой совет, на котором бы не чувствовалась эта разница, в котором бы не было требований, кажущихся трудными. И такой совет у меня есть, и хочется дать его вам, несмотря на то, что он, вероятно, будет противоположен тем, которые будут давать вам практические (самые непрактические) люди. Совет в том, чтобы как можно меньше связывать свою свободу вам обоим, ничего не предпринимать, не обещать, не устраивать себе определенную форму жизни, а *garder ses coudes franchises**. Вы так молоды, что вам еще надо узнать, что вы, кто вы, на что способны, и потому учиться всячески, уяснить себе жизнь, учиться жить лучше, не думая о форме жизни. Форма эта сама собой сложится. Пожми руки твоему уважаемому будущему тестю и его жене и поцелуй от меня Дору.

Я здоров, хотя чувствую себя постаревшим. Радостно работаю все над изложением веры. Делаю экскурсии в другие работы, но это главное*. Отдаю ей лучшие силы.

Прощай. Целую тебя.

Л. Т.

5 апреля 1896 г.

287. В. В. Стасову
1896 г. Апреля 7. Москва.

Сейчас кончил записку Стефановича* и спешу очень, очень благодарить вас, дорогой Владимир Васильевич, за ее присылку. Она очень интересна для всех, а для меня очень может быть полезна. Как это вы умеете догадаться о том, что кому нужно, и сделать это самое. Горе мое то, что время мое коротко, и *à tort* или *à raison**, но считаю начатую мною нехудожественную работу самой важной и на это колесо пускаю всю ту воду, которая еще течет, если течет, через меня*. Холевинскую выпустили к нашей радости*. О вас и вашем посещении* вспоминаю с большим удовольствием и пользой: повторять то, что написано во всех прописях, слишком много охотников, а своих собственных, на своей земле выращенных мыслей слишком мало, а они только и нужны.

Прощайте пока, дружески жму вам руку, до Ясной Поляны, или того места, которое не имеет названия, *quo non patī jacent**.

Л. Толстой.

7 апреля 1896 г.

За портрет Герцена* тоже благодарю. Может быть, тот лучше, но и этот хорош.

288. С. Н. Толстому
1896 г. Апреля 19. Москва.

Давно не видался с тобой и часто вспоминаю и думаю о тебе. Ужасно обидно было узнать, что ты написал мне письмо и не послал. Верочка* писала. Если бы даже это были возражения и опровержения, мне все-таки очень это важно и дорого. Ты был нездоров, впрочем, наше нездоровье – старость – не перестает. Может, что-нибудь особенное передумал. Как теперь живешь? Что Гриша? утих ли?

Наша жизнь суетливая, шальная идет по-прежнему. Только и живого в жизни, что утренние часы, которые остаюсь один, а то сплошная толкучка. Теперь с коронацией* и весной еще хуже. Вчера был за городом на велосипеде, видел, что пашут, и слышал жаворонков, и как пахнет распаханной землей. И очень захотелось другой жизни, чем ту, которую веду. Вчера же вечером был в театре, слушал знаменитую новую музыку Вагнера «Зигфрид», опера*. Я не мог высидеть одного акта и выскочил оттуда как бешеный, и теперь не могу спокойно говорить про это. Это глупый, не годящийся для детей старше 7 лет балаган с претензией, притворством,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. фальшью сплошной и музыки никакой. И несколько тысяч человек сидят и восхищаются. На этом пределе музыки я с тобой согласен. Я только расширяю пределы. Может быть, оттого что я с молодым испортился, но все-таки несравненно больше музыкант тот, кто отвергает и Бетховена, чем тот, кто допускает Вагнера. Прощай.

Хотел уничтожить это письмо, так оно мне не нравится, и сделал бы это, если бы ты не сделал этого.

Мы через неделю переезжаем*. Целую Марью Михайловну и девочек.

289. И. Л. Горемыкину
1896 г. Апреля 20. Москва.

Милостивый государь

Иван Логинович,

Обращаюсь к вам, как человек к человеку, с чувством уважения и доброжелательства, с которыми прошу и вас отнестись к моему письму. Только при искренности этих чувств возможно понимание и соглашение.

Дело касается тех преследований, которым подвергаются со стороны чинов вашего министерства лица, имеющие мои запрещенные в России сочинения и дающие их читать тем, которые их об этом просят. Таким преследованиям, сколько мне известно, подвергалось много различных лиц. Один же из последних случаев был с женщиной-врачом Холевинской в Туле, обысканной, посаженной в острог и теперь допрашиваемой следователем по обвинению в распространении моих сочинений.

Этот случай с г-жой Холевинской, женщиной уже не молодой, слабой здоровьем, чрезвычайно нервной и в высшей степени почтенной по своим душевным качествам, заслужившим ей всеобщую любовь всех знающих ее, особенно поразителен.

Поводом к этому, сколько мне известно, послужило следующее: г-жа Холевинская близко знакома и дружна с моими дочерьми. Один тульский рабочий* несколько раз писал мне, прося дать ему для прочтения мое сочинение «В чем моя вера?». Не имея под рукою свободного экземпляра и не зная этого человека, я несколько писем его оставил без ответа. Нынешней же зимой, получив вновь письмо с той же просьбой, я передал его дочери моей, прося ее, если у нас есть та книга, о которой он просил, послать ее ему. Дочь моя, не имея свободного экземпляра, но помня, что в том же городе Туле, откуда писал проситель, живет г-жа Холевинская, имеющая некоторые из моих запрещенных сочинений, послала просителю свою карточку с просьбой дать подателю ее то, что у нее найдется. Это обращение моей дочери к г-же Холевинской и послужило поводом к ее аресту и всем тем истязаниям, которым ее подвергли.

Я думаю, что такого рода меры неразумны, бесполезны, жестоки и, главным образом, несправедливы. Неразумны они потому, что нет и не может быть никакого объяснения, почему из тех тысяч людей, которые имеют мои сочинения и дают их читать своим знакомым, выбрана для преследования одна г-жа Холевинская.

Бесполезны эти меры потому, что они не достигают никакой цели: пресечения эти меры не достигают, потому что то зло, которое предполагается прекратить, продолжает существовать среди тысяч людей, которых нет возможности всех арестовать и держать в тюрьмах. Жестоки же эти меры потому, что для многих людей, слабых и нервных, какова г-жа Холевинская, обыски, допросы и, в особенности, заключение в тюрьму могут быть причинами тяжелых нервных болезней, как это и было с г-жой Холевинской, и даже смерти. Главное же – меры эти в высшей степени несправедливы, потому что они не направляются на то лицо, от которого исходит то, что считается правительством злом.

Такое лицо в данном случае я: я пишу те книги и письменно и словесным общением распространяю те мысли, которые правительство считает злом, и потому, если правительство хочет противодействовать распространению этого зла, то оно должно обратить на меня все употребляемые им теперь меры против случайно попадающихся под его действие лиц, виновных только в том, что они имеют интересующие их запрещенные книги и дают их для прочтения своим знакомым. Правительству должно поступить так еще и потому, что я не только не скрываю этой своей деятельности,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. но, напротив, прямо этим самым письмом заявляю, что я писал и распространял те книги, которые считаются правительством вредными, и теперь продолжаю писать и распространять и в книгах, и в письмах, и в беседах такие же мысли, как и те, которые выражены в книгах.

Сущность этих мыслей та, что людям открыт несомненный закон бога, стоящий выше всех человеческих законов, по которому мы все должны не враждовать, не насиловать друг друга, а, напротив, любить и помогать, – должны поступать с людьми так же, как бы хотели, чтобы другие поступали с нами.

Эти-то мысли, вместе с вытекающими из них практическими выводами, я и выражал, как умел, в своих книгах и стараюсь теперь еще яснее и доступнее выразить в книге, которую пишу*. Эти же мысли я высказываю в беседах и в письмах, которые я пишу знакомым и незнакомым людям. Эти самые мысли я выражаю теперь и вам, указывая на те противные закону бога жестокости и насилия, которые совершаются чинами вашего министерства.

Сказанные Гамалиилом слова о распространении христианского учения, что если дело это от человеков, то оно разрушится, а если оно от бога, то не можете разрушить его; берегитесь поэтому, чтобы нам не оказаться богопротивниками, – остаются всегда уроком истинной правительственной мудрости в ее отношениях к проявлению деятельности людей. Если деятельность эта ложная, она падет сама собою, если же деятельность эта имеет своим содержанием дело божие, каково то дело божие нашего времени – замены принципа насилия принципом разумной любви, то никакие внешние усилия не могут ни ускорить, ни задержать совершения его. Если правительство допустит беспрепятственное распространение этих мыслей, они будут распространяться медленно и равномерно; если правительство будет подвергать, как оно делает теперь, преследованиям людей, усвоивших эти мысли и передающих их другим, распространение этих мыслей ровно настолько уменьшится в среде людей робких, слабых и неопределившихся, насколько оно усилится в среде людей сильных, энергичных и убежденных. И потому процесс распространения истины не остановится, и не задержится, и не ускорится, как бы ни поступало правительство.

Таков, по моему мнению, общий и неизменный закон распространения истины, и потому самое мудрое, что может делать правительство по отношению проявления нежелательных для него идей, состоит в том, чтобы ничего не предпринимать, а тем более не употреблять таких недостойных, жестоких и явно несправедливых мер, как истязание невинных людей только за то, что они делают то самое, что делают и делали десятки тысяч других людей, никем за это не преследуемых.

Если же правительство хочет непременно не бездействовать, а наказывать, угрожать или пресекать то, что оно считает злом, то наименее неразумное и наименее несправедливое, что оно может сделать, состоит в том, чтобы все меры наказания, устрашения или пресечения зла направить против того, кто считается правительством источником его, то есть против меня, тем более, что я заявляю вперед, что буду не переставая, до своей смерти, делать то, что правительство считает злом, а что я считаю своей священной перед богом обязанностью.

И не думайте, пожалуйста, чтобы я, прося обратить против себя меры насилия, употребляемые против некоторых моих знакомых, предполагал, что употребление таких мер против меня представляет какое-либо затруднение для правительства, – что моя популярность и мое общественное положение ограждают меня от обысков, допросов, высылки, заключения и других худших насилий. Я не только не думаю этого, но убежден, что если правительство поступит решительно против меня, сошлет, посадит в тюрьму или приложит еще более сильные меры, то это не представит никаких особенных затруднений, и общественное мнение не только не возмутится этим, но большинство людей вполне одобрит такой образ действия и скажет, что давно уже пора было это сделать.

Бог видит, что, пиша это письмо, я не подчиняюсь желанию бравировать власть или как-нибудь выказаться, а вызван к этому нравственной потребностью, состоящей в том, чтобы снять с невинных людей ответственность за поступки, совершаемые мною, а главное – указать правительственным лицам, и вам в том числе, на жестокость, неразумность и несправедливость употребляемых мер и просить вас, по мере возможности, прекратить их и освободить себя от нравственной за них ответственности.

Очень буду благодарен, если вы ответите мне простым неофициальным письмом* о

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. том, что вы думаете о высказанном мною, и о том, исполните ли мою просьбу перенести на будущее время все преследования, если они уже считаются необходимыми, на меня – главное лицо, с точки зрения правительства, – заслуживающего их.

С чувством истинного доброжелательства остаюсь уважающим вас

Л. Толстой.

290. В. В. Стасову
1896 г. Мая 2. Ясная Поляна.

Виноват перед вами, дорогой Владимир Васильевич, за то, что не отвечал и не благодарил за прекрасный портрет Герцена и еще что-то*. Parent du Châtelet* у меня есть, а если еще что вам попадет под руку в этом роде, то пришлите. Мы три дня как переехали в деревню, и холодно, и мне нездоровится, так что несколько дней не мог работать, а без этого не жизнь.

Л. Толстой.

Архитектор ваш был утром, когда я был занят, а потом, к сожалению, не зашел*. Я бы рад был узнать его, как и все vos amis sont mes amis*.

291. В. В. Стасову
1896 г. Мая 23. Ясная Поляна.

Простите, Владимир Васильевич, что долго не отвечал вам. Очень, очень благодарен вам за книги, которые все получил и некоторые прочел*. А еще более благодарен вам за намерение заехать к нам и пожить несколько дней. Только устройте, если вам все равно, чтобы это было не раньше 20-х чисел июня. А то у нас постройки и нет помещения; в конце же июня очень радуюсь мысли побеседовать с вами. Я все сижу над работой, которую задал себе и в которой очень медленно подвигаюсь, но не позволяю себе делать ничего другого*. Теперь же безумие и мерзости коронации ужасно тревожат меня. Все наши вам кланяются. Так, до свиданья, пожалуйста.

Л. Толстой.

23 мая. 1896.

292. А. Н. Баранову
1896 г. Мая конец. Ясная Поляна.

Я получил ваши письма и материалы по Мультановскому делу*. Я и прежде знал про него и читал то, что было в газетах. Не думаю, чтобы мое мнение по этому делу могло повлиять на судей или присяжных, в особенности потому, что оно таково, что несчастные, мучимые вотяки должны быть оправданы и освобождены независимо от того, совершили они или не совершили то дело, по которому они обвиняются. Кроме того, надеюсь, что с помощью всех тех разумных и гуманных людей, которые возмущены этим делом и стоят за оправдание, оправдание это состоится или уже состоялось.

От души желаю вам успеха и прошу принять уверение в моем уважении и симпатии.

Лев Толстой.

293. Л. Л. Толстому
1896 г. Июня 7. Ясная Поляна.

Каждый день собираюсь писать вам, милые дети Лева и Дора, потому что каждый день по многу раз, с большой любовью и радостью за ваше счастье, думаю о вас, и все не успеваю. Нынче хоть несколько строк, но напишу вам, напишу, главное, то, что я очень вас люблю и как-то особенно, точно я сам вместе с вами переживаю то, что и вместе с вами боюсь за ваше счастье, за те первые шаги, которые вы сделаете. Я жду от вас всего хорошего, но все-таки боюсь. Не успевал я вам написать оттого, что утро весь поглощен своей работой: изложение веры, и не позволяю себе ни минуты урвать от этого времени, так как жизни немного осталось, а думается, что это я обязан сделать*. Работа подвигается, хотя и медленно. А потом обед, прогулка, посетители, вечер и ужин все вместе, а потом спать, и так каждый день.

Смотрите, не ссорьтесь. Всякое слово, произнесенное друг другу недовольным тоном, взгляд недобрый – событие очень важное. Надо привыкнуть не быть недовольным друг другом, не иначе как так, как бываешь недоволен собой, – недоволен своим поступком, но не своей душой. Прекрасно выражение: моя душа, то есть не вся моя душа, но душа моя же. Люблю, как душу. Именно не как тело свое, а как свою душу.

Как хочется увидеть вас, потому что знаю, что буду радоваться.

Вчера у меня было удивительное событие. Раза три ко мне приходил штатский молодой человек из Тулы, прося дать ему книг. Я давал ему мои статьи некоторые и говорил с ним. Он по убеждению нигилист и атеист. Я от всей души говорил ему, что думаю. Вчера он пришел и подал мне записку. Прочтите, говорит, потом вы скажете, что вы думаете обо мне. В записке было сказано, что он жандармский унтер-офицер, шпион, подосланный ко мне, чтобы узнать, что у меня делается, и что ему стало невыносимо, и он вот открывается мне*. Очень мне было и жалко, и гадко, и приятно. Сейчас пришли звать ужинать на террасе. После ужина буду читать: «Свет Азии»* и играть в шахматы с Танеевым. Может быть, он будет играть. Андрюша здесь. Миша ничего, хотя можно бы желать больше духовной жизни. Девочки по-прежнему. Прощай пока, целую вас обоих. Последнее твое письмо мамá понравилось мне и формой и содержанием. Пиши поподробнее.

Л. Т.

294. А. М. Калмыковой
1896 г. Августа 31. Ясная Поляна.

Многоуважаемая

Александра Михайловна,

Очень рад был бы вместе с вами и вашими товарищами Девелем и Рубакиным – деятельность которых знаю и ценю – отстаивать права комитета грамотности* и воевать против врагов народного просвещения; но не вижу никаких средств противодействия на том поприще, на котором вы работаете*.

Я утешаю себя только тем, что занят, не переставая, этой же самой борьбой с теми же врагами просвещения, хотя и на другом поприще.

По тому частному вопросу, который занимает вас, я думаю, что, вместо уничтоженного комитета грамотности, надо бы устроить множество других обществ грамотности, с теми же задачами и независимо от правительства, не спрашивая у него никаких цензурных разрешений и предоставляя ему, если оно захочет, преследовать эти общества грамотности, карать за них, ссылая и т. п. Если оно будет это делать, то только придаст этим особенное значение хорошим книгам и библиотекам и усилит движение к просвещению.

Мне кажется, что теперь особенно важно делать доброе спокойно и упорно, не только не спрашиваясь правительства, но сознательно избегая его участия. Сила правительства держится на невежестве народа, и оно знает это и потому всегда будет бороться против просвещения. Пора нам понять это. Давать же правительству возможность, распространяя мрак, делать вид, что оно занято просвещением народа, как это делают всякого рода мнимопросветительные учреждения, контролируемые им, – школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды, – бывает чрезвычайно вредно. Добро – добро, и просвещение – просвещение только тогда, когда оно совсем добро и совсем просвещение, а не применительно к циркулярам Делянова* и Дурново*. Главное же, мне всегда жалко, что такие драгоценные, бескорыстные, самоотверженные силы тратятся так непроизводительно. Иногда мне просто смешно смотреть на то, как люди, хорошие, умные, тратят свои силы на то, чтобы бороться с правительством на почве тех законов, которые пишет по своему произволу это самое правительство.

Дело, мне кажется, в следующем:

Есть люди, к которым мы принадлежим, которые знают, что наше правительство очень дурно, и борются с ним. Со времен Радищева и декабристов способов борьбы употреблялось два: один способ – Стеньки Разина, Пугачева, декабристов,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. революционеров 60-х годов, деятелей 1-го марта и других; другой – тот, который проповедуется и применяется вами – способ «постепеновцев», – состоящий в том, чтобы бороться на законной почве, без насилия, отвоеывая понемногу себе права. Оба способа, не переставая, употребляются вот уже более полувека на моей памяти, и положение становится все хуже и хуже; если положение и улучшается, то происходит это не благодаря той или другой из этих деятельностей, а несмотря на вред этих деятельностей (по другим причинам, о которых я скажу после), и та сила, против которой борются, становится все могущественнее, сильнее и наглее. Последние проблески самоуправления: земство, суд, ваши комитеты и др. – всё упраздняется, как «бессмысленные мечтания»*.

Теперь, когда прошло столько времени, что тщетно употребляются оба эти средства, можно, кажется, ясно видеть, что ни то, ни другое средство не годится и почему. Мне, по крайней мере, который всегда питал отвращение к нашему правительству, но никогда не прибегал ни к тому, ни к другому способу борьбы с ним, недостатки этих обоих средств очевидны.

Первое средство не годится, во-первых, потому, что если бы даже и удалось изменение существующего порядка посредством насилия, то ничто бы не ручалось за то, что установившийся новый порядок был бы прочен и что враги этого нового порядка не восторжествовали бы при удачных условиях и при помощи того же насилия, как это много раз бывало во Франции и везде, где бывали революции. И потому новый, установленный насилием порядок вещей должен был бы непрестанно быть поддерживаемым тем же насилием, то есть беззаконием, и, вследствие этого, неизбежно и очень скоро испортился бы так же, как и тот, который он заменил. При неудаче же, как это всегда было у нас, все насилия революционные, от Пугачева до 1-го марта, только усиливали тот порядок вещей, против которого они боролись, переводя в лагерь консерваторов и ретроградов все огромное количество нерешительных, стоявших посредине и не принадлежавших ни к тому, ни к другому лагерю людей. И потому думаю, что, руководствуясь и опытом и рассуждением, смело можно сказать, что средство это, кроме того, что безнравственно, – неразумно и недействительно.

Еще менее действительно и разумно, по моему мнению, второе средство. Оно недействительно и неразумно, потому что правительство, имея в своих руках всю власть (войско, администрацию, церковь, школы, полицию) и составляя само те так называемые законы, на почве которых либералы хотят бороться с ним, – правительство, зная очень хорошо, что именно ему опасно, никогда не допустит людей, подчиняющихся ему и действующих под его руководством, делать какие бы то ни было дела, подрывающие его власть. Так, например, хоть бы в данном случае, правительство, как у нас (да и везде), держащееся на невежестве народа, никогда не позволит истинно просвещать его. Оно разрешает всякого рода мнимопросветительные учреждения, контролируемые им, – школы, гимназии, университеты, академии, всякого рода комитеты и съезды и подцензурные издания до тех пор, пока эти учреждения и издания служат его целям, то есть одуряют народ, или, по крайней мере, не мешают одурению его; но при всякой попытке этих учреждений или изданий пошатнуть то, на чем зиждется власть правительства, то есть невежество народа, правительство преспокойно, не отдавая никому отчета, почему оно поступает так, а не иначе, признает свое «veto», преобразовывает, закрывает заведения или учреждения и запрещает издания. И потому, как это ясно и по рассуждению и по опыту, такое мнимое, постепенное завоевание прав есть самообман, очень выгодный правительству и поэтому даже поощряемый им.

Но мало того, что эта деятельность неразумна и недействительна, она и вредна. Вредна этого рода деятельность, во-первых, потому, что просвещенные, добрые и честные люди, вступая в ряды правительства, придают ему нравственный авторитет, который оно не имело бы без них. Если бы все правительство состояло бы из одних только тех грубых насильников, корыстолюбцев и льстецов, которые составляют его ядро, оно не могло бы держаться. Только участие в делах правительства просвещенных и честных людей дает правительству тот нравственный престиж, который оно имеет. В этом – один вред деятельности либералов, участвующих или входящих в сделки с правительством. Во-вторых, вредна такая деятельность потому, что для возможности ее проявления эти самые просвещенные, честные люди, допуская компромиссы, приучаются понемногу к мысли о том, что для доброй цели можно немножко отступать от правды в словах и делах. Можно, например, не признавая существующую религию, исполнять ее обряды, можно присягать, можно подавать ложные, противные человеческому достоинству адреса, если это нужно для успеха дела, можно поступать в военную службу, можно участвовать в земстве, не имеющем

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. никаких прав, можно служить учителем профессором, преподавая не то, что считаешь нужным, а то, что предписано правительством, даже – земским начальником, подчиняясь противным совести требованиям и распоряжениям правительства, можно издавать газеты и журналы, умалчивая о том, что нужно сказать, и печатая то, что велено. Делая же эти компромиссы, пределов которых никак нельзя предвидеть, просвещенные и честные люди, которые одни могли бы составлять какую-нибудь преграду правительству в его посягательстве на свободу людей, незаметно отступая все дальше и дальше от требований своей совести, не успеют оглянуться, как уже попадают в положение полной зависимости от правительства: получают от него жалованье, награды и, продолжая воображать, что они проводят либеральные идеи, становятся покорными слугами и поддерживателями того самого строя, против которого они выступили.

Правда, есть еще и лучшие, искренние люди этого лагеря, которые не поддаются на заманивания правительства и остаются свободными от подкупа, жалованья и положения. Эти люди, большей частью, запутавшись в тех сетях, которыми их опутывает правительство, бьются в этих сетях, как вы теперь с своими комитетами, топчась на одном месте, или, раздражившись, переходят в лагерь революционеров, или стреляются, или спиваются, или, отчаявшись, бросают все и, что чаще всего, удаляются в литературу, где, подчиняясь требованиям цензуры, высказывают только то, что позволено, и, этим самым умолчанием о самом важном внося самые превратные и желательные для правительства мысли в публику, продолжают воображать, что они своим писанием, дающим им средства к существованию, служат обществу.

Так что и рассуждение и опыт показывают мне, что оба средства борьбы против правительства, употреблявшиеся до сих пор и теперь употребляемые, не только не действительны, но оба содействуют усилению власти и произвола правительства.

Что же делать? Очевидно, не то, что в продолжение семидесяти лет оказалось бесплодным и только достигало обратных результатов. Что же делать? А то самое, что делают те, благодаря деятельности которых совершалось все то движение вперед к добру и к свету, которое совершилось и совершается с тех пор, как стоит мир. Вот это-то и надо делать. Что же это такое?

А простое, спокойное, правдивое исполнение того, что считаешь хорошим и должным, совершенно независимо от правительства, от того, что это нравится или не нравится ему. Или другими словами: отстаивание своих прав, не как члена комитета грамотности, или гласного, или землевладельца, или купца, или даже члена парламента, а отстаивание своих прав разумного и свободного человека, и отстаивание их не так, как отстаиваются права земств и комитетов, с уступками и компромиссами, а без всяких уступок и компромиссов, как и не может иначе отстаиваться нравственное и человеческое достоинство.

Для того чтобы успешно защищать крепость, нужно сжечь все дома предместья и оставить только то, что твердо и что мы ни за что не намерены сдать. Точно так же и здесь: надо сначала уступить все то, что мы можем сдать, и оставить только то, что не сдается. Только тогда, утвердившись на этом несдаваемом, мы можем завоевать и все то, что нам нужно. Правда, права члена парламента, или хоть земства, или комитета, – больше, чем права простого человека, и, пользуясь этими правами, кажется, что можно сделать очень многое; но горе в том, что для приобретения прав земства, парламента, комитета, надо отказаться от части своих прав, как человека. А отказавшись хотя от части прав, как человека, нет уже никакой точки опоры и нельзя ни завоевать, ни удержать никакого настоящего права. Для того чтобы вытаскивать других из тины, надо самому стоять на твердом, а если для удобства вытаскивания самому сойти в тину, то и других не вытащишь, и сам завязнешь. Очень может быть хорошо и полезно провести в парламенте восьмичасовой день, или в комитете либеральную программу школьных библиотек; но если для этого нужно члену парламента публично, поднимая руку, лгать, произнося присягу, лгать, выражая словами уважение тому, чего он не уважает; или, для нас, для проведения самых либеральных программ, служить молебны, присягать, надевать мундиры, писать лживые и льстивые бумаги и говорить такие же речи и т. п., то, делая все эти вещи, мы теряем, отказываясь от своего человеческого достоинства, гораздо больше, чем выигрываем, и, стремясь к достижению одной определенной цели (большей частью цель эта и не достигается), лишаем себя возможности достигнуть других, самых важных целей. Ведь сдерживать правительство и противодействовать ему могут только люди, в которых есть нечто, чего они ни за что, ни при каких условиях не уступят. Для того чтобы иметь силу противодействовать, надо иметь

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. точку опоры. И правительство очень хорошо знает это и заботится, главное, о том, чтобы вытравить из людей то, что не уступает, – человеческое достоинство. Когда же оно вытравлено из них, правительство спокойно делает то, что ему нужно, зная, что оно не встретит уже настоящего противодействия. Человек, который согласился публично присягать, произнося недостойные и лживые слова присяги, или покорно в мундире дожидаться несколько часов приема министра, или записавшись в охрану на коронации, или для приличия исполнивши обряд говения и т. п., уже не страшен правительству.

Александр II говорил, что либералы не страшны ему, потому что он знает, что всех их можно купить не деньгами, так почестями.

Ведь люди, участвующие в правительстве или работающие под его руководством, дела вид, что они борются, могут обманывать себя и своих единомышленников; но те, кто с ними борются, несомненно знают по противодействию, которое они оказывают, что они не тянут, а делают только вид. И это знает наше правительство по отношению либералов и постоянно делает испытания, насколько действительно есть настоящее противодействие, и, удостоверившись в достаточном для своих целей отсутствии его, делает свои дела с полной уверенностью, что с этими людьми все можно.

Правительство Александра III знало это очень хорошо и, зная это, спокойно уничтожило все то, чем так гордились либералы, воображая себе, что они все это сделали: изменило, ограничило суд присяжных; уничтожило мировой суд; уничтожило университетские права; изменило всю систему преподавания в гимназиях; возобновило кадетские корпуса; даже казенную продажу вина; установило земских начальников; узаконило розги; уничтожило почти земство; дало бесконтрольную власть губернаторам; поощряло экзекуции; усилило административные ссылки и заключения в тюрьмах и казни политических; ввело новые гонения за веру; довело одурение народа дикими суевериями православия до последней степени; узаконило убийство на дуэлях; установило беззаконие в виде охраны с смертной казнью, как нормальный порядок вещей; и в проведении всех этих мер не встречало никакого противодействия, кроме протеста одной почтенной женщины*, смело высказавшей правительству то, что она считала правдой. Либералы же говорили потихоньку между собою, что им все это не нравится, но продолжали участвовать и в судах, и в земствах, и в университетах, и на службе, и в печати. В печати они намекали на то, на что позволено было намекать, молчали о том, о чем было велено молчать; но печатали все то, что велено было печатать. Так что всякий читатель, получая либеральную газету и журнал, не будучи посвящен в то, что говорилось потихоньку в редакциях, читал изложение без комментариев и осуждений самых жестоких и неразумных мер, подобострастные и льстивые адреса, обращенные к виновникам этих мер, и часто даже восхваления их. Так вся печальная деятельность правительства Александра III, разрушившая все то доброе, что стало входить в жизнь при Александре II, и пытавшаяся вернуть Россию к варварству времен начала нынешнего столетия, – вся эта постыдная деятельность виселиц, розг, гонений, одурения народа, – сделалась предметом безумного, печатавшегося во всех либеральных газетах и журналах восхваления Александра III и возведения его в великого человека, в образцы человеческого достоинства. То же продолжается и при новом царствовании. Вступившего на место прежнего царя молодого человека, не имеющего никакого понятия о жизни, уверили те люди, которые стоят у власти и которым это выгодно, что для управления ста миллионами надо делать то самое, что делал его отец, то есть надо ни у кого не спрашивать, что нужно делать, а делать только то, что взбредет в голову или что посоветует первый из приближенных льстецов. И, вообразив себе, что неограниченное самодержавие есть священное начало жизни русского народа, молодой человек этот начинает свое царствование тем, что вместо того, чтобы просить представителей русского народа помочь ему советами в управлении, в котором он, воспитанный в гвардейских полках, ничего не понимает и не может понимать, он дерзко, неприлично кричит на явившихся к нему с поздравлениями представителей русского народа, называя робко выраженное некоторыми из них желание доводить до сведения власти о своих нуждах «бессмысленными мечтаниями». И что же? Русское общество возмутилось, просвещенные и честные люди – либералы – высказали свое негодование и отвращение, по крайней мере, воздержались от восхваления такого правительства и от участия в нем и поощрения его? Нисколько. С этого времени начинается особенно напряженное взапуски восхваление и отца, и подражающего ему сына, и не слышится ни одного протестующего голоса, и залы Зимнего дворца заваливаются подлыми, льстивыми адресами и подносимыми иконами. Устраивается ужасающая по своей нелепости, безумной трате денег, коронация; происходят от презрения к народу и

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. наглости властителей страшные бедствия погибли тысячи людей, на которые устроители ее смотрят как на маленькое омрачение торжеств, которые не должны от этого прерываться; устраивается никому, кроме тех, кто устроили ее, не нужная выставка, на которую тратятся миллионы; с неслыханной прежде наглостью выдумываются в канцелярии синода новые, самые глупые средства одурения народа, – мощи человека, про которого никто ничего никогда не знал; усиливаются строгости цензуры, продолжается положение охраны, то есть узаконенное беззаконие, и положение становится все хуже и хуже.

А я думаю, что всего этого не было бы, если бы те просвещенные и честные люди, которые теперь заняты либеральной деятельностью на почве законности в земствах, комитетах, подцензурной литературе и т. п., направляли бы свою энергию не на то, чтобы в формах, учрежденных самим правительством, как-нибудь обмануть его и заставить действовать себе на вред и гибель*, а только на то, чтобы, ни в коем случае не участвуя в правительстве и ни в каких делах, связанных с ним, отстаивать свои личные права человека.

* Иногда мне просто смешно подумать, как могут люди заниматься таким очевидно невозможным делом, точно как думать, что можно отрезать у животного ногу так, чтобы оно не заметило.

«Вам угодно учредить, вместо мировых судей, земских начальников с розгами, – это ваше дело; но мы не пойдем ни судиться к вашим земским начальникам, ни сами не будем поступать в эту должность; вам угодно сделать суд присяжных одною формальностью, – это ваше дело, но мы не пойдем в судьи, ни в адвокаты, ни в присяжные; вам угодно под видом охраны установить бесправие, – это ваше дело, но мы не будем участвовать в ней и будем прямо называть охрану беззаконием и смертные казни без суда – убийством; вам угодно устроить классические гимназии с военными упражнениями и законом Божиим или кадетские корпуса, – ваше дело, но мы не будем в них учителями, не будем посылать в них наших детей, а будем воспитывать их так, как считаем хорошим; вам угодно свести на нет земство, – мы не будем участвовать в нем; вы запрещаете печатать то, что вам не нравится, – вы можете ловить, сжигать, наказывать типографщиков, но говорить и писать вы не можете нам помешать, и мы будем делать это; вы велите присягать на верность царю, – мы не будем делать этого, потому что это глупость, ложь и подлость; вы велите служить в военной службе, – мы не будем делать этого, потому что считаем массовое убийство таким же противным совести поступком, как и убийство одиночное, а, главное, обещание убивать, кого прикажет начальник, – самым подлым поступком, который может сделать человек; вы исповедуете религию, отставшую на тысячу лет от века, с Иверской*, мощами и коронациями, – это ваше дело, но идолопоклонство и изуверство мы не только не признаем религиею, но называем изуверством и идолопоклонством и стараемся избавить от него людей».

И что может правительство против такой деятельности? Можно сослать, посадить в тюрьму человека за то, что он готовит бомбу или даже печатает прокламацию к рабочим, и можно передать комитет грамотности из одного министерства в другое, или закрыть парламент; но что может сделать правительство с человеком, который не хочет публично лгать, поднимая руку, или не хочет детей отдавать в заведение, которое он считает дурным, или не хочет учиться убивать людей, или не хочет участвовать в идолопоклонстве, или не хочет участвовать в коронациях, встречах и адресах, или говорит и пишет то, что думает и чувствует? Преследуя человека, правительство делает из такого человека возбуждающего общее сочувствие мученика и подрывает те основы, на которых оно само держится, так как, поступая так, оно вместе того, чтобы охранять человеческие права людей, само нарушает их.

И стоит только всем тем просвещенным и честным людям, силы которых гибнут теперь во вред себе и делу на революционной, социалистической и либеральной деятельности, начать поступать так, и тотчас же составилось бы ядро честных, просвещенных и независимых людей и к ядру этому примкнула бы вся, всегда колеблющаяся масса средних людей и явилась бы та единственная сила, которая покоряет правительства, – общественное мнение, требующее свободы слова, свободы совести, справедливости и человечности. А как скоро составилось бы такое общественное мнение, так не только нельзя бы было закрывать комитет грамотности, но сами собой уничтожились бы все те бесчеловечные учреждения охраны, тайной полиции, цензуры, Шлиссельбурга, синода, с которыми борются теперь революционеры и либералы.

Так что для борьбы с правительством пробованы были два средства, – оба

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. неудачные, и остается теперь испытать третье, которое еще не пробовано и которое, по моему мнению, не может не быть успешно. Средство это, коротко выраженное, состоит в том, чтобы всем просвещенным и честным людям стараться быть как можно лучше, и даже лучше не во всех отношениях, а только в одном, именно соблюсти одну из своих элементарных добродетелей – быть честным, не лгать, а поступать и говорить так, чтобы мотивы, по которым поступаешь, были понятны любящему тебя твоему семилетнему сыну; поступать так, чтобы сын этот не сказал: «А зачем же ты, папаша, говорил тогда то, а теперь делаешь или говоришь совсем другое?» Средство это кажется очень слабым, а между тем я убежден, что только одно это средство двигало человечество с тех пор, как оно существует*.

Убежден же я в этом потому, что то, что требуется совестью – высшим предчувствием доступной человеку истины, – есть всегда и во всех отношениях самая нужная и самая плодотворная деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь благое влияние на людей. Деятельность же, сообразная с совестью лучших людей общества, есть всегда та самая деятельность, которая требуется для блага человечества в данное время.

Простите, что так много написал вам, может быть, совершенно ненужного вам; но мне давно хотелось высказаться по этому вопросу. Я начал даже большую статью об этом*, но едва ли успею до смерти кончить, и потому хотелось бы хоть кое-как высказаться. Простите, если в чем ошибся.

Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

31 августа 1896.

* Только потому, что были такие люди – прямые, правдивые, мужественные и не уступавшие никому в деле своего человеческого достоинства, и совершились все те благие перевороты, которыми теперь пользуются люди, – от уничтожения пытки, рабства до свободы слова и совести. И это не может быть иначе, потому что то, что требуется совестью, высшим предчувствием доступной человеку истины, – есть всегда и во всех отношениях самая плодотворная и самая нужная в данную минуту для человечества деятельность. Только человек, живущий сообразно своей совести, может иметь влияние на людей, и только деятельность, сообразная с совестью, может быть полезна.

Но я должен оговориться: то, что для достижения тех целей, к которым стремятся и революционеры и либералы, самое действительное средство есть деятельность, сообразная с своей совестью, – не значит то, что для достижения этих целей можно начать жить сообразно с своей совестью. Нарочно начать жить сообразно с своей совестью для достижения каких-либо внешних целей – нельзя.

Жить сообразно с своей совестью можно только вследствие твердых и ясных религиозных убеждений. Когда же есть твердые и ясные религиозные убеждения, то благие последствия от них во внешней жизни придут неизбежно. А потому сущность того, что я хотел сказать вам, состоит в том, что невыгодно хорошим, искренним людям тратить силы ума и души на достижение мелких, практических целей, как разные борьбы народности, партий, либеральных вымогательств, когда не установлено ясное и твердое религиозное мировоззрение, то есть сознание смысла своей жизни и своего назначения. Я думаю, что все силы души и разума хороших людей, желающих служить людям, должны быть направлены на это. А когда это будет, то будет и все остальное.

295. Д. П. Кониси
<перевод с английского>
1896 г. Сентября 30. Ясная Поляна.

Дорогой Кониси,

Я очень рад был познакомиться с Току-Томи и его спутником: они показались мне очень просвещенными и свободными в своих взглядах людьми*. Очень порадовался я тоже тому, что вы мне пишете об изменении ваших взглядов на православие. Мне всегда странно было думать и казалось невероятным, чтобы такой умный и свободный от суеверий народ, как японцы, мог бы принять и поверить во все те нелепые и не имеющие ничего общего с христианством догматы, которые составляют сущность

собрание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. церковного христианства, как католического, так и православного и лютеранского. Мне всегда казалось, напротив, что как японцы, так и китайцы неизбежно должны будут принять истинное христианство, которое одно отвечает на те вопросы жизни, которые встают теперь перед всеми людьми и требуют своего разрешения, не находящегося ни в буддизме, ни в конфуцианстве. Все великие учителя человечества всегда проповедовали братство всех людей, но одно христианство указывает тот путь, посредством которого достигается это братство. Вы переводили мои сочинения «Крейцерову сонату» и др., но мне бы очень хотелось познакомить японскую публику с истинным христианством,

как, по моему мнению, его понимал основатель его. Это я, как умел, изложил в книге «В чем моя вера?» и, главное, в книге «Царство божие внутри вас». Я думаю, что эти книги, или, по крайней мере, изложение их содержания, могли бы быть интересны для японцев и показали бы им, что христианство не есть собрание описаний чудес, а самое строгое изложение того смысла человеческой жизни, из которого вытекает не отчаяние, не равнодушие к своим поступкам, а самая определенная нравственная деятельность.

Я посоветовал вашим друзьям выписать для вас из Женевы те книги, которые вы желаете иметь, сам же, если вы только пожелаете этого, пришлю вам для перевода то сочинение, которым я занят теперь и которое содержит самое – сколько я умел сделать – сжатое и точное изложение христианского учения*. Некоторые статьи я передал Току-Томи для пересылки вам. Очень буду рад, если они пригодятся вам*. Затем прощайте, дружески жму вам руку и желаю вам всего хорошего.

Лев Толстой.

30 сентября 1896.

296. Т. Л. Толстой
1896 г. Октября 10–11. Ясная Поляна.

Милая Таня, приезжай скорее, у нас очень хорошо и весело. Князь сегодня приехал, и мы с Машей верхом ездили, Маша на Миронихе, Коля* на Мальчике, а я на Шведке, было очень весело, были у Марьи Александровны. Александра Ивановна уехала.

Мама целый день занимается фотографией. Она сняла несколько раз Козловку и группу нас всех. Лева с Доллан очень веселы, и играем мы все в теннис.

Маша очень свежа и велела тебе сказать, что если тебе нужно, то оставайся в Москве. Она в Пирогово не уедет.

<2> Коля сказал, что седуны твои были безвредны, так как они вместе теряют свою соль*. Целую тебя

я, Левон старший.

297. С. А. Толстой
1896 г. Октября 23. Ясная Поляна.

Написал тебе это «не письмо», милый друг, и хотел послать с Таней, уехавшей в Тулу, но не успел – она уехала, и вот пишу письмецо, которое сам свезу в Ясенки. Очень мне вчера было сердечно хорошо провожать тебя, только жалко было, что ты испугалась, и досадно было на бедного, лишенного главного человеческого чувства понимания жизни других людей и поэтому до идиотизма эгоистического Мишу. Пишу это отчасти, даже не отчасти, а совсем для него: ему нужнее всякой тригонометрии и Цицерона учиться понимать жизнь других людей, понимать то, что для других несомненно и часто отравляет жизнь, а для него совершенно неизвестно, то, что другие люди так же радуются, страдают, хотят жить так же, как и я. Он совершенно лишен этого чутья, и ему надо вырабатывать в себе это чутье, потому что без него человек – животное, и не простое, а страшное, ужасное животное. Говорю я это ему не потому, что он вчера в вагоне, как ты кротко выразилась, ворчал, а потому, что я никогда, исключая как в важных катастрофах, как твоя болезнь, не видал в нем ни искры сочувствия и интереса к чужой жизни – сестер, братьев, твоей, моей. Сочувствие же истинное может выразиться только в обыденной жизни, а не в катастрофах; в исключительных случаях сочувствие не есть сочувствие страдающему, а опять эгоизм – страх перед нарушением привычного и приятного порядка жизни. Меня этот эгоизм ужасает и действует на меня как вид ужасной, гноящейся, вонючей

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
раны.

Я давно набираю это чувство и вот высказал, только больно то, что знаю вперед, что все, что я сказал, будет спокойно откинуто, как нечто неприятное, нарушающее эгоистическое самодовольство. Если же нет, и ты, Миша, подумаешь и заглянешь в себя и согласишься и захочешь вызвать в себе недостающее, то я буду очень рад. Только признать свои несовершенства, и сейчас же выступят сами собой все хорошие свойства. А они есть в тебе.

Очень уж наболело у меня сердце от этих двух мальчиков. Андрюша, который вчера не пришел к тебе, вернулся опять бог знает когда. Я лег во 2-м часу, его не было. И нынче доволен и горд и куда-то исчез опять.

Ужасно тяжело видеть в моей семье такое противоположное всему тому, что не только теперь, но всегда прежде считал хорошим.

Ну, довольно. Тебе и так скучно, а я еще докучаю. Да хотелось излить горе. А кому же ближе, как тебе. Лева нынче, смотрю, вставляет сам двойную раму с Дорой. Я всегда этому радуюсь. Маша ходила на деревню к больным; учит сейчас и переписывает письмо, которое я написал иркутскому начальнику дисциплинарного батальона*. Я утро спал, писал, последние дни в своей работе запутался и был бы огорчен, если бы не знал, что это бывает и пройдет и еще лучше уяснится*. Ты не скучай и не унывай. Ты говорила, что твой приезд мог быть для нас не так приятен, как прежний. Я, напротив, очень был тобой доволен, и очень хорошо было с тобой, и хотел бы тебя не покидать и для тебя и для себя в духовном отношении.

Таня решила 18 переезжать, я не спорю, но я, если думал, то решил, когда выпадет снег; нынче ветрено и похоже на приближение снега.

Я нынче все утро в постели сочинял стихи в роде фета, в полусне. В полусне только это простительно.

Целую тебя, Мишу и Сашу.

Еще событие у меня то, что читаю прекрасную, удивительную статью Carpenter, англичанина, о науке*.

298. Деметрио санини
<перевод с английского>
1896 г. Ноября 11. Ясная Поляна.

Милостивый государь,

Я только что получил ваше письмо*, в котором вы мне сообщаете, что вследствие письма моей дочери, передавшей вам мое желание, чтобы деньги, предназначенные для подарка, который вы имели намерение мне сделать, были употреблены на дело благотворительности, – вы открыли в вашем кружке подписку, которая достигла 22 500 франков.

В то же самое время я получил известия с Кавказа о том плачевном положении, в котором находится целое население духовных христиан (духоборов), исповедующих евангельские принципы непротivления, и с прошлого года страшно преследуемое русским правительством. Эти несчастные, числом около 2000 душ, были изгнаны из своих домов и переселены в татарские деревни, где у них никаких средств существования. Все деньги, какие у них были, истрачены в течение этого года, и они не имеют средств нанимать себе жилища, покупать пищу и, в особенности, не имеют возможности зарабатывать себе на жизнь своим трудом, в котором никто не нуждается в деревнях, где они принуждены оставаться; так что, как мне пишут люди, которым можно доверять, большая часть женщин и детей больны благодаря лишениям, которые им приходится переносить, и смертность между ними ужасная. Английские квакеры пришли им на помощь, наши друзья тоже собирают, что могут, и посылают им. Но по тому, что мне пишут, бедствие этих людей, страдающих за свои религиозные верования, очень велико, и им следовало бы прийти на помощь, особенно во время зимы. Раз у вас возникла мысль, которой я очень тронут и за которую признателен, сделать подписку на дела благотворительности и раз эта подписка дала сумму в 22 500 франков, не согласились ли бы вы употребить ее на помощь этим несчастным? Я не знаю употребления более достойного и благодетельного, чем это. В случае, если бы вы согласились на мое предложение,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.
не хотели ли бы вы, может быть, поручить кому-нибудь из ваших друзей самому отвезти деньги духоборам. В таком случае я дал бы лицу, которое поехало бы, все нужные указания; в случае, если бы вы не нашли никого, кто мог бы поехать на Кавказ, я поручу кому-нибудь из моих друзей сделать это.

Принося вам еще раз благодарность за доброжелательные чувства, которые вы мне выражаете, прошу вас, милостивый государь, принять уверение в моем уважении и сочувствии.

Лев Толстой.

1896, 23 ноября.

Что касается подарка, я повторяю то, что я вам написал через посредство моей дочери, что предпочитаю, чтобы стоимость подарка была употреблена на покупку пищи и одежды для тех, кто в них нуждается.

299. С. А. Толстой
1896 г. Ноября 13. Ясная Поляна.

13 ноября.

Ужасно грустно мне было, милая голубушка Соня, получить вчера твое письмо к Тане, в котором ты жалуешься на то, что мы тебе не пишем. Я пишу теперь третье письмо*. И они писали. Меня только огорчает, что я после твоего отъезда пропустил день. Надо было рассчитывать на промедление. Ты спрашиваешь: люблю ли я все тебя. Мои чувства теперь к тебе такие, что мне думается, что они никак не могут измениться, потому что в них есть все, что только может связывать людей. Нет, не все. Недостает внешнего согласия в верованиях, – я говорю внешнего, потому что думаю, что разногласие только внешнее, и всегда уверен, что оно уничтожится. Связывает же и прошедшее, и дети, и сознание своих вин, и жалость, и влечение непреодолимое. Одним словом, завязано и зашнуровано плотно. И я рад.

У нас все хорошо. Дружно, здорово. Мне очень хочется скорей соединиться с тобой. Работается плохо, а нынче решил, что не нужно себя насиловать, а отдыхать, и нынче чудный день, солнечный, поехал верхом к Булыгину утром, так что обедал один в 4. А лева с Дорой ездили в Тулу

<2> кастрюли покупать. Марья Александровна Дубенская нынче уехала.

Зовут ужинать. Что ты все не бодра, и письма твои нехорошие по духу. Очень, очень хочется поскорее с тобой быть, и без хвастовства, не столько для себя, сколько для тебя, но так как ты – я, то и для себя.

Не понравилось мне то, что тебе статья Соловьева понравилась*.

Ну, прощай пока.

Л. Т.

300. А. М. Кузминскому
1896 г. Ноября 13–15. Ясная Поляна.

Любезный друг Александр Михайлович.

Постараюсь ответить на твой запрос так, как ты желаешь. Я думаю, что обращение ко мне г-на Витте и желание моего участия в деле, которым он занят, основано на недоразумении*. Во всем, что я пишу в последние года о вопросах социальных, я выражаю, как умею, мысль о том, что главное зло, от которого страдает человечество, и все неустройство жизни происходит от деятельности правительства. Одна из поразительных иллюстраций этого положения есть не только допускаемые, но неизбежно поощряемые правительством приготовление и распространение губительного яда вина, так как эта продажа дает одну треть бюджета. По моему мнению, если правительство считает справедливым употреблять насилие для блага граждан, то первое употребление этого насилия должно бы было быть направлено на полное запрещение яда, губящего и физическое и духовное благо миллионов людей. Если правительство считает возможным запретить игорные дома и многое другое, то оно точно так же может запретить водку, как она запрещена во многих штатах Америки.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

Если же оно пользуется этим доходом и позволяет то, что оно могло бы запретить, то как же оно может желать уменьшить потребление вина. Так что общества трезвости, учреждаемые правительством, не стыдящимся самому продавать через своих чиновников яд, губящий людей, представляются мне или фарисейством, или игрушкой, или недоразумением, или и тем и другим и третьим вместе, которым я поэтому никак не могу сочувствовать.

Прости меня, пожалуйста, что я так перемарал это письмо. Хотел сначала написать так, чтобы ты мог прямо мой ответ передать Витте, но кажется, что это так нельзя, что это или раздражит, или огорчит его, чего я истинно не желаю. Насчет же свидания нашего я тоже желал бы избежать этого. Мы стоим на таких отдаленных друг от друга точках, и думаю, что и направления, по которым мы движемся, до такой степени противоположны, что ничего из этого свидания, кроме потери времени, выйти не может.

Нельзя ли тебе так написать ему: «что Толстой не сочувствует вообще казенной продаже вина, как возвращению к старым формам, и не думает, чтобы общества трезвости, ведомые правительственными чиновниками, могли влиять на народ. Вообще же он (Толстой) такой крайний человек, что с ним лучше не водиться». Или что-нибудь в этом роде.

У нас был слух, что тебя переводят сенатором. Мы очень было пожалели, потому что вы любите Киев (нынче ночью видел Таню во сне, что она не хочет уезжать с своей дачи и сажает какие-то деревья), но, судя по вашим письмам, ничего этого нет. И дай бог.

Что бы вы уговорили Драгомирова, чтобы он не писал таких гадких глупостей, и, главное, тон этот: «Ах, господа, господа» и т. д. Ужасно думать, что во власти этого пьяного идиота столько людей*.

Прощай пока, целую тебя. Любящий тебя

Л. Толстой.

*301. Н. А. Любимову
1896 г. Декабря 17. Москва.

Уважаемый Николай Алексеевич.

Очень благодарен за присылку мне вашего прекрасного труда*, я говорю прекрасного, потому что слегка заглянул в него и знаю по прежним вашим сочинениям ваше мастерство ясного и точного изложения. Предмет же вашей книги самый интересный в области вашей науки, потому что история науки есть сама наука plus история деятельности ума человечества в известном направлении. С соображениями же вашими о том, что цель жизни человечества есть расширение знания со всеми вытекающими из него (практическими, как я полагаю, вы разумеете) [последствиями], я никак не могу согласиться. Физические знания, в особенности если для приобретения их не требуется затраты лучших сил своей и чужих жизней, составляют безвредное, приятное и могущее быть полезным занятие, но цель жизни заключается, по моему мнению, не в расширении этих знаний, а в нравственном совершенствовании, индивидуальном и общественном, в установлении царства божия и в своем сердце и на земле. Расширение же знаний и вытекающие из них последствия совершенно независимы от нравственного совершенствования и нравственное совершенствование от физических знаний; они могут совпадать, но могут и быть в противоречии друг с другом.

Вы вызываете меня на высказывание моего мнения о значении физических и вообще естественных наук, и потому я позволю себе высказать его. Мне кажется, что никакая отдельная наука, ни наука вообще не должна предъявлять своих прав на высшее и исключительное значение; что такое предъявление прав в высшей степени не научно, потому что не имеет никаких оснований, кроме желания людей, занимающихся науками, думать, что они занимаются самым важным на свете делом и что поэтому они свободны от требований, предъявляемых действительно высшим делом жизни, исполнением воли бога – религией. По-моему, наука для того, чтобы законно занимать подобающее ей и достойное уважения место, должна помнить, что она есть безразличное занятие, вроде всякого ремесла (хотя одно из самых утонченных ремесл), которое само в себе не представляет никакого достоинства и может быть употреблено на пользу и на вред, и тогда оно есть хорошее препровождение

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
времени, как и всякий труд. Но как только наука заявляет права на высшее значение становится на то место, на котором может стоять только нравственность, как это часто делается в последнее время и как вы это высказываете в вашем письме*, так она становится уже не хорошее, а очень вредное препровождение времени. Повторяю свою благодарность за присылку книги и доброе письмо ваше, остаюсь

с истинным уважением Лев Толстой

1897

302. Л. И. Веселитской

1897 г. Января начало. Москва.

Дорогая Лидия Ивановна. Очень вам благодарен за ходатайство перед Стасюлевичем* и за предложение отдать это в «Ниву». Я совершенно не согласен со Стасюлевичем и очень жалею, что он так непонятлив. Начали ли вы писать на мою тему?* Если начали, то продолжайте. Если вы полюбите эту тему, то будет очень хорошо. Если же не начинали, то не начинайте. Я знаю, что никогда не напишу этого, а все-таки хочется надеяться. В последнее время пришлось опять живо почувствовать то, что хотелось бы выразить в этом писании.

Здоровы ли вы? бодры ли? довольны ли своей жизнью? Желаю вам радостного труда и дружески жму вашу руку. Не узнаете ли чего про Черткова и про успех или неуспех его дела?*

Любящий вас

Толстой.

303. В. В. Стасову

1897 г. Января 4. Москва.

Нет ли записок, кроме Полторацкого и Зиссермана, касающихся Кавказа и войны в 40–60 годах? Вот мои дерзкие и покорные просьбы*. Прошу простить и не бранить.

Из этих 20 томов те, которые касаются Аварии и Чечни.

Л. Толстой.

304. М. Л. Толстой

<неотправленное>

1897 г. Января 12 Москва. 12 января. Утро.

Читай одна.

Милая Маша, хотя, когда ты тут, я редко говорю с тобой, теперь, когда мне очень скверно на душе, хочется твоего сочувствия. Из всех семейных ты одна, как ни сильна твоя личная жизнь и ее требования, ты одна вполне понимаешь, чувствуешь меня. Жизнь, окружающая меня и в которой я, по какой-то или необходимости, или слабости, участвую своим присутствием, вся эта развратная отвратительная жизнь с отсутствием всяких не то что разумных или любовных к людям, но просто каких-либо, кроме самых грубых животных интересов нарядов, сладкого жрания, всякого рода игры и швырянья под ноги чужих трудов в виде денег, и это даже без доброты, а, напротив, с осуждением, озлоблением и готовностью раздражения на все, что против шерсти, до такой степени временами становится противна мне, что я задыхаюсь в ней, и хочется кричать, плакать, и знаешь, что все это бесполезно и что никто не то что не поймет, но даже не обратит внимания на твои чувства, – постарается не понять их, да и без старания не поймет их, как не понимает их лошадь. Вчера, сидя за обедом, слушая эти разговоры без единого живого слова, с невеселыми шутками и недобротой друг к другу, эти бессвязные монологи, я взглянул на M-lle Aubert* и почувствовал, что мы с ней одинаково лишни и нам одинаково неловко оттого, что мы это чувствуем. Ужасно гадко, и гадко то, что я не могу преодолеть себя и не страдать и не могу предпринять что-нибудь, чтобы порвать это ложное положение и последние годы, месяцы или дни своей старости прожить спокойно и не постыдно, как я живу теперь. Не знаю, что от чего: оттого ли, что я не могу увлечься работой, чтоб не так больно чувствовать это, или оттого, [что] я так больно чувствую, я не могу работать, но мне тяжело и хочется сочувствия, чтоб меня поняли и пожалели. Таня бедная хотела бы жить ближе ко

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. мне, но она ужасно слаба и вся завлечена этим безумным водоворотом: Дузе, Гофман, красота, выставка, старость подходит, Сухотин, скверно. Сережа, Илюша, Миша всё то же. Даже нет детей, чтоб на них отдохнуть, Черткова и Поши тоже нет. Ты сама вся изломана и измучена своими делами, а я тебе еще свою выставлю болячку*. Давай болеть вместе. Ты мне свое все скажи. Я приму близко к сердцу, потому что это может быть и страданье в будущем, но это серьезное. Мучает же напряженность пустяков и мелких гадостей.

305. В. Г. Черткову
1897 г. Января 12. Москва.

Читайте один.

Что вы не пишете мне, милый друг? Хорошо ли вам? Хорошо ли в душе? Не лежит у меня сердце к тому, что вы там делаете. Боюсь, что вы своей душе вред сделаете. Не верится мне, чтобы хорошее, настоящее дело надо было делать с такими подготовлениями, приготовлениями*. Боюсь, что это соблазн. Напишите мне, главное, про себя, про свою душу: как и чем она живет, чем страдает, чем радуется. Я пишу вам нынче особенно потому, что мне очень тяжело и одиноко. Маши нет, и никого нет такого, как вы и Поша, кому хотелось бы излить душу, пожаловаться, попросить участия, сострадания. Жизнь, окружающая меня, становится все безумнее и безумнее: еда, наряды, игра всякого рода, суета, шутки, швырянье денег, живя среди нищеты и угнетения, и больше ничего. И остановить это, обличить, усювестить нет никакой возможности. Глухие скорее услышат, чем кричащие не переставая. И мне ужасно, ужасно тяжело. Если бы я сказал, что несю терпеливо, делаю, что могу, я бы сказал неправду. Падаю духом, озлобляюсь, молюсь безнадежно и отвратителен сам себе. Вот это правда.

Нового ничего не случилось: все то же, но как будто все разгорается и разгорается эта нелепость и развратность жизни, а с моей стороны все меньше и меньше противодействия и все большая и большая близость к концу и потому все большее и большее желание, желание тихой, достойной человеческой жизни. И нет того, что спасало прежде: напряженной, увлекающей, поглощающей работы. Пишу об искусстве*, но эта работа отчасти, особенно теперь, ученая и не захватывающая, а на другие работы нет энергии. Вы, пожалуйста, не утешайте меня, и не пишете мне про это, и не читайте никому мое письмо, кроме Поши. Мне только нужно было высказаться любимому и любящему человеку. И мне станет легче. В хорошие минуты говорю себе, что то, что со мной, это мне нужно, что так нужно дожить до смерти, а потом – опять возмущение и желание и упрек, зачем не дано мне хоть перед смертью пожить, хоть год, хоть месяц, свойственной мне жизнью, вне той лжи, в которой я не только живу, но участвую и утопаю.

Так вот напишите мне про себя так же откровенно, как я пишу про себя, а про меня не пишете. Жму вам руку.

Л. Т.

306. С. А. Толстой
1897 г. Февраля 1. Никольское-Обольяново.

1 февраля вечер.

Милый друг Соня,

Таня написала тебе* о том, как мы доехали и живем, о внешнем, мне же хочется написать тебе о том, что тебя интересует – о внутреннем, о душевном, моем состоянии.

Уезжал я грустный, и ты почувствовала это и оттого приехала, но тяжелого чувства моего не рассеяла, а скорее усилила. Ты мне говорила, чтоб я был спокоен, потом сказала, что ты не поедешь на репетицию*. Я долго не мог понять: какую репетицию? и никогда и не думал об этом. И все это больно. Неприятно, больше, чем неприятно... мне было узнать, что, несмотря на то, что ты столько времени рассчитывала, приготавливалась, когда ехать в Петербург, кончилось тем, что ты едешь именно тогда, когда не надо бы ехать. Я знаю, что это ты не нарочно делала, но все это делалось бессознательно, как делается всегда с людьми, занятыми одной мыслью. Знаю, что и ничего из того, что ты едешь, теперь не может выйти, но ты невольно играешь этим, сама себя возбуждаешь; возбуждает тебя и мое

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. отношение к этому. И ты играешь этим. Мне же эта игра ужасно мучительна. Ты скажешь, что ты не могла иначе устроить свою поездку. Но если ты подумаешь и сама себя проанализируешь, то увидишь, что это неправда: во-1-ых, и нужды особенной нет для поездки, во-2-ых, можно было ехать прежде и после – потом.

Но ты сама невольно это делаешь. Ужасно больно и унизительно стыдно, что чуждый совсем и не нужный и ни в каком смысле не интересный человек* руководит нашей жизнью, отравляет последние года или год нашей жизни, унизительно и мучительно, что надо справляться, когда, куда он едет, какие репетиции когда играет.

Это ужасно, ужасно, отвратительно и постыдно. И происходит это именно в конце нашей жизни – прожитой хорошо, чисто, именно тогда, когда мы все больше и больше сближались, несмотря на все, что могло разделять нас. Это сближение началось давно, еще до Ванечкиной смерти, и становилось все теснее и теснее и особенно последнее время, и вдруг вместо такого естественного, доброго, радостного завершения 35-летней жизни, эта отвратительная гадость, наложившая на все свою ужасную печать. Я знаю, что тебе тяжело и что ты тоже страдаешь, потому что ты любишь меня и хочешь быть хорошею, но ты до сих пор не можешь, и мне ужасно жаль тебя, потому что я люблю тебя самой хорошей не плотской и не рассудочной, а душевной любовью.

Прощай и прости, милый друг.

Целую тебя.

Л. Т.

Письмо это уничтожь.

Во всяком случае, пиши мне, и почаще.

Зачем я пишу? Во-1-ых, чтобы высказаться, облегчить себя и, во-2-ых и главное, чтобы сказать тебе, напомнить тебе о всем значении тех ничтожных поступков, из которых складывается то, что нас мучает, помочь тебе избавиться от того ужасного загипнотизированного состояния, в котором ты живешь.

Кончиться это может невольно чьей-нибудь смертью, и это, во всяком случае, как для умирающего, так и для остающегося, будет ужасный конец, и кончиться может свободно, изменением внутренним, которое произойдет в одном из нас. Изменение это во мне произойти не может: перестать видеть то, что я вижу в тебе, я не могу, потому что ясно вижу твое состояние; отнестись к этому равнодушно тоже не могу. Для этого – чтоб отнестись равнодушно, я должен сделать крест над всей нашей прошедшей жизнью, вырвать из сердца все те чувства, которые есть к тебе. А этого я не только не хочу, но не могу. Стало быть, остается одна возможность, та, что ты проснешься от этого страшного сомнамбулизма, в котором ты ходишь, и вернешься к нормальной, естественной жизни. Помоги тебе в этом бог. Я же готов помогать всеми своими силами, и ты меня учи, как?

Заезжать тебе на пути в Петербург, я думаю, лучше не надо. Лучше заезжай оттуда*. Виделись мы недавно, а я не могу не испытывать неприятного чувства по отношению этой поездки. А я чувствую себя слабым и боюсь себя. Лучше заезжай оттуда. Ты всегда говоришь мне: будь спокоен, и это оскорбляет и огорчает меня. Я верю твоей честности вполне, и если я желаю знать про тебя, то не по недоверию, а для того, чтобы убедиться, насколько ты связана или свободна.

307. С. Н. Толстому
1897 г. Февраля 22. Никольское.

22 февраля.

Вспоминаю беспрестанно и думаю о тебе и особенно вспоминал 5 февраля, когда тебе минуло 71 год*, «many happy returns of the day»*. И нынче ночью видел тебя во сне. Очень хотелось бы видиться. Ты скажешь: зачем же я не приеду к тебе? Я сам себя об этом спрашиваю, потому что знаю, что как мне ни хорошо здесь у Олсуфьевых, у тебя бы было еще гораздо лучше. Но я как-то привык сам

<2> ничего не предпринимать, и куда меня направят, туда я и еду, разумеется, всегда с радостью, только бы вон из Москвы. Одно время я подговаривался, чтобы

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. ехать в Пирогово, но почему-то это не устроилось. А жалко, потому что в наши года се que est retardé est probablement perdu* и навсегда. Я всю зиму эту не так здоров, как бы желал и как бывал прежде. Главное, не работаете, а, живя в этой безобразной жизни, одно успокоение – это уйти с головой на 4, 5 часов в день в свою работу, которую считаешь не бесполезной. А нынешний год этого нет, пишу об искусстве, и работа подвигается плохо*, а работа интересная и которую ты наверно одобришь, потому что найдешь в ней много своих мыслей. Теперь о Черткове и Бирюкове и моей петербургской поездке: Черткову предложили на выбор: в Остзейские провинции или за границу, и он выбрал за границу; Бирюков сказал, что он ничего выбирать не хочет, а если считают себя вправе насильно выслать его, то пусть высылают куда хотят. Его сослали (свезли с переодетыми учтивыми жандармами) в г. Бауск, Курляндской губернии. Говорят, крошечный городок в 50 верстах от железной дороги, наполненный евреями. За что выслали, все спрашивают и никто не говорит*. Главная цель, очевидно, в том, чтобы противодействовать распространению истины, не трогая почему-то меня, что мне очень неприятно, и потому, что совестно, и еще потому, что это обязывает меня, которому одному предоставлена возможность высказываться, высказываться все прямее и прямее. Цели же своей высылка эта, разумеется, не достигла, потому что она близких людей сблизила еще больше, средних, колеблющихся людей привлекла на сторону правды и в самых далеких вызвала неудовольствие против правительства и недоверие к нему. Что ты? Как твое здоровье? Что хорошенького прочел? Я ничего не могу указать. Что Марья Михайловна? Вероятно, еще больше теперь боится, и напрасно. Что милые девочки? Таня здесь со мною, Маша в Москве, там теперь и Лева. Вероятно, и я приеду скоро. Прощай, целую вас всех. Если напишешь, буду благодарен, и не напишешь – хорошо.

Л. Т.

308. П. И. Бирюкову
<неотправленное>
1897 г. Февраля 26. Никольское.

№ 3. Не получил еще от вас ни одного письма, кроме первого в день вашего приезда, милый, дорогой друг Поша*. Ах, как мне жалко, как мне больно, как мне стыдно за всех этих людей, которые вас возили, таскали, описывали, раскрывали ваши письма! Ведь ужасно то, что все эти люди, начиная с министра и до урядника, менее всего способны заботиться о чем-нибудь другом, кроме как о самих себе, и они поставлены в необходимость заботиться о других, о воображаемом общем благе, о том, чтобы Бирюков не заразил христианскими чувствами и своей добротой людей, окружающих его. Начинают ведь все эти люди с того, что предаются всякого рода наслаждениям, приучаются к этим наслаждениям еды, питья, охоты, нарядов, танцев, часто разврата и, не имея средств для этого, тянутся к государственному бюджету, собранному с народа, и для этого подчиняются всем требованиям правительства – лжи, лицемерия, насилия, убийства, чтения чужих писем и всякой подлости. Когда же они подчинились всему этому, правительство дает им места, повышает их, и кончается тем, что на всей лестнице управления от министра, через губернатора, до исправника, заведует всем народом, управляя всем – и религией, и нравственностью, и образованием, и порядками, и имуществом, и хозяйством, сидят преимущественно, исключительно даже, самые эгоистические сластолюбцы, поставленные в необходимость управлять народом, до которого им нет никакого дела.

Простите, что пишу вам, милый друг, то, что вам мало интересно, да меня это так осветило и поразило. Вчера получил письмо от Чертковых, они в Берлине видели Маковицкого. Кенворти в отлучке, но принял их офицер бывший St. John. Они еще не устроились на квартире. Галя перенесла дорогу хорошо.

Я все еще у Олсуфьевых, где мне очень хорошо. Понемногу пишу об искусстве, и все становится интереснее

<2> и интереснее. Хотя это и частный вопрос и есть другие вопросы, более нужные и важные, не могу оторваться от начатой работы. И иногда утешаю себя мыслью, что освещение с христианской точки зрения того, что есть искусство, может быть тихо, но существенно полезно. Шмит пишет, что его предадут суду за его статью в 4-ом №*. Про Ивана Михайловича ничего не знаю*. Пишите мне хорошенько про себя. Что вы делаете? Не взяли ли вы за письменную работу. Нарочно не заставляйте себя, но если бы вас потянуло на такую работу, то отдайтесь ей. И я бы очень рад был и за вас и за то, что вы сделали бы полезное. Целую вас крепко.

л. т.

26 февраля 1897.

309. В. Г. Черткову

1897 г. февраля 26. Никольское-Обольяново. 26 февраля 97 г. № 2. У Олсуфьевых.

Я получил ваше письмо*, милый друг, и вы, верно, теперь получили мое. Я даже надеялся, что мое встретит вас в Лондоне. Хотя вы и не велите мне этого делать, – пишу к вам после кучи написанных писем, и потому едва ли что напишу путного. Писал сейчас Поше через Свербеева (губернатора). Его сын рассказывал, что Поша, будучи у него, написал письмо и хотел опустить в ящик, но Свербеев, бывший с ним очень любезен, сказал, что он не может допустить этого и должен прочесть письмо, тогда Поша разорвал письмо. Какая гадость. Я думал, что это уже перестало случаться со мной, но опять случается в этом случае то, что случалось много раз, что придет мысль, которая кажется преувеличением, парадоксом, но потом, когда больше привыкнешь к этой мысли, видишь, что то, что казалось парадоксом, – есть только самая простая и несомненная истина. Так теперь мне представляется мысль о том, что государство и его агенты – это самые большие и распространенные преступники, в сравнении с которыми те, которых называют преступниками, невинные агнцы: богохульство, кощунство, идолопоклонство, убийство, приготовление к нему, клятвопреступления, всякого рода насилия, мучения, истязания, сечение, клевета, ложь, проституция, развращение детей, юношей (чтение чужих писем в том числе), грабеж, воровство – это всё необходимые условия государственной жизни.

Много у меня планов работы, но то, что случилось с вами и Пошей (про Ивана Михайловича* еще ничего не знаю), и, главное, то, что случилось со мной, то, что меня не трогают, – требует от меня того, чтобы высказать до смерти все, что я имею сказать. А я имею сказать очень определенное и, если жив буду, скажу. Теперь же все занят статьей об искусстве и все подвигаюсь, и, кажется, будет интересно и полезно.

Как вы устроились, что Димочка? Какое впечатление произвели на вас друзья Кенворти? За какую работу вы беретесь? Я сужу по себе и потому желаю и советую вам больше всего, особенно теперь на чужбине, кроме работы физической, если возможно, часа три в день, устроить себе работу письменную, умственную, в которую можно бы уходить совсем, и думать, приступая к работе, что делаешь ее не для себя, а для бога – для людей.

Целую вас и очень, очень люблю.

л. Толстой.

310. Луизе Брюммер

<перевод с французского>

1897 г. февраля 26. Никольское-Обольяново.

26 февраля 1897.

Дорогая м-м Брюммер, я очень обязан вам за случай, который вы мне предоставили, сообщить Бьернсону, что я получил его книгу «Король»*, которой я много восхищался (говорю это совершенно искренно, не из любезности; я читал ее вслух нескольким моим друзьям, отмечая им красоты, особенно меня поразившие), и что я сердечно благодарю его за то, что он обо мне вспомнил. Это один из современных авторов, которых я наиболее ценю, и чтение каждого его труда доставляет мне не только большое удовольствие, но открывает новые горизонты. Если вы будете ему писать, милостивая государыня, передайте это ему. Благодарю вас еще раз за вашу услугу, – которую вы мне оказали тем, что написали, прошу вас принять уверения в моих лучших чувствах.

311. А. Ф. Кони

1897 г. Марта 9. Москва.

Дорогой Анатолий Федорович. Вчера вечером сын мой* рассказал мне про страшную историю, случившуюся в Петропавловской крепости*, и про демонстрацию в Казанском соборе*. Я не совсем поверил истории, в особенности потому, что слышал, что в Петропавловской крепости теперь уже не содержат заключенных. Но нынче утром

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. встретившийся мне профессор подтвердил мне всю историю, рассказав, что они, профессора, собравшись вчера на заседании, не могли ни о чем рассуждать, так все они были потрясены этим ужасным событием. Я пришел домой с намерением написать вам и просить сообщить мне, что в этом деле справедливо, так как часто многое бывает прибавлено и даже выдуманно. Не успел я еще взяться за письмо, как пришла приехавшая из Петербурга дама, – друг погибшей, и рассказала мне все дело и то, что лишившая себя жизни девушка Ветрова мне знакома и была у меня в Ясной Поляне*.

Неужели нет возможности узнать положительно причину самоубийства, то, что происходило с ней на допросе, и успокоить страшно возбужденное общественное мнение, успокоить такой мерой правительства, которая показала бы, что то, что случилось, было исключением, виною частных лиц, а не общих распоряжений и что то же самое не угрожает, при том молчаливом хватании и засаживании, которое практикуется, всем нашим близким.

Вы спросите: чего же я хочу от вас? Во-первых, если возможно, описание того, что достоверно известно об этом деле, и, во-вторых, совета, что делать, чтобы противодействовать этим ужасным злодеяниям, совершаемым во имя государственной пользы*.

Если вам некогда и не хотите отвечать, не отвечайте, если же ответите, буду очень благодарен.

Дружески жму вам руку.

Любящий вас

Лев Толстой.

9 марта 1897.

312. С. Т. Семенову
1897 г. Марта 22. Москва.

22 марта 97.

Не надо унывать, дорогой Сергей Терентьевич*. Уж как крепок лед и как скрыта земля снегом, а придет весна, и все рухнет. Так и тот, застывший, как будто и не движущийся строй жизни, который сковал нас. Но это только кажется. Я вижу уже, как он стал внутренне слаб, и лучам солнца, и всем нам, по мере ясности отражающим эти лучи, надо не уставать отражать их и не унывать. Я так больше радуюсь, чем унываю. Делайте то же и вы. Мне хвалили ваш последний рассказ*. Я не читал.

Посылаю адрес Черткова и целую вас.

Л. Т.

313. С. А. Толстой
1897 г. Мая 3. Ясная Поляна.

Очень я себя чувствовал вялым и слабым в день отъезда и дорогой*. Но необыкновенная красота весны нынешнего года в деревне разбудит мертвого. Жаркий ветер ночью колышет молодой лист на деревьях, и лунный свет и тени, соловьи пониже, повыше, подальше, поближе, сразу и синкопами, и вдали лягушки, и тишина, и душистый, жаркий воздух – и все это вдруг, не вовремя, очень странно и хорошо. Утром опять игра света и теней от больших, густо одевшихся берез прешпекта по высокой уж, темно-зеленой траве, и незабудки, и глухая крапивка, и все – главное, маханье берез прешпекта такое же, как было, когда я 60 лет тому назад в первый раз заметил и полюбил красоту эту. Очень хорошо и не грустно, потому что ничего позади этого не воображаю, а хорошо, как должно быть хорошо в душе и бывает хоть изредка.

Спал дурно, убирался, почти ничего не делал. Проехался верхом на Горелую поляну и кругом на пчельник, пообедал в 2 и пишу. Должно быть, займусь своей статьей теперь. Севой и Дорой приятно. Хозяйство, как кажется, Лева ведет хорошо. Он огорчился, что ты не дослала ему 50 рублей. Он говорит, что он сделает что может

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. для экономии, и просил то, меньше чего нельзя. Пришли ему с Машей, если можно. Пожалуйста, пожалуйста, не увлекайся ты работой, т. е. не засиживайся ночами. Это ужасно нехорошо тебе. А ездй за город, ходи по саду. И не говори, что нужно, принесли 8 листов*. Нельзя подчинять свое здоровье и потому жизнь типографии. Она может подождать. Прощай, целую тебя, Мишу и Машу, и Сашу, и особенно сестру Машеньку. Очень жаль, что мало видел ее.

314. С. А. Толстой
<неотправленное>
1897 г. Мая 19. Ясная Поляна. Ночь. 19 мая.

Милая и дорогая Соня.

Твое сближение с Танеевым мне не то что неприятно, но страшно мучительно. Продолжая жить при этих условиях, я отравляю и сокращаю свою жизнь. Вот уже год, что я не могу работать и не живу, но постоянно мучаюсь. Ты это знаешь. Я говорил это тебе и с раздражением, и с мольбами, и в последнее время совсем ничего не говорил. Я испробовал все, и ничего не помогло: сближение продолжается и даже усиливается, и я вижу, что так будет идти до конца. Я не могу больше переносить этого. В первое время после получения твоего последнего письма* я было решил уехать. И в продолжение трех дней жил с этой мыслью и пережил это и решил, что, как ни тяжела мне будет разлука с тобой, все-таки я избавлюсь от этого ужасного положения унижительных подозрений, дерганий и разрываний сердца и буду в состоянии жить и сделать под конец жизни то, что считаю нужным делать. И я решил уехать, но когда я подумал о тебе, не о том, как мне будет больно лишиться тебя, как это ни больно, а о том, как тебя это огорчит, измучит, как ты будешь страдать, я понял, что не могу этого сделать, не могу уехать от тебя без твоего согласия.

Положение такое: продолжать жить так, как мы теперь живем, я почти не могу. Я говорю почти не могу, потому что всякую минуту чувствую, как теряю самообладание и всякую минуту могу сорваться и сделать что-нибудь нехорошее: без ужаса не могу думать о продолжении тех почти физических страданий, которые я испытываю и которые не могу не испытывать.

Ты знаешь это, может быть, забывала, хотела забывать, но знала, и ты хорошая женщина и любишь меня и все-таки не хотела, я не хочу еще думать, чтобы не могла избавить меня, да и себя от этих ненужных, ужасных страданий.

Как же быть? Реши сама. Сама обдумай и реши, как поступить. Выходы из этого положения мне кажутся такие: 1) и самое лучшее, это то, чтобы прекратить всякие отношения, но не понемногу и без соображений о том, как-это кому покажется, а так, чтобы освободиться совсем и сразу от этого ужасного кошмара, в продолжение года душившего нас. Ни свиданий, ни писем, ни мальчиков, ни портретов, ни грибов Анны Ивановны*, ни Померанцева, а полное освобождение, как Маша освободилась от Зандера, Таня – от Попова. Это одно и лучшее. Другой выход это то, чтобы мне уехать за границу, совершенно расставшись с тобой, и жить каждому своей независимой от другого жизнью. Это выход самый трудный, но все-таки возможный и все-таки в 1000 раз для меня более легкий, чем продолжение той жизни, которую мы вели этот год.

Третий выход в том, чтобы тоже, прекратив всякие сношения с Танеевым, нам обоим уехать за границу и жить там до тех пор, пока пройдет то, что было причиной всего этого.

Четвертый не выход, а выбор самый страшный, о котором я без ужаса и отчаяния не могу подумать, это тот, чтобы, уверив себя, что это пройдет и что тут нет ничего важного, продолжать жить так же, как этот год: тебе самой, не замечая этого, отыскивать все способы сближения, мне видеть, наблюдать, догадываться и мучиться – не ревностью, может быть, есть и это чувство, но не оно главное. Главное, как я тебе говорил, стыд и за тебя и за себя. То самое чувство, которое я испытывал по отношению к Тане, с Поповым, с Стаховичем, но только еще в 100 раз болезненнее. Пятый выход тот, который ты предлагала: мне перестать смотреть на это, как я смотрю, и ждать, чтобы это само прошло, если что и было, как ты говоришь. Этот пятый выход я испробовал и убедился, что не могу уничтожить в себе то чувство, которое мучит меня, до тех пор, пока продолжают поводы к нему.

Я испытал это в продолжение года и старался всеми силами души и не мог и знаю, что не могу, а напротив, удары всё по одному и тому же месту довели боль до высшей степени. Ты пишешь, что тебе больно видеть Гуревич*, несмотря на то, что чувство, которое ты с ней связала, не имело никакого подобия основания и продолжалось несколько дней. Что же должен я чувствовать после 2-х летних увлечений и имеющих самые очевидные основания, когда ты после всего, что было, устроила в мое отсутствие ежедневные – если они были не ежедневные, то это было не от тебя – свидания?

А ты в том же письме пишешь как бы программу нашей дальнейшей жизни, чтобы не мешать тебе в твоих занятиях или радостях, когда я знаю, в чем они.

Соня, голубушка, ты хорошая, добрая, справедливая женщина. Перенесись в мое положение и пойми, что иначе чувствовать, как я чувствую, то есть мучительную боль и стыд, нельзя чувствовать, и придумай, голубушка, сама наилучшее средство избавить не столько меня от этого, сколько себя самое от еще худших мучений, которые непременно в том или другом виде придут, если ты не изменишь свой взгляд на все это дело и не сделаешь усилие. Я пишу тебе это третье письмо. Первое было раздраженное*, вторую записочку оставляю*. Ты увидишь из нее лучшее мое настроение прежде. Уехал я в Пирогово*, чтобы дать и тебе и себе свободу лучше обдумать и не впасть в раздражение и ложное примирение.

Обдумай хорошенько перед богом и напиши мне. Во всяком случае, я скоро приеду, и мы постараемся всё спокойно обсудить. Только бы не оставалось так, как есть; хуже этого ада быть не может для меня. Может быть, мне так надо. Но тебе наверно не надо. Правда, есть еще два выхода – это моя или твоя смерть, но оба они ужасны, если это случится прежде, чем успеем развязать наш грех.

Открываю письмо, чтобы прибавить еще вот что: Если ты не избереешь ни первого, ни второго, ни третьего выхода, то есть не перервешь совершенно всякие сношения, не отпустишь меня за границу с тем, чтобы нам прекратить всякие сношения, или не уедешь со мной за границу на неопределенное время, разумеется, с Сашей, а избереешь тот неясный и несчастный выход, что надо все оставить по-старому и все пройдет, то я прошу тебя никогда со мной про это не говорить. Я буду молчать, как молчал это последнее время, дожидаясь только смерти, которая одна может избавить нас от этой муки.

Уезжаю я тоже, потому что, не спав почти 5 ночей, я чувствую себя до такой степени нервно слабым, только попуститься – и я разрыдаюсь, и я боюсь, что не вынесу свидания с тобой и все, что может из него выйти.

Состояние мое я не могу приписать физическому нездоровью, потому что все время чувствовал себя прекрасно и нет ни желудочных, ни желчных страданий.

315. С. А. Толстой
1897 г. Июля 8. Ясная Поляна.

Дорогая Соня,

Уж давно меня мучает несоответствие моей жизни с моими верованиями. Заставить вас изменить вашу жизнь, ваши привычки, к которым я же приучил вас, я не мог, уйти от вас до сих пор я тоже не мог, думая, что я лишу детей, пока они были малы, хоть того малого влияния, которое я мог иметь на них, и огорчу вас, продолжать жить так, как я жил эти 16 лет, то борясь и раздражая вас, то сам подпадая под те соблазны, к которым я привык и которыми я окружен, я тоже не могу больше, и я решил теперь сделать то, что я давно хотел сделать, – уйти, во-первых, потому что мне, с моими увеличивающимися годами, все тяжелее и тяжелее становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединения, и, во-2-х, потому что дети выросли, влияние мое уж в доме не нужно, и у всех вас есть более живые для вас интересы, которые сделают вам мало заметным мое отсутствие.

Главное же то, что как индусы под 60 лет уходят в леса, как всякому старому религиозному человеку хочется последние года своей жизни посвятить богу, а не шуткам, каламбурам, сплетням, теннису, так и мне, вступая в свой 70-й год, всеми силами души хочется этого спокойствия, уединения, и хоть не полного согласия, но не кричащего разногласия своей жизни с своими верованиями, с своей совестью.

Если бы открыто сделал это, были бы просьбы, осуждения, споры, жалобы, и я бы

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. ослабел, может быть, и не исполнил бы своего решения, а оно должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступок сделает вам больно, и в душе своей, главное, ты, Соня, отпусти меня добровольно, и не ищи меня, и не сетуй на меня, не осуждай меня.

То, что я ушел от тебя, не доказывает того, чтобы я был недоволен тобой. Я знаю, что ты не могла, буквально не могла и не можешь видеть и чувствовать, как я, и потому не могла и не можешь изменять свою жизнь и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь. И потому я не осуждаю тебя, а напротив, с любовью и благодарностью вспоминаю длинные 35 лет нашей жизни, в особенности первую половину этого времени, когда ты, с свойственным твоей натуре материнским самоотвержением, так энергически и твердо несла то, к чему считала себя призванной. Ты дала мне и миру то, что могла дать, дала много материнской любви и самоотвержения, и нельзя не ценить тебя за это. Но в последнем периоде нашей жизни, последние 15 лет мы разошлись. Я не могу думать, что я виноват, потому что знаю, что изменился я не для себя, не для людей, а потому что не могу иначе. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю и с любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мне. Прощай, дорогая Соня*.

Любящий тебя

Лев Толстой.

8 июля 1897 г.

*316. П. Карусу
<черновое>
1897 г. Июля конец. Ясная Поляна.

Dear Sir, your tale* «Карма» так поразила меня своим глубокомыслием и вместе с тем простотой и занимательностью изложения, что я тогда же, чтобы сделать ее доступной русским читателям, перевел ее по-русски и отдал сначала в русский журнал, а потом в русское народное издание.

Я никак не думал, чтобы сказка эта, в переводе на французский, немецкий языки могла быть выдаваема за мое сочинение, так как при издании ее обозначил, что это перевод с английского*.

Я узнал о том, что эта сказка выдавалась за мое сочинение, только из вашего письма и очень сожалею как о том, что распространилась эта неправда, так и о том, что это неправда, так как был бы очень счастлив, если бы написал прекрасное сочинение...*

317. А. А. Александрову
1897 г. Августа 12? Ясная Поляна.

Милостивый государь

Анатолий Александрович.

Ф. Ф. Тищенко просит меня написать вам мое мнение об его рассказе «Хлеб насущный». С большим удовольствием исполняю его желание. Рассказ этот, по моему мнению, должен производить на всякого серьезного читателя очень сильное и хорошее впечатление. Кроме того, рассказ написан очень хорошо. Вы хорошо сделаете, если напечатаете его*. Желаю вам всего хорошего.

Лев Толстой.

318. В. В. Стасову
1897 г. Августа 19. Ясная Поляна.

Получил ваше письмо*, милый Владимир Васильевич. Вы не велите писать эпитетов, а я пишу, потому что таким вас чувствую. Очень благодарен за высылку «Pan'a», я еще их не получал. Как получу, так сообщу, просмотрю и в целости возвращу.

Вчера прочел конец вашей статьи о Ге*. Я не могу судить об этой вещи, потому что она мне слишком близка. Меня она сильно трогает и восхищает. Отрешившись от своей близости к этой биографии, мне все-таки кажется, что это очень хорошая,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. полезная людям, в особенности художникам, будет книга. Как посторонние судят о ней? То, что вы пишете в письме об искусстве, очень верно. Во всех областях человеческой духовной деятельности много суеверий, но нигде более, чем в искусстве, и суеверий глупых до смешного, когда разберешь их и освободишься от них. Очень интересно узнать, что вы пишете*. С большим вниманием и надеждой найти многое согласное со мной прочту. Если можно, сделайте мне вот что. Есть – началось это, по-моему, с ренессанса – искусство господское и народное. И в области искусства слова, драмы и музыки я знаю прекрасные, главное по искренности, которой часто совсем нет у господ, образцы искусства; но в живописи не знаю, кроме миселей расписанных церковных, хорошего, наивного и потому сильного народного искусства. А должно быть такое же, соответствующее народной поэзии и песне. Не можете ли указать?*

Как жаль, что вы не приедете к нам. Я все надеюсь, что Бычков приедет раньше, и вы приедете хоть в сентябре. Наши вам очень кланяются. Маша больна тифом. Пока опасности нет, но всегда страшно.

Прекрасная, прекрасная ваша книга о Ге.

Дружески жму вам руку.

Лев Толстой.

19 августа 1897.

319. В. В. Стасову
1897 г. Сентября 3. Ясная Поляна.

Получил ваше интересное письмо, дорогой Владимир Васильевич, и почерпнул из него то, что мне нужно было; и кроме того, получил большое удовольствие, читая его*. Прочел его вслух нашим. Я теперь больше понимаю вашу начатую работу и очень желаю ее совершения. Больше мне ничего не нужно. И так совестно, что держу еще ваши книги. Отошлю тогда, когда закончу совсем и не может быть уже нужно заглянуть. А закончу совсем теперь, очень скоро. Можно так?*

Л. Толстой.

320. Т. Л. Толстой
1897 г. Октября 14. Ясная Поляна. 14 октября.

Получил твое письмо*, милая Таня, и никак не могу ответить тебе так, как бы ты хотела. Понимаю, что развращенный мужчина спасается женившись, но для чего чистой девушке aller dans cette galère*, трудно понять. Если бы я был девушка, ни за что бы не выходил замуж. На счет же влюбленья я бы, зная, что это такое, то есть совсем не прекрасное, возвышенное, поэтическое, а очень нехорошее и, главное, болезненное чувство, не отворял бы ворот этому чувству и так же осторожно, серьезно относился бы к опасности заразиться этой болезнью, как мы старательно оберегаемся от гораздо менее опасных болезней: дифтерита, тифа, скарлатины. Тебе кажется теперь, что без этого нет жизни. Так же кажется пьяницам, курильщикам, а когда они освобождаются, тогда только видят настоящую жизнь. Ты не жила без этого пьянства, и теперь тебе кажется, что без этого нельзя жить. А можно. Сказав это, хотя и почти без надежды того, чтобы ты поверила этому и так повернула свою жизнь, понемногу деморфинизируясь, и потому, избегая новых заболеваний, скажу о том, какое мое отношение к тому положению, в котором ты теперь находишься.

Дядя Сережа рассказывал мне – меня не было, – что они с братом Николаем и другими мало знакомыми господами были у цыган. Николенька выпил лишнее. А когда он выпивал у цыган, то пускался плясать – очень скверно, подпрыгивая на одной ноге, с подергиваниями и would be* молодецкими взмахами рук и т. п., которые шли к нему, как к корове седло. Он, всегда серьезный, неловкий, кроткий, некрасивый, слабый, мудрец, вдруг ломается, и скверно ломается, и все смеются и будто бы одобряют. Это было ужасно видеть. И вот николенька начал проявлять желание пойти плясать. Сережа и Вас[енька] Перфильев умоляли его не делать этого, но он был неумолим, и, сидя на своем месте, делал бестолковые и нескладные жесты. Долго они упрашивали его, но когда увидели, что он был настолько пьян, что нельзя было упросить его воздержаться, Сережа только сказал убитым грустным голосом: пляши, и, вздохнув, опустил голову, чтобы не видать того унижения и безобразия, которое

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. пьяному казалось (и то только пока хмель не прошел) прекрасным, веселым и долженствующим быть всем приятным.

Так вот мое отношение к твоему желанию такое же. Одно, что я могу сказать, это: пляши! утешаясь тем, что, когда ты отпляшешь, ты останешься такую, какую, какую ты была и должна быть в нормальном состоянии. Пляши! больше ничего не могу сказать, если это неизбежно. Но не могу не видеть, что ты находишься в невменяемом состоянии, что еще больше подтвердило мне твое письмо. Я удивляюсь, что тебе может быть интересного, важного в лишнем часе свиданья, а ты вместо объяснения – его и не может быть – говоришь мне, что тебя волнует даже мысль о письме от него, что подтверждает для меня твое состояние совершенной одержимости и невменяемости. Я понял бы, что девушка в 33 года, облюбовав доброго, неглупого, порядочного человека, *sur le retour**, спокойно решила соединить с ним свою судьбу, но тогда эта девушка не будет дорожить лишним часом свиданья и близостью времени получения от него письма, потому что ни от продолжения свидания, ни от письма ничего не прибавится. Если же есть такое чувство волнения, то, значит, есть наваждение, болезненное состояние. А в душевном болезненном состоянии нехорошо связывать свою судьбу – запереть себя ключом в комнате и выбросить ключ в окно.

Николеньке надо было поехать домой и выспаться, не плясавши, если же это уже невозможно, то все, что мы можем сделать, грустно сказать: пляши.

Так вот, как я отношусь к твоим намерениям, а приведешь ты их в исполнение или нет, ты знаешь, что мое отношение к тебе не может измениться, не изменится и к Михаилу Сергеевичу или скорее изменится только к лучшему, сделав мне близким близкого тебе человека. Вот и все. Целую тебя. Машу и Колю.

321. М. Л. и Н. Л. Оболенским
1897 г. Октября 28. Ясная Поляна.

Приписочку* писал тебе у себя вечером перед ужином, потом пошли ужинать. Дору рвало, и она легла, и мы ужинали одни: мама, Лева и я, и разговорились о тебе и Коле и о вашей жизни. И мне стало грустно. Главное за то, что мы все – я-то про себя уже верно знаю – любим вас и говорим о вас, а не вам. И вот я решил написать вам обоим, Коле и Маше, то, что я вывел из этого разговора и что думаю о вашей жизни в будущем с практической стороны. Я и прежде это думал, но теперь думаю с особенной определенностью и ясностью. Во-первых, в Покровском* вам жить не надо. Не говоря о том, что это может быть неприятно Лизе и братьям и сестрам*, и если не неприятно, то может сделаться неприятно и вовлечь в неприятные не откровенные отношения, это не хорошо, потому что это халат, – эта жизнь не требует никаких усилий, а сел и живи. А усилия вам обоим, и особенно Коле, нужны. Ему необходимо начать свою женатую жизнь деятельностью, и энергичной деятельностью. И мотив этой деятельности для него готовый и очень определенный, это приобретение – наближайшим к требованиям совести способом – средств той жизни, которую вы ведете. Хорошо быть требовательным и щекотливым к средствам приобретения, когда хоть приблизительно так же строг к себе в трате случайно находящихся в распоряжении средств, а когда этого нет – это самообман. Можно и заняться виноградниками в Алуште, и купить имение в..., где бы ни было, и энергически хозяйничать, и в земстве служить, можно служить и в банке, и в инспекторах, и в суде. Требовательным можно быть после того, как начал деятельность, и тогда отыскивать наиболее согласную с требованиями совести, а не тогда, когда никакой не начал, и когда требования совести нарушены более всего праздностью. Вот, Коля, главное, что я хотел сказать и что я слышу от всех и не могу, к сожалению, не согласиться. Непременная работа, и энергичная работа, и чем скорее, тем лучше. Покровское же, раз начато, пусть будет временным *ried à terre**.

Если ошибаюсь – простите. Целую вас.

322. С. Т. Семенову
1897 г. Ноября 9. Ясная Поляна.

Очень мне жалко, дорогой Сергей Терентьевич, что должен огорчить вас.

Ваше сочинение: «Новые птицы...»* не хорошо. Нет ни внутреннего, ни внешнего интереса, нет и характеров. Главные лица совсем безжизненные, остальные старые и неяркие типы. Вообще мне кажется, что вы не склонны, или еще рано вам писать в

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. драматическом роде. Мне очень жалко, что я должен сказать это вам, но правда всегда хороша. Рассказы ваши многие – и всегда самые простые, самые лучшие – очень хороши, но это писание ниже всякой критики. Даже и язык не выдержан. Но вы не унывайте, и если есть захватывающие вас чувства, то пишите в форме повести и рассказов. А то и вовсе не пишите. И так можно жить. А главное, не портить себе репутацию. Она теперь хорошая. Главный недостаток этого писания и того, которое было в «Русском слове»*, это то, что это произведение мысли, а не чувства. Не сердитесь на меня и не унывайте. Я в деревне еще. Если буду в Москве, то увидимся и поговорим подробнее.

Любящий вас

Л. Толстой.

Рукопись посылаю.

9 ноября.

323. П. А. Буланже
1897 г. Ноября 17. Ясная Поляна.

Получил вчера ваше длинное письмо, дорогой Павел Александрович, из Москвы*. А я еще в деревне и хочу пробыть как можно дольше. Уж очень велико преимущество жизни здесь перед московской. Чем более живу, тем более убеждаюсь в несомненности того, что простота, бедность, одиночество, скука жизни есть всегдашний признак важности, серьезности, плодотворности жизни, и напротив, сложность, богатство, общественность, веселие жизни – признак ее ничтожности. Сижу здесь один: немного пишу, делаю пасьянсы, разговариваю с Александром Петровичем*, и тем, кто зайдет, читаю пустяки, хожу один по комнате и знаю, чувствую, что жизнь моя оставляет след во мне, а потому, наверное, и в ком-нибудь другом. А в Москве, в Лондоне интереснейшие события, книги, собеседники, заседания, прения, полнота как будто жизни через край, а она пустая и дай бог, чтобы только пустая, а то еще и скверная. Жизнь та, которая в нас, такое великое, святое дело, что только не нарушать его святости, не мутить – быть как дети, – и жизнь будет плодотворна и удовлетворяющая. За письмо ваше очень благодарю вас. Все это мне нужно про вас знать, и вы старались передать мне все о себе и старались не только мне показать, но и себя уверить, что вам хорошо, но я чувствую, что вам было тяжело и дурно. Разумеется, все дело в том, чтобы не думать о завтрашнем дне, но для того, чтобы не думать о нем, есть только одно средство: думать не переставая о том, так ли я исполняю дело настоящего. И это для нас, людей, связанных семьей, очень трудно, потому что часто нарушается единство с тем, что стало единой плотью, и тогда путаешься. Черткова совет очень хорош, я его и к себе применил. Да и просто по слабости своей не можешь всегда жить в настоящем, особенно за других. Хотя я и не испытывал этого, я вполне понимаю возможность и даже радость незаботы о завтрашнем дне, за себя, но не за других. Вот я теперь за вас не могу выкинуть этого из головы и не могу быть спокоен о вас, пока не узнаю, что вы нашли средства зарабатывать необходимое для семьи.

Так же и вы, я думаю, по отношению жены, тещи. Пожалуйста, не ищите в этих моих словах какого-нибудь определенного смысла. В них такого и нет. А просто люблю вас и жалею и болею о вас. Хилкова положение я знаю и написал ему нехорошее, злое письмо и теперь со страхом жду его ответа, что он рассердился на меня*. Я живу хорошо. Дочери еще не приезжали. Маленький внук, которого повезла Таня, заболел, и это задержало ее. Прощайте. Целую вас и семью.

Л. Т.

17 ноября.

324. Л. Я. Гуревич
1897 г. Ноября 27. Ясная Поляна.

Дорогая Любовь Яковлевна,

Псылаю вам исправленную корректуру перевода Карпендера и английский текст*. Корректуру не худо бы еще просмотреть. В одном месте я перевел буквально habits and conduct звезд прямо: привычками и поведением звезд. Если это вам покажется

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.
слишком смелым, поправьте по-прежнему*.

Переводчик, сын мой Сергей, имя своего не хочет выставлять* и просил еще выслать ему «Северный вестник», адрес его Тульской губернии, г. Чернь.

Предисловие я написал. Оно переписывается и будет выслано вам дня через два. Я бы желал еще раз прочитать и поправить его в корректуре. Пожалуйста, сделайте так*.

Дружески жму вам руку. Передайте мой привет Акиму Львовичу. Его критика Соловьева мне очень понравилась*.

Ваш Л. Толстой.

27 ноября 97.

325. А. Л. Флексеру
1897 г. Декабря 5. Москва.

Дорогой Аким Львович,

Я никак не могу печатать мое предисловие к Карпентеру. Очень жалею, что это так случилось, и прошу вас и Любовь Яковлевну простить меня за мою необдуманность и доставленные вам хлопоты. Предмет, о котором я говорю, слишком важен, чтобы писать о нем, не высказав всего, что можно сказать о нем. Это же предисловие я не могу выпустить, поэтому пришлите мне, пожалуйста, назад оригинал и не сердитесь на меня. Мне самому это недоразумение наверное неприятнее, чем оно может быть вам. И потому прошу вас еще раз не сетовать на меня*.

Лев Толстой.

5 декабря.

326. Д. П. Маковицкому
1897 г. Декабря 17. Москва.

Дорогой друг Душан,

Благодарю вас за вашу присылку и письмо* и, главное, благодарю вас за вас, за то, что вы такой, какой вы есть, во всех людях вызывающий уважение и любовь.

Я кончил «Об искусстве», отдал в журнал «Вопросы философии» и согласился на печатание отдельно*. Грот оказался душевно большой человек, с которым нельзя считаться, а которого можно только жалеть*.

Надеюсь, что печатание здесь не помешает английскому изданию. Я писал и телеграфировал им, но не получил еще ответа*.

Что касается до предисловия к Карпентеру, то оно было для меня причиной больших неприятностей. И вы были невольной причиной их. Жена страдает какой-то странной ненавистью, ревностью к Гуревич. Это началось со времени напечатания там «Хозяина и работника»*. Я думал, что это прошло, и никак не думал, чтобы предисловие произвело такое действие, и намеревался сам сказать ей об этом. Вышло же то, что это известие, полученное от вас, произвело на нее ужасное действие, так что пришлось пережить много тяжелого и взять назад статью из «Северного вестника» и вовсе не печатать предисловие*. Почему его вам и не посылаю.

Пишите мне, пожалуйста, о себе, своей жизни, своих трудах, своих друзьях и между прочим о Шмите.

Братски целую вас Л. Толстой.

17 декабря.

Пожалуйста, о том, что я пишу вам о жене, не отвечайте мне, так как письма мои она читает и всякое воспоминание об этом ей мучительно.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. 1898

327. Л. Л. и Д. Ф. Толстым
1898 г. Января 20? Москва.

Я очень часто с любовью думаю про вас, милые Дора и Лева, и хочется вам сказать это. Как здоровье Доры и вашего будущего семейства и как ваша жизнь идет? Твои занятия? Вероятно, хорошо. У нас нехорошо только в смысле городской суеты. Часто вспоминаю и об уединении среди чистого снега и неба. А живем мы все дружно. Таня уехала в Петербург*. Я не могу набраться энергии для работы и учусь быть довольным и жить без работы внешней, к которой не имеешь силы. Спасибо за «Вестник Европы». Боборыкин замечательно чуток*. Это заслуга. А я теперь между прочим перечитываю Гейне*. Целую вас. Что милая Марья Александровна. Поцелуйте ее от меня и напишите о ней.

328. Редактору «Русских ведомостей»
1898 г. Февраля 4. Москва.

Милостивый государь.

Полагаю, что напечатание прилагаемого частного письма от лица, очевидно хорошо знающего крестьянство и верно описывающего его положение в своей местности, – было бы полезно*. Положение крестьян в описываемой местности не составляет исключения: таково же, как мне хорошо известно, положение крестьян в некоторых местностях Козловского, Елецкого, Новосильского, Чернского, Ефремовского, Землянского, Нижнедевицкого и других уездов черноземной полосы. Лицо, писавшее письмо, и не думало о напечатании его и только по просьбе своих друзей согласилось на это.

Правда, что положение большинства нашего крестьянства таково, что очень трудно иногда бывает провести черту между тем, что можно назвать голодом и нормальным состоянием, и что та помощь, которая особенно нужна в нынешнем году, была также нужна, хотя и в меньшей степени, и в прошлом, и во всякое время; правда, что благотворительная помощь населению очень трудна, так как часто вызывает желание воспользоваться помощью и тех, которые могли бы продышать и без этой помощи; правда, что то, что могут сделать частные люди, только капля в море крестьянской нужды; правда и то, что помощь в виде столовых, удешевления продажи хлеба или раздачи его, прокормления скота и т. п. суть только паллиативы и не устраняют основных причин бедствия. Все это правда, но правда и то, что вовремя оказанная помощь может спасти жизнь старика, ребенка, может заменить отчаяние, враждебность заброшенного человека чувством веры в добро и братство людей. И, что важнее всего, несомненно правда то, что всякий человек нашего круга, который, вместо того, чтобы не только думать об увеселениях: театрах, концертах, подписных обедах, бегах, выставках и т. п., подумает о той крайней, сравнительно с городской показной жизнью, нужде, в которой сейчас, в эту самую минуту, живут многие и многие из наших братьев, – что такой человек, если он постарается, хоть как бы то ни было, неумело, пожертвовать хоть малейшей долей своих удовольствий, помочь этой нужде, – несомненно поможет самому себе в самом важном на свете деле, – в разумном понимании смысла жизни и в исполнении в ней своего человеческого назначения.

Лев Толстой.

4 февраля 1898 г.

329. М. Л. Оболенской
1898 г. февраля 13. Москва.

Все тебя забыли, милая Маша, кроме меня.

Беспреданно думаю о тебе, и ты мне всегда недостаешь. Как ты себя ни унижай, я знаю, что ты жив курилка. И за то люблю Колю (люблю и за другое), что его близость с тобою, я знаю, не тушит курилку, а скорее содействует ее разгоранию. Как это происходит, я не могу выразить, но знаю, что это так, и радуюсь этому. Только ты смотри за собой в оба, не капризничай от болезни, не сердись ни на кого, а считай себя виноватой за то, что больна. Танино похождение в Петербурге было вот какое: она должна была вернуться, когда приехали самарские молокане*. Я ей телеграфировал, чтобы она отложила приезд*. Получив телеграмму, она решила ехать к Победоносцеву. Телефонировала ему, он сказал, что примет завтра, в 11

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. утра. Она уже собралась ехать, когда приехали молокане с письмами и прошением к государю, которое я написал им. Таня взяла это прошение и поехала к Победоносцеву. Он тотчас же принял, и когда она рассказала и прочла прошение государю, он сказал: «Да это там архиерей переусердствовал. Он всех отобрал 16 детей. Я сейчас напишу губернатору, чтоб детей отдали». Подошел к столу: как их имена? Таня говорит: «Я не знаю, я пришлю вам». И простилась. Тогда он притворился, что не знает, кто она, и когда она сказала: «Татьяна Львовна», он сказал: «Льва дочь, так вы знаменитая Татьяна?» Она сказала, что не знала, что она знаменитая, и ушла. Пришедшим к нему молоканам Победоносцев подтвердил обещание отдать детей и подтвердил это в записке Тане, которую она хранит, как документ*. До сих пор не знаем, отданы ли дети*. Лева с Дорой приехали вчера и теперь у нас – хороши. У нас внешняя жизнь, как всегда, ужасна по своей пустоте и пошлости; внутренней жизнью мог бы похвалиться, если бы не малая производительность – отчасти от нездоровья (впрочем, дни 3 гораздо лучше), отчасти от суеты. Ведут себя все не хуже обыкновенного. Статью Карпендера с предисловием, благодаря совету Сережи и Тани, послали в «Северный вестник»*. И я очень рад этому. Это уясняет мою работу об искусстве, которая еще не кончена, но наверное кончится на 1-ой неделе*. От Черткова хорошие письма. Хилкова у них. Поша все ждет решения*. Целую вас, милые друзья. О приезде к вам не говорю, чтобы не испортить хороших теперешних отношений*. А как бы хорошо.

330. С. Н. Толстому
1898 г. Февраля 25. Москва.

Я только что думал о том, что если нам не приходится видеться, то отчего бы нам не писать друг другу: грамоте мы обучены и 7 копеек есть. А тут и получил твое письмо, которому был очень рад, только не известию о Верочке*. Это, наверное, этот ужасный воняющий фонарь. Я помню, что не мог просто оставаться в комнате от жара, надышенного воздуха и копоти, а каково же в этом воздухе еще говорить. Она пишет, что ей гораздо лучше, а ты пишешь, что дурно. Дай бог, чтобы ее была правда. Таня непременно едет к вам. А я нет. Правда, нельзя уехать, то есть дурно бы было уехать. А как бы хотелось и у вас быть, и вне Москвы. Мужу, разумеется, я ничего не мог сделать, кроме неприятных для него разговоров*. Маша наша тоже все хворает и очень слаба, но, по письмам судя, она не унывает и духом бодр, то есть жива и старается как можно лучше переносить болезнь. И это меня радует. Так же, уверен, и Верочка. Если выбирать, чтоб была здоровая, гладкая и глупая, как круговая овца, или больная, да умная, в настоящем, мужицком значении этого слова, то, разумеется, пусть лучше будет больная.

Таня тебе расскажет про мою внешнюю жизнь, про внутреннюю же могу сказать, что мне хорошо, несмотря на желудочное нездоровье, которое влияет очень дурно на расположение духа. События в мире с Дрейфусом* и Боголюбовым* и т. п., всей литературой и музыкой, и живописью только показывают, как мы всё больше и больше расходимся с царствующим миром. Для меня это не неприятно и не тяжело, потому что это как старика трава, которая сохнет и гадка, а из-под нее идут молодые ростки, засела щеткой. И я их вижу. Это не одни мужики Ляпуновы*, как ты, может, думаешь, что я думаю, а все настоящее христианское, которое растет, несмотря на гниющую старику. Прощай пока. Буду пользоваться своим умением писать и обладанием 7 копейками. И ты также. Марью Михайловну, Верочку, Варю, Машу целую.

Л. Т.

331. С. А. Стахович
1898 г. Марта 11? Москва.

Дорогая Софья Александровна.

Не могу теперь вспомнить, где я читал подробности о казни*. Есть, кажется, описание у Трубецкого (его записки)*. Лучшие описания не у самих декабристов, а у современников их, записках разных генералов. Стасов должен много знать. Об отношениях Бестужева к Муравьеву я знаю из рассказов Матв. Ив. Муравьева-Апостола*. О личности же, внешнем виде Бестужева надо обратиться к его племянникам – один Василий Николаевич в Петербурге начальник ружейных заводов.

Таня только схоронила одного друга – Олсуфьеву, попала к другому другу Вере Толстой, у которой, кажется, начинается чахотка. Смертей так много и так обыкновенно и естественно – смерть, что пора бы к ней привыкнуть и думать только о смерти, чтобы она застала нас за доброй жизнью. До свиданья.

Л. Толстой.

332. В иностранные газеты
1898 г. Марта 19. Москва.

Население в 12 тысяч человек христиан всемирного братства, как называют себя духоборы*, живущие на Кавказе, находится в настоящее время в ужасном положении.

Не входя в рассуждения о том, кто прав: правительства ли, признающие совместимость христианства с тюрьмами, казнями и, главное, войнами и приготовлениями к ним, или духоборы, признающие для себя обязательным христианский закон, отрицающий всякое насилие и тем более убийство и потому отказывающиеся от военной службы, – нельзя не видеть, что противоречие это очень трудно разрешимо: никакое правительство не может допустить того, чтобы люди уклонялись от обязанностей, исполняемых всеми, и тем подрывали самые основы государственности; духоборы же, с своей стороны, не могут отказаться от того закона, который они считают божественным и потому обязательным в своей жизни.

Правительства до сих пор находили выход из этого противоречия или в том, чтобы заставить отказывающихся по религиозным убеждениям от военной службы нести более тяжелые, чем военная служба, обязанности, но такие, которые не были бы противны их религиозным убеждениям, как это делалось до сих пор и делается в России по отношению к менонитам* (их заставляют срок их службы проводить на казенных работах), или в том, чтобы, не признавая законности религиозного отказа, наказывать не исполняющих общего закона государства заключением в тюрьмы на срок их службы, как это делается в Австрии с назаренами*. Но нынешнее русское правительство употребило против духоборов еще третий, казалось бы оставленный в наше время, выход из этого противоречия. Оно, кроме того, что подвергает самым тяжелым страданиям самих отказывающихся, заставляет еще систематически страдать отцов, матерей, детей отказывающихся, вероятно с тем, чтобы пытками этих невинных семей поколебать решимость несогласных их членов. Не говоря о сечениях, карцерах и всякого рода истязаниях, которым подвергались отказавшиеся духоборы в дисциплинарных батальонах, от чего многие умерли, и об их ссылке в худшие места Сибири, не говоря о 200 запасных, в продолжение двух лет томившихся в тюрьмах и теперь разлученных с семьями и сосланных попарно в самые дикие местности Кавказа, где они, не имея заработков, буквально мрут с голода, не говоря об этих наказаниях самих виновных в отказе от службы, семьи духоборов систематически разоряются и уничтожаются. Все они лишены права отлучаться от своих мест жительства и усиленно штрафуются и запираются в тюрьмы за неисполнение самых странных требований начальства: за название себя не тем именем, которым велено им называть себя, за поездку на мельницу, за посещение матерью своего сына, за выход из деревни в лес для собирания дров, так что последние средства прежде богатых жителей быстро истощаются. Четыреста же семей, выселенных из своих жилищ и поселенных в татарских и грузинских деревнях, где они должны нанимать себе помещения и кормиться за деньги, не имея ни земли, ни заработков, находятся в таком тяжелом положении, что в продолжение 3-х лет их выселения четвертая часть их, в особенности старики и дети, уже вымерла от нужды и болезней.

Трудно думать, чтобы такое систематическое уничтожение целого 12-тысячного населения входило в планы русского правительства. Очень вероятно, что высшие власти не знают того, что совершается в действительности, а если и догадываются, то не желают знать подробностей, чувствуя, что им нельзя допустить продолжения таких дел, а между тем совершается то, что для них нужно.

Но несомненно то, что в продолжение последних трех лет кавказское начальство систематически мучает не только самих отказывающихся, но и их семьи, и так же систематически разоряет всех духоборов и замаривает до смерти тех, которые выселены.

Все ходатайства за духоборов и всякая помощь им до сих пор приводили только к изгнанию из России тех, которые пытались помочь духоборам. Кавказское правительство окружило заколдованным кругом целое непокорное ему население, и население это понемногу вымирает. Еще 3, 4 года, и от духоборов никого не осталось бы.

Так бы это было, если бы не случилось обстоятельства, очевидно, непредвиденного кавказским начальством. Обстоятельство это то, что в прошлом году

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. императрица–вдова приезжала на Кавказ к сыну и духоборам удалось подать ей прошение, в котором духоборы просят позволить им выселиться всем вместе в какие-нибудь дальние места, а если этого нельзя, то за границу. Императрица передала прошение высшим властям; высшие власти признали возможным дать разрешение духоборам выехать из России.

Казалось бы, вопрос разрешился и найден выход из тяжелого для обеих сторон положения. Но это только кажется.

В том положении, в котором находятся теперь духоборы, выселение для них невозможно: у них теперь нет для этого средств, и, будучи заперты в своих поселениях, они не могут приступить к этому делу. Они были богаты, но за последние годы большая часть их средств отнята у них судами, штрафами и ушла на прокормление выселенных братьев; обдумать же совместно и решить условия своего переселения, так как их не выпускают из места их жительства и к ним никого не допускают, им нет никакой возможности. Прилагаемое письмо лучше всего обрисовывает то положение, в котором находятся они теперь.

Вот что пишет мне уважаемый среди духоборов человек:

«Извещаю вас о том, что мы подавали прошение на имя ее императорского величества государыни императрицы Марии Феодоровны. Она его передала в сенат, сенат решил и передал на распоряжение князя Голицына. Справку при сем предлагаю вам.

Я 10-го февраля ездил в г. Тифлис и виделся там с братом Синджоном, но свидание наше было очень краткое – сейчас же арестовали меня и его. Меня посадили в тюрьму, а его сейчас же отправили обратно в Англию.

Я заявил полицмейстеру, что я приехал по делу к губернатору. Он сказал: «Пока посадим в тюрьму, а потом доложим губернатору». 12-го заключили меня в тюрьму, а 18-го меня водили под конвоем из двух солдат к губернатору. Правитель канцелярии спросил меня:

– За что тебя арестовали?

Я сказал: «Не могу знать».

– Ты ведь на днях был в Сигнахе?

– Да, был.

– А сюда зачем приехал?

– Намерен видеть губернатора. Мы летом подавали прошение на имя императрицы Марии Феодоровны в Абастумане; я получил через сигнахского уездного начальника ответ на прошение, я просил копию, а он мне отказал, говоря, что без губернатора не может, – поэтому я и приехал.

Он доложил губернатору, губернатор позвал меня; я разъяснил ему все, как было дело. Он сказал: «Ты вместо меня скорее свиделся с англичанином». Я сказал: «Англичанин тоже наш брат».

Губернатор со мною хорошо разговаривал и советовал нам переходить в самом коротком времени за границу и сказал: «Все можете переходить, только те не могут, которые принадлежат к нынешнему призыву, то есть «лобовые».

А меня приказал освободить от ареста и отправить обратно в Сигнах. Мы в настоящее время собираемся на совет, будем с помощью божией стараться о переходе в Англию или в Америку. И в этом деле братски просим вас пойти нам на помощь.

Извещаем вас о положении наших братьев. Петру Васильевичу Веригину объявили еще на пять лет остаться на месте. Братьев Карсской области ежемесячно ценят* по-прежнему и отлучку из пределов воспрещают, а за неисполнение этого заключают в тюрьмы от одной до двух недель. Болезни продолжают всё по-прежнему, но смертных случаев меньше стало. В материальном отношении братья имеют нужду, особенно в Сигнахском уезде, а в прочих уездах там живут посвободнее».

А вот справка:

«По поводу ходатайства, принесенного на августейшее ее императорского величества государыни императрицы Марии Феодоровны имя духоборами–постниками, высланными в 1895 г. из Ахалкалакского в другие уезды Тифлисской губернии, о сгруппировании означенных духоборов–постников на жительство в одном поселении с освобождением от воинской повинности или же о разрешении всем им выслаться за границу, последовало распоряжение: «1) Освобождение их от воинской повинности не удовлетворено и 2) духоборы–постники, за исключением, конечно, находящихся в призывном возрасте и не исполнивших воинской повинности, могут быть увольняемы за границу при условии: а) получения заграничного паспорта в установленном порядке, б) выезда из пределов России на собственный счет и в) выдачи при выезде подписки о невозвращении впредь в пределы «империи», имея в виду, что в случае неисполнения сего последнего пункта виновный подвергается высылке в отдаленные местности. Ходатайство же их о сгруппировании на жительство в одном селении не уважено.

Настоящая справка, по приказанию г. тифлисского губернатора, выдается одному из подавших упомянутое ходатайство духоборов–постников Василию Потапову, вследствие личной его о том просьбы, заявленной губернатору. Февраля 21 дня 1898 г., гор. Тифлис. Подлинную подписали: правитель канцелярии тифлисского губернатора NN, и. д. старшего помощника его Михайлов».

Людям позволяют выехать, но предварительно их разорили, так что им не на что выехать, и условия, в которых они находятся, таковы, что им нет возможности узнать мест, куда им выслаться, как и при каких условиях возможно это сделать, и нельзя даже воспользоваться помощью извне, так как людей, которые хотят помочь им, тотчас же высылают, их же за всякую отлучку сажают в тюрьму.

Так что, если этим людям не будет подана помощь извне, они так и разорятся и вымрут все, несмотря на полученное ими разрешение выслаться.

Я случайно знаю подробности гонений и страданий этих людей, нахожусь с ними в сношениях, и они просят меня помочь им, и потому считаю своим долгом обратиться ко всем добрым людям как русского, так и европейского общества, прося их помочь духоборам выйти из того мучительного положения, в котором они находятся. Я обратился в одной из русских газет* к русскому обществу – еще не знаю, будет или не будет мое заявление напечатано, и обращаюсь теперь еще и ко всем добрым людям английского и американского народа, прося их помощи, во-первых, деньгами, которых нужно много для одной перевозки на дальнейшее расстояние 10 000 человек, и, во-вторых, прямым непосредственным руководством в трудностях предстоящего переселения людей, не знающих языков и никогда не выезжавших из России.

Полагаю, что высшее русское правительство не будет препятствовать такой помощи и умерит излишнее усердие кавказского управления, не допускающего теперь никакого общения с духоборами.

До тех же пор предлагаю свое посредничество между людьми, желающими помочь духоборам, и войти в сношение с ними, так как до сих пор мои сношения с ними не прерывались.

Адрес мой: Москва, Хамовнический пер., 21.

Лев Толстой.

19 марта

1 апреля 1898 г.

333. А. Ф. Кони
1898 г. Марта 20. Москва.

Дорогой Анатолий Федорович,

Прилагаемая записка касается жены моего друга Ивана Ивановича Горбунова, теперь единственного редактора «Посредника». Помогите, чем можете. Подробности может передать вам податель письма Ю. О. Якубовский, тоже мой знакомый. Жена Горбунова, о которой идет речь, молоденькое, наивное, как ребенок, существо, так же похоже на заговорщика и так же опасно для российского государства, как похож

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
я на завоевателя и опасен для спокойствия Европы. А между тем самая мягкая мера наказания, как запрещение ей жить в Москве, было бы полное расстройство всей жизни этих прекрасных и милых людей*.

Надеюсь, что вы поможете, если можете

Любящий вас

Л. Толстой.

334. И. Е. Репину
1898 г. Марта 24. Москва.

Дорогой Илья Ефимович.

Очень порадовали меня своим письмом*. Если моя книга помогла уяснить вопросы искусства такому художнику, как Репин, то труд ее писания не пропал даром.

Хороши записки Лорера*.

Дружески обнимаю вас.

Л Толстой.

24 марта.

335. Н. Е. Федосееву
1898 г. Марта 24. Москва.

Простите, забыл ваше имя, отчество, а первое письмо теперь не найду*. Очень благодарю вас за ваше письмо, в котором вы все, что нам дорого, описываете с такой подробностью и любовью. Меня так поощрило то, что вы пишете мне о воздействии моего письма в дисциплинарном батальоне, что я написал письмо заседателю в Усть-Нотор*, прося его передать деньги сосланным, не вычитая из казенного. Не можете ли вы сделать это?

С пересылаемыми должен быть псковский Егоров. Что вы знаете про него? Для него есть 15 рублей. Как передать их ему?*

Очень благодарю тоже за фотографию.

Благодарный и любивший вас

Л. Толстой.

24 марта 1898.

336. П. И. Бирюкову
1898. Апреля 19–20? Москва.

Дорогой друг Поша,

Мне холодно от отсутствия прямого общения с вами. Напишите, голубчик, о деле и о себе. О деле вот что: я все думаю о вашем издании «Жизнь»*. Надо, чтобы 1-й № был прекрасный и такие же все остальные. Для того же, чтобы это было, нужно, по-моему, вот что (вероятно, вы сами думаете то же самое, но я все-таки напишу). Надо, чтобы

1) чтобы все сообщаемые сведения были так точны, чтобы нельзя было в них дать démenti*. Для этого нужно иметь верных и осторожных корреспондентов.

2) чтобы – особенно в первых № не было видно исключительно религиозное направление (чтобы все было проникнуто религиозным духом, в том, чтобы не было недоброжелательности, а, напротив, любовь к людям, а осуждение и негодование только к поступкам и, главное, к нехристианским учреждениям), но чтобы не были – особенно сначала – высказываемы религиозные основы.

3) чтобы было как можно больше разнообразия: чтобы были обличаемы и взятки, и

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. фарисейство, и жестокость, и разврат, и деспотизм, и невежество. Я вот сейчас знаю: а) как купцы для подавления стачек предложили устроить казарму на 100 казаков, дали на это 50 000, чтобы всегда держать рабочих под страхом, б) знаю подкуп важного чиновника, с) обман чуда*, d) заседание комиссии пересмотра судебных уставов, где уничтожают все последние остатки обеспечения граждан*, d) цензурные ужасы*, e) отношение в Петербурге к голоду*, f) гонения за веру. Все это надо группировать так, чтобы захватывало как можно больше разнообразных сторон жизни.

4) чтобы в выборе предметов и в освещении их преобладала (если можно – была бы исключительно) точка зрения блага или вреда народа, масс.

5) чтобы излагалось все серьезным и строгим – без шуточек и брани, языком и сколько возможно более простым, без иностранных и научных выражений.

б) Отделы же журнала мне представляются такими: а) обработанная статья по какому-нибудь вопросу, хотя ваша, о историческом значении священного писания, или об общинах христианских, или о революции, или о солдатчине и т. п. Такую статью я предлагаю об отказах от военной службы*, б) известия из России, радостные и нерадостные, с) политическое обозрение с христианской точки зрения, d) библиография.

Все это я пишу, разумеется, не обдумав, не обсудив, но все-таки пишу, потому что что-нибудь вам пригодится и вызовет на мысли. Главное, надо бояться неточности и преувеличения не только в фактах, но и в чувствах, в сентиментальности. Это два главные подводные камня.

Выздоровел ли ваш ребенок? Передайте мою любовь Павле Николаевне; Гале и Шкарвану скажите, что получил их письма и благодарю*. Ухтомского до сих пор не видал и не надеюсь, да и не желаю видеть*. Правда, что опасно связываться с правительством*. Все это будете читать вместе с Чертковым, так что ему ничего не пишу, кроме того, что люблю вас обоих.

Л. Т.

337. С. А. Толстой
1898 г. Мая 6. Гриневка.

Нынче 6-го не писал тебе, милая Соня. Теперь вечер. 10 часов. Только что приехали Маша с Колей. Я им очень рад. Андрюша едет завтра в Москву, и вот я с ним пишу это. Нынче был сильный дождь с градом. Это важное событие, потому что жара была очень тяжелая. Я нынче только после дождя съездил в деревню Каменку, где не дружное общество и столовая не ладится, так что я совсем отказал и перенесу в другую деревню*. Зато вчера, после того как я тебе написал письмо на станции*, я поехал дальше, в дальние бедные две деревни Губаревки, и там все идет прекрасно. Назад ехал через лес тургеневского Спасского вечерней зарей: свежая зелень в лесу и под ногами, звезды в небе, запахи цветущей ракиты, вянущего березового листа, звуки соловья, гул жуков, кукушка и уединение, и приятное под тобой бодрое движение лошади, и физическое и душевное здоровье. И я думал, как думаю беспрестанно, о смерти. И так мне ясно было, что так же хорошо, хотя и по-другому, будет на той стороне смерти, и понятно было, почему евреи рай изображали садом. Самая чистая радость, радость природы. Мне ясно было, что там будет также хорошо, – нет, лучше. Я постарался вызвать в себе сомнение в той жизни, как бывало прежде, – и не мог как прежде, но мог вызвать в себе уверенность.

Если тебе сколько-нибудь неприятно мое желание дать денег на столовые, то посмотри на это желание *comme поп avenue** и забудь. Я управлюсь тем, что есть*.

Хорошо, что Миша выдержал латынь. Очень бы за него обидно было, коли бы он остался. Я совершенно здоров. Напрасно ты присылаешь эти горы провизии.

Много заняли время полученные письма, из которых многие интересны. Больше читаю, чем пишу, и не жалею, потому что совсем неожиданно приходят новые мысли, которые, думается, мне самому полезны. Ну прощай, целую тебя, Мишу, Сашу. Таня у Олсуфьевых, и прекрасно сделала.

Л. Т.

6 мая 1898.

Когда ты уезжаешь из Москвы?* Я теперь жалею, что не оставил полтавского учителя. А то на Соню и Илюшу оставить все – непрочно. Но во всяком случае приеду, когда ты приедешь. Потом можно будет съездить проведать.

338. Я. П. Полонскому
1898 г. Мая 20. Гриневка.

Спасибо вам, дорогой Яков Петрович, за ваше доброе письмо*. Я не был недоволен и тем письмом*, но вы, как чуткий к доброте человек, захотели растопить последние остатки льда и вполне успели в этом. От души благодарю вас за это. Вы, верно, знаете, какое преобладающее перед всем другим [значение] приобретает в старости доброта. Я и всегда особенно ценил легенду об Иоанне Богослове, под старость говорившем только: «Братья, любите друг друга», а теперь особенно умиляюсь перед нею. Это одно на потребу.

Живу я теперь у второго сына и занимаюсь распределением помощи нуждающимся крестьянам и Чернского и Мценского уезда, на границе которого я живу в 7 верстах от Спасского, через которое часто проезжаю, так как самая большая нужда в деревнях, окружающих Спасское. Очень приятно было узнать, что крестьяне в имении нашего друга* были так хорошо наделены землею, в особенности в сравнении с окружающими, что нужды там нет. Проехал я через сад, посмотрел на кособокий милый дом, в котором виделся с вами последний раз*, и очень живо вспомнил Тургенева и пожалел, что его нет. Я уже лет на пять пережил его.

Вы говорите про старость. Я тоже чувствую, и очень, ее приближение, и мне кажется, что то ослабление жизнедеятельности, которое мы чувствуем здесь, не есть уменьшение жизни, а только начинающийся уже переход в ту жизнь, которой мы еще не сознаем. Когда же мы умрем, мы вдруг сознаем ее. Прощайте, дай бог спокойствия и любви и к другим и от других.

Ваш Л. Толстой.

20 мая 1898.

Передайте привет вашей жене и детям, которых не могу представить себе большими.

339. А. А. Ернефельту
1898 г. Июля 17. Ясная Поляна.

Хотя мы и никогда не видались, мы знаем и любим друг друга*, и потому я смело обращаюсь к вам с просьбой оказать мне большую [помощь]. Дело*, которое [я имею к вам], должно остаться [никому не известным,] кроме вас, и поэтому никому не говорите и про это письмо, а ответьте мне (Моск. Кур. дор., ст. Козловка), где вы теперь и готовы ли помочь мне?*

Пишу так кратко, потому что мало надеюсь, чтобы при недостаточном адресе письмо дошло до вас.

Лев Толстой.

340. М. Л. Оболенской
1898 г. Июля 20–21? Ясная Поляна.

Спасибо, милая голубушка Маша, за намерение твоего письма*. Ты писала его любя, но я даже не прочел его, а только пробежал, так мне тяжело об этом думать, думать о причине, а не думать о себе. С трудом справляюсь с собой и не знаю еще, как справлюсь. Прошу бога не оставлять меня и говорю себе, что если эта задача задана им мне, то надо решать ее как следует, как он хочет. Но тяжело, и ты очень недостаешь мне. С радостью думаю о твоем приезде*. Сейчас говорил с Таней, очень любя, очень ругал ее за ее эгоистическую жизнь. Вопрос ее не между ею и Сухотиным, а между ею и богом. Несчастье всех нас, и ее особенно, то, что мы забываем то, что жизнь для себя, для своего счастья есть погибель. Она забыла и погибает. Я мучаюсь в той мере, в которой это забываю. Боюсь, что болезнь твоя, кумыс, заботы о себе не испортили тебя, не лишили бы тебя той одной истинной жизни, которая состоит в том, чтобы перевязывать Сергею вонючую рану, которую ты

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. знаешь*.

Л. Т.

341. А. Л. Толстому
1898 г. Сентября 29. Ясная Поляна.

Целый день хочется написать тебе, потому что думаю о тебе, и огорчаюсь и опять утешаюсь*. Главное, милый друг, не отчаивайся. Это одно. А другое, что хочется сказать тебе, – это то, что жить тебе в Москве, без дела, это страшная опасность. Первое дело: найди занятие – чтение. Я недавно вспомнил «La nouvelle Héloïse»* Руссо. Там похоже то, что с тобой случилось. И это мне напомнило. Это прекрасная книга. Заставляет думать. Другое, советую тебе ходить в семейные дома по вечерам: к бабушке*, к Мещериновым и т. п. и держаться подальше от холостежи.

Не унывай, больше думай о всей жизни, а не только о том, что сейчас, и будь как можно откровеннее с милой Ольгой. Все, кроме того, что касается Ольги, относится и до Миши, которого целую и которому советую тоже меньше отдаваться побуждениям и больше думать.

Л. Т.

342. В. Г. Черткову
1898 г. Октября 15. Ясная Поляна.

Сейчас получил ваше письмо* с письмами Моода и не скрою от вас, милый друг, что оно произвело на меня самое тяжелое впечатление, от которого стараюсь и никак не могу освободиться.

Во-1-х, ваше требование немедленно высылать вам все, какие есть, деньги. Я уж писал вам, что для того, чтобы собирать их (что для меня страшно нравственно трудно), мне нужно иметь простор и ясное представление о том, для чего, сколько и когда нужно. Как я писал вам, это мне нужно знать, чтобы с этим сообразовать свои démarches*. Кроме того, здесь, в России, я ближе к месту действия и лучше вас могу знать, что и куда нужно. Перевести же повсюду можно в день по телеграфу. Это одно неприятное впечатление – неприятное тем, что я должен не согласиться с вами, а мне это больно. Теперь это только теоретические соображения, потому что денег теперь у меня немного: остаются тысяч 5 с голодающих*, а 12 000 от Маркса еще не получены*. Второе неприятное впечатление – это письмо Моода*. Из всех его переговоров с канадским правительством так неприятно выступает этот ужасный, бессердечный, практический John Bull*, которому нужны hands* в его колонию и который выторговывает, что может, требуя, чтоб ему доставили здоровых людей, а что, если подохнут они где-то там, – ему все равно. Разумеется, это не может быть иначе, но все-таки больно за этих дорогих людей, и невольно приходит мысль: стоило ли столько трудов и отступлений от требований христианства для того, чтобы от одного бессердечного и жестокого хозяина перейти к другому, не менее, если еще не более, бессердечному. Чувствуется, что и в Канаде не может быть ладу у духоборов с правительством тамшним, если только духоборы будут так же, как теперь, проводить в жизнь требования христианской жизни. Третье неприятное впечатление – это ваше требование писать какие-то конспекты издателям*. Мне было неприятно и, покаюсь, оскорбительно ваше требование давать читать первые главы издателям. Я бы никогда не согласился на это и удивляюсь, что вы согласились на это. А уж конспекты для меня представляют что-то невообразимое. Хотят они или не хотят, а подавать на их одобрение, я удивляюсь, что вы, любя меня, согласились. Я помню, американские издатели не раз писали письма с предложениями очень большой платы, и я полагал, что дело так и будет и так и поведется вами, но если надо показывать товар и дожидаться le bon plaisir* покупателей, то, как мне ни желательно собрать деньги для духоборов, я не могу на это согласиться, потому что это и непрактично, и есть средство, кроме унижения без всякой причины, еще и продешевить товар.

Так что я бы просил вас, если вы ничего еще не сделали, оставить это дело и предоставить его мне. Я думаю, что я сделаю его лучше, по крайней мере, не буду ни на кого досадовать.

Ну, вот, я не удержался, и мое дурное расположение духа вышло наружу, и я боюсь, что оскорбил и огорчил вас. Пожалуйста, простите меня за это или выговорите за мою несправедливость. Насчет конспекта повести соображения тоже теоретические,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. потому что первая часть написана, вторая же пока не напечатана, не может считаться окончательно написанной, и я могу ее изменить и желаю иметь эту возможность изменить.

Так что мое возмущение против конспектов и предварительного чтения есть не гордость, а некоторое сознание своего писательского призвания, которое не может подчинить свою духовную деятельность писания каким-либо другим практическим соображениям. Тут что-то есть отвратительное и возмущающее душу. Вообще жалею, что решился на этот шаг, тем более, что вы не облегчаете мне его, как вы во многих случаях, любя меня, делали, и напротив, заставляете меня в нем раскаяться.

Ну, простите, пожалуйста, любящего вас, как всегда,

Л. Толстого.

343. А. Ф. Марксу
1898 г. Ноября 7. Ясная Поляна.

Милостивый государь Адольф Федорович.

Я получил ваши два письма и корректуры*. Отвечаю на ваши вопросы и повторяю свои вопросы, на которые очень прошу вас ответить. Ваши вопросы:

1) Право первого печатания в Германии еще никому не отдано, но будет отдано тому изданию, которое предложит за него выгоднейшие условия. Дело это предоставлено мною Черткову (V. Tchertkoff. Maldon Essex, England), к которому немецкие переводчики и издатели имеют обратиться.

2) Переводы на иностранных языках, выходящие в России, могут появляться после выхода повести в вашем издании.

3) Главы от 18–40 вам высланы, остальные надеюсь выслать двумя частями не позже конца этого месяца. Так я думаю и так желаю, но хотя в том и мало вероятия, но могут встретиться препятствия – нездоровье, смерть, так как я нахожусь в процессе перерабатывания последней части.

Теперь мои вопросы и предложения:

1) В повести есть много мест нецензурных, и чем дальше я над нею работаю, тем этих нецензурных мест становится больше. Но это не должно препятствовать помещению повести в «Ниве». Для этого нужно поручить просмотреть повесть литератору, знающему требования цензуры, с тем, чтобы этот литератор-редактор исключил те места, которые он считает совсем нецензурными, и изменял сомнительные места так, чтобы они не представляли препятствий в цензурном отношении. Сделав же эти изменения, я просил бы прислать их ко мне для просмотра*.

Вот то, что касается цензурности.

2) О времени напечатания: я просил бы вас выпустить первые номера около половины января*.

3) Количество листов в каждом номере я просил бы вас определить теперь при расчете на 12 листов печатных.

В ожидании ответа остаюсь, с совершенным уважением, готовый к услугам

Л. Толстой.

7 ноября 1898.

344. А. Ф. Марксу
1898 г. Ноября 17. Ясная Поляна.

Милостивый государь

Адольф Федорович,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.

Получил ваши корректуры и письмо*. Еще 30 глав, до 70 включительно, но еще не конец, вышлю вам дня через два. До конца будет еще глав 10, так что всех будет около 80.

Судя по тому, как идет дело у меня (у вас нет никакой задержки), я вижу, что я никак не буду в состоянии кончить к январю. Я думаю, что вы не успели бы, не успеет и Пастернак*. Кроме того, заграничные издатели просят меня отложить печатание до марта*.

Из всего этого выходит то, что я очень просил бы вас отложить печатание до марта и в таком смысле и сделать объявления. Я думаю, что вы при этом ничего не потеряете, достоинство же вещи значительно выиграет. Я же буду вам за такую отсрочку очень благодарен.

Объявлять же вы смело можете, так как с выпуском нецензурных мест вещь, во всяком случае, появится в вашем журнале. На то, чтобы назвать это сочинение романом, я совершенно согласен. Что же касается до отрывка: «История матери»*, то я теперь так весь поглощен работой над «Воскресением», что не могу и думать о приготовлении другой вещи к печати.

Если вы согласны на мое предложение отложить печатание до марта*, то вы обяжете меня, известив меня об этом телеграммой с тем, чтобы я мог сообщить это известие ожидающим ответа заграничным издателям.

С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам

Лев Толстой.

17 ноября 1898.

345. С. А. Толстой
1898 г. Ноября 20. Тула.

Событие состоит в том, что я, наткнувшись на икону, объехал ее полями, но на станции (опять) встретил смотрителя, шедшего ей навстречу. Я сказал ему, что не советую предаваться идолопоклонству и обману. Мужикам же, к сожалению, в этот раз не пришлось ничего сказать. Также и мужики кроме ласковых приветствий ничего мне не говорили. Я удивляюсь, что ты можешь интересоваться такими пустяками*. Я 20 лет и словом, и печатью, и всеми средствами передаю свое отвращение к обману и любовь к истине и даже министру писал, что, считая это своей обязанностью, я это буду делать, пока жив*. Как же тебя может интересовать такой ничтожный случай. Какой дурак тебя напугал и какое нам дело до того, что говорят в Петербурге или Казани? Целую тебя.

Л. Т.

Письмо это пишу на станции в Туле.

346. Т. Л. Толстой и М. Л. Оболенской
1898 г. Декабря 5. Москва. 5 декабря.

Милые Таня и Маша.

Письма ваши получил*, не отвечал еще потому, что нездоровится – очень слаб всячески, но преимущественно физически: не хочется ни двигаться, ни говорить, ни думать. Мама вчера, верно, писала вам. Положение ее все то же – очень тяжелое, и тяжесть которого для меня вы, несмотря на всю вашу любовь ко мне, понять не можете. Самое утешительное и укрепительное для меня то, что говоришь себе, что в этом моя задача. Да уж очень сложна и трудна.

Видел Олсуфьевых: сидели за столом Анна Михайловна, Адам Васильевич, Матильда, Петр Васильевич и дирижер на трубе. Говорить о Лизе не пришлось при всех, видел, что Анна Михайловна держит слезы, а Адам Васильевич пошел вниз проводить меня, и там я сказал ему, что видел во сне... Он говорит: «Лизка нашего» и заплакал, и я*. И стали целоваться. Он ногами слаб, с трудом сходит с лестницы. Хотел и обещал к ним пойти, да нет энергии. Видел С. А. Дунаева. Вчера приехала Хирьякова с приятельницей, и поехали. Они мне понравились – верно, работающие женщины, обе

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. акушерки и фельдшерицы. Нынче приехал Чернов*. Вы, верно, мало говорили с ним. Я его очень люблю: такой же твердый, ясный, кроткий, как и все они, эти люди 25 столетия. В сравнении с ними особенно тяжелы те люди 15 столетия, среди которых живешь. Ужасно был дорогой спутник 11-го столетия. Миша ни то ни се, все в пьянстве эгоизма, но дурного пока ничего нет. Саша грохочет добродушно, часто. Мила Соня с детьми. Мы не получили багажа и потому не знаем, что прислано. Благодарю, Таня, за то, что прислала – все нужно. А нужно еще мне – ножницы и большие и маленькие, разрезной ножик, все книги запрещенные, на верхней полке в правом углу, и брошюра английская: японцы о политической экономии*. Я приготовил ее взять с собой и забыл. Еще коньки. Целую вас, милые девочки, так же Колю, Лизу и Леву и Дору с сыном.

Л. Т.

347. В. Г. Черткову
1898 г. Декабря 5. Москва.

Сейчас прочел «Листок Свободного слова»*. Прекрасно все, исключая последней страницы: «Обращения к пожертвованиям»*. Обращение это никаких жертвований не вызовет, а роняет как-то достоинство редакции. Мне кажется, что жертвования, если вызывать, то вызывать надо частным образом, а в печати это нехорошо. Остальное же все – весь тон – все прекрасно. Немножко бы только поменьше Толстого, и хоть какое-нибудь сведение о правительственных грехах общих, а не исключительно религиозного гонения.

Все время читаешь и думаешь: как бы сделать, чтобы все или как можно больше людей прочли. Кажется, – вероятно, я ошибаюсь, – что на всякого непредубежденного, не вполне испорченного человека должно чтение это произвести неотразимое впечатление. И письма духоборов, и Шкарвана, и статья Крапоткина очень мне понравилась*.

Теперь о наших молодых*. Сейчас приехал Андрюша. Вы, милая Галя, удивляетесь, что я против их поселения в деревне. А я удивляюсь, что вы удивляетесь. Жизнь в деревне, на своей земле, в своем доме, есть, во-1-х, самая роскошная жизнь. Тут неизбежны и устройство дома, и экипажи, и лошади, и не успеешь оглянуться, и собаки; и, во-2-х, главное, покойная, гордая и самоуверенная, как будто занятая праздность. Еще понятно, жизнь в деревне в большом имении – устройство, усовершенствование хозяйства, или жизнь на земле с работой личной и скромная, как ваша в Деменке, а это будет только халат, в котором покойно и из которого не хочется выйти и в который уйдут и все средства и, главное, вся энергия жизни. У нее будут дети, а у него охота и соседи, и лошади, и т. п. Я это вижу на Илье, на добром, прекрасном Илье и его доброй и прекрасной жене. Из всех образов жизни, которые они могут избрать, жизнь в своем именье самая дурная по своему влиянию. Мы только привыкли к тому, что нечего делать, так ехать в деревню, но поехать в деревню, чтобы жить там, не работая, есть самое невыгодное положение. Что же делать? Что они хотят и могут, но делать. Два молодые энергичные человека, точно старики, поедут в деревню в свое имение, чтобы спокойно жить! Главное, что будет вовсе не спокойно, а кончится тем, что проживут, что есть, нарожают детей и будут нуждаться и тяготиться. Вы опять скажете, что именно делать? Не могу сказать другому, что делать, потому что не знаю, к чему лежит его сердце, но знаю, что надо иметь в виду дело, а не спокойную жизнь.

Сейчас у меня приехавший на день Д. Чернов расспросить о том, насколько справедливо заманивание гамбургского пароходного агента в Арканзас. Кажется, что я успокоил его и их старичков, прославших его. Вчера приехала Хирьякова с своей приятельницей. Думаю, что они поспеют к первому пароходу и будут полезны.

Я теперь в Москве. Пишите сюда. Целую вас, Пошу и всех друзей.

Л. Т.

348. В. Г. Черткову
1898 г. Декабря 12. Москва.

Любезный друг Владимир Григорьевич!

Письмо это, адресованное Арчеру, лежало еще не запечатанным, когда я получил ваше № 63 (Таня привезла его из деревни)*. Кроме того, привезла и письмо от

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. Моода*, писанное с парохода. Я сейчас ему отвечу и буду просить его взять на себя весь труд как печатания, так и духоборческого переселения.

Спасибо за ваше письмо. Я теперь решительно не могу ничем другим заниматься, как только «Воскресением». Как ядро, приближающееся к земле все быстрее и быстрее, так у меня теперь, когда почти конец, я не могу ни о чем, нет, не не могу – могу и даже думаю, но не хочется ни о чем другом думать, как об этом. Сейчас получил корректуры до 70 главы, и очень мне не понравились некоторые места. Нынче послал письмо в Якутск и Александровскую тюрьму, под Иркутском, братьям*. Ужасает меня то количество людей, которое собирается присоединиться к духоборам. Люди хотят обсохнуть в их среде. Но насколько они высушатся, они внесут сырости к духоборам. Как-то они вынесут этот наплыв? А между тем, видно, так надо. Всем жить надо, и всем помогать друг другу.

Андрюша приезжал из Петербурга и поехал к Илье. Он мил, но ужасно слаб и легкомыслен. За него я не переставая радуюсь, но за Ольгу боюсь, что ей будет трудно. Ну, прощайте пока. Поше собираюсь писать.

Л. Т.

1899

349. П. А. Буланже

1899 г. Февраля 12–15. Москва.

Дорогой друг Павел Александрович,

Давно не писал вам и не отвечал на 2 ваши письма – простите*. Думаю о вас часто, люблю вас, не переставая. Порадовался вашему письму, где вы пишете, что устроились корреспондентом в газеты, и это дает вам заработок, и что вам предлагают корреспондировать в консервативную газету, и вы колеблетесь; это очень бы порадовало меня, если бы я не сомневался в том, что вы описываете свое матерьяльное положение лучше, чем оно есть, по своей доброте, только для того, чтобы успокоить меня. Напишите об этом, то есть о своем заработке, подробнее и обстоятельнее и не отказывайтесь от заработка только потому, что газета консервативная. Я часто думаю, что если бы мне надо было печатать и можно выбирать, я печатал бы в «Московских ведомостях» и «Московском листке». Вносить хоть немного света в мрак читателей этих органов – доброе дело. А еще дайте мне послужить вам в этом деле – пришлите мне корреспонденции, и я продам их и выговорю и на будущее наивыгоднейшие условия. Я могу поместить в «Курьере», в «Русских ведомостях», в «Ниве», в «Неделе». Пожалуйста, пожалуйста, воспользуйтесь мною, пока я в городе. А мне не то что труд, но только истинное удовольствие. И мне кажется, что ваши корреспонденции могут быть очень хороши и полезны. Не думайте, чтобы я ожидал от вас высказывание в этих корреспонденциях тех основ, которыми мы живем, я жду от них только описания современных английских событий в экономической, политической, социальной, научной, художественной областях, переданных христианином и потому освещенных христианским светом. Пожалуйста, сделайте это, то есть пишите и пользуйтесь мной, а я теперь же приготовлю издателей.

О внешней жизни моей вы, вероятно, знаете от Русанова. Чувствую себя очень ослабевшим в нынешнем году – болит спина и нет сна и бодрости мысли, и потому плохо работается. Правда, что городская жизнь страшно утомительна с тем огромным количеством отношений, которые образовались у меня. Хочется попытаться уехать куда-нибудь – к Олсуфьевым, вероятно. Исправление «Воскресения» совсем не двигается. «Ответ шведам» напечатан в очень нехорошей версии, я потом исправил его и послал Черткову*. Если он не напечатан во Франции, то хорошо бы перевести его с этой лучшей версии. Жены нет теперь в Москве, она в Киеве у Т. А. Кузминской, которая опасно больна – воспаление легких. Я с Таней, Мишей и Сашей. Мой привет Марье Викторовне и вашим детям. Что они? Вчера вернулся из Канады Бакунин весь под влиянием духоборов, необыкновенных людей 25 столетия*. От Сережи письма еще только из карантина*. Видел Христиановича, который, как и следует, очень любит вас. Так не сердитесь, что не писал, и пишите мне почаще и про свою душу, которую я очень люблю.

Л. Т.

*350. С. Н. Толстому

1899 г. Мая 1. Москва. 1 мая.

Каждый день и по несколько раз думаю о тебе и очень желаю тебя видеть. Знаю и болею о нелепости выходки Вари*. Надеюсь, что пребывание на Кавказе у Скороходовых и других, если она там, образумит ее. Они очень хорошие люди. Больно то, что под видом христианских чувств в ней сделалось какое-то неприятное озлобление. Тут есть почти болезненное состояние. Чем больше живешь, тем больше убеждаешься в том, что ум люди употребляют только на то, чтобы оправдывать свои безумные поступки. И скучно смотреть на всю эту царственную чепуху, и хочется поскорее уйти и получить новое назначение в такое место, где не так ясно будешь видеть всю нелепость людской жизни. Утешаешься тем, что если видишь нелепость, то обязан указать ее другим, и что в этом твое дело. Но все-таки скучно и хочется поскорее переехать, только бы не при очень дурном экипаже в дороге. Я все надеялся приехать в Пирогово и очень радовался этому.

Софья Андреевна, которой я предоставляю распоряжаться мною, решила, что Маша – милая Маша, которую целую с Колей и прошу не сердиться, что не писал ей, – приедет сюда, а я с ней уеду в Пирогово*. Но она не приехала, и я все сижу и утро, не переставая, работаю над «Воскресением», которое надоело мне страшно, а потом предоставляю себя тем сумасшедшим, которые около меня суетятся. Сам я такой же. И очень надоело. Привет всем твоим – Марье Михайловне, Вере, Маше, может быть и Варе.

Л. Толстой.

351. В. Г. Черткову
1899 г. Мая 5. Москва.

5 мая.

Простите меня, пожалуйста (впрочем, на моей бумаге для писем можно бы эти слова напечатать, так как всегда они начинаются совершенно справедливо так – покаянием), за то, что не отвечал, и, главное, за то, что задерживаю перевод и печатание поправками*. Причина и того и другого одна: невозможность успеть и потребность исправлять скверное. Вы пишете о том, чтобы дать вам повесть для наших изданий*. Да я теперь закаялся так печатать, так я измучился. Дело в том, что, как умный портретист, скульптор (Трубецкой), занят только тем, чтобы передать выражение лица – глаз, так для меня главное – душевная жизнь, выражающаяся в сценах. И эти сцены не мог не перерабатывать. Если большое затруднение переделывать, печатайте, как прежде было, только жалко. После этих глав все пойдет, надеюсь, гладко. Следующие за 43 вышлю через два дня. Их нет у меня. Маркс высылает вам правильно, но так как вы боитесь его коварства (он не коварен, а груб и глуп), я буду высылать от себя*. Спасибо Колечке*, который работает как вол, помогая мне. Деньги я вам выслал духоборческие, потому что лицо, давшее деньги, обещало привезти их, а вам нужно скорее.

С американскими издателями делайте, как находите нужным*. Я лично не запретил бы. В будущем нельзя же запретить. Сейчас сажусь за работу. Сведения о якутских посылаю*.

Целую вас всех.

Все это неважно. Важно всем нам любить друг друга, главное, никого не не любить. А мы это-то (я) и делаем. Простите, что пишу такие пошлости. Что делать, коли я, кроме этих пошлостей, ничего не нахожу новым, современным и интересным.

Л. Т.

352. Д. В. Григоровичу
1899 г. Июня 14. Ясная Поляна.

Спасибо вам, милый, дорогой друг Дмитрий Васильевич, и за письмо*, и за добрые чувства, и за добрые дела, что перевели Таню из дурного места в хорошее*. Жалко мне было слышать, что вы болели и мучались. Переехать в новую жизнь, получить новое назначение в наши с вами года, хотя я и на семь лет моложе, очень привлекательно, только бы переезд был удобный и без особенных страданий. А впрочем, и страдания не мешают. Крестьяне говорят: хорошо пострадать перед смертью. Как и отчего хорошо – я не сумею объяснить теперь, но всей душой согласен с ними. Только малодушие просит помягче экипаж. Я сейчас не пишу вам

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. своей рукой, потому что проехал маленькую станцию на очень тряском экипаже, станцию к новому назначению, то есть болен моею обычною и очень обычною желудочною болезнью. Нынче мне уже лучше – так и скажите Тане, если ее увидите раньше письма от нас. Я никак не ожидал, что так увлекусь своей старинной литературной работой*. Не знаю, результаты какие, а усердия много. Прощайте, милый друг, передайте привет вашей жене от любящего вас

Льва Толстого.

14 июня 1899.

353. П. И. Бирюкову
1899 г. Августа 1. Ясная Поляна. 1 августа 99.

Дорогой друг Поша, кругом виноват перед вами за то, что не пишу. Всю воду свою пускаю на работу «Воскресения», а потом остаюсь слаб и пуст, и кроме того, все лето, не переставая, хвораю животом. И сейчас нездоров. Вчера получил ваш листок «Свободная мысль»*. Очень хорошо. Мне очень понравилось. Вступление о свободе 5+*. Сопровождающая заметка о конференции 5*. Дело Дрейфуса 5*. Это очень важный отдел. Все вопросы, занимающие общество, нужно хоть кратко освещать с нашей точки зрения. Просто надо брать газеты и те известия, которые много раз повторяются во всех, – обсуживать. Так захваты в Китае, в Африке, стачки, поездки императора*, Милан* и т. п. Да вы сами это знаете и делаете. Я хочу сказать, что это очень важно и нужно. «Рабочее движение» 3 (мало)*. Финляндия 5+*, но испорчено о том, что как будто одобрительно о ловле агентов. Духоборы 4*, голод 5*. «Университетские волнения» 3*. Надо бы больше. Нынче в газетах о том, что в солдаты забирать, а перед этим было об инспекции и общении профессоров*. Все как нарочно делают, чтобы раздражить. И нынче же новая форма присяги*. Руки чешутся писать обо многом в форме статей. Да надо кончать «Воскресение». Когда не было художественной работы, я по ней скучал, а теперь уж хочется освободиться, много набралось другого.

«Высочайшая ложь» (3)*. Мне нравится, но только потому, что я зол. А не должно нравиться: нехорошо в семейную, душевную жизнь Николая вмешиваться. Лучше бы другую тему, например, присягу.

«О смертной казни» 5+*. «Мирная секта» (3)*. Письма Шмита 5*, но боюсь, что он преувеличивает.

Вообще очень хорошо. И есть изюминка герценовская. Так и нужно. И тут нужен большой такт, чтобы была изюминка, а между тем не уходили бы все кислые щи пеной. Чтобы не было пресно и не была одна пена, но была бы жидкость с air fix'ом*. Важное, хорошее дело, помогай вам бог.

Знаете ли вы книгу Verus, «Vergleichende Uebersicht der vier Evangelien», Leipzig, Van Dyk, 1897*, в которой очень хорошо доказывается (столько же вероятия, по-моему, за, сколько и против), что Христа совсем не было. Прочтите эту книгу (мне кто-то, кому я очень благодарен, прислал ее) и сделайте извлечение. Впрочем, оно сделано: Schlusswort и хорошо. Anhang: Buddha und Jésus*. Это предположение или вероятность есть уничтожение последних подлежащих нападению врагов предместий для того, чтобы сделать крепость нравственного учения добра, вытекающего не из одного временного и местного источника, а из совокупности всей духовной жизни человечества, была бы непоколебима. Прощайте, милые друзья, вы и Паша, которую я давно люблю, а Таня больше полюбила после свидания.

Л. Т.

354. В. Г. Черткову
1899 г. Августа 8. Ясная Поляна.

Получил ваше письмо с Аннушкой*, и по той радости, которую испытал, увидав Аннушку, почувствовал, как вы мне дороги. Она привезла немного вашей интимной (одной стороны) жизни.

Был очень рад и письму, – тому бодрому и довольному людьми настроению, которое в нем выражается, – но ваши планы об изданиях прямо ужаснули меня.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. 15 тысяч в год – это нечто немыслимое и, главное, погибельное. Если издерживать 15 тысяч в год, то надо и выручать их. А разве это возможно? Если бы и случилось невозможное чудо, что у вас бы были эти 15 тысяч, то это было бы страшно опасно, потому что непременно делалось бы 30 тысяч долга, и в следующий год еще больше и т. д.* Мне кажется, что никакое дело не может так затянуть в долги, как издание. Гуревич кончила 200 тысяч долга*. Да и зачем это? Если дело нужное – как был ваш русский «Посредник», – то нашелся Сытин. И потом, зачем начинать на такую большую ногу? Надо начинать с маленького, и если маленькое поведется успешно, понемногу расширять. Потом само ведение дела, мне кажется, неверно. Вы пишете, что у вас готовы или готовятся статьи о голоде, студентах, Финляндии*. Все это должно было явиться полгода тому назад. Теперь все это старо: назрели новые события. Нужно быстро и бойко, по-герценовски, по-журнальному, писать о современных событиях. А вы добросовестно исследуете их, как свойственно исследовать вечные вопросы. Для меня совершенно очевидно, что вы этими изданиями отравите себе жизнь – вашу жизнь, такую хорошую и важную. Вот я сказал, что думаю. Если нехорошо сказал и ошибся, простите.

Я все хвораю, все лето. Оттого редко пишу. «Воскресение» берет все время и силы.

Спасибо за сухарики. Планидину я послал 1000 рублей, которые у меня были, жертвованные в мое распоряжение. Якутским я второй раз послал 500 рублей. Надеюсь послать еще. Боюсь, как бы посылка Планидину не вызвала дурных чувств. Я послал через Mac-Creary*.

Сейчас отправляю главы 34–37 и целый день писал, и потому простите, если письмо плохо; а хочется ответить. Я послал вам письмо из «Cosmopolitan». Деньги возвращены ли ему? Сколько греха от этого издания*.

Прощайте. Передайте мой почтительный привет Лизавете Ивановне. Очень жаль было услышать, что она болеет ногами. У нас все болят. Маша выкинула третий раз, лежит, Таня слаба, только Оля здорова, милая и дорогая мне.

Л. Т.

355. Райнеру Мария Рильке
<перевод с французского>
1899 г. Сентября 13/25. Ясная Поляна. 25 Сентября 99.

Милостивый государь,

Я получил посылку с книгами г-жи Лу Андреас-Саломе, книгой о бабидах* и вашей. Я еще не имел времени прочесть всего; прочел только первые три рассказа г-жи Лу Андреас, которые мне очень понравились. Не замедлю прочесть и другие. Благодарю вас за книги и за ваше письмо. Я с удовольствием вспоминаю о приятном и интересном разговоре, который имел с вами и вашими друзьями, когда вы были у меня в Москве.

Примите, милостивый государь, уверение в моем искреннем расположении.

Лев Толстой.

356. А. Ф. Марксу
1899 г. Октября 8. Ясная Поляна.

Милостивый государь, Адольф Федорович,

Посылаю вам 4 главы*. Очень боюсь, что большая часть из них не пропустится цензурой. Вам удалось пропустить многое в предшествующем, что обыкновенно запрещается. Желаю вам успеха и для этой части. Ввиду того, что многое может быть не пропущено, я поспешу выслать вам следующие главы, тоже 4, которые, надеюсь, не встретят препятствий в цензуре. Во всяком случае, прошу вас прислать мне теперь посылаемые 4 главы для исправления в 3-х экземплярах. Постараюсь их не задержать*. Я не переставая работаю и спешу, сколько могу и сколько позволяет мне мое слабое нынешний год здоровье. Пословица говорит: скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается, а я говорю: скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается. И это так и должно быть, потому что дела самые большие разрушаются, и от них ничего не остается, а сказки, если они хороши, живут очень долго.

С совершенным почтением готовый к услугам

Лев Толстой.

8 октября 1899.

Всего никак не могу прислать, хотя оно и написано, потому что постоянно исправляю, изменяю, выкидываю.

357. А. Л. Толстому
1899 г. Октября середина? Ясная Поляна.

Много о тебе думал, милый Андрюша. Твой план заложить Самару* и купить имение в Черни – самый безумный, какой только можно себе представить. Самарская земля дает доход не каждый год. Придется не платить и перезакладывать. Кроме того, без крайней необходимости взять на себя долг и обязаться ежегодным платежом очень неразумно. Купить же маленькое, не приносящее дохода имение в Черни и тратить на него (на барское житье в нем) деньги есть вернейшее средство совершенного разорения не позже, как через 5 лет. Самарская земля приносит доход и сама растет в ценности и еще будет расти; а чернское имение с домом и всеми принадлежностями барской жизни есть верное средство разориться, при этом проводя самую пустую и глупую жизнь с террасами, садами, лошадьми, собаками, экипажами. Не стоило брать такую умную и хорошую жену, чтобы вести такую глупую эгоистическую жизнь. Илюшу я очень люблю, и он мил, но жизнь, которую он ведет, есть образец той жизни, которую не надо вести. И теперь еще начало, а конец ждет много горя, которым он заплатит за теперешнюю праздную, праздничную, эгоистическую жизнь. Не подражай ему в этом. Подражай в добродушии, веселости, но не в устройстве жизни. Ты скажешь: что же делать? Где жить? Не могу тебе определенно ответить, но могу сказать, что выбор бесконечный, зависящий от ваших (с Ольгой) вкусов и желаний: можно жить в Ясной, как мама говорит. Это очень просто и естественно. Ты говоришь: занятий нет. Занятия везде есть у человека, который хочет быть полезен другим; занятия же в своей деревне, домом, садом, лошадьми, собаками, есть вовсе не занятия, а баловство. Можно жить в Москве, в Петербурге, в Туле, в Киеве, где хочешь, не заводя своего дома, своей ямы, куда ухлопываются и деньги, и время, и внимание. Можно жить и в Самаре. Везде можно жить, только бы не жить для одного своего удовольствия, а для пользы других людей. А жизнь в имении, как Илюшина, невольно поглощает все силы на себя, и это не только дурно, но, в конце концов, скучно, и делается тяжело. Еще поверь мне, пожалуйста, поверь, что чем больше нужно на жизнь денег, тем она хуже – безнравственнее, и под конец будет тяжелее. Что вам, двум здоровым, молодым и добрым людям, нужно? Квартиру в две комнаты в 10 рублей в месяц; обед в 10 рублей, чаю на 5 рублей, да столыко ж на всякие прихоти. Но всего этого довольно, если есть дело вне себя. А если нет такого дела, то неостанет и 5000 в месяц. Ты скажешь: какое дело вне себя? Это все равно, что я скажу: смотри на звезды; а ты спросишь: на какие звезды? Везде звезды, и везде дела вне себя. Ну, ходить за стариком, Ольгиным отцом, если ему это нужно – дело. Взять сироту и воспитывать и кормить – дело, писать корреспонденции в Англию*, учить ребят – все дело. Но только тогда настоящее, удовлетворяющее дело, когда оно точно взято для другого, а не для себя, а не так, что цель моя – мое удовольствие, а между прочим я и другим могу быть полезен.

358. С. Н. Толстому
1899 г. Ноября 8. Ясная Поляна.

8 ноября.

Так и не удалось мне побывать у тебя перед отъездом. Завтра уезжаем*. И это мне очень грустно. В наши года уж так вероятно, что не удалось теперь и уж не удастся никогда в этом мире и в этом виде. А очень хотелось побывать у тебя именно теперь в твоём горе*, которое чувствую очень сильно, и в твоём одиночестве, которому иногда завидую. Лучше одиночество, чем недостойная и унижительная суeta, в которой я должен быть, если не огорчать и не раздражать, что особенно больно перед концом. Примеривался я несколько раз поехать в Пирогово, но всякий раз чувствовал, что рискованно навалить на Машу и тебя свою болезнь. Старость вдруг пришла ко мне в неожиданной форме, в форме постоянной, не сильной боли живота, но которая всякую минуту при неосторожности угрожает перейти в большую боль. И при этом слабость и вялость, которые проходят только

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. редко. Я намереваюсь, если будем живы, на рождество приехать к тебе. Софья Андреевна поедет к Илье, а я слезу в Лазареве, известив тебя. Спасибо Маше моей, что дает известия про тебя и тебя навещает.

То, что ты не согласен с моим последним письмом, несколько меня не огорчает*. Надеюсь, что и ты тоже этим не огорчаешься. Очень трудно словами высказать всю свою веру. И я знаю, что у тебя есть своя и хорошая. И она не подходит под мои слова. И оставим слова. Наступает нам обоим время, когда, как говорит Montaigne, когда il faudra parler français*. Только бы полегче переход, а путешествие в новые края за границу только приятно. – Я все вожусь с своей 3-ей частью, все набрано, но еще не все исправлено. И в этой 3-ей части много нецензурного. Не знаю, что пропустят*.

Прощай пока. Привет Марье Михайловне и милой Маше твоей и ее мужу и Верочке, когда приедет. Ты, кажется, несешь свое Лирство (король Лир) мужественно. Помогай тебе бог. Моя Таня решила, что не может не «плясать», и я уже желаю этого*.

Л. Т.

Если сам не напишешь скоро, вели Маше моей написать, что ты получил это письмо.

359. Т. Л. Сухотиной (Толстой)
1899 г. Ноября 16. Москва.

Сейчас написал тебе было два листочка и бросил, не послал*. Чем старше, тем чувствительнее на несоответствие слов и чувств, неточность, неправдивость их. Мама написала тебе о том, что делается, прибавлю, что Андрюша как раз сделал то, в чем ты его предостерегала: обиделся и обидел Ольгу. Но я не огорчаюсь, а только радуюсь на поразительную перемену к лучшему в нем. Сережа с Жюли в гостинной переписывают, теперь 12 ч. ночи. Она диктует, он пишет, я им принес карты для кабалы* в награду. Повторю то, что я говорил тебе, что мне разлука с тобой ничто в сравнении с вопросом о твоём счастье. Только бы я знал, что ты с Михаилом Сергеевичем так же разговариваешь, как Маша с Колей, Варя с своим мужем, что в разговоре, в общении вашем нет никаких подводных камней, мелей, а свободный океан, и я буду радоваться и не видя тебя. Сегодня убирал твою комнату, разложил твои этюды, портреты. Много хорошего. Манин – прелесть, и Сережа хочет его у тебя просить*. Важнее всего, разумеется, нравственное здоровье, чтобы желать только того, что всегда возможно: быть лучше и лучше, но по слабости своей очень желаю тебе и телесного здоровья. Больно вспоминать тебя такой худой и бледной, какой ты была последние дни. А впрочем, может быть, тебе такой надо быть и такой будешь по-новому хороша. Целую тебя и Михаила Сергеевича и с успехом стараюсь любить его, чего и ему желаю относительно себя.

360. Г. М. Волконскому
1899 г. Декабря 4/16. Москва.

Я получил ваше письмо с брошюрами и прочел их*. Отвечаю так поздно потому, что ваше письмо ходило в Ясенки, а я в Москве, – и не своей рукой, потому что болен и слаб.

С удовольствием отвечаю вам, потому что брошюры ваши написаны очень хорошо и искренно, за исключением третьей, насчет которой я согласен с вашими родными. Эта брошюрка слаба не потому, что слишком резка, но потому, что недостаточно ясно выставляет отталкивающие черты одного из самых отвратительных, если не комических, представителей императорства – Вильгельма II.

Но как ни хорошо написаны ваши статьи, я по существу не согласен с ними, не то что не согласен, но не могу осуждать того, что вы осуждаете.

Если два человека, напившись пьяны в трактире, подерутся за картами, я никак не решусь осуждать одного из них; как бы убедительны ни были доводы другого, причина безобразных поступков того или другого лежит никак не в справедливости одного из них, а в том, что вместо того, чтобы спокойно трудиться или отдыхать, они нашли нужным пить вино и играть в карты в трактире. Точно так же, когда мне говорят, что в какой бы то ни было разгоревшейся войне исключительно виновата одна сторона, я никогда не могу согласиться с этим. Можно признать, что одна из сторон поступает более дурно, но разборка о том, которая поступает хуже, никак

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. не объяснит даже самой ближайшей причины того, почему происходит такое страшное, жестокое и бесчеловечное явление, как война. Причины эти для всякого человека, который не закрывает глаз, совершенно очевидны, как теперь в Трансвальской войне, так и во всех войнах, которые были в последнее время. Причин этих три: 1-ая – неравное распределение имуществ, то есть ограбление одними людьми других, 2-ая – существование военного сословия, то есть людей, воспитанных и предназначенных для убийства, и 3-я – ложное, большую частью сознательно обманное религиозное учение, в котором насильственно воспитываются молодые поколения. И потому я думаю, что не только бесполезно, но и вредно видеть причину войн в Чемберленах, в Вильгельмах и т. п., скрывая этим от себя действительные причины, которые гораздо ближе и в которых мы сами участвуем.

На Чемберленов и Вильгельмов мы можем только сердиться и бранить их; но наше сердце и брань только испортят нам кровь, но не изменят хода вещей: Чемберлены и Вильгельмы суть слепые орудия сил, лежащих далеко позади их. Они поступают так, как должны поступать и как не могут поступать иначе. Вся история есть ряд точно таких же поступков всех политических людей – как Трансвальская война, и потому сердиться на них и осуждать их совершенно бесполезно и даже невозможно, когда видишь истинные причины их деятельности и когда чувствуешь, что ты сам виновник той или другой их деятельности, смотря по тому, как ты относишься к трем основным причинам, о которых я упомянул. До тех пор, пока мы будем пользоваться исключительными богатствами в то время, как массы народа задавлены трудом, всегда будут войны за рынки, за золотые прииски и т. п., которые нам нужны для того, чтобы поддерживать наше исключительное богатство. Тем более неизбежны будут войны до тех пор, пока мы будем участвовать в военном сословии, допускать его существование, не бороться всеми силами против него. Мы сами или служим в военном сословии, или признаем его не только необходимым, но похвальным, и потом, когда возникает война, осуждаем в ней какого-нибудь Чемберлена и т. п. Главное же, будет война до тех пор, пока мы будем не только проповедовать, но без негодования и возмущения допускать то извращение христианства, которое называется церковным христианством и при котором возможно христоролюбивое воинство, благословение пушек и признание войны делом христиански справедливым. Мы учим этой религии наших детей, сами исповедуем ее и потом говорим – одни, что Чемберлен, а другие, что Крюгер виноват в том, что люди убивают друг друга.

Вот поэтому – то я и не согласен с вами и не могу упрекать слепые орудия невежества и зла, а вижу причины в таких явлениях, в которых я сам могу содействовать уменьшению или увеличению зла. Содействовать братскому уравнению имуществ, пользоваться в наименьшей мере теми преимуществами, которые выпали на мою долю; не участвовать ни с какой стороны в военном деле; разрушать тот гипноз, посредством которого люди, превращаясь в наемных убийц, думают, что они делают благое дело, служа в военной службе; и, главное, исповедовать разумное христианское учение, всеми силами стараясь разрушать тот жестокий обман ложного христианства, которым насильно воспитываются молодые поколения, – в этом тройном деле, мне кажется, заключается обязанность всякого человека, желающего послужить добру и справедливо возмущенного той ужасной войной, которая возмутила и вас*.

Москва. 4/16 декабря 1899 г.

361. П. П. Гнедичу
1899 г. декабря 13. Москва.

Не отсылал вам этого письма* потому, что сам хотел поблагодарить вас не только за присылку, но и за самое произведение, которое я все читал в «Неделе» и с большим удовольствием*.

У меня есть брат, человек с чрезвычайно верным и тонким художественным чутьем. Когда я видел его последний раз, он мне стал хвалить «Туманы», и мне было очень приятно перебрать с ним некоторые особенно понравившиеся нам прекрасные сцены*.

Ваш Л. Толстой.

13 декабря 1899.

362. А. И. Дворянскому
1899 г. декабря 13. Москва.

Александр Иванович,

Получив ваше письмо*, я тотчас же решил постараться наилучшим образом ответить на вопрос первой, самой первой важности, который вы мне ставите и который, не переставая, занимает меня, но разные причины до сих пор задерживали, и только теперь я могу исполнить ваше и мое желание.

С того самого времени – 20 лет тому назад, – как я ясно увидел, как должно и может счастливо жить человечество и как бессмысленно оно, мучая себя, губит поколения за поколениями, я все дальше и дальше отодвигал коренную причину этого безумия и этой гибели: сначала предоставлялось этой причиной ложное экономическое устройство, потом государственное насилие, поддерживающее это устройство; теперь же я пришел к убеждению, что основная причина всего – это ложное религиозное учение, передаваемое воспитанием.

Мы так привыкли к этой религиозной лжи, которая окружает нас, что не замечаем всего того ужаса, глупости и жестокости, которыми переполнено учение церкви; мы не замечаем, но дети замечают, и души их неисправимо уродуются этим учением. Ведь стоит только ясно понять то, что мы делаем, обучая детей так называемому закону божию, для того, чтобы ужаснуться на страшное преступление, совершаемое таким обучением. Чистый, невинный, необманутый еще и еще не обманывающий ребенок приходит к вам, к человеку, пожившему и обладающему или могущему обладать всем знанием, доступным в наше время человечеству, и спрашивает о тех основах, которыми должен человек руководиться в этой жизни. И что же мы отвечаем ему? Часто даже не отвечаем, а предваряем его вопросы так, чтобы у него уже был готов внушенный ответ, когда возникнет его вопрос. Мы отвечаем ему на эти вопросы грубой, несвязной, часто просто глупой и, главное, жестокой еврейской легендой, которую мы передаем ему или в подлиннике, или, еще хуже, своими словами. Мы рассказываем ему, внушая ему, что это святая истина, то, что, мы знаем, не могло быть и что не имеет для нас никакого смысла, что 6000 лет тому назад какое-то странное, дикое существо, которое мы называем богом, вздумало сотворить мир, сотворило его и человека, и что человек согрешил, злой бог наказал его и всех нас за это, потом выкупил у самого себя смертью своего сына, и что наше главное дело состоит в том, чтобы умилостивить этого бога и избавиться от тех страданий, на которые он обрек нас. Нам кажется, что это ничего и даже полезно ребенку, и мы с удовольствием слушаем, как он повторяет все эти ужасы, не соображая того страшного переворота, незаметного нам, потому что он духовный, который при этом совершается в душе ребенка. Мы думаем, что душа ребенка – чистая доска, на которой можно написать все, что хочешь. Но это неправда, у ребенка есть смутное представление о том, что есть то начало всего, та причина его существования, та сила, во власти которой он находится, и он имеет то самое высокое, неопределенное и невыразимое словами, но сознаваемое всем существом представление об этом начале, которое свойственно разумным людям. И вдруг вместо этого ему говорят, что начало это есть не что иное, как какое-то личное самодурное и страшно злое существо – еврейский бог. У ребенка есть смутное и верное представление о цели этой жизни, которую он видит в счастии, достигаемом любовным общением людей. Вместо этого ему говорят, что общая цель жизни есть прихоть самодурного бога и что личная цель каждого человека – это избавление себя от заслуженных кем-то вечных наказаний, мучений, которые этот бог наложил на всех людей. У всякого ребенка есть и сознание того, что обязанности человека очень сложны и лежат в области нравственной. Ему говорят вместо этого, что обязанности его лежат преимущественно в слепой вере, в молитвах – произнесении известных слов в известное время, в глотании крошки из вина и хлеба, которая должна представлять кровь и тело бога. Не говоря уже об иконах, чудесах, безнравственных рассказах Библии, передаваемых как образцы поступков, так же как и об евангельских чудесах и обо всем безнравственном значении, которое придано евангельской истории. Ведь это все равно, как если бы кто-нибудь составил из цикла русских былин с Добрыней, Дюком и др. с прибавлением к ним Еруслана Лазаревича цельное учение и преподавал бы его детям как разумную историю. Нам кажется, что это неважно, а между тем то преподавание так называемого закона божия детям, которое совершается среди нас, есть самое ужасное преступление, которое можно только представить себе. Истязание, убийство, изнасилование детей ничто в сравнении с этим преступлением.

Правительству, правящим, властвующим классам нужен этот обман, с ним неразрывно связана их власть, и потому правящие классы всегда стоят за то, чтобы этот обман производился над детьми и поддерживался бы усиленной гипнотизацией над взрослыми; людьми же, желающим не поддержания ложного общественного устройства, а, напротив, изменения его, и, главное, желающим блага тем детям, с которыми они

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. входят в общение, нужно всеми силами стараться избавить детей от этого ужасного обмана. И потому совершенное равнодушие детей к религиозным вопросам и отрицание всяких религиозных форм без всякой замены каким-либо положительным религиозным учением все-таки несравненно лучше еврейско-церковного обучения, хотя бы в самых усовершенствованных формах. Мне кажется, что для всякого человека, понявшего все значение передачи ложного учения за священную истину, не может быть и вопроса о том, что ему делать, хотя бы он и не имел никаких положительных религиозных убеждений, которые он бы мог передать ребенку. Если я знаю, что обман – обман, то, ни при каких условиях, я не могу говорить ребенку, наивно, доверчиво спрашивающему меня, что известный мне обман есть священная истина. Было бы лучше, если бы я мог ответить правдиво на все те вопросы, на которые так лживо отвечает церковь, но если я и не могу этого, я все-таки не должен выдавать заведомую ложь за истину, несомненно зная, что от того, что я буду держаться истины, ничего кроме хорошего произойти не может. Да, кроме того, несправедливо то, чтобы человек не имел бы чего сказать ребенку, как положительную религиозную истину, которую он исповедует. Всякий искренний человек знает то хорошее, во имя чего он живет. Пускай он скажет это ребенку или пусть покажет это ему, и он сделает добро и наверное не повредит ребенку.

Я написал книжку, называемую «Христианское учение»*, в которой я хотел сказать как можно проще и яснее то, во что я верю. Книга эта вышла недоступною для детей, хотя я имел в виду именно детей, когда писал ее.

Если же бы мне нужно было сейчас передать ребенку сущность религиозного учения, которое я считаю истиной, я бы сказал ему, что мы пришли в этот мир и живем в нем не по своей воле, а по воле того, что мы называем богом, и что поэтому нам будет хорошо только тогда, когда мы будем исполнять эту волю. Воля же состоит в том, чтобы мы все были счастливы. Для того же, чтобы мы все были счастливы, есть только одно средство: надо, чтобы каждый поступал с другими так, как он желал бы, чтобы поступали с ним. На вопрос же о том, как произошел мир, что ожидает нас после смерти, я отвечал бы на первый признанием своего неведения и неправильности такого вопроса (во всем буддийском мире не существует этого вопроса); на второй же отвечал бы предположением о том, что воля призвавшего нас в эту жизнь для нашего блага ведет нас куда-то через смерть, вероятно, для той же цели.

Очень рад буду, если выраженные мною мысли пригодятся вам.

Лев Толстой.

13 декабря 1899.

Комментарии

1

Уварова в письме от 9 февраля 1882 г. просила Толстого выступить на устраиваемом ею концерте в пользу сирот Можайского приюта и «помянуть добрым словом» «память» Александра II (см. т. 63, с. 452), убитого народовольцами 1 марта 1881 г.

2

Толстой поправлял одну из копий ранее начатой статьи «Так что же нам делать?».

3

Вероятно, начатая в январе статья о проблемах искусства «Письмо к Н. А. Александрову» (т. 30).

4

Толстой вернулся в Москву 7 марта.

5

Толстой не осуществил этого намерения. «Revue des deux Mondes» – двухнедельный журнал, издававшийся с 1831 г. в Париже, в котором уделялось большое внимание вопросам истории религии различных народов.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

6

В издававшемся в Петербурге журнале «Revue Etrangère» публиковались произведения современных французских писателей. В 1834 г. там были напечатаны «Евгения Гранде», «Искания абсолюта» Бальзака, «Леона Леони» Жорж Санд и др.

7

Письмо от 2 марта (ПСТ, № 68).

8

Слова из молитвы «Отче наш».

9

Во время 10-дневного пребывания А. А. Толстой в Москве в феврале 1882 г. обнаружилось полное несовпадение ее взглядов и взглядов Толстого на религию, официальную церковь. В письме от 25 февраля (ГМТ; сохранилось неполностью) она пыталась как-то сблизить их точки зрения. Толстой ей ответил двумя резкими письмами, которые не были им отправлены (т. 63, № 94, 96).

10

Так Толстой называл своих младших детей.

11

Толстого волновала судьба десяти народовольцев, приговоренных 15 февраля 1882 г. к смертной казни. Девяти из них смертная казнь была заменена заключением в Шлиссельбургской крепости.

12

Ответ на письмо Страхова от 6 февраля (ПС. № 169).

13

Книга Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки» (т. 1. СПб., 1882) – сборник статей, ранее печатавшихся в различных периодических изданиях.

14

В своей статье «Герцен» (1870) Страхов преимущественно рассматривает отношение Герцена к Европе, к буржуазно-демократическому государству, к проблеме революции, к России и ее будущему. В статье содержалась высокая оценка Герцена как писателя.

15

Имеется в виду статья «Женский вопрос». Толстой читал ее в журнале («Заря», 1870, № 2) и тогда же в письме к Страхову высказал свое мнение о ней (см. т. 18 наст. изд., № 223).

16

Речь идет о статье «Парижская коммуна», в которой Страхов отрицательно высказывался о революции 1871 г. В статье «Ренан», используя многочисленные выдержки из трудов Ж.-Э. Ренана, он утверждал свою антидемократическую концепцию истории, противопоставляя революционной Франции самодержавную и православную Россию.

17

См. письмо 3 и примеч. 7 к нему.

18

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Толстой отвечает на письмо Венгерова от 23 марта 1882 г. (ЛН, т. 37–38) с напоминанием об обещании дать статью в выпускаемый им журнал «Устой».

19

Статья «Так что же нам делать?»; она была закончена лишь в 1886 г., уже после прекращения издания журнала. Толстой в «Устоях» не публиковался.

20

Венгеров изложил принципы организации «артельного» журнала: «...редакция даже ничего не получает за свои труды. В будущем же, если будет барыш, он будет равномерно распределяться между всеми работниками журнала» (там же, с. 184).

21

Толстой отвечает на письмо Страхова от 31 марта (ПС, № 171), где он писал: «Все это движение, которое наполняет собою последний период истории, либеральное, революционное, социалистическое, нигилистическое, – всегда имело в моих глазах только отрицательный характер, отрицая его, я отрицал отрицание» (с. 292). С этой реакционной мыслью Страхова и полемизирует здесь Толстой.

22

Тургенев заболел в конце марта. Толстой был в Москве в конце апреля и тогда, по-видимому, узнал о болезни Тургенева.

23

Тургенев ответил письмом от 14/26 мая (Переписка, т. 1, № 121).

24

А. М. Кузминский, перенесший серьезную операцию горла.

25

Речь идет о посещении Всероссийской промышленно-художественной выставки, открытой 20 мая.

26

К. А. Иславин.

27

Т. А. Кузминская собиралась в Ясную Поляну, где находились ее дети.

28

Страхов в письме от 2 сентября сообщал: «Книги я послал несколько дней назад» (ПС, с. 297). Среди них была одна из книг Арриана с изложением учения Эпиктета («Беседы» или «Руководство») и сочинения религиозного содержания.

29

Толстой работал над сочинениями «Исследование догматического богословия», «Соединение и перевод четырех Евангелий», «Так что же нам делать?».

30

Толстой был занят ремонтом и перестройкой купленного в мае дома в Москве в Долго-Хамовническом переулке.

31

Письмо от 5 ноября (ГМТ).

32

Алексеев писал о своем брате Гаврииле Ивановиче, который раздал все свои деньги и вел скитальческий образ жизни.

33

Дмитрий.

34

П. А. Шеншин.

35

Речь идет о просьбе Алексеева узнать о возможности покупки земли у помещика Н. П. Тучкова, чье имение находилось по соседству с самарским имением Толстых.

36

Андрей и Михаил.

37

Письмо от 18 декабря 1881 г. (ГМТ). Алчевская в нем сообщала, что в харьковской воскресной школе, где она работала, практикуется рецензирование педагогами и учащимися поступающих в библиотеку книг. Эти рецензии предполагалось издать отдельным сборником, и Алчевская спрашивала совета Толстого, следует ли включить в сборник «тысячи отзывов учениц» (см. т. 63, с. 110).

38

К письму были приложены «Пять отрывков из школьных заметок учительницы Х. Д. Алчевской», содержащих ответ на вопрос: «воспитывает ли воскресная школа?» (там же).

39

Толстой имеет в виду отзывы учениц о его рассказе «Чем люди живы» (не сохранились).

40

Письмо неизвестно.

41

Имеется в виду рассказ «Чем люди живы».

42

Громека привез Толстому часть рукописи своей статьи «Последние произведения гр. Л. Н. Толстого», посвященной главным образом «Анне Карениной».

43

Во время свидания с Толстым в декабре 1882 г. Громека просил разрешения познакомить с ним своего приятеля В. А. Писаренко.

44

Громека передал рукопись, уже предназначенную для публикации в журнале (РМ, 1883, № 2, 3, 4; 1884, № 11).

45

Толстой отвечает на письмо от 16 августа (ПС, № 180).

46

Страхов благодарит Толстого «за чудесные 16 дней... гостеприимства» (ПС, с. 303). Страхов пробыл в Ясной Поляне с 12 по 27 июля.

47

См. письмо 17 и примеч. 1 к нему.

48

Толстой работал над своим сочинением «В чем моя вера?», с которым познакомил Страхова.

49

Письма от 28 и 29 сентября (ПСТ, № 95 и 96).

50

Общество любителей российской словесности, возглавляемое С. А. Юрьевым, организовывало специальное заседание, посвященное памяти Тургенева, на котором Толстой предполагал выступить.

51

С. А. Толстая писала: «Юрьев был сегодня и сказал, что, если ты согласен говорить о Тургеневе, то это можно 8-го или 15-го октября только. И ты должен об этом заявить непременно за неделю» (ПСТ, с. 230). Предстоящее выступление Толстого вызвало опасения со стороны начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова. Юрьеву было предложено «под благовидным предлогом» отложить заседание Общества «на неопределенное время». Таким образом, Толстой был лишен возможности выступить с речью о Тургеневе.

52

Речь идет о корректурах статьи «В чем моя вера?». Издатель журнала «Русская мысль» В. М. Лавров и заведующий типографией должны были по просьбе Толстого присылать их ему в Ясную Поляну.

53

К. А. Иславин, дядя С. А. Толстой, человек незадачливый, постоянно нуждавшийся в работе, в средствах. С. А. Толстая писала: «Дядя Костя опять тут; он вчера до двух часов ночи мне изливал всю горечь своего положения и упреков всем на свете» (там же, с. 232).

54

Письма Сандо из Швейцарии и «француза» не сохранились.

55

Имя «француза» не установлено.

56

В тот же день Толстой об этом написал Н. В. Давыдову (т. 63, № 169).

57

Роман Мопассана «Жизнь».

58

Портрет, сделанный Соколовской в то время, когда С. А. Толстая была больна.

- брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
59
Возмущение, протест (фр.).
- 60
«Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883), куда вошли также и «Воспоминания о Ф. М. Достоевском» Страхова.
- 61
Письмо от 28 ноября (ПС, № 182), в котором Страхов, вследствие своих сложных отношений с Достоевским, изобразил его личность предвзято, пасквильно.
- 62
Страхов послал Толстому сочинение французского богослова Пресансе «histoire de trois premières siècles de L'église chrétienne» («История первых трех столетий христианской церкви») (Париж, 1858–1869) и книгу Марка Аврелия во французском переводе.
- 63
Пропала присланная Страховым в мае 1880 г. книга «Новый завет», изданная немецким богословом Иоганном Грисбахом в 1803 г.
- 64
Толстой отвечает на письмо Стасова от 17 ноября (ПСт., № 24)
- 65
Очевидно, Стасов прислал Толстому рукопись книги брата художника В. В. Верещагина, А. В. Верещагина, «Дома и на войне» (изд. в 1886 г.).
- 66
О. В. Тимофеева, медицинская сестра; была обвинена в оскорблении врача при исполнении им служебных обязанностей и уволена со службы. Стасов по просьбе Толстого хлопотал за нее.
- 67
Пыпин в письме от 7 января (Переписка, т. 2, № 427) просил Толстого прислать необходимые ему для написания биографии Тургенева письма.
- 68
Толстой выслал лишь одно письмо Тургенева, поэтому Пыпин снова через А. Н. Веселовского повторил свою просьбу. Толстой передал ему 16 писем Тургенева (включены в «Первое собрание писем» Тургенева. СПб., 1884).
- 69
В «Первом собрании писем» Тургенева письма к М. Н. Толстой отсутствуют.
- 70
Имеется в виду статья Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот».
- 71
См. письмо 15 и примеч. 3 к нему.
- 72
«В чем моя вера?». Действительно, по распоряжению Главного управления по делам печати издание статьи было запрещено, а все напечатанные экземпляры конфискованы.

73

Речь идет о книге французского писателя Г. Дроза «Tristesse et sourires» («Печаль и улыбки») (Париж, 1884).

74

Д. Ф. Виноградов, учитель яснополянской школы и переписчик сочинений Толстого; М. Н. Банников, объездчик в Ясной Поляне.

75

«Макбет» – трагедию В. Шекспира.

76

«Разбойник Чуркин» – уголовный роман Н. И. Пастухова о похождениях убийцы и грабителя Чуркина, жившего во второй половине 70-х годов (опубл. «Московский листок», 1882–1885).

77

Работа над сочинением «В чем моя вера?»; закончено 22 января.

78

машиной для писания (фр.).

79

Письмо от 27 января (ГМТ).

80

Сборник П. Бессонова «Калики перехожие» (М., 1861–1864).

81

В конце января Толстым был составлен план пьесы «Петр-мытарь» и сделан набросок пьесы «Петр Хлебник» (см. т. 31).

82

В. А. Воробьев, яснополянский крестьянин.

83

Няня детей Толстых.

84

См. пред. письмо.

85

Толстой читал «Опыты» Монтеня в французском издании.

86

Толстая в письме от 29 января передавала отзыв председателя Комитета духовной цензуры архимандрита Амфилохия о книге Толстого «В чем моя вера?», нашего в ней «столько высоких истин, что нельзя не признать их» и поэтому он «не видит причины не пропустить ее» (ПСТ, с. 246).

87

Письмо от 28 февраля (ПГ, с. 59).

88

Ге гостил в Ясной Поляне в январе 1884 г., когда Толстой завершал свое сочинение «В чем моя вера?».

89

Толстой был занят отбором и переводом изречений мыслителей разных народов для сборника «Круг чтения». Замысел был осуществлен в 1905–1906 гг.

90

Речь идет о конфискованной книге «В чем моя вера?».

91

Портреты И. Н. Крамского «А. Н. Майков» и Н. Н. Ге «Л. Н. Толстой за работой» были выставлены на XII выставке художников-передвижников.

92

Речь идет о картине «Распятие».

93

А. П. Ге – жена художника.

94

Экземпляр книги «В чем моя вера?».

95

Настоящее письмо по желанию Толстого было уничтожено Чертковым; публикуется фрагмент по копии, им сделанной. Описанные здесь эпизоды вошли в XXIV главу трактата «Так что же нам делать?» (см. т. 16 наст. изд.).

96

Н. А. Армфельд за участие в революционном движении была в 1879 г. судима и приговорена к многолетней ссылке в Сибирь на Кару. В начале 1885 г. А. В. Армфельд было получено разрешение поселиться вблизи каторжной тюрьмы, где содержалась дочь. А. А. Толстая оказала содействие в хлопотах. См. письмо 94, примеч. 4 к нему.

97

Принцесса Ольденбургская, внучка Николая I.

98

Ответ на письмо Черткова (сохранилась лишь вторая половина) исповедального характера (т. 85, с. 50–51).

99

Речь идет о письме А. А. Толстой от 17 апреля (см. письмо 26).

100

Письмо от 19 апреля (ГМТ), на основании которого настоящее письмо датируется 22–23 апреля (в т. 63 оно опубликовано лишь с указанием года написания – см. № 291).

101

А. А. Толстая обвиняла Толстого в «искажении истины»; она писала: «Страшно

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
подумать, что вы можете соблазнить одного из малых сих».

102
недоразумение (фр.).

103
См. письмо 26 и примеч. 1 к нему.

104
Письмо от 5 мая, написанное после прочтения «Исповеди» (Женева, 1884),
кончавшееся строками: «Вот это-то печатание меня и смущает... вы действуете по
своему пониманию, и вы правы, но faire sans dire (действовать без слов – фр.),
по-моему, было бы еще лучше, даже для вас самих. Страшно опасно глядеть на себя,
как на мученика» (ПТ, с. 337).

105
А. А. Толстая назвала в своем письме Толстого «долготерпцем» (там же).

106
См. пред. письмо.

107
Письмо от 31 мая, в котором Чертков описывал свои «идеалистические опыты»
ведения хозяйства (см. т. 85, с. 67).

108
Статья «Так что же нам делать?».

109
В письме от 15–16 мая Чертков передал просьбу А. Ф. Гейдена изготовить для него
копию запрещенной книги «В чем моя вера?» (там же).

110
Речь идет об издании в Англии перевода книги «В чем моя вера?».

111
Письмо офицера (имя его и текст письма неизвестны). Ответ Толстого см. т. 63, №
228.

112
Письмо от 15 июня, в котором Чертков признавался, что будь он юридическим
владельцем имения матери, то «продал бы дешево крестьянам земли и угодья» (т.
85, с. 71).

113
Цитируется Евангелие.

114
Речь идет о разговоре с крестьянином П. Апуриным, который находил, что «лучше
было бы, пожалуй, если бы каждый из нас замечал свои собственные уклонения и не
учил бы другого» (т. 85, с. 72).

115
У Толстых родилась дочь Александра.

116
помеха (фр.).

117
Меньшая дочь – Мария.

118
Ответ на письма Черткова от 18 и 25 июня. По поводу рассуждения Черткова о собственности Толстой записал 25 июня в Дневник: «Ему страшно отказаться от собственности. Он не знает, как достаются 20 тысяч. Напрасно. Я знаю – насилуем над замученными работой людьми».

119
Вероятно, ошибка Толстого. Он имел в виду Томаса Гарриса, основателя «Братства новой жизни», упомянутого Чертковым в письме от 25 июня (см. т. 85, с. 75).

120
Письма от 2 и 3 сентября (т. 85, с. 96–98). В последнем из них Чертков доказывал целесообразность «деятельной», «материальной» помощи нуждающимся (там же, с. 97).

121
Статья «Так что же нам делать?».

122
Старинная карточная игра.

123
У С. Л. Толстого, тогда студента естественного факультета Московского университета, произошел конфликт с профессором химии В. В. Марковниковым из-за поврежденной во время опытов колбы.

124
Генерал – прозвище, данное студентами Марковникову.

125
Речь идет о продаже привезенных из Ясной Поляны яблок.

126
С. и И. Толстые встретили в Москве на вокзале возвращавшуюся из Ясной Поляны в Петербург Т. А. Кузминскую.

127
Хор, организованный Д. А. Агренковым (псевд. Славянский) с целью пропаганды русской и славянской музыки.

128
Письмо от 26 октября (ПСТ, № 113), в котором С. А. Толстая писала о своей тоске, нездоровье, «мрачных мыслях» (там же, с. 264–265).

129
Толстой после увольнения управляющего Ясной Поляной М. Н. Банникова взял на себя управление имением.

130

К письму от 26 октября был приложен «Ежемесячный неизбежный расход» с итогом в 1457 рублей.

131

С. А. Толстая к этому месту сделала следующее примечание: «Молодой кучер, яснополянский крестьянин, сын Филиппа Родивоныча Егорова, в то время приказчик в экономии Ясной Поляны» (см. т. 83, с. 457).

132

То есть перорирующим (от фр. *pérorer* – разглагольствующим).

133

Толстой работал над трактатом «Так что же нам делать?».

134

Семен Глебов из села Богучарово. Впоследствии стал управляющим имением Толстого в Самаре.

135

Письмо неизвестно.

136

Речь идет о статье «Так что же нам делать?».

137

Письмо неизвестно.

138

В конце января В. М. Гаршин, желая видеть Толстого, пришел в его хамовнический дом в Москве.

139

«Felix Holt-radical» («Феликс Хольт-радикал») (Лейпциг, 1867) – повесть писательницы Джордж Элиот.

140

См. письмо 20 и примеч. 1 к нему.

141

Записка неизвестна.

142

Толстой читал книгу американского экономиста Генри Джорджа «Progress and Poverty» («Прогресс и бедность»), вышла в 1879 г.

143

А. М. Кузминский.

144

Н. М. Лопатин был известным певцом и собирателем народных песен.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo.

145

Толстой перевел с греческого «Учение двенадцати апостолов» и передал издателю В. Н. Маракуеву. Издание не осуществилось.

146

В Дядьково, имение крупного промышленника С. И. Мальцева, Толстой приехал для встречи с Л. Д. Урусовым, с которым 11 марта выехал в Крым.

147

Толстой в тот же день отправил жене еще одно письмо (т. 83, № 307).

148

Письмо следует датировать 11 марта, так как оно написано в понедельник, который приходился на 11 марта.

149

Письмо от 10 марта (ПСТ, № 132).

150

См. т. 83, № 313.

151

В 1855 г. Толстой принимал участие в обороне Севастополя во время Крымской войны.

152

По словам С. А. Толстой, «Лев Николаевич задался тогда мыслями преобразовать народную литературу и планы своих народных рассказов называл своими английскими милордами» (см. т. 83, с. 496). Он воспользовался названием лубочного романа «Повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фредерики Луизы». Толстой в эти дни «сочинял» рассказ «Ильяс».

153

Телеграмма о благополучном приезде в Алупку (т. 83, № 315).

154

за общим столом (фр.).

155

30 марта Толстой посетил XIII выставку Товарищества передвижных выставок произведений русских художников.

156

Речь идет о картине Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1582 г.».

157

Н. П. Охотницкая.

158

Письмо неизвестно. Чертков в письме от 13 марта сообщал Толстому, что Оболенский там «честно» высказал свои «сомнения» в его учении (см. т. 63, с. 233).

159

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Письмо б/д, в котором Сибиряков предлагал ежемесячно высылать 100 рублей и просил Толстого «принять на себя труд раздавать» эти деньги нуждающимся. Здесь же он высказал «мысль» об издании журнала, «доступного пониманию простолюдина», с целью «поднять нравственный уровень его развития» (см. т. 63, с. 240). См. письмо 50.

160

Письма от 26 и 29 апреля (т. 85, с. 174–176) с подробным описанием дел в издательстве «Посредник», созданного по инициативе Толстого в ноябре 1884 г. с целью выпуска книг, «которые имеют вечное, мировое значение» и которые «должны быть читаны всеми и одинаково для всех будут понятны» (см. письмо Писарева Черткову в кн. Гусев, 3, с. 277).

161

Несколько измененная цитата из Евангелия.

162

В подготовленной для хромофотографированного переиздания «Посредником» картине французского художника Бугро «Бичевание Христа» Репиным была написана новая фигура Христа. Издана под названием «Страдания господина нашего Иисуса Христа» с подписями Толстого и Гаршина, но без указания их имен («Посредник», 1885).

163

Рассказ «Упустишь огонь – не потушишь». Вышел в «Посреднике», 1885.

164

Рассказ «Где любовь, там и бог» («Посредник», 1885).

165

То есть к рассказу «Упустишь огонь – не потушишь». «Картинки» были сделаны художником К. А. Савицким.

166

Доктор И. И. Дуброво; спасая дифтеритную больную, высасывал у нее из горла трубкой дифтеритные пленки, заразился и через несколько дней скончался.

167

Неизвестно, о ком идет здесь речь.

168

В. М. Грибовский заинтересовал Толстого письмом, в котором излагал свою вымышленную биографию. Впоследствии Толстой с ним лично познакомился. Грибовский вел двойную жизнь. Перед Толстым изображал себя его верным последователем и в то же время был человеком реакционных убеждений.

169

Речь идет о работе А. М. Калмыковой «Греческий учитель Сократ», которая была Толстым значительно переделана, особенно в первых главах («Посредник», 1886).

170

«Житие Тихона Задонского», изложенное М. Павловской, сотрудницей «Посредника». После переработки издано в 1886 г.

171

Толстой читал книгу английского поэта и критика М. Арнольда «Literature and Dogma». Чертков выполнил просьбу Толстого и переслал Арнольду его книгу «В чем

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. моя вера?» во французском переводе Л. Д. Урусова.

172

Программа народного журнала была 5 мая выслана Чертковым Толстому.

173

Л. Е. Оболенский с 1883 г. – издатель журнала «Русское богатство», который Толстой считал самым «близким» ему по направлению (т. 63, с. 212). Для журнала характерен был интерес к жизни деревни и к морально-этическим проблемам.

174

У крестьян были незаконно изъяты 5 десятин земли. Н. В. Давыдов просьбу Толстого выполнил, прислал ему копию уставной грамоты. Дело решилось в пользу крестьян.

175

В письме от 4–5 июня Толстой писал: «Мне хорошо – нынче» (т. 85, с. 218).

176

Письмо от 29 мая из Ньюпорта (там же, с. 224).

177

Речь идет о религиозной секте, созданной отставным полковником В. А. Пашковым, последователем английского проповедника лорда Г. Редстока.

178

Письмо от 18 марта (ГМТ).

179

Толстой имеет в виду символическое толкование креста, согласно которому продольная палочка означает волю Божию, а поперечная – волю человека. Из несовпадения действий человека с Божьей волей получается крест.

180

См. письмо 50 и примеч. 1 к нему.

181

Сибиряков в письме б/д писал: «Идеальным редактором проектируемого журнала я считаю вас» (см. т. 63, с. 274).

182

Издание журнала не осуществилось.

183

Сибиряков оказал материальную помощь Оболенскому, необходимую ему для издания «Русского богатства».

184

12 июня Толстой получил из Минусинска от политического ссыльного В. С. Лебедева рукопись крестьянина Т. М. Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца», в которой проводилась уравнительная идея об обязательности исполнения заповеди о хлебном труде для всего взрослого населения страны.

185

Очевидно, Толстой читал в статье Г. Успенского «Трудами рук своих» (РМ, 1884, №

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
11) выдержки из сочинения Бондарева.

186

Бондарев разослал различным государственным деятелям и царю копии своего труда, надеясь, что таким способом «не более как через четыре года, без понесения трудов и без напряжения сил, избавятся все они (то есть земледельцы. – С. Р.) от тяжелой нищеты и от нестерпимого убожества» («Толстовский ежегодник», 1913, гл. Статьи и материалы, с. 16).

187

С. А. Толстая включила повесть «Смерть Ивана Ильича» в XII том выпускаемого ею собр. соч. Л. Н. Толстого. Вышел в 1888 г.

188

Толстой в письме к жене от 20 августа писал: «Чертков имел успех и влияние на девочек. Турнюры опять сняты, и разные хорошие планы» (т. 83, с. 509).

189

Письма неизвестны.

190

Речь идет о письме Черткова к Е. С. Некрасовой, пересланном им Толстому, в котором он высказался «против изображения темных сторон народной жизни» (т. 85, с. 255).

191

Толстой правил рассказ «Бабья доля», записанный Т. А. Кузминской со слов крестьянки Аксины Тюриной и обработанный ею (опубл. ВЕ, 1886, № 4).

192

См. след. письмо и примеч. 1 к нему.

193

Толстым были получены письма Сибирякова от начала сентября и Черткова от 11 сентября с вопросом о возможности Сибирякову по дороге в Крым захватить в Ясную Поляну.

194

Приезд Сибирякова в Ясную Поляну не состоялся.

195

Бирюков прислал программу «народного журнала» (см. письмо 50 и примеч. 1 к нему) вместе с письмом от 21 сентября.

196

Письмо Калмыковой от 7 сентября об издании «народного журнала» (ГМТ).

197

Письмо от 24 августа (опубл. «Письма В. Фрея к Л. Н. Толстому». Женева, 1887).

198

Эртель в письме от 10 сентября (Переписка, т. 2, № 430) просил прислать ему в Тверь списки с запрещенных сочинений Толстого «Так что же нам делать?» и «В чем моя вера?».

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

199

Эртель после освобождения из Петропавловской крепости в 1885 г. был сослан в Тверь под гласный надзор полиции, без права проживания в столицах.

200

Толстым были получены письма Черткова от 4–5 и 8 октября.

201

Речь идет о плане «Посредника» издавать серию иллюстрированных книжек, в которых тексты Толстого сопровождались бы иллюстрациями крупнейших художников. Рассказы «Два брата и золото» и «Вражье лепко, а божье крепко» иллюстрировал И. Е. Репин, рассказ «Девчонки умнее стариков» – К. Савицкий. Чертков, называя Толстого «главным и пока единственным источником сюжетов», просил его «еще около 9 сюжетов» (см. т. 85, с. 264).

202

Чертков предполагал найти в подготовленных Толстым «Русских книгах для чтения» (т. 22) тексты для включения их в иллюстрированную серию «Посредника».

203

Фрей пробыл в Ясной Поляне с 7 по 12 октября.

204

То есть для предполагаемого «народного журнала».

205

Чертков в письме от 27 сентября описывал, как он заходил в крестьянские избы, беседовал с мужиками, читал им рассказы Толстого «Два старика» и «Упустишь огонь...». «Успех этого чтения превысил всякие ожидания», – сообщал он Толстому (т. 85, с. 262).

206

Рассказ В. И. Савихина «Дед Софрон» («Посредник») имел большой успех у народного читателя.

207

Речь идет о рукописи М. К. Цебриковой «Жервеза. Рассказ из жизни рабочего люда», представлявшей собой изложение эпизода из романа Золя «Западня». Под таким названием вышел в «Посреднике» (1886 г.). Сказка Цебриковой «Ткач и хлебопек» не была издана.

208

Л. Д. Урусов скончался 23 сентября 1885 г.

209

Рукопись рассказа «Бешеный волк» (опубл. ВЕ, 1886, № 6).

210

Письмо неизвестно.

211

«Бабья доля». См. письмо 56 и примеч. 2 к нему.

212

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
«Так что же нам делать?»

213

Традиционный в доме Толстых пирог, названный по имени друга А. Е. Берса доктора Н. Б. Анке, стал для Толстого «эмблемой особого мировоззрения» и означал «буржуазный уклад жизни, и веру в необходимость материального благополучия, и непреклонное убеждение в незыблемости современного строя» (С. Л. Толстой. Юмор в разговорах Л. Н. Толстого». – «Толстой. Памятники творчества и жизни». М., 1923, вып. 3, с. 12–14).

214

Дело по обвинению владельца кассы ссуд Мироновича в убийстве своей служащей Сарры Беккер. Первое судебное разбирательство в декабре 1884 г. под председательством А. М. Кузминского признало Мироновича виновным. После второго разбирательства он был оправдан.

215

26 октября Страхов писал Толстому: «...сказка – опечалила... передо мною сочинение, стихи без поэзии, картина без живописи, сказка без сказочного содержания... я вижу, что передо мною что-то деланное, ненатуральное, умышленно сплоченное и принимающее на себя маску жизни... Вы – такой удивительный художник, не имеете права так писать» (ПС, с. 326).

216

Толстой имеет в виду XXVIII–XXXVI главы трактата «Так что же нам делать?». Известен лишь отзыв Страхова в письме к С. А. Толстой, в целом весьма сочувственный, но с ложным толкованием социально-критических идей автора (опубл. РВ, 1901, № 6).

217

Письмо Т. Л. Толстой от 14 октября (ГМТ).

218

Письмо И. Л. Толстого неизвестно.

219

Письмо и телеграмма не сохранились.

220

Речь идет о включении сказки «Два старика» в состав XII тома Сочинений гр. Л. Н. Толстого. В печатном тексте эти слова отсутствуют.

221

Портрет Толстого был необходим для XII тома.

222

Цитаты из «Сказки об Иване-дураке...».

223

Письмо от 14 октября (ГМТ).

224

Татьяна Львовна писала: «Ничего не делаю, – не могу. Все кажется очень дико, – а в сущности, все так же, как всегда, но мне кажется, что если мой взгляд переменился на вещи, то у всех он должен также перемениться» (ГМТ).

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

225

К. А. Иславина.

226

идти все прямо (фр.).

227

Иванова – переписчика сочинений Толстого.

228

«Холодный дом» и «Оливер Твист», романы Диккенса.

229

М. А. Стахович.

230

Лев – сын Толстого.

231

С. А. Берс, брат С. А. Толстой.

232

Арбузов, сын сапожника П. П. Арбузова, в то время еще мальчик. Толстой называет его по имени и отчеству шутиливо.

233

Письмо от 17 октября (ГМТ), с просьбой разрешить публикацию «Сказки об Иване-дураке...» в журнале «Неделя». К нему была приложена рукописная копия «Сказки...» с отмеченными в ней П. А. Гайдебуровым синим карандашом местами, которые по цензурным соображениям следует снять.

234

С. А. Толстая 18 ноября выехала в Петербург для получения разрешения на выпуск запрещенного цензурой XII тома и на новое издание собраний сочинений Л. Н. Толстого.

235

«Сказка об Иване-дураке...» вышла в составе XII тома и в апреле 1886 г. отдельно в издательстве «Посредник» с множеством цензурных купюр.

236

Письмо к Калмыковой неизвестно.

237

Калмыкова с сочувствием относилась к «религии человечества» Фрея.

238

«Записки» эти не были Фреем написаны.

239

Бирюков и Чертков вскоре отказались от плана издания «народного журнала» из-за отсутствия сотрудников и из цензурных опасений.

240

Чертков об этом писал 8 октября (т. 63, с. 297–298).

241

Известно только письмо от 10–11? июня 1885 г. (т. 63, № 381).

242

Письмо от 23 октября (ПСТ, № 149).

243

В тот день начерно была написана XXXVIII глава трактата «Так что же нам делать?».

244

См. т. 83, письмо № 333.

245

См. письмо 63.

246

Алеша – четырехлетний сын Толстых.

247

Письмо было передано Салтыкову Чертковым. Из переписки Черткова с Салтыковым очевидно, что сотрудничество Салтыкова в «Посреднике» не состоялось по вине Черткова. Он отверг предложенный писателем рассказ «Сон в летнюю ночь», так как эта «вещь» ему показалась «вовсе неподходящею». Узнав о намерении Салтыкова писать для «Посредника», Чертков полагал, что «следовало бы ему высказать, что мы не желаем возбуждать экономических или социальных вопросов и еще менее – возбуждать одно сословие против другого» (см. т. 85, с. 292). В 1887 г. Салтыков хотел издать в «Посреднике» 5 своих сказок, но Чертков нашел, что «во всех почти его рассказах... есть что-нибудь прямо противоположное нашему духу» (ЛН, т. 13–14, кн. II, с. 517). В ответ на предложение сделать в них «выпуски» Салтыков потребовал возвратить ему его сказки.

248

30 ноября в газетах появилось объявление о предстоящем выпуске нового собрания сочинений Л. Н. Толстого.

249

Письмо не было послано Черткову, а в письме от 17 декабря Толстой признался: «Я и написал вам длинное письмо, но не послал; покажу когда-нибудь при свидании» (т. 85, с. 297).

250

Толстой имеет в виду поездку С. А. Толстой в Петербург в ноябре 1885 г. См. письмо 64 и примеч. 2 к нему.

251

См. «Исповедь», глава X (т. 16 наст. изд.).

252

В. И. Алексеев был учителем сыновей Толстых. В марте 1881 г. С. А. Толстая, недовольная тем, что он поддержал намерение Толстого написать письмо Александру III, отказала ему в месте (т. 18 наст. изд., письмо 378). Но в семье Толстых он

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. прожил до июня 1881 г.

253

Толстой имеет в виду свои работы «Исследование догматического богословия», «Краткое изложение Евангелия», «Соединение и перевод четырех Евангелий».

254

Чертков в начале января прожил у Толстого в его хамовническом доме 10 дней.

255

Толстой работал над повестью «Смерть Ивана Ильича». Закончена в феврале 1886 г.

256

Письмо Н. Д. Ростовцева неизвестно.

257

Ге прожил в Москве у Толстых около двух месяцев, где занимался иллюстрированием рассказа «Чем люди живы». Альбом этих иллюстраций вышел в 1886 г.; фототипии были изготовлены в Москве, в типографии А. И. Мамонтова.

258

Эртель прислал «Повесть о жадном мужике Ермиле» («Посредник», 1886).

259

Толстой имеет в виду «Сказку про трех мужиков и старика ведуна» неизвестного автора, написанную в подражание «Сказке про трех мужиков и бабу ведунью» М. К. Цебриковой.

260

Толстой начал очерк «Сиддарта, прозванный Буддой, то есть святым» для «Посредника». Остался незаконченным (т. 25).

261

Легенда Н. И. Костомарова была прислана вдовой Костомарова в августе 1885 г. Толстому.

262

Имеется в виду «Дитя души. Старинная восточная повесть» К. Н. Леонтьева. В «Посреднике» не выходила.

263

Издание повести Жорж Санд «Чертова лужа» и романа В. Гюго «Отверженные» в переложении не было осуществлено «Посредником».

264

«Бедные люди» В. Гюго в переводе А. Барыковой опубл. «Родник», 1883, № 3.

265

О каких рассказах идет речь – неизвестно.

266

Об этом Толстой писал 20–21? января Е. Ф. Юнге (т. 63, № 475). А. Л. Костомарова, опасавшаяся цензурного запрета, в его просьбе отказала. Текст легенды был Толстым сокращен и отредактирован, им также написано новое окончание

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. (т. 26). Отдельное издание в редакции Толстого опубл.: «Образование», 1902, № 2.

267

Текст Толстого к картине Ге «Тайная вечеря» не был пропущен духовной цензурой.

268

Письмо от 21 января (см. т. 85, с. 318).

269

Письмо неизвестно.

270

Рассказ О. Н. Озмидовой «Телка» вышел, вместе с ее рассказом «Свет жизни», в «Посреднике» (1887).

271

Письмо Тищенко неизвестно. Посылая повесть «Грешница», он просил Толстого, «если найдет повесть достойною напечатания», отдать «ее в ту редакцию, которую признает более подходящею, и чтобы, не ожидая напечатания повести, немедленно выслал... из своих средств 50 рублей» (Ф. Тищенко. Как учит писать гр. Л. Н. Толстой. М., 1903, с. 4).

272

Анна – главный персонаж повести «Грешница», крестьянка, убившая своего незаконнорожденного ребенка (опубл. РБ, 1886, № 7 и 8 под псевдонимом Ф. Тарасенко).

273

Письмо Денисенко неизвестно. Он обратился к Толстому «с просьбой – разрешить... переделку серии его превосходнейших народных рассказов в пьесы для народного русского театра» (П. А. Денисенко. По поводу письма графа Л. Н. Толстого. – «Дневник русского актера», 1886, № 1) и опубликовать их в издаваемом им с 1886 г. журнале «Дневник русского актера».

274

Денисенко инсценировал рассказ Толстого «Чем люди живы». Эта переделка под названием «Народная игра» опубл. в «Дневнике русского актера» (1886, № 2, 3–4).

275

В письме от 24 февраля Чертков информировал Толстого о своем свидании с Денисенко и о переговорах с ним относительно возможности «переложения в драматическую форму» (т. 85, с. 326) народных рассказов.

276

Рассказ этот неизвестен.

277

Предполагаемое Толстым издание романа Диккенса «Повесть о двух городах» не было осуществлено «Посредником».

278

По предложению Толстого Н. Л. Озмидов занимался подготовкой к изданию в «Посреднике» романа «Крошка Доррит». Но его работа не удовлетворила Толстого и не была Озмидовым закончена. Позднее «Посредник» издал переложение романа под названием «Любовь в тюрьме, или Маленькая Доррит», сделанное В. С. Толстой и В. И. Лукьяновой.

279

Роман Диккенса «Наш общий друг» в издании «Посредника» не выходил.

280

Предисловие В. Ф. Орлова к трактату «Так что же нам делать?» в печати неизвестно.

281

Письмо М. Н. Максимович неизвестно.

282

Легенда «Крестник» была «дописана» в марте.

283

Письмо от 26 февраля (опубл. «Русские пропилеи», 1915, т. 1, с. 294–341), содержащее подробное изложение социальных, религиозных и этических взглядов Фрея. На полях письма имеются пометы Толстого, и на отдельном листке написано «Заключение», раскрывающее суть их разногласий (т. 63, № 490).

284

Е. П. Свешникова переслала Фрею текст письма Толстого с его пометами и резюме.

285

В. Фрей. Религия человечества. Лондон, 1883. Прислана Толстому женой В. Фрея – М. Е. Славянской.

286

Письма Бондарева за 1885 г. неизвестны. Скорее всего Толстой отвечает на письмо Бондарева «первой половины февраля» с сообщением о том, что «в прошедшем январе» выслал «добавление 50 статей» к его рукописи (ГМТ).

287

Письмо Л. Н. Жебунева от 13 января о том, что в мае 1885 г. им был Толстому послан полный текст труда Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» (ГМТ).

288

В «Русском богатстве» сочинение Бондарева не было опубликовано.

289

См. трактат «Так что же нам делать?», гл. XXXVIII – т. 16 наст. изд.

290

См. письмо 54 и примеч. 3 к нему.

291

Толстой вскоре получил рукопись, высланную Л. Н. Жебуневым и «добавление» к ней. См. след. письмо.

292

См. пред. письмо и примеч. 6 к нему.

- брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.
293
4 апреля Толстой вместе с Н. Н. Ге (сыном) и М. А. Стаховичем отправился из Москвы пешком в Ясную Поляку.
- 294
Толстой продолжал начатое Н. Л. Озмидовым составление сб. «Русские пословицы» для «Посредника». Они вошли в издание «Календарь с пословицами на 1887 год» и в сб. «Пословицы на каждый день» («Посредник», 1887).
- 295
В печати статья не появлялась.
- 296
При жизни Толстого книга о Миклухо-Маклае в «Посреднике» не выходила. Брошюра о штундистах не могла быть издана из-за цензурных препятствий.
- 297
Рассказ Н. Н. Иванова «Пасха» в печати не появлялся.
- 298
Бирюков, Калмыкова и А. К. Дитерихс (будущая жена Черткова).
- 299
Письма от 7 и 8 апреля (ПСТ, № 168, 169).
- 300
В письме от 8 апреля С. А. Толстая сообщала: «Двенадцатую часть цензура пропустила. В четверг выйдет» (ПСТ, с. 363). «Сказка об Иване-дураке...» в состав XII тома вошла.
- 301
На основании этой записи Толстым написана статья «Николай Палкин» (см. т. 17 наст. изд.).
- 302
В архиве Толстого сохранились стихи Клопского «Друзьям» и «К портрету Вероники» (ГМТ).
- 303
Записка была отправлена С. А. Толстой адресату (ПСТ, с. 368). Текст ее неизвестен.
- 304
Е. В. Винер. Впоследствии стала сотрудницей «Посредника».
- 305
Под таким названием опубликован отрывок гл. X из книги «В чем моя вера?» (РБ, 1886, № 1).
- 306
«Гости», т. е. жившие в Телятинках у Черткова А. К. Дитерихс и О. Н. Озмидова.
- 307
Н. Ге, сын художника.

308

Толстая в письме от 1 мая высказывала возмущение тем, что Дитерихс и Озмидова приехали в Телятинки, якобы для того, чтобы поймать Черткова «в свои грязные сети» (ГМТ).

309

Толстая в своем письме сетовала на то, что В. Ф. Орлов сильно пьет и бесчинствует.

310

Письмо от 7 мая (Переписка, т. 2, № 440).

311

Предисловие Толстого к сочинению Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» (т. 25).

312

Толстой вспоминает рассказ «Искра божия». Не был издан в «Посреднике», так как Златовратский его передал для публикации в «Газету Гатцука».

313

Речь идет об участии Толстого в сборнике, посвященном 25-летию отмены крепостного права. Издание не осуществилось.

314

Чертков 24 мая писал Толстому: «В Москве я не застал Островского – он выехал в деревню. Я поручил И. И. Петрову... доставить заказную посылкою в деревню Островскому ваше письмо с экземпляром Полного собрания сочинений» (т. 85, с. 357).

315

Толстой излагает программу издательства «Посредник».

316

Островский не успел ответить на письмо Толстого. 2 июня он внезапно скончался. «Посредник» издал его пьесу «Бедность не порок» в переработке Е. Свешниковой (1887) и комедию «Не так живи, как хочется» (1888).

317

Письмо от 24 мая (см. т. 85, с. 357).

318

Толстой имеет в виду свое незаконченное произведение, которое начиналось: «Жил в селе человек праведный, звать его Николай...», набросанное в декабре 1882 г. (т. 26).

319

Толстой задумал работу, в которой предполагал изложить главнейшие религиозные учения всех народов мира. Работа эта не была закончена.

320

В письме Бирюкова от 11 мая рассказывалось о молодом человеке, утратившем «привязанность к жизни» и желавшем спастись работой и «служением» Толстому. Бирюков просил Толстого написать ему и в письме от 2 июня вторично напомнил об

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. этом (т. 63, с. 364–365). Письмо Толстого Степанову неизвестно.

321

Пьеса – «Первый винокур», впервые поставлена в начале июля в народном театре фарфорового завода в селе Александровском, вблизи Петербурга.

322

Вероятно, корректура статьи Бондарева «О нравственном значении земледельческого труда», принятой для публикации в «Русском богатстве». Не была пропущена цензурой.

323

Речь идет о солдате Данииле Корнильеве Делиенко, судимом в 1823 г. за «намерение удалиться вовсе от службы для пустынножительства». После каторги и ссылки жил отшельником в г. Ачинске. Его биография описана в книге «Сказание о жизни и подвигах в бозе почившего старца Даниила» (М., 1855). Книга не была получена Толстым.

324

Толстой к сб. «Цветник» (Киев, 1886), составленному А. М. Калмыковой и предназначенному для читателя из народа, написал предисловие и включил в сборник ряд своих рассказов («Течение воды», «Вражье лепко, а божье крепко» и др.).

325

Письмо от 7–8 июля и отредактированные Чертковым переводы М. А. Стаховича рассказов «Жабы» и «Бедняки» В. Гюго.

326

«Скрытые глубины» – роман В. Скина (Лондон, 1886).

327

отмщение, реванш (фр.).

328

Поль Дерулед, глава «Лиги патриотов», отличался крайним шовинизмом. Толстой назвал его в статье «Христианство и патриотизм» «французским агитатором в пользу войны с Германией» (т. 39, с. 49).

329

Толстому особенно понравился замысел эскиза «Искушение» (т. 63, с. 370).

330

Списки эти изготовлялись для распространения запрещенного к изданию трактата «Так что же нам делать?». Учитель – И. М. Ивакин.

331

Миклухо-Маклай в письме от 19 сентября писал: «Посылаю... две брошюры, касающиеся моего пребывания в Новой Гвинее» («Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Сборник I». М., 1928, с. 54). Речь идет об отчетах Миклухо-Маклая о своих путешествиях, печатавшихся в «Известиях императорского русского географического общества». В Ясной Поляне сохранился т. XVI, вып. 2, со статьей «Второе пребывание на берегу Маклая в Новой Гвинее».

332

обман (англ.).

333

В своем письме Миклухо-Маклай высказал желание заехать в Ясную Поляну и повидаться с Толстым. Это свидание не состоялось.

334

В ответном письме от 21 февраля 1887 г. Миклухо-Маклай писал: «Письмо ваше было не только для меня интересно, но результат чтения его повлияет немало на содержание книги о моих путешествиях... я решил включить в мою книгу многое, что прежде, то есть до получения вашего письма, думал выбросить...» (там же, с. 54–55).

335

Толстой подверг значительной правке печатный текст рассказа «Бабья доля» («Посредник», 1886). См. письмо 56 и примеч. 2 к нему.

336

См. письмо 61 и примеч. 5 к нему.

337

Письмо от 15 октября (ГМТ).

338

Письмо б/д о смерти шестилетней дочери.

339

Оболенский в 1886 г. опубликовал в журнале «Русское богатство» целый ряд статей о Толстом. Первая – «Научные основания учения любви» (РВ, № 1). Вторая – «Лев Толстой о женском вопросе, искусстве и науке» (РВ, № 4).

340

Оболенский в письме от 15 октября утверждал, что его статьи вызвали разрыв с либералами и недовольство «Посредника».

341

Книга Страхова «Об основных понятиях психологии и физиологии» вышла в конце 1886 г.

342

Письмо от 23 сентября (ПС, № 197).

343

Такой работой окажется писание драмы «Власть тьмы»: начатая 26 октября, она 25 ноября уже была сдана в набор.

344

Страхов в письме от 22 августа назвал ряд трудов о буддизме и индусской религии (ПС, с. 336).

345

Имеется в виду санскритское произведение из жизни Будды неизвестного автора, вышедшее в переводе Филиппа Эдуарда Фуко с тибетского на французский язык (Париж, 1848). Перевод Лалиты Вистара С. Биля неизвестен.

346

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Barthelemy Saint Hillaire. Le Bouddha et sa Religion (Будда и его религия). Париж, 1866.

347

Письмо неизвестно. Тищенко так передавал его содержание: «Я послал Льву Николаевичу письмо, в котором просил, чтобы он отнесся к моей новой повести как можно строже» («Как учит писать гр. Л. Н. Толстой», с. 7). Тищенко послал Толстому свою повесть «Несчастные», впоследствии переделанную и названную «Семен-сирота и его жена» (ВЕ, 1888, № 1).

348

Письмо неизвестно.

349

«Несчастные». (См. письмо 90 и примеч. 1 к нему.)

350

Поясняя это письмо, Тищенко писал в своей книге «Как учит писать гр. Л. Н. Толстой»: «В первоначальной редакции повести фигурировал пистолет как орудие убийства» (с. 7). Тищенко учел совет Толстого, и мотив убийства из ревности был им снят.

351

По словам Тищенко, он под влиянием писем Толстого понял, что «убийство здесь было бы фальшью» (там же, с. 9), и кончил свою повесть примирением супругов, торжеством христианского начала. Печатаемая повесть в томе «Сочинений» (1903), Тищенко снял этот конец. «...Потом, когда я перечитывал это место перед напечатанием сборника моих рассказов, в который вошла и эта повесть, – писал Тищенко, – эта самая лучшая, по словам Льва Николаевича, сцена показалась мне фальшивой, деланной, явно тенденциозной и намеренно написанной для пропаганды толстовской идеи всепрощения и покаяния. И я решительно и смело зачеркнул всю эту умильную сцену, сократив, таким образом, свою повесть на целых пол-листа» (там же, с. 13).

352

Толстой отвечает на письмо группы молодых девушек из Тифлиса с просьбой посоветовать, как им применить свои знания и силы. См. письмо 101 и примеч. 1 к нему.

353

«Власть тьмы». Савина, по-видимому через Д. Д. Оболенского, обратилась к Толстому с просьбой разрешить в ее бенефис поставить «Власть тьмы». Получив согласие Толстого, она написала ему 20 декабря письмо с благодарностью и с просьбой прислать рукопись пьесы (см. т. 63, с. 455). Толстой отвечает на это письмо Савиной.

354

Речь идет о втором варианте конца 4 акта.

355

Драматург и писатель А. А. Потехин в то время занимал должность управляющего драматическими труппами Петербурга и Москвы. Постановка «Власти тьмы» на сцене Александрийского театра была запрещена царем.

356

Ужасное сочинение – «Власть тьмы». Об этом Толстой узнал из письма Черткова от 10 января, который сообщал: «Много хлопотал по поводу драмы, устраивал чтение ее со Стаховичем ради противодействия распушенным невыгодным слухам... Читали... у гр.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. А. А. Толстой» (см. т. 26, с. 716).

357

Так Толстой называл трудовой народ.

358

В ответ А. А. Толстая писала 26 января: «Ваша драма... продолжает волновать наше общество одобрительно... она действует прямо на совесть и полезна всем и в том числе и мне» (ПТ, с. 347).

359

См. письмо 26 и примеч. 1 к нему. Облегчить участь Н. А. Армфельд не удалось; в 1887 г. она умерла от туберкулеза.

360

И. И. Петров, сотрудник издательства И. Д. Сытина, вел дела по изданию книг «Посредника». Рукопись «Власти тьмы» была ему передана для публикации в «Посреднике» (вышла в феврале).

361

Чертков выслал Толстому рукописи его сочинений «О жизни и смерти», «Николай Палкин», «Записки сумасшедшего» и легенду Лескова «Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине».

362

Из названных повестей А. А. Потехина «Посредником» была издана только «Хворая» (1887).

363

Правами издания «Поликушки», как и всех произведений Толстого, написанных им до 1881 г., владела С. А. Толстая. Из-за ее противодействия повесть не вышла в «Посреднике».

364

Произведения Григоровича не издавались «Посредником», так как исключительными правами их издания владел издатель Н. Г. Мартынов.

365

Из всех перечисленных Толстым произведений «Посредником» были изданы в 1887 г. драма Лессинга «Натан Мудрый»; в 1901 г. – «Разбойники» и «Дон Карлос» Шиллера; в 1903 г. после снятия цензурного запрета – «Исповедание веры Савойского викария» Руссо.

366

Рассказ «В город» («Посредник», 1888).

367

Чертковым было составлено заявление о том, что «все изданные «Посредником» произведения Л. Н. Толстого, на основании желания самого автора составляют общее достояние и потому свободны от всякой литературной собственности» (Р. вед., 1887, № 64, 7 марта).

368

Целью свидания Толстого с М. В. Островской было получение разрешения на издание пьес «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется». Эти права были ею переданы «Посреднику» в марте 1887 г.

369

Министром государственных имуществ был брат писателя – М. Н. Островский.

370

См. письмо 95 и примеч. 2 к нему.

371

Чертков предлагал внести в «Сказание о Федоре-христианине...» ряд изменений, особенно в окончание, которое, по его мнению, «поражает... диссонансом с духом наших изданий» (т. 86, с. 26). «Легенда» не была издана «Посредником».

372

Бернарден де Сен-Пьер «Суратская кофейня». При переводе Толстой несколько ее сократил, упростил в интересах читателя из народа ее содержание и язык. Из-за запрета цензуры не была издана в «Посреднике».

373

«Два брата» – рассказ С. Т. Семенова; он был прислан автору в «измененной и выправленной» редакции, с пометами Толстого и Черткова на полях рукописи и критическими замечаниями относительно его финала. По совету Черткова и Толстого (см. т. 64, № 116) был Семеновым исправлен. Конец рассказа написан А. К. Чертковой (Галя). Вышел в «Посреднике» (1887).

374

Рассказ «В город» («Посредник», 1888).

375

Чертков снял копию с чернового варианта статьи «О жизни». (т. 26).

376

Статья о секте бегунов неизвестного автора по цензурным условиям осталась неопубликованной.

377

Вероятно, речь идет о моральной и материальной поддержке крайне нуждавшегося больного Н. Н. Иванова.

378

Письмо от 16 февраля с вопросами о распределении ролей в готовящемся спектакле «Власть тьмы» и о возможных сокращениях (Переписка, т. 2, № 446).

379

См. письмо 93.

380

П. А. Бакунин. Основы веры и знания. СПб., 1886. В этом философском труде трактовались проблемы веры, знания, религиозных воззрений, жизни и смерти в близком Толстому духе.

381

См. письмо 95 и примеч. 8 к нему

382

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. желание Толстого, чтобы и другие писатели присоединились к его заявлению о предоставлении всем права свободного переиздания их сочинений, выпущенных «Посредником», не осуществилось.

383

Письмо Черткова неизвестно.

384

Отзыв Толстого относится к поэме «Два соседа, деревенская побывальщина в стихах». После исправлений по замечаниям Толстого опубл. в «Посреднике» (1888).

385

Толстой имеет в виду картину «Боярыня Морозова», впервые демонстрировавшуюся на XIV выставке Товарищества передвижных выставок в феврале 1887 г.

386

Во время свидания с Н. Н. Ивановым, автором рассказов из народной жизни, Толстой убеждал его: «Теперь уже мало одного сочувствия к народу. И нам и народу нужна внутренняя, высшая правда» (см. «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. 1, М., 1978, с. 385).

387

Толстой отвечает на письмо актера Александрийского театра П. М. Свободина от 3 марта 1887 г. (ГМТ); он интересовался особенностями внешнего вида и выговора Акима, роль которого в предстоящей постановке «Власти тьмы» должен был исполнять.

388

См. письмо 92 и примеч. 1 к нему. Толстой вскоре расширил эту программу работы. В письме к С. А. Толстой от 7 мая он писал: «Прошу Таню... по двум письмам тифлисских барышень ответить, предложив им заменять лубочные повести (в лист) и романы (в 4 и более) своими сочинениями или переделками из иностранных» (т. 84, с. 35). Толстой имел в виду письма из Тифлиса от 26 декабря 1886 г. и 20 марта 1887 г. (ГМТ).

389

Письмо от 11 апреля (ПСТ, № 186).

390

П. Ф. Суворова – прачка, Соня – ее дочь.

391

Глава XXXV трактата «О жизни».

392

Я надеюсь (англ.).

393

Тищенко прислал новый вариант повести «Семен-сирота и его жена», переделанной им по совету Толстого.

394

Письмо В. Г. Черткову – т. 86, № 142; см. также письмо 109 и примеч. 2 к нему.

395

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Тищенко сообщил Толстому в письме от 24 апреля, что он был вынужден уехать из деревни Ульяновка Сумского уезда в Краснополье Ахтырского уезда из-за того, что, выступая против притеснений крестьян, навлек на себя недовольство местных властей.

396

Начало письма не сохранилось.

397

См. т. 15 наст. изд.

398

Речь идет о двух рассказах Ф. А. Желтова «Деревенский праздник» («Русский курьер», 1887, № 30, от 31 января) и «Трясина» (там же, № 101, от 15 апреля).

399

То есть рассказ «Трясина (Отрывок из путевых заметок)».

400

«Деревенский праздник» – очерк крестьянской жизни с ее трудностями, лишениями, дикостью, темнотой и пьянством.

401

«Раздел» – рассказ из деревенской жизни И. Г. Журавова («Посредник», 1887).

402

«Дед Софрон» – рассказ В. И. Савихина. Издан «Посредником» с иллюстрациями И. Е. Репина.

403

Желтов в июле прислал рассказ «На Волге, или Злому горю не поможешь» (см. т. 64, № 102) («Посредник», 1888).

404

Трактат «О жизни» (т. 17 наст. изд. См. письмо 114 и примеч. 2 к нему).

405

Повесть «Ходите в свете, пока есть свет» (т. 26) – опубл. в сб. «Путь-дорога» (СПб., 1893).

406

Чертков по дороге из Петербурга в воронежское имение предполагал заехать в Ясную Поляну, но не смог этого сделать.

407

См. т. 18 наст. изд., письмо 220.

408

Письмо от 28 и 29 апреля о болезни сына Михаила (ГМТ).

409

Письмо Н. Н. Ге (сына) от 10 мая. Текст его неизвестен.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

410

Семья Толстого переехала из Москвы в Ясную Поляну 11–12 мая.

411

К тому времени на евангельские сюжеты Ге были написаны картины «Христос в Гефсиманском саду» и «Тайная вечеря».

412

Шмидт.

413

Толстой посетил XIV выставку Товарищества передвижных выставок.

414

Ге вел переговоры с П. М. Третьяковым о покупке его картин. Третьяков приобрел в 1887 г. для своей галереи картину «Христос в Гефсиманском саду».

415

«О жизни» (см. т. 17 наст. изд.).

416

В письме от 10 мая 1887 г. (т. 86, с. 54). Репин приехал в августе в Ясную Поляну.

417

Жене Н. Н. Ге – сына художника.

418

П. Н. Ге.

419

Бирюков.

420

Пьеса эта неизвестна. Рассказ «Раздел» – «Посредник», 1887.

421

См. письмо 71 и примеч. 2 к нему.

422

Стасов уже 19 сентября сообщил Черткову: «По желанию Льва Николаевича Толстого я виделся со Стасюлевичем, он... очень рад напечатать вещь, рекомендованную таким человеком, и просит прислать повесть Тищенко сюда...» («Вопросы изобразительного искусства». М., 1954, с. 139.). Повесть «Семен-сирота и его жена» – опубл. ВЕ, 1888, № 1.

423

Это письмо Ромен Роллан, в то время ученик Высшей Нормальной школы в Париже, написал 4/16 апреля 1887 г. (ЛН, т. 75, кн. 1, с. 73–75). Он задавал Толстому ряд вопросов о смысле жизни, о «проблемах искусства», интересовался «сутью учения». Не получив на него ответа, он в сентябре вторично написал Толстому (ЛН, т. 31–32, с. 1008–1009).

424

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Тратат «Так что же нам делать?» был в 1887 г. переведен на французский язык.

425

Жан Батист Люлли – французский композитор, который мальчиком служил поваренком в одном аристократическом семействе.

426

«вздор, шарлатанство» (англ.).

427

непременное (лат.).

428

Приписка к письму С. А. Толстой (ГМТ).

429

Толстой начал писать «Крейцерову сонату».

430

С. А. Берс после девятилетнего перерыва в августе приехал в Ясную Поляну, где прожил два месяца. «Он советовал мне оставить службу и изменить образ жизни», – писал Берс. (С. А. Берс. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. Смоленск, 1894, с. 77).

431

Толстой перечитывал «Выбранные места из переписки с друзьями» в связи с намерением написать статью о Гоголе (см. т. 26).

432

Книга эта под названием «Николай Васильевич Гоголь, как учитель жизни» вышла в «Посреднике» (1888). Письма были отобраны А. И. Орловым и весь состав просмотрен Толстым.

433

См. т. 18 наст. изд., письмо 322 и примеч. 4 к нему. Возможно, Толстой читал «Критику практического разума» по-немецки.

434

Страхов в письме б/д ответил: «Критики практического разума» я не читал, но знаю ее содержание по чужим изложениям, например, по подробному изложению у Куно Фишера» (ПС, с. 357).

435

Вероятно: «Артур Шопенгауэр. Очерк его жизни и учения». СПб., 1880. Об увлечений Толстым философией Шопенгауэра см. т. 18 наст. изд., письма 218, 219.

436

Г. Вебер. История философии.

437

Толстой имеет в виду изложенную в труде Канта «Критика практического разума» его этическую философию, принципы нравственного поведения личности, которые в ряде моментов созвучны толстовской моральной проповеди.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

438

Толстой дважды слушал чтение Н. Я. Гротом реферата «О свободе воли»: 12 февраля в доме у Грота, 25 февраля на заседании Московского психологического общества, а в марте присутствовал на его обсуждении.

439

Страхов в ответном письме от октября – ноября не дал прямого ответа на вопросы Толстого, а развил собственный взгляд на философские системы Канта и Гегеля (ПС, № 208).

440

Грот читал корректуру книги «О жизни».

441

В октябре были сделаны первые наброски «Крейцеровой сонаты».

442

А. А. Толстая 19 ноября ответила: «Елена Ивановна и я работали в две силы, и только теперь получен ответ, увы, весьма неудовлетворительный: «обвиняется в сообщничестве с социалистами, в распространении запрещенных изданий и ссылается на 3 года в Вологодскую губернию» (ГМТ). 25 ноября И. И. Попов был выслан в Петропавловск, где пробыл до 1892 г.

443

Письмо от 22 сентября (ПТ, № 162).

444

А. А. Толстая с 25 июля по 4 августа гостила в Ясной Поляне.

445

Письмо неизвестно.

446

Письмо от 5 ноября (ПС, № 209).

447

Московский цензурный комитет признал, что книга «О жизни» подлежит безусловному запрещению». Синодом было принято постановление книгу «запретить», а все отпечатанные экземпляры сдать в архив Цензурного комитета (Летопись, т. 1, с. 686, 693).

448

Статья «Всегдашняя ошибка дарвинистов (По поводу статьи проф. Тимирязева: «Опровергнут ли дарвинизм?»)» – опубл. РВ, 1887, № 11, 12.

449

Речь идет о книге «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом» (1887, изд. 2-е.). Страхов просил Толстого: «В «Критических статьях» взгляните... на стр. 126 и 127 и сделайте милость прочтите последнюю статью, со стр. 458-й. Тут мои задушевнейшие мысли» (ПС, с. 359).

Стр. 126 и 127 – начало статьи «Последние произведения Тургенева (1871)». Стр. 458 – начало «Французской статьи об Л. Н. Толстом». В ней подробно цитировалась работа М. де Вогюэ «Les écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï» («Современные русские писатели. Граф Лев Толстой») из журнала «Revue des deux Mondes» (1884, 15 июля) и оспаривались некоторые ее положения с почвеннических позиций.

450

Книга «Борьба с Западом...», 1887, изд. 2-е.

451

И. М. Ивакин.

452

Картина Репина «Толстой на пашне» при содействии Стасова должна была быть «издана в красках, в величину оригинала и... пущена в свет по очень маленькой цене и в огромном количестве экземпляров» (см. письмо Стасова Черткову от 19 сентября. «Вопросы изобразительного искусства», с. 140).

Толстой и его близкие находили бестактным широкое распространение этой картины.

453

Под воздействием Страхова и Стасова Толстой разрешил литографирование картины «Толстой на пашне».

454

С. Н. Богомолец была осуждена за принадлежность к «Южнорусскому рабочему союзу». Страхов принял участие в ее судьбе, но его хлопоты оказались безрезультатными. С. Н. Богомолец умерла в 1892 г. от туберкулеза на Каре. См. письмо 154.

455

Стихи неизвестны.

456

Речь идет о статье А. И. Орлова.

457

Отредактированная Толстым статья была послана Бергу, тогдашнему редактору журнала «Нива», но не была там опубликована. Напечатана в книге «Н. В. Гоголь, как учитель жизни» («Посредник», 1888) в качестве предисловия.

458

Начатое Толстым предисловие осталось незаконченным (т. 26).

459

Этот рассказ по предложению Черткова издан под названием «Не в деньгах счастье, или Неразумный отец» («Посредник», 1889).

460

Семенов переработал рассказ по замечаниям Черткова. Новая его редакция подверглась критике Толстого, которую Семенов учел. Из-за цензурного запрета не вышел в «Посреднике», опубликован под названием «Жена без мужа» – «Книжки Недели», 1889, № 9.

461

Толстой имеет в виду недоразумение, возникшее из-за намерения Репина напечатать и размножить картину «Толстой на пашне». См. письмо 114, примеч. 7 к нему.

462

Речь идет о книжке А. К. Трутовской «Дурная болезнь, или Сифилис», изданной «Посредником».

463

В феврале и марте «Посредником» были выпущены брошюры П. С. Алексеева «О вреде употребления крепких напитков» и «Чем помочь великому горю? Как остановить пьянство?» и готовилось переиздание сочинения А. Т. Соловьева «Вино для человека и его потомства – яд» (1888).

464

Толстой писал статью о пьянстве «К молодым людям», оставшуюся незавершенной (т. 26, с. 652–654).

465

Рассказом о «Бетховенской сонате» Толстой называет «Крейцерову сонату», сюжет которой он изложил Репину в августе 1887 г. и тогда же просил его написать на эту тему картину. 3 февраля Репин ответил: «И Бетховенская соната меня очень занимает; если бы я знал содержание вашей трагедии на эту тему, то исподволь обдумывал бы» (ТР, т. 1, с. 14). Этот замысел остался неисполненным.

466

См. примеч. 4 к письму 118 и примеч. 3 к письму 116.

467

Этот план не был осуществлен. Сочинение Бондарева вышло в «Посреднике» в 1906 г.

468

Толстой подбирал материал для подготавливаемой Д. И. Тихомировым «Книги для церковнославянского чтения» (М., 1889).

469

Сохранилась корректура книжки «Пора опомниться! О вреде спиртных напитков. Составлено по изложению американского священника, бывшего профессора химии Л. П. Пакина» с правкой Толстого («Посредник», 1888) (см. т. 17 наст. изд.).

470

А. Д. Тиличев перевел брошюру против пьянства, которую Сытин отказался печатать из коммерческих соображений (см. т. 86, с. 122).

471

См. примеч. 3 к письму 118.

472

Письмо Ге неизвестно.

473

Ге работал над картиной «Выход с тайной вечери».

474

31 марта родился сын Иван.

475

Л. Д. Оболенский скончался в ночь с 3 на 4 февраля.

476

А. Ф. Кони. Судебные речи. СПб., 1888.

477

Во время своего пребывания в Ясной Поляне в июне 1887 г. Кони рассказал Толстому историю Розалии Они, встретившей во время судебного процесса своего соблазнителя (см. коммент. к т. 13 наст. изд.). Толстой предложил Кони написать на этот сюжет рассказ для «Посредника». В письме от 14 мая, на которое отвечает Толстой, Кони писал, что подготовка к изданию книги «Судебные речи» помешала ему исполнить «обещание написать историю бедной Розалии Они» (А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 8. М., 1969, с. 103–104).

478

Об этом Толстой просил Бирюкова в письме от 14 апреля (т. 64, с. 162).

479

В письме от 1 июня Кони обратился к Толстому «с горячею просьбою не покидать этой мысли», то есть о написании художественного произведения, в основу которого легла бы история Розалии Они (А. Ф. Кони. Собр. соч., т. 8, с. 105).

480

Толстой отвечает на письмо Р. Сайяна от 26 сентября, в котором тот высказал свое удивление и огорчение тем, что нашел в томе собрания соч. Толстого, вышедшего во Франции, свое произведение под названием «Иван-дурак» (см. т. 64, с. 190).

481

Рассказ Р. Сайяна «Отец Мартин»; опубл. в переводе на русский язык – «Русский рабочий», 1884, № 1. Чертков предложил Толстому его переработать для «Посредника». Издано под названием «Где любовь, там и бог» («Посредник», 1885).

482

Занятия с крестьянскими детьми происходили в открытой для них М. Л. Толстой школе.

483

С. Л. Толстой, окончивший естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, в июле познакомился с Д. И. Менделеевым. В письме от октября к С. А. Толстой он изложил свой разговор с Менделеевым, оспаривавшим взгляды Толстого на науку и резко высказывавшимся о книге «О жизни» (С. Л. Толстой. Очерки былого, М., 1956, гл. «Д. И. Менделеев и самозванцы поневоле»).

484

Проект Горбунова-Посадова переделки «Сказки о славном, сильном, храбром и непобедимом витязе Бове Королевиче» не сохранился.

485

Текст повести «Битва русских с кабардинцами...» в обработке Толстого неизвестен.

486

Суворин издал свою четырехактную комедию «Татьяна Репина» (СПб., 1889).

487

Суворин в письме от 30 января (см. т. 27, с. 728–729) спрашивал у Толстого адрес его знакомого по участию в обороне Севастополя А. И. Ершова, чью книгу «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера» (СПб., 1858) он хотел переиздать.

- брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
488
Толстой по просьбе Ершова писал предисловие к его книге, над которым много работал, но оно его не удовлетворило и осталось неоконченным и неопубликованным (т. 27).
- 489
Суворин предложил прислать книгу Уильяма Стэда «Truth about Russia» («Правда о России») (Лондон, 1888), в которой три главы были посвящены его пребыванию в Ясной Поляне в мае 1888 г. Книга была получена Толстым от Стэда.
- 490
Ошибка. Надо: Петр Алексеевич.
- 491
Оленин–Волгарь в письме от 6 февраля (ГМТ) сообщал о своем намерении издавать дешевый журнал для народа «Ока».
- 492
Научно–популярный журнал «Сотрудник» был приобретен Сытиным в конце 1888 г. Он просил Толстого стать руководителем и автором журнала. Однако Сытиным не было выпущено ни одного номера, а вскоре права над ним были переданы Н. В. Маракуеву. Толстой в «Сотруднике» участия не принимал.
- 493
План издания журнала «Ока» не был реализован.
- 494
Э. Пажес прислал Роду переведенный им на французский язык трактат «Так что же нам делать?» (Париж, 1889).
- 495
Толстой получил от Рода роман «Le sens de la vie» («Смысл жизни») (Париж, 1888). Толстой нашел в нем «поразительными» «страницы о войне и государстве» (дн., 10 февр. 1889 г.).
- 496
Джакомо Леопарди – известный итальянский поэт, которого Толстой считал «исключительным человеком», представителем искусства, выражающего «чувство тоски жизни» (см. т. 15, с. 102 наст. изд.).
- 497
Письмо от 27 февраля (ГМТ).
- 498
Veal. Outline of Buddhism from Chinese Sources (Происхождение буддизма по китайским источникам) (Лондон, 1870).
- 499
Повесть «Крейцера соната».
- 500
Несколько измененная фраза из письма Карамзина к А. И. Тургеневу (см.: М. П. Погодин. Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, т. II. М., 1866, с. 134).

- брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
- 501
Письмо Толстого является припиской к письму Бирюкова (см. ПГ, с. 120–121).
- 502
Художник И. М. Прянишников был у Толстого 14 марта. Речь идет о картине «Выход с тайной вечера».
- 503
Толстой 22 марта вместе с Бирюковым выехал в имение своего товарища по Крымской войне С. С. Урусова – Спасское. Вернулся в Москву 8 апреля.
- 504
М. В. Теплов – художник, ученик Ге, с которым Толстой был хорошо знаком. В письме от 19 февраля Толстой спрашивал о нем (см. т. 64, с. 228).
- 505
С. Л. Толстой вспоминал: «С. С. Урусов был ученый–математик... Он написал и напечатал на свой счет несколько томов по высшей математике, не имевших, однако, никакого успеха» («Очерки былого», гл. «Князь Сергей Семенович Урусов»).
- 506
Толстой «поправлял» пьесу «Плоды просвещения». См. Дн., запись 25 марта.
- 507
«Философия сознания веры». Не была напечатана.
- 508
«Часы» – церковно–богослужебная книга «Часослов».
- 509
Мануфактурная фабрика Торгового дома Кноп.
- 510
Трактат «О жизни» вышел в французском переводе С. А. Толстой совместно с Тастевен (Париж, 1889).
- 511
Письмо от 26 марта (ПСТ, № 205).
- 512
хозяин (фр.).
- 513
Толстой работал над комедией «Плоды просвещения».
- 514
В 1885 г. на мануфактурной фабрике произошли волнения рабочих, вызванные тяжелыми условиями работы и низкой заработной платой. П. А. Берс, в то время уездный исправник, принимал участие в подавлении рабочих волнений и обратился за военной помощью к московскому губернатору В. С. Перфильеву.
- 515
Статья «Об искусстве», над которой Толстой работал, 22 марта была им отправлена Оболенскому для публикации в «Русском богатстве». Получив из журнала корректуру,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Толстой стал ее исправлять и дополнять. Не закончив работы, он ее отложил, и в «Русском богатстве» она не печаталась (см. т. 15 наст. изд.).

516

Статья О. П. Герасимова «Очерк внутренней жизни Лермонтова по его произведениям (Психологический этюд)», опубли. «Вопросы философии и психологии», 1890, № 3.

517

Письмо неизвестно.

518

Толстой посетил XVII выставку Товарищества передвижных выставок, где демонстрировались картины Ге «Выход с тайной вечери» и Репина «Святитель Николай Мирликийский избавляет от смерти трех невинно осужденных».

519

Письмо Толстого относится к книге Франца Теодора Куглера «История искусств» (СПб., 1872).

520

Страхов приехал в Ясную Поляну 30 мая.

521

Л. Л. Толстой закончил гимназию Поливанова в Москве.

522

Брошюра была прислана Толстому ее автором – А. И. Ярышкиным. См. т. 64, письмо 384.

523

«Лева приехал при мне в студенческой фуражке, – сообщил Страхов фету 21 июня, – он получил аттестат зрелости и мечтает о медицинском факультете...» (Ясн. сб., с. 117).

524

Письмо б/д с «приложением» «повести и драматической сцены» и с просьбой «посмотреть их и, если окажутся удобными, отправить куда следует» (ГМТ). Комедия «Престольный праздник». Не была напечатана.

525

П. С. Алексеев. О пьянстве. Издана с предисловием Л. Н. Толстого «Для чего люди одурманиваются?», М., 1891.

526

Брак М. Л. Толстой с П. И. Бирюковым не состоялся из-за несогласия С. А. Толстой.

527

Письмо от 6 ноября, написанное Страховым после прослушанного в доме Кузминских чтения «Крейцеровой сонаты». Письмо содержит подробный критический разбор повести: признание ее больших достоинств и отдельные замечания (ПС, № 229).

528

Страхов заканчивал статью «Спор из-за книг Н. Я. Данилевского», которая являлась завершением длительной полемики между Страховым, отстаивающим антидарвиновскую

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. славянофильскую концепцию Данилевского, и последователем Дарвина ученым-материалистом К. А. Тимирязевым (опубл. РВ, 1889, № 12).

529

А. М. Новиков.

530

Э. К. Гольцапфель, губернатор младших детей Толстого, был членом религиозно-филантропической организации «Армия спасения».

531

Суворин в письме от 21 ноября (ГМТ) просил разрешения взять у Кузминских на один день рукопись «Крейцеровой сонаты». Получив ее, Суворин в письме от 12 декабря восторженно о ней отозвался (ГМТ). Толстой предлагал Суворину опубликовать в «Новом времени» статью П. С. Алексеева «О пьянстве» (т. 64, № 467). Не была напечатана.

532

В письме от 30 октября к С. А. Толстой Кузминская описала происходившее в ее доме чтение «Крейцеровой сонаты» и передала разноречивые отзывы слушателей. См. кн.: Л.Н. Толстой. Крейцера соната. М., 1983. с. 315–318.

533

Н. Н. Страхов. Воспоминания о поездке на Афон. – РВ, 1889, № 10; см. письмо 147 и примеч. 3 к нему.

534

«Le Disciple» – повесть П. Бурже «Ученик».

535

«Сильна как смерть», роман Мопассана.

536

Письмо неизвестно.

537

Т. Л. Толстая хотела поставить спектакль по пьесе Толстого «Плоды просвещения».

538

Название утопического романа Эдварда Беллами (Бостон, 1888). Под названием «В 2000 году» – опубл. «Книжки Недели», 1890, № 5–7. В переводе Е. И. Менгден не выходил.

539

Н. А. Ярошенко – художник. Портрет Толстого был написан им в 1894 г.

540

Письма неизвестны.

541

Рукопись статьи «Весна человечества».

542

30 декабря в Ясной Поляне состоялся осуществленный силами членов семьи и друзей

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Толстого любительский спектакль «Плоды просвещения».

543

М. Л. Толстая.

544

К концу 1889 г. относятся первые наброски романа «Воскресение».

545

Книга поэта-декадента Н. Минского «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890). 31 декабря Толстой записал в Дневник: «Замечательно сильно начало, отрицание, но положительное ужасно. Это даже не бред, а сумасшествие».

546

Письмо Эртеля с вопросами о Наполеоне, о котором он намеревался написать исторический очерк, неизвестно.

547

Речь идет о книге Лас-каза, секретаря Наполеона: «Записки, веденные на острове Св. Елены» («Mémorial de Sainte Hélène») (Париж, 1822–1823).

548

О'Меара, «Наполеон в изгнании, или Голос со Св. Елены» («Napoléon in exile, or a Voice from St. Helen») (Лондон, 1822).

549

Н. И. Стороженко была передана «Крейцера соната» для опубликования в подготовляемом им сборнике «В память С. А. Юрьева». Повесть не была пропущена цензурой и в сборнике не напечатана.

550

Эртель в то время работал над очерком жизни Будды, начатым Чертковым и А. Барыковой. Работа над ним не была доведена им до конца.

551

Предыдущее письмо Черткову было написано 4–8? января (т. 87, № 247). Толстой отвечает на письмо от 7 января.

552

В письме Черткова от 25 декабря 1889 г., в котором он писал о «потрясающем впечатлении», произведенном на него «Крейцеровой сонатой», но при этом находил «в рассказе вдовца некоторые рассудочные отступления... совсем не вяжущиеся с типом и состоянием рассказчика» (см. т. 86, с. 285), и доказывал необходимость особого послесловия к повести.

553

Чертков в рукописи «Крейцеровой сонаты» отчеркнул ряд мест, которые он предлагал перенести в «Послесловие».

554

недоразумений (англ.).

555

Толстой был занят писанием романа «Воскресение» и вносил поправки и дополнения в «Плоды просвещения».

556

См. письмо 141 и примеч. 4 к нему.

557

П. Ганзену – переводчику произведений Толстого на датский язык. «Крейцера соната» в его переводе, с указанием, что перевод осуществлен по рукописи, была издана в Дании в 1890 г.

558

Очевидно, речь идет о письме И. Зеренсена от 23 октября 1839 г., в котором он писал о своем сочувствии взглядам Толстого.

559

Первый французский перевод «Крейцеровой сонаты» был сделан И. Гальпериным-Каминским.

560

Изабелла Хэпгуд. Рукопись была ей отправлена, но перевод не был ею выполнен.

561

Приезд Н. А. Ярошенко в Ясную Поляну в 1890 г. не состоялся.

562

Л. Л. Толстой намеревался бросить занятия на медицинском факультете Московского университета.

563

Н. В. Рейнгардт. Необыкновенная личность. Казань, 1889.

564

См. письмо 74.

565

Толстой иронически отнесся к участию сына в Пенитенциарном международном конгрессе (С. Л. Толстой. Очерки былого, гл. «Петербург». 1888–1890).

566

рискуя тебе не понравиться (фр.).

567

Н. П. Вагнер, профессор зоологии, прослушав на заседании Русского литературного общества чтение «Плодов просвещения», 13 марта отправил Толстому письмо с упреками в «глумлении» над известным ученым профессором химии А. М. Бутлеровым и над ним лично за их увлечение спиритизмом, обвинил в пасквильном изображении «профессоров и ученых» (см. т. 27, с. 659).

568

Страхов вместе с письмом от 24 апреля (ПС, № 232) послал Толстому свою книгу: «Борьба с Западом в нашей литературе» (кн. 2. СПб., 1890).

569

Страхов просил прочесть его предисловие, а также «Роковой вопрос» и «что к нему относится» (ПС, с. 399).

570

Страхов передал свой разговор с А. А. Толстой, которая одобрила его очерк «Воспоминание о поездке на Афон» за его «веру» в церковь и ортодоксальное христианство.

571

когда надо говорить по-французски (фр.). Монтень подчеркивал, что перед смертью должно отказаться от выпяченного латинского языка богослужений. У Монтеня: «В этой последней предсмертной роли нельзя более притворяться, надо говорить по-французски». В книге «Essais» (Париж), принадлежащей Толстому, эта фраза им отчеркнута (ЯПБ).

572

«Письма о нигилизме». Толстой впервые читал их в 1881 г. и с рядом принципиальных положений автора не согласился. См. т. 18 наст. изд., письма 380, 382, 383.

573

«Роковой вопрос» и «Перелом» – статьи 1864 г., посвященные Польше в связи с восстанием 1863 г. В них Страхов отстаивал свою славянофильскую концепцию, противопоставил «самобытную», народную с его точки зрения, самодержавную Россию Польше, якобы развивающейся в ложном западном направлении, и в весьма некорректной форме оценивал ее историю.

574

См. письмо 138 и примеч. 2 к нему. В заключении Страхов вспоминал Данилевского, встречи с ним, посещение его дома, его осиротевшую семью.

575

Жиркевич послал Толстому изданную под псевдонимом А. Нивин свою поэму «Картинки детства» (СПб., 1890). В письме от 28 мая он спрашивал: «Есть ли у меня талант и стоит ли его отдать беллетристике или следует направить на другой путь?» (ЛН., т. 37–38, с. 417).

576

Эта мысль извлечена Толстым из книги английского лингвиста Макса Мюллера «Наука о языке» (Воронеж, 1868).

577

убийство словом (лат.).

578

убийство человека (лат.).

579

Жиркевич ответил 14 июля 1890 г. (ЛН, т. 37–38, с. 418–419).

580

В своем письме от 18 июня 1890 г. Третьяков писал: «я ее (то есть картину «Что есть истина?»). – С. Р.) не понял. Я видел и говорил, что тут заметен большой талант, как и во всем, что делает Ге, но и только... Окончательно решить может только время, но ваше мнение так велико и значительно, что я должен, во избежание невозможности поправить ошибку, теперь же приобрести картину и беречь ее до времени, когда можно будет выставить» (ЛН, т. 37–38, с. 256).

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

581

Толстой приводит слова из своего письма от 11 июня 1890 г. (т. 65, с. 107), смысл которых Третьяков просил разъяснить ему (ЛН, т. 37–38, с. 256).

582

«Вестники воскресения» («Утро воскресения»).

583

Толстой имеет в виду картину А. А. Иванова «Явление Христа народу».

584

Речь идет о картине И. Н. Крамского «Христос в пустыне».

585

Гюстав Доре, автор иллюстраций к Библии.

586

Имеется в виду картина В. Д. Поленова «Христос и грешница».

587

Эта картина, написанная Ге зимой 1879/1880 г., была им уничтожена после ее провала на выставке.

588

Возможно, речь идет о картине Жана Бера, изображающей босого Христа-священника среди детей.

589

В письме б/д (ГМТ) Никифоров просил Толстого рекомендовать ему для перевода «рассказы или статьи», так как вследствие пожара он остался без средств.

590

«Донован» (Лондон, 1882) – роман Эдны Лайель (псевд. писательницы Ады Элен Бэли). См. письмо 155.

591

«Мы двое» (Лондон, 1884).

592

Летом 1889 г. Толстым был получен сб. стихов Уолта Уитмена «Листья травы» («Leaves of Grass») (Лондон, 1887), вызвавший его интерес. В переводе Никифорова не выходил.

593

Генри Друммонд. Самое великое в мире. Лондон, 1889. К этому месту в письме имеется примечание: «Отец просмотрел еще раз эту книгу и не одобряет ее, поэтому я ее и не посылаю, он не велел. Татьяна Толстая».

594

Толстой в сентябре 1889 г. читал роман У. Д. Гоуэллса «The Rise of Silas Lapham» («Возвышение Сайласа Лафема») (Бостон, 1884). Скорее всего он и был рекомендован Никифорову для перевода.

595

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. В библиотеке Толстого хранится номер журнала «Revue des Deux Mondes» (1878, 15 апреля и 11 мая) с рассказом А. Theuriet «La maison des Deux Barbeaux». Быть может, этот рассказ был послан Никифорову.

596

Никифоров писал о том, что им приобретены новые экземпляры книг о Джоне Рескине, взамен принадлежавших Толстому, сгоревших во время пожара.

597

Толстой отвечает на письмо от 27 июля 1890 г. (Письма Толстого, с. 299–300), в котором Чичерин сообщал, что выслал просимую «брошюрку о системе химических элементов. Краткое изложение сочинения, напечатанного в «Журнале Русского физико-химического общества» и статью «Из воспоминаний (По поводу дневника Н. И. Кривцова)» (РА, 1890, № 4) – предисловие к предполагаемому изданию дневника брата декабриста С. И. Кривцова Н. И. Кривцова. Издание не было осуществлено. В этой «Статье» Чичерин описал «старый помещичий быт», «быт того поколения, которое произвело из себя Пушкина, Жуковского, Батюшкова, Грибоедова, Крылова, Баратынского, князя Вяземского, Лермонтова, Гоголя» (там же, с. 522).

598

Цитата из статьи Герцена «Письмо к императору Александру II».

599

С. Л. Толстой.

600

Чичерин болел воспалением легких.

601

Дорогой мистер Кеннан (англ.).

602

Письмо неизвестно.

603

Толстой познакомился с американским публицистом, путешественником Джорджем Кеннаном в июне 1886 г. после его возвращения из Сибири.

604

По предложению журнала «Century Magazine» Кеннан совершил путешествие в Сибирь, бывшую местом ссылки политических и уголовных преступников, с целью изучить «действующую карательную систему, знакомиться со ссыльными, с изгнанниками, с преступниками и удостовериться, как правительство обращается со своими врагами в тюрьмах и рудниках Восточной Сибири» (Джордж Кеннан. Сибирь и ссылка, т. 1. СПб., 1906, с. V). Написанные им статьи-очерки, изобличающие жестокость обращения царского правительства с ссыльными вообще и с политическими в частности, в 1888–1889 гг. публиковались в «Century». В России очерки Кеннана были изданы полностью в 1906 г.

605

В издаваемом Уильямом Томасом Стэдом журнале «Review of Reviews» печатались в 1890 г. некоторые статьи Кеннана.

606

Толстой вспоминает события, происшедшие в 1887 г. в Пензенской губ. в имении Н. А. Тучковой-Огаревой, где крестьянами был убит управляющий А. В. Станиславский. Дело разбиралось в Пензе отделением Казанского военно-окружного суда. Из 30

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. человек обвиняемых 14 были приговорены к смертной казни, но казнены только двое, а остальные сосланы на каторжные работы.

607

«мы обычно находим более вкусным тот плод, который клевали птицы» – цитата из «Путешествия Гулливера» Свифта.

608

как добрый владыка (фр.).

609

Многоточие в копии.

610

В «Посреднике» вышли книги А. И. Орлова «Французский ученый Паскаль, его жизнь и труды» (1889) и «Н. В. Гоголь, как учитель жизни» (1888).

611

«Мысли Паскаля, расположенные по указанию гр. Л. Н. Толстого» в переводе Орлова не были Гольцевым изданы. Толстой в марте 1891 г. вторично обращался с этой же просьбой к Гольцеву (т. 65, № 263), но снова безрезультатно. Рукопись Орлова в печати не появлялась.

612

Книга П. С. Алексеева «О пьянстве» с предисловием Толстого «Для чего люди одурманиваются» вышла в 1891 г.

613

Корректурa предисловия с правкой Толстого не сохранилась, поэтому не установлено, о каких изменениях идет речь.

614

Письмо от 15 октября (ГМТ).

615

Толстой получил брошюру Элизы Бёрнс «Диана. Психофизиологический опыт о половых отношениях для женатых мужчин и замужних женщин» (Нью-Йорк, 1887) и ее же «Частное письмо родителям, докторам и начальникам школ». На основе брошюры Толстой написал статью «Об отношениях между полами» (опубл. «Неделя», № 43, 28 октября), а «Письмо» перевел вместе с А. М. Богомольцем.

616

В связи с выходом книги Н. Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе» В. Соловьев выступил со статьей «Мнимая борьба с западом» (РМ, 1890, № 8), где подверг критике националистическую концепцию Н. Я. Данилевского, автора книги «Россия и Европа». Страхов ответил полемической заметкой «Новая выходка против книги Н. Я. Данилевского» (НВ, № 5231, 21 сентября; № 5242, 2 октября).

617

О деле Богомолец см. письмо 114 и примеч. 9 к нему.

618

Письмо к Кузминскому не сохранилось. Его ответ с отказом в исполнении просьбы Толстой нашел «жестоким». См. Дн., запись 22 октября.

- брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
619
См. письмо 150 и примеч. 2 к нему.
- 620
Хамфри Уорд. Роберт Элсмер. Лондон, 1888. Под названием «Отщепенцы» – СПб., 1889; Толстой читал его в январе 1889 г.
- 621
Письмо от 12 ноября (ГМТ).
- 622
См. пред. письмо.
- 623
«На божьем пути». Толстой читал роман по-английски, в переводе с норвежского Е. Кармихаэль (Лондон, 1890).
- 624
Речь идет о подготовленной к изданию П. И. Бирюковым брошюре «Греческий мудрец Диоген» («Посредник», 1891).
- 625
Письмо от 5 ноября (Переписка, т. 2, № 569).
- 626
«Загробная тоска», поэма, в которой повествуется о прелести и поэзии обыденной земной жизни.
- 627
Поэма «Загробная тоска» с посвящением Толстому – опубл. ВЕ, 1891, № 1. В самой поэме, обращаясь к Толстому, Жемчужников писал:
- Ты душой суровою разлюбил
Красу земного бытия
И строго мудрствуешь, готовый
С себя совлечь его оковы,
Но не таков далеко я.
Я жизнь люблю любовью страстной.
- 628
Жемчужников жил в своем имении Павловка в Орловской губернии. В Ясную Поляну ни в 1890 г., ни позднее не приезжал.
- 629
Толстой отвечает на письмо от 14 ноября (ГМГ), в котором Грибовский писал о своем намерении издавать «для низших классов» журнал, просил совета Толстого, а также делился своими впечатлениями от картины Ге «Что есть истина?».
- 630
Письмо печатается по машинописной копии, в которой отсутствует подпись.
- 631
Письмо Л. Л. Толстого неизвестно.
- 632
Толстой 26 ноября выезжал на заседание Тульского окружного суда в Крапивну, где

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. слушалось дело четырех яснополянских крестьян, убивших своего односельчанина конокрада Г. Блохина. Присутствие Толстого помогло смягчить наказание.

633

Л. Л. Толстой намеревался выступить со статьей, направленной против воспоминаний В. Н. Назарьева «Жизнь и люди былого времени» (ИВ, 1890, № 11), где в рассказе о пребывании Толстого в Казанском университете были допущены ошибки и неточности.

634

Д. Н. Цертелев, редактор «Русского обозрения», отказался напечатать рассказ Л. Толстого «Любовь» (опубл. «Книжки Недели», 1891, № 3).

635

«Второй» из критикуемых Толстым рассказов – «Монте-Кристо». См. письмо 167 и примеч. 1 к нему.

636

Письмо неизвестно.

637

«Час воли божией» (РО, 1890, № 11). Сказка написана на сюжет, рассказанный Лескову Толстым (изложен в письме Черткову, т. 86, с. 62–63).

638

избыток, излишество (фр.).

639

жар, восторг (фр.).

640

Поездка не состоялась.

641

По-видимому, Лесков, подобно тому как он это сделал в письме к Цертелеву (Лесков, т. 11, № 179), иронически осмеивал тот факт, что его крамольная сказка попала в номер журнала, где опубликованы верноподданнические стихи фета «Великому князю Константину Константиновичу и великой княгине Елисавете Маврикиевне».

642

Письмо неизвестно. фрагмент приведен в кн.: В. В. Стасов. Николай Николаевич Ге. М., 1904, с. 351–352.

643

Знакомая Ге, фельдшерица Анна Элпидифоровна Владыкина.

644

Ге в то время работал над картиной «Совесть» («Иуда»).

645

«Царство божие внутри вас».

646

Е. Диллон. Ге, художник и апостол. Жизнь и произведения знаменитого русского

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. художника. («Gay. Artiste and Apostle. Life and works of a famous Russian painter» (1890, № 12).

647

Н. Д. Ильин сопровождал картину Ге за границу.

648

З. Г. Рубан-Щуровской, племяннице Ге.

649

Эрнест Ренан. Будущее науки. Мысли 1848 года. См. след. письмо и примеч. 4 к нему.

650

«Осужденный» – картина В. Е. Маковского.

651

«Всюду жизнь» – картина Н. А. Ярошенко.

652

Письмо от 2 января (ПС, №. 243).

653

Толстой работал над трактатом «Царство божие внутри вас».

654

Кстати (фр.).

655

«Будущее науки. Мысли 1848 года» (Париж, 1890) – ранняя философская работа Эрнеста Ренана, в которой Толстой нашел некоторые созвучные ему мысли о том, что «цель науки – раскрыть перед человеком тайну вещей, объяснить ему самого себя».

656

Письмо б/д (ГМТ).

657

Толстой работал над статьей «Наука и искусство» (незакончена; см. т. 30).

658

Рассказ «Перед потухшим камельком» (СВ, 1891, № 1) и письмо от 28 декабря 1890 г. с просьбой высказать мнение об этом рассказе (Переписка, т. 2, № 577).

659

Засодимский при подготовке в 1895 г. собрания своих сочинений выправил текст рассказа по замечаниям Толстого.

660

Имеется в виду заметка Лескова «Обуянная соль» («Петербургская газета», 1891, № 12, 13 января), которой он защищал себя от обвинений в том, что его рассказ «Под рождество обидели», оправдывавший вора, поощряет преступления. Лесков возражал: «Простить обидчика гораздо выше, чем казнить его».

- брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
661
Книга П. С. Алексеева «О пьянстве» вышла в издательстве «Русская мысль», редактором которой был В. А. Гольцев.
- 662
Гольцев просил Толстого прислать «какую-нибудь дополнительную статейку для книги Алексеева». Книга вышла без «дополнений».
- 663
«О науке и искусстве» (т. 30).
- 664
Рассказ «Монте-Кристо» («Родник», 1891, № 4). См. письмо 159.
- 665
«Повесть о Савве Грудцыне». М., 1890 (вышла под псевдонимом Алексея Котельвы).
- 666
А. М. Сливицкий. Разоренное гнездо. М., 1882. Замечание Толстого относится к началу гл. «Опасность».
- 667
Письмо не окончено.
- 668
Полонский прислал сборник «Вечерний звон. Стихи 1887–1890» (СПб., 1890) и письмо от 16 февраля (Переписка, т. 1, № 191).
- 669
То есть работой над статьей «Об искусстве» (т. 15 наст. изд.).
- 670
В воспоминаниях «И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину» Полонский писал, что Тургенев рассказывал его детям «послеобеденные сказочки», из которых Полонским были записаны две: «Капля жизни» и «Самознайка». Последнюю и вспоминает Толстой, так как она рассказывалась в его присутствии («И. С. Тургенев в восп. современников», т. 2. М., 1983, с. 378–384).
- 671
Письмо неизвестно.
- 672
Недовольство Толстого было вызвано статьей У. Бутса, основателя религиозной филантропической организации в Англии «Армия спасения» в журнале «Open Court» с обвинениями Толстого в «фарисействе» (Дн., запись 11 февраля).
- 673
Цитируется Евангелие.
- 674
Никифоров составил сб. «Ф. М. Достоевский. Задачи русского народа» (СПб., 1891).
- 675
М. Л. Толстая отправила посылку с вещами семье Никифорова, пострадавшей от

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. пожара.

676

Никифоров работал над биографией Толстого, которую предполагал издать в пользу голодающих. Запрещена цензурой, опубл. «Курьер», 1902, 1, 6, 23 сентября.

677

Письмо от 26 февраля (т. 65, с. 260).

678

П. Н. Гастев был помещен в психиатрическую больницу.

679

Письмо неизвестно.

680

Повесть «Братья Бутузовы» не была разрешена к изданию цензурой. См. письмо 173 и примеч. 1 к нему.

681

Толстому был прислан предназначенный для «Посредника» рассказ В. П. Быстренина «Свой суд» (сб. В. П. Быстренин. Очерки и рассказы. М., 1890). Издан – «Посредник», 1892. О Квасоваровой и ее рассказе сведений нет.

682

См. пред. письмо.

683

Адрес А. П. Барыковой нужен был в связи с согласием «Русского обозрения» опубликовать ее перевод стихотворной драмы Ф. Коппе «Отче наш» (РО, 1891, № 9).

684

Письмо Черткова неизвестно. Ответ Толстого – т. 87, № 286.

685

Имеются в виду статьи Н. М. Катаева о новых сельскохозяйственных орудиях. В печати не появлялись.

686

Страхов прислал оттиск своей не пропущенной цензурой статьи «Толки об Л. Н. Толстом» из ноябрьской книжки журнала «Русское обозрение». В этой статье Страхов писал: «...со времен Вольтера не было писателя, который производил бы такое сильное действие на своих современников», называл Толстого «проповедником практического христианства», «учителем нравственности», указывал на самобытность его таланта (см. сб.: Н. Страхов. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892, с. 132, 155).

687

Статья опубл. «Вопросы философии и психологии», 1891, № 9.

688

С. А. Толстая 28 марта уехала в Петербург для того, чтобы попасть на прием к Александру III и добиться от него разрешения на выпуск в свет арестованного из-за «Крейцеровой сонаты» XIII тома Собр. соч. Л. Н. Толстого. В Петербурге она виделась со Страховым.

689

Толстой читал французское издание Д. Дидро «Избранные сочинения» (Париж, 1884).

690

Толстой просил Страхова (т. 65, письмо № 238) принять участие в судьбе учителя гимназии в Ростове-на-Дону Д. А. Зеленецкого, уволенного со службы в 1889 г., якобы за писание анонимных писем министру народного просвещения И. Д. Делянову. Зеленецким в 1890 г. была подана Делянову «докладная записка» с требованием установить подлинного автора анонимок (там же).

691

Рассказ «Братья Бутузовы», см. письмо 170. П. А. Гайдебуров писал Толстому 7 апреля: «...рассказ Семенова... совершенно нецензурен, и никакие смягчения или поправки не уничтожат его «зловредности» (ГМТ) (изд. «Посредник», 1898).

692

Письмо от 20 июня (Переписка, т. 2, № 472).

693

Лесков в своем письме в связи с наметившейся угрозой неурожая и голода в стране спрашивал Толстого: «...как вы находите – нужно ли нам в это горе встречать и что именно пристойно нам делать?» (там же, с. 246).

694

Огромные размеры бедствий голодающего крестьянства в районах Тульской, Орловской и Рязанской губерний заставили Толстого отступить от этой непротивленческой программы и принять самое деятельное участие в оказании помощи народу. См. письма 182–184.

695

Репин пробыл в Ясной Поляне с 29 июня по 16 июля и за это время вылепил бюст Толстого, написал эскизы «Толстой на молитве», «Толстой за работой в кабинете под сводами» и сделал несколько рисунков.

696

Начатое Толстым предисловие к книге Х. Уильямса «Этика пищи, или Нравственные основы безубойного питания» было завершено и получило название «Первая ступень». Напечатано как вступление к книге Уильямса («Посредник», 1893).

697

Трактат «Царство божие внутри вас».

698

И. Я. Гинцбург в этот свой первый приезд в Ясную Поляну вылепил бюст Толстого и статуэтку «Толстой за работой».

699

Горбунов-Посадов в письме от 16 июля (ГМТ) поделился с Толстым своими переживаниями из-за ситуации в семье и материальных затруднений.

700

А. А. Толстая в письме от 25 августа (ГМТ), поздравляя Толстого с днем рождения, пожелала, чтобы новый год его жизни стал «богат работой, любовью и верою, все в больших размерах».

701

Толстой читал «Разговоры Эккермана с Гете» в 1897 г.

702

Вероятно, речь идет о книге: С. А. Эллис. Жизнь миссионера отца Дамиана Вейстера (в переводе на русский вышла в 1892 г.).

703

Чарльз-Джордж Гордон – английский генерал, известный своей храбростью, жестокостью и религиозностью.

704

А. А. Толстая сообщала о смерти Е. Н. Карамзиной, с которой Толстой общался летом 1857 г. в Швейцарии.

705

25 августа в Ясной Поляне праздновали свадьбу М. А. Кузминской и И. Е. Эрдели.

706

Были получены письма от 7 августа с двумя отрывками из переведенной Ганzenом статьи Бьернсона «Единобрачие и многобрачие» и от 6 сентября с извещением об отправлении бандероли с полным рукописным текстом этой же статьи, а также его предисловием к брошюре К. П. Арнольдсона «Закон, а не война между народами» (ЛН, т. 75, кн. 1, с. 329–332). Статья Бьернсона вышла отдельным изданием в переводе П. Ганzenа (СПб., 1891).

707

Бьернсон. Новые веяния. Толстой читал роман в переводе М. В. Лучицкой (СВ, 1891, № 1–5). См. Дн., запись 25 июня.

708

«На божьем пути». См. письмо 156 и примеч. 3 к нему.

709

Ганzen в письме от 7 августа высоко оценивал творчество Г. Ибсена, в особенности его драму «Гедда Габлер». Толстой читал пьесы Ибсена в 1889 г. в немецком трехтомном издании.

710

Рукописи двух статей датского философа С. Киркегора: «In vino veritas. Воспоминания», «Дон Жуан в музыке и литературе (Из сочинения «Одно из двух»)» в переводе Ганzenа. Обе статьи сохранились (ЯПб.).

711

«Царство божие внутри вас». В переводе Ганzenа не выходило.

712

«Первая ступень» была переведена Ганzenом и включена в сб. произведений Толстого «Первый шаг» (Копенгаген, 1893). Отд. изд. 1891 г.

713

Переводчица А. В. Ганzen.

714

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Эту оговорку Толстой был вынужден сделать по следующей причине: все его произведения, написанные после 1881 г., теперь могли быть безвозмездно издаваемы как в России, так и за границей, но в 1885 г. в день именин С. А. Толстой он подарил ей только что законченную им повесть «Смерть Ивана Ильича» для включения в XII том предпринятого ею собрания сочинений. Данным заявлением он предоставлял в общее пользование и это свое произведение, чему вначале сопротивлялась С. А. Толстая. Заявление опубл. Р. вед., № 258, 19 сентября, а также перепечатано многими газетами.

715

Был послан сб.: Мэри Уилкинз. A humble Romance and other Stories (Скромный роман и др. рассказы). Нью-Йорк, 1887, из жизни рабочих.

716

Речь идет о книге Л. Гронлунда «Our Des Destiny» (Наша судьба. Влияние социализма на мораль и религию) (Лондон, 1887). Книга была утеряна Никифоровым. На русский язык не переведена.

717

Письмо от 2 октября, написанное после посещения Ясной Поляны (ГМТ).

718

Ф. И. Булгаков прислал роман Б. Зутнер «Против войны» в его переводе (СПб., 1891).

719

Письмо от 16 октября н. ст. (ЛН, т. 75, кн. 1, с. 509), в котором Зутнер просила Толстого прислать «одну-две строчки» в поддержку деятельности «Всемирной лиги мира». Зутнер была активной участницей пацифистского антивоенного движения.

720

«Хижина дяди Тома».

721

«Царство божие внутри вас». В VI главе трактата Толстой по поводу идеи борьбы с опасностью войны путем создания международных третейских судов писал: «Удивительно, чем могут себя обманывать люди, когда им нужно обмануть себя» (т. 28, с. 115).

722

В Риме 9 ноября открывался Третий конгресс мира, участники которого защищали идею международного третейского суда.

723

В июне 1890 г. в Лондоне состоялся Второй конгресс мира.

724

В письме от 1 июня книгоиздатель Ледерле просил Толстого прислать ему список книг, произведших на него в разные периоды жизни наибольшее впечатление, и произведений, с которыми «необходимо познакомить молодежь и читающую публику» (ГМТ). Т. Л. Толстая по просьбе отца сообщила ему, что такой список должен быть у В. Н. Маракуева, у которого его можно взять. Ледерле список получил и его копию вместе с письмом к Т. Л. Толстой отправил в Ясную Поляну для просмотра.

725

В журнале «Pall Mall Budget» была напечатана статья Джона Лебокка о «ста лучших книгах» мировой литературы.

726

Издателем журнала «Pall Mall Budget» был Томас Стэд, и поэтому его именем называет Толстой список Лебокка.

727

Рукопись окончательного текста этого списка утеряна. Перечень книг печатается по черновой редакции.

728

Очевидно, имеется в виду «Повесть о Царе Шахрамане, сыне его Камар-аз-Замане (или Камаральзамане) и царевне Будур».

729

Лоренс Стерн. «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии».

730

Жан-Жак Руссо. «Исповедь», «Эмиль», «Новая Элоиза».

731

«Собор Парижской богородицы».

732

Диалоги Платона в переводе с греческого на французский В. Кузена.

733

«Отверженные».

734

Генри Эллиот Вуд – английская писательница, романы которой Толстой неоднократно рекомендовал для перевода.

735

Джордж Элиот. Толстой ценил ее роман «Феликс Холт – радикал». См. письмо 39 и примеч. 3 к нему.

736

Генри Джордж. «Прогресс и бедность».

737

Т. Паркер. «Исследование вопросов, относящихся к религии», 1842.

738

Робертсон. «Проповеди».

739

Л. Фейербах. «Сущность христианства».

740

Б. Паскаль. «Мысли».

741

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. Имеется в виду книга «Lalita vistera», переведенная Ф. Фуко с тибетского на французский. См. письмо 89, примеч. 5 к нему.

742

С. Жюльен перевел на французский язык труд китайского философа Лао-Цзы «Тао-те-Кинг».

743

Раевскому, владельцу имения Бегичевка, ставшего центром, из которого Толстой руководил всей работой по оказанию помощи голодающим.

744

Е. П. Писарева, жена тульского помещика Р. А. Писарева, принимавшего деятельное участие в помощи голодающим.

745

Н. Н. Философова.

746

«Страшный вопрос» (т. 29).

747

Статья опубл. Р. вед., № 306, 6 ноября.

748

Новикова.

749

Толстой отвечает на письмо от 5 ноября н. ст. (ГМТ) английского издателя Унуина Фишера, в котором тот писал, что в Англии создается фонд помощи пострадавшему от неурожая русскому крестьянству. Фишер спрашивал, кому и куда направлять собранные средства.

750

Л. Л. Толстой.

751

Статья «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» (т. 29).

752

Письма В. Г. Черткова от 23 и 24–25 октября, адресованные Толстому и Е. И. Попову (ГМТ), были получены после написания настоящего письма.

753

Толстой обращается к Попову, находившемуся с 1 ноября у Черткова в Воронежской губернии. Письмо Попова неизвестно.

754

О чем идет речь, не выяснено.

755

С. А. Толстая послала в редакцию «Русских ведомостей» письмо, содержащее призыв вносить пожертвования в пользу голодающих (опубл. № 303, 3 ноября).

756

В ответ на обращение С. А. Толстой дирекция императорских театров распорядилась процент со сбора от постановки «Плодов просвещения» предоставить в ее распоряжение. Эти деньги были использованы Толстым для помощи крестьянам и его единомышленникам, преследуемым властями.

757

«О голоде». Статья предназначалась для 10-й книжки журнала «Вопросы философии и психологии», но была задержана цензурой. Толстой 5 и 6 ноября внес в корректуру статьи ряд исправлений. В урезанном виде под названием «Помощь голодным» опубликовано в «Книжке Недели», 1892, № 1.

758

«Страшный вопрос». См. письмо 182 и примеч. 4 и 5 к нему.

759

Рассказ «Кто прав?», который Толстой намеревался дать в издаваемый Д. Д. Оболенским сборник в пользу голодающих. Рассказ не был закончен (см. т. 12 наст. изд.).

760

«Царство божие внутри вас».

761

Е. Д. Вагнер в своем письме просила редакцию «Посредника» помочь ей принять участие в помощи голодающим. Ее письмо Чертков переслал Толстому. Письмо Толстого неизвестно.

762

Толстой отвечает на письмо от 21 октября (ГМТ).

763

Н. Ф. Федоров, с которым Ивакин находился в дружеских отношениях.

764

Ивакин надеялся на то, что благодаря книжному обмену будет возможно большее сближение России и Франции.

765

Ивакин, чье письмо является, как он сам писал, «отголоском мыслей Н. Ф. Федорова», верил, что возможно превратить порох «из средства истребления себе подобных в средство для защиты от бездождия». Об отношении Толстого к философии Федорова см. т. 18, письмо 386 и примеч. 3 к нему.

766

Письмо от 12 ноября (ГМТ), в котором Файнерман сообщал, что собрал хлеб и деньги для голодающих, и спрашивал, куда их послать.

767

См. письмо 184 и примеч. 6 к нему.

768

См. письмо 184 и примеч. 4 к нему.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
769

Э. Диллон с разрешения Толстого (см. т. 66, № 131) получил от П. А. Гайдебурова гранки запрещенной цензурой статьи «О голоде» для перевода ее на английский язык. Она была опубл. в газете «Daily Telegraph» под названием «Почему русские крестьяне голодают?» (14/26 января, 1892). «Московские ведомости» (№ 22, 22 января) в передовой статье процитировали часть гл. V и полностью гл. VI в обратном неточном переводе с английского с выводом, что «Письма» Толстого «являются открыто пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя». В ответ С. А. Толстая направила в «Московские ведомости» письмо, в котором утверждала: «Ни муж мой... ни я, ни кто-либо из семьи моей никаких писем ни в какие иностранные периодические издания не писали» (см. т. 66, с. 145). Письмо не было опубликовано, но газета известила «Daily Telegraph», что ею напечатана статья, не принадлежащая Толстому. Настоящее письмо написано по просьбе и в присутствии Диллона, в защиту его скомпрометированной репутации.

770

Диллоном был получен телеграфный запрос из Лондона в связи с письмом С. А. Толстой об авторстве «Писем». См. след. письмо.

771

См. пред. письмо.

772

Петитом был набран обратный перевод с английского фрагментов из статьи «О голоде».

773

Крупным шрифтом было напечатано искаженное изложение некоторых суждений из статьи Толстого.

774

«Правительственный вестник» отказался печатать это заявление Толстого. С. А. Толстая вместе с Н. Я. Гротом отгектографировала 100 экземпляров и отправила их в различные органы печати. Оно было опубликовано рядом газет.

775

Толстой отвечает на письмо от 10 февраля. В нем С. А. Толстая передала свой разговор с вел. кн. Сергеем Александровичем, в то время московским генерал-губернатором, в связи с публикацией в «Московских ведомостях» статьи Толстого «О голоде», из которого следовало, что от него «ждут... объяснения», так как его «именем взволновали умы» (ПСТ, с. 492).

776

См. письмо 188.

777

Речь идет о письмах двух петербургских студентов, в которых они выражали свое недоумение по поводу обвинений Толстого в «Московских ведомостях» (там же, с. 492).

778

Письмо Ионаса Стадлинга, шведского писателя и путешественника, от конца февраля 1892 г. неизвестно.

779

Письмо Н. Н. Ге (сына) от 16 февраля (ГМТ).

780

См. письмо 188 и примеч. 4 к нему.

781

Письмо от 19 февраля А. А. Толстой, адресованное С. А. Толстой, где она намекала, что в высших сферах ждут от Толстого опровержения, которое он должен был послать для опубликования в английской печати (ПСТ, с. 507).

782

С. А. Толстая в письме от 22 февраля писала: «Тут говорят, что расстроенная молодежь, усумнившаяся в тебе, рвет твои портреты и т. д.» (там же, с. 505).

783

Письмо И. А. Стебута Л. Л. Толстому неизвестно.

784

Баратынская.

785

Письмо от 5 марта (ГМТ).

786

Горбунов просил дополнить составленный им список книг для воспитания к подготовленному им сб. «Русским матерям». В списке Горбунова значилась книга французского писателя А. Эскироса «Эмиль 19 века».

787

Горбунов писал о книге польского врача К. Моэса-Оскрагелло «Tajniki Medysynu» («Тайники медицины»).

788

И. Л. Леонтьев (И. Щеглов) опубликовал повесть «Около истины. Повесть в трех письмах» (РВ, 1892, № 1), которая представляет собой пасквиль на деятельность «Посредника» и где шаржированно изображены Горбунов-Посадов, Чертков и другие сотрудники издательства, иронически высмеивались идеи Толстого.

789

См. письмо 190. Чертков узнал от М. А. Новоселова «желание (Толстого. – С. Р.), чтобы это письмо сделалось известным возможно большему числу лиц» (см. т. 87, с. 138). Чертков опасался, что действия такого рода вызовут «гонения» на Толстого.

790

«Пролог» – сборник, составленный из житий святых, поучений и повестей.

791

Толстой отвечает на письмо французского профессора философии Ж. Дюма от 9 марта 1892 г. (ГМТ), в котором тот выражал свое удивление высказанной в «Исповеди» мысли, что в 1877 г. у Толстого произошел перелом в мировоззрении. «Я полагал, – писал Дюма, – что принципы вашей моральной философии находятся в «Анне Карениной» и даже в «Войне и мире» (см. т. 66, с. 189).

792

Дюма готовил «обширный труд о морали» Толстого под названием «Tolstoy et la philosophie de l'amour» (Париж, 1893).

793

Письмо неизвестно. Слухи о преследовании Толстого были вызваны выступлением «Московских ведомостей». См. письмо 187 и примеч. 1 к нему.

794

Д. А. Хилков был сослан в Закавказье, где проживали духоборы.

795

С. И. Рошин, активный участник толстовских земледельческих общин и последователь взглядов Толстого, был освобожден из острога и этапным порядком выслан на родину в г. Ардатов.

796

Толстой заканчивал 8-ю главу трактата «Царство божие внутри вас».

797

С. П. Прокопенко в письме от 28 марта (ГМТ) сообщал о преследовании крестьян села Павловки, Сумского уезда, Харьковской губ., за их разрыв с православной церковью.

798

Письмо от 18 апреля 1892 г. (ГМТ), в котором Страхов писал: «...в конце марта обнаружилось что-то удивительное – против вас поднялась такая злоба, такое непобедимое раздражение, что ясно было: вы задели людей за живое сильнее всяких революционеров и вольнодумцев» (см. т. 66, с. 205).

799

Н. Н. Страхов. Мир как целое. Черты из науки о природе, изд. 2-е. СПб., 1892. В предисловии, о котором пишет Толстой, Страхов кратко изложил свою философскую систему.

800

В статье «Справедливость, милосердие и святость» (НВ, 1892, № 5784, 5 апреля) Страхов, не называя имени Толстого, высказал свое несогласие с его критикой государства.

801

Страхов писал в своем письме, что ему с большим трудом удалось достать 4 экземпляра книги Толстого «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий», изданной в Женеве М. В. Элпидиным (1892–1894).

802

Имеется в виду философское сочинение Шопенгауэра «Parerga und Paralipomena. Kleine philosophische Schriften». Русский перевод книги назывался «Афоризмы о житейской мудрости» (СПб., 1901).

803

Толстой отвечает на письмо от 6 мая (Переписка, т. 2, № 580).

804

Засодимский передавал просьбу М. А. Сопоцько «устроить для него возможность работать в голодающих местностях» (там же, с. 403). Сопоцько с октября 1892 г. до августа 1893 г. участвовал в работе Толстого по оказанию помощи голодающим.

805

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Засодимский просил у Толстого статью для сборника «Помочь» (СПб., 1892).

806

Роман «Грехи старого чабана», по словам Засодимского, «не понравился либеральным редакциям наших петербургских и московских журналов» (там же, с. 404). Под названием «Грех» – опубл. РВ, 1893, № 1–3. Сведений о его чтении Толстым не имеется.

807

П. И. Бирюков, пробывший несколько дней в Ясной Поляне, уехал 5 июля.

808

Работа над окончанием «Царства божия внутри вас».

809

Толстой считал необходимым юридическое оформление раздельного акта, по которому вся его недвижимая собственность передавалась во владение С. А. Толстой и его детям. Акт был подписан 7 июля. Все имущество было разделено между детьми, за исключением М. Л. Толстой, отказавшейся от своей доли.

810

Чертков не выполнил этой просьбы.

811

Письмо неизвестно.

812

Толстым было получено письмо Огаревой от 23 апреля 1892 г. с описанием убийства управляющего ее имением А. В. Станиславского в 1887 г. (Письма Толстого, с. 194–195). Толстой об этом событии знал. См. письмо 152 и примеч. 6 к нему. Однако он просил Огареву сообщить ему подробности дела. Она ответила письмами от 1 и 13 июня (там же, с. 197–207). В письме от 21 июля она справлялась, получены ли им эти ее послания.

813

Письмо от 29 августа (ГМТ), являющееся отголоском бесед с Толстым летом 1892 г., где Страхов признавался: «Я слишком мало влюблен в себя и вижу хотя отчасти свои недостатки... нужно быть самим собою – этого правила я всегда держался; но вы – сердцевед и можете указать мне, где я прикидываюсь и ломаюсь» (см. т. 66, с. 254).

814

Толстой имеет в виду высказывание Страхова: «Достоевский, создавая свои лица по своему образу и подобию, написал множество полупомешанных и больных людей и был твердо уверен, что списывает с действительности и что такова именно душа человеческая» (там же).

815

Толстым был получен оттиск статьи «Ход и характер современного естествознания» (РВ, 1892, № 3).

816

Толстой писал «Отчет об употреблении пожертвованных денег за время с 12 апреля по 20 июля 1892 г.» (т. 29).

817

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. См. письмо 217 и примеч. 2 к нему.

818

Письмо Толстого – незаконченная приписка к письму Т. Л. Толстой.

819

Письмо сына художника – Николая Ге от 10 сентября (ГМТ).

820

Картину «Повинен смерти», запрещенную для демонстрации на XX Передвижной выставке Товарищества художников, Ге по возвращении из Петербурга в Москву привез в Хамовники, где Толстой с ней познакомился.

821

Неизвестно, о каком живописном произведении идет речь. «Картинка» была послана Ге, но он ее не одобрил (ТГ, с. 152).

822

Трактат «Царство божие внутри вас» был закончен только в мае 1893 г.

823

И. Гете. Фауст. Перевод А. А. Фета. М., 1882.

824

Толстой отвечает на письмо от 7 ноября, в котором Веселитская высказала сожаление, что ей не удалось воспользоваться приглашением Т. А. Кузминской посетить Ясную Поляну (ГМТ).

825

В мае 1891 г. Толстой поручил Суворину передать Веселитской (псевд. В. Микулич) одобрение ее повести «Мимочка на водах» (ВЕ, 1891, № 1, 2). Суворин сообщил мнение Толстого Веселитской в письме от 6 июля 1891 г. (сб. «Тени прошлого». СПб., 1914, с. 1).

826

Веселитская назвала «старца» Варнаву, жившего в Черниговском скиту Троице-Сергиевой лавры, своим «другом и наставником».

827

Письмо от 11 ноября с отчетом о выполнении поручений Толстого, переданных ей вернувшейся из Ясной Поляны дочерью Верой (ГМТ).

828

Кузминская ставила Толстого в известность, что она не решилась послать А. А. Хованской письмо с отказом редактора журнала «Вестник иностранной литературы» А. Э. Энгельгардта напечатать ее перевод романа Эдны Лайэль «Мы двое». Хованская посылала свой перевод Толстому, но он вернул его непрочитанным.

829

См. пред. письмо.

830

Н. В. Давыдов, прокурор Тульского окружного суда, подавал прошение министру юстиции Н. А. Манассеину о переводе его по семейным обстоятельствам из Тулы в Москву. В этой просьбе ему было отказано.

831

С. П. Ауэрбах получила от Черткова копию одной из черновых рукописей статей об искусстве, над которыми Толстой работал в конце 1880-х годов. Ее сын перевел эту статью на французский язык, и Ауэрбах хотела содействия Толстого в ее публикации.

832

Г. Вилло, корреспондент журнала «Revue de Famille», в письме от 9 ноября (ГМТ) напоминал Толстому об обещанной им летом при личном свидании статье для журнала.

833

Речь идет о сб.: Н. Н. Страхов. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. «Теория благополучия» – критический разбор романов М. В. Авдеева. Повесть – «Последний из идеалистов», герой которой человек, отчужденный от живой жизни, сторонний наблюдатель и резонер.

834

А. М. Хирьяков в письме от 6 декабря (ГМТ) просил Толстого принять участие в готовящемся сборнике «Путь-дорога» в пользу переселенцев. Толстой ответил отказом (см. т. 66, № 391).

835

Позднее Толстым была передана Хирьякову повесть «Ходите в свете, пока есть свет» для сб. «Путь-дорога. Научно-литературный сборник в пользу общества для воспомоществования нуждающимся переселенцам» (СПб., 1893).

836

«Палата № 6» – РМ, 1892, № 11.

837

А. О. Данилаева – дочь кормилицы Толстого А. Н. Зябровой.

838

«Воспоминания» Д. В. Григоровича (РМ, 1892, № 12; 1893, № 1, 2).

839

Бунин в письме от 7 февраля предлагал свою помощь на время отпуска в «деле в столовых» («Новый мир», 1956, № 10, с. 198). Толстой принял И. Бунина за Н. И. Бунина, с которым был знаком. И. Бунин в письме от 15 июля указал на эту ошибку: «...Вы смешали меня с другим Буниным, который, правда, появлялся осенью в Полтаве и, вероятно, бывал у вас» (там же).

840

Известно письмо Толстого Страхову – от 3 сентября 1892 г. (т. 66, № 332).

841

Статья «Несколько слово Ренане» (РВ, 1892, № 11). Страхов, полемизируя в ней с различными отрицательными суждениями о Ренане, в том числе и Герцена, рассматривал Ренана как крупного мыслителя, пробудившего интерес к нравственным проблемам.

842

«Литературные заметки» А. Воынского (СВ, 1893, № 2), о статье Страхова «Справедливость, милосердие и святость» (см. письмо 194, примеч. 3), где он отмечал, что в его «речах есть стилистическая аккуратность, чиновническая

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. точность, ровный, деловитый тон», а в произведениях «логическая гибкость, виртуозная изворотливость», но «нет совсем каких-нибудь смелых, широких обобщений... силы нет».

843

«Царство божие внутри вас».

844

Из стихотворения А. Фета: «Я пришел к тебе с приветом // Рассказать, что солнце встало...».

845

А. Чехов. Рассказ неизвестного человека (PM, 1893, № 2).

846

Весной 1893 г. Янжул, экономист, профессор Московского университета, собирался ехать на Международную выставку в Чикаго. Толстой воспользовался этим обстоятельством, чтобы передать Янжулу рукопись трактата «Царство божие внутри вас» для И. Хэпгуд, которая намеревалась его перевести. 24 апреля Янжул извещал Толстого о выполнении поручения (ЛН, т. 75, кн. 1, с. 411).

847

И. Хэпгуд, познакомившись с рукописью, в письме от 28 апреля н. ст. уведомила Толстого, что ее «убеждения не позволяют» ей «переводить эту книгу» (там же, с. 412).

848

Письмо неизвестно. Янжул занимался поисками переводчика работы Толстого. Свое согласие дала А. Делано. «Царство божие внутри вас» в ее переводе вышло в Лондоне в 1894 г.

849

См. письмо Толстого к Хэпгуд от 6 мая (т. 66, № 447).

850

Г. Кливленд, тогдашний президент США, подписал с Россией договор о взаимной выдаче преступников, а также и политических эмигрантов.

851

Настоящее письмо – приписка к письму Т. Л. Толстой (ГМТ).

852

Суждение Толстого относится к Ивану и Петру Раевским, тогдашним студентам Московского университета.

853

С. Н. Толстая – жена И. Л. Толстого.

854

Речь идет о М. Н. Шаралове, приехавшем из Петербурга для участия в оказании помощи голодающим.

855

Э. Смит прислал Толстому опубликованные в газете «Revue des Revues» письмо Александра Дюма к редактору журнала «Gaulois» и речь Золя, послужившую поводом

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. для выступления Дюма. Эта полемика чрезвычайно заинтересовала Толстого, и он в связи с ней написал статью «Неделание» (т. 29), в которой привел и речь Золя, и письмо Дюма и высказал свое одобрение позиции Дюма.

856

любите друг друга (фр.).

857

заколдованный круг (фр.).

858

См. пред. письмо и примеч. 3 к нему.

859

«Неделание».

860

«Царство божие внутри вас».

861

Статья «Неделание» в переводе на французский язык Вилло была напечатана в «Revue des Revues» (1893, № 4) под названием «Le non-agir». См. след. письмо и примеч. 4 к нему.

862

Письмо неизвестно. По словам В. В. Стасова, в этом письме от 22 июня Ге писал, что «снова много повозился со своей картиной («Распятие». – С.Р.), но теперь нашел форму, нашел решение». В этом же письме он сообщал о намерении написать для «Северного вестника» «свои воспоминания о знакомстве с Герценом и Бакуниным во Флоренции» (В. В. Стасов. Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. М., 1904, с. 373).

863

Эти воспоминания под названием «Встречи» опубл. СВ, 1894, № 3.

864

«Царство божие внутри вас».

865

«Неделание» (СВ, 1893, № 9). См. пред. письмо и примеч. 5 к нему. В журнале «Revue de Famille» статья «Неделание» не была опубликована из-за ее появления в журнале «Revue des Revues».

866

Н. Н. Ге, сын художника.

867

П. Н. Ге, сын художника.

868

«Кто прав?» (см. т. 12 наст. изд.).

869

Толстой просматривал и исправлял присланные ему Чертковым рукописи своих ранних

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. незаконченных статей об искусстве. Работа осталась незавершенной (т. 30).

870

Письмо от 29 июня из Эмса, где Страхов лечился после операции (ПС, № 261).

871

В своем письме Страхов писал: «Перед отъездом из Петербурга меня очень занимала «Колония славянофилов», которую я открыл на Петербургской стороне... Какие умные, чистосердечные и скромные люди! Розанов во всех этих отношениях – звезда между ними» (ПС, с. 443–445). Речь идет о кружке, в котором мистическое обожествление народа сочеталось с церковной ортодоксальностью и крайней политической реакционностью.

872

Толстой, очевидно, имеет в виду статью В. В. Розанова «О трех принципах человеческой деятельности» (РО, 1893, № 3–4), так как в журнале «Вопросы философии и психологии» в первой половине 1893 г. Розанов не печатался.

873

Ирония Толстого вызвана тем, что эту «Колонию славянофилов» возглавил бывший сотрудник «Русской беседы» Т. И. Филиппов, занимавший в 1893 г. должность государственного контролера.

874

Статья П. Н. Милюкова «Разложение славянофильства» («Вопросы философии и психологии», 1893, № 3), посвященная характеристике мировоззрения идеологов позднего славянофильства Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и Вл. С. Соловьева.

875

См. письмо 212 и примеч. 3 к нему, письмо 214 и примеч. 3 к нему.

876

Осуществляя это намерение, Толстой написал «Заключение к последнему отчету о помощи голодающим» (т. 29).

877

Телеграмма неизвестна. В конце апреля Толстой с художником Н. А. Касаткиным отправил Левенфельду в Берлин 11 глав трактата «Царство божие внутри вас», а в мае Веселитская передала XII главу Попову, который отправил ее в Берлин Левенфельду.

878

В XII главе «Царства божия...» Толстой описал встречу 9 сентября 1892 г. на станции Узловая с карательным поездом во главе с тульским губернатором Н. А. Зиновьевым, посланным для «усмирения» крестьян, и сравнил это событие с экзекуцией, совершенной губернатором Неклюдовым в Орловской губернии. Фрагменты этой резко обличительной главы были опубликованы в ряде иностранных газет. Неточности – в описании экзекуций над крестьянами, замеченные А. М. и Т. А. Кузминскими в рукописи, были исправлены и внесены Левенфельдом в текст XII главы. Его перевод вышел в Берлине, в издательстве А. Дейбнера, в 1894 г.

879

Речь идет о сочинении «Христианство и патриотизм» («Тулон»), в котором Толстой разоблачал реакционную сущность военного союза России и Франции и всей шумихи, поднятой в связи с этим правительственными кругами обеих стран. По цензурным условиям статья не смогла появиться в России. Лесков в письме от 16 октября (Переписка, т. 2, № 491) не советовал ее публиковать в немецких изданиях. Она вышла в переводе на французский язык (Париж, 1894).

880

Резкой оценке Толстого подверглась повесть И. Н. Потапенко «Семейная история» (СВ, 1893, № 8–10). См. след. письмо.

881

последним ударом (фр.).

882

См. пред. письмо и примеч. 2 к нему.

883

Впоследствии отношение Толстого к Чехову и Мопассану резко изменится. См. статьи <Послесловие к рассказу Чехова «Душечка», Предисловие к сочинениям Гюи де Мопассана > в т. 15 наст. изд.

884

последним ударом (фр.).

885

Толстой работал над статьей «Религия и нравственность» (т. 39).

886

Празднества в Тулоне в связи с заключением франко-русского военного союза (см. письмо 218 и примеч. 1 к нему).

887

С. Э. Дмитриевой-Мамоновой.

888

Н. Л. Оболенскому.

889

Толстой поздравлял Григоровича с 50-летием его литературной деятельности.

890

«Антон Горемыка» впервые опублик. С, 1847, № 11, когда Толстому было 19 лет.

891

Настоящее письмо было оглашено 31 октября на чествовании писателя в Обществе поощрения художеств.

892

Никифоров в письме от 29 октября (ГМТ) сообщил, что отправил Толстому свои переводы рассказов Мопассана для просмотра и исправления и что начал переводить «Монт-Ориоль». «Не знаю, насколько вы это одобрите?» – спрашивал он Толстого (см. т. 66, с. 418).

893

Никифоров, вспоминая разговор с Толстым в сентябре 1893 г. в Ясной Поляне, писал: «Меня очень задело одно ваше замечание: что писателя нужно судить по его писанию, а не по его нравственной личности, не по его жизни... Я не знаю, не противоречит ли это вашему взгляду?» (там же).

894

Эти слова Пушкина дошли до нас в передаче Гоголя. В статье «О том, что такое слово» (1844) Гоголь писал: «Пушкин, когда прочитал следующие стихи из оды Державина к Храповицкому:

За слова меня пусть гложет,
За дела сатирик чтит,—
сказал так: «Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела».

895

Толстой отвечает на письмо от 29 октября (ПС, № 265), в котором Страхов приводит выдержку из книги Куно Фишера «Артур Шопенгауэр» (изд. Гейдельберг, 1893) об отношении Толстого к философии Шопенгауэра. Он процитировал также абзац, где Фишер, говоря о тщеславии Шопенгауэра, проявившемся и перед смертью, цитирует слова Платона: «Честолюбие... это последнее платье, которое снимают» (с. 452).

896

Письмо от 31 октября (ПСТ, № 49), где Стасов описал момент чтения поздравительного письма Толстого (см. письмо 220). По его словам, «стены тряслись от рукоплесканий» (с. 111).

897

Письмо неизвестно.

898

М. И. Чайковский. Болезнь П. И. Чайковского. Письмо в редакцию (НВ, 1893, № 6350, 1 ноября).

899

В начале августа Толстой получил письмо от Г. фон Гижицкого, основателя «Этического общества для содействия социально-этическим реформам» и издателя журнала «Ethische Kultur» с предложением ответить на вопросы: «1) Что вы понимаете под религией? 2) Верите ли вы в возможность независимой от религии морали?» (см. т. 66, с. 401). Ответом на эти вопросы явилась статья «Религия и нравственность» (т. 39). Гижицкому Толстой послал также и письмо от 5 октября (т. 66, № 541).

900

Страхов заканчивал статью «О задачах истории философии» («Вопросы философии и психологии», 1894, № 1).

901

Речь идет о книге Лао-Цзы «Тао-те-Кинг, или Писание о нравственности» в переводе Чалмерса.

902

Письмо от 26 октября. В отрывках опубликовано в кн.: В. В. Стасов. Николай Николаевич Ге..., с. 374–375.

903

Ге начал работать над картиной «Голгофа».

904

То есть на картине «Суд Синедриона. Повинен смерти».

905

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Имеется два варианта этой композиции: «Голгофа» и «Распятие».

906

В «Илиаде» Гомера нет такой сцены. Вероятно, Толстой помнил стихотворение А. Майкова «Сидели старцы Илиона», в котором имеется подобный эпизод.

907

Речь идет о картине «Совесь» («Иуда», «Предатель»), которая была выставлена на выставке художников-передвижников 1892 г.

908

Еще в 1886 г. Ге задумал написать ряд картин карандашом и маслом на евангельские сюжеты. Этот замысел остался нереализованным.

909

Сказал (лат.).

910

Д. А. Хилков не состоял в церковном браке со своей женой Ц. В. Винер, и их малолетние дети не были крещены. Его мать, Ю. П. Хилкова, добилась у Александра III через Победоносцева «повеления» передать ей для усыновления детей ее сына.

911

Рассказ «Загон» («Книжки Недели», 1893, № 11).

912

См. пред. письмо и примеч. 9 к нему.

913

Статья М. О. Меньшикова «Работа совести (По поводу статьи «Неделание» гр. Л. Н. Толстого)» («Книжки Недели», 1893, № 11). В ней была очень высоко оценена эта статья, но при этом Толстой рассматривался только как проповедник моральных истин, чуждый социальных проблем времени.

914

«Христианство и патриотизм».

915

Письмо неизвестно.

916

М. А. Шмидт, жившей в деревне Овсянниково.

917

Речь идет о докторе В. Н. Горбачеве, который сопровождал Л. Л. Толстого в его заграничной поездке.

918

Гриневка – имение И. Л. Толстого.

919

Письмо неизвестно. Толстой 24 января записал в Дневнике: «Письмо от Левы. Он сердится на меня за то, что я допускаю эту безобразную жизнь, портящую подрастающих детей. Я чувствую, что я виноват».

920

IX съезд естествоиспытателей происходил в Москве с 3 по 11 января 1894 г. Толстой присутствовал на последнем заседании 11 января под председательством К. А. Тимирязева.

921

В вагоне Толстой познакомился с В. Я. Данилевским, физиологом–материалистом. Толстой читал его речь «Чувство и жизнь», произнесенную им на съезде 7 января (напечатана на гектографе).

922

С. Н. Толстая, жена Ильи Львовича.

923

См. письмо 178 и примеч. 1 к нему.

924

Конфликт между иностранными издателями возник из-за права перевода и первого издания трактата «Царство божие внутри вас».

925

Теодор – известный великосветский парикмахер.

926

Толстой просматривал «Записки» Д. А. Хилкова и другие документы, письма, прошения, относящиеся к борьбе за возвращение Хилкову и его жене детей. См. письмо 223 и примеч. 9 к нему. Эти материалы были отобраны М. Л. Толстой для Черткова, намеревавшегося подготовить к изданию отдельный документальный сборник. Под названием «Похищение детей Хилковых. Материалы, собранные Чертковым» вышел в Англии в 1901 г.

927

Толстой во время посещения XXII выставки художников–передвижников высказал Н. А. Касаткину свое отрицательное мнение о его картинах «Клевета», «Неизбежный путь» и в особенности «Трамвай пришел» («Народная конка»).

928

В телеграмме от 25 февраля (ГМТ) из Парижа, куда Т. Л. Толстая выехала по вызову брата Льва, сообщалось, что из-за курса лечения, на «неопределенное время».

929

Письмо от 20 февраля (ГМТ), с известием о намерении вскоре вернуться в Москву.

930

Бирюков, Горбунов–Посадов и Попов.

931

«Христианство и патриотизм».

932

Письма от 3, 4, 5 и 7 марта с сообщением об улучшении состояния здоровья Л. Л. Толстого (ГМТ).

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.

933

В письме от 7 марта Л. Л. Толстой писал: «Прочел интересную немецкую брошюру запрещенную: «Благовестив о царстве разума», рационалистическое толкование и изложение Евангелия» (ГМТ).

934

С управляющим Ясной Поляной И. А. Бергером.

935

То есть поступать, как поступал Франциск Ассизский – итальянский монах, основатель ордена францисканцев.

936

Речь идет о сестрах С. Н. Толстой – Александре и Наталии.

937

канун вечера (фр.).

938

Иванов.

939

несогласных (от фр. dissentiment – расхождение во взглядах).

940

В. С. Шрам был управляющим имениями матери Черткова в Воронежской губернии.

941

Брат Бирюкова, С. И. Бирюков, был в то время предводителем дворянства в Нижегородской губернии.

942

Речь идет о товарище М. Л. Толстого по гимназии Д. Д. Дьякове.

943

И. И. Янжул, пришедший 19 февраля читать лекцию в Московский университет, был освистан студентами, принявшими решение отмечать в этот день годовщину отмены крепостного права.

944

визит соболезнования (фр.).

945

Книга профессора философии и теории искусств Уильяма Найта «Философия прекрасного» (т. 1–2. Лондон, 1893–1895).

946

Толстой читал книги французского социолога и философа Жана-Мари Гюйо «Искусство с точки зрения социологии» (1889) и «Проблемы современной эстетики» (1884). Эти книги нужны были ему в связи с началом работы над трактатом «Что такое искусство?» (см. т. 15 наст. изд.).

947

Неясно, что этим словом обозначали в семье Толстых.

948

Феликс Шредер – французский журналист, автор работы «Le Tolstoïsm» («Толстовство»), и писатель–прозаик Эдуард Род, с которыми молодые Толстые встречались за границей.

949

Толстой у А. А. Берса слушал Моцарта и квартет Чайковского.

950

«Дай руку мне, красотка» – дуэт из оперы Моцарта «Дон-Жуан».

951

Толстой имеет в виду рецензию (Р вед., 1894, № 61, 3 марта) на повесть Л. Л. Толстого «Совершеннолетие» (СВ, 1894, № 2).

952

См. след. письмо и примеч. 2 к нему.

953

Письмо Ге от 8 марта неизвестно. Частично цитируется в книге В. В. Стасова «Николай Николаевич Ге...», с. 382–383. В своем письме Ге сообщал Толстому, что его картина «Распятие» по распоряжению правительства снята с выставки.

954

Картина была снята, потому что, по одной версии, Александр III, а по другой – президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович сказал, посмотрев ее: «Это бойня».

955

Перед отъездом на выставку в Петербург Ге поместил картину «Распятие» в одной частной мастерской в Москве, где ее посмотрели многие любители живописи. Толстой, получив от Ге приглашение, посетил ее 12 февраля.

956

разговор с глазу на глаз (фр.).

957

овечка божия (фр.).

958

Это письмо вызвано увлечением Т. Л. Толстой одним из последователей Толстого, педагогом и переводчиком Е. И. Поповым, к которому Толстой относился с симпатией, но роман дочери с ним не вызывал в нем сочувствия (см. Дн., запись 23 марта).

959

на протяжении долгого времени (фр.).

960

Попов был женат на Е. А. Зотовой, с которой он разошелся в 1887 г.

961

См. след. письмо и примеч. 2 к нему.

962

См. пред. письмо и примеч. 3 к нему.

963

Толстой, познакомившись с дневником Попова, написал ему 4–5? апреля: «...прочтя их, я больше понял вас, а поняв, вернее судил о вас» (т. 67, с. 96). Этот дневник подтвердил опасения Толстого, что со стороны Попова не было серьезных чувств и намерений.

964

это некрасиво (англ.).

965

Толстой имеет в виду опрощение Попова.

966

Т. А. Ергольская.

967

Письмо С. А. Толстой к Черткову от 7 мая неизвестно, но судя по ответному письму Черткова, она упрекала его в том, что он обременяет Толстого утомительными поручениями, связанными с предстоящим приездом Чертковых на лето в д. Деменку вблизи Ясной Поляны (см. т. 87, с. 278).

968

К. И. Тёрнер прислал письмо от 9 мая (ГМТ), в котором ставил Толстого в известность о своем отказе перевести его статью «Христианство и патриотизм» на английский язык. Рукопись была им возвращена.

969

Толстой, вероятно, имеет в виду свое письмо от 10 июля 1893 г. (см. письмо 215).

970

Толстой отвечает на письмо Лескова от 8 апреля 1894 г., в котором тот писал: «...я хочу оставаться выметальщиком сора... То небольшое дарование, которое дано мне для его возделывания, не может произвести великих произведений... Если я не стану делать того, в чем привык обращаться, то я иного лучше не сделаю... Я очень дорожу вашим советом: не откажите сказать мне: хорошо или нет я рассуждаю и поступаю?» (Переписка, т. 2, с. 300–301).

971

Письмо от 12 мая (ГМТ), в котором Дунаев высказывал свое возмущение «фарисеями и первосвященниками», принявшими участие в освящении и торжественном молебне по случаю открытия конторы государственного банка в Москве.

972

Выписка не сохранилась.

973

Толстой имеет в виду широко распространенные различные солдатские и офицерские памятки, составленные в ура-патриотическом и монархическом духе.

974

То есть до отъезда Дунаева на открытие ярмарки в Нижнем Новгороде 15 июля.

975

В своем письме от 9 июня, написанном уже после смерти Ге, Стасов высоко оценивал творчество Ге последних лет его жизни, находил, что он был на пути и великим творческим достижениям. «Распятие», – по мнению Стасова, – решительно высшее и значительнейшее «Распятие» из всех, какие только до сих пор появлялись в нашей старой Европе. Такого впечатления ужаса, смерти, такой трагедии в самом воздухе, везде вокруг, никто из живописцев... отроду еще не видал...» (ПСТ, с. 125).

976

Стасов писал: «Почти постоянно вы опираетесь на мысли о Христе, о божестве. На что это? На что нам и тот и другой, когда так легко и разумно – вовсе обойтись без них... Я желаю и чувствую себя способным быть самостоятельным и идти к добру и правде без «высших» фантастических, выдуманных существ» (там же, с. 126).

977

как бы притягиваются (лат.). Толстой цитирует закон земного притяжения Ньютона.

978

Стасов, задумавший написать монографию о Ге, просил предоставить ему письма художника к Толстому и его дочерям. Эти материалы были использованы им в книге «Николай Николаевич Ге...». Первоначально опубл. СВ, 1895, № 1–3.

979

Т. Л. Толстой много позднее был написан мемуарный очерк «Николай Николаевич Ге». «Переписывала на машинке статью Тани для Н. Н. Ге», – записала С. А. Толстая 18 апреля 1913 г. (ДСТ, т. 2, с. 390). Очерк опубл.: Т. Л. Сухотина-Толстая. Друзья и гости Ясной Поляны. М., 1923.

980

Картина Ге «Что есть истина?» была приобретена П. М. Третьяковым для галереи по совету Толстого.

981

Речь идет о принадлежащих к религиозной секте молокан (см. примеч. 1 к письму 329) крестьянах Е. М. Ещенко (не из Самары, а из Воронежа) и М. П. Тарабарине.

982

Письмо от 29 июня. Третьяков писал о том, что последняя картина Ге «Что есть истина?» не имеет у посетителей галереи успеха. О картине «Распятие» он заметил, что в ней «много интересного (ужасно талантливо), но это... не художественное произведение» (ЛН, т. 37–38, с. 262).

983

Письмо от 12 июля, в котором Третьяков писал: «...в «Что есть истина?» Христа совсем не вижу. Более всех для меня понятен «Христос в пустыне» Крамского» (там же, с. 263).

984

См. письмо 149.

985

Имеются в виду картины: Н. Н. Ге «В Гефсиманском саду» и И. Н. Крамского «Христос в пустыне».

986

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Статья М. М. Антокольского «Правда и ложь в искусстве (письмо из Парижа)» (СВ, 1894, № 7), в которой критиковались модернистские течения в современной живописи. Толстой имеет в виду слова Антокольского: «...некоторые из композиций Тиссо сильно напоминают мне Иванова».

987

Генкель в письме от 10 августа н. ст. (ГМТ) информировал Толстого о борьбе за право публикаций переводов сочинений Толстого между различными иностранными издателями. См. письмо 226 и след.

988

Генкель прислал оттиск статьи Толстого «Предисловие к сочинениям Г. де Мопассана» из журнала «Zukunft» (1894, № 97).

989

«Христианство и патриотизм» в переводе Генкеля вышло в Берлине в 1894 г.

990

Это заявление Толстого было переведено Генкелем и разослано в редакции 25 немецких газет. Кроме того, сам Толстой отправил его во Францию и Англию. Заявление было опубликовано рядом газет этих стран.

991

Лесков в письме от 1 августа (Переписка, т. 2. № 502) писал, что дошедший до него «слух» о том, что Толстой работает над «сочинением «Христианское учение» («Катехизис») «исполнил» его «чрезмерной радостью» (с. 304). Статья была закончена в ноябре 1896 г. Вышла – Лондон, 1898.

992

Картины Ге «Суд Синедриона, или Повинен смерти» и «Распятие» летом 1894 г. были привезены в Ясную Поляну, а затем в Москву в галерею П. М. Третьякова.

993

Лесков и Толстой не написали воспоминаний о Ге.

994

В письме от 18 августа (ГМТ), написанном после возвращения из Ясной Поляны, Страхов писал: «Много раз мне казалось, что я играю роль какого-то молчаливого свидетеля, а не участника той жизни, которая ключом бьет в вас и около вас».

995

В письме от 23 августа (ГМТ) М. Л. Толстая писала о своей готовности на жертвы ради больного брата.

996

Т. Л. Толстая ездила в полученную ею при разделе деревню Овсянниково для заключения с крестьянами договора на аренду пахотной и покосной земли. Толстой был недоволен тем, что она согласилась взимать с крестьян плату. После совместного обсуждения этого вопроса они 5 сентября заехали в Овсянниково, где был заключен новый договор, по которому, по системе Генри Джорджа, деньги поступали не помещику, а на общественные нужды крестьян. (См. «О том, как мы с отцом решали земельный вопрос» в кн.: Воспоминания).

997

Анненковой. Письмо неизвестно.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
998
«Катехизис». По окончании статья получила название «Христианское учение». См. письмо 240 и примеч. 1 к нему.

999

По Генри Джорджу. См. письмо 242 и примеч. 2 к нему.

1000

Стасов в письме от 26 августа (ПСт, № 65) сетовал на переданное ему Н. Н. Ге-сыном условие – немедленно вернуть назад переписку Толстых с Ге.

1001

Стасов назвал книгу «Христианство и патриотизм» «великой» и весьма восторженно о ней отзывался (там же, с. 142).

1002

Была получена книга М. Манасеиной «L'anarchie passive et le comte Leon Tolstoi» («Пассивный анархизм и граф Лев Толстой») (Париж, 1894), в которой взгляды Толстого подверглись критике.

1003

Толстой предложил П. М. Третьякову устроить при его картинной галерее музей Ге. Третьяков согласился выставить картины Ге в галерее наряду с произведениями других художников. Он предполагал спустя пять лет выстроить специальное помещение для картин Ге. Смерть его помешала осуществлению этого плана.

1004

Рассказ «Колонтаевцы». Письмо неизвестно.

1005

Речь идет о рассказе Тищенко «Уа-уа». Толстой отослал его в «Северный вестник» и беседовал о нем с Л. Я. Гуревич, вероятно, 18 августа, в ее приезд в Ясную Поляну.

1006

Дневник Толстого за 1884 год (см. т. 21 наст. изд.) вместе с другими рукописями хранился у Черткова. С Дневника по указанию Черткова переписчиками были изготовлены копии. Летом 1894 г., тяжело заболев, Чертков копии Дневника и других материалов отдал на хранение М. Л. Толстой, которая и должна была ему их вернуть назад.

1007

21 октября Толстым была сделана следующая запись в Дневнике: «Дня три тому назад перечитывал свои дневники 84 года, и противно было на себя за свою недоброту и жестокость отзывов о Соне и Сереже».

1008

В ответном письме от 24 октября Чертков просил прощения за совершенную им оплошность, из-за которой он, «упустив... из виду, что по его содержанию его не следовало решительно никому показывать» (т. 87, с. 296–297), позволил постороннему человеку снять с Дневника копию.

1009

Речь идет о работе над «Катехизисом» («Христианское учение»).

1010

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Рассказ «Колонтаевцы» См. письмо 245. Впоследствии Тищенко назвал его «По воле бога»; в печати не появлялся.

1011

Толстой 2 сентября 1894 г. писал к Э. Кросби (т. 67, № 211), что в присланном ему издателем Д. Тревором журнале «Labour prophet» («Пророк труда») он «нашел много интересных статей».

1012

Эта книга по предложению Толстого была переведена С. Д. Николаевым на русский язык и вышла в свет под названием «Запутавшийся философ. Разбор мнений Герберта Спенсера по земельному вопросу в связи с его синтетической философией» (СПб., 1902).

1013

Николай II, вззошедший после смерти Александра III в октябре 1894 г. на престол.

1014

Н. О. Глинка вместе с делегацией студентов Московского университета 11 декабря посетили Толстого и сообщили ему о репрессиях (50 студентов были исключены из университета и высланы из Москвы) за их протест против лекции В. О. Ключевского, восхвалявшего личность и деятельность Александра III.

1015

Участие Кони в этом деле неизвестно. Толстой одновременно дал Глинке также письмо к Страхову (текст его неизвестен). Страхов в письме от 17 декабря (ГМТ) информировал Толстого, что он ознакомил с этим делом великого князя Константина Константиновича, министра просвещения И. Д. Делянова. Делянов, пытаясь снять с себя ответственность за репрессии, заявил ему, по словам Страхова, что аресты и высылка студентов производятся полицией, о чем он, министр, якобы до сих пор официально еще не извещен.

1016

У А. В. и А. М. Олсуфьевых Толстой пробыл с 1 по 18 января. См. след. письмо.

1017

Рассказ «Хозяин и работник». См. письмо 253 и примеч. 1 к нему.

1018

Страхов, прочтя рукопись, отозвался восторженным письмом от 25 января: «Боже мой, как хорошо, бесценный Лев Николаевич! В первый раз я читал торопясь, отрываясь на несколько часов, и все-таки у меня осталась в памяти всякая черта... Целая драма, простейшая, яснейшая и потрясающая» (сб. Гос. толстовского музея. М., 1937, с. 187)

1019

Известны письма от 17 и конца декабря 1894 г. (ГМТ).

1020

Толстой с семьей Олсуфьевых был связан близкими дружескими отношениями и не раз, тяготясь условиями суетной московской жизни, уезжал в их имение Никольское-Обольяново, где отдыхал и работал. В январе 1895 г. там был завершен начатый в сентябре рассказ «Хозяин и работник».

1021

Николай II в речи 17 января, произнесенной перед представителями от земства и дворянства, предостерег их от «бессмысленных мечтаний об участии в делах

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. внутреннего управления» и заявил, что будет «охранять начала самодержавия». Толстой, возмущенный этой «дерзкой» речью, задумал обличающую статью, названную «Бессмысленные мечтания». Статья осталась незаконченной (т. 17 наст. изд.).

1022

Страхов прислал свою книгу «Философские очерки» (СПб., 1895). «Очень прошу вас прочесть предисловие. Да, пожалуй, еще «Главную черту мышления», – просил он Толстого в письме от 25 января (ГМТ). См. след. письмо и примеч. 2 к нему.

1023

Корректуры рассказа «Хозяин и работник». См. письма 250 и 253.

1024

Письмо неизвестно.

1025

Страхов ответил 29 января: «Опять я с жадностью принялся читать и не оторвался, пока не кончил. Изобразительность ваша несравненна... «Ослабела ли ваша способность?» – Не ослабела, а в каждой строчке показывает полное мастерство. Странная мысль вам пришла в голову! Верность и чистота каждой черты изумительная» (Летопись, т. 2, с. 105)

1026

А. А. Зиновьев, брат тульского губернатора Н. Л. Зиновьева, чья жестокая карательная акция против крестьян изобличена в XII главе трактата «Царство божие внутри вас».

1027

По просьбе Толстого Страхов взял на себя труд чтения отработанных им корректур «Хозяина и работника».

1028

См. пред. письмо и примеч. 1 к нему. В «Предисловии» к сборнику Страхов кратко характеризует наиболее значительные, с его точки зрения, собственные работы, анализирует природу «философского мышления» на примерах творчества Толстого, Фейербаха, Шопенгауэра.

1029

Статья «Клод Бернар и методы опытов», посвящена переведенной Страховым книге К. Бернара «Введение по изучению опытной медицины» (СПб., 1861).

1030

Статья «Фейербах».

1031

Статья «Значение гегелевской философии в настоящее время» (1860).

1032

Тяжелое душевное состояние С. А. Толстой было вызвано рядом обстоятельств – длительной болезнью сына Льва, заболеванием Ванечки и обидой на то, что Толстой не разрешил ей включить рассказ «Хозяин и работник» в XIV том выпускаемого ею Собр. соч.

1033

Кроме журнала «Северный вестник» (№ 3) рассказ одновременно вышел в «Посреднике» и XIV томе Собр. соч. Л. Н. Толстого.

1034

Письмо от 12 февраля (ГМТ).

1035

Ванечка Толстой скончался 23 февраля от скарлатины. В письме от 2 марта Страхов выразил свое сочувствие постигшему Толстых горю.

1036

Смерть Н. Н. Толстого 20 сентября 1860 г. от туберкулеза. См. т. 18 наст. изд., письма 131–133.

1037

М. Л. Толстая уехала в имение И. Л. Толстого – Гриневку, чтобы помочь выхаживать его больных детей.

1038

Смерть младшего сына Вани.

1039

М. Л. Толстая писала А. Н. Дунаеву: «Мама страшна своим горем... Папа один может помогать ей... Но сам он ужасно страдает и плачет все время» (ГМТ).

1040

Л. Л. Толстой с февраля находился в санатории для нервных больных доктора М. П. Ограновича вблизи Звенигорода.

1041

Толстой получил от английского пастора, писателя, переводчика и издателя его сочинений Д. Кенворти письмо от 12/24 марта и перевод статьи «Соединение и перевод четырех Евангелий» и брошюру «Slavery: ancient and modern» («Рабство древнее и новое») (Лондон, 1895).

1042

Мысль о создании интернационального издательства возникла у Толстого в связи с обращением к нему многих незнакомых лиц с вопросом «на что полезнее отдать деньги?». Проект организации издательства «Возрождение» не был осуществлен.

1043

Приписка к письму С. А. Толстой от 29 марта (ПТ с. 374–375). Оба письма С. А. и Л. Н. Толстых – ответ на послание А. А. Толстой от 20 марта с выражением сочувствия постигшему горю – смерти младшего сына Ванечки (ГМТ).

1044

В. А. Амфитеатров, настоятель Архангельского собора в Кремле. Т. Л. Толстая–Сухотина вспоминала: «Отчаяние матери было так глубоко, что она едва не лишилась рассудка. Вначале она пережила период религиозной экзальтации и много времени проводила в молитве дома и в церкви... Отец ходил за ней в церковь, ожидал ее у входа и приводил домой. Ему, давно уже отошедшему от церкви, такое душевное состояние жены было чуждо» (Воспоминания, с. 403).

1045

Авторы этого письма (от 22 апреля) – сельские учителя – высказали в нем свое возмущение телесным наказанием «людей крестьянского сословия», свидетелем которого стал Шимановский, и просили Толстого выступить в печати с протестом (ГМТ). В декабре Толстой написал статью «Стыдно» (см. т. 17 наст. изд.).

1046

Страхов приехал в Ясную Поляну 5 июля и пробыл там до 8 августа.

1047

М. К. Рачинская. 10 июля 1895 г. она стала женой С. Л. Толстого.

1048

злопамятство (фр.).

1049

Письмо неизвестно.

1050

Письмо от 6 июня (ГМТ).

1051

Письмо от 15 июля, адресованное Т. Л. и М. Л. Толстым (ГМТ).

1052

Статья Бондарева. Не была напечатана, текст ее неизвестен.

1053

Сочинение Бондарева «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» вышло в французском переводе (Париж, 1890).

1054

Сарракан прислал сборник своих рассказов «L'adoration» («Поклонение») с сопроводительным письмом от 6 августа н. ст. (ГМТ), в котором писал: «Один из них, «Чудо сестры Симплиции», казалось мне, соприкасается с кругом ваших постоянных интересов – с миром общественной нравственности» (см. т. 68, с. 148).

1055

М. О. Меньшиков посвятил рассказу «Хозяин и работник» статью «Сбились с дороги» («Книжки Недели», 1895, № 5), в которой возвеличил образ Никиты за присущую его природе незлобивость, безропотность, «нереволюционность». Толстой ответил ему двумя полемическими письмами (т. 68, № 145, 156), где доказывал, что уровень сознания личности с ее «непосредственной, неразумной добротой» ниже тех, кто «сознательно стремится к следованию указаниям разума» (т. 68, с. 162). Никифоров возражал Меньшикову в статье «Где же дорога?» («Книжки Недели», 1896, № 3).

1056

Имеется в виду роман Хамфри Уорд «The story of Bessie Costrell» («История Бесси Кострелл») (Лондон, 1895). На русский язык не переводился.

1057

Стасова в письме от 18 августа сообщала, что задумала основать «Женское общество» с более широкой программой, чем открытое 25 мая «Женское взаимно-благотворительное общество», устав которого она приложила, и хотела бы знать мнение Толстого о нем и о ее планах (ГМТ).

1058

Духоборы – одна из религиозных сект, не признававшая церковных обрядов,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. проповедовавшая неповиновение правительству, отказ от военной службы. В ночь с 28 на 29 июня духоборы, проживавшие на Кавказе, организовали массовый сбор имевшегося у них оружия для его уничтожения. Однако местными властями это было сочтено за подготовку к вооруженному восстанию, и вызванные казаки учинили над ними жестокую расправу.

1059

Статья П. И. Бирюкова «Гонения на христиан в России в 1895 году», содержащая большой фактический материал о положении духоборов и действиях полицейских властей в отношении их, была просмотрена и отредактирована Толстым. В английском переводе Кенворти и Рапопорта вместе с письмом Толстого и его послесловием опублик. «Times», 1895, № 34 715, 23 октября н. ст.

1060

День 33-й годовщины со дня свадьбы Л. Н. и С. А. Толстых.

1061

Толстой здесь называет имена крестьян Афанасия Агеева, Данилы Козлова, Игнатия Макарова, которые в 60-е годы были учениками организованной им школы.

1062

Н. Л. Оболенский.

1063

Речь идет о С. Л. Толстом и его жене М. К. Толстой. В ноябре 1896 г. они развелись.

1064

Трегубов, подготовивший экземпляр рукописи статьи Бирюкова (см. письмо 205 и примеч. 2 к нему).

1065

А. И. Аполлов – священник, под влиянием сочинений Толстого в 1892 г. отказавшийся от сана, за что был выслан. По возвращении сотрудничал в «Посреднике», в 1893 г. умер от туберкулеза. И. И. Горбунов-Посадов биографии Аполлова не написал.

1066

Толстой имеет в виду заметку «Смысл войны. Из нравственной философии Влад. С. Соловьева» (СВ, 1895, № 9), направленную против Соловьева, выступившего со статьей «Смысл войны. Из нравственной философии» («Ежемесячные литературные приложения к «Ниве», 1895, № 7). Волынский осудил Соловьева за его оправдание войн, в которых он находил «историческую пользу» и апологию государства.

1067

М. Л. Толстая в письме от 24 сентября (ГМТ) описала встречу со Страховым, который проездом из Крыма, где лечился после операции, в Петербург навестил ее.

1068

В этом письме Е. И. Попов просил Страхова высказаться о его книге «Жизнь и смерть Евдокима Никитыча Дрожжина. 1866–1894» (Берлин, 1895).

1069

Толстой работал над романом «Воскресение».

1070

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Толстой регулярно читал журнал «Вопросы философии и психологии». Здесь он отзывается о IV книге журнала.

1071

Фамилия американца не установлена. Толстой 6 октября записал в Дневник: «Был американец, разбогатевший рабочий – финляндец родом, социалист, коммунист. Очень невзрачный, но много рассказал интересного».

1072

Карцев – владелец фруктового магазина в Москве на Смоленском бульваре. Здесь: в смысле жизни вне городской суеты.

1073

Письма неизвестны.

1074

М. Л. Толстая писала Черткову 19 октября об отце: «Он очень мучается дурным поведением Андрюши, не спит ночей, все думает о нем и подрастающем Мише и прямо, видимо страдает» (см. т. 87, с. 341).

1075

Толстой читал «Царство божие...» в итальянском переводе Софии Бер (Рим, 1893).

1076

Кто захочет, тот найдет путь (англ.).

1077

М. Л. Толстому было тогда 16 лет.

1078

Темные – термин С. А. Толстой; так называла она единомышленников Толстого, не принадлежащих к их общественному кругу.

1079

Письмо не было отправлено адресату, так как Толстой нашел, что оно «слишком рассуждающее». Взамен было послано другое от 27–30 октября (т. 68, № 211).

1080

Письмо от 8 октября (ГМТ).

1081

Премьера оперы «Орестея» состоялась 17 октября.

1082

Смерть семилетнего Ванечки.

1083

См. письма 271 и 272.

1084

Толстой с мая весьма интенсивно работал над романом «Воскресение».

1085

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Выдумка (фр.).

1086

См. письмо 265 и примеч. 2 к нему.

1087

Письмо к С. А. Толстой от 16 октября (т. 84, № 638)

1088

Письмо от 19 октября (ГМТ). Гуревич, имея в виду «Воскресение», писала: «Сделайте так, чтобы мы могли напечатать вашу вещь хоть одновременно с другими» (см. т. 68, с. 251).

1089

«Воскресение» не издавалось «Посредником»

1090

Толстой в октябре, читая «Царство божие...» по-итальянски, нашел в нем «ужасно много длиннот» (т. 87, № 405). В. И. Иксуль эту работу не выполнила.

1091

Письмо неизвестно.

1092

С. А. Толстая в письме от 12 октября (ПСТ, № 319) просила «выкинуть из дневников... все злобное» о ней. Выполняя ее просьбу, Толстой перечел свои дневники за 1888–1895 годы. См. Дн., записи 13 октября и 5 ноября. Как установлено, он вымарал 45 мест. См. статью в т. 22 наст. изд.

1093

С. А. Толстая в письме от 31 октября (ПСТ, № 325) известила Толстого, что пять актеров Малого театра ждут его разрешения приехать к нему в Ясную Поляну, чтобы услышать «Власть тьмы» в его чтении. Эту пьесу театр готовил к постановке. Посланная Толстым телеграмма по ошибке телеграфиста не была им доставлена. «Папа это невозможно и тяжело, – писала 3 ноября Т. Л. Толстая матери. – Он говорит, что он и забыл «Власть тьмы», и с трудом в своей памяти восстановил действующие лица и связь их между собой» (Летопись, т. 2, с. 194). В Ясную Поляну приезжали режиссер С. А. Черневский и художник-декоратор К. Ф. Вальц.

1094

См. письмо 274 и примеч. 2 к нему.

1095

Речь идет о «Северном вестнике» (№ 11). Толстой неодобрительно отозвался о романе Ф. Сологуба «Тяжелые сны» (гл. XI–XIII), о рассказе Кота-Мурлыки (псевд. писателя Н. П. Вагнера) «Сон художника Папильона» и одобрил рассказ С. Т. Семенова «В день итогов».

1096

Толстым была получена рукопись рассказа «Суд». В печати не появлялся.

1097

Письмо такого содержания неизвестно.

1098

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Письмо от 19 октября (ГМТ) с вопросами, касающимися воспитания детей.

11099

Рассказ С. А. Стахович «Сиротка» в «Северном вестнике» не публиковался. Издан – «Посредник», 1899, с рисунком И. Е. Репина.

11100

А. Волинский прислал Толстому свою книгу «Русские критики» (СПб., 1895). Кому Толстой давал ее читать, не установлено.

11101

Страхов прислал Толстому новое дополненное издание книги «Борьба с Западом в нашей литературе» (СПб., 1896)

11102

Письмо от 25 декабря (ГМТ).

11103

В письме от 25 декабря Страхов писал: «Скажите мне, – спрашивал меня до сих пор бурлящий и брызжащий Стасов, – правда ли, что наш Лев стал теперь добродушным и ласковым старичком? Не хочу верить, это было бы так грустно!» (см. т. 69, с. 28–29).

11104

Это письмо не было передано Страхову. 24 января он скончался.

11105

Пьесы Шекспира Толстой смотрел в январе 1896 г. в театре «Эрмитаж» с участием гастролеровавшего в Москве итальянского актера Эрнесто Росси.

11106

Письмо от 15 октября 1894 г. (ГМТ), в котором Лебединский описывал историю своего ареста, суда и заточение в Курске. К письму была приложена вырезка из «Биржевых ведомостей» со статьей об его деле.

11107

Письмо от 28 декабря 1895 г. (ГМТ), явившееся откликом на статью Толстого «Стыдно». «Я глубоко убежден, – писал Лебединский, – что ваша статья произведет огромный переворот в умах людей...»

11108

«Стыдно». Статья Толстого – опубл. Б. вед., 1895, № 355, 28 декабря с цензурными купюрами (см. т. 17 наст. изд.).

11109

Письмо от 13 февраля из Швеции (ГМТ), адресованное С. А. Толстой, с сообщением о предстоящей женитьбе на шведке Доре Вестерлунд.

11110

предпочтения (от фр. *prédilection*).

11111

Браки совершаются на небесах (фр.).

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

1112
братьях и сестрах (нем.).

1113
Письмо Холевинской к Т. Л. Толстой неизвестно.

1114
Холевинская, земский врач в Крапивенском уезде Тульской губернии, была в начале марта арестована за распространение запрещенных сочинений Толстого.

1115
См. письмо 289.

1116
Толстой отвечает на письмо от 3 марта (ГМТ) известного музыканта, организатора оркестра народной музыки и песни Андреева. Он описывал свою работу по организации оркестра балалаечников из солдат, высказывал надежду на то, что солдаты по возвращении в деревни станут пропагандистами русской народной музыки. В письме Андреев спрашивал мнения Толстого о своей деятельности.

1117
Семенов прислал Толстому свою пьесу «Раздор», а в письме от 6 марта (Переписка, т. 2, № 537) высказал желание «получить... отзыв строгий и беспристрастный» (с. 353). Вышла – «Посредник», 1897.

1118
Семенов в своем письме хотел узнать время отъезда Л. Ф. Анненковой из Петербурга.

1119
См. письмо 282.

1120
Письмо от 8 апреля н. ст. (ГМТ) из Швеции о невесте.

1121
сохранять свободу действий (фр.).

1122
Работая над статьей «Христианское учение», Толстой продолжал писать «Воскресение», начал драму «И свет во тьме светит», завершал публицистическое сочинение «Богу или маммоне?».

1123
Письмо Стасова неизвестно; неизвестно также, о какой записке Стефановича идет речь.

1124
верно или нет (фр.).

1125
«Христианское учение».

1126

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Холевинская была освобождена из-под ареста в начале апреля и выслана в Астрахань. См. письмо 283 и примеч. 2 к нему.

1127

Стасов был в Москве у Толстого 27 и 28 марта.

1128

Толстой цитирует выражение Цицерона: «Где нерожденные пребывают» (лат.).

1129

В письме от 1 апреля Стасов охарактеризовал посланную им фотографию Герцена как «чудесный портрет, где он сидит и слушает и думает» (ПСТ., с. 170). Очевидно, что Толстым была получена фотография Герцена, сделанная С. Левицким в 1861 г. Сохранилось письмо Стасова к Д. В. Стасову от 15 апреля с рассказом о посещении Левицкого, от которого он получил «5 снимков с оригинала 1863 года», высланные им Толстому (ИРЛИ). Следовательно, Толстому были высланы две фотографии Герцена, одна 1861 г., а другая 1863 г. Их-то, видимо, и сравнивает Толстой. Местонахождение этих фотографий неизвестно.

1130

Письмо В. С. Толстой неизвестно.

1131

День коронации Николая II был назначен на 14 мая.

1132

«Вчера были на «Зигфриде», – записала Татьяна Львовна 19 апреля. – Папа не досидел до второго акта и с бранью, которая продолжалась и нынче вечером с Сергеем Ивановичем (Танеевым. – С. Р.), убежал из театра» (Дневник, с. 371–372). Впечатления от этого спектакля отразились в трактате «Что такое искусство?» (см. т. 15 наст. изд.).

1133

В Ясную Поляну семья Толстого переехала 29 апреля.

1134

И. П. Новиков, рабочий фабрики Тепловых в Туле.

1135

«Христианское учение».

1136

Горемыкин, в то время министр внутренних дел, не ответил на письмо Толстого. Т. Л. Сухотина передает разговор с баронессой В. Иксуль, рассказавшей, что Горемыкин сообщил ей о получении письма от Толстого, а на ее вопрос «какого содержания?» сказал: «Вызов правительству» (Дневник, с. 376). Письмо с аналогичным содержанием Толстым было направлено министру юстиции Н. В. Муравьеву.

1137

См. письмо 287 и примеч. 7 к нему.

1138

Речь идет о книге А. Парана-Дюшатле «De la prostitution dans la ville de Paris, considérée sous les rapports de la hygiène publique, de la morale et de l'administration» («О проституции в Париже с точки зрения общественной гигиены,

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. морали и администрации») (Париж, 1831).

1139

И. П. Ронет, большой друг Стасова, привез Толстому письмо и посылку от него.

1140

ваши друзья – мои друзья (фр.). Перефраз французской поговорки «Друзья наших друзей – наши друзья».

1141

Письмо от 7 мая (Пст., № 78). Стасов, исполняя просьбу Толстого, выслал ему 6 французских книг о проституции, содержащие «факты и даты также и об России» (там же, с. 166). Они были использованы в работе над «Воскресением».

1142

«Христианское учение».

1143

Баранов, корреспондент газеты «Казанский телеграф», прислал Толстому письмо и материалы Мултанского дела, в надежде на поддержку Толстого в предстоящем 28 мая судебном разбирательстве. Мултанское дело – дело по обвинению группы крестьян-удмуртов («вотяков») из села Старый Мултан в убийстве нищего Матюшина якобы с целью жертвоприношения языческим богам. В результате различных подтасовок в 1894 и 1895 гг. был вынесен обвинительный приговор, вызвавший протест демократических сил России, возмущенных клеветой на целую национальность и страданиями невинно осужденных людей. Благодаря этому протесту и деятельному участию В. Г. Короленко на третьем судебном разбирательстве 28 мая 1896 г. подсудимые были оправданы.

1144

«Христианское учение».

1145

«Шпионом» оказался тульский жандармский унтер-офицер П. Т. Кириллов. Вскоре Кириллов в дисциплинарном порядке был уволен со службы, о чем известил Толстого.

1146

«Свет Азии» – стихотворное сочинение о жизни и учении Будды английского писателя Э. Арнольда. Вышло в переводе А. Анненковой (СПб., 1890).

1147

Толстой отвечает на коллективное письмо от 2 мая 1896 г. (ГМТ) группы активных сотрудников Петербургского комитета грамотности. и деятелей в области народного просвещения А. М. Калмыковой, В. В. Девеля и известного библиографа и писателя Н. А. Рубакина, в котором они просили его высказать свое отношение к реакционной политике правительства, запретившего деятельность Комитетов грамотности.

1148

Комитеты грамотности занимались разработкой теоретических проблем педагогики, а также организацией издания дешевых книг для народа, устройством народных библиотек.

1149

И. Д. Делянов – министр народного просвещения с 1882 по 1897 г., автор циркуляров, ограничивавших прием в учебные заведения детей трудящихся, реакционного «университетского устава», запретившего систему студенческого самоуправления в университетах.

1150

И. Н. Дурново – министр внутренних дел с 1889 по 1895 г., по требованию которого была запрещена деятельность Комитетов грамотности.

1151

См. письмо 251 и примеч. 2 к нему.

1152

Толстой имеет в виду писательницу М. К. Цебрикову, автора «Открытого письма Александру III» (1880 г.), за которое она была сослана в Вологодскую губернию.

1153

В Иверской часовне у Воскресенских ворот в Москве находилась икона, считавшаяся «чудотворной».

1154

Речь идет о статье «Бессмысленные мечтания».

1155

Посетителями Толстого были редактор журнала «Кокумин-Но-Томо» («Друг народа») Токутоми Иитиро и сотрудник журнала Фукаи Эйго, приехавшие с рекомендательным письмом от Д. Кониси.

1156

«Христианское учение» не переводилось Кониси.

1157

Толстой передал для Кониси статьи «Как читать Евангелие и в чем его сущность?» и «Приближение конца», которую тот перевел (опубл. «Друг народа»).

1158

Н. Л. Оболенский.

1159

Н. Н. Страхов в одном из писем к Л. И. Веселитской, информируя ее о жизни членов семьи Толстого со слов Черткова, писал: «Обе дочери здоровы. У них бывают молодые гости, которых Лев Николаевич называет сиднями или седоками за то, что долго сидят» (В. Микулич. Тени прошлого. СПб., 1914, с. 117). «Седун», вероятно, имеет такой же смысл.

1160

Письмо начальнику Иркутского дисциплинарного батальона Г. Ф. Козьмину с просьбой «не накладывать новых и новых наказаний» на крестьян Петра Ольховика и Кирилла Середу за отказ от исполнения военной службы (т. 69, № 149).

1161

«Христианское учение».

1162

Статья Э. Карпентера «Современная наука». В ней и точные и общественные науки подвергались критике за их отвлеченность, рассудочность, игнорирование «в явлениях элементов человечности и индивидуальности».

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo. 1163

В нескольких письмах Д. Занини из Барселоны предлагал Толстому прислать собранные ему в дар деньги, которые затем по просьбе писателя должны были быть определены для помощи духоборам. Однако деньги не были присланы.

1164

Письмо от 11 ноября (ГМТ).

1165

В письме к Т. Л. Толстой Софья Андреевна писала: «Статью Соловьева прочла, и очень она мне нравится – сверх ожидания» (ГМТ). Речь идет о статье В. Соловьева «Нравственная организация человечества» («Вопросы философии и психологии», 1896, т. 34 и 35), в которой он доказывал, что основой «истинного брака» является «плотское влечение», «деторождение», доказывал необходимость церкви как «высшего духовного авторитета» и государства, осуществляющего «всю полноту власти».

1166

Кузминский в письме от 29 октября (ГМТ) сообщил Толстому о желании министра финансов С. Ю. Витте приехать в Ясную Поляну для того, чтобы переговорить с ним о введенной в 1895 г. винной монополии и о его проекте организации правительственных обществ трезвости.

1167

Возмущение Толстого вызвала статья М. И. Драгомирова (НВ, 1896, № 7434, 6 ноября, полностью опубл. в журн. «Разведчик»), где доказывалась неизбежность войн, якобы вытекающих из «основного закона природы», которой «равно безразлично» как «разрушение», так «и созидание».

1168

Любимов прислал Толстому свою книгу «История физики. Опыт изучения логики открытий в их истории» (СПб., 1892–1896).

1169

Письмо от 26 ноября (ГМТ) полемического характера. Споря с Толстым, Любимов писал, что «бесконечное расширение знания, со всеми преобразующими его последствиями, есть истинная задача земного бытия... При таком значении науки она... должна обретаться в большем авантаже, чем в каком обретается в ваших философских соображениях». Любимов придерживался распространенного тогда мнения о Толстом как о «враге науки и искусства». Оспаривая это мнение, писатель в незаконченной статье «О науке и искусстве» утверждал: «Науки и искусства составляют одну из самых важных человеческих деятельностей» (т. 30, с. 241).

1170

Толстой поручил Веселитской, гостившей в конце 1896 г. в Ясной Поляне, обратиться к редактору журнала «Вестник Европы» М. М. Стасюлевичу с просьбой опубликовать повесть Ф. Ф. Тищенко «Хлеб насущный». См. письмо 317 и примеч. 1 к нему.

1171

В своих воспоминаниях Веселитская рассказывает, что однажды Толстой сказал ей: «Хотите, я дам вам тему? Вы ее почувствуете, и у вас выйдет хорошо. Вот что расскажите: Жили муж и жена. Между ними была так называемая любовь. Жили так себе, что называется: ссорились, но мирились, измены не было... Измены не было ни с той, ни с другой стороны. Было много детей. Жизнь быстро прошла. Состарились. Дети выросли. И вот жена едет проведать своих взрослых детей, объезжает их всех и видит, что один – жену обидел, другому вечно денег не хватает, третий женился на иностранке и привез ее сюда, где все ей чуждо и непонятно... И вот, объехав всех своих детей, она видит, что все они живут не так, как следует, и при этом и сами не удовлетворены. Но она не в силах поправить это, видит, что жизнь прожита бесплодно, и идет в монастырь. Напишите. Я бы и сам написал, да боюсь, не успею»

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. (В. Микулич. Встречи с писателями. Л., 1929, с. 106). Веселитская этим сюжетом не воспользовалась. Толстой еще в 1890 г. начал писать на эту тему повесть и возвращался к ней и в 1897 г. Сохранившийся ее неоконченный текст под названием «Мать» см. в томе 12 наст. изд.

1172

Речь идет о передаче царю «Краткой записки о необходимых средствах облегчения участи духоборов». См. письмо 307 и примеч. 5 к нему.

1173

Толстой в августе 1896 г. начал писать повесть «Хаджи-Мурат», и для работы над ней ему понадобились исторические труды о Кавказе. Это письмо – приписка к списку книг, составленному Стасовым, который Толстой, сделав на нем пометы, вернул Стасову. Упомянуты «Воспоминания» В. А. Полторацкого (ИВ, 1893, 1895) и «Кавказские воспоминания» (РА, 1884 и 1885) А. Л. Зиссермана. Мемуары эти были использованы в работе над «Хаджи-Муратом», а Полторацкий, служивший с Толстым на Кавказе, стал одним из его персонажей.

1174

Обер – гувернантка дочери Александры.

1175

См. Дн., запись 12 января 1897 г.

1176

Чертков и Бирюков занимались рассылкой высокопоставленным лицам составленного ими при участии И. М. Трегубова воззвания «Помогите!» об оказании помощи и облегчении участи преследуемых духоборов. Послано оно было также и Николаю II. См. письмо 307 и примеч. 5 к нему.

1177

Толстой работал над трактатом «Что такое искусство?»

1178

Письмо Т. Л. Толстой неизвестно.

1179

Речь идет о поездке С. А. Толстой в Петербург на репетицию концерта с участием С. И. Танеева.

1180

Танеев. О своем сложном отношении к композитору Танееву С. А. Толстая писала в своих мемуарах «Моя жизнь». «После смерти маленького сына Ванечки я была в том крайнем отчаянии, в котором бываешь только раз в жизни, обыкновенно подобное горе убивает людей... Но я осталась жива и обязана этим случаю и странному средству – музыке. Отравившись музыкой и выучившись ее слушать, я уже не могла без нее жить... Но сильней, лучше всех на меня действовала музыка Танеева, который первый научил меня своим прекрасным исполнением слушать и любить музыку... Личность Танеева во всем моем настроении была почти ни при чем» (ГМТ). Отношение С. А. Толстой к Танееву, ее повышенный интерес к нему как музыканту, экзальтированное восприятие его музыки, потребность в его обществе вызвали у Толстого тяжелые переживания.

1181

С. А. Толстая заехала в Никольское-Обольяново по пути в Петербург, куда выехала вместе с Толстым 6 февраля.

- брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.
1182
День рождения С. Н. Толстого не 5, а 17 февраля.
- 1183
Много еще этих счастливых дней (англ.).
- 1184
то, что упущено, наверняка потеряно (фр.).
- 1185
«Что такое искусство?»
- 1186
Чертков, Бирюков и Трегубов после произведенного у них 2 февраля обыска были по распоряжению министра внутренних дел высланы из Петербурга «за пропаганду и незаконное вмешательство в дело сектантов» (Летопись, т. 2, с. 228). Толстой 7 февраля приехал в Петербург для прощания с ними.
- 1187
Письмо из Бауска от 15 февраля (ГМТ).
- 1188
Толстой получил письмо от Е. Шмита от 25 февраля н. ст. (ГМТ), в котором он сообщал, что за его статью «Die Durchführung der Anarchie» («Осуществимость анархии»), помещенную в выпускаемом им журнале «Ohne Staat» («Без государства»), против него возбуждено судебное дело (см. т. 70, № 53). «Шмита судили и оправдан», – информировал Толстой Черткова 26 мая (т. 88, с. 29).
- 1189
Толстого волновала судьба Трегубова, не выехавшего на место ссылки и вынужденного скрываться от полиции.
- 1190
Письмо от 2 марта н. ст. из Англии (ГМТ).
- 1191
См. письмо 308 и примеч. 3 к нему.
- 1192
Луиза Брюммер-Клауэнштейн по поручению норвежского писателя Бьернстьерне Бьернсона в письме от 16 февраля (ГМТ) спрашивала Толстого, получил ли он посланную ему драму «Король» («Der König». Париж – Лейпциг – Мюнхен, 1897).
- 1193
С. Л. Толстой.
- 1194
В Петропавловской крепости в Трубецком бастионе 8 февраля подожгла себя, облившись керосином, политическая заключенная, слушательница Высших женских курсов М. Ф. Ветрова. 12 февраля она скончалась.
- 1195
4 марта на Казанской площади в Петербурге состоялась демонстрация студенческой молодежи в связи со смертью Ветровой.

1196

Ветрова бывала в Ясной Поляне летом 1894 г.

1197

Кони в письме от 14 марта (Собр. соч., т. 8, с. 140–141) подробно рассказал о Ветровой, ее личности и обстоятельствах ее саможжения. Отвечая на второй вопрос, он писал: «Полная правдивость в общественной и частной жизни мне всегда представлялась лучшим средством против всяких физических и нравственных недугов, но ложь так въелась в наши нравы, что едва ли многие захотят следовать этому рецепту» (там же, с. 141).

1198

Толстой отвечает на письмо от 12 марта (Переписка, т. 2, № 540), в котором Семенов выразил свое разочарование тем, что деятельность высланных друзей не привела ни к каким общественным «переменам» (см. письмо 307 и примеч. 5 к нему).

1199

О каком рассказе идет речь, не установлено.

1200

Толстой 2 мая выехал из Москвы в Ясную Поляну.

1201

С. А. Толстая была занята чтением корректур томов выпускаемого ею нового Собр. соч. Л. Н. Толстого.

1202

Письмо от 16 мая (ГМТ).

1203

Масловой, большого друга С. И. Танеева.

1204

С. А. Толстая крайне ревниво относилась к Л. Я. Гуревич и к сотрудничеству Толстого в «Северном вестнике».

1205

Непосланное письмо от 18 мая (т. 84, № 682).

1206

Записка неизвестна.

1207

20 мая Толстой уехал к брату в Пирогово, не послав настоящего письма.

1208

Письмо не было передано Толстым жене, а спрятано под обивку одного из кресел, стоявших в его кабинете. Во время своей опасной болезни в 1901–1902 гг. он попросил Марию Львовну вынуть письмо и сделать на конверте надпись: «Вскрыть через пятьдесят лет после моей смерти, если кому-нибудь интересен эпизод моей биографии». В мае 1907 г. Толстой изъясил это письмо, сделал на нем собственноручную надпись: «Если не будет особого от меня об этом письме решения, то передать его после моей смерти Софье Андреевне» (т. 84, с. 290) – и отдал его Н. Л. Оболенскому, который эту просьбу исполнил.

1209

Дорогой сэра, ваша повесть (англ.).

1210

Толстой в ноябре 1894 г. перевел буддийскую сказку «Карма», напечатанную в религиозно-философском журнале «Open Court» («Открытая трибуна»), редактором-издателем которого был П. Карус. Под заглавием «Карма. Буддийская сказка. Перевод с предисловием гр. Л. Н. Толстого» опубликована СВ, 1894, № 12. Имя Каруса не было упомянуто. Карус, узнав, что «Карма» с указанием на авторство Толстого издана в Германии и Франции, в письме от 12 июля н. ст. 1897 г. просил Толстого «восстановить автора рассказа в правах, которых он лишился благодаря случайному стечению обстоятельств» (Ясн. сб., с. 69).

1211

Судя по ответу Каруса от 11 сентября, перебеленный текст письма был им получен (см. там же, с. 69).

1212

Тищенко в письме от 3 августа (ГМТ) описал постигшую его неудачу с публикацией рассказа «Хлеб насущный», который под разными предложениями не был принят редакциями «Вестника Европы», «Русского богатства» и др. Рассказ «Хлеб насущный» опубликован РО, 1897, № 10, с настоящим письмом как предисловием к нему.

1213

Стасов в письме от 12 августа (ПСт., № 96) извещал Толстого, что выслал ему «5 томов декадентского художественного журнала «Pan», издаваемого в Берлине под редакцией многих знаменитостей» (там же, с. 191).

1214

Толстой читал две заключительные главы: «Последние картины и последние годы жизни» и «Последние недели жизни. Смерть», большую часть которых занимали письма Толстого и его дочерей, из книги Стасова «Николай Николаевич Ге...» («Книжки Недели», 1897, № 8).

1215

Стасов на протяжении многих лет работал над своей «главной работой» – книгой «Разгром» («Carnage général»), посвященной проблемам современного искусства. Не была закончена. Фрагменты из нее опубликованы в кн.: В. Д. Комаров. Владимир Стасов. Л., 1927.

1216

Стасов ответил 26 августа пространственным письмом, содержащим его размышления и суждения о народном искусстве и творчестве (ПСт., № 99).

1217

См. примеч. 4 к письму 318.

1218

Стасов 29 октября просил Толстого вернуть «иллюстрированный журнал «Pan» (ПСт., с. 207).

1219

Ответ на неизвестное письмо Т. Л. Толстой из Ялты. Вначале Толстой весьма трагически воспринимал возможность брака своей дочери с М. С. Сухотиным, который был на 15 лет старше Татьяны Львовны, вдов, имел 6 детей, но впоследствии между ним и Сухотиным сложились дружеские отношения.

1220
идти на эту каторгу (фр.).

1221
будто (англ.).

1222
старая (фр.).

1223
Толстой имеет в виду свое письмо к М. Л. Оболенской, написанное в тот же день (т. 70, № 214).

1224
Покроеское – имение Е. В. Оболенской, матери Н. Л. Оболенского.

1225
То есть матери, братьям, и сестрам Н. Л. Оболенского.

1226
местопребыванием (фр.).

1227
Семенов прислал Толстому письмо б/д вместе с рукописью своей пьесы «Новые птицы – новые песни» и просил направить ее в редакцию «Нивы» и сообщить свое мнение о ней (Переписка, т. 2, № 542). Не была напечатана.

1228
Имеется в виду рассказ «Пересол» («Новое слово», 1896, № 10).

1229
Письмо от 5/17 ноября с рассказом о личной жизни, отношениях с женой, стремлении к опрощению (ГМТ).

1230
Иванов, переписчик сочинений Толстого.

1231
Письмо неизвестно. «Написал письмо Хилкову... но едва ли пошлю», – записано в Дн. 11 ноября. Толстой его написал после получения письма Ц. С. Винер, в котором она поведала о разрыве Хилкова с ней и его «новом увлечении» (см. т. 88, с. 62). Хилков исповедовал принцип свободных отношений в личной жизни, без юридического оформления и взаимных обязательств.

1232
Волынский послал Толстому корректуру вместе с письмом от 17 октября, где писал: «Не возьмете ли на себя труд... прочесть... статью и сделать к ней какое-нибудь предисловие» (Летописи, с. 169). Речь идет о статье Э. Карпентера «Современная наука», переведенной С. Л. Толстым. Опубл. с предисловием Толстого – СВ, 1898, № 3.

1233
В журнальном тексте: «о привычках звезд».

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.

1234

В журнале было указано: «Перевод с английского под редакцией Л. Н. Толстого». Имя переводчика не было названо.

1235

См. след. письмо и примеч. 1 к нему.

1236

Имеется в виду «Литературные заметки А. Волинского» (СВ, 1897, № 11) с критикой сб. статей В. Соловьева «Оправдание добра» (М., 1897) за оправдание церкви, государства, полиции, войск.

1237

Отказ от публикации «Предисловия» был вызван противодействием С. А. Толстой и ее крайне тяжелым раздраженным состоянием. См. след. письмо. «Вчера я разрешила Л. Н. послать Гуревич в «Северный вестник» его предисловие к переводу Сережи Карпентера «О значении науки...». Л. Н. очень обрадовался моему согласию», – пометила С. А. Толстая у себя в дневнике 13 февраля 1898 г. (ДСТ, т. 1, с. 354). См. пред. письмо и примеч. 1 к нему.

1238

Письмо неизвестно, написано в Словакии по возвращении из Ясной Поляны, где Маковицкий провел 28 и 29 ноября.

1239

То есть на публикацию статьи «Что такое искусство?» в двух номерах журнала. См. Дн., запись от 6 декабря.

1240

Толстой был недоволен требованиями Н. Я. Грота опубликовать работу «Что такое искусство?» раздельно в нескольких номерах, так как по условиям английского издания Э. Моода должно было выходить одновременно с русским и раньше других зарубежных изданий. См. т. 15 наст. изд.

1241

Телеграмма неизвестна. Письмо Э. Мооду см. т. 70, № 252.

1242

См. письмо 253 и примеч. 7 к нему.

1243

См. письмо 325 и примеч. 1 к нему.

1244

Т. л. Толстая с 18 по 29 января находилась в Петербурге, где занималась делами издательства «Посредник» и «пропагандированием» составленного ею альбома французских картин. См. Дневник, с. 400–401.

1245

В присланном Л. Л. Толстым журнале (ВЕ, 1898, № 1) был напечатан рассказ П. Д. Боборыкина «Тяга».

1246

Толстой перечитывал сочинения Гейне в связи с работой над трактатом «Что такое искусство?». См. т. 15 наст. изд.

1247

Речь идет о письме З. С. Соколовой, сестры К. С. Станиславского, которая вместе со своим мужем, врачом К. К. Соколовым, жила в селе Никольском Воронежской губернии. Она отправила актрисе Московского Малого театра Е. П. Полянской письмо с описанием тяжелых условий жизни местных крестьян, та передала его Толстому, переславшему этот документ в «Русские ведомости». Опубл. вместе с его письмом Р. вед., 1898, № 39, 8 февраля. Письмо Соколовой упоминается в статье «Голод или не голод?» (т. 17 наст. изд.).

1248

В апреле 1897 г. у нескольких крестьян, принадлежавших к секте духовных христиан молокан (возникла в середине XVIII в., отрицала церковь, обряды), полицейскими были отняты дети и помещены в монастыри для воспитания в православной вере. Толстой принял большое участие в судьбе этих крестьян, обратившихся к нему за помощью. Он дважды писал к Николаю II (10 мая и 19 сентября 1897 г. – т. 70, № 81 и № 166), другим государственным деятелям, выступал в печати. 25 января трое молокан по дороге в Петербург посетили Толстого.

1249

См. т. 71, № 23.

1250

Т. Л. Толстая в дневнике подробно описала свое посещение Победоносцева и там же привела его письмо к ней (см. Дневник, с. 404–407).

1251

23 февраля самарские молокане известили Толстого, что все отнятые дети им возвращены.

1252

См. письма 324, 325 и примеч. 1 к ним.

1253

Имеется в виду первая неделя Великого поста.

1254

Бирюков ждал разрешенья на выезд за границу. 18 февраля он выехал из г. Бауска в Англию.

1255

Толстой опасался осложнить отношения с С. А. Толстой своим отъездом в Пирогово, где жили Оболенские.

1256

Письмо б/д (ГМТ), в котором С. Н. Толстой сообщал о болезни своей дочери Веры.

1257

С. Н. Толстой просил разрешить пироговскому крестьянину Левонову приехать в Ясную Поляну, чтобы посоветоваться о его судебном деле.

1258

Сфабрикованное реакцией дело по обвинению французского офицера генерального штаба, еврея по национальности, Альфреда Дрейфуса в государственной измене. Дело, начавшееся в 1894 г. и закончившееся лишь в 1906 г. оправданием Дрейфуса, в течение длительного времени было предметом дискуссий в печати и борьбы

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. прогрессивных сил с французскими клерикалами, шовинистами и антисемитами.

1259

Толстой ошибочно написал «Боголюбов», скорее всего он имел в виду назначенного 12 февраля 1898 г. министром народного просвещения Н. П. Боголепова, известного своей крайней реакционностью.

1260

В. Д. Ляпунов – поэт–крестьянин.

1261

Ответ на письмо Стахович от 8 марта (ГМТ), написанное по просьбе Репина. В бытность в Москве в январе 1898 г. Репин просил Толстого подсказать ему сюжет для картины. 4 февраля Т. Л. Толстая записала: «Вчера папа говорил, что ему пришел в голову один сюжет... Это момент, когда ведут декабристов на виселицы. Молодой Бестужев–Рюмин увлекся Муравьевым–Апостолом, скорее личностью его, чем идеями, и все время шел с ним заодно и только перед казнью ослабел, заплакал, и Муравьев обнял его – и они пошли так вдвоем к виселице» (дневник, с. 401–402). Этот сюжет был изложен Репину С. А. Стахович, которая, выполняя его просьбу, спрашивала Толстого об источниках, где можно узнать подробности о казни декабристов и об них самих.

1262

«Записки» С. П. Трубецкого. В библиотеке Толстого имеется их первое издание в составе сб. «Записки декабристов» (вып. 2–3. Лондон, 1863), осуществленное Вольной русской типографией. В воспоминаниях Трубецкого дано краткое описание казни декабристов.

1263

См. письмо 328 в т. 18 наст. изд.

1264

Духоборы находились в оппозиции к правительству, отказывались выполнять его постановления и законоположения (нести военную службу, соблюдать церковные обряды, признавать частную земельную собственность и др.). В 90-е годы усилилось преследование духоборов царским правительством. Передовые круги русского общества, российская социал-демократическая партия выступали с протестом против действий правительства, за поддержку исповедующих «преследуемую религию» (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 2, с. 453). Толстой принял активное участие в оказании помощи изгнанным со своего постоянного местожительства духоборам; он пожертвовал в фонд помощи гонимым за свой роман «Воскресение», занимался организацией их переселения в Канаду. Объективно вся эта деятельность Толстого выражала его резко отрицательное отношение к самодержавию и всей его жестокой политике.

1265

Менониты – секта, возникшая в XVI в., отвергавшая присягу, военную службу. В России, согласно статье 157 воинского устава 1874 г., они были освобождены от военной службы, которая была заменена им службой в мастерских морского ведомства и в особых подвижных командах лесного ведомства.

1266

Нажрены – религиозная секта, не признававшая воинскую службу. Была распространена в Австрии.

1267

То есть облагают штрафом.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.
1268

Письмо в «С.-Петербургские ведомости» от 17 марта с призывом оказать помощь духоборам. Письмо не было напечатано, сохранился лишь его черновой экземпляр (т. 71, № 71).

1269

Е. Е. Горбунова-Посадова в июне 1897 г. была арестована за пропаганду среди рабочих, а в конце августа приговорена к ссылке в Астрахань. Толстой обращался с письмом вторично к Кони с просьбой помочь «заменить Астрахань другим городом, менее отдаленным» (т. 71, с. 339). хлопоты увенчались успехом, и Астрахань была заменена Калугой.

1270

В письме от 21 марта Репин писал: «Сейчас прочитал окончание «Что такое искусство?» и нахожусь всецело под сильным впечатлением этого могучего труда вашего» (ТР, ч. 1, с. 16).

1271

Н. И. Лорер. Записки декабриста. – РА, 1874, кн. 2. Репину они нужны были для осуществления предложенного Толстым сюжета. См. письмо 331 и примеч. 1 к нему. Картина написана не была.

1272

Письмо от 10 декабря 1897 г. (Н. Е. Федосеев. Статьи и письма. М., 1958, с. 258). Н. Е. Федосеев, охарактеризованный В. И. Лениным как «необыкновенно талантливый и необыкновенно преданный своему делу революционер» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 325), по пути в ссылку в Восточную Сибирь встретил партию духоборов, в Александровской тюрьме установил с ними связь и узнал о тех преследованиях и истязаниях, которым они подвергались. Обо всем этом он написал Толстому. Толстой копию с этого письма послал в Англию Черткову; опублик. под заголовком «Письмо политического ссыльного» («Листки Свободного слова», 1898, № 1).

1273

См. т. 71, № 92.

1274

Е. И. Егоров был на 18 лет сослан в Якутскую область за отказ от военной службы. Деньги для него собрал А. В. Жиркевич.

1275

«Жизнь» – название журнала, который Чертков и Бирюков предполагали издавать в Лондоне. По предложению Толстого было дано название «Свободное слово». Два первых сборника 1898 и 1899 г. вышли под редакцией Бирюкова. С 1900 г. выходил под редакцией Черткова.

1276

опровержение (фр.).

1277

Как чудо был истолкован тот факт, что при взрыве Знаменского монастыря в Курске 8 марта икона «Знамение божьей матери» не пострадала.

1278

Созданная в апреле 1894 г. комиссия по пересмотру законодательства 1864 г.

1279

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. В 1896 г. начальником Главного управления по делам печати был назначен М. П. Соловьев, который проводил политику жестоких цензурных гонений, ввел для ряда журналов, в том числе и для «Северного вестника», в котором сотрудничал Толстой, предварительную цензуру.

1280

Имеется в виду проявленное правительственными кругами равнодушие к решению проблемы помощи голодающим крестьянам.

1281

«Carthago delenda est» («Карфаген должен быть разрушен»). Оpubл. – сб. «Свободное слово», 1898, № 1.

1282

Письмо А. К. Чертковой от 19 апреля н. ст. и А. Шкарвана от 21 апреля н. ст. (ГМТ).

1283

Э. Э. Ухтомский – редактор газеты «С.-Петербургские ведомости», не напечатал обращения Толстого к обществу об оказании помощи духоборам (см. т. 71, № 71 и 72).

1284

Толстой имеет в виду слова Черткова в письме от 17 апреля н. ст.: «Для организации переселения духоборов не следует вступать в какие-либо деловые отношения с правительственными органами» (ГМТ).

1285

Толстой с 24 апреля находился в Гриневке, где занимался устройством столовых для голодающих крестьян, выдачей им продовольствия и т. д.

1286

См. т. 84, № 709.

1287

как не бывшее (фр.).

1288

Толстой получал денежные добровольные пожертвования от разного рода лиц, сочувствовавших развернутой им деятельности в деревнях, пострадавших от неурожая.

1289

С. А. Толстая 16 мая приехала из Москвы в Ясную Поляну.

1290

Письмо от 5 мая 1898 г., в котором Полонский писал: «...недовольство слишком резкими страницами вашей книги «Царство божие внутри вас» не мешает любить вас по-прежнему» (Переписка, т. 1, с. 324).

1291

Письмо от 14 апреля полемического содержания, в котором Полонский признался, что считает «своим священным долгом» бороться с идеями Толстого, несмотря на любовь к нему (там же, № 195).

- брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo.
1292
И. С. Тургенева.
- 1293
Толстой ошибается: его последнее свидание с Полонским произошло в Москве в 1884 г.
- 1294
С финским писателем А. Эрнефельтом Толстой переписывался, читал присланную ему главу «Почему я не вступил в должность судьи» из его книги «Мое пробуждение». Он знал, что Эрнефельт разделял его идеи и следовал им в своей практической жизни.
- 1295
Предполагаемый «уход» из Ясной Поляны и переселение в Финляндию.
- 1296
Эрнефельт ответил 2 августа и высказал готовность «служить Толстому» («Мое пробуждение». М., 1921, с. XX).
- 1297
Письмо неизвестно; Бирюков, знакомый с его содержанием, сообщил следующее: С. А. Толстая 12 июля навестила Марию Львовну и просила оправдать ее перед Толстым, что было ею сделано в посланном отцу письме (см. т. 71, с. 413).
- 1298
М. Л. Оболенская приехала в Ясную Поляну 5 августа.
- 1299
Толстой вспоминает эпизод из жизни своей дочери 1891 г., когда она оказывала медицинскую помощь крестьянину, больному гангреной.
- 1300
Толстой отвечает на письмо от 24 сентября, в котором А. Л. Толстой писал о своей любви к О. К. Дитерихс, о желании жениться на ней и изменить свой образ жизни (ГМТ).
- 1301
«Новая Элоиза».
- 1302
Тетке С. А. Толстой – В. А. Шидловской.
- 1303
Письмо от 18–19 октября н. ст., в котором Чертков просил срочно выслать ему деньги из фонда духоборов для их переселения в Канаду (ГМТ).
- 1304
действия (фр.).
- 1305
Деньги, оставшиеся из тех, что были собраны для помощи голодающим крестьянам.
- 1306
Толстой решил передать издателю журнала «Нива» А. Ф. Марксу свой роман

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. «Воскресение», с тем, чтобы весь гонорар поступил в фонд помощи духоборам.

1307

Письма Моода из Канады от 14, 17 сентября и 5 октября, в которых он информировал Толстого о планах канадского правительства в отношении переселения и устройства духоборов. Сообщал также, что правительство Канады отказало им в денежной ссуде.

1308

Джон Бульль – нарицательное имя среднего англичанина.

1309

руки (англ.) – то есть рабочая сила.

1310

Речь идет о романе «Воскресение». Чертков попросил Толстого прислать ему краткое изложение романа для переговоров с иностранными издателями, намеревавшимися его напечатать; они хотели «вперед знать, принесет ли им доход или убыток то, за что они платят большие деньги» (см. т. 33, с. 412).

1311

хорошего настроения (фр.).

1312

Письма от 29 октября и 4 ноября (ГМТ) и корректуру глав I–XXXIX «Воскресения».

1313

Толстому 21 декабря 1898 г. был прислан оттиск романа с отметками исключенных и измененных мест из-за «нецензурности», сделанных редактором «Нивы» Р. И. Сементковским.

1314

«Воскресение» начало публиковаться в «Ниве» с 13 марта 1899 г.

1315

Письмо от 14 ноября с просьбой прислать в ноябре окончание романа «Воскресение» и возвратить корректуру глав XXX–XL романа (ГМТ).

1316

Художник Л. О. Пастернак, готовивший иллюстрации к роману.

1317

«Воскресение» одновременно печаталось за границей.

1318

Речь идет о неоконченной повести «Мать» (см. т. 12 наст. изд.). Маркс просил дать ее для «Нивы».

1319

Маркс 19 ноября телеграфировал о своем согласии.

1320

Ответ на письмо С. А. Толстой от 17 ноября, где она писала: «...в Петербурге ходят очень упорные слухи о том, что недавно в наших яснополянских окрестностях несли икону, и ты будто бы подъехал или подошел и сказал: «что вы несете?» Мужики

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. ответили: «царицу небесную», а ты будто сказал: «Если есть царица небесная, то на небе, а это доска». И будто мужики возмутились и что-то неприятное сказали или сделали» (ПСТ, с. 716).

1321

См. письмо 289.

1322

Письма неизвестны.

1323

Е. А. Олсуфьева умерла 27 февраля 1898 г.

1324

См. след. письмо.

1325

Речь идет о книге Теруморо и Макато «Japanese Notion of European Political Economy» (Глазго, 1898).

1326

Толстой получил первый номер журнала, издаваемого Чертковым в Лондоне.

1327

Речь идет об «Обращении к читателям» Черткова, содержащим просьбу «присылки... сообщений обо всем том, что... заслуживает внимания и огласки», «денежной поддержки» «крупными пожертвованиями».

1328

Положительное впечатление на Толстого произвели письма братьев Веригиных, сосланных в Якутскую губернию, к членам семьи; отрывок из письма А. Шкарвана от 31 октября 1897 г. о судьбе и деятельности голландца Вандервеера, отказавшегося от военной службы; заметка П. А. Кропоткина по поводу убийства императрицы австрийской (ответ Георгу Брандесу).

1329

А. Л. Толстой и его невеста О. К. Дитерихс.

1330

Письмо от 19 декабря н. ст. После отъезда Черткова в Англию Толстой и Чертков решили нумеровать свои письма, чтобы точно знать, вся ли их корреспонденция доходит до адресатов.

1331

Письмо Моода от 10 декабря н. ст. (ГМТ). Моод принял деятельное участие в организации переезда духоборов в Канаду.

1332

Письма неизвестны.

1333

Письма от 27 декабря н. ст. 1898 г. и от 5 февраля н. ст. 1899 г. из Англии (ГМТ).

- брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.
1334
Группа шведской интеллигенции обратилась к Толстому с предложением возбудить на предстоящей в мае в Гааге мирной конференции вопрос о положении отказывающихся по убеждениям от военной службы. Толстой ответил письмом, которое (т. 72, № 3) в первоначальной редакции появилось в ряде зарубежных газет. Впоследствии Толстой письмо переработал, придал ему характер статьи (т. 90) и отправил Черткову. Опубл. «Листки Свободного слова», 1899, № 6.
- 1335
Доктор А. И. Бакунин сопровождал первый пароход отъезжающих в Канаду духоборов.
- 1336
Письмо С. Л. Толстого к С. А. Толстой от 7 февраля н. ст. из Галифакса (ГМТ), с сообщением о том, что он попал в карантин из-за эпидемии оспы среди духоборов.
- 1337
В. С. Толстая вступила в гражданский брак с крестьянином В. Н. Васильевым, служащим в имении ее отца, и покинула дом.
- 1338
Толстой с 14 по 18 мая провел в Пирогове у С. Н. Толстого.
- 1339
Толстой вместе с этим письмом отправил Черткову исправленные главы XL–XLIII «Воскресения».
- 1340
Чертков в письме от 9 мая н. ст. (ГМТ) просил у Толстого права первого издания какой-либо его новой повести, с тем, чтобы полученной прибылью покрыть убытки от выпускаемых им других его сочинений.
- 1341
А. Ф. Маркс обязав был высылать Черткову корректуры романа с таким расчетом, чтобы заграничные издатели, с которыми Чертков заключил контракт, могли опубликовать текст «Воскресения» одновременно с «Нивой».
- 1342
Н. Н. Ге (сын), помогавший Толстому в переписке рукописи и чтении корректур «Воскресения».
- 1343
Издатель Джон Уокер, которому Чертков передал право первой публикации «Воскресения» на английском языке в Америке, самовольно отступил от оригинала, сократил ряд глав и сцен, считая их непристойными. После заявления Толстого публикация романа в этом журнале прекратилась и контракт был разорван.
- 1344
Материалы о духоборах, сосланных в Якутию.
- 1345
Письмо неизвестно.
- 1346
Т. Л. Толстая приехала в Вену для лечения. Григорович, живший тогда на своей даче в Вейдингау-Хадесдорф, вблизи Вены, принял большое участие в устройстве ее в клинику. «Если будет тебе минутка, – писала она отцу 10 июня н. ст., – напиши

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. два слова Григоровичу, – он очень с нами мил и скоро умрет, бедный» (ГМТ).

1347

Толстой заканчивал работу над «Воскресением».

1348

«Свободная мысль» («Pensée libre») – ежемесячный журнал, издававшийся Бирюковым в Женеве с 1899 по 1901 г. Толстой читал первый номер журнала.

1349

Статья Бирюкова «Мысль и свобода», в которой утверждалось, что «свобода мысли есть закон жизни».

1350

В объяснительной заметке, сопровождающей публикацию письма шведов к Толстому и его ответного послания к ним под названием «Конференция в Гааге» (см. письмо 349 и примеч. 2 к нему), эта первая конференция в защиту мира, созванная по инициативе Николая II, названа «лицемерной», прикрывающей «дикое цивилизованное грабительство более слабых народов».

1351

Дело Дрейфуса – см. письмо 330 и примеч. 3 к нему.

1352

То есть путешествие Вильгельма II в Англию и предполагаемый его визит в Париж.

1353

Милан – король сербский, чья внешняя и внутренняя политика отличались агрессивностью и лицемерием.

1354

В этой очень краткой заметке лишь констатируется факт роста стачечного движения в России и сила сопротивления работодателей.

1355

В этой заметке сочувственно освещались борьба финнов против изданного царским правительством 3/15 февраля манифеста, посягающего на национальную независимость Финляндии.

1356

Два письма – одно о положении духоборов на Кипре и другое из Канады, о первых днях их пребывания там.

1357

В заметке «Голод в России» утверждалось, что спасение народа «в освобождении себя от губящего его церковного и государственного удушья и гипноза».

1358

В сообщении речь шла о студенческих волнениях, происшедших в феврале 1899 г. в Петербургском и Московском университетах. Толстой отнесся к ним сочувственно (см. «Толстой о студенческой стачке 1899 г.» – ЛН, т. 69, кн. 2, с. 317).

1359

Толстой имеет в виду два циркуляра министерства народного просвещения о расширении прав инспекции в отношении учащихся высших учебных заведений и об

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo. установлении «общения между студентами и профессорами на почве учебных потребностей», изданные с целью предотвращения новых студенческих волнений.

1360

28 июля 1899 г. был принят новый текст «верноподданнической присяги», в котором не называлось имя наследника.

1361

«Высочайшая ложь» – резко обличительная заметка о царском манифесте, изданном по случаю рождения третьей дочери царя. Это событие в манифесте лицемерно выдавалось за проявление «божьей благодати», хотя всем было известно, что царская семья ждала сына-наследника.

1362

«О смертной казни (Обращение к английскому обществу)». Протест против смертной казни, совершающейся в Англии «с утонченной цивилизованною жестокостью».

1363

Эта заметка содержит описание секты «христианской братской церкви» в Швейцарии и США.

1364

В письме Е. Шмита, перепечатанном из журнала «Ohne Staat», отмечалось, что в Венгрии весьма сильно стремление к выходу из церкви и к жизни общинами.

1365

углекислотой (фр.).

1366

Верус, «Сравнительный обзор четырех Евангелий».

1367

Заключение... Приложение: Будда и Иисус (нем.).

1368

А. Г. Морозова, служившая в доме Чертковых, привезла письмо Черткова от 12 августа н. ст. (ГМТ).

1369

Чертков писал, что отсутствие средств не позволяет издательству «Свободное слово» осуществить намеченную программу издания брошюр, информирующих о положении в России и обличающих политику царского правительства. По его расчетам ему требовалось ежегодно 10000–15000 рублей.

1370

Л. Я. Гуревич прекратила издание «Северного вестника» в сентябре 1898 г. из-за падения числа подписчиков.

1371

Чертков выпустил сб. материалов «Студенческое движение 1899 г.» и «финляндский разгром» (1900).

1372

Речь идет о деньгах, высланных Толстым через Мак-Крири, агента канадского правительства по делам расселения духоборов, организатору общины духоборов в

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo. Канаде П. В. Планидину. (См. письмо 332 и примеч. 6 к нему.)

1373

Ввиду аннулирования прав журнала «The Cosmopolitan Magazine» на печатание «Воскресения» его редактор и издатель Уокер требовал возвращения внесенного им аванса за право первого издания романа в Америке.

1374

Толстой отвечает на письмо Райнера Мария Рильке от 8 сентября н. ст. 1899 г., написанное по возвращении в Германию после путешествия по России, где он вместе с супругами Андреас в апреле 1899 г. посетил Толстого. Рильке писал: «Вы интересовались тогда бабидами... Поэтому мы посылаем вам тогда только упомянутую брошюру о них; госпожа Лу Андреас-Саломе приложила свою последнюю книгу, а я – маленькую книжку, вылившуюся из моих смутных чувств, привязывающих меня к моей славянской родине, к Праге. Итак, мы еще раз входим к вам, глубокоуважаемый граф, втроем и в то же время поодиночке...» (ЛН, т. 37–38, с. 708). Толстому были присланы книги: сб. новелл Л. Андреас-Саломе «Menschenkinder» («Человеческие дети») (Штутгарт, 1899), исследование профессора-востоковеда Ф. Андреаса «Babi's in Persien, ihre Geschichte und Lehre» («Бабидамы в Персии, их история и учение») (Лейпциг, 1896) и сб. Рильке «Zwei Prager Geschichten» («Две пражские истории») (Штутгарт, 1899).

1375

Толстой послал Марксу первые четыре главы третьей части романа «Воскресение».

1376

Толстой 22 октября отправил в редакцию исправленные корректуры этих четырех глав и рукопись V–XIX глав третьей части «Воскресения».

1377

По разделу имущества в 1892 г. А. Л. Толстой получил часть самарского имения.

1378

Толстой имел в виду сотрудничество в издаваемых Чертковым «Листках Свободного слова».

1379

9 ноября Толстые из Ясной Поляны переехали в Москву.

1380

Имеются в виду неудачно сложившиеся личные судьбы дочерей С. Н. Толстого, Варвары (см. письмо 350 и примеч. 1 к нему) и Веры. Ее история рассказана Толстым в отрывке «Что я видел во сне» (см. т. 14 наст. изд.).

1381

С. Н. Толстой не разделял взглядов своего брата, чей литературный дар безмерно ценил и любил. В сентябре 1899 г. они обменялись несколькими полемическими письмами (см. т. 72). «Последним письмом» Толстой, видимо, называет письмо от 27 сентября (см. т. 72, № 180).

1382

См. письмо 147 и примеч. 4 к нему.

1383

Работа над 3-й частью «Воскресения» была завершена 12 декабря, когда Марксу были отправлены корректуры последних глав.

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882–1899. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.

1384

См. письмо 320. Речь идет о предстоящем браке Т. Л. Толстой и М. С. Сухотина.
См. след. письмо.

1385

Письма эти Толстой писал после свадьбы Татьяны Львовны, состоявшейся 14 ноября, и ее отъезда с мужем, М. С. Сухотиным, за границу.

1386

род карточной игры.

1387

Портрет М. К. Толстой, первой жены С. Л. Толстого

1388

Толстой отвечает на письмо внука декабриста С. Г. Волконского от 8 декабря н. ст. из Парижа, к которому были приложены вырезки из его статей из газеты «La vérité», склеенные в виде брошюр (ГМТ), о начавшейся в октябре 1899 г. англо-бурской войне. Англия напала на южно-африканские республики буров – Трансвааль и Оранжевое свободное государство. Волконский хотел, чтобы к подготавливаемому им сборнику было предпослано письмо Толстого.

1389

В сб. статей Волконского «Pour les boeurs. Contre l'impérialisme» («Ради буров. Против империализма») (Женева, 1900) письмо Толстого дано как предисловие.

1390

Толстой сначала поручил сыну Андрею ответить Гнедичу, приславшему ему отдельное издание романа «Туманы» и письмо от 9 ноября (ГМТ), где высказал желание узнать его мнение об этом произведении. Настоящее письмо написано на обороте листа с текстом Андрея (см. т. 72, с. 262).

1391

Роман «Туманы» – «Книжки Недели», 1899, № 1–9.

1392

Этот разговор состоялся, видимо, в мае. Толстой 15 мая писал жене: «Вчера вечер провел у Сережи» (т. 84, с. 342).

1393

Толстой отвечает на письмо от 20 октября студента, уволенного из университета за участие в студенческих волнениях и ставшего учителем и воспитателем 12-летнего мальчика (ГМТ). Дворянского интересовала проблема религиозного воспитания его ученика в смысле отношения к «учению Христа», церкви, и он спрашивал совета Толстого (см. т. 72, с. 267–268).

1394 «Христианские учение» вышло в 1896 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

брание сочинений в 22 томах. Том 19. Избранные письма 1882-1899. Лев Николаевич Толстой to1stoyLeo.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!